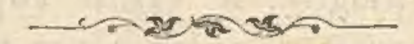

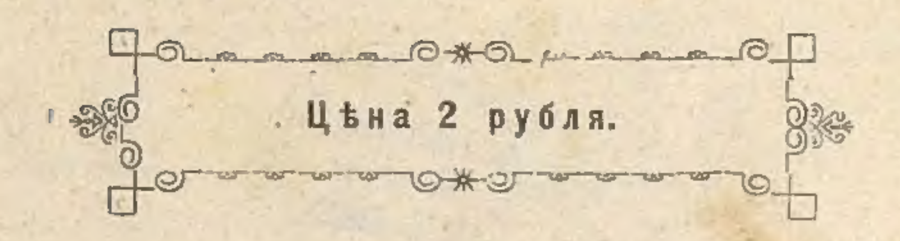
С. А. Приклонскій.

ОЧЕРКИ САМОУПРАВЛЕНІЯ

ЗЕМСКАГО, ГОРОДСКАГО И СЕЛЬСКАГО.

Изданіе Ф. Павленкова.

Цѣна 2 рубля.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза»,
Б. Подъяч., № 39.
1886.

ОТЪ АВТОРА.

Въ настоящее изданіе вошли, въ заново обработанномъ и значительно дополненномъ видѣ, очерки, напечатанные въ «Недѣлѣ» за 1884 и 1885 года: «Земскіе дѣла и люди», и «Изъ городской жизни». Статья «Земскіе отзывы о правовомъ положеніи крестьянъ» первоначально была напечатана во внутреннемъ обозрѣніи журнала «Русская Мысль» 1882 г., № 3. Теперь она переработана и значительно измѣнена. Остальное появляется въ печати въ первый разъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно читать.*
17	10 снизу	не признаетъ его своимъ членомъ	не обращаетъ на него вниманія
124	21 снизу	жизни	службы
23	7 снизу	и слушать его	слушать его
66	5 и 6 снизу	господствующихъ земскихъ партій	господствующей, земской партіи
88	13 и 14 снизу	церанинъ, землерой	царанинъ, землерой
94	2 сверху	говоритъ	говорилъ
95	13 снизу	говоритъ	говорилъ
119	3 снизу	интересовъ, всѣхъ	интересовъ всѣхъ
138	6 снизу	сдѣлаемъ	сдѣлали
159	4 снизу	зразу	сразу
181	13 снизу	въ присутствіи	въ присутствіяхъ
188	21 снизу	всѣ	все

ЗЕМСКІЯ ПИСЬМА.

I.

ЛИБЕРАЛЫ И КИРПИЧНИКИ.

Чумазый все не унимается, не оставляетъ въ покоѣ оскудѣлыхъ помѣщиковъ. Ему мало того, что въ имѣніи Петра Ивановича онъ вырубилъ весь лѣсъ, что въ конецъ раззорилъ Ивана Петровича, опутавъ закладными и векселями, а у Луки Лукича купилъ съ публичнаго торга родовое Раменье, гдѣ покоится прахъ отца и дѣда его. Нѣтъ,—ненасытный, какъ саранча, неотразимый, какъ египетская казнь, Чумазый продолжаетъ преслѣдовать этихъ добрыхъ, прекрасныхъ людей. И что они сдѣлали ему? Почему-бы, наконецъ, не оставить ихъ въ покоѣ?

Покинувъ Раменье, Настасьино, Абернибѣсовку и другія, отцами и дѣдами насаженныя гнѣзда, наши оскудѣлые помѣщики поступили на земскіе хлѣбá, заняли предсѣдательскія кресла въ управахъ, зашумѣли на весь околотокъ, и прославились... каждый въ своемъ кружкѣ Одинъ прославился ученостью, другой либеральными взглядами, а третій своею извѣстностью. Правда, этотъ третій, Лука Лукичъ, только тѣмъ и извѣстенъ, что онъ всѣмъ извѣстенъ, но поди-ка кто-нибудь другой добейся такой извѣстности...

И вотъ только что они стали поправляться на земскихъ хлѣбахъ,—и кругленькими брюшками обзавелись, и одеженку нашили,—какъ вдругъ новое несчастіе. Чумазый добрался и до земства! Онъ пришелъ, увидѣлъ и слопалъ...

Не будь Чумазаго, тогда, Богъ вѣсть, пришлось-ли-бы мнѣ когда-нибудь увидѣться со школьными товарищами... А теперь мы опять вмѣстѣ, опять собрались тамъ, куда отъ Петра до нашихъ дней съѣзжаются всѣ, состоящіе не у дѣлъ, обойден-

ные, непонятые, непризнанные и т.д. И все благодаря Чумазому!... Что оставалось дѣлать въ Царевококшайскѣ и Чухломѣ моимъ оскудѣлымъ товарищамъ, когда имъ пришлось уступить Чумазову свои предсѣдательскія кресла въ земскихъ управахъ? И вотъ они собрали кое-какіе пожитки, да и прикатили на зиму въ Москву искать счастья.

Въ Москвѣ начались хлопоты о мѣстахъ и хлѣбахъ. Ивану Петровичу, какъ человѣку ученому, обѣщано мѣсто младшаго помощника старшаго хранителя въ архивѣ старыхъ приказныхъ дѣлъ, если онъ представитъ свидѣтельство о благонадежности. По этому случаю онъ теперь усиленно хлопочетъ въ участкѣ. Петръ Иванычъ остался великъ въ своемъ несчастіи, — онъ отказался хлопотать о свидѣтельствѣ и принялъ мѣсто кондуктора на конкѣ. А Лука Лукичъ занялся публицистикою, — состоитъ въ одной изъ самыхъ распространенныхъ газетъ репортеромъ при Салонъ-де-Варіете и Фоли-Бержеръ.

По субботамъ они поочередно собираются другъ у друга и читаютъ рефераты въ избранномъ, интеллигентномъ кружкѣ. Напримѣръ, въ прошлую субботу, Петръ Иванычъ читалъ рефератъ „О способахъ удовлетворенія неотложныхъ земскихъ расходовъ изъ пустой земской кассы". А передъ нимъ, за недѣлю ранѣе, Лука Лукичъ прочиталъ чрезвычайно интересное сообщеніе „О мѣрахъ, принятыхъ мѣстнымъ земствомъ къ разведенію раковъ въ рѣчкѣ Чечерѣ." Что касается Ивана Петровича, то онъ опасается, какъ-бы рефераты о земскихъ дѣлахъ не оказали неблагопріятнаго вліянія на исходъ его ходатайства въ участкѣ. Поэтому, въ будущую субботу, онъ прочитаетъ рефератъ „О прекрасномъ". Вѣдь противъ прекраснаго участокъ ничего не имѣетъ... Впрочемъ Иванъ Петровичъ недаромъ пріобрѣлъ въ своемъ земствѣ репутацію тонкаго и хитраго дипломата. „Прекрасное" служитъ только благовиднымъ прикрытіемъ для участка. На самомъ-же дѣлѣ Иванъ Петровичъ заявилъ въ интимномъ кружкѣ, что подъ „прекраснымъ" разумѣются „желанія либеральныхъ земцевъ". Ахъ, какъ это будетъ интересно!

На субботніе рефераты съѣзжаются больше бездѣтныя дѣвицы, да отставные земскіе люди. Разговоры идутъ все земскіе.

— Слышали про Андроновское-то земство?

— Что такое? Неужели и тамъ прокатили нашихъ?

— Да еще какъ-съ!... Ни одного интеллигентнаго человѣка, — все маслопузые...

— Нѣтъ, вы лучше разскажите про Головотяповское земство,— вмѣшивается въ разговоръ другой земецъ.

— Что такое? И тамъ?

А вотъ какъ тамъ: предсѣдателемъ выбранъ водочный заводчикъ, бывшій камердинеръ предводителя, членомъ управы — нѣмецъ-арендаторъ, вторымъ членомъ—волостной писарь, изъ отставныхъ солдатъ.

— Это ужасно!

— Это ни на что не похоже!

Подобные разговоры, какъ начались осенью 1883 г., такъ и не умолкали всю зиму. То и дѣло получались изъ разныхъ губерній все однѣ и тѣ-же печальныя вѣсти. На земскихъ выборахъ либеральная интеллигенція въ иныхъ мѣстахъ потерпѣла рѣшительное пораженіе, а въ другихъ едва удержала за собой прежнія мѣста, проникнувъ въ земство самымъ ничтожнымъ большинствомъ. Чумазый то тамъ, то здѣсь ополчался на интеллигенцію и вырывалъ изъ ея рукъ земскую власть. И вотъ, вмѣсто либеральнѣйшаго Луки Лукича, предсѣдателемъ управы избранъ водочный заводчикъ, бывшій камердинеръ предводителя, а самъ предводитель забаллотированъ. Что̀-же еще можетъ быть хуже этого?!..

То и дѣло получая извѣстія о неудачномъ исходѣ выборовъ, отставные земскіе люди много сокрушались, ужасались и негодовали на Чумазаго. Но, несмотря на всѣ неудачи, бодрость не покидала ихъ. Они все храбрились, стараясь увѣрить другъ друга, что на слѣдующихъ выборахъ имъ ничего не будетъ стоить протурить Чумазаго изъ земства. Составлялись планы избирательной агитаціи. Приводились въ извѣстность какъ свои силы, такъ и силы противниковъ. Побѣда надъ Чумазымъ казалась несомнѣнною... И вдругъ, въ тотъ самый моментъ, когда предвкушалась сладость торжества—какой-нибудь скептикъ разрушалъ всѣ иллюзіи однимъ упоминаніемъ о кинешемцахъ,—о тѣхъ славныхъ кинешемцахъ, которые еще недавно сообщали либеральную окраску всему костромскому земству, которые стояли во главѣ либеральной земской партіи и голосъ которыхъ обыкновенно имѣлъ рѣшающее значеніе на губернскомъ земскомъ собраніи. Давно-ли это было, — а теперь былая слава перешла въ пословицу: „погибли, какъ кинешемцы!“ И все Чумазый!...

Кинешемскіе либералы - это все оскудѣлые помѣщики. Во главѣ ихъ стоитъ уѣздный предводитель дворянства Н. А. Рылѣевъ. Увы,—у него осталось всего *полдесятины* земли. Во-

кругъ его сгруппировались 17 земцевъ, которые всѣ вмѣстѣ платили земскаго налога 1,000 руб., но зато девять человѣкъ изъ нихъ получали отъ земства жалованья 13,000 руб. въ годъ. Опорою для этой партіи служили землевладѣльцы, въ интересахъ которыхъ земли облагались слабо, тогда какъ фабриканты жаловались, что ихъ фабрики обложены слишкомъ сильно, по сравненію съ землями.

У купцовъ мало земли, но зато фабрики—вотъ ихъ больное мѣсто. Съ фабрикъ приходится платить большія деньги въ земскій налогъ. Въ то время, какъ либералы, принявшіе непосредственное участіе въ борьбѣ, платили въ земство 1000 руб.,—40 человѣкъ купцовъ, составившіе оппозицію, отдавали въ земскій налогъ 64,000 руб. Тамъ—оскудѣніе и исканіе земскихъ хлѣбовъ, здѣсь—капиталъ. Естественно, что купцы не могли ужиться въ мирѣ съ земскими либералами. Передъ выборами 1883 года они начали организоваться въ особую партію, поставивъ себѣ задачею забрать земское хозяйство въ свои руки и этимъ путемъ добиться переоцѣнки всѣхъ предметовъ земскаго обложенія, съ тѣмъ, чтобы земли были оцѣнены выше, а фабрики ниже. Во главѣ этой новой земской партіи сталъ фабрикантъ А. Марокинъ, извѣстный тѣмъ, что, во время министерства графа Игнатьева, былъ приглашенъ, въ качествѣ *свѣдущаго человѣка*, къ участію въ трудахъ коммисіи по питейному вопросу. Въ мѣстномъ купечествѣ онъ считался „дѣльною башкою“. Памятникомъ его ума остался, въ назиданіе потомству, проэктъ улучшенія финансовыхъ средствъ кинешемскаго земства безъ обремененія плательщиковъ. Свѣдущій человѣкъ предлагалъ земству, на счетъ капитала, предназначеннаго для сформированія государственнаго ополченія, купить процентныхъ бумагъ, отъ которыхъ отрѣзать купоны года за четыре впередъ и сбыть ихъ на Нижегородской ярмаркѣ, на вырученныя деньги купить еще бумагъ, отъ нихъ отрѣзать купоны и спустить ихъ въ народъ и т. д. и т. д. Дальше нечего разсказывать,—видна птица по полету...

Задолго еще до земскихъ выборовъ, купцы открыли военныя дѣйствія противъ либераловъ, подготовляя имъ пораженіе. Чтобы поставить земское хозяйство въ затруднительное положеніе и потомъ свалить всю вину на либераловъ, заправлявшихъ земскими дѣлами, фабриканты, въ теченіе полутора года, почти совсѣмъ не платили налоговъ. Понятно, что отовсюду поднялся ропотъ на земство. Купцы искусно пользовались этимъ и набирали себѣ партію. Они сговаривались,

чтобы на съѣздѣ крупныхъ землевладѣльцевъ выбирать исключительно своихъ приверженцевъ, собирали довѣренности отъ отсутствующихъ и индеферентныхъ къ земскому дѣлу владѣльцевъ, старались привлечь на свою сторону либераловъ, обѣщая, напр., одному мировому судьѣ увеличить жалованье до 3,500 руб., вмѣсто 2,400 руб., и т. д.

8 Января 1883 г., состоялись выборы гласныхъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ. На избирательный съѣздъ явились предводитель дворянства Н. А. Рылѣевъ, 17 человѣкъ изъ либеральной партіи, имѣвшихъ около 40 голосовъ, и 40 человѣкъ купцовъ, владѣвшихъ 66 голосами. Предводители купеческой партіи заблаговременно роздали своимъ сторонникамъ, явившимся на съѣздъ, коротенькія записки: „Купцамъ—направо, дворянамъ налѣво!“ Начались выборы. Перевѣсъ былъ на купеческой сторонѣ. Въ гласные были избраны 2 чиновника и 4 купца. Видя неудачу либеральной партіи, предсѣдатель г. Рылѣевъ заявилъ, что онъ закрываетъ съѣздъ и проситъ гласныхъ собраться для продолженія выборовъ завтра, въ 12 часовъ дня.

Когда, на другой день, въ назначенный часъ, купцы прибыли въ избирательный съѣздъ, тамъ выборы уже были кончены. Всѣ наличные члены либеральной партіи съ г. Рылѣевымъ во главѣ собрались на съѣздъ ранѣе 11 часовъ утра и, въ отсутствіи купеческой партіи, выбрали изъ своей среды 17 гласныхъ. Понятно, что земское собраніе, въ которомъ большинство составилось изъ сторонниковъ либеральной партіи, признало эти выборы правильными, и побѣдившая на нихъ партія заправляла земскими дѣлами почти до конца 1884 года.

Купцы, устраненные такимъ способомъ отъ участія въ земскихъ выборахъ, подали жалобу въ сенатъ, который предписалъ произвести слѣдствіе. Мѣстный слѣдователь привлекъ къ слѣдствію не только предсѣдательствовавшаго въ избирательномъ съѣздѣ г. Рылѣева, но и участниковъ съѣзда — 15 дворянъ и 1 мѣщанина, примѣнивъ къ нимъ статью Уложенія, обвиненіе по которой лишало ихъ права на участіе въ общественныхъ учрежденіяхъ. Постановленіе слѣдователя состоялось какъ разъ предъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, въ которомъ привлеченныя къ слѣдствію лица должны были участвовать въ качествѣ губернскихъ гласныхъ отъ Кинешемскаго уѣзда. А вслѣдъ за губернскимъ земскимъ собраніемъ было назначено дворянское собраніе, гдѣ должны были происходить выборы на дворянскія должности. Губернское земское собраніе, основываясь на прямомъ законѣ, не допустило въ свою среду

кинешемскихъ гласныхъ. Напротивъ, дворянское собраніе горячо приняло сторону кинешемскихъ либераловъ. Оно признало постановленіе слѣдователя неправильнымъ, допустило въ свою среду всѣхъ кинешемскихъ дворянъ, а г. Рылѣева выбрало кинешемскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Въ то же время, и Окружный судъ отмѣнилъ постановленіе слѣдователя, освободивъ отъ слѣдствія всѣхъ участниковъ избирательнаго съѣзда, съ привлеченіемъ къ отвѣтственности одного г. Рылѣева по иной, менѣе тяжкой статьѣ Уложенія о наказаніяхъ. Въ 1885 году г. Рылѣевъ судился въ Московской судебной палатѣ, которая признала его виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 1426 ст. Улож. о наказаніяхъ, и приговорила его къ денежному взысканію въ пользу дворянской казны въ размѣрѣ 60 руб. и къ удаленію навсегда отъ должности и отъ участія въ собраніяхъ и выборахъ.

Между тѣмъ, по жалобѣ купцовъ, сенатъ призналъ незаконными выборы, сдѣланные на избирательномъ съѣздѣ 8 января 1883 г. Поэтому на 10 марта 1884 года былъ созванъ новый избирательный съѣздъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Обѣ враждующія партіи опять приготовились къ отчаянной борьбѣ. Увы,—за послѣднее время все сильно измѣнилось, и либеральная партія теперь снизошла до союза съ деревенскими кулаками, чтобы ихъ голосами увеличить свои силы. Оказалось, что кулаки находятъ выгоднѣе для себя, по подрядамъ и поставкамъ для земства, имѣть дѣло съ дворянами, чѣмъ съ купцами, потому что купецъ „вымарщиваетъ каждую копѣйку, а дворянинъ—человѣкъ благородный, онъ не станетъ самъ до всего доходить.“ И вотъ, на избирательный съѣздъ крупныхъ землевладѣльцевъ явились, въ качествѣ сторонниковъ либеральной партіи, 26 кулаковъ, владѣющихъ пріобрѣтенною въ собственность землею, и заявили претензію на участіе въ съѣздѣ по уполномочію крестьянскихъ обществъ. Послѣ продолжительныхъ и жаркихъ споровъ съ купцами, либералы должны были согласиться, что претензія кулаковъ лишена всякаго законнаго основанія. Между тѣмъ, послѣ удаленія кулаковъ съ избирательнаго съѣзда, на сторонѣ купеческой партіи оказался большой численный перевѣсъ. Въ гласные были избраны, за исключеніемъ двухъ мировыхъ судей, все одни купцы и, такимъ образомъ, кинешемское земство было потеряно для либераловъ и досталось въ полное распоряженіе Марокиныхъ.

Такова печальная исторія кинешемцевъ... Она произвела сильное впечатлѣніе на собравшихся въ Москвѣ отставныхъ

земскихъ людей. Въ особенности удручающимъ образомъ дѣйствовало на нихъ то обстоятельство, что кинешемская исторія — не единственный случай въ земской жизни, что и въ московскомъ земствѣ либеральная партія потерпѣла точно такое-же пораженіе на выборахъ. Бывало, среди шумныхъ разговоровъ, вдругъ слышится унылая рѣчь:

— Вѣдь они, эти маслопузые, тоже напористы,—съ ними не легко управиться... Вотъ, хоть бы въ московскомъ земствѣ.

При этихъ словахъ говоръ тотчасъ смолкалъ и земскія головы печально опускались на земскія груди. Исторія избирательной борьбы въ московскомъ уѣздномъ земствѣ наводила уныніе и, среди тяготившаго всѣхъ молчанія, одиноко раздавались отрывочныя замѣчанія.

— Забаллотировать такого дѣятеля какъ Скалонъ, — это не шутка!

— И замѣнить его, съ позволенія сказать, кѣмъ-же? Это чортъ знаетъ что!..

Вы, конечно, знаете бывшаго предсѣдателя московской уѣздной земской управы В. Ю. Скалона, потому что кто-же не знаетъ его изъ людей, интересующихся земскими дѣлами? Его книга „Земскіе вопросы“ и издававшаяся подъ его редакціею газета „Земство“ высоко ставятъ имя его, какъ одного изъ немногихъ публицистовъ, посвятившихъ свои труды спеціально разработкѣ вопросовъ, встрѣчающихся въ земской практикѣ. Его заслуги, какъ практическаго земскаго дѣятеля, также у всѣхъ на виду и никѣмъ не оспариваются. Прослуживъ нѣсколько трехлѣтій предсѣдателемъ московской уѣздной земской управы, онъ всегда пользовался самою чистою и безупречною репутаціею. Дѣла управы при немъ всегда были въ образцовомъ порядкѣ. Словомъ, лучшаго предсѣдателя и желать нельзя.

Но на выборахъ 1883 года В. Ю. Скалонъ, а вмѣстѣ съ нимъ и вся либеральная интеллигенція, были изгнаны изъ московскаго земства и замѣнены новыми избранниками. Кто же оказались эти новые „излюбленные“ земскіе люди? Кѣмъ, напримѣръ, замѣненъ прежній либеральный составъ московской уѣздной земской управы? Увы,—стыдно даже сказать, что вмѣсто В. Ю. Скалона, въ предсѣдатели управы выбранъ нѣкій Пфейферъ, выкрестъ изъ евреевъ, бывшій фельдшеромъ при одной изъ московскихъ больницъ и потомъ изъ ничего сдѣлавшійся фабрикантомъ. При немъ состоятъ два члена управы — Капраловъ, бывшій волостной старшина, и Семеновъ, бывшій сначала коноваломъ, а потомъ волостнымъ писаремъ. И эта

„маленькая, но чистенькая компанія“, съ крещенымъ евреемъ во главѣ, сдѣлалась представительницею земства „первопрестольной столицы“!...

Переходъ земской власти изъ рукъ либераловъ въ руки Чумазаго совершился въ московскомъ земствѣ не безъ долгой и упорной борьбы. Въ особенности эта борьба обострилась во время земскихъ выборовъ въ 1880 году. Противъ либераловъ, во главѣ которыхъ находился В. Ю. Скалонъ, составилась сильная и многочисленная „партія кирпичниковъ“. Подъ этимъ именемъ была извѣстна партія фабрикантовъ, купцовъ и всякаго рода кулаковъ, главное ядро которой составляли владѣльцы подмосковныхъ кирпичныхъ заводовъ. Во главѣ кирпичниковъ стоялъ богатый подмосковный фабрикантъ Н. А. Алексѣевъ, личность умная и энергичная, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ гласныхъ московской городской думы. Онъ показалъ большой организаторскій талантъ, съумѣвши составить сильную земскую партію изъ людей непривычныхъ къ общественной дѣятельности и принадлежащихъ къ такимъ классамъ, которые издавна стояли въ сторонѣ отъ общественныхъ дѣлъ. Эта партія поставила себѣ ближайшею задачею отстранить отъ земскаго самоуправленія всю либеральную интеллигенцію и въ особенности В. Ю. Скалона, захватить въ свои руки земскую власть и затѣмъ устроить земскія дѣла въ интересахъ торговопромышленнаго класса.

В. Ю. Скалонъ хорошо зналъ силы „кирпичниковъ“ и въ то же время видѣлъ отсутствіе организаціи и дисциплины въ рядахъ либеральной интеллигенціи. Поэтому онъ не рѣшился баллотироваться на съѣздѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, отъ которыхъ ранѣе былъ избранъ гласнымъ. Боязнь быть забаллотированнымъ заставила его выступить кандидатомъ въ гласные отъ крестьянскихъ обществъ. Это рѣшеніе было роковымъ шагомъ, который имѣлъ печальныя послѣдствія для г. Скалона.

Хотя онъ и былъ единогласно выбранъ гласнымъ на съѣздѣ крестьянскихъ выборщиковъ, но обстоятельства этого избранія случайно сложились такъ, что враги г. Скалона воспользовались ими, какъ орудіемъ для борьбы съ нимъ. Дѣло въ томъ, что съѣздъ крестьянскихъ выборщиковъ ранѣе всегда бывалъ въ черкизовскомъ волостномъ правленіи. Но на этотъ разъ г. Скалону пришла въ голову несчастная мысль испросить отъ лица земской управы разрѣшеніе на перенесеніе съѣзда въ дер. Черную Грязь, въ 4-хъ верстахъ отъ черкизовскаго правленія.

Здѣсь находилась становая квартира, при которой и производились выборы, а становымъ приставомъ служилъ родной братъ г. Скалона. Пріѣхавъ на выборы, г. Скалонъ, конечно, остановился у брата,—и вотъ изъ-за этого-то пустого обстоятельства кирпичники подняли на смѣхъ избраніе въ гласные главы либеральныхъ земцевъ...

Съ другой стороны, отказъ г. Скалона отъ баллотировки на землевладѣльческомъ съѣздѣ, за много времени впередъ оповѣщенный имъ, обнаруживалъ слабость его партіи и убивалъ въ рядахъ ея энергію, такъ что иные изъ либераловъ совсѣмъ не явились на съѣздъ, считая дѣло своей партіи проиграннымъ. Всѣмъ этимъ искусно воспользовались кирпичники для проведенія въ гласные своихъ кандидатовъ. Послѣ упорной борьбы, хотя побѣда и осталась на сторонѣ либеральной интеллигенціи, причемъ В. Ю. Скалонъ снова былъ избранъ предсѣдателемъ управы, — тѣмъ не менѣе и кирпичники успѣли составить въ земскомъ собраніи весьма сильную и вліятельную группу своихъ гласныхъ съ Н. А. Алексѣевымъ во главѣ.

Партія г. Алексѣева была настолько сильна, что своимъ вліяніемъ на земскихъ собраніяхъ совершенно тормозила усилія либеральныхъ гласныхъ и иной разъ успѣвала проводить мѣры, непріятныя либераламъ. Чтобы поставить въ затруднительное положеніе либеральную управу, она прибѣгла къ тому же средству, которое было испытано кинешемскими фабрикантами: самые крупные плательщики прекратили платежъ земскаго налога. Въ управѣ не было денегъ, а кирпичники съ торжествомъ указывали на пустую земскую кассу, обвиняя либераловъ въ неумѣньи вести хозяйство. При такихъ условіяхъ, положеніе В. Ю. Скалона, въ качествѣ предсѣдателя земской управы и вмѣстѣ главы либераловъ, было самое неудобное и щекотливое. Въ 1881 году, на земскомъ собраніи, онъ даже отказывался отъ должности предсѣдателя и только послѣ усиленныхъ просьбъ всего собранія взялъ назадъ свой отказъ. Но онъ ничего не выигралъ отъ того, что остался предсѣдателемъ. Къ концу трехлѣтія обнаружилось, что, наживъ себѣ сильныхъ враговъ въ партіи кирпичниковъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, потерялъ прежнюю популярность между крестьянами, такъ что, при новыхъ земскихъ выборахъ, уже не рѣшился выступить кандидатомъ въ гласные отъ сельскихъ обществъ. Причиною этого было отчасти то обстоятельство, что, въ послѣднее трехлѣтіе его земской службы, земство, подъ вліяніемъ партіи кирпичниковъ, ничего не сдѣлало въ пользу крестьянъ. Къ тому-же, въ теченіе этого

времени, русская либеральная партія, къ которой принадлежитъ г. Скалонъ, подпала подъ вліяніе политическихъ недорослей, сбившихъ ее съ прежняго пути, и увлеклась новою доктриною, по которой заботы объ удовлетвореніи насущныхъ интересовъ народа могутъ имѣть мѣсто только послѣ того, когда получатъ удовлетвореніе интересы либеральной интеллигенціи. Между тѣмъ эта интеллигенція, безъ поддержки народа, или сильныхъ своимъ богатствомъ кирпичниковъ, потерпѣла рѣшительный погромъ, доказывающій все безсиліе ея въ одиночномъ положеніи. И вотъ, все это вмѣстѣ привело къ тому, что такой достойный земскій дѣятель, какъ В. Ю. Скалонъ, провалился въ московскомъ земствѣ.

Г. Скалонъ невѣрно разсчиталъ шансы на успѣхъ, рѣшившись, въ 1883 г., баллотироваться въ гласные на землевладѣльческомъ съѣздѣ. Здѣсь кирпичники оказались безусловно сильнѣе либераловъ. Они допустили только одну ошибку, — именно, упустили изъ вида заблаговременно намѣтить всѣхъ кандидатовъ въ гласные изъ своей партіи. Поэтому, хотя большинство гласныхъ было избрано изъ партіи кирпичниковъ, но вмѣстѣ съ ними успѣли попасть въ гласные и либералы, въ томъ числѣ и В. Ю. Скалонъ. На избирательномъ съѣздѣ либералы сначала были забаллотированы, но потомъ стали баллотироваться во 2-й, 3-й и т д. разы, когда увидѣли, что никто изъ кирпичниковъ не думаетъ больше баллотироваться для пополненія недостающаго числа гласныхъ. Такимъ образомъ, выбирались въ гласные лица, только-что передъ тѣмъ по 2 и по 3 раза забаллотированныя. Это были позорные выборы...

На земскомъ собраніи выборы были кассированы, какъ неправильные, и потому созванъ новый избирательный съѣздъ крупныхъ землевладѣльцевъ. На этотъ разъ кирпичники успѣли сговориться на счетъ кандидатовъ въ гласные. Былъ заранѣе составленъ списокъ кандидатовъ. Вожаки партіи развозили его къ выборщикамъ и просили выбирать въ гласные лицъ, помѣщенныхъ въ спискѣ. На съѣздѣ списокъ открыто ходилъ по рукамъ, какъ-будто меню обѣда. Благодаря такой подготовкѣ, выборы были произведены въ замѣчательномъ порядкѣ и окончились полною побѣдою кирпичниковъ. Одни изъ либераловъ, какъ напр. В. Ю. Скалонъ, совсѣмъ отказались отъ баллотировки, другіе были забаллотированы. Въ гласные отъ землевладѣльцевъ попали только трое дворянъ, остальные — все купцы изъ партіи кирпичниковъ.

Побѣдою, одержанною на земскихъ выборахъ, кирпичники

весьма много обязаны организаторскому таланту и энергіи г. Алексѣева. Какъ-бы въ благодарность за это, на земскомъ собраніи гласные просили его занять мѣсто предсѣдателя управы. Но онъ рѣшительно отказался и рекомендовалъ избрать предсѣдателемъ г. Пфейфера. Богъ-знаетъ, что онъ имѣлъ въ виду, рекомендуя этого человѣка. Гласные, какъ ни привыкли во всемъ слушать г. Алексѣева, но на этотъ разъ чуть-было не ослушались. Г. Пфейферъ былъ избранъ въ предсѣдатели ничтожнымъ большинствомъ. Но какъ-бы то ни было, а дѣло сдѣлано и теперь на предсѣдательскомъ креслѣ, вмѣсто В. Ю. Скалона, возсѣдаетъ Пфейферъ!..

Съ тяжелымъ чувствомъ я оставилъ земское собраніе, какъ только окончился выборъ предсѣдателя и членовъ управы. Казалось, что мнѣ лично было нанесено тяжкое оскорбленіе и что отъ этого личнаго оскорбленія горитъ правая щека. Я видѣлъ либеральную интеллигенцію, разбитую въ прахъ, поверженную въ ничтожество. А надъ нею, гордо и самодовольно ухмыляясь, стоитъ побѣдитель... И кто-же?.. Пфейферъ!..

Смотрю,—съ той стороны, съ которой у меня щека горѣла, подбѣгаетъ Лука Лукичъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, улыбается кошачьей улыбкою.

— Позоръ! говорю. — Вѣдь это не въ Москвѣ только: въ провинціяхъ то же самое... А мы, въ верху горы стоящіе, — что мы дѣлаемъ?.. Въ то время, когда факты такъ ясно и вразумительно говорятъ о безсиліи либеральной интеллигенціи въ ея теперешнемъ одинокомъ положеніи,—мы выдумываемъ самоубійственныя доктрины, которыя должны вести къ еще большему обособленію интеллигенціи. Мы говоримъ, что нужно забыть насущные интересы мужика для того, чтобы всѣ силы сосредоточить на преслѣдованіи интересовъ интеллигенціи. И эта кабинетная, чисто-столичная доктрина носитъ имя либерализма! Какъ далекъ теперешній либерализмъ отъ того, который еще недавно былъ могучъ и силенъ тѣмъ именно, что на первомъ планѣ ставилъ интересы народныхъ массъ, всѣ силы интеллигенціи направлялъ на преслѣдованіе этихъ интересовъ. Такой либерализмъ давалъ интеллигенціи силу, заимствуя ее изъ народныхъ массъ, съ которыми интеллигенція стремилась связать себя единствомъ ближайшихъ и насущныхъ интересовъ. Оттого и интересы собственно интеллигенціи въ то время были защищены гораздо лучше, чѣмъ теперь, когда слышимъ только однѣ рѣчи, рѣчи и рѣчи объ этихъ интересахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ полное безсиліе отстоять ихъ...

— Да позвольте,—стоитъ-ли изъ-за пустяковъ горячиться? перебилъ меня Лука Лукичъ.

— Какъ?! Пораженіе либеральной интеллигенціи на земскихъ выборахъ—это, по вашему, пустяки?

— Да-съ, оно, конечно... борьба партій никогда еще не принимала такихъ широкихъ размѣровъ. Но, къ сожалѣнію, это борьба не идейная, не во имя тѣхъ или другихъ принциповъ, а во имя личныхъ интересовъ.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Ни больше, ни меньше, какъ только то, что ничтожество нашихъ земскихъ партій обнаружилось во всей наготѣ, показавши, что интересы дѣла и общественной пользы чужды нынѣшней генераціи земскихъ дѣятелей.

— Тѣмъ хуже для либераловъ.

— Отнюдь нѣтъ,—либералы тутъ ни при чемъ. Они успѣли отвлечься отъ узкихъ личныхъ интересовъ, вызвыситься до пониманія интерѐсовъ общихъ. А земскія партіи возникли на почвѣ исключительно личныхъ интересовъ.

— Мнѣ припоминается, какъ-будто я гдѣ-то слышалъ, или читалъ это.

— Не мудрено,—вы могли это читать въ статьяхъ В. Ю. Скалона. Наконецъ, могли слышать въ субботнихъ рефератахъ.

— Такъ, такъ!.. Припомнилъ!.. Значитъ, вы хотите сказать, что члены либеральной партіи совсѣмъ не въ качествѣ либераловъ принимали участіе въ избирательной борьбѣ, что они преслѣдовали не общіе, но личные интересы, и въ этомъ смыслѣ обнаружили свое ничтожество?

— Да нѣтъ-же, не то...

— Ну, скажемъ такъ: либералы, въ смыслѣ общественной партіи, не участвовали въ выборахъ, и, слѣдовательно, нельзя сказать, что они потерпѣли пораженіе въ земствѣ.

— Совершенно вѣрно.

— Въ такомъ случаѣ, что-же это за общественная партія, если она отказывается отъ общественной дѣятельности? Не доказывается-ли этимъ ея безсиліе?

— Нѣтъ, послѣдніе земскіе выборы доказываютъ только недостатки теперешней земской организаціи. Необходимо законодательными мѣрами облегчить доступъ въ земство для либеральной интеллигенціи, которая одна только способна отвлечься отъ узкихъ, личныхъ интересовъ и возвыситься до пониманія интересовъ общихъ.

— Бросьте вы эти громкія фразы насчетъ различія лич-

ныхъ и общихъ интересовъ. Вѣдь изъ личныхъ интересовъ слагаются общіе. Разница матеріальныхъ интересовъ у отдѣльныхъ общественныхъ группъ порождаетъ политическія партіи и вызываетъ борьбу между ними.

— Прежде всего, я съ вами несогласенъ... Да еслибы и такъ, то неужели вы серьезно думаете, что наши земскія партіи служатъ выразителями интересовъ какихъ-нибудь общественныхъ группъ?

— Несомнѣнно. Послѣдніе земскіе выборы тѣмъ и замѣчательны, что много помогли выясненію матеріальныхъ интересовъ, которые служатъ какъ-бы ядромъ для образованія общественныхъ партій.

— Будто-бы?!..

— Объ этомъ потолкуемъ какъ-нибудь въ другой разъ.... Вотъ и Петръ Иванычъ!..

Навстрѣчу намъ ѣхалъ на извощикѣ Петръ Иванычъ и издали раскланивался. Я поклонился и ушелъ впередъ, а Лука Лукичъ остановился съ нимъ. Сзади до меня доносились отрывки изъ ихъ разговора.

— Откуда?

— Изъ жидовской управы.

— Ну, что?

— Vae victis!

II.

ПАНЫ ДЕРУТСЯ, А У ХЛОПЦЕВЪ ЧУБЫ ТРЕЩАТЪ.

Мнѣ не удалось услышать рефератъ Ивана Петровича „о прекрасномъ“. Я пріѣхалъ, когда чтеніе только что было кончено и начались дебаты. Пренія были глубоко интересныя; но жаль, что онѣ были не продолжительны,—одинъ пріѣзжій степнякъ, земецъ, помѣшалъ довести ихъ до конца.

Стою я около стола, гдѣ столпилось все общество, прислушиваясь къ спору Ивана Петровича и Луки Лукича о ближайшихъ задачахъ интеллигенціи въ земской сферѣ... Вдругъ слышу,—изъ дальнаго угла какъ-будто трубный звукъ раздался.

— У насъ въ земствѣ купцу пикнуть не дадутъ. Да какъ онъ смѣетъ?! —зычнымъ голосомъ говорилъ здоровенный степнякъ, продолжая въ углу начатый ранѣе споръ съ маленькимъ и юркимъ земскимъ человѣчкомъ.

— Сила онъ нынче, маслопузый-то! Да-съ, сила, любезный Созонтъ Ксенофонтовичъ!

— Кто сила? Что сила? Дрянь-то эта?!.. Да у насъ въ воронежскомъ губернскомъ земствѣ...

Мало-по-малу земскіе люди стали переходить отъ стола въ уголъ, и около степняка собралась густая кучка слушателей.

— Въ нашемъ земствѣ купецъ пикнуть не смѣетъ, разсказывалъ степнякъ.—До сихъ поръ въ воронежскомъ губернскомъ земствѣ всѣ расходы покрывались исключительно изъ процентнаго сбора съ торговыхъ и промысловыхъ свидѣтельствъ, да изъ дохода съ принадлежащихъ земству имуществъ и капиталовъ. Земли совсѣмъ не облагались. Свободу нашихъ земель отъ земскаго обложенія мы считали основнымъ *принципомъ*

всей нашей земской дѣятельности и свято блюли его. Но, къ несчастію, обычныхъ земскихъ доходовъ оказалось недостаточно для удовлетворенія необходимыхъ расходовъ. Пришлось дѣлать позаимствованія изъ запаснаго капитала и отъ этого образовался долгъ въ 180,000 рублей. Вотъ почему, въ 1883 году, мы были вынуждены отступить отъ своего *принципа* необложенія земель. Въ видѣ временной мѣры, теперь установленъ налогъ на земли для погашенія долга запасному капиталу. Но повторяю, что это только временная уступка. Мы по-прежнему руководствуемся тѣмъ принципомъ, что землевладѣнію должна принадлежать господствующая роль въ земствѣ, при полной свободѣ отъ налоговъ, а торгово-промышленный классъ есть земская платежная сила и больше ничего.

— Хорошо вамъ это говорить... А какъ сдѣлать?

— Мы и сдѣлали... Мы говоримъ купцу: „ты, любезный, налоги плати, а въ земство носа не суй“. Такъ и не допускаемъ купцовъ въ земское собраніе... У насъ гласные почти сплошь изъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Въ обществѣ поднялось легкое волненіе и послышались отрывочныя замѣчанія.

— Хорошо-бы и всѣмъ такъ, да руки коротки...

— Все это до поры, до времени...

— Да, пока съ рукъ сходитъ...

— Э, господа! не рано-ли мы унывать начали?—безшабашнымъ тономъ возразилъ кругленькій, пухленькій, весь улыбающійся земецъ. Пока еще намъ все съ рукъ сходитъ.

— А что такое все?

— Да хоть-бы исторія съ этимъ Пфейферомъ въ московскомъ земствѣ. Слышали?

Нѣкоторые изъ недавно пріѣхавшихъ въ Москву земцевъ полюбопытствовали, что за исторія случилась съ Пфейферомъ.

— Наши его на каждомъ шагу шельмуютъ. Училищный Совѣтъ не признаетъ его своимъ членомъ. Уѣздное земское собраніе выбираетъ губернскимъ гласнымъ, а губернское собраніе отказывается допустить его въ свою среду. Уѣздное собраніе подаетъ жалобу въ сенатъ на губернское собраніе. А что возьмутъ съ нашихъ? Пока сенатъ соберется отмѣнить постановленіе губернскаго собранія, а въ это время кончится трехлѣтіе и составъ земства совсѣмъ измѣнится.

— А законъ-то при чемъ же?

— Мы, батюшка, воспитаны не на законѣ.

— Такъ и слѣдуетъ,—подхватилъ другой земецъ. Вонъ въ

духовщинскомъ земствѣ какую штуку выкинулъ князь Гурко... Молодецъ Гурко!

Начались разсказы о духовщинскомъ уѣздномъ предводителѣ дворянства кн. Гурко, который, стоя во главѣ землевладѣльческой партіи, упорно боролся изъ-за вліянія на земскія дѣла съ владѣльцемъ ярцевской мануфактуры, купцомъ М. А. Хлудовымъ. Предводитель сильно насолилъ фабриканту. Онъ освѣтилъ ужасное положеніе фабричныхъ рабочихъ, поднялъ дѣло о пожарѣ, жертвою котораго сдѣлались нѣсколько десятковъ рабочихъ, и постоянными нападками въ земствѣ на фабричные порядки вынудилъ фабриканта завести и школу, и больницу, и колыбельную при фабрикѣ. Понятно, какъ все это не нравилось Хлудову, у котораго въ рукахъ была страшная сила капитала и который къ тому-же и самъ по себѣ былъ далеко не заурядною личностью. Припомните этого, недавно умершаго, въ высшей степени оригинальнаго человѣка съ богато одаренною натурою и бурными, необузданными страстями. Его жизнь полна приключеній. То онъ мчится въ Сѣверную Америку спасать брата, взятаго въ плѣнъ сѣверянами, во время междоусобной войны, и приговореннаго къ казни за провозъ къ южанамъ оружія, обмѣненнаго на хлопокъ. То онъ бродитъ по Средней Азіи съ набранною имъ бандою какихъ-то отверженцевъ и въ 1863 г. спасаетъ въ Бухарѣ отъ мучительной смерти членовъ итальянской ученой экспедиціи, приговоренныхъ эмиромъ къ посаженію на колъ. Зимою 1865—66 гг., онъ первый изъ русскихъ пробрался чрезъ Тіянь-Шань въ Кашгаръ, не разъ отморозивъ себѣ руки и ноги, во время этого опаснаго путешествія. Въ слѣдующемъ году, онъ участвуетъ въ штурмѣ Джизака и на плечахъ выноситъ изъ отчаяннаго рукопашнаго боя съ бухарцами своего пріятеля поручика Кузьминскаго, эту отчаянно-забубенную голову, погибшую впослѣдствіи трагическою смертью. Загорѣлась война въ Сербіи -и Хлудовъ мчится туда, къ своему старому пріятелю М. Г. Черняеву, провозитъ оружіе, выписываетъ Чудовскихъ пѣвчихъ, пьянствуетъ, чудачитъ, дерется, ѣздитъ въ Венгрію за покупкою лошадей для сербской арміи, попадаетъ тамъ въ тюрьму и т. д. Наконецъ, бури сломали эту неукротимую натуру, и Хлудовъ отдыхаетъ въ Москвѣ, въ семейной обстановкѣ, непремѣнную принадлежность которой составляетъ вывезенный изъ Средней Азіи, ручной тигръ „Сонька“. Таковъ купецъ М. А. Хлудовъ, съ которымъ пришлось сразиться князю Гурко.

Предводитель мѣшалъ фабриканту, нарушалъ его мирную

идиллію въ обществѣ „Соньки“. Этого Хлудовъ не могъ простить предводителю и послалъ изъ Москвы на Ярцевскую фабрику приказъ своимъ прикащикамъ вмѣшаться въ земскіе выборы и, не жалѣя хозяйскихъ денегъ на расходы, составить земство изъ своихъ друзей и сторонниковъ. Прикащики тотчасъ разсыпались по всему Духовщинскому уѣзду и начали усердно исполнять волю хозяина. Дѣло было поведено на широкую ногу. Прежде всего нужно было составить большинство на съѣздѣ крупныхъ землевладѣльцевъ. Съ этою цѣлью были созданы фиктивные цензы и надѣланы новые землевладѣльцы изъ преданныхъ Хлудову людей, на имя которыхъ фиктивно совершены продажи земельныхъ участковъ по 250 дес. въ каждомъ. Кромѣ того, многіе дворяне, напр. Забѣлло, Кусаковъ, Черевинъ и т. д., сами перешли на сторону Хлудова, и за это въ награду имъ были розданы должности мировыхъ судей, членовъ управы и пр. Такъ было создано въ пользу Хлудова большинство на землевладѣльческомъ съѣздѣ. Пробравшись въ крестьянскую среду, Хлудовскіе прикащики разсказывали мужикамъ: "Паны и попы сами денегъ не платятъ, а деньги, что собираютъ съ васъ, тратятъ зря, куда попало. Вотъ нашъ хозяинъ и надумалъ „ослобонить“ васъ отъ пановъ и поповъ, чтобы ихъ изъ земства прочь, а въ гласные выбрать такихъ, которые за мужиковъ горой будутъ стоять". При этомъ указывали крестьянамъ и лицъ, которыхъ слѣдуетъ выбирать въ гласные. Для большей убѣдительности, предлагалось щедрое угощеніе. Впрочемъ угощеніе выборщиковъ — это одинъ изъ мѣстныхъ обычаевъ, который былъ заведенъ еще дворянскою партіею. На судѣ спросили князя Гурко: „Не принято-ли въ Духовщинскомъ уѣздѣ, во время выборовъ, угощать, давать на чай, на водку?“

– „Даютъ, отвѣчалъ онъ, — но только *послѣ*, а не *до* выборовъ. Выбранныхъ принято поздравлять и получать отъ нихъ на чай, или на водку“. Главная разница между дворянскимъ и купеческимъ угощеніемъ состоитъ въ томъ, что на первомъ лежитъ роковая печать оскудѣнія, а второе — это разливанное море пьянства. Крестьяне перепились и отдали голоса Хлудову, какъ прежде отдавали ихъ земскимъ воротиламъ другаго сорта. Такимъ путемъ князь Гурко съ преданною ему партіею землевладѣльцевъ былъ устраненъ отъ вліянія на земскія дѣла и духовщинское земство въ 1883 году составилось изъ сторонниковъ купца Хлудова.

Этого никакъ не могъ простить фабриканту князь Гурко, человѣкъ въ высшей степени энергичный, привыкшій, въ теченіи

15 лѣтъ, стоять во главѣ земскаго управленія. Онъ начинаетъ агитировать въ мѣстномъ обществѣ, въ печати, въ административныхъ сферахъ, обвиняя Хлудова въ подкупѣ земскихъ избирателей. Онъ возбуждаетъ полицейскія дознанія, слѣдитъ за производствомъ слѣдствія о подкупѣ, добивается преданія суду двухъ Хлудовскихъ прикащиковъ Каменцова и Щербакова. Наконецъ въ 1885 году ихъ судили въ Окружномъ судѣ. Оба были признаны виновными и приговорены — Щербаковъ къ заключенію въ тюрьмѣ на 3 недѣли, а Каменцовъ къ 10 рублевому штрафу, съ лишеніемъ обоихъ навсегда права участвовать въ выборахъ. Гурко торжествовалъ; онъ разсчитывалъ, что, вслѣдъ за судебнымъ приговоромъ, будетъ признанъ незаконнымъ весь составъ духовщинскаго земскаго собранія и будутъ произведены новые выборы. Но ожиданія его не сбылись, сколько онъ ни хлопоталъ о кассаціи земскихъ выборовъ. Послѣднее очередное земское собраніе было созвано въ прежнемъ составѣ. Тогда кн. Гурко нанесъ Хлудову жестокій ударъ съ той стороны, откуда тотъ не ожидалъ. Онъ устроилъ такъ, что земское собраніе осталось безъ предсѣдателя. Гласные съѣхались, ждутъ открытія собранія, — и вдругъ получается извѣстіе, что предводитель дворянства кн. Гурко боленъ и потому не можетъ открыть собраніе. Ѣдутъ въ деревню къ кн. Александру Туркестанову, — онъ тоже боленъ. Оставались въ запасѣ еще три лица, имѣющія по закону право заступить мѣсто предсѣдателя собранія—кн. Георгій Туркестановъ и дворяне Лабутъ и Храповицкій,—но и они внезапно заболѣли. Ясно, что это повальная болѣзнь предсѣдателей была ни что иное, какъ демонстрація, направленная противъ партіи, ставшей во главѣ земскаго управленія. Однако, что же доказывала громкая и шумная духовщинская демонстрація? Она наглядно доказала, какъ необходимо, въ интересахъ законности и порядка, предоставить земскимъ собраніямъ право самимъ избирать предсѣдателей...

Въ этомъ мѣстѣ разсказъ о борьбѣ генерала Гурко съ купцомъ Хлудовымъ былъ прерванъ шумными восклицаніями. Отставные земскіе люди немогли сдержать радостнаго восторга и всѣ разомъ заговорили.

Молодецъ Гурко!.. Ай-да хваты духовщинцы! . Такъ ихъ и надо—маслопузыхъ....

И вдругъ, среди этихъ радостныхъ криковъ, раздался визгливый голосъ какого-то рыжаго, почти краснаго, земскаго человѣка

— Господа! погодите радоваться, вѣдь предсѣдатель нашелся...

— Какъ? кто?..

— Да изъ чужаго уѣзда присланъ замѣститель предводителя дворянства, онъ же непремѣнный членъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, г. Семеновъ. Онъ и открылъ собраніе... А кн. Александръ Туркестановъ, который сначала заодно съ Гуркою заболѣлъ, теперь перешелъ на хлудовскую сторону и согласился быть предсѣдателемъ...Было-бы болото, а черти найдутся...

— О Господи! — у кого-то вырвался изъ груди тихій стонъ среди наступившаго молчанія.

— Вотъ тоже у насъ, въ Курскомъ уѣздѣ, бойко заговорилъ, покручивая рукою сѣдые усы, высокій старикъ съ выправкою отставнаго кавалериста. — Сначала мы тоже засилье надъ купцомъ взяли. Нашъ предводитель дворянства, Анненковъ—благороднѣйшій человѣкъ!—взялъ, да и устранилъ всѣхъ маслопузыхъ изъ числа земскихъ избирателей...Хорошо! . И вдругъ, по жалобѣ купцовъ, получается изъ сената указъ, — Анненкову выговоръ и все такое. . Каково!..

— Худо, вездѣ стало худо... Какъ послушаешь, такъ вездѣ только того и ждутъ, что купцы никого, кромѣ своихъ, не пропустятъ въ земство.

— Иначе и быть не можетъ, снова вмѣшался въ разговоръ маленькій и юркій земскій человѣчекъ. - Вѣдь ежели говорить по справедливости, то купцу прямой интересъ протурить нашего брата изъ земства. Вы посмотрите, вся-то земская дѣятельность что такое? — война, одна только война между купцомъ и землевладѣльцемъ. Интересы народа, мужика, еще никогда не были самостоятельно представлены въ земствѣ. Зато интересы землевладѣльцевъ и купцовъ выяснились до полной опредѣленности Вотъ изъ-за этихъ-то интересовъ и идетъ война...

— Позвольте, — перебилъ Лука Лукичъ, а либеральная интеллигенція развѣ не играла самостоятельной роли въ земствѣ? Развѣ не она была душею русскаго земства?

— Нѣтъ, она не играла самостоятельной роли, но стояла на сторонѣ землевладѣльцевъ въ борьбѣ съ купцами.

— Что?!.. Какъ?!..Вы оскорбляете интеллигенцію! Либералы никогда не стояли на сторонѣ интересовъ какого-нибудь класса, но преслѣдовали общіе интересы...

— Вы говорите—общіе интересы... Посмотримъ!—отбивался юркій земскій человѣкъ отъ сыпавшихся на него нападеній.

Возьмемъ самое благороднѣйшее и, повидимому, безкорыстнѣйшее дѣло либеральной интеллигенціи въ земской средѣ. Припомнимъ земскія постановленія о принятіи мѣръ противъ крестьянскаго малоземелья. Что это такое, какъ не боевая выходка землевладѣльцевъ противъ купцовъ, для противодѣйствія переходу въ купеческія руки какъ землевладѣнія, такъ и неразлучныхъ съ нимъ выгодъ отъ эксплуатаціи труда земледѣльческихъ работниковъ?!. А заботы земства о такъ называемой „равномѣрности“ земскаго обложенія?.. Это дѣло тоже составляетъ гордость либераловъ, а вѣдь оно вызвано тѣми же самыми мотивами, какъ и рѣшеніе воронежскаго земства не облагать земли, относя всѣ земскіе расходы насчетъ налога на торговцевъ. Купцы скрываютъ имущества, чтобы не платить земскаго налога, а землевладѣльцы, чтобы облегчить землю отъ налоговъ, добиваются учрежденія оцѣночныхъ коммисій для переоцѣнки фабрикъ и заводовъ. Напримѣръ, въ харьковскомъ губернскомъ земствѣ такая коммисія собрала свѣдѣнія о массѣ фабрикъ и заводовъ, цѣнностью болѣе 18 милліоновъ рублей, большею частью непоказывавшихся донынѣ въ описяхъ по податному земскому обложенію. По одному только Изюмскому уѣзду коммисіею открыто уклонявшихся отъ обложенія фабрикъ и заводовъ на сумму оцѣнки въ 1.200,000 рублей, тогда какъ раньше ихъ числилось здѣсь всего на сумму 250,000 рублей. Развѣ эта коммисія приноситъ не прямую выгоду для землевладѣльцевъ и не убытокъ для фабрикантовъ и заводчиковъ? А почему такъ?— все оттого, что купцы уклоняются отъ земскихъ дѣлъ. Будь земское самоуправленіе въ ихъ рукахъ, тогда они назначили-бы членами коммисіи *своихъ*, и, освободивъ фабрики, привлекли-бы къ усиленному обложенію земли, а насчетъ земскаго сбора-постарались-бы удовлетворить потребности торговопромышленнаго класса.

— Такъ, такъ!—поддакнулъ какой-то незнакомый мнѣ земецъ. – У насъ въ вятскомъ земствѣ, купцы такую войну подняли изъ-за этой переоцѣнки, столько безпокойства надѣлали, что и Боже мой!..

— Вѣрно, у васъ низкія оцѣнки фабрикъ были?

— По обыкновенію... Да еще какія низкія!

— Что-же вы сдѣлали? назначили переоцѣнку?

— Переоцѣнку-то мы сдѣлали, да чего намъ это стоило, сколько хлопотъ-то было,—и Боже мой! Вѣдь 10 лѣтъ купцы тормозили это дѣло, не давая ему хода на земскихъ собраніяхъ. Наконецъ, въ 1882 году, состоялось постановленіе губернска-

го земскаго собранія—произвести переоцѣнку. Хорошо-съ! Сдѣлали переоцѣнку, владѣльцы заводовъ сами признали ее справедливою,—и что-же бы вы думали вышло изъ всего этого? Новыми оцѣнками воспользовались, кромѣ губернскаго земства, только четыре изъ одиннадцати уѣздныхъ земствъ. Остальныя земства не принимаютъ новыхъ оцѣнокъ, потому что онѣ невыгодны купцамъ. Въ самомъ губернскомъ земствѣ нашлись пятеро гласныхъ, которые протестовали противъ оцѣнокъ, доказывая, что онѣ должны повліять на сокращеніе и, быть можетъ, на совершенное уничтоженіе мѣстной промышленности. Когда собраніе не согласилось съ протестами, тогда трое изъ нихъ подали прошеніе губернатору, умоляя его спасти отечественную промышленность. Губернаторъ принялъ сторону купцовъ и опротестовалъ губернскую земскую раскладку. Земство не согласилось съ губернаторомъ, дѣло перешло въ сенатъ,—словомъ, такая канитель вышла, что и Боже мой! Недавно только сенатъ рѣшилъ дѣло въ пользу земства... Такъ вотъ каковы купцы-то... Какъ они наблюдаютъ свой интересъ въ земствѣ ..

— Вотъ этотъ-то интересъ,—опять подхватилъ маленькій и юркій земскій человѣчекъ,—и служитъ для купца могучимъ побужденіемъ къ захвату земской власти. Купецъ хорошо знаетъ, что власть въ его рукахъ—то-же самое, что деньги въ карманѣ. Поэтому-то онъ и спѣшитъ захватить власть и пользуется ею для того, чтобы дать земскимъ дѣламъ направленіе, соотвѣтствующее интересамъ торгово-промышленнаго класса, чтобы создать такое положеніе, при которомъ всѣ выгоды были-бы на сторонѣ купцовъ, а невыгоды—на сторонѣ партіи, потерпѣвшей пораженіе на выборахъ, т. е. землевладѣльцевъ. Въ данномъ случаѣ онъ поступаетъ точь въ-точь такъ-же, какъ раньше поступали землевладѣльцы, пользуясь земскою властью въ интересахъ своего класса и во вредъ интересамъ купцовъ. Побѣдитель всегда предписываетъ законы побѣжденному, ибо сила есть матеріальная основа права...

Лука Лукичъ началъ что-то возражать юркому земскому человѣчку, но никто не хотѣлъ и слушать его. Общее вниманіе было отвлечено разсказами о томъ, какъ купецъ пользуется земскою властью для преслѣдованія матеріальныхъ интересовъ торговопромышленнаго класса. Купца всѣ ругали, всѣ возмущались его узкимъ, своекорыстнымъ отношеніемъ къ земскимъ дѣламъ. Но особенно интереснымъ сдѣлался разговоръ, когда онъ перешелъ къ московскому земству, гдѣ такъ пе-

давно купцы одержали полную побѣду надъ либеральной интеллигенціей.

Въ самомъ дѣлѣ, очень интересно узнать,—для чего кирпичники отняли земскую власть у либераловъ? Почему фельдшерамъ и коновааламъ отдано предпочтеніе передъ такимъ почтеннымъ земскимъ дѣятелемъ, какъ В. Ю. Скалонъ? Чего хотятъ, изъ-за чего хлопочутъ эти новые земцы?

Мы были-бы неправы, если-бы приписали новымъ земцамъ желаніе уничтожить все, что сдѣлано хорошаго старыми земцами. Нѣтъ, они ничего не уничтожаютъ, но стараются дать новое направленіе существующему земскому хозяйству. Либералы, находясь во главѣ земства, волей-неволей должны были согласовать свою дѣятельность съ интересами землевладѣльческаго класса, который служитъ для нихъ матеріальнымъ базисомъ въ земствѣ. А купцы, забравши земскую власть, хотятъ все перестроить такъ, какъ лучше въ интересахъ торгово-промышленнаго класса. Отсюда глубокая разница въ направленіи земской дѣятельности либераловъ и купцовъ, хотя въ сущности дѣятельность тѣхъ и другихъ подчинена одному и тому же принципу —своя рубашка ближе къ тѣлу...

Возьмемъ, для примѣра, земскую медицину. Это будетъ самый живой и интересный примѣръ. Въ настоящее время въ московскомъ земствѣ медицина какъ-то особенно выдвинулась впередъ изъ ряда другихъ земскихъ вопросовъ. Ей отведено самое видное мѣсто въ дѣятельности земцевъ-кирпичниковъ. А пока эти земцы-кирпичники по-своему устраиваютъ земскую медицину, въ то время земцы-либералы изъ себя выходятъ отъ негодованія, видя, какъ ловко кирпичники пользуются земскою властью для преслѣдованія своихъ интересовъ.

Пока земскими дѣлами завѣдывали либералы, опираясь на землевладѣльческій классъ, тогда земская медицина имѣла въ виду врачебную помощь земледѣльческимъ работникамъ, которые близки и нужны землевладѣльцамъ. Земскія лечебницы и санитарные пункты были устроены въ такихъ центральныхъ мѣстахъ, около которыхъ группируется населеніе, занимающееся земледѣльческимъ промысломъ. При этомъ земство не хотѣло на свой счетъ лечить фабричныхъ работниковъ и настойчиво требовало, чтобы фабриканты и заводчики устроили собственныя лечебницы для своихъ рабочихъ.

Когда земская власть перешла отъ либераловъ къ кирпичникамъ, то на первомъ земскомъ собраніи, состоявшемся при новомъ составѣ гласныхъ, вопросъ о земской медицинѣ полу-

чилъ совсѣмъ новое направленіе. Старая, либеральная управа внесла докладъ о понужденіи фабрикантовъ и заводчиковъ къ устройству собственныхъ больницъ, съ достаточнымъ при нихъ врачебнымъ персоналомъ, какъ требуетъ законъ. Изъ-за этого поднялись бурныя пренія. Особенно горячился новый предсѣдатель уѣздной управы г. Пфейферъ. Онъ много и горячо говорилъ противъ такой, будто-бы „несправедливой мѣры". По его словамъ, фабриканты и безъ того много платятъ въ пользу земства, а взамѣнъ никакой пользы отъ него не получаютъ,—у земскихъ врачей не лечатся, продовольственныхъ ссудъ не получаютъ и въ земскихъ школахъ не учатся. Если же и затѣмъ обложить ихъ особымъ сборомъ на медицинскую часть, то это будетъ совсѣмъ несправедливо Поэтому г. Пфейферъ находилъ, что гораздо правильнѣе привлечь вмѣстѣ и фабрикантовъ, и рабочихъ къ устройству медицинской части на фабрикахъ. Собраніе сочувственно выслушивало такого рода рѣчи, но не рѣшилось на этотъ разъ окончательно высказаться по вопросу о врачебной помощи фабричнымъ работникамъ и вообще о дальнѣйшемъ направленіи земской медицины. Оно ограничилось тѣмъ, что какъ этотъ проектъ старой, либеральной управы, такъ и другіе доклады ея по врачебной части передало въ коммисію, которой, совмѣстно съ новой управой, поручило разработать ихъ къ будущей сессіи собранія.

О дѣятельности коммисіи разсказывали, что особенный успѣхъ въ ней на первыхъ порахъ имѣлъ слѣдующій проектъ.

Врачечную помощь слѣдуетъ оказывать фабричному населенію преимущественно предъ земледѣльческимъ. Поэтому земство нетолько должно прекратить открытіе лечебницъ въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, но и существующія тамъ санитарныя учрежденія не мѣшало-бы перевести въ мѣстности фабричныя. Затѣмъ безусловно необходимо озаботиться открытіемъ новыхъ лечебницъ вблизи фабрикъ и заводовъ. При этомъ само собою разумѣется, что фабричные работники имѣютъ полное право пользоваться врачебною помощью отъ земства. хотя-бы они и были выходцы изъ другихъ губерній. Что же касается до средствъ на содержаніе устроенныхъ такимъ образомъ земскихъ врачебныхъ учрежденій, то къ необходимымъ на этотъ предметъ расходамъ должны быть привлечены фабричные работники. Въ этихъ видахъ слѣдуетъ земству обратиться къ правительству съ ходатайствомъ объ учрежденіи особаго сбора съ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ на устройство и содер-

жаніе лечебницъ, по примѣру города Москвы, гдѣ давно введенъ такой-же сборъ съ рабочихъ.

Этотъ слухъ казался маловѣроятнымъ, пока не нашелъ отчасти подтвержденія на экстренномъ земскомъ собраніи, бывшемъ 30-го апрѣля 1884 года. Здѣсь сдѣланъ первый, вполнѣ удавшійся кирпичникамъ, опытъ перемѣщенія земскихъ лечебницъ изъ земледѣльческихъ мѣстностей въ фабричныя. Собраніе постановило перевести Сѣтунскую лечебницу въ село Тушино, около котораго расположено много фабрикъ. При этомъ нашлись благодѣтельные фабриканты, которые изъявили готовность помочь земству при первоначальномъ устройствѣ тушинской лечебницы. Впрочемъ, за свою дешевую помощь, фабриканты потребовали, чтобы въ земскую лечебницу принимались безплатно больные рабочіе съ ихъ фабрикъ.

Между тѣмъ коммисія усердно работала надъ изысканіемъ, для доклада земскому собранію, способовъ свалить на плечи земства обязанность фабрикантовъ лечить своихъ рабочихъ. Наконецъ, средства были найдены, докладъ о нихъ составленъ комисіею, представленъ очередному земскому собранію, разсмотрѣнъ и съ одобреніемъ принятъ имъ осенью 1884 г. И что это за удивительный вышелъ докладъ! Прежде всего фабриканты, захватившіе въ свои руки земскую власть въ Московскомъ уѣздѣ, *сами-же* констатируютъ тотъ фактъ, что они не исполняютъ закона, обязывающаго фабрики, имѣющія болѣе 100 рабочихъ, устраивать для нихъ, подъ надзоромъ врача, больничныя помѣщенія, по разсчету 1 кровати на 100 человѣкъ. Въ Московскомъ уѣздѣ изъ 204 фабрикъ и заводовъ только при *пятнадцати* есть больницы, на *пяти* есть нѣчто вродѣ пріемныхъ покоевъ, да на *восьми* устроены, для вида, помѣщенія для больныхъ, неимѣющія никакихъ больничныхъ приспособленій. Замѣтьте, то здѣсь говорится объ однихъ помѣщеніяхъ, безъ всякой врачебной помощи при нихъ. Что касается врачебной помощи, то *двѣ* только фабрики имѣютъ особыхъ врачей; на нѣкоторыя фабрики врачъ пріѣзжаетъ одинъ, или два раза въ недѣлю; а на остальныхъ — фиктивно завѣдуетъ медицинскою частью казенный уѣздный врачъ, который не считаетъ нужнымъ даже разъ въ мѣсяцъ заглядывать на фабрики. Къ слову сказать,—на вредное въ высшей степени совмѣстительство должности уѣзднаго врача съ обязанностями врача фабричнаго не мѣшало бы обратить серьезное вниманіе. Прежде всего, очень неблаговиденъ самъ-по-себѣ тотъ фактъ,

что на жалованьѣ у фабриканта состоитъ правительственный чиновникъ, который, по обязанностямъ службы, долженъ контролировать того же фабриканта. Сверхъ того, уѣздные врачи настолько обременены прямыми служебными обязанностями, что не имѣютъ времени подавать врачебную помощь рабочимъ и на самомъ дѣлѣ никакой помощи не подаютъ имъ.

Законъ, обязывающій фабрикантовъ открывать больницы для рабочихъ, послужилъ поводомъ только къ тому, что на всѣхъ фабрикахъ введенъ вычетъ изъ заработной платы, въ размѣрѣ 1—1½%, на устройство врачебной помощи, которой, однако, рабочіе совсѣмъ не получаютъ. Въ случаѣ болѣзни, они или обращаются въ земскія больницы, или-же уходятъ съ фабрикъ домой, разнося по деревнямъ разныя заразныя болѣзни. Да и вообще фабрики служатъ гнѣздомъ всевозможныхъ болѣзней, и нигдѣ не бываетъ до такой степени сильно развита болѣзненность и смертность, какъ въ районахъ фабричнаго производства.

До сихъ поръ фабриканты отдѣлывались отъ устройства врачебной помощи для рабочихъ, благодаря послабленіямъ со стороны мѣстнаго начальства, мало настаивавшаго на строгомъ и неуклонномъ исполненіи закона. Понятно, что эти послабленія имѣютъ временный характеръ: долго ли, коротко-ли, а придетъ пора, когда правительство заставитъ исполнять законъ. Въ виду этого, коммисія московскаго земства и затѣяла ходатайствовать предъ правительствомъ объ *отмѣнѣ самаго закона*, невыгоднаго для фабрикантовъ. Въ докладѣ земскому собранію коммисія высказываетъ предположеніе о необходимости законодательнымъ путемъ возложить на земство обязанность оказывать врачебную помощь фабричнымъ рабочимъ, съ тѣмъ, чтобы на этотъ предметъ былъ установленъ новый налогъ въ пользу земства, въ размѣрѣ 1 руб. 50 к. съ каждаго фабричнаго рабочаго. Болѣе хитрые изъ засѣдающихъ въ земскомъ собраніи фабрикантовъ, какъ-то г. Алексѣевъ и послушные ему члены коммисіи, предлагали взыскивать этотъ налогъ съ фабрикантовъ, думая такимъ путемъ представить дѣло въ болѣе благовидномъ и симпатичномъ для общества свѣтѣ. Но они потерпѣли пораженіе отъ большинства собранія, которое, состоя изъ невѣжественныхъ купцовъ, фабрикантовъ, и всякаго рода кулаковъ, не хотѣло знать никакихъ политическихъ тонкостей. Устами предсѣдателя управы, г. Пфейфера, оно отвѣчало, что тутъ нечего хитрить,—прямымъ или косвеннымъ путемъ, все равно налогъ съ фабрикантовъ будетъ уплаченъ рабочими. По-

этому собраніе постановило ходатайствовать объ установленіи налога — съ фабрикантовъ по 50 коп. за каждаго рабочаго и съ рабочихъ по 1 р. съ каждаго.

Въ высшей степени грустно, что представители промышленности, при первомъ же своемъ вступленіи на поприще земской дѣятельности, посягаютъ на основные принципы земскихъ учрежденій. По духу закона, земство преслѣдуетъ общіе интересы всего мѣстнаго населенія. Для огражденія земства отъ вторженія въ него частныхъ интересовъ, законъ прямо запрещаетъ ему входить въ распоряженія «по частнымъ потребностямъ сословій и вѣдомствъ» (Врем. прав. по дѣламъ о зем. повин., ст. 28). Конечно, этотъ законъ буквально непримѣнимъ къ фабрикантамъ, но, по своему духу, онъ, именно, подходитъ къ данному случаю, когда фабриканты, организовавшись въ партію и захвативъ въ руки земскую власть, домогаются перевести на земство удовлетвореніе, возложенной закономъ спеціально на нихъ, *частной* потребности. Вѣдь, если домогательство фабрикантовъ осуществится, то земству придется быть слугою ихъ, устраивая больницы для рабочихъ, которыхъ тѣ выписываютъ изъ другихъ губерній. Притомъ же, существованіе фабрикъ не представляетъ ничего устойчиваго: сегодня открыта фабрика—и земство строитъ при ней больницу, а завтра фабрика закрыта—что же тогда дѣлать земству съ больницею? И за все это земству предлагаютъ получать налогъ въ разъ опредѣленномъ размѣрѣ $1\frac{1}{2}$ рубля съ каждаго рабочаго, несмотря ни на какія колебанія въ цѣнности рубля, заработной платѣ, медицинскихъ потребностяхъ и т. д. Нѣтъ, затѣя московскихъ фабрикантовъ грозитъ лишнею тяжестью и большими убытками для земства.

Сверхъ того, проектъ московскаго земства нарушаетъ принципъ, положенный въ основу всякаго земскаго обложенія, а именно,—«общимъ основаніемъ размѣра обложенія служитъ цѣнность и доходность облагаемыхъ имуществъ». Вопреки всякому закону и финансовой наукѣ, московскіе фабриканты хотятъ обложить земскимъ налогомъ не имущество, но личность рабочихъ, безъ всякаго отношенія какъ къ заработной платѣ, такъ и къ доходу фабриканта. Видно, что для нихъ финансовая наука —то же самое, что ариѳметика для Митрофанушки...

Во всякомъ случаѣ, затѣя московскихъ фабрикантовъ не должна пройти безслѣдно. Докладъ коммисіи московскаго земства освѣщаетъ ужасное состояніе московскихъ фабрикъ въ санитарномъ отношеніи. Что, если на эти фабрики заберется хо-

лера, которую мы ждемъ къ себѣ въ гости? Тамъ она найдетъ самую благодарную для себя почву. Къ тому-же, при отсутствіи фабричныхъ больницъ, заболѣвающіе рабочіе будутъ разносить заразу по своимъ деревнямъ; а вѣдь на московскихъ фабрикахъ работаютъ крестьяне не изъ однихъ сосѣднихъ, но и изъ дальнихъ губерній. Вотъ чѣмъ грозитъ намъ неисполненіе московскими фабрикантами закона, предписывающаго устройство при фабрикахъ больницъ съ достаточнымъ врачебнымъ персоналомъ...

Но фабрикантамъ до этого нѣтъ дѣла Имъ нужно только, во чтобы-то ни стало, избавиться отъ хлопотъ и расходовъ на леченіе своихъ рабочихъ, и, съ Божіею помощью, они добьются этого, если съумѣютъ сохранить въ своихъ рукахъ отнятую у либераловъ земскую власть. Тогда они наглядно убѣдятся, какъ выгодно самоуправленіе, когда оно даетъ возможность торговопромышленному классу захватить въ свои руки власть. А убѣдившись въ этомъ, они будутъ стоять горою за самоуправленіе, все равно, какъ привыкли отстаивать свой кошелекъ, свои права въ отношеніи рабочихъ и вообще свои матеріальные интересы.

Впрочемъ, купцы и теперь отлично понимаютъ, какія большія пріобрѣтенія можно дѣлать, захвативши такъ называемое земское *самоуправленіе.* Едва они успѣли прикоснуться къ власти, какъ уже затѣяли устроить шоссированные подъѣздные пути отъ своихъ фабрикъ къ столицѣ и желѣзно-дорожнымъ станціямъ. На земскомъ собраніи, бывшемъ осенью 1883 г., они рѣшили сдѣлать отъ имени земства заемъ въ 350,000 р. и на эти деньги устроить себѣ дороги. Когда представитель удѣльнаго вѣдомства г. Бабановскій возразилъ противъ этого займа, то—Боже мой, какъ набросились на него гласные! Въ отвѣтъ ему прямо говорилось, что фабриканты и заводчики много жертвуютъ въ пользу земства, и единственное средство вознаградить ихъ за жертвы—это устроить пути сообщенія.

Что они вознаградятъ себя,—это вѣрно. Желаніе вознаградить себя давно было, а теперь Богъ далъ и власть въ руки. Какъ же тутъ не вознаградить себя?!.

Земскіе люди стали расходиться, утомленные земскими разговорами. Меня тоже потянуло ко сну. Отыскивая въ передней свое платье, я столкнулся съ маленькимъ и юркимъ земскимъ человѣчкомъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ вышли изъ дома и вмѣстѣ выругались, не найдя у подъѣзда ни одного извощи-

ка. Нечего дѣлать,—пришлось идти пѣшкомъ до биржи. Дорогой мы продолжали разговоръ о земствѣ.

— Чѣмъ же кончится война? спросилъ я.

— Сильный проглотитъ слабаго.

— Это ужасно!

— Теперь еще ужаснѣе, сказалъ земецъ.—Теперь паны дерутся, а у хлопцевъ чубы трещатъ.

III.

ЗНАМЕНІЕ ВРЕМЕНИ.

Съ наступленіемъ теплыхъ весеннихъ дней, наши субботніе рефераты прекратились. Земскіе люди, какъ перелетныя птицы, побросали зимнія квартиры и стали переселяться за городъ. Увы,—между ними осталось немного счастливцевъ, которые сохранили свои „подмосковныя“ и „степныя“. Большинству пришлось перебираться на „дачи“. Жаловались на неудобства дачной жизни, ругали владѣльцевъ за плохую постройку дачъ,—и все-таки перевозили домашній скарбъ за городъ, грустно вспоминая: „то-ли дѣло, бывало, своя подмосковная“!

Я тоже собрался вонъ изъ Москвы. Передъ отъѣздомъ сдѣлалъ прощальные визиты знакомымъ. Зашелъ также къ маленькому и юркому земскому человѣчку.

— Вы въ свои Мордасы ѣдете?—спрашиваетъ земскій человѣчекъ.

— Нѣтъ,—мои Мордасы Чумазый слопалъ.

— Ахъ, какъ вы выражаетесь!.. Ну, кто-же теперь говоритъ: „Чумазый“?!

— А какъ-же?

— Теперь говорятъ: „третье сословіе, русское кулачество. наша буржуазія, прогрессивный классъ“.

— Это еще что за чепуха?

— Не чепуха, а знаменіе времени.

— Ничего не понимаю.

— Такъ я вамъ объясню... Небезъизвѣстно вамъ, что замоскворѣцкій 1-й гильдіи купецъ Н. П. Ланинъ, кромѣ фабрики шипучихъ водъ, владѣетъ такъ-же „заведеніемъ“ подъ

фирмою „Русскій Курьеръ“. И мало того, что онъ владѣетъ „Русскимъ Курьеромъ“, но и состоитъ редакторомъ. Однако. самъ онъ ничего не въ состояніи редактировать, кромѣ торговыхъ счетовъ. Поэтому онъ нанимаетъ, по сходной цѣнѣ. приказчиковъ для завѣдыванія своимъ заведеніемъ. Теперь приказчикомъ у Ланина служитъ графъ П. А. Голенищевъ-Кутузовъ *). Какъ вамъ это нравится? Съ одной стороны малограмотный купчина редакторъ либеральной газеты, съ другой графъ—приказчикъ у этого купца! Развѣ это не знаменіе времени?

— Да, знаменіе...

— Теперь прочитайте передовую статью „Русскаго Курьера“ и скажите, — не служитъ-ли она знаменіемъ времени. ярко освѣщающимъ наше современное положеніе?

Я сталъ читать передовую статью въ № 131 „Русскаго Курьера“ за 1884 годъ, и чѣмъ дальше читалъ, тѣмъ больше приходилъ въ изумленіе... Да, вотъ оно новое слово, котораго доселѣ еще никто не произносилъ въ русской журналистикѣ. Гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ первый рѣшился сказать то, на что не поворачивались самые развязные языки. Онъ купилъ въ булочной за пятачекъ бѣлый хлѣбъ, завязалъ его въ клѣтчатый носовой платокъ,—и вотъ съ этимъ „хлѣбомъ-солью“ отправился поздравить „русское кулачество“ съ побѣдою на земскихъ выборахъ. Расклапиваясь направо и налѣво предъ „русскимъ кулачествомъ или торговымъ классомъ“, графъ любовно называетъ его „нашей буржуазіей, третьимъ сословіемъ, прогрессивнымъ классомъ“. Онъ даже увѣряетъ, что на сторону любезнаго ему „русскаго кулачества“ теперь „стали молодые, прогрессивные элементы дворянства“. „Буржуазія,—говоритъ онъ,—болѣе прогрессивный классъ, нежели дворянство: она элементъ всесословный, чуждый традицій и сословныхъ предразсудковъ, а потому и болѣе терпѣлива къ нераздѣляемымъ ею общественнымъ взглядамъ и болѣе доступна новшествамъ; это же обстоятельство придаетъ, въ настоящій моментъ, при постоянно назрѣвающихъ новыхъ потребностяхъ и запросахъ жизни, особую цѣну буржуазіи, особенно, если она не чужда интеллигентныхъ представителей“. Въ чемъ-же состоитъ роль интеллигентныхъ представителей, которые призываются къ союзу съ кулачествомъ? Лакейство, служба въ приказчикахъ у купца—вотъ

*) Это писано въ 1884 году Теперь графъ больше не служитъ у Ланина.

тутъ высшій идеалъ, который указывается интеллигенціи. „Одолѣвая на общественномъ полѣ старыя партіи,—говоритъ графъ,—буржуазія, обыкновенно, за рѣдкими исключеніями, предоставляетъ общественную работу интеллигентнымъ дѣятелямъ, оставляя себѣ лишь вліяніе и престижъ побѣдителя. Въ то время какъ стародворянская партія изгоняла изъ земства молодыхъ, интеллигентныхъ дворянъ, русское кулачество, или торговый классъ, охотно принимало ихъ въ свою среду и предоставляло имъ платныя служебныя мѣста, не нуждаясь само въ кускѣ хлѣба".

Въ другой редакціонной статьѣ „Русскій Курьеръ", осыпая буржуазію, по его выраженію, „скромными" похвалами, упрекаетъ въ невѣжествѣ, въ незнаніи „ненарушимыхъ законовъ исторіи" тѣхъ противниковъ буржуазіи, которые не признаютъ за нею права на господствующее положеніе въ сферѣ общественнаго самоуправленія. Обвиненіе выходитъ очень курьезное, потому что дѣйствительно, оставаясь на почвѣ положительной науки, мы такихъ законовъ не знаемъ. Мы, напримѣръ, совершенно согласны съ г. Карѣевымъ въ его выводѣ, что „вообще не можетъ быть историческихъ законовъ, какъ таковыхъ" („Основные законы философіи исторіи", т. I). Мы знаемъ только, что были болѣе или менѣе остроумныя попытки установить такіе законы, но онѣ всегда оканчивались неудачею.

Нетрудно разгадать затаенный смыслъ ссылокъ на эти историческіе законы. Еще недавно образованный міръ преклонялся предъ „ненарушимыми экономическими законами", на которыхъ буржуазія основывала свои права и притязанія. Теперь въ эти „ненарушимые экономическіе законы" вѣрятъ только очень наивные люди, и потому, взамѣнъ ихъ, вожаки русскаго кулачества пустили въ ходъ „ненарушимые законы исторіи", по которымъ выходитъ, что ни одинъ просвѣщенный человѣкъ не долженъ противиться стремленію буржуазіи занять господствующее положеніе. Противиться притязаніямъ буржуазіи, по словамъ „Русскаго Курьера", значитъ „не понимать неизбѣжности созданнаго ненарушимыми законами исторіи момента"... Велико должно быть ослѣпленіе людей, которые выступаютъ съ такой аргументаціей и думаютъ, что могутъ когонибудь серьезно убѣдить ею. Намъ они напоминаютъ молодого котенка, который съ увлеченіемъ играетъ съ своимъ хвостомъ, воображая, что ловитъ мышь.

У буржуазныхъ публицистовъ „Русскаго Курьера" выхо-

дитъ, дѣйствительно, что-то вродѣ возни съ собственнымъ хвостомъ. Расхваливъ буржуазію, они тутъ-же изрекаютъ ей смертный приговоръ, утверждая, что ея преобладающее вліяніе въ сферѣ общественнаго самоуправленія носитъ временный характеръ, и затѣмъ сейчасъ же снова высказываютъ убѣжденіе въ прочности самой буржуазіи и ея вліянія. „Все будущее буржуазіи, говорятъ они,—покоится не на кулаческихъ стремленіяхъ, а на служеніи народнымъ интересамъ и на союзѣ съ лучшими представителями русской интеллигенціи, безъ чего буржуазія могла-бы только ускорить свое собственное паденіе". Но вѣдь въ томъ и состоитъ сущность буржуазіи, весь смыслъ существованія ея, что она борется за осуществленіе своекорыстныхъ, или иначе—кулаческихъ стремленій, противоположныхъ народнымъ интересамъ. Значитъ, если буржуазія послѣдуетъ совѣту „Русскаго Курьера", то она должна сначала перестать быть буржуазіею. Иначе говоря,—пошли писать дубы словые, дубы сосновые, дубы липовые...

Если вліяніе буржуазіи носитъ временной характеръ и паденіе ея неизбѣжно въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ, въ такомъ случаѣ какъ-же слѣдуетъ относиться къ стремленію буржуазіи захватить преобладающее вліяніе въ сферѣ общественнаго самоуправленія? Нужно-ли войти въ союзъ съ буржуазіею, сдѣлаться ея слугою и пособникомъ, или-же противодѣйствовать ей? Самый простой и естественный отвѣтъ на это будетъ такой: если вліяніе буржуазіи полезно, то нужно помогать ей, а если вредно, то бороться съ нею. Однако, „Русскій Курьеръ" не даетъ прямого отвѣта относительно вреда или пользы отъ вліянія буржуазіи, ограничиваясь слѣдующимъ замѣчаніемъ. „Особенно опасаться вреднаго вліянія буржуазіи на земство нѣтъ основанія, главное—потому, что вліяніе это носитъ временной характеръ". Слѣдовательно, по собственному сознанію „Курьера", безвредность буржуазіи обусловливается ея временнымъ характеромъ. Но зачѣмъ-же поддерживать, хотя-бы и временно, то, что вредно?

Сторонники русскаго кулачества приводятъ еще иные, болѣе хитрые доводы въ оправданіе стремленій буржуазіи, опять-таки призывая въ помощь „ненарушимые законы исторіи". Предполагается, будто-бы въ исторіи человѣческихъ обществъ существуетъ однообразная, при всякихъ условіяхъ, послѣдовательность въ смѣнѣ вліянія различныхъ общественныхъ слоевъ. Такимъ образомъ господство буржуазіи, въ извѣстный историческій моментъ, признается неизбѣжнымъ для каждаго обще-

ственнаго организма, въ томъ числѣ и для русскаго общества. Мы не въ силахъ, будто-бы, отклонить эту роковую необходимость. Мы должны устранить всякія личныя симпатіи или антипатіи и относиться вполнѣ объективно къ господству буржуазіи, какъ къ такому роковому, неизбѣжному факту, который, можетъ быть, не находитъ себѣ оправданія со стороны разумности или справедливости, но котораго, тѣмъ не менѣе, нельзя ни обойти, ни объѣхать. Слѣдовательно, по отношенію къ притязаніямъ буржуазіи мы должны подавить въ себѣ всѣ благородные порывы противодѣйствія, усвоивъ точку зрѣнія того „разсудительнаго“ дѣльца, который говоритъ такъ: „Обобрать человѣка безчестно; но онъ такъ глупъ и простъ, что его неизбѣжно оберутъ, если не я, то кто-нибудь другой; а коль-скоро это неизбѣжно, то будетъ глупо съ моей стороны и безполезно для него, если я не оберу его“...

Дѣлецъ напрасно считаетъ свои разсужденія очень умными и неотразимо убѣдительными. Неизбѣжность для глупаго и простого человѣка быть обобраннымъ—слишкомъ поспѣшное и неправильно сдѣланное обобщеніе. При однихъ условіяхъ онъ будетъ обобранъ, а при другихъ—нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, чѣмъ больше будетъ съ нашей стороны противодѣйствія поползновеніямъ разныхъ дѣльцовъ обобрать ближняго, тѣмъ меньше вѣроятности для него быть обобраннымъ.

То-же самое нужно сказать по поводу разсужденій о неизбѣжности господства буржуазіи. Нѣтъ никакихъ основаній признавать однообразную при всякихъ условіяхъ послѣдовательность въ смѣнѣ вліянія различныхъ общественныхъ слоевъ. Господство буржуазіи можетъ быть, но можетъ и не быть, смотря по наличности благопріятныхъ для того условій. Въ числѣ такихъ условій, безъ сомнѣнія, немалую роль играетъ помощь, или, наоборотъ, противодѣйствіе интеллигентныхъ силъ страны стремленію буржуазіи занять господствующее положеніе въ сферѣ общественнаго самоуправленія. Смотря по степени противодѣйствія буржуазнымъ притязаніямъ, эти притязанія могутъ осуществиться вполнѣ, отчасти, или совсѣмъ не осуществиться. Дастъ Богъ, они и не осуществятся, по крайней мѣрѣ мы, съ своей стороны, желали-бы этого, и полагаемъ, что такой исходъ возможенъ.

— Какъ вамъ это нравится? — спросилъ юркій земскій человѣчекъ, когда я кончилъ чтеніе передовицъ „Русскаго Курьера“.

Я высказалъ свое мнѣніе о статьяхъ „Русскаго Курьера“, не стѣсняясь въ выраженіяхъ.

— Напрасно, совсѣмъ напрасно гнѣваетесь на развязнаго публициста. Мнѣ, напротивъ, онъ очень нравится своею непосредственностью. Онъ прямо и откровенно подводитъ практическій итогъ всѣмъ кудрявымъ фразамъ объ интересахъ, преслѣдуемыхъ либеральной интеллигенціей: молъ поступайте, господа, на службу къ купцу Лаппну,—онъ за это жалованье платитъ!... Что можетъ быть проще и яснѣе?...

— ?!!!...

— Опять рѣзкія выраженія!!... А за что?

— Это холопство...

— Нѣтъ,—тутъ прежде всего видно сознаніе немощи, безсилія либеральной интеллигенціи въ ея теперешнемъ положеніи. Это сознаніе подтачиваетъ корни той, еще недавно сильной и многочисленной общественной группы, которая называла себя либеральною партіею. Оно то именно и служитъ причиною совершающагося на нашихъ глазахъ выдѣленія изъ этой партіи новыхъ общественныхъ группъ. Сначала изъ среды либераловъ выдѣлились въ особую группу—и за это были обруганы либералами—люди, выставившіе на своемъ знамени интересы народной массы. Теперь, повидимому, происходитъ новое выдѣленіе изъ либеральной интеллигенціи: въ журналистикѣ послышались голоса, пропагандирующіе союзъ интеллигенціи съ кулачествомъ, какъ прогрессивнымъ классомъ, причемъ интеллигенція приглашается къ служенію матеріальнымъ интересамъ кулачества.

— Въ чемъ-же, по вашему мнѣнію, заключается причина безсилія либеральной партіи и тѣхъ постоянныхъ неудачъ, которыя преслѣдуютъ ее въ послѣдніе годы?

— Причина та, что теперешніе либералы не имѣютъ прочныхъ корней въ обществѣ. Русскій либерализмъ вдругъ оказался колоссомъ на глиняныхъ ногахъ.

Между мною и земскимъ человѣчкомъ завязался длинный разговоръ, сущность котораго я постараюсь передать въ обработанномъ видѣ.

Мой собесѣдникъ съ особенною силою упиралъ на то изумительное равнодушіе, съ какимъ общество отнеслось къ тяжелымъ невзгодамъ, постигшимъ либеральную партію. Такое общественное равнодушіе къ судьбѣ либераловъ иначе нельзя объяснить, какъ допустивши предположеніе, что либерализмъ стоялъ въ сторонѣ отъ наиболѣе жгучихъ и насущ-

ныхъ интересовъ, имѣющихъ мѣсто въ средѣ русскаго народа, что онъ или преслѣдовалъ интересы второстепенные, или же интересы малочисленной и слабой по своему вліянію общественной группы.

Извѣстно, что люди живутъ, прежде всего, матеріальными интересами. Одинаковость этихъ интересовъ и необходимость оградить ихъ отъ неблагопріятныхъ воздѣйствій—побуждаетъ людей соединяться въ общественныя группы. При-этомъ само собою разумѣется, что сознаніе одинаковости интересовъ предполагаетъ въ людяхъ извѣстную степень умственнаго развитія. Необходимость-же огражденія общихъ интересовъ вызываетъ на борьбу. которая возможна лишь въ томъ случаѣ, если общественная группа обладаетъ энергіею и матеріальными средствами.

Когда на нашихъ глазахъ кулаки организуются въ сильную земскую партію и захватываютъ въ свои руки земскую власть, то въ этомъ явленіи намъ все понятно. Все, что-бы они ни дѣлали, они дѣлаютъ такъ, какъ требуютъ ихъ матеріальные интересы. Но во имя чего, въ чьихъ интересахъ дѣйствуютъ въ земствѣ наши либералы? Положимъ, Чумазый заботится о своемъ карманѣ,—ну, а либералы о комъ заботятся, кого они хотятъ облагодѣтельствовать? Вѣдь для общественной партіи недостаточно однихъ общечеловѣческихъ интересовъ гуманности. Нужно чтобы эти высшіе, общечеловѣческіе интересы совпадали съ существующими въ данный моментъ матеріальными интересами извѣстной общественной группы.

Если въ земствѣ либералы часто дѣйствуютъ заодно съ землевладѣльцами и въ ихъ интересахъ, то это отнюдь не значитъ, что либералы признаютъ землевладѣльческіе интересы своими собственными. Нѣтъ, они никогда не дѣлали подобнаго признанія, а напротивъ, въ печати не разъ высказывались въ смыслѣ неблагопріятномъ для землевладѣльческихъ интересовъ. Если-же въ земствѣ они дѣйствуютъ не самостоятельно, но въ союзѣ съ землевладѣльцами и поддѣлываясь подъ ихъ интересы, то это показываетъ безсиліе либераловъ и необходимость для нихъ найти опору въ чужихъ матеріальныхъ интересахъ, за неимѣніемъ собственныхъ.

Въ прежнее время, когда еще не народилась теперешняя либеральная доктрина, выставившая требованіе: „сначала дайте либеральной интеллигенціи общественный пирогъ, а послѣ потолкуемъ о прочемъ",—въ то старое доброе время либералы искали для себя опоры въ матеріальныхъ интересахъ народа,

обѣщая ему нѣкоторыя экономическія улучшенія. Такъ, по словамъ „Вѣстника Европы“, „либеральныя программы,—въ этомъ заключается характеристическая черта русскаго либерализма, — не ограничиваются, большею частью, вопросами политическаго и административнаго свойства,—онѣ обнимают собою и экономическіе вопросы, безъ правильнаго разрѣшенія которыхъ невозможно достигнуть послѣдней цѣли государственнаго управленія—народнаго блага... Поддержаніе общиннаго владѣнія, какъ главной гарантіи противъ обезземеленія массы; правительственное и земское содѣйствіе къ переходу земель во владѣніе крестьянъ, въ особенности тамъ, гдѣ они наиболѣе страдаютъ отъ малоземелья; организація переселеній и мелкаго поземельнаго кредита; освобожденіе крестьянъ, отъ стѣсненій, налагаемыхъ на нихъ паспортною системой и круговою порукой; дальнѣйшее пониженіе выкупныхъ платежей тамъ, гдѣ они превышаютъ доходъ съ надѣльной земли; отмѣна подушной подати; увеличеніе налоговъ, платимыхъ болѣе достаточными классами, съ соотвѣтствующимъ пониженіемъ податнаго бремени, тяготѣющаго надъ народомъ; значительное сокращеніе непроизводительныхъ государственныхъ расходовъ,—таковы, между прочимъ, существенно важные пункты либеральной программы“. *)

Подумаешь,—какъ все измѣнилось у насъ въ какихъ-нибудь три года! Что было въ 1882 году программою передовой части либеральной партіи и чѣмъ эта партія гордилась, какъ своимъ отличіемъ отъ западно-европейскаго буржуазнаго либерализма,—то же самое теперь сдѣлалось достояніемъ правительственныхъ проэктовъ, отчасти уже приведенныхъ, или приводимыхъ въ исполненіе. Вотъ почему общество, прежде внимательно прислушивавшееся къ голосу либераловъ, теперь обратило свои взоры къ правительству, которое, снизойдя до матеріальныхъ интересовъ большинства дастъ ему то, что либералы обѣщали въ туманныхъ очертаніяхъ. Теперь у либераловъ нѣтъ своей экономической программы, нѣтъ ничего связующаго ихъ партію съ матеріальными интересами страны,—и вотъ въ этомъ-то и заключается главная причина какъ безсилія теперешняго либерализма, такъ и общественнаго равнодушія къ судьбѣ либераловъ.

Впрочемъ на нѣтъ и суда нѣтъ. Если либералы послѣ

*) „Вѣстн. Евр.“ 1882 г., апрѣль, внутр. обозрѣніе

1882 года не составили себѣ новой экономической программы, то, значитъ, они держутся старой, значитъ, они, хотя и заднимъ числомъ, согласны осуществить нѣкоторыя экономическія мѣропріятія въ пользу народной массы. Это согласіе столь почтенно и благородно, что къ нему нельзя отнестись иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ. Дай Богъ побольше друзей и союзниковъ народу! Но только что-же это за союзники и во имя чего они вступаютъ въ союзъ съ народомъ? Не слѣдуетъ забывать, что во взаимныхъ отношеніяхъ общественныхъ группъ не бываетъ идеальной дружбы и безкорыстныхъ союзовъ. Здѣсь все основано на практическомъ разсчетѣ и вездѣ на первомъ планѣ стоятъ личные интересы. Какіе-же интересы преслѣдовали либералы, выставляя въ своей программѣ необходимость экономическихъ мѣропріятій въ пользу народа? Значитъ-ли это, что либералы преслѣдовали матеріальные интересы народа, точно такъ-же, какъ въ сферѣ земскаго самоуправленія Чумазый дѣйствуетъ въ своихъ личныхъ матеріальныхъ интересахъ? Усвоили-ли они народные интересы до такой степени, что тѣ сдѣлались ихъ собственными интересами?

Нѣтъ, есть громадная разница въ отношеніяхъ либераловъ и Чумазаго къ матеріальнымъ интересамъ, преслѣдуемымъ ими, хотя-бы, напримѣръ, въ сферѣ земскаго самоуправленія. Чумазый, поставивъ свои матеріальные интересы цѣлью, смотритъ на земское самоуправленіе, какъ на средство. Напротивъ, либералы говорятъ, что они заботятся о матеріальныхъ интересахъ народа только потому, что „безъ правильнаго разрѣшенія экономическихъ вопросовъ невозможно достигнуть цѣли государственнаго управленія“. Значитъ, удовлетвореніе матеріальныхъ интересовъ народа, въ глазахъ либераловъ, служитъ средствомъ къ достиженію цѣли, состоящей въ наилучшемъ государственномъ управленіи. Оттого, въ сферѣ земскаго самоуправленія, Чумазый прямо преслѣдуетъ свои матеріальные интересы, либералы-же дѣйствуютъ въ интересахъ наилучшаго, по ихъ мнѣнію, управленія, а матеріальные интересы народа имѣютъ для нихъ второстепенное значеніе. Сегодня удовлетвореніе народныхъ интересовъ кажется либераламъ наиболѣе вѣрнымъ и подходящимъ средствомъ для ихъ цѣли, а завтра будетъ найдено другое средство и интересы народа будутъ забыты. Средства всегда измѣнчивы и непостоянны,—неизмѣнна бываетъ только цѣль. И мы видимъ на самомъ дѣлѣ, что теперешніе либералы забыли думать о дальнѣйшемъ

преслѣдованіи матеріальныхъ интересовъ народа, не успѣвши истрепать сапогъ послѣ того, какъ разрѣшеніе экономическихъ вопросовъ въ интересахъ народной массы они считали необходимымъ средствомъ для достиженія своей завѣтной цѣли. Теперь они говорятъ уже совсѣмъ другое: сначала нужно достигнуть завѣтной цѣли, и только тогда могутъ быть подняты вопросы о матеріальныхъ интересахъ народа. Но гдѣ же гарантія въ томъ, что тогда либералы допустятъ поднять эти вопросы и будутъ стоять за матеріальные интересы народа, а не противъ нихъ?..

Такой гарантіи мы не можемъ имѣть, потому что конечною цѣлью стремленій либеральной партіи служитъ особаго рода матеріальный интересъ, неимѣющій ничего общаго съ матеріальными интересами народа и даже прямо враждебный имъ. Это интересъ чисто обжорный,—стремленіе законодательнымъ способомъ обезпечить для культурнаго класса пользованіе общественнымъ пирогомъ. Какъ Чумазый, для достиженія цѣли, состоящей въ удовлетвореніи личныхъ матеріальныхъ интересовъ, стремится стать во главѣ земскаго самоуправленія, такъ-же точно и либералы стараются забрать въ свои руки земскую власть для достиженія своей цѣли—наилучшаго управленія. Для такого наилучшаго управленія, по словамъ г. Скалона, „необходима извѣстная степень умственнаго развитія, необходима способность отвлечься отъ узкихъ личныхъ интересовъ, возвыситься до пониманія интересовъ общихъ. А такая способность пріобрѣтается только посредствомъ образованія. Вотъ почему тѣ изъ мѣстныхъ обывателей, которые обладаютъ высшимъ образованіемъ, должны пользоваться избирательными правами независимо отъ ценза“ *). Либералы не противъ избирательнаго ценза, а наоборотъ, стоятъ за сохраненіе его. И это понятно: посредствомъ ценза часть гражданъ устраняется отъ пользованія общественнымъ пирогомъ, а другой части сей пирогъ предоставляется. Либералы-же къ тому именно и стремятся, чтобы общественный пирогъ никакими судьбами не могъ миновать желудковъ культурнаго класса. Въ этихъ видахъ, либеральная программа, по словамъ „Вѣстника Европы“, „стоитъ вездѣ и всегда за значительное пониженіе имущественнаго ценза и совершенное уничтоженіе его для лицъ, получившихъ извѣстное образованіе **).

---

*) „Земство“, 1880 г., № 5, перед. статья.
**) „Вѣстникъ Европы“, 1882 г., апрѣль, внутр. обозрѣніе.

Болѣе откровенные изъ либеральныхъ земцевъ,—каковъ, напр., предсѣдатель ярославской губернской земской управы г. Скульскій,—прямо утверждаютъ, что „слабая сторона земской организаціи—это недостатокъ интеллигентныхъ силъ въ средѣ земскихъ гласныхъ... Отсутствіе этой дорогой силы между земскими представителями весьма ощутительно, и пополненіе этого пробѣла необходимо хотя-бы путемъ капитальной реформы". По мнѣнію г. Скульскаго, земская реформа, въ существенныхъ чертахъ, должна состоять въ слѣдующемъ: 1) необходимо включить всѣхъ лицъ, получившихъ высшее образованіе, въ разрядъ земскихъ избирателей съ правами на избраніе въ гласные того уѣзда, въ которомъ они имѣютъ постоянное жительство, помимо какого-либо имущественнаго ценза; 2) каждое лицо, которое прослужило извѣстное число трехлѣтій, положимъ три, по избранію въ должностяхъ предводителя дворянства, предсѣдателя и члена земской управы, мироваго судьи, непремѣннаго члена крестьянскаго присутствія, получаетъ право быть безсмѣннымъ гласнымъ безъ выборовъ; 3) для земскихъ собраній, въ такомъ новомъ составѣ возможно было-бы значительно увеличить избирательный періодъ, въ настоящее время трехлѣтній *).

Вообще либералы, отводя второстепенное мѣсто матеріальнымъ интересамъ народа, направляютъ свои усилія, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы расширить права культурнаго класса насчетъ правъ народа, поставивъ культурный классъ во главѣ самоуправленія не посредствомъ народнаго довѣрія, но насильственнымъ путемъ хитрыхъ мѣръ. А такъ какъ во главѣ культурнаго класса стоятъ сами же они, то отсюда ясно, что въ основѣ ихъ дѣятельности все таки лежитъ личный матеріальный интересъ. Но они не хотятъ сознаться въ этомъ и съ комическою серьезностью увѣряютъ, будто они, при помощи образованія пріобрѣли „способность отвлечься отъ узкихъ, личныхъ интересовъ и возвыситься до пониманія интересовъ общихъ". Конечно, если господство культурнаго класса надъ народомъ составляетъ общій интересъ, то они правы...

Либералы напрасно воображаютъ, что въ одно прекрасное утро, ни съ того ни съ сего, имъ будетъ преподнесена земская власть,—молъ, пріидите и княжите... Ну, кому охота сдѣлать такой подарокъ либераламъ? Кому они нужны? Мужикъ

*) „Земство", 1880 г., № 3.

не можетъ довѣрять либераламъ послѣ того, какъ они отодвинули на задній планъ матеріальные интересы народной массы. Большинство землевладѣльцевъ — противъ нихъ, потому что не встрѣчало съ ихъ стороны поддержки въ такихъ насущныхъ интересахъ, какъ вопросы о наймѣ рабочихъ, о дешевомъ государственномъ кредитѣ и т. п. Чумазый недоволенъ либералами и хочетъ самъ завладѣть земскою властью для преслѣдованія своихъ матеріальныхъ интересовъ. Словомъ, — никому нѣтъ прямаго интереса поддерживать либераловъ, пока они находятся въ теперешнемъ положеніи, обособленномъ отъ матеріальныхъ интересовъ страны.

Если гора нейдетъ къ Магомету, то нечего дѣлать — Магометъ самъ идетъ къ горѣ... Такъ и либераламъ, послѣ испытанныхъ ими неудачъ, больше ничего не остается, какъ примкнуть къ той или другой изъ общественныхъ группъ, борющихся за свои матеріальные интересы. Если въ общественной борьбѣ эта группа одержитъ побѣду, тогда осуществятся завѣтныя мечты нашихъ либераловъ, — побѣдитель установитъ свое право и во главѣ земскаго самоуправленія поставитъ свою интеллигенцію...

— Вотъ видите, какъ напрасно вы выругали публициста „Русскаго Курьера“ — сказалъ земскій человѣчекъ, прощаясь со мною. — Сколько мы съ вами ни говорили, а въ концѣ-концовъ пришли къ тому-же, что высказываетъ и „Курьеръ“. Онъ совершенно правъ, ожидая всякихъ благъ земныхъ для интеллигенціи отъ побѣды той общественной группы, матеріальные интересы которой будутъ усвоены интеллигентнымъ меньшинствомъ.

— И въ силу этихъ соображеній предлагаетъ либераламъ перейти на сторону „русскаго кулачества“?!.

— Какіе матеріальные интересы ближе и симпатичнѣе вамъ, интересы-ли кулаковъ, или народной массы, — это ваше личное дѣло. Объ этомъ мы и говорить не станемъ... Въ общественномъ смыслѣ для насъ важно, что среди либеральной печати нашелся органъ, который открыто становится на сторону „русскаго кулачества“.

— Вы хотите сказать, что кулачество поднимаетъ носъ и становится силою?

— Да, это знаменіе времени...

ЗЕМСКІЕ ДѢЛА И ЛЮДИ.

I.

ПУСТЯКИ И ДРЯЗГИ.

То былъ вѣкъ богатырей...
Но смѣшались шашки,
И полѣзли изъ щелей
Мошки да букашки.
Давыдовъ.

Затишье и сонъ—вотъ что представляетъ земство въ настоящую минуту, вотъ что сталось съ нимъ послѣ возбужденія, достигшаго высшей степени напряженія въ 1880 и 1881 гг. и завершившагося въ 1882 году. Начиная съ 1883 года, земство замирилось, успокоилось, уснуло. На земскихъ собраніяхъ не раздается ни одного свѣжаго и живаго слова. Не отыщешь ни одного выдающагося земскаго постановленія, которое бы останавливало на себѣ общественное вниманіе. Прекратились и земскія ходатайства, которыя недавно вызывали въ однихъ—шумные восторги и радостныя надежды, а въ другихъ—страстное негодованіе и злобу. Но это не значитъ, что въ странѣ совсѣмъ замерла общественная жизнь. Нѣтъ, и теперь въ обществѣ волненіе не прекратилось, а только видоизмѣнилось, сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами. Замолкли земскія собранія,—за-то воспрянули духомъ дворянскія собранія. И опять идутъ безъ конца ходатайства, только теперь не земскія, а дворянскія. И опять каждое новое ходатайство вызываетъ восторгъ однихъ и негодованіе другихъ. Кто прежде торжествовалъ, тотъ теперь негодуетъ, а кто негодовалъ, тотъ теперь торжествуетъ. Въ концѣ же концовъ изъ всѣхъ этихъ восторговъ и негодованій не получается никакого иного результата, кромѣ убѣжденія, что палка о двухъ концахъ...

Мирно спитъ земство, ни въ чемъ не выказываетъ своей

силы, не играетъ выдающейся, эффектной роли,—и общество отвернулось отъ него, забыло его. Вѣдь общество—это женщина, кокетка,—милая, блестящая, увлекательная, но безсердечная, непостоянная, насквозь пропитанная мелочнымъ эгоизмомъ. Она даритъ восторгами своего расположенія только того, на чьей сторонѣ успѣхъ, сила, блестящее положеніе. Но разъ человѣкъ споткнулся, — и она тотчасъ отвернулась отъ него, умчалась туда, гдѣ шумъ, блескъ, радость, забыла думать о томъ, кѣмъ недавно увлекалась, и уже кидаетъ вызывающія, увлекательныя улыбки новымъ людямъ успѣха, героямъ минуты. А что-же покинутый ею, тотъ несчастный, котораго оставилъ минутный успѣхъ, къ кому счастье обернулось спиной? Онъ удаляется со сцены, погружается въ суетныя заботы и мелочныя дрязги, и „межъ дѣтей ничтожныхъ міра, быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ“. И въ этомъ ничтожествѣ онъ остается до тѣхъ поръ, пока „божественный глаголъ до слуха чуткаго коснется“, – и тогда снова на его сторонѣ успѣхъ, шумные восторги толпы, чудныя улыбки этой непостоянной красавицы...

Отъ земства теперь всѣ отвертываются —и общество, и даже сами земцы. Земская дѣятельность обратилась въ промыселъ, дающій тѣ или другія выгоды мѣстнымъ землевладѣльцамъ. Земскія собранія только тѣмъ и занимаются, что тянутъ мучительно-скучную канитель о преимуществахъ хлѣбной или денежной системы обезпеченія народнаго продовольствія, да изъ года въ годъ однѣ и тѣ же расходныя статьи переносятъ изъ одной смѣты въ другую. Земское дѣло ведется вяло, сонно, лѣниво и апатично. Общество интересуется земскою дѣятельностью немного больше, чѣмъ дѣятельностью какого-нибудь акцизнаго управленія. Кому неизвѣстно, напр., какимъ любимцемъ общества было прежде земство въ Черниговской губерніи, а нынѣ это земство, какъ говорится, „мухи загадили“, и его дѣятельность никого болѣе не интересуетъ. Осенью 1884 года, въ самый разгаръ дѣятельности очередныхъ земскихъ собраній, въ мѣстномъ обществѣ не было почти никакихъ разговоровъ о земскихъ дѣлахъ, тогда какъ прежде — Боже мой, какой шумъ, какое волненіе въ обществѣ возбуждали земскія собранія! Если иной обыватель случайно заглянетъ въ залу земскихъ засѣданій, то спѣшитъ скорѣе удрать назадъ,—до такой степени наводитъ тоску на свѣжаго человѣка это собраніе, олицетворяющее собою „обязательную потребность“. Тихо, скоро и согласно принимаются собраніемъ всѣ предложенія, а затѣмъ слѣдуетъ закрытіе,—и гласные ве-

село разъѣзжаются по домамъ, какъ школьники, распущенные на каникулы.

Куда ни заглянешь, кого ни спросишь, вездѣ слышишь одно и то же сравненіе прежняго земства съ теперешнимъ, а затѣмъ слѣдуютъ безконечныя жалобы на скуку. „Въ прежніе годы, разсказываетъ, напр., обыватель г. Трубчевска, Орловской губерніи, — время осени отличалось у насъ значительнымъ оживленіемъ: происходили многолюдные съѣзды земскихъ гласныхъ и разныхъ сельскихъ обывателей, шла борьба партій, сочинялись и обсуждались кое-какіе проэкты; очередное земское собраніе возбуждало въ обществѣ разнообразные толки, изъ которыхъ выработывалось общественное мнѣніе; писались въ губернскія и столичныя газеты корреспонденціи, возникала полемика... Осенью, 1884 года, ничего этого не было, — сонная тишь и гладь ничѣмъ не нарушались. Очередное земское собраніе прошло совершенно незамѣтно для общества, при полномъ отсутствіи посторонней публики. Мѣсто послѣдней, какъ во время неудачнаго спектакля, занимали исключительно жены и сестры земскихъ дѣятелей, своимъ свободнымъ обращеніемъ съ послѣдними придававшія собранію характеръ семейнаго вечера".

Въ этой жалобѣ скромнаго уѣзднаго обывателя очень живо схвачены характерныя черты переживаемаго русскимъ обществомъ періода охлажденія къ земству. Если изъ маленькаго уѣзднаго городка мы перенесемся въ одинъ изъ крупныхъ центровъ страны, хотя, наприм., въ Саратовъ, величающій себя „столицею Поволжья".—то и тамъ встрѣтимъ тѣ же жалобы и то же недовольство теперешнимъ земствомъ. Прошедшею осенью, въ самый разгаръ дѣятельности земскихъ собраній въ Саратовской губерніи, одна изъ мѣстныхъ газетъ съ грустью указывала на упадокъ земской дѣятельности и охлажденіе къ ней самихъ земцевъ. „Они начинаютъ теряться, разочаровываться въ своей полезной дѣятельности, и какъ въ частныхъ бесѣдахъ, такъ и на земскихъ собраніяхъ все меньше и меньше замѣчается той энергіи, которой требуетъ трудное земское дѣло: наконецъ, засѣданія отличаются малочисленностью гласныхъ, и въ обсужденіяхъ вопросовъ является полная апатія". Въ Саратовской губерніи охлажденіе къ земской дѣятельности дошло до такой степени, что землевладѣльцы совсѣмъ перестаютъ пріѣзжать на избирательные съѣзды для выбора земскихъ гласныхъ. Такъ, въ 1884 г., въ Петровскомъ уѣздѣ слѣдовало избрать изъ среды крупныхъ землевладѣльцевъ 30 гласныхъ. Между

тѣмъ болѣе чѣмъ изъ 100 землевладѣльцевъ, имѣющихъ право быть избранными, явились на избирательный съѣздъ только 27, которые, безъ баллотировки, признали себя законно избранными представителями крупнаго землевладѣнія. Въ Сердобскомъ уѣздѣ считается 252 землевладѣльца, имѣющихъ право участвовать въ избирательномъ съѣздѣ крупныхъ землевладѣльцевъ. Изъ нихъ, въ теченіе 19-лѣтней практики земства, являлось на съѣздъ maximum 45 человѣкъ, т. е. около $^1|_5$ всѣхъ землевладѣльцевъ; а разъ даже явилось изъ числа ихъ менѣе положеннаго числа гласныхъ (27) и потому они, безъ баллотировки, признали себя гласными.

Безучастное отношеніе общества къ земскимъ выборамъ иногда доходитъ до поразительной степени и проявляется въ комическихъ случаяхъ, подобныхъ бывшему въ 1884 году въ Симферополѣ, Таврической губерніи. Тамъ, на городскомъ избирательномъ съѣздѣ, было избрано въ земскіе гласные одно лицо, умершее два года тому назадъ... Охлажденіе гласныхъ къ земской дѣятельности высказалось также на послѣднемъ херсонскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Большинство гласныхъ, не дождавшись конца засѣданій, разъѣхались изъ Херсона; на послѣднее засѣданіе явилось всего 16 человѣкъ, о чемъ предсѣдатель долженъ былъ составить протоколъ и объявилъ собраніе оконченнымъ. Точно также воронежское губернское земское собраніе, назначенное къ открытію на 1 декабря 1884 г., не состоялось, потому что гласные не пріѣхали къ открытію его. Казанское губернское земское собраніе было открыто 3-го декабря въ составѣ 20 гласныхъ, но чрезъ $1^1|_2$ часа четверо гласныхъ удалились и собраніе должно было закрыться за неимѣніемъ законнаго числа гласныхъ. На другой день въ собраніе явились всего лишь 12 гласныхъ и собраніе опять не могло состояться. Не состоялось также въ назначенный срокъ открытіе вятскаго губернскаго земскаго собранія. Для открытія его въ прошломъ году, пришлось ровно пять дней ожидать прибытія законнаго числа гласныхъ, а именно 13-ти человѣкъ, изъ которыхъ 7 живутъ въ самой Вяткѣ. Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить такого факта, какъ полной апатіей къ земскому дѣлу. Засѣданія собранія происходили только при 13 гласныхъ, тогда какъ прежде собирались обыкновенно 25 гласныхъ, а всѣхъ членовъ собранія считается 3- человѣкъ. Въ прежніе годы, хотя и бывали просрочки въ открытіи губернскаго земскаго собранія, но они никогда не превышали одного, двухъ дней, тогда какъ теперь открытіе замедлено на цѣлыхъ

пять дней. Прежніе земскіе дѣятели едва успѣвали въ три недѣли окончить разсмотрѣніе всѣхъ срочныхъ докладовъ, а для теперешнихъ земцевъ и двухъ недѣль много, и этотъ сокращенный срокъ занятія земскими дѣлами кажется слишкомъ обременительнымъ. Губернская земская управа годъ отъ году становится все скупѣе и скупѣе на обстоятельные доклады по самымъ важнымъ отраслямъ земской дѣятельности, потому что собраніе мало интересуется ими, будучи занято почти всецѣло смѣтою, да назначеніемъ окладовъ. Одно изъ уѣздныхъ земскихъ собраній Вятской губерніи - Орловское, даже поставило въ вину секретарю, что онъ пишетъ большіе доклады и пригрозило сокращеніемъ смѣты на канцелярскіе расходы. Другое собраніе—Малмыжское всѣ управскіе доклады по главнымъ статьямъ земскаго хозяйства, не читая, сдаетъ въ ревизіонную коммисію, въ которой всѣмъ дѣломъ орудуетъ управскій секретарь, составляющій эти самые доклады. Трудъ земскихъ гласныхъ съ каждымъ годомъ все упрощается, сокращается и сводится, если не къ нулю, то къ обдѣлыванію своихъ личныхъ дѣлишекъ на счетъ земскаго кармана.

Чѣмъ болѣе оглядываешься назадъ, вспоминаешь прошлое земства, тѣмъ печальнѣе кажется его настоящее. Тамъ, при всѣхъ недостаткахъ и иной разъ болѣзненныхъ, уродливыхъ явленіяхъ, все-таки была жизнь, добрыя начинанія, прекрасные порывы. а тутъ — спячка, апатія, разстройство земскаго хозяйстра и т. д. И эта разница между старою и теперешнею генераціями земскихъ дѣятелей замѣчается вездѣ, даже въ такихъ глухихъ захолустьяхъ, какъ аткарское земство, Саратовской губерніи. „Лѣтъ 15 тому назадъ, — разсказываетъ мѣстный обыватель, — въ аткарскомъ населеніи пробуждалось сознаніе, что оно составляетъ общество, интересами котораго нельзя пренебрегать безнаказанно; земскіе гласные избирались тщательно, являлись на собранія въ полномъ составѣ и не для того только, какъ впослѣдствіи, чтобы помолчать, да сладко подремать. Наибольшимъ оживленіемъ отличались земскія собранія первыхъ двухъ трехлѣтій, на которыхъ было много полезнаго задумано, много высказано, но, къ сожалѣнію, мало сдѣлано. Въ собраніяхъ третьяго трехлѣтія общественные интересы начали затемняться личными, между гласными образовалось нѣсколько враждебныхъ партій. Собранія 4, 5 и 6 трехлѣтій, по составу гласныхъ, почти совершенно утратили характеръ общественныхъ учрежденій". И вотъ такимъ-то образомъ аткарское земство дошло до теперет-

няго печальнаго положенія: несчастный уѣздъ дѣлится на столько мировыхъ участковъ, сколько у господствующей партіи кандидатовъ на полученіе жалованья; проекты, клонящіеся къ пользѣ населенія, совсѣмъ забыты; земская медицина въ плачевномъ состояніи; по мостамъ нельзя ѣздить; дѣятельность земскихъ собраній ограничивается выслушиваніемъ и молчаливымъ утвержденіемъ докладовъ управы, которая, стремясь, повидимому, къ сокращенію расходовъ, на дѣлѣ съ каждымъ годомъ ихъ увеличивала и вообще распоряжалась, нисколько не стѣсняясь постановленіями собранія. И вездѣ слышится точно такое-же недовольство дѣятельностью земства, тѣ-же жалобы, тѣ-же упреки. Вотъ какъ, напр., корреспондентъ „Волжскаго Вѣстника" отзывается о дѣятельности земскихъ учрежденій Пермской губерніи. „Вся дѣятельность нашего земства ограничивается пока тратой бумаги и чернилъ. Удивительное дѣло, до чего доведена канцелярщина въ учрежденіяхъ, гдѣ, казалось-бы, ея и быть-то не должно. Чуть что—сейчасъ бумага. Появилась болѣзнь—пишется врачу бумага, хоть-бы онъ былъ на лицо; провалился мостъ на дорогѣ—подрядчику бумага; оказался неисправнымъ ямщикъ земскій—бумага; дровъ для школы понадобилось—сочиняй бумагу и т. д.; словомъ, бумаги тратится очень и очень много, а дѣла видимъ очень мало. По земскимъ дорогамъ въ ненастную погоду невозможно ни проѣхать, ни пройти; появись какая-нибудь повальная болѣзнь—нѣтъ ни лекарей, ни лекарствъ; количество школъ—ничтожное; жалуются, что денегъ нѣтъ, хотя тысячи тратятся на жалованье предсѣдателямъ и членамъ управъ, на награды и пособія управскимъ писакамъ". Такъ рѣзко выступающая здѣсь струна общественнаго недовольства теперешнимъ положеніемъ земскихъ учрежденій громко и внятно звучитъ во всѣхъ письмахъ изъ провинціи и особенно въ сообщеніяхъ о дѣятельности земскихъ собраній. Вездѣ общественныя требованія стоятъ неизмѣримо выше наличной земской дѣятельности.

Земскія собранія послѣдняго созыва, несмотря на характеризующую ихъ вообще безцвѣтность, можно раздѣлить на скромныя и бурныя. Одни изъ нихъ, какъ напр. казанское уѣздное земское собраніе, отличались тишиною и смиреніемъ. Они не сдѣлали ничего полезнаго, но, по крайней мѣрѣ, и скандаловъ на нихъ не было. Земцы вели себя прилично, и за это нужно сказать имъ спасибо. „Духъ взаимнаго согласія, взаимныя любезности,—разсказываетъ мѣстный корреспондентъ,—составляютъ отличительное качество казанскаго земскаго собранія. Все

прошло тихо, скромно, благородно. Тѣ гласные, которые обладали даромъ слова, вставали, говорили свои мысли, даже спорили, но „какъ-то пріятно спорили", точно Павелъ Ивановичъ Чичиковъ послѣ карточной игры у губернатора на вечерѣ. Гласные-же „безгласные" вставали и садились, смотря по надобности, но не разѣвая рта и не тормазя хода всѣхъ этихъ чтеній, разговоровъ и заключеній по управскимъ докладамъ". Обыкновенно такія собранія оканчивались тихо и незамѣтно, такъ что даже мѣстные корреспонденты не считали нужнымъ сдѣлать газетныя отмѣтки, — было-де у насъ собраніе, да и кончилось съ миромъ.

Но не вездѣ земскія собранія прошли тихо и скромно,— были между ними и бурныя. Впрочемъ, напрасно мы стали-бы искать въ земскихъ собраніяхъ отголоска міровыхъ бурь. Нѣтъ, наши земскія бури были даже не въ стаканѣ воды, но скорѣе въ грязной лохани, гдѣ гласные перемывали другъ другу кости, полоскали черное бѣлье, и куда сваливались всевозможныя дрязги, сплетни, грязь. Въ особенности печальную картину представляли земскія собранія въ Курской губерніи. Напр., послѣдняя сессія дмитріевскаго уѣзднаго земскаго собранія, по словамъ мѣстнаго корреспондента, „была цѣлымъ рядомъ скандаловъ, отъ которыхъ нескоро опомнится уѣздное населеніе. Смѣло можно утверждать, что въ цѣлой Россіи, за время 20-ти лѣтняго существованія земскихъ учрежденій, наврядъ-ли можно подъискать въ лѣтописяхъ земскихъ что-либо похожее на то беззаконіе, которымъ обогатились отнынѣ лѣтописи нашего несчастнѣйшаго земства". Скандалы начались съ того, что одинъ изъ гласныхъ, принадлежащій къ меньшинству, заявилъ объ утратѣ ценза нѣкоторыми гласными, приверженцами господствующей партіи. Такъ какъ утрата ценза въ дмитріевскомъ земствѣ составляетъ обычное явленіе, то сначала это заявленіе не произвело никакого впечатлѣнія на большинство гласныхъ. Мало того, между ними послышались довольно громкіе разговоры въ такомъ родѣ:

— Бѣда не велика... Вотъ и В—въ, предсѣдатель управы, ценза не имѣлъ, а нетолько не попалъ подъ судъ, но остался и предсѣдателемъ, и губернскимъ гласнымъ, и почетнымъ мировымъ судьею.

Но вотъ началось чтеніе записки, въ которой документально доказывалось, что членъ управы и губернскій гласный Н. Л—нъ съ 1876 г. потерялъ цензъ, перешедшій въ надѣлъ крестьянамъ, что А. Ш-кой распродалъ по мелочамъ свою зе-

млю, дававшую ему цензъ, что гласный и участковый мировой судья И—овъ, вмѣсто полнаго ценза, имѣетъ только 179 1/2 дес. земли. Гробовое, тяжелое молчаніе было отвѣтомъ на эту записку. Все въ залѣ точно оналѣло. Наконецъ, поднялся на выручку своей партіи В—инъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но голосъ оборвался и нашъ земецъ могъ только вскрикнуть, дико замахавъ руками. За нимъ дружно закричали всѣ его единомышленники. Поднялся невообразимый шумъ и гвалтъ, такъ что пришлось прервать засѣданіе. Воспользовавшись перерывомъ, партія большинства сговорилась по поводу сдѣланныхъ разоблаченій и порѣшила не прикладывать къ журналамъ прочитанную въ собраніи записку. Кто помѣшаетъ это сдѣлать большинству?! Вѣдь на то оно и большинство, на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ... Однако, у мироваго судьи И—ова все не выходила изъ головы убійственная записка. Положимъ, ее не приложатъ къ журналамъ, а все лучше, еслибы ея совсѣмъ не было. И вотъ, чрезъ нѣсколько дней, онъ обращается къ собранію съ рѣчью. Жалобныя слова лились рѣкою. „Наградою моей 18-ти лѣтней службы будетъ Сибирь",—патетически восклицалъ ораторъ. — „Дѣтямъ и внукамъ завѣщаю не служить по земству". Въ концѣ рѣчи ораторъ пролилъ слезы и съ чувствомъ проговорилъ трижды: „прощайте и простите!" Друзья пріятели закричали: „просить! просить!..."

Послѣ этого большинство вздумало отмстить меньшинству за то что оно напечатало въ столичной газетѣ корреспонденцію о неудовлетворительномъ состояніи земской больницы. Читается отчетъ ревизіонной комисіи, избранной большинствомъ: корреспонденція опровергнута съ благороднымъ негодованіемъ, больница найдена въ примѣрномъ порядкѣ, трудамъ и заботамъ земской управы отдана должная дань похвалы и признательности. Едва кончилось это чтеніе, какъ встаетъ гласный, принадлежащій къ меньшинству, и читаетъ записку четырехъ гласныхъ своей партіи, которые тоже ревизовали больницу и нашли ее въ томъ дурномъ видѣ, въ какомъ она описана въ корреспонденціи. Большинство начинаетъ кричать, чтобы заглушить чтеніе. Гласный, читающій заявленіе меньшинства, тоже оретъ неистовымъ голосомъ: „Молчать! Вы должны выслушать и не смѣете перебивать чтеніе". Наконецъ, кое-какъ водворилась тишина и большинство порѣшило: „не пріобщать къ журналамъ записку меньшинства". Послѣ этого почти въ каждомъ засѣданіи опять поднималось, нестоющее выѣденнаго яйца, дѣло о больницѣ и каждый разъ возобновлялся шумъ,

гамъ, скандалъ... Гласные изъ крестьянъ съ отвращеніемъ смотрѣли на всѣ эти безобразія, и разъѣзжаясь по деревнямъ, говорили: „И охота-же господамъ за такимъ срамнымъ дѣломъ на земское собраніе ѣздить... Знай мы, что у нихъ штурмія выйдетъ, ни въ жизнь-бы не поѣхали...“

Такими же мелочными дрязгами и безобразіями отличалось и рыльское уѣздное земское собраніе. Тутъ не было сказано ни одного путнаго и дѣльнаго слова,—безъ конца шли пререканія, перебранка между вожаками партій, травля предсѣдателя собранія. Казалось, гласные только за тѣмъ и съѣхались, чтобы побраниться, да хорошенько насолить другъ другу. Дѣло въ томъ, что въ рыльскомъ земствѣ борятся двѣ дворянскія партіи. Во главѣ большинства стоитъ предсѣдатель курской губернской земской управы г. Полянскій, во главѣ меньшинства—рыльскій уѣздный предводитель дворянства и предсѣдатель мироваго съѣзда г. Воропановъ. Оба они, можетъ быть, очень добрые и милые люди, но ругаются между собою такъ неприлично, что даже вчужѣ становится стыдно. Разъ лѣтомъ между ними произошла перебранка на мировомъ съѣздѣ. И вотъ въ Рыльскѣ нашлось бойкое перо, которое настрочило корреспонденцію въ „Русскій Курьеръ“ объ этой ссорѣ, изобразивъ мелкія и грязныя уѣздныя дрязги въ видѣ какого-то событія великой общественной важности. Въ этой корреспонденціи добродѣтель, въ видѣ г. Воропанова, торжествовала, а порокъ, въ лицѣ г. Полянскаго, былъ наказанъ, хотя, по справедливости, слѣдовало бы въ одинаковой степени наказать обоихъ. Г. Полянскій еще болѣе разобидѣлся на г. Воропанова и началъ съ своею партіею мстить противнику, воспользовавшись для этого земскимъ собраніемъ. Такимъ-то образомъ все собраніе прошло въ однѣхъ дрязгахъ, не сдѣлавъ ничего путнаго.

— Пасквильная газетка, анонимнымъ пасквилямъ которой сочувствуетъ г. предводитель дворянства..., нѣсколько разъ начиналъ г. Полянскій, кидая яростные взгляды на предсѣдательствовавшаго въ собраніи г. Воропанова.

— Газетныя корреспонденціи до земскаго собранія не относятся, прерывалъ своего врага г. Воропановъ, и лицо его озарялось улыбкою торжества.

Но большинство собранія, предводительствуемое г. Полянскимъ, рѣшилось доказать г. Воропанову, что корреспонденція задѣла за-живое рыльскихъ земцевъ. Въ каждомъ засѣданіи дѣлается какая-нибудь новая придирка къ г. Воропанову и его партіи; что ни постановленіе собранія, то новая непріятность

врагамъ г. Полянскаго. Словомъ,—безъ конца мелочи, дрязги, позоръ земства...

Въ Льговскомъ уѣздѣ тревога. На 29-го октября 1884 г. созвано чрезвычайное земское собраніе. „Зачѣмъ? что это значитъ?“—спрашиваютъ гласные, ничего не понимая. Однако, дѣлать нечего,—гласные побросали свои дѣла и поѣхали въ городъ. Въ назначенный день и часъ открывается чрезвычайное собраніе. Предсѣдатель собранія, г. Роштокъ, заявляетъ, что предсѣдатель управы, г. Н. Ржевскій, и 3 члена выходятъ въ отставку, и потому нужно выбрать новую управу. Вслѣдъ за тѣмъ братъ выбывающаго предсѣдателя управы г. В. Ржевскій встаетъ и говоритъ, что онъ желалъ бы знать причину выхода управы въ отставку.

Н. Ржевскій. Причинъ этихъ двѣ: первая причина — это неприличная, невѣжливая... и оскорбительная бумага, присланная въ управу г. Безобразовымъ.

Безобразовъ. Вы не сказали, для кого неприличная,— для писавшаго, или для управы?

Предсѣдатель. Г. Безобразовъ! Я васъ прошу не перебивать говорящаго.

Н. Ржевскій. Разумѣется, для управы... Г. Безобразовъ написалъ слѣдующее (читаетъ). „Воистинно...“

Безобразовъ. „Воистину!“

Ржевскій (поправляется и продолжаетъ). „Воистину бѣдному грѣшнику...“

Безобразовъ. „Богатому грѣшнику!..“

Предсѣдатель. Г. Безобразовъ! Я васъ прошу не перебивать...

Безобразовъ. А я прошу г. Ржевскаго не искажать моихъ словъ. Если онъ не можетъ разобрать мою руку, то позвольте мнѣ прочитать.

Н. Ржевскій (читаетъ). „Воистину богатому грѣшнику легче войти въ царствіе небесное, чѣмъ бѣдному, больному мужику попасть на излеченіе въ льговскую земскую больницу“. Эту фразу управа признаетъ неприличной, оскорбительной для себя, почему я прошу собраніе высказаться: согласно-ли оно, что фраза эта неприлична?

По требованію гласныхъ, прочитывается все заявленіе г. Безобразова о томъ, что въ земскую больницу не былъ принятъ присланный имъ рабочій. Вызывается земскій врачъ, начинаются объясненія, откапывается земская инструкція... Нако-

нецъ, послѣ всей этой канители, опять возвращаются къ вопросу.

Н. Ржевскій. Я опять обращаю ваше вниманіе, господа, на неприличіе и оскорбительность фразы г. Безобразова. Вѣдь управа вами была избрана и должна же пользоваться вашимъ уваженіемъ. Можно развѣ въ оффиціальной бумагѣ помѣщать какія-то искаженія св. писанія.

Безобразовъ. Вовсе не искаженіе, а перефразировка извѣстнаго текста св. писанія. Неприличнаго въ этой фразѣ рѣшительно ничего не заключается, а тѣмъ болѣе ничего оскорбительнаго для управы. Обращаясь теперь къ отставкѣ управы, вызванной будто бы моимъ неприличіемъ, я удивляюсь, прежде всего, отношенію управы къ земскому дѣлу. Насколько, значитъ, оно дорого ей, что изъ-за какой-то амбиціи, или ложнаго самолюбія, уязвленнаго самой невинной фразой, управа бросаетъ довѣренное ей собраніемъ дѣло и подаетъ въ отставку. Насколько, наконецъ, въ этомъ высказывается уваженіе и къ самому собранію, если управа рѣшается созывать его и занимать такими пустяками...

Н. Ржевскій. Нѣтъ-съ, это не пустяки, а оскорбленіе... Я прошу собраніе высказаться о неприличіи этой фразы!

Безобразовъ. Если вы все-таки принимаете эту фразу за оскорбленіе, то я къ вашимъ услугамъ... Обратитесь къ закону, а не къ голосованію собранія

Предсѣдатель. Управа представляетъ собою извѣстное учрежденіе, для письменныхъ сношеній съ которымъ существуетъ извѣстная форма. Наконецъ, гг., къ кому же управѣ, вами же избранной, и обратиться за помощію, въ случаяхъ оскорбленія ее кѣмъ-либо изъ васъ, какъ не къ вамъ же?

Безобразовъ. Къ закону!

Предсѣдатель. Не перебивайте!. Дѣйствительно, гг., заголовокъ заявленія г. Безобразова, помѣщенный въ оффиціальной бумагѣ, нельзя признать приличнымъ.

Безобразовъ. Это не заголовокъ, а выводъ.

Предсѣдатель. Какой же это выводъ, когда имъ начинается ваше заявленіе?!

Безобразовъ. Это ничего не значитъ: къ такому выводу я пришелъ раньше... Да, наконецъ, и управа—не департаментъ же какой-нибудь, не генералъ или генеральша, къ которымъ я долженъ входить съ отношеніями по всѣмъ правиламъ канцелярской науки. Да и я—не чиновникъ, не канцеляристъ...

Наконецъ, ставится на голосованіе вопросъ: прилична-ли

бумага г. Безобразова. Большинствомъ 20 противъ 5 голосовъ бумага признана неприличною. Тогда предсѣдатель управы. Н. Ржевскій, опять встаетъ.

Н. Ржевскій. Другая причина моего выхода слѣдующая На очередномъ собраніи г. Безобразовъ былъ избранъ членомъ ревизіонной коммисіи... Поэтому я, не желая, чтобы онъ ревизовалъ меня, вышелъ въ отставку.

Безобразовъ. Въ такомъ случаѣ выходите въ отставку, а я изъ ревизіонной коммисіи не уйду...

Предсѣдатель. Какъ же теперь быть, господа?

Опять, послѣ долгихъ пререканій, ставится на голосованіе вопросъ: выбрать-ли вновь всю ревизіонную коммисію, или только трехъ членовъ, вмѣсто отказавшихся приверженцевъ управы.

Предсѣдатель. Гг., большинствомъ голосовъ рѣшено избрать новую коммисію.

Безобразовъ. Говорятъ, господа, что „сила ломитъ и соломушку"; но меня вамъ не сломить... Я, на основаніи избранія моего очереднымъ собраніемъ, останусь членомъ ревизіонной коммисіи и въ свое время приступлю къ ревизіи.

Н. Ржевскій. А я вамъ книгъ не дамъ!..

Началась баллотировка въ члены ревизіонной коммисіи. Безобразовъ былъ забаллотированъ.

Н. Ржевскій. Теперь, господа, когда Безобразова не будетъ въ ревизіонной коммисіи, я согласенъ остаться и благодарю васъ за избраніе.

Безобразовъ. Нѣтъ, я остаюсь!..

Но голосъ Безобразова заглушенъ криками гласныхъ. Раздаются вопли, упрашивающіе управу остаться на своихъ мѣстахъ... Слышны радостныя поздравленія... Проносится шопотъ благодарности .. Наконецъ, нѣмая, умилительная картина и занавѣсъ опускается...

Если теперь изъ уѣздной глуши мы перенесемся въ Курскъ на губернское земское собраніе, то и здѣсь не найдемъ ничего, что могло-бы, хотя нѣсколько, примирить насъ съ дѣятельностью курскаго земства. И здѣсь тѣ же самые пустяки, дрязги, безобразія—и ни одной дѣятельной мысли, ни одного живаго слова. Кажется, какъ будто эти гласные совсѣмъ утратили даже подобіе интеллигентныхъ людей и вмѣсто того приняли на себя „звѣриный образъ". Вотъ, напр., передъ нами обрисовывается чрезвычайно типичная фигура земскаго „сквалыги" и „кремня" губернскаго гласнаго Евгенія Маркова. Это извѣ-

стный писатель, фельетоны котораго въ покойномъ „Голосѣ“ бывало читались на расхватъ. Давно-ли, кажется, Е. Марковъ былъ въ модѣ, читался порядочными людьми, говорилъ прилично и благородно, словомъ, велъ себя, какъ слѣдуетъ интеллигентному человѣку. А теперь что онъ говоритъ въ засѣданіяхъ курскаго губернскаго земскаго собранія?!.. Вѣдь это рѣчи не интеллигентнаго человѣка, не писателя, но скорѣе хлѣбнаго лабазника, или лошадинаго барышника. Такъ и хочется зажать носъ и заткнуть уши, какъ только Евгеній Марковъ начинаетъ говорить съ земской трибуны!..

Онъ говорилъ по поводу доклада коммиссіи о пріютѣ для подкидышей, находящемся въ г. Курскѣ. На этотъ пріютъ губернское земство расходуетъ ежегодно 14.000 руб. Въ прежнее время, когда въ земскихъ людяхъ благородныя человѣческія чувства еще не были упразднены и заглушены кабацкими и барышническими инстинктами, ни одинъ голосъ не поднялся бы противъ такого ничтожнаго расхода на помощь человѣческому несчастію и нуждѣ. Но теперь коммиссія развязно высказала, что, по ея мнѣнію, расходы по призрѣнію подкидышей должно нести то общество, которое виновато въ появленіи на Божій свѣтъ незаконнорожденныхъ дѣтей. А такъ какъ въ земскій пріютъ съ 1880 г. городъ Курскъ доставилъ 480 подкидышей, а изъ уѣздовъ прислано только 28, то и слѣдовало бы возложить содержаніе его на счетъ городскихъ суммъ. Впрочемъ коммисія высказала все это чисто по одной развязности языка, который привыкъ болтать „безъ руля и безъ вѣтрилъ“. Въ концѣ концовъ у членовъ коммисіи сохранилось на столько совѣсти и чувства порядочности, что, въ виду плохого состоянія городскихъ финансовъ, они признали нужнымъ продолжить отпускъ земскихъ суммъ на содержаніе пріюта. Противъ этого-то вольнодумнаго доклада коммисіи и послышались протесты, и полились рѣкою позорныя рѣчи...

Евгеній Марковъ. Несостоятельность города при его каменныхъ домахъ, — да это иллюзія!.. Тутъ можетъ происходить развѣ то явленіе, по которому нерѣдко богатый человѣкъ не платитъ долговъ, а бѣднякъ отдаетъ послѣдній грошъ... По моему мнѣнію, пріютъ слѣдуетъ закрыть.

Щиголевъ. Нѣтъ,—губернское земство дало жизнь этому учрежденію и тѣмъ увеличило ежегодное число подкидышей, (sic.!) такъ оно же должно и подумать о поддержаніи его. Каменные дома не дѣлаютъ Курска богаче земства, потому что у города больше потребностей, не имѣющихъ мѣста въ уѣздахъ.

Пожидаевъ. Такъ пусть уѣзды сами и воспитываютъ своихъ незаконныхъ дѣтей. Зачѣмъ-же губернское земство будетъ принимать на себя заботу о городскихъ подкидышахъ?

Е. Марковъ. Да, именно... Земство должно стоять на своей точкѣ зрѣнія. И безъ того оно содержитъ на свой счетъ больницу, которою пользуется, главнымъ образомъ, тотъ же городъ,—а тутъ еще пріютъ!.. Если мы начали это дѣло, то чѣмъ скорѣе остановимся, тѣмъ лучше. Къ чему потворствовать городской проституціи?... Немногихъ же подкидышей, доставляемыхъ изъ уѣздовъ, управа найдется пристроить какъ нибудь.

Исаковъ. Происхожденіе подкидышей не доказано еще вполнѣ точно. Женщины могутъ являться въ городъ и изъ уѣздовъ, для того, чтобы оставить здѣсь своихъ незаконныхъ дѣтей.

Полянскій. Совершенно справедливо, — послѣ ярмарки и выноса иконы, въ городѣ обыкновенно находятъ большое число подкидышей, очевидно, принесенныхъ изъ уѣздовъ подъ благовиднымъ предлогомъ. И вообще можно установить то положеніе, что въ городъ пріѣзжаютъ въ періодъ беременности, чтобы оставить здѣсь родившихся дѣтей. Въ уѣздѣ это было-бы замѣтнѣе, тамъ труднѣе избѣжать позора... При томъ же нельзя стоять на чисто экономической точкѣ зрѣнія, на точкѣ зрѣнія экономіи и сокращеній; вѣдь земство преслѣдуетъ болѣе широкія задачи...

Е. Марковъ. Удивительно мнѣ это поученіе о томъ, что не земское дѣло беречь земскую копѣйку. Что-же,—я признаю гуманное значеніе за заботами о томъ, чтобы неизвѣстныя лица имѣли мѣсто, куда сбыть плоды неизвѣстной любви. Но только вѣдь у земства много такихъ людей, которые и законныхъ дѣтей не имѣютъ возможности воспитывать.

Н. Анненковъ. Несомнѣнно, что подкидыши—продуктъ мѣстный, городской. По моему мнѣнію, слѣдуетъ оставить пріютъ еще на годъ, предупредивъ городъ о закрытіи его по прошествіи этого времени.

Китаевъ. Да какое намъ дѣло разбирать,—городской или сельскій продуктъ составляютъ подкидыши. Въ данномъ случаѣ земство проявляетъ заботливость не о матеряхъ, но о дѣтяхъ, ни въ чемъ неповинныхъ.

Волковъ. Безъ сомнѣнія, помощь на это дѣло должна исходить отъ губернскаго земства... но только нужно опредѣлить рамки расходовъ... да, рамки!..

Наконецъ смолкли эти позорныя рѣчи и собраніе успокоилось, принявъ слѣдующее постановленіе: не исключать пока изъ смѣты расходъ на содержаніе пріюта, но ходатайствовать о распредѣленіи этого расхода между городомъ и земствомъ, смотря по происхожденію подкидышей. Значитъ, мы еще можемъ надѣяться, что, по порученію Курскаго земства, Евгеній Марковъ займется изслѣдованіемъ, какіе подкидыши, по своему происхожденію, принадлежатъ земству и какіе—городу. Конечно, обо всемъ этомъ онъ составитъ обстоятельный докладъ для губернскаго земскаго собранія. И что это будетъ за чудо, что за перлъ земской статистики!..

На случай, если-бы въ курскомъ губернскомъ земскомъ собраніи состоялся докладъ о происхожденіи подкидышей, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что земству не мѣшало-бы заблаговременно предупредить объ этомъ и просить женщинъ не являться на собраніе. Иначе можетъ произойти какой нибудь непріятный случай, въ родѣ бывшаго въ 1884 году на уѣздномъ земскомъ собраніи въ Котельничѣ, Вятской губерніи. Тамъ предсѣдателемъ собранія былъ нѣкій Китъ Китычъ, городской голова, человѣкъ съ обширнымъ умомъ и такимъ блестящимъ образованіемъ, что разъ, встрѣтивъ въ земскомъ докладѣ латинское слово minimum, онъ прочиталъ его по русски „типититъ“. Увидѣвъ на земскомъ собраніи, въ числѣ публики, женщинъ, предсѣдатель нашелъ присутствіе ихъ здѣсь совершенно лишнимъ,—молъ, что имъ нужно, зачѣмъ шляются? И вотъ онъ придумалъ остроумный способъ выжить женщинъ изъ собранія. Во время доклада объ улучшеніи скота и о жеребцахъ-производителяхъ, онъ началъ пересыпать свою рѣчь такими самородными, русскими выраженіями, что всѣ женщины, какъ ужаленныя, бросились бѣжать изъ залы.

Поступокъ предсѣдателя котельническаго земскаго собранія представляетъ исключительный случай въ лѣтописяхъ земства только со стороны своей крайне грубой неблагопристойности. Что же касается невѣжества, то въ этомъ отношеніи нечего удивляться котельническому земству. У насъ на земскихъ собраніяхъ сплошь да рядомъ бываютъ случаи, еще болѣе поражающіе глубиною невѣжества. Прислушайтесь, напр., къ изумительнымъ рѣчамъ гласныхъ чухломскаго уѣзднаго земскаго собранія, созванныхъ для обсужденія мѣръ на случай появленія холеры. Рѣчь зашла о вредѣ гнилыхъ колодцевъ. Гласный С. возражаетъ: „Удивляюсь, что православные такія мысли высказываютъ; ибо давно сказано: *не скверниmъ входя-*

щсе въ уста. Давно также извѣстно, что слѣдуетъ дѣлать съ нечистыми колодцами,—нужно вычерпать 40 бадей да влить Богоявленской воды"... А гласный Юдинъ недопускающимъ сомнѣнія тономъ глубокоубѣжденнаго человѣка говорилъ: „Да къ намъ холера не придетъ, — Волга ни за что ее не пропуститъ! Такъ зачѣмъ же мы зря станемъ тратиться на разныя мѣры?" Послѣ такихъ глубоко поучительныхъ преній, въ земскомъ собраніи поднялся безпорядочный шумъ и гвалтъ. Наконецъ, вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно большинствомъ всѣхъ противъ одного.

Въ параллель съ рѣчью чухломскаго мудреца Юдина мы приведемъ, какъ образчикъ земскаго невѣжества, рѣчь все того-же извѣстнаго писателя и земскаго дѣятеля, Евгенія Маркова. Ему никто не можетъ отказать въ образованіи, и въ то же время онъ представляетъ собою олицетвореніе невѣжества, болѣе полное и совершенное, чѣмъ чухломскій гласный Юдинъ Когда на курскомъ губернскомъ земскомъ собраніи зашла рѣчь о приглашеніи на земскій счетъ спеціалиста для геологическихъ изысканій, тогда г. Марковъ горячо возсталъ противъ этого предложенія и обратился къ собранію съ слѣдующею характерною рѣчью.

— Глубоко-ли, мелко-ли подъ землею скрываются, быть можетъ, дѣйствительно неисчерпаемыя богатства, намъ до этого мало дѣла, когда въ самой землѣ, подъ руками, на виду у насъ, есть богатство,—это черноземъ. Бѣда, что нѣтъ денегъ эксплоатировать это богатство, которое не составляетъ собою загадки. Мы запутались въ долгахъ, хозяйство идетъ скверно, потому что ведется кое-какъ, на гроши. А потому нечего затѣвать безъ денегъ подобное предпріятіе. Положимъ инженеръ укажетъ, да мы не будемъ въ состояніи сдѣлать что нибудь. Выйдетъ то, что называется *близокъ локоть, да не укусишь.* Скорѣй раззоримся, какъ это случилось съ предпринимателями разработки фосфорита Знаемъ мы, что *наша земля велика и обильна, да порядка въ ней нѣтъ.* Нечего намъ разѣвать съ такимъ апетитомъ ротъ на подземныя богатства, а дай Богъ съ полями справиться. А то залѣземъ въ шахты, и никто насъ оттуда не вытащитъ...

— Надѣюсь, собраніе не увлечется толками Евгенія Львовича, — возражалъ гласный Евреиновъ. Вспомните, господа, какіе ужасы описывалъ онъ при возбужденіи вопроса о статистикѣ,—что и дорого-то очень, и безполезно и пр. Но мы слышали здѣсь, что статистическіе сборники составляютъ собою

драгоцѣнный матеріалъ, открываютъ намъ глаза. Слѣдуетъ изучать тотъ предметъ, надъ которымъ приходится хозяйничать. Между тѣмъ г. Марковъ немедленно возстаетъ, какъ скоро поднимается вопросъ о какомъ либо изученіи губерніи.

— Благодарю,—отвѣчалъ г. Марковъ,—за характеристику меня, какъ защитника невѣжества, и признаю ее вѣрною. Дѣйствительно, моя задача,—хоть одному противъ всѣхъ, охранять земскую копѣйку отъ сладкозвучныхъ земскихъ сиренъ. Сладко онѣ поютъ, очень сладко! Но интересно спросить, какъ думаетъ объ ихъ пѣніи тотъ нехитроумный Улисъ, который платитъ эту копѣйку... А что мы дѣлаемъ въ земскомъ собраніи, какъ не слушаемъ сладкозвучныхъ сиренъ? Съ тѣми надеждами, которыми онѣ увлекаютъ насъ, мы опутываемъ и свое хозяйство и земское. Пусть онѣ лучше посовѣтывали бы намъ, какъ внести деньги въ банкъ...

Нужно-ли еще тревожить позорную память Хорольскаго уѣзднаго земскаго собранія, Полтавской губерніи, для того только, чтобы показать, что въ земскихъ собраніяхъ можно услышать нѣчто худшее невѣжественныхъ рѣчей Юдина и Евгенія Маркова, наслушаться площадной ругани, насмотрѣться отвратительно дикихъ сценъ насилія?!.. Хорольскіе земцы дошли въ безобразіяхъ до небывалаго и почти невозможнаго. Девять дней собирались гласные, и каждый разъ предсѣдатель начиналъ съ того, что требовалъ удаленія пяти гласныхъ, а когда тѣ протестовали и просили поставить вопросъ на баллотировку, то закрывалъ собраніе. На девятый день разыгралась дикая сцена. Кандидатъ предводителя дворянства, подойдя къ одному изъ изгоняемыхъ гласныхъ, сказалъ:—„Я тебя за уши вытяну!“—„Молчи, мерзавецъ!“—отвѣчалъ тотъ. Этимъ и закончилось собраніе... Губернаторъ нашелъ дѣйствія предсѣдателя незаконными и поэтому было вновь созвано собраніе, которое на этотъ разъ состоялось подъ предсѣдательствомъ кандидата, нанесшаго оскорбленіе гласному. Предсѣдатель, открывъ собраніе, началъ съ того, что потребовалъ отъ исправника удалить все-тѣхъ-же пятерыхъ гласныхъ. Тотъ отказался... Наконецъ, была получена отъ губернатора телеграмма, разъясняющая, что исправникъ обязанъ исполнить требованіе предсѣдателя, не входя въ разсмотрѣніе,—законно оно, или нѣтъ. И вотъ на другой день, по требованію предсѣдателя, исправникъ торжественно приказалъ полицейскому солдату вывести гласнаго. И повели гласнаго вонъ изъ собранія...—„Вотъ, господа, какъ у насъ выводятъ изъ собранія гласныхъ!“ — закричалъ вы-

водимый, обратившись назадъ, къ безучастно хлопавшему глазами собранію.

Боже мой, до какого позора дожило земство!.. И кто-же воглавѣ этого позора?—соль земли русской, культурный классъ!.

Да и чего инаго кромѣ дрязгъ и пустяковъ, можно ждать отъ земской дѣятельности, при томъ печальномъ состояніи, въ какомъ находится въ настоящее время, наше образованное общество? Какія широкія задачи, глубоко захватывающія общественный интересъ, могутъ внести въ земство представители культурнаго класса, при отсутствіи яснаго представленія о стоящихъ на очереди народныхъ нуждахъ, заботы о которыхъ должны пасть на долю современнаго поколѣнія? Въ настоящее время, общество переживаетъ переходный моментъ, когда старыя общественныя задачи осуществляются, а новыхъ задачъ еще не выработано. Въ нашемъ недавнемъ, можно сказать, вчерашнемъ прошломъ была тщательно выработанная и наизустъ заученная всѣми, какъ будто таблица умноженія, цѣлая система общественныхъ задачъ, составлявшая экономическую программу либеральной партіи. Это былъ обильный источникъ, изъ котораго черпалъ каждый общественный дѣятель: публицистъ, земецъ и т. д. Для общества онъ былъ источникомъ живой воды, тѣмъ жизненнымъ элексиромъ, который заставлялъ усиленно биться общественный пульсъ, вливалъ въ кровь божественный огонь, возбуждалъ въ обществѣ возвышенные, благородные порывы къ добру. Отсюда и земство, въ прежнее время, заимствовало содержаніе для своей дѣятельности. И вдругъ этотъ источникъ изсякъ,—изсякъ по той причинѣ, что пришла, наконецъ, пора старымъ общественнымъ задачамъ перейти изъ области добрыхъ желаній и предположеній въ дѣйствительность. Что прежде волновало общество и давало содержаніе земской дѣятельности, то теперь сдѣлалось предметомъ дѣятельности правительства. А разъ правительство взяло на себя осуществленіе общественныхъ задачъ, значитъ, тутъ ужъ не надъ чѣмъ задумываться обществу, не отъ чего волноваться; значитъ, и для земской дѣятельности нѣтъ больше мѣста въ той сферѣ, гдѣ идетъ живая работа правительственнаго элемента.

На смѣну старыхъ общественныхъ задачъ должны выступить новыя; но ихъ еще нѣтъ, они еще не выяснились, не опредѣлились. Вотъ въ чемъ бѣда, вотъ болѣзнь современнаго русскаго общества. Вотъ отъ чего такая пустота и скука въ общественной жизни, оскудѣніе въ литературѣ, пустяки и дрязги въ земствѣ. Нѣтъ широкихъ общественныхъ задачъ,—и вотъ откры-

вается просторъ для мелочныхъ интересовъ и преслѣдованія эгоистическихъ цѣлей. Одни начинаютъ хлопотать объ узкихъ сословныхъ интересахъ. Другіе считаютъ вѣнцомъ политической мудрости жалкую доктрину о преслѣдованіи интересовъ интеллигенціи предпочтительно предъ матеріальными интересами народной массы. Иные доходятъ даже до союза съ „русскимъ кулачествомъ“. Нѣкоторые видятъ идеалъ общественной дѣятельности въ тупомъ отрицаніи широкихъ общественныхъ задачъ, съ цѣлію сбереженія земской копѣйки А большинство ударилось въ личныя дрязги и погрязло въ пустякахъ....

Когда же конецъ этому? Скоро-ли новыя, широкія задачи овладѣютъ вниманіемъ общества и земство пробудится отъ позорнаго прозябанія, когда оно только и знаетъ, что какъ будто во снѣ онучку жуетъ?..

II.

БОРЬБА ПАРТІЙ.

Ужасный видъ! они сразились;
Ихъ сабли молніей блестятъ,
Удары тяжкіе творятъ,—
И обѣ разомъ сокрушились.
Они въ ручной вступили бой:
Грудь съ грудью и рука съ рукой;
Отъ вопля ихъ дубравы воютъ,
Они стопами землю роютъ. . .

. . . .

То сей, то оный на-бокъ гнется;
Крутятся и—Ермакъ сломилъ.
„Ты мой теперь!—онъ возопилъ,—
„И все отнынѣ мнѣ подвластно“!..

Дмитріевъ.

Каждый годъ, то тамъ то здѣсь, обновляется составъ земскихъ собраній, посредствомъ избранія гласныхъ на новое трехлѣтіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый годъ которая-нибудь изъ россійскихъ палестинъ бываетъ охвачена выборною горячкою и становится ареною борьбы земскихъ партій. Вездѣ передъ выборами уѣздный муравейникъ какъ-бы просыпается и начинаетъ шевелиться. Въ земскихъ кружкахъ замѣчается сильное оживленіе. Пьютъ больше, говорятъ горячѣе, сплетничаютъ злѣе. Другъ про друга земцы разсказываютъ такія изумительныя исторіи, что постороннему человѣку остается только удивляться, почему эти земскіе люди до сихъ поръ не препровождены подъ надлежащимъ присмотромъ за Уральскій хребетъ. То всѣ шумятъ, волнуются и чуть не со слезами на глазахъ говорятъ благородныя слова; а то вдругъ всѣ стихаютъ и, забиваются по угламъ и щелямъ, о чемъ-то тихо шушукаются, сговариваются съ уха на ухо. Задумываются интриги самыя хи-

трыя и злыя, устраиваются подвохи, подводятся мины и контрмины. Словомъ, избирательная борьба вступаетъ въ полныя права.

Отличительною, характеристическою чертою борьбы земскихъ партій у насъ служитъ, по преимуществу *кружковый характеръ ея.* Только въ самое послѣднее время, когда коегдѣ стало выясняться и легло въ основу земскихъ партій различіе классовыхъ интересовъ, тогда партіи и борьба между ними въ земствѣ начали освобождаться отъ узкой кружковщины и приняли *общественный характеръ.* Но это еще большая рѣдкость, а въ громадномъ большинствѣ земскихъ захолустьевъ доселѣ царитъ въ полной силѣ кружковщина. Провинція, за немногими исключеніями, пока еще не знаетъ появившихся коегдѣ „дворянскихъ", „купеческихъ", „демократическихъ" партій, которыя, находясь чуть не въ зародышномъ состояніи, уже отличаются тою замѣчательною чертою, что однородность преслѣдуемыхъ ими классовыхъ интересовъ служитъ прочнымъ цементомъ, связывающимъ мѣстныя земскія партіи въ одну общественную группу. Вмѣсто того, напр., въ рязанскомъ земствѣ господствуетъ „Мичуринско - Алѣевская" партія, въ порховскомъ земствѣ Псковской губерніи—„Аничковская партія" и т. д.—и всѣ они ни чѣмъ не связаны между собою, имѣя исключительно одно мѣстное значеніе. Строго говоря, это совсѣмъ не партіи, но кружки, преслѣдующіе свои узкія кружковыя цѣли. Имъ мало дѣла до общества, а обществу нѣтъ дѣла до нихъ. Оттого земская избирательная борьба рѣдко захватываетъ собою все общество, но ограничивается тѣсными предѣлами земскихъ кружковъ.

Кружковымъ характеромъ земскихъ партій опредѣляются пріемы и способы избирательной борьбы. Общество остается въ сторонѣ отъ этой борьбы, которая мало затрогиваетъ общественные интересы въ широкомъ смыслѣ. Оттого, вожаки земскихъ партій, зная безучастное отношеніе общества, мало заботятся о привлеченіи его на свою сторону, о пропагандѣ въ немъ своихъ идей, о выработкѣ для партіи программы дѣйствій, наиболѣе соотвѣтствующей интересамъ общества и т. д. Вмѣсто того, всѣ работы направлены къ сформированію особаго земскаго кружка и къ привлеченію на его сторону избирательныхъ голосовъ. Но не подумайте, что подъ избирательными голосами разумѣется живой голосъ общественнаго мнѣнія, - нѣтъ, это нѣчто въ родѣ мертвыхъ душъ, безсмысленные, баллотировочные шары, которые чисто механически кла-

дутся то направо, то налѣво, по волѣ вожаковъ земскихъ партій. Весь смыслъ земской избирательной борьбы у насъ заключается въ томъ, что каждая изъ партій старается, какъ можно больше, набрать мертвыхъ душъ и представить ихъ на избирательный съѣздъ. Если мертвыхъ душъ набралось много и никто не изобличилъ земскаго Чичикова въ подлогѣ, то значитъ игра выиграна и Павелъ Ивановичъ величается, какъ „земскій избранникъ", какъ „излюбленный человѣкъ земли". и т. д. А если вышла неудача, дѣло сорвалось, подлогъ открылся, тогда на долю Павла Ивановича выпадаетъ судъ и слѣдующія за нимъ непріятности.

Тихо, скромно и мирно жила предержащая земская власть въ Судогодскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи. И вдругъ эта власть чувствуетъ, что подъ нею колеблется почва, что рядомъ съ нею, какъ будто дождевой грибъ, растетъ изъ ничего новая земская партія, которая замышляетъ свергнуть старыхъ воротилъ и поставить новыхъ во главѣ мѣстнаго земства. А изъ за чего сыръ-боръ загорѣлся?—изъ пустой непріятности съ однимъ помѣщикомъ, поручикомъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка В. С. Храповицкимъ. Предсѣдатель управы вздумалъ показать ему, что съ земскою властью шутить нельзя, что и у нея тоже есть зубы, и она умѣетъ больно кусаться. Онъ хорошо зналъ, что за Храповицкимъ, какъ и вообще за землевладѣльцами, водится одинъ грѣшокъ,— утайка земли отъ земскаго обложенія. И вотъ были вытребованы планы на землю. утайка была открыта и земскій налогъ исчисленъ по новому. совершенно правильно. Г. Храповицкій почувствовалъ, что земская власть можетъ больно кусаться, когда ему пришлось платить земскаго налога вдвое больше, чѣмъ прежде. Это-то ничтожное обстоятельство и послужило поводомъ къ образованію новой земской партіи въ Судогодскомъ уѣздѣ. Г. Храповицкій поклялся отомстить земской управѣ. низвергнувъ господствующую партію и передавъ власть въ новыя руки. Съ этою цѣлью, онъ вступаетъ въ союзъ съ купцомъ К. Л. Голубевымъ, купившимъ у него лѣсъ Купцу дается отсрочка въ платежѣ денегъ за лѣсъ, а тотъ за это составляетъ для Храповицкаго планъ компаніи противъ господствующихъ земскихъ партій. По совѣту Голубева, были розданы фиктивные цензы подставнымъ лицамъ, на имя которыхъ совершены продажи участковъ по 250 дес. въ каждомъ. Управляющій Храповицкаго Вороновъ поѣхалъ по деревнямъ склонять крестьянскихъ выборщиковъ въ пользу кандидатовъ, выставленныхъ его

хозяиномъ. Въ однихъ деревняхъ онъ обѣщалъ за это сдать въ аренду землю, въ другихъ—простить штрафъ за потравы, въ третьихъ позволилъ пасти скотину на земляхъ Храповицкаго. Наконецъ, 12 іюня 1884 г., открылся съѣздъ крупныхъ землевладѣльцевъ, началась игра въ мертвыя души. Сначала Храповицкому не повезло на съѣздѣ,—оказалось, что не совсѣмъ гладко было сдѣлано пріобрѣтеніе мертвыхъ душъ посредствомъ фиктивныхъ цензовъ. Съѣздъ не призналъ избирательныхъ правъ за владѣльцами фиктивныхъ цензовъ на томъ основаніи, что Храповицкій совершилъ продажу безъ согласія совладѣльцевъ. Но къ концу съѣзда Храповицкому повезло, особенно послѣ того, какъ было устроено угощеніе для избирателей. Это угощеніе, привлекшее на сторону Храповицкаго не мало мелкихъ избирателей, по окончаніи выборовъ перешло въ безшабашное пьянство, для котораго даже была выписана музыка изъ Владиміра.

Подкупъ избирателей обѣщаніемъ имъ разныхъ будущихъ благъ составляетъ самый примитивный и, къ несчастію, сильно распространенный у насъ способъ вербовки мертвыхъ душъ для земскихъ выборовъ. Напр., въ прошломъ году, въ Новомосковскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, передъ земскимъ собраніемъ разъѣзжали по селамъ агенты партіи старой земской управы, посѣщали новыхъ гласныхъ изъ крестьянъ и пускали въ ходъ магарычи, угрозы, обѣщанія и т. д. По отношенію къ новымъ гласнымъ старые земскіе дѣльцы не стѣснялись распускать клеветы, инсинуаціи, словомъ, все, что можетъ повредить ихъ репутаціи. Точно также въ нынѣшнемъ году, въ Пермской губерніи, замѣчается въ земскихъ кружкахъ особая суетливость и озабоченность предстоящими земскими и судейскими выборами. Для привлеченія на свою сторону избирателей, имъ обѣщаютъ мѣста, про теперешнихъ дѣятелей распускаются компрометирующіе ихъ слухи и т. д.

Но подкупъ избирателей, хотя бы и обѣщаніями, писанными на водѣ вилами, все-таки составляетъ средство далеко не всѣмъ доступное. Гораздо легче, проще и всѣмъ болѣе доступна, а потому и болѣе употребительна вербовка мертвыхъ душъ для выборовъ посредствомъ подложныхъ цензовъ, хотя и удовлетворяющихъ съ формальной стороны требованіямъ закона, но въ дѣйствительности или совсѣмъ не принадлежащихъ тому лицу, за которымъ они числятся, или же составляющихъ не ту цѣнность, какая приписана имъ. Не задумавшись, можно сказать, что установленіе имущественнаго ценза внесло

*

деморализующее начало въ земское самоуправленіе, преградивъ доступъ въ земство многимъ честнымъ и способнымъ людямъ, и широко распахнувъ ворота для всякаго рода проходимцевъ, не брезгающихъ подлогомъ для созданія себѣ земскаго ценза. Цензъ былъ неудачною выдумкою, посредствомъ которой думали передать земскую власть въ руки представителей землевладѣнія, а на самомъ дѣлѣ отдали ее какимъ-то заѣзжимъ молодцамъ безъ рода и племени, но за то съ легкою, на все податливою совѣстью. Настоящіе землевладѣльцы, обладатели дѣйствительныхъ, а не фиктивныхъ цензовъ рѣдко живутъ въ своихъ имѣніяхъ, да и вообще мало интересуются земскими дѣлами. Избирательные съѣзды крупныхъ землевладѣльцевъ у насъ отличаются малолюдствомъ. То и дѣло случается, что то тамъ, то здѣсь на съѣздъ собирается землевладѣльцевъ меньше, чѣмъ нужно избрать гласныхъ. Словомъ, землевладѣльцы сами сторонятся отъ участія въ земскихъ выборахъ, и это обстоятельство, безъ сомнѣнія, служитъ одною изъ главныхъ причинъ, почему земствомъ завладѣли проходимцы, неимѣющіе настоящаго, правильнаго имущественнаго ценза.

Между земскими служаками, вожаками партій и уѣздными воротилами сплошь да рядомъ встрѣчается такъ называемое *безцензіе*. Это земскій терминъ, которымъ означается тотъ случай, когда всею полнотою земскихъ выборныхъ правъ пользуется лицо, не имѣющее ценза. Сюда прежде всего принадлежатъ лица, которыя въ прежнее время, когда-то, имѣли цензъ, но потомъ потеряли его, а между тѣмъ, благодаря своему вліятельному положенію въ средѣ господствующей земской партіи, все продолжаютъ числиться землевладѣльцами и состоятъ на земской службѣ. Затѣмъ сюда же принадлежатъ лица, у которыхъ цензъ не достигаетъ размѣра, установленнаго закономъ, но по земскимъ документамъ фальшиво показанъ въ увеличенномъ размѣрѣ. До какой степени у насъ распространено безцензіе, можно видѣть изъ того, что въ 1884 г. на Дмитріевскомъ земскомъ собраніи Курской губерніи было указано на четырехъ лицъ, неимѣвшихъ ценза. Изъ нихъ одинъ, не имѣя ценза, оставался предсѣдателемъ управы, губернскимъ гласнымъ и почетнымъ мировымъ судьею Другой былъ членомъ управы и губернскимъ гласнымъ, несмотря на то, что земля, составлявшая его цензъ, въ 1876 г. поступила въ крестьянскій надѣлъ. Третій всю землю распродалъ по мелочамъ крестьянамъ и все-таки оставался гласнымъ.

четвертый служитъ мировымъ судьею, тогда какъ, вмѣсто полнаго ценза, за нимъ числится всего 179½ дес. земли Точно также въ Новомосковскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, одинъ изъ земскихъ „свѣтилъ“ давно запродалъ свои послѣднія 600 дес. какимъ-то нѣмцамъ и евреямъ, но такъ хитро, что купчей не совершилъ, вѣроятно, запродавъ въ формѣ долголѣтней аренды, и продолжаетъ пользоваться землею, какъ цензомъ, на земскихъ и дворянскихъ выборахъ. У него осталась одна лишь барская усадьба на 17-ти десятинахъ и съ такимъ-то цензомъ опъ занимаетъ хлѣбную должность по выборамъ и распоряжается голосами выборщиковъ.

Чаще всего въ земской практикѣ встрѣчаются цензы или совсѣмъ фиктивные, или же состоящіе изъ дешевыхъ имуществъ, неприносящихъ никакого дохода и ни на что непригодныхъ, кромѣ какъ для ценза. Послѣдняго рода цензы преимущественно пріобрѣтаются для занятія должности мироваго судьи и состоятъ изъ пустынныхъ земель, которыя въ земскихъ кружкахъ извѣстны подъ названіемъ, *цензовыхъ* земель. Такихъ земель бездна въ сѣверныхъ губерніяхъ—Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Вятской. Это—или совсѣмъ голыя пространства, оставшіяся послѣ вырубки лѣса, или же лѣсныя площади, окруженныя не замерзающими болотами и удаленныя отъ сплавныхъ рѣкъ. Такія земли пріобрѣтаются не только мѣстными служаками, но даже столичные мировые судьи иной разъ служатъ по цензу, состоящему изъ голыхъ болотъ, гдѣ нибудь въ Олонецкой губерніи. Въ настоящее время, цѣна такихъ цензовыхъ земель дошла до одного рубля за десятину. А прежде они были ни почемъ,—съ удовольствіемъ раздавались даромъ, если находился охотникъ взять ихъ. Въ одномъ изъ сѣверныхъ городовъ и до сихъ поръ служитъ мировой судья, который, лѣтъ 15 тому назадъ, пріобрѣлъ цензъ слѣдующимъ курьезнымъ способомъ. При введеніи судебно-мировыхъ учрежденій въ этой губерніи, онъ служилъ секретаремъ въ уѣздномъ судѣ и былъ самымъ заурядным секретаремъ, никогда и не мечтавшимъ о карьерѣ выше секретарской. Какъ всѣ секретари старыхъ судебныхъ учрежденій, онъ принималъ просителей съ задняго крыльца, побирошничалъ, получалъ „доходы“. Онъ съ ужасомъ ждалъ введенія мировыхъ учрежденій, думая, что пришелъ конецъ старымъ судейскимъ крючкамъ. Такъ думалъ не онъ одинъ, но даже самъ уѣздный судья Тяпкинъ-Ляпкинъ потерялъ всякую надежду на дальнѣйшее продолженіе службы, и съ глубокимъ горемъ увѣрялъ всѣхъ, что

теперь будутъ судить ученые, университетскіе. Но вышло совсѣмъ не то, чего ожидали... Разъ секретарь сидѣлъ въ клубѣ и игралъ въ карты съ управляющимъ дѣлами одного крупнаго лѣсопромышленника. Секретарь жаловался на свою судьбу, а управляющій милостиво шутилъ надъ нимъ,—сливалъ изъ недопитыхъ рюмокъ разныя вина, водки и наливки въ одинъ стаканъ и заставлялъ секретаря пить эту смѣсь къ великому удовольствію остальныхъ партнеровъ изъ купечества. — „На чтобы лучше тебѣ въ мировые судьи баллотироваться", —сказалъ управляющій секретарю. — „Образованія не имѣю." — „А ну ихъ, образованныхъ,—намъ они не съ руки". — „Опять же нуженъ цензъ,—земля или домъ". — „Такъ купи,—я тебѣ продамъ землю." — „А гдѣ денегъ взять?" — „Въ карманѣ." — „Шутите!.." — „Нѣтъ, не шучу. У тебя есть въ карманѣ рубль?" — „Есть." — „Такъ выкладывай рубль, а я тебѣ тысячу десятинъ отдамъ." Секретарь подалъ рубль, а управляющій, кладя въ карманъ деньги, сказалъ: „Сегодня могарычи выпьемъ, а завтра и купчую совершимъ." Купцы поздравили покупщика и обѣщали поддержать его на выборахъ. На другой день была совершена купчая на 1000 дес. земли, съ которой только что былъ сведенъ лѣсъ и которая оставалась лишнею тяжестью на рукахъ лѣсопромышленника. Такъ секретарь уѣзднаго суда нечаянно сдѣлался крупнымъ землевладѣльцемъ и мировымъ судьею.

Фиктивные цензы представляютъ явленіе, широко распространенное. Кажется, нѣтъ такого земства, въ которомъ бы. завѣдомо для всего мѣстнаго общества, не пользовались выборными правами обладатели фиктивныхъ цензовъ. По способу пріобрѣтенія, такіе цензы бываютъ, прежде всего, дарственные. Напр., тетушка дастъ фиктивный цензъ бѣдному племяннику,—пускай, молъ, покормится на земской службѣ. Пожилая барыня устраиваетъ фиктивный цензъ для своего молодаго и весьма скромнаго друга,—нужно-же дать ему какое-нибудь общественное положеніе. Паціентъ даетъ цензъ своему доктору, довѣритель — адвокату и т. д. Иногда сдѣлка по пріобрѣтенію фиктивнаго ценза носитъ характеръ найма для личныхъ услугъ, при чемъ продавецъ имуществъ играетъ роль нанимателя, а покупщикъ становится лицомъ, нанимающимся для личныхъ услугъ. Это бываетъ въ томъ случаѣ, когда богатый землевладѣлецъ раздаетъ фиктивные цензы лицамъ, принимающимъ на себя обязательство отдать въ его распоряженіе избирательный голосъ и вообще въ сферѣ земской дѣятельности не отступать

отъ его воли и указаній. Въ вознагражденіе за всѣ эти услуги пріобрѣтатель фиктивнаго ценза получаетъ плату или прямо деньгами, или же выборомъ въ земскую должность, въ случаѣ торжества партіи нанимателя. Иногда фиктивный цензъ имѣетъ видъ найма имущества, причемъ покупатель получаетъ право пользоваться избирательными правами, сопряженными съ правомъ владѣнія имуществомъ, а продавецъ получаетъ за это арендную плату. Кромѣ арендной платы и крѣпостныхъ пошлинъ, покупатель фиктивнаго ценза ничего не платитъ за имущество, на которое получаетъ купчую крѣпость. Но за то, одновременно съ совершеніемъ купчей крѣпости, онъ выдаетъ продавцу закладную на имущество, которое затѣмъ и остается въ полномъ распоряженіи стараго владѣльца, до тѣхъ поръ непредъявляющаго ко взысканію закладной, пока фиктивный покупатель исправно уплачиваетъ арендную плату за пользованіе выборными правами.

Въ послѣднее время все большее и большее значеніе въ борьбѣ земскихъ партій пріобрѣтаетъ 23 ст. Земскаго Положенія, предоставляющая одинаковыя съ крупными землевладѣльцами выборныя права владѣльцамъ промышленныхъ или хозяйственныхъ заведеній, имѣющихъ общій годовой оборотъ производства не менѣе 6,000 руб. Законъ умалчиваетъ о томъ, что именно можетъ служить опредѣленіемъ величины оборота, который въ сущности никому неизвѣстенъ, кромѣ хозяина. Такая неясность закона пришлась на руку охотникамъ ловить рыбу въ мутной водѣ и вожаки земскихъ партій широко пользуются ею для составленія большинства на земскихъ выборахъ. Если владѣльцы промышленныхъ заведеній являются врагами господствующей партіи, то, при помощи 23 статьи, ихъ не допускаютъ на избирательный съѣздъ; а если, наоборотъ партія нуждается въ ихъ голосахъ, то они немедленно признаются правоспособными, на основаніи все той-же 23 статьи. „Эта статья,—пишутъ, напр., изъ Осы Пермской губерніи,—служитъ нашимъ земцамъ базисомъ, стоя на которомъ, они не допускаютъ къ участію въ дѣлахъ земства нежелательныхъ почему бы то ни было имъ личностей и такимъ образомъ ревниво оберегаютъ тотъ контингентъ гласныхъ, который составился ранѣе. Дѣлается это весьма просто. Находятся, напр., въ нашемъ уѣздѣ владѣльцы заводовъ, приблизительно имѣющихъ отъ 20 до 40 тысячъ годоваго оборота. Владѣльцы эти до сихъ поръ не принимали участія въ земствѣ. Но предположимъ, что они захотѣли-бы воспользоваться предоставленными имъ закономъ пра-

вами и выступить въ качествѣ выборщиковъ. Тогда наша управа вооружается 23 статьею и, указывая на нее, требуетъ доказательства, что дѣйствительно они имѣютъ оборотъ въ 6 тысячъ. Разумѣется, отвѣтомъ на это является объясненіе, что оборотъ ихъ гораздо болѣе. Управа, однако, не довольствуется этимъ и требуетъ „доказательства". А какое могутъ представить доказательство наши промышленники, люди иногда совершенно безграмотные незнакомые съ бухгалтеріей развѣ только по имени? Доказательства, конечно, не представляются и въ результатѣ — устраненіе отъ участія въ земскихъ дѣлахъ."

Но если господствующая земская партія нуждается въ голосахъ владѣльцевъ промышленныхъ и хозяйственныхъ заведеній, то ни какія доказательства годоваго оборота не требуются, или же представляются безъ всякихъ хлопотъ и затрудненій. Всякій мелкій, деревенскій кулакъ, имѣющій кожевню, вѣтреную мельницу и т. п., легко выправляетъ за какой нибудь рубль изъ волостнаго правленія удостовѣреніе о годовомъ оборотѣ производства не менѣе 6,000 руб. и тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право на участіе въ избирательномъ съѣздѣ землевладѣльцевъ. Этимъ путемъ можно набрать много невѣжественныхъ, кулацкихъ голосовъ, которые запрудятъ собою землевладѣльческій съѣздъ и своимъ большинствомъ задавятъ всѣ остальные земскіе элементы. Такъ случилось въ 1884 году въ Камышинскомъ земствѣ, Саратовской губерніи. Тамъ въ уѣздномъ населеніи распространено производство сарпинки (родъ ситца), существующее, главнымъ образомъ, въ видѣ кустарной промышленности. Отдѣльно устроенныхъ сарпинчатыхъ заводовъ почти совсѣмъ нѣтъ и производство ведется въ обыкновенной крестьянской избѣ наличными силами одного семейства за получаемую отъ поставщика пряжи плату съ каждаго сработаннаго аршина. Производствомъ сарпинки занимаются большею частію нѣмцы-колонисты. Къ нимъ-то и обратились вожаки господствующей земской партіи, чтобы составить изъ нихъ преданное себѣ большинство на земскихъ выборахъ. И вотъ кустари явились на выборы, какъ владѣльцы промышленныхъ заведеній съ годовымъ оборотомъ не менѣе 6,000 руб. На избирательномъ съѣздѣ крупныхъ землевладѣльцевъ они составили громадное большинство, простиравшееся до 75% всего наличнаго состава членовъ съѣзда. Въ результатѣ отъ этого съѣзда, который долженъ былъ дать 23 гласныхъ, получилось то, что въ гласные попали 17 колонистовъ, за малыми исключеніями, люди безграмотные и не-

понимающіе даже русскаго языка. Эти выборы были обжалованы губернатору, который поручилъ исправнику объѣхать промышленныя заведенія: мельницы, кожевни, сарпинчатыя мастерскія и повѣрить цензъ избирателей. Исправникъ, осмотрѣвъ промышленныя заведенія и повѣривъ свой осмотръ заявленіями хозяевъ, участвовавшихъ въ избирательномъ съѣздѣ, донесъ, что изъ нихъ 56 дѣйствительно не имѣли годоваго оборота въ 6,000 руб. и не удовлетворяли условіямъ, требуемымъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ. Основываясь на такомъ донесеніи, губернаторъ опротестовалъ выборы. Земское собраніе горячо отстаивало избирательныя права владѣльцевъ сарпинчатыхъ заведеній. Впрочемъ защита была весьма натянутая и неправдоподобная. Напр., очередь дошла до повѣрки правъ одного наличнаго гласнаго, который при дознаніи показалъ исправнику, что принадлежащее ему сарпиночное заведеніе имѣетъ годовой оборотъ въ 270 руб. — „Исправникъ ошибся,—вдругъ заявляетъ гласный въ собраніи,—я показалъ въ 270 руб. производство въ одинъ мѣсяцъ, а не въ годъ.“ На вопросъ гласнаго И. П Полякова: платятъ-ли владѣльцы сарпинчатыхъ заведеній съ оборота, или съ дохода отъ производства въ земство?—оказалось, что иные платили по 3 руб. въ годъ, а многіе ровно ничего, кромѣ налога съ промысловыхъ свидѣтельствъ на мелочной торгъ. Когда тотъ-же г. Поляковъ спросилъ: почему избиратели показали исправнику и свои обороты, и производство ниже, чѣмъ показываютъ земству?—защитники отвѣчали, что они опасались обложенія новымъ налогомъ. Въ концѣ концовъ собраніе признало, что изъ 56 человѣкъ, указанныхъ въ губернаторскомъ протестѣ, только девять не имѣли ценза и участвовали въ выборахъ незаконно, но это обстоятельство не имѣло вліянія на исходъ выборовъ; поэтому выборы гласныхъ большинствомъ голосовъ признаны правильными. Губернаторъ не согласился съ такимъ постановленіемъ собранія и опротестовалъ его сенату.

Что касается выбора гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, то, вплоть до нынѣшняго года, земскія партіи старались привлекать на свою сторону крестьянскіе голоса преимущественно при посредствѣ непремѣнныхъ членовъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ. Имѣя у себя въ подчиненіи все крестьянское управленіе, непремѣнный членъ можетъ оказать сильное вліяніе на крестьянъ-выборщиковъ и дать выборамъ направленіе, какое ему угодно. Его вліяніе на выборы было тѣмъ болѣе сильно, что онъ же и предсѣдательствовалъ на съѣздѣ выбор-

щиковъ отъ сельскихъ обществъ. Обыкновенно, по его указаніямъ, выбирались въ гласные старшины и волостные писаря,— все лица, непосредственно подчиненныя ему. Вліяніе непремѣннаго члена на такого сорта крестьянскихъ гласныхъ было такъ велико, что земская партія, привлекшая его на свою сторону, обыкновенно имѣла въ своемъ распоряженіи и крестьянскіе голоса въ земскомъ собраніи. Между тѣмъ непремѣнные члены предсѣдательствовали на избирательныхъ съѣздахъ для выбора земскихъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ вопреки земскому положенію, которое возлагаетъ предсѣдательствованіе на мировыхъ судей. Въ силу циркуляра министерства внутреннихъ дѣлъ, послѣдовавшаго въ 1868 г. и затѣмъ подтвержденнаго рѣшеніемъ правительствующаго сената въ 1870 г., мировые судьи были отстранены отъ предсѣдательствованія и замѣнены мировыми посредниками, а потомъ непремѣнными членами. Такой порядокъ продолжался до нынѣшняго года, когда наконецъ, правительствующій сенатъ указомъ отъ 1-го апрѣля сдѣлалъ обязательнымъ точное исполненіе закона, возлагающаго на мировыхъ судей предсѣдательствованіе на избирательныхъ съѣздахъ для выбора гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. Можно надѣяться, что теперь вліяніе непремѣннаго члена на крестьянскіе выборы значительно уменьшится и вообще эти выборы освободятся отъ постороннихъ воздѣйствій на волю выборщиковъ.

Указъ сената отъ 1 апрѣля 1885 г. представляетъ явленіе весьма отрадное для русскаго общества. Этотъ правительственный актъ служитъ какъ бы торжествомъ законности, которая много лѣтъ оставалась въ какомъ-то завѣдомомъ забвеніи. Мы видимъ въ немъ благородную заботу правительства о свободѣ выборовъ,— объ этой главной основѣ общественнаго самоуправленія. Безъ сомнѣнія этимъ опредѣляется и дальнѣйшее направленіе правительственной дѣятельности, отъ которой общество вправѣ ожидать многаго въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія началъ общественнаго самоуправленія. Въ особенности важно то обстоятельство, что правительство спѣшитъ придти на помощь не къ кому иному, какъ къ крестьянамъ, ограждая ихъ отъ нарушающихъ свободу административныхъ воздѣйствій въ сферѣ земскаго самоуправленія. Вѣдь, собственно говоря, главнымъ тормазомъ въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія у насъ началъ общественнаго самоуправленія служатъ оставшіяся отъ старины ограниченія и необезпеченность крестьянъ въ сферѣ личныхъ и общественныхъ правъ, сравнительно съ лицами при-

вилегированныхъ культурныхъ классовъ. Доколѣ остаются эти неблагопріятныя для народа условія, до тѣхъ поръ дальнѣйшее развитіе общественнаго самоуправленія невозможно безъ опасенія, какъ бы оно не превратилось въ самоуправленіе однихъ, въ наилучшія условія поставленныхъ, общественныхъ классовъ, которые, такимъ образомъ, получатъ громадный перевѣсъ надъ общественными классами, поставленными въ худшія условія. Только съ устраненіемъ указанныхъ, неблагопріятныхъ для крестьянъ условій, съ возведеніемъ школьнаго образованія въ такую же всеобщую гражданскую обязанность, какъ и военная служба и т. д., крестьянство приметъ дѣятельное и осмысленное участіе въ земскомъ самоуправленіи, дѣятельность котораго только тогда и можетъ получить вполнѣ народное направленіе, освободившись отъ узкой кружковщины, характеризующей дѣятельность теперешнихъ земскихъ партій.

Впрочемъ, и теперь уже есть признаки, что земская дѣятельность начинаетъ выходить на болѣе широкую дорогу. Борьба партій все болѣе и болѣе осложняется и понемногу теряетъ прежній, чисто кружковый характеръ. Два года подъ-рядъ намъ приходится наблюдать въ разныхъ концахъ Россіи одинаково ожесточенную избирательную борьбу земскихъ партій, и однако въ томъ и другомъ случаѣ разница выходитъ громадная. Да оно и понятно,—въ 1883 году борьба велась въ промышленныхъ мѣстностяхъ центральной Россіи, а въ 1884 г.—въ земледѣльческой полосѣ благодатнаго юга. Тамъ представители мѣстной промышленности боролись съ землевладѣльцами изъ-за обладанія земскою властью, а здѣсь различіе классовыхъ интересовъ было мало замѣтно и борьба имѣла характеръ болѣе домашняго спора двухъ дворянскихъ партій о мѣстахъ и жалованьяхъ. Отсюда разница не только въ элементахъ борьбы, но также въ способахъ и общественномъ значеніи ея.

Нужно замѣтить, что, при введеніи у насъ земства, въ немъ преобладалъ дворянскій элементъ, которому земское положеніе давало большія преимущества предъ другими общественными классами въ сферѣ земскаго представительства. Относительно первоначальнаго духа земскихъ учрежденій, тѣхъ цѣлей, которыя имѣлъ въ виду законодатель при изданіи Положенія 1-го января 1864 г., мы приведемъ весьма компетентное свидѣтельство публициста, извѣстнаго своими трудами, посвященными періоду реформъ прошлаго царствованія. „Намъ хорошо памятно это время,—писалъ онъ во „Внутреннемъ обозрѣніи“ „Русской Мысли“ за 1883 годъ,—хорошо знакомы и влія-

тельныя лица того времени. Никакой мысли о расширеніи правъ общества, о необходимости самоуправленія, или о вредѣ системы централизаціи въ высшихъ сферахъ того времени быть не могло. Говорили только, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, дворянство теряетъ всякое значеніе въ губерніи и потому необходимо что-нибудь для него сдѣлать: и вотъ, безъ дальнихъ проволочекъ и на скорую руку, было составлено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ... Мотивомъ изданія положенія о земскихъ учрежденіяхъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ сферахъ, которымъ принадлежала иниціатива по этому дѣлу, было желаніе доставить дворянству какое-нибудь моральное вознагражденіе за утраченныя права и тѣмъ, хотя отчасти, зажать ротъ людямъ, вздыхавшимъ о блаженныхъ временахъ крѣпостнаго права".

Съ тѣхъ поръ много воды утекло и многое измѣнилось, но на югѣ, во многихъ мѣстахъ, и до сихъ поръ общественныя отношенія до такой степени сохранили первобытную простоту, что земство все еще продолжаетъ служить игрушкую въ рукахъ дворянскихъ партій. Земская власть обыкновенно переходитъ въ руки той партіи, которая одержала побѣду на послѣднихъ дворянскихъ выборахъ. Доходныя земскія мѣста и крупныя жалованья служатъ наградою побѣдителямъ и раздаются сообразно или вліянію ихъ среди мѣстнаго дворянства, или заслугамъ партіи во время выборовъ. При такихъ условіяхъ земская борьба далеко не представляетъ того захватывающаго общественнаго интереса, какой имѣетъ та же самая борьба въ промышленной полосѣ, гдѣ она годъ отъ году все болѣе принимаетъ характеръ борьбы общественныхъ классовъ во имя обособившихся матеріальныхъ интересовъ.

Подъ давленіемъ сильныхъ дворянскихъ партій, роль земства, наприм., въ Хотинскомъ уѣздѣ, Бессарабской губерніи сводится къ полному ничтожеству. Тамъ, каковъ предводитель дворянства, таково и земство; или, вѣрнѣе, предводитель—все, а земство—ничто. Съ 1869 до 1881 г., въ теченіе 12 лѣтъ, предводителемъ дворянства въ Хотинскомъ уѣздѣ оставался безсмѣнно г. И. Лисовскій. Тогда всѣ земскія мѣста попали къ родственникамъ и друзьямъ предводителя. Безпорядки въ мѣстномъ управленіи дошли до того, что даже горячій приверженецъ И. Лисовскаго не считаетъ возможнымъ оправдывать его въ напечатанномъ въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ" подробномъ разсказѣ о борьбѣ дворянскихъ партій въ Хотинскомъ уѣздѣ. „Достаточно вспомнить,—говоритъ онъ,—какъ, въ те-

ченіе 12 лѣтъ его полновластнаго управленія, разные Шмули, Симхи обдѣлывали свои гешефты и нажили состоянія, сколько неприглядныхъ дѣлъ, проводимыхъ часто его близкими, прошло безнаказанно, безостановочно. Это бросало невыгодную тѣнь на него". Предводитель постарался пристроить на мѣсто предсѣдателя земской управы своего роднаго брата. Тотъ долго предсѣдательствовалъ, но потомъ женился и закопался въ деревнѣ, отказавшись отъ службы. На его мѣсто въ предсѣдатели попалъ младшій братъ, о которомъ мѣстный обыватель даетъ слѣдующій далеко не лестный отзывъ: „Достигнувъ, при содѣйствіи братьевъ, высокаго мѣста предсѣдателя, онъ вскорѣ доказалъ, что земская власть не мертвая буква, а источникъ, у котораго жаждущіе могутъ утолить свою жажду. Онъ окружилъ себя, или скорѣе его окружили клевреты, изъ семитовъ преимущественно,—и работа закипѣла. Онъ прославилъ себя раздачею наградъ сверхъ смѣты строителямъ больницъ, и такъ набившимъ себѣ карманы, почтовымъ содержателямъ и т. п., отдачею подряда телеграфныхъ столбовъ еврею по дорогой цѣнѣ, а не землевладѣльцу, который предлагалъ гораздо болѣе выгодныя условія. За то эти строители состоятъ лейбъ-подрядчиками у него и его родныхъ. Впрочемъ, человѣкъ, съ молоду пораженный тяжкою болѣзнью, изувѣчившею его, онъ не могъ ни окончить образованія, ни выработать въ себѣ характера". Нечего сказать, хорошіе общественные дѣятели были выставлены партіею г. Лисовскаго.

Но всему бываетъ конецъ. Пришелъ конецъ и краснымъ днямъ для партіи г. Лисовскаго. Забрала силу новая дворянская партія и отняла у Лисовскаго предводительство, а съ нимъ всю власть и все вліяніе на мѣстное управленіе. Казалось бы, нужно было ожидать, что новые люди, прежде всего, искоренятъ злоупотребленія, вкравшіяся въ мѣстное управленіе при старомъ предводителѣ, и дадутъ намъ изъ своей среды новый типъ общественнаго дѣятеля. Но, увы, тотъ же мѣстный обыватель дѣлаетъ слѣдующій суровый отзывъ о новой дворянской партіи: „Искатели наживы всѣхъ сортовъ, подъ руководствомъ псевдоаристократовъ уѣзда, сплотились въ одну банду, желая воспользоваться общественнымъ пирогомъ, свергнули на дворянскихъ выборахъ 1881 г. того, кто столько лѣтъ тормазилъ ихъ дѣйствія, и выбрали предводителя изъ своего лагеря". Съ паденіемъ партіи г. Лисовскаго, и земская власть, какъ бы сама-собою, перешла въ руки новой партіи, одержавшей побѣду на дворянскихъ выборахъ. Правда, Лисовскій, еще оста-

ваясь предводителемъ, на земскихъ выборахъ 1881 г. успѣлъ провести въ гласные своихъ приверженцевъ и обезпечилъ за роднымъ братомъ мѣсто предсѣдателя земской управы; но, вслѣдъ за избраніемъ новаго предводителя, приверженцы Лисовскаго потеряли всякое значеніе и даже родной братъ его поспѣшилъ перейти на сторону побѣдителей. Этотъ послѣдній, видя крушеніе партіи своихъ родственниковъ, и не надѣясь на свои силы для борьбы съ торжествующимъ противникомъ, счелъ болѣе выгоднымъ для себя заблаговременно продать услуги какъ свои, такъ и приближенныхъ къ нему лицъ, чѣмъ дожидаться окончательнаго пораженія. Дѣйствительно, на земскихъ выборахъ въ 1884 году, партія стараго предводителя была окончательно побита и восторжествовала партія новаго предводителя. Явившись на избирательный съѣздъ, члены торжествующей дворянской партіи забросали черняками всѣхъ оставшихся приверженцевъ стараго предводителя. „Они, — разсказываетъ тотъ же обыватель, — забаллотировали такъ много достойныхъ лицъ, что на второй день не хватило автоматовъ, для пополненія законнаго состава. Тогда въ ходъ были пущены утайка шаровъ, угрозы, обѣщанія и проч., и это томительное состязаніе продолжалось двое сутокъ; возвращались къ забаллотированнымъ и уже еле-еле пополнили комплектъ. Партія Лисовскихъ распалась...“

Хотинское земство представляетъ образъ борьбы дворянскихъ партій въ ихъ чистомъ, простѣйшемъ видѣ. Здѣсь въ основу раздѣленія на партіи не положено никакихъ высшихъ, руководящихъ принциповъ, нѣтъ ничего, кромѣ прожорства отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ партіи. Сильное желаніе въ каждомъ „урвать кусокъ“ лично для себя и невозможность достигнуть этого иначе, какъ „скопомъ“, въ дозволенной закономъ формѣ, — вотъ основа подобныхъ примитивныхъ земскихъ партій. Только мало по малу, по мѣрѣ осложненія общественныхъ отношеній, этотъ простой характеръ партій начинаетъ измѣняться. Обыкновенно, дѣло начинается съ того, что нарушается первоначальное единство обжорныхъ интересовъ, бывшихъ доселѣ единственнымъ рычагомъ въ борьбѣ партій. Меньшинство, желая вырвать власть изъ рукъ господствующей партіи, ищетъ союзниковъ себѣ. Чтобы привлечь ихъ на свою сторону, дворяне вынуждены дѣлать уступки интересамъ другихъ сословій. Такимъ образомъ, въ средѣ дворянства, доселѣ полновластно распоряжавшагося судьбами мѣстнаго земства, происходитъ расколъ, является новая партія, въ своей основѣ дво-

рянская, но уже неимѣющая прежней дворянской исключительности. Чтобы оправдать уступки интересамъ другихъ сословій, молодая дворянская партія любитъ выставлять какіе-нибудь высшіе, руководящіе принципы, въ родѣ солидарности земскихъ силъ, экономической равноправности сословій, высшихъ культурныхъ цѣлей, и т. д., и т. д. безъ конца. Партіи, отличающіяся такими, дѣйствительно, прогрессивными и гуманными стремленіями, у насъ всегда принимаютъ названіе „либеральныхъ", а враждебныя имъ старыя партіи называются „консервативными".

Процессъ превращенія земскихъ партій изъ чисто дворянскихъ въ либеральную и консервативную весьма удобно и легко наблюдать въ Новомосковскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи. „Три года,—разсказываетъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" мѣстный наблюдатель,—какъ образовался здѣсь расколъ между земцами. Возникли партіи: юная-либеральная и старая-консервативная. Консервативная партія, воспитанная на традиціяхъ добраго, стараго времени, держала въ рукахъ земское дѣло со введенія земства. Отсюда понятно, старый строй не могъ уживаться съ новыми вѣяніями и народившимися потребностями. Прогрессивный ростъ земскаго дѣла, забитый въ самомъ зародышѣ, былъ задержанъ. Съ этимъ не могли ужиться люди, видѣвшіе все зло прежняго режима. Явился протестъ,—но протестъ пассивный, въ видѣ горячихъ, увлекательныхъ рѣчей, бьющихъ больше на эффектъ. Естественно, что такое состояніе протестантовъ долго продолжаться не могло: оно начало переходитъ въ равнодушіе, а затѣмъ явилось сомнѣніе во всемъ томъ, во что вѣрилось. Съ удаленіемъ со сцены этого противодѣйствующаго элемента, земство стало не учрежденіемъ, заботящимся о благѣ населенія, а синекурою для лицъ, стоящихъ во главѣ его. 18-лѣтнее существованіе его, низводится къ нулю. И застоявшаяся болотная тина уѣздной земской жизни, volens-nolens, должна была выдвинуть адептовъ либеральной партіи. Сначала попытки этой партіи отпарировались довольно удачно консерваторами. Консерваторы ясно сознавали свою слабость, но, опираясь на долголѣтній опытъ и увѣренные въ своихъ силахъ, игнорировали врага. Между тѣмъ слабенькіе либералы организовались и, сплотившись, окрѣпли и нанесли полный ударъ консерваторамъ. Этотъ ударъ—избраніе новаго предводителя дворянства изъ другого уѣзда".

Такимъ образомъ, въ новомосковскомъ земствѣ мы видимъ такую же борьбу двухъ дворянскихъ партій, какъ и въ Хотин-

скомъ уѣздѣ. Пока предводитель дворянства принадлежалъ къ консервативной партіи, до тѣхъ поръ и земство находилось въ рукахъ той-же партіи. Но вотъ на дворянскихъ выборахъ предводительство досталось г. Авксентьеву, около котораго сгруппировалась новая либеральная партія; тогда и составъ земства измѣнился, консерваторы были забаллотированы, а земскими мѣстами и жалованьями завладѣли либералы. Въ Хотинскомъ уѣздѣ предводитель, г. Лисовскій, раздавалъ своимъ братьямъ поочередно должность предсѣдателя земской управы; въ Новомосковскомъ уѣздѣ новый предводитель, г. Авксентьевъ, должно быть, не имѣетъ братьевъ и потому самъ занялъ предсѣдательское кресло въ управѣ. Словомъ, до сихъ поръ мы видимъ полную параллель въ дѣятельности враждующихъ между собою дворянскихъ партій въ Хотинскомъ и Новомосковскомъ уѣздахъ. Но здѣсь эта параллель кончается. Въ хотинскомъ земствѣ побѣда той или другой партіи не даетъ никакихъ выгодъ никому, кромѣ членовъ торжествующей партіи. Напротивъ, въ Новомосковскомъ земствѣ побѣда либеральной партіи приноситъ въ результатѣ выгоду одному общественному классу, а побѣда консерваторовъ—другому. Напримѣръ, пока земская власть оставалась въ рукахъ консерваторовъ, на народное образованіе тратилось всего 60 руб. въ годъ, и неизмѣнно сохранялись натуральныя повинности, отъ которыхъ устарѣвшій законъ освобождаетъ дворянство, сваливая всю тяжесть на плечи мужика. Все это дѣлалось въ интересахъ дворянства, избавляя его отъ лишнихъ тратъ, въ видѣ земскаго налога, который при консерваторахъ падалъ на каждую десятину земли въ количествѣ 8 коп. Но какъ только въ земствѣ получила перевѣсъ либеральная партія, тотчасъ ассигновано 4,000 руб. на народное образованіе и возбужденъ вопросъ о сложеніи съ крестьянъ натуральныхъ повинностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и земскій налогъ возвысился до 11 коп. съ десятины. Тутъ мы уже видимъ слабый зародышъ борьбы классовыхъ интересовъ на земской почвѣ, хотя обѣ враждующія партіи принадлежатъ къ одному и тому же дворянскому классу и никто не сознаетъ разницы классовыхъ интересовъ. Никому и въ голову не приходитъ,—къ чему современемъ приведетъ благородная щедрость либераловъ, которые годъ отъ году все будутъ увеличивать земскій бюджетъ ради насущныхъ потребностей мѣстнаго населенія.

Между тѣмъ, земскій налогъ все ростетъ, каждый годъ увеличиваясь на нѣсколько копѣекъ съ десятины. Плательщики начинаютъ охать и жаловаться. Каждый начинаетъ го-

воритъ, что необходимо сократить земскіе расходы, но всѣ не могутъ согласиться на счетъ того, гдѣ слѣдуетъ сократить и гдѣ прибавить. Дворянинъ говоритъ, что нужно уменьшить расходы на народныя школы, но за то увеличить ассигновку на пособія гимназіямъ. Мужикъ, наоборотъ, требуетъ сократить расходъ на гимназіи и увеличить число народныхъ школъ. Фабрикантъ говоритъ, что нужно сократить расходы вообще на народное образованіе, но зато слѣдуетъ устроить на земскій счетъ шоссированные подъѣздные пути къ фабрикамъ. Словомъ, начинается такая путаница и разноголосица, въ которой съ трудомъ могутъ разобраться существующія консервативная и либеральная партіи, искусно лавируя между зарождающимися классовыми интересами. Наконецъ, лавировать становится невозможнымъ, потому что сознаніе обособленности классовыхъ интересовъ создаетъ новыя общественныя группы, помимо существующихъ либеральной и консервативной партій. На пути къ такому положенію мы находимъ земство Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, на которомъ и остановимся, воспользовавшись прекрасными письмами о ходѣ тамошняго уѣзднаго земскаго собранія созыва 1884 г., помѣщенными въ екатеринославской газетѣ „Днѣпръ".

Въ земствѣ Александровскаго уѣзда либеральная и консервативная партіи уже успѣли распасться и началась новая группировка земскихъ силъ, въ основу которой положена разница классовыхъ интересовъ. Въ уѣздѣ,—по словамъ корреспондента названной газеты,—давно уже идетъ борьба двухъ партій,—„помѣщичьей, дворянской, какъ именуетъ она себя—представитель Иванъ Ивановичъ—и другой,—мы назовемъ ее демократической, по большинству представителей изъ „демоса"—народа, подъ какимъ нужно разумѣть всѣхъ, не имѣющихъ счастія быть занесенными въ родословныя книги россійскаго дворянства; глава ея Петръ Петровичъ. Замѣчательна группировка обѣихъ партій. Къ дворянской партіи примыкаютъ и либералы, съ нѣкоторымъ даже народническимъ пошибомъ, и консерваторы. Противная партія болѣе демократическаго характера; въ нее входятъ: крестьяне, стремящіеся къ переложенію всякаго рода повинностей на земскій счетъ, нѣмцы, ярые противники всякихъ переложеній, требующіе, напротивъ, сокращенія земскихъ расходовъ, и мелкопомѣстные владѣльцы, почему-либо ставшіе во враждебныя отношенія къ дворянству".

По словамъ корреспондента, „уже по этой группировкѣ

читатель можетъ судить, что партіи составились не во имя принциповъ, а скорѣе по личной симпатіи и антипатіи". Съ такимъ отзывомъ нельзя вполнѣ согласиться. Правда, процессъ обособленія классовыхъ интересовъ здѣсь еще не вполнѣ завершился, и оттого въ такъ-называемой „демократической" партіи мы видимъ смѣсь самыхъ разнородныхъ общественныхъ элементовъ. Но это совсѣмъ не значитъ, что земскія партіи составились во имя личной симпатіи и антипатіи. Кто тутъ можетъ быть предметомъ общественной симпатіи столь сильной, что вокругъ избранника группируется партія, исключительно во имя одной симпатіи? Вѣдь предводители дворянской и демократической партій, по своимъ личнымъ нравственнымъ качествамъ, ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга, такъ что ни одинъ изъ нихъ лично не могъ завоевать общественныхъ симпатій преимущественно передъ соперникомъ. По отзыву корреспондента, „Иванъ Ивановичъ—либералъ: онъ не прочь ратовать за все хорошее. Петръ Петровичъ тоже либералъ и тоже готовъ поддержать хорошее". Но независимо отъ ихъ личныхъ прекрасныхъ качествъ, въ земской жизни нашелся такой могущественный интересъ, который послужилъ яблокомъ раздора для двухъ партій, и который связалъ въ одну демократическую партію разнородные общественные элементы. Этотъ интересъ— земское обложеніе. „Какъ ни экономничалъ Иванъ Ивановичъ,—разсказываетъ корреспондентъ, -а все же либерализмъ безъ новой копѣйки на десятину невозможенъ. Петръ Петровичъ, кстати, обѣщалъ сбавить нѣсколько копѣекъ. Онъ и источники нашелъ: тамъ сократить, тутъ подтянуть. „Ладно, будь княземъ!" рѣшилъ обыватель. И вотъ на выборахъ партія Ивана Ивановича блистательно прогорѣла. Петръ Петровичъ торжествуетъ".

Вотъ какую картину представляло александровское уѣздное земское собраніе, когда въ первый разъ собрались новые гласные изъ побѣдившей на выборахъ демократической партіи. „Составъ собранія поражаетъ полнымъ, если не считать 3—4 человѣкъ, отсутствіемъ интеллигенціи: крестьяне и нѣмцы. Рѣчи не изысканны и почти всѣ клонятся къ тому, чтобы „сократить", „подтянуть", „засѣсть на капиталахъ". Съ такимъ же точно „сѣрымъ", не интеллигентнымъ составомъ земскихъ собраній мы встрѣчаемся и въ тѣхъ земствахъ центральной Россіи, гдѣ промышленному классу посчастливилось побѣдить дворянъ-землевладѣльцевъ на выборахъ въ 1883 году. Тамъ, такъ же какъ и здѣсь, промышленному классу удалось привлечь на свою

сторону крестьянъ обѣщаніемъ уменьшить земскіе налоги посредствомъ сокращенія расходовъ. Вся разница въ томъ, что, вмѣсто ловкаго, изворотливаго великорусскаго кулака, умѣющаго извлечь массу выгодъ изъ земской власти, на югѣ мы имѣемъ дѣло съ тупыми нѣмецкими колонистами, которые дальше „сокращенія" ничего не видятъ и потому не играютъ руководящей роли въ собраніи.

Впрочемъ, дворянская партія, блистающая интеллигентнымъ составомъ, отсутствовала только въ первомъ засѣданіи. „На другой день,—разсказываетъ корреспондентъ,—интеллигенціи прибыло, но Петръ Петровичъ подавляетъ большинствомъ. Вставанье и сидѣнье замѣчательное: всегда встаетъ одно и то же число гласныхъ. Къ вечеру постоянство начинаетъ колебаться. Тактъ; выдержка либеральной партіи полны достоинства. Орелъ старается быть великимъ въ своемъ паденіи. Рѣчи сдержанныя, но изящныя, слушаются съ удовольствіемъ, подкупаютъ публику, но мало дѣйствуютъ на дрессированныхъ вставальщиковъ. Послѣдніе, кажется, больше слѣдятъ за движеніями Петра Петровича, чѣмъ за ходомъ преній. Единицы увлекаются и понемногу дезертируютъ".

Почемъ знать,—можетъ быть, дѣло дворянской партіи еще не совсѣмъ проиграно, можетъ быть Ивану Ивановичу и посчастливится побѣдить Петра Петровича при выборахъ предсѣдателя земской управы. Хоть бы маленькое большинство удалось перетянуть на свою сторону!.. И вотъ начинается заискиванье у мужика, всевозможныя уступки и подачки ему. А тотъ остается непоколебимо твердъ въ отстаиваньи своихъ классовыхъ интерессовъ и одерживаетъ побѣду за побѣдой. Вотъ, напримѣръ, „идутъ длинные дебаты по вопросу объ овражковой повинности. Александровское земство второй разъ со времени своего существованія отказывается отъ регрессивной нормы обложенія. Постановлено требовать безразлично по 3 овражка съ десятины. Преобладаніе демократической партіи ясно сказалось. Какія жаркія пренія вызывалъ, обыкновенно, въ прежнее время, одинъ намекъ на уравнительное обложеніе! Теперь почти никто и не оппонировалъ. Управа предложила однообразную норму, „сѣрякъ" поддержалъ, вожаки не смѣли возражать,—впереди выборы, это всѣ понимали. Если и возражаютъ, то крайне сдержанно".

Впрочемъ, не однихъ крестьянъ, но и нѣмцевъ порадовали, потому что и въ нихъ нуждались вожаки партій. „Проектъ управы объ отчисленіи извѣстной суммы изъ овражковаго капи-

тала на ссуды крестьянамъ для покупки земли въ доплату къ ссудамъ крестьянскаго банка, —оставленъ открытымъ. Вожаки демократической партіи застращали бѣдныхъ крестьянъ недостаткомъ денегъ въ кассѣ, играя, главнымъ образомъ, въ руку нѣмцамъ,—все этотъ несчастный баллотировочный шаръ!“

Зато на долю крестьянъ выпала блистательная побѣда, когда разсматривались вопросы о расходахъ на народныя школы. Было сдѣлано предложеніе объ открытіи 5 передвижныхъ школъ. „Ставили вопросъ принципіально: вводить передвижныя школы, или нѣтъ? Глубоко трогательны слова гласнаго Бондаренко, крестьянина. „Пора, господа, пора протягты руку и цему сліпому народу. Де ему вчить дітей? А вчить треба... Це благо діло...“ И земство рѣшило протянуть руку. Это пахло, однако, тремя тысячами лишней ассигновки. Тутъ-то и пошли наши сократители мудрить, какъ бы такъ устроить, чтобы и овцы были сыты, и сѣно цѣло. Мудрили, мудрили и придумали: не расширять ассигновки на школы, а урѣзать *непроизводительные* расходы училищнаго совѣта“. Однако и эта затѣя провалилась, потому что крестьяне рѣшили не жалѣть денегъ на школы. То же самое было и въ московскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, въ 1883 году, когда фабриканты, захватившіе земскую власть, заикнулись объ уменьшеніи расходовъ на школы. Мужики такъ рѣшительно взглянули на нихъ, что съ тѣхъ поръ фабриканты ни смѣютъ пикнуть насчетъ школъ. То же было и въ 1884 году въ кинешемскомъ земствѣ, также попавшемъ въ руки купцовъ. И тамъ мужики на первое же слово о болѣе дешевыхъ народныхъ школахъ дали такой отпоръ, что купцы сразу потеряли охоту возбуждать этотъ вопросъ. И вообще всѣмъ земскимъ партіямъ слѣдуетъ принять за правило - не посягать на народныя школы, если дорожатъ расположеніемъ крестьянъ. Новѣйшая народная школа для крестьянъ то же самое, что реформа 19-го февраля 1861 г. Изъ всѣхъ нововведеній за послѣднюю четверть нынѣшняго столѣтія только эти два и срослись органически съ народною жизнью, такъ что нѣтъ такой силы, которая бы могла вырвать ихъ оттуда.

Вообще положеніе партій въ Александровскомъ уѣздѣ интересно своею неопредѣленностью. Вы чувствуете, что въ этихъ партіяхъ происходитъ какое-то броженіе, какъ будто онѣ ищутъ точки опоры для устойчиваго существованія. И теперь уже ясно, что классовые интересы оказываютъ могущественное вліяніе на устойчивость партій. Но въ то же время, ни одинъ

изъ классовыхъ интересовъ не получилъ преобладанія и не успѣлъ лечь въ основаніе земской партіи. Это неопредѣленное положеніе очень выгодно для крестьянъ, которые, не помышляя о захватѣ земской власти, лавируютъ между борющимися земскими партіями и пристаютъ то къ той, то къ другой, смотря по тому, которая изъ нихъ, въ данный моментъ, дѣлаетъ больше уступокъ въ пользу ихъ классовыхъ интересовъ. Нельзя не пожелать, чтобы подобной политики держались гласные отъ крестьянъ и въ другихъ земствахъ, гдѣ существуетъ борьба партій. При настоящемъ положеніи крестьянъ, это единственно возможная и самая выгодная для нихъ политика.

Между тѣмъ, обнаружившееся, въ послѣднее время, въ дѣятельности земскихъ партій, стремленіе пользоваться земскою властью, для преслѣдованія обособившихся матеріальныхъ интересовъ различныхъ общественныхъ классовъ, указываетъ на необходимость обратить серьезное вниманіе на недостатки существующей у насъ системы земскаго представительства. Будучи построено на чуждомъ русскому народу началѣ имущественнаго ценза, она въ результатѣ привела къ тому, что, за добровольнымъ устраненіемъ отъ участія въ земствѣ большинства лицъ, обладающихъ законною правоспособностью, рядомъ съ установленною закономъ системою земскаго представительства, создалась цѣлая система обхода существующихъ законовъ, съ цѣлью допустить къ участію въ земскомъ самоуправленіи лицъ, не имѣющихъ законной правоспособности. Такимъ образомъ, земство сдѣлалось игрушкою въ рукахъ ловкихъ проходимцевъ, которые, искусно воспользовавшись обходомъ закона, при безучастномъ отношеніи лицъ, облеченныхъ законною правоспособностью, захватили въ свои руки земскую власть. Пока они пользовались земскою властью для своихъ личныхъ, мелочныхъ интересовъ, бѣда была еще не велика. Но что, если недостатками существующей системы земскаго представительства воспользуются въ интересахъ какого-нибудь одного общественнаго класса и во вредъ другому? А теперь и начали ужъ пользоваться...

III.

ВЪ СТРАНѢ КРУПНАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

Лиса ѣстъ кроликовъ, а волкъ душитъ овецъ.
Оленя давитъ барсъ; повсюду наконецъ,
Могучіе богаты,
Бессильные отъ нихъ кряхтятъ,
Быки работаютъ безъ платы,
А обезьяну золотятъ.
Дмитріевъ.

Земство, при всѣхъ его недостаткахъ, все таки составляетъ пульсъ всей мѣстной жизни. Пульсъ можетъ биться неправильно, но это нетолько не умаляетъ, а еще болѣе уясняетъ въ нашихъ глазахъ важное значеніе его. Всякая неправильность въ біеніи пульса указываетъ на болѣзненное состояніе организма, чего мы долго не замѣтили-бы, еслибы пульсъ не выдавалъ такъ внятно тайну организма. Точно такое-же значеніе имѣетъ и земство: въ немъ отражается мѣстная жизнь съ ея хорошими и дурными сторонами. Поэтому безполезно разсматривать земство внѣ существующихъ условій мѣстной жизни, — иначе мы или ничего не поймемъ, или-же будемъ дѣлать неправильныя заключенія.

Если мы станемъ разсматривать, безъ всякаго отношенія къ условіямъ мѣстной жизни, хотя-бы, напримѣръ, бессарабское земство, то придемъ къ заключенію, что въ немъ нѣтъ ни жизни, ни дѣятельности, такъ что и говорить о немъ нечего. Это — библейская „мерзость запустѣнія", до которой нѣтъ дѣла живымъ людямъ и въ которой не встрѣчается никакихъ проявленій общественной жизни. Но если мы посмотримъ на бессарабское земство въ связи съ общими условіями мѣстной жизни, тогда „мерзость запустѣнія" пріобрѣтаетъ живой смыслъ, отсталое земство, со всѣми его безобразіями, становится однимъ

изъ самыхъ интересныхъ земствъ въ Россіи, и въ концѣ концовъ получаются выводы, нелишенные серьезнаго общественнаго значенія.

Бессарабія считается одною изъ лучшихъ, богатѣйшихъ провинцій Европейской Россіи. Это—благодатный край, щедро надѣленный дарами природы. Благодаря необыкновенному плодородію почвы, здѣсь земледѣльческая культура приноситъ обильный доходъ населенію, которое только имъ и существуетъ. По удачному выраженію одного изъ мѣстныхъ наблюдателей, „если Югъ считается житницей всей Россіи, то Бессарабія должна считаться житницей всего Юга“. Кромѣ хлѣбопашества, здѣсь распространены также садоводство и винодѣліе. „Бессарабія—страна вина,—говоритъ тотъ-же наблюдатель. Когда масса образована, какъ на Рейнѣ и въ Шампаньи, винодѣліе является источникомъ богатства; когда она темна, какъ въ Бессарабіи и на Кавказѣ, винодѣліе является причиной пьянства. Вся Русь пьетъ, но Бессарабія пьетъ исключительно и по-преимуществу. Молдаванинъ пьетъ даже во снѣ и даже умираетъ въ пьяномъ видѣ“.

Бессарабія представляетъ одно сплошное, безпрерывное поле, засѣянное всевозможными хлѣбными растеніями. Насколько возможно окинуть взглядомъ пространство, вы всюду видите здѣсь одно безконечное, постоянно волнующееся море хлѣбныхъ посѣвовъ, сгибающихся подъ тяжестью спѣлыхъ колосьевъ. Вы поражены громадной площадью посѣвовъ и съ изумленіемъ спрашиваете: кому-же принадлежитъ это почти невѣроятное, сказочное богатство?—„Въ эту сторону,—отвѣчаютъ вамъ,—все поля помѣщика Б.: двѣ тысячи десятинъ сплошного пшеничнаго посѣва“.—А въ ту сторону чьи поля? — „Тамъ поле помѣщика П.,—три тысячи десятинъ одной пшеницы“.—А здѣсь?—„Это экономія помѣщика X.- пять тысячъ десятинъ пшеницы“. И такъ безъ конца,—что ни экономія, то цѣлыя тысячи десятинъ посѣва. Бессарабія — это страна крупнаго землевладѣнія, помѣстье нашихъ доморощенныхъ лэндъ-лордовъ. По Янсону, здѣсь, 2.105,837 десятинъ принадлежатъ 1,205 владѣльцамъ, такъ что средняя величина каждаго владѣнія составляетъ 1,748 десятинъ.

Земли бессарабскихъ лэндъ-лордовъ обработываются посредствомъ найма окрестныхъ поселянъ. Здѣсь издавна практикуется варварская система лѣтней отработки задатковъ, выданныхъ зимою и весною, о законодательномъ увѣковѣченіи которой столь усердно хлопочутъ нѣкоторые землевладѣльцы.

По словамъ одного мѣстнаго наблюдателя, „эта система задатковъ такъ укоренилась, что она тянется десятки лѣтъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, и царанинъ является вѣчнымъ экономическимъ рабомъ“. Наемъ рабочихъ производится, за весьма малыми исключеніями, чрезъ посредство спеціальныхъ маклеровъ. Пріѣзжаетъ, напримѣръ, въ деревню маклеръ, имѣющій отъ помѣщика порученіе доставить къ такому-то сроку извѣстное число рабочихъ. Старшина и писарь, подкупленные предусмотрительнымъ маклеромъ, сзываютъ крестьянъ на сходку и заявляютъ, что „получена бумага, начальство требуетъ подати“ и т. д. Конечно, въ большинствѣ случаевъ, у крестьянъ не оказывается денегъ, а старшина и писарь жмутъ и тѣснятъ бѣдныхъ крестьянъ, не давая имъ ни сроку, ни отдыха. И вотъ крестьянинъ, волей-неволей, лѣзетъ въ петлю къ маклеру, мало обращая вниманія на ничтожность вознагражденія и на тѣ пункты письменныхъ условій, которые превращаютъ его въ живую машину. Въ сущности, зимній и осенній наемъ рабочихъ для лѣтнихъ работъ есть ни что иное, какъ особый и притомъ самый тяжелый для крестьянъ видъ кредита, въ которомъ задатокъ играетъ роль ссуды, а работа имѣетъ значеніе уплаты капитала и процентовъ,—ужасныхъ безбожныхъ процентовъ.

Вся общественная жизнь въ Бессарабіи слагается изъ взаимодѣйствія двухъ основныхъ элементовъ —помѣщиковъ, владѣющихъ землею, и царанъ, закабаленныхъ системою задатковъ, изъ году въ годъ выдаваемыхъ впередъ подъ лѣтнія работы. Бессарабія, по словамъ мѣстнаго наблюдателя, „не имѣетъ того, что называется третьимъ сословіемъ,—не имѣетъ промышленнаго, торговаго, фабричнаго, заводскаго люда. Въ Кишиневѣ есть только лэндъ-лордъ, помѣщикъ и царанинъ; землерой; изъ коренного молдаванина не вышло ни ремесленника, ни торговца, и какъ первое, такъ и второе захватили евреи и греки, греки и евреи“. При такомъ положеніи дѣлъ, само собою разумѣется, что евреи не упустили удобнаго случая эксплоатировать и помѣщиковъ, и поселянъ, обрушивая всю тяжесть преимущественно на послѣднихъ. Корреспондентъ „Новороссійскаго Телеграфа“ сообщаетъ, что послѣ отмѣны обязательнаго труда, помѣщики, не привыкшіе къ новому хозяйственному порядку, не задумались отдавать свои имѣнія въ аренду, тѣмъ болѣе, что, съ увеличеніемъ расходовъ и трудностей хозяйства, поднялась и цѣнность земли. Евреи какъ нельзя лучше воспользовались этимъ переворотомъ и сразу захватили массу земли въ арендное содержаніе, а затѣмъ пріобрѣли много

имѣній въ собственность отъ задолжавшихъ помѣщиковъ. Законъ 2-го мая 1882 г., стѣснившій евреевъ въ правѣ покупки и арендованія имѣній, здѣсь, какъ и повсюду, благополучно обходится. Къ услугамъ евреевъ всегда находится немало „столбовыхъ дворянъ", которые, за приличное вознагражденіе, пріобрѣтаютъ на свое имя земли для евреевъ. Съ особою охотою занимаются этимъ промысломъ бессарабскіе земцы, въ числѣ которыхъ можно указать на застрѣлившагося въ 1884 г. предсѣдателя оргѣевской земской управы, г. Козака.

Взаимныя отношенія лэндъ-лордовъ и поселянъ, дающія тонъ всей мѣстной жизни, отличаются грубою простотою. Благодаря существующему здѣсь крупному землевладѣнію и системѣ зимняго найма рабочихъ съ выдачею задатковъ подъ лѣтнія работы, поселяне находятся въ полной экономической зависимости отъ землевладѣльцевъ. Съ одной стороны, поселянину, поблизости отъ дома, не къ кому наняться въ работу, кромѣ своего помѣщика, а съ другой стороны, поселяне постоянно находятся въ долгу у землевладѣльца и поневолѣ должны изъ года въ годъ работать на него. Весь этотъ экономическій порядокъ, будучи весьма выгоденъ для землевладѣльцевъ, ревниво поддерживается ими, тѣмъ болѣе, что это и не представляетъ особенныхъ затрудненій для нихъ. Всегда и вездѣ экономическія отношенія служатъ основою, на которой зиждутся политическія отношенія, а тѣ въ свою очередь всегда проникнуты тенденціею къ закрѣпленію и упроченію существующихъ экономическихъ отношеній. Точно такъ-же и въ Бессарабіи экономическія отношенія оказываютъ могущественное, подавляющее вліяніе въ сферѣ политической, что съ особенною яркостью обнаруживается въ земствѣ.

Прежде всего, вліяніе крупнаго землевладѣнія сказывается въ томъ, что земство въ Бессарабіи не имѣетъ самостоятельнаго значенія; здѣсь земскія учрежденія находятся какъ-бы въ подчиненныхъ отношеніяхъ къ учрежденіямъ дворянскимъ. Лэндъ-лорды признаютъ достойными своего вниманія только дворянскія учрежденія, которыя, по ихъ мнѣнію, должны давать тонъ земству. И дѣйствительно, около лэндъ-лордовъ группируются дворянскія партіи, которыя обыкновенно вносятъ величайшее зло въ мѣстную жизнь. Эти партіи лишены всякихъ политическихъ и нравственныхъ принциповъ. Онѣ составляются во имя личныхъ интересовъ самаго низменнаго свойства. Сторонники этихъ партій добиваются побѣды на дворянскихъ выборахъ каждый для того лишь, чтобы по-своему

воспользоваться захваченною властью: вожди—для удовлетворенія своего честолюбія, ихъ дѣятельные помощники—для полученія мѣстъ, обезпеченныхъ жалованьемъ.

Дворянскими выборами рѣшается судьба земства. Побѣдившая партія, пользуясь своею организаціею, численностью и вліяніемъ на мѣстныя дѣла, безъ труда одерживаетъ верхъ на съѣздѣ землевладѣльцевъ и выбираетъ земскими гласными исключительно своихъ приверженцевъ. Съ этого момента лэндълорды удаляются въ сторону, предоставляя земскую дѣятельность мелкимъ, зависимымъ людямъ и только издали наблюдая, чтобы земцы не смѣли выходить изъ ихъ власти. Тутъ мы начинаемъ знакомиться съ вліяніемъ, которое оказываетъ на судьбы земства экономическая зависимость поселянъ отъ землевладѣльцевъ. Съ одной стороны, поселяне, будучи подавлены гнетомъ этой зависимости, не смѣютъ и мечтать о выборѣ въ земскіе гласные отъ сельскихъ обществъ лицъ, способныхъ на борьбу съ гласными отъ землевладѣльцевъ во имя интересовъ крестьянства. Съ другой стороны, землевладѣльцы направляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы гласные отъ крестьянъ находились въ полномъ послушаніи и не смѣли-бы думать о какихъ-то самостоятельныхъ интересахъ крестьянства. Въ этихъ видахъ, на должность непремѣнныхъ членовъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій избираются лица, хорошо извѣстныя своею преданностью интересамъ господствующей дворянской партіи. Приведемъ одинъ примѣръ, на основаніи котораго можно судить о томъ, какую важность придаетъ партія выбору непремѣнныхъ членовъ и какъ производятся эти выборы. На губернскомъ земскомъ собраніи, бывшемъ въ январѣ 1884 г., должны были происходить выборы непремѣнныхъ членовъ, причемъ бывшая въ собраніи немногочисленная оппозиція собиралась помѣшать господствующей партіи въ ея намѣреніи провести своихъ кандидатовъ. Тогда вожди господствующей партіи сговорились воспользоваться субботою, когда въ Кишиневѣ устраиваются всевозможныя увеселенія, заманчивыя для съѣхавшихся изъ уѣздовъ гласныхъ. Молодежь, изъ которой исключительно состояла оппозиція, предпочла эти удовольствія скукѣ сидѣть въ собраніи. Между тѣмъ, господствующая партія только этого и дожидалась: выборы непремѣнныхъ членовъ были произведены при полномъ отсутствіи оппозиціи и кончились почти единогласнымъ избраніемъ самыхъ надежныхъ членовъ партіи.

Непремѣнные члены, будучи избираемы изъ среды господ-

ствующей партіи, оказываютъ ей самыя существенныя услуги въ земствѣ, особенно во время выбора земскихъ гласныхъ. Они всегда пользуются своимъ оффиціальнымъ положеніемъ, чтобы вліять, въ интересахъ своей партіи, на выборы гласныхъ отъ крестьянъ. До послѣдняго времени въ Бессарабіи это вліяніе сплошь да рядомъ переходило въ самое грубое насиліе надъ волею крестьянъ-выборщиковъ. „Разверните любую изъ южныхъ газетъ въ періодъ избирательной агитаціи"—, писалъ „Одесск. Листокъ" въ концѣ 1884 года,— „и вы увидите, что попирательство закона, выборныхъ началъ и правъ царанина на выборахъ достигло грубѣйшаго, голаго цинизма. Въ газетахъ не разъ констатировалось, и мы личными наблюденіями это подтверждаемъ, что непремѣнные члены просто *приказывали* царанамъ выбирать того-то и того-то, а царанинъ, забитый и запуганный, не смѣетъ и пикнуть". Подъ вліяніемъ непремѣннаго члена, въ гласные отъ крестьянъ обыкновенно избирались, прежде всего, онъ самъ, затѣмъ подчиненные ему волостные старшины и, наконецъ, кое-кто изъ намѣченныхъ имъ поселянъ. Въ земскомъ собраніи эти лица бывали безпрекословными исполнителями воли непремѣннаго члена. Такимъ образомъ достигалось то, что земское собраніе служило проводникомъ интересовъ господствующей дворянской партіи и подчинялось волѣ стоящихъ во главѣ ея лэндъ-лордовъ.

Кромѣ того, непремѣнные члены оказываютъ и другую весьма важную услугу землевладѣльцамъ. Пользуясь своею властью надъ поселянами, они ревностно наблюдаютъ, чтобы тѣ ни подъ какимъ видомъ не смѣли уклоняться отъ исполненія, заключенныхъ землевладѣльцами условій найма рабочихъ, съ выдачею задатковъ осенью и зимою. Они знать не хотятъ того, что согласіе крестьянъ, на такія завѣдомо невыгодныя условія, было вынуждено крайнею необходимостью имѣть деньги во что-бы то ни стало и неразвитостью крестьянъ, ихъ непониманіемъ всего ужаса той кабалы, въ какую ставятъ ихъ ростовщическія условія найма. Стоитъ землевладѣльцу пожаловаться на неисполненіе крестьянами договора, и непремѣнный членъ спѣшитъ принять мѣры къ понужденію, забывая, что совсѣмъ не его дѣло вмѣшиваться въ область гражданскихъ сдѣлокъ между частными лицами. Въ примѣръ безцеремонности, съ какою непремѣнные члены пользуются своею властью надъ крестьянами, мы приведемъ предписаніе непремѣннаго члена Кишиневскаго уѣзднаго поселенскаго присутствія г. До-

пики-Іордакеско волостному правленію, послѣдовавшее по жалобѣ одного землевладѣльца на неисполненіе поселянами запродряженныхъ работъ.

„Землевладѣлецъ вотчины NN, коллежскій совѣтникъ XX, словесно заявилъ мнѣ, что многіе N—скіе поселяне, взявъ у него деньги по условію на разныя полевыя работы за настоящій годъ, таковыхъ не выполнили, а слѣдовательно, заключенныя условія письменныя нарушены, чрезъ это NN по невыполненію работъ введенъ въ убытокъ и ущербъ и этимъ разстроено его экономическое хозяйство, а потому строго предписываю N—скому волостному старшинѣ лично отправиться въ сказанную экономію и отъ управляющаго этой экономіей освѣдомиться о N-скихъ поселянахъ, нарушившихъ условія, затѣмъ взять именной списокъ тѣхъ изъ поселянъ, которые не выполнили работъ, и принять понудительныя мѣры къ выполненію сказанныхъ работъ и объ исполненіи, подъ опасеніемъ отвѣтственности, мнѣ донести, имѣя въ то же время за исполненіемъ личное наблюденіе, такъ какъ таковое нарушеніе я отношу къ явному обману и вымогательству и обманъ этотъ можетъ тяжело отозваться на ихъ матеріальномъ положеніи въ томъ случаѣ, если г. NN вынужденъ будетъ привлечь ихъ къ отвѣтственности, поискивая свои убытки и требуя вознагражденія, а такъ какъ девизомъ моей служебной дѣятельности была и есть постоянная забота объ интересахъ поселянъ, что ясно выражено въ неоднократныхъ моихъ предписаніяхъ въ виду обезпеченія поселянамъ кредита, на случай, если ихъ постигнетъ какая-либо нужда, у тѣхъ же землевладѣльцевъ, которые, при добросовѣстномъ выполненіи своихъ договоровъ, не откажутъ имъ въ кредитѣ, и такимъ образомъ, бытъ поселянина вообще, и его домашнее благосостояніе въ особенности, будетъ вполнѣ обезпечено“.

Такъ какъ вся сила и власть преобладающей въ земствѣ партіи лэндъ-лордовъ покоится на существующихъ въ краѣ экономическихъ отношеніяхъ, то само собою понятно, что и вся земская дѣятельность направлена прежде всего къ поддержанію и упроченію этихъ отношеній. Въ этихъ видахъ бессарабское земство систематически отказываетъ въ средствахъ на народное образованіе, справедливо опасаясь, что распространеніе образованія можетъ оказать вліяніе на измѣненіе существующихъ отношеній, вопреки интересамъ помѣщиковъ. И дѣйствительно, школьное образованіе, распространяясь въ массѣ, вызываетъ въ ней новыя потребности, для удовлетворенія ко-

торыхъ необходимы съ одной стороны увеличеніе заработной платы, съ другой—уменьшеніе длины рабочаго дня. Такъ какъ то и другое существеннымъ образомъ нарушаетъ интересы помѣщиковъ, то въ Бессарабіи намъ приходится наблюдать очень интересное явленіе: здѣсь губернаторъ отстаиваетъ интересы народа и требуетъ увеличенія расходовъ на народную школу, а земство не хочетъ увеличивать числа школъ въ селахъ, охотно содѣйствуя въ то-же время развитію средняго и отчасти высшаго образованія. Въ январѣ 1884 года, при открытіи губернскаго земскаго собранія, губернаторъ прямо упрекалъ земство въ томъ, что оно предоставило народную школу исключительной заботливости самихъ сельскихъ обществъ. По количеству земскихъ расходовъ на народную школу, бессарабское земство занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду всѣхъ другихъ земствъ. Бессарабія—это самая безграмотная страна. На 1.400,000 населенія приходится 17,000 обучающихся въ начальныхъ школахъ, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ. Даже тѣ ничтожныя средства, которыя нынѣ отпускаются на народное образованіе, земство старается употребить преимущественно съ пользою для помѣщиковъ. Такъ напр., помня блаженное время, когда у помѣщиковъ были свои крѣпостные портные, ткачи, сапожники, даже музыканты, живописцы и поэты, земство задумало образовать изъ крестьянъ ремесленниковъ, для надобности помѣщиковъ, и въ этихъ видахъ начало открывать ремесленные классы. Но народъ, занятый исключительно земледѣльческимъ трудомъ, не нуждается въ ремесленныхъ школахъ и не отдаетъ въ нихъ своихъ дѣтей. Изъ этого выходятъ ужасные курьезы. Напр., въ Кишиневскомъ уѣздѣ, въ ремесленный классъ, за все время его существованія, поступилъ одинъ только ученикъ, но и онъ вскорѣ былъ взятъ родителями. Несмотря на это, классъ продолжалъ существовать безъ учениковъ. Уѣздное земское собраніе, узнавъ о такомъ печальномъ положеніи класса, не убѣдилось въ безполезности своей затѣи, но поручило управѣ „принять болѣе дѣйствительныя мѣры къ убѣжденію поселянъ въ пользѣ изученія ремеслъ“, и разрѣшило израсходовать съ этою цѣлью до 300 руб.

Какъ въ 1884 году, при открытіи губернскаго земскаго собранія, губернаторъ напомнилъ земству забытую имъ обязанность распространять школьное образованіе въ народной массѣ, такъ и въ 1885 г. вице-губернаторъ С. Ф. Танскій, открывая то же собраніе, указалъ на необходимость организаціи земской статистики. „Та или иная, лучшая организація народнаго про-

довольствія, а равно и множество другихъ мѣропріятій земско-хозяйственнаго характера,—говоритъ онъ,—необходимо предполагаютъ обладаніе свѣдѣніями, обрисовывающими экономическое положеніе населенія. Доставить же такія свѣдѣнія могутъ только правильныя статистическія изслѣдованія, лучшая организація которыхъ возможна только мѣстному учрежденію, ближайшимъ образомъ вѣдающему народныя пользы и нужды, каковы учрежденія земскія. А потому я позволилъ бы себѣ просить васъ, не отказать въ вашемъ вниманіи возникавшему уже въ вашемъ собраніи вопросу о статистическихъ изслѣдованіяхъ, необходимыхъ въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что общее хозяйственное положеніе губерніи, вызванное крайнимъ упадкомъ хлѣбныхъ цѣнъ и застоемъ въ хлѣбной торговлѣ, несомнѣнно вызоветъ въ собраніи необходимость принятія какихъ-либо мѣръ, способныхъ увеличить производительность многихъ отраслей, свойственныхъ хозяйству Бессарабской губерніи“. Важность этого предложенія въ интересахъ массы поселянъ понятна сама собою изъ того, что земская статистика, между прочимъ, имѣетъ спеціальной задачей—приведеніе въ извѣстность количества и цѣнности имуществъ, подлежащихъ земскому обложенію. Такъ какъ землевладѣльцы часто стараются скрыть свои имущества, или уменьшить цѣнность и доходность ихъ, сваливая бремя земскихъ налоговъ преимущественно на крестьянъ, поэтому-то они, по преимуществу, являются такими озлобленными врагами земской статистики. Можно вообразить себѣ, какова должна быть *равномѣрность* земскаго обложенія, при тѣхъ крѣпостническихъ тенденціяхъ, которыми проникнута дѣятельность бессарабскаго земства.

Какъ и слѣдовало ожидать, бессарабскіе земцы торжественно провалили статистику. Противъ нея высказался самый цвѣтъ мѣстнаго образованнаго общества, краса бессарабскаго земства. Во главѣ противниковъ статистики стояли все лица съ высшимъ образованіемъ—адвокатъ Ратко, бывшій прокуроръ Мичу-Николаевичъ и др. Въ блестящихъ рѣчахъ они высказывали глубокое уваженіе къ статистикѣ, какъ къ наукѣ, но... заводить земскую статистику въ Бессарабіи, по ихъ мнѣнію, не своевременно. Припомнили даже угрозу, которую за нѣсколько дней предъ тѣмъ, высказалъ членъ ревизіонной коммисіи, гласный г. Писаржевскій: „еще нѣсколько лѣтъ *такого* хозяйства и бессарабское земство рискуетъ стать передъ трибуной суда“. Дѣйствительно, финансовое положеніе земства въ „житницѣ Юга“ оказалось не только не блестящимъ, но и со-

всѣмъ близкимъ къ банкротству. Землевладѣльцы годъ отъ году все сокращаютъ платежъ земскихъ налоговъ, такъ что земство существуетъ почти одними крестьянскими платежами. Въ 1882 г. состояло въ недоимкѣ губернскаго земскаго сбора 292,279 руб., а въ 1884 году недоимка возросла до 339,968 руб. Спеціальные капиталы, переданные въ земство при введеніи его въ Бессарабской губерніи, годъ отъ году таютъ, уменьшаясь, вслѣдствіе безпрерывныхъ позаимствованій. Такъ напр. запасный капиталъ, при передачѣ его въ вѣдѣніе земства, простирался до 140,000 руб., не считая недоимокъ, а теперь уменьшился до 33,000 руб. Сохранившіеся остатки спеціальныхъ капиталовъ постоянно расходуются на текущія надобности земства, для удовлетворенія смѣтныхъ расходовъ. Такъ къ 1 ноября 1884 года числились слѣдующія суммы капиталовъ: 1) запаснаго 33,061 руб. 59 коп., 2) страховаго 212,231 р. 77 коп., 3) общественнаго призрѣнія 2,747 руб. 99 коп., 4) продовольственнаго 173,854 руб. 76 коп., 5) пенсіоннаго 592 руб. 53 коп., 6) женской гимназіи 11 р 25 к., 7) разныхъ кредиторовъ 86,051 р. 83 коп., всего 508,551 р. 73 коп. Изъ того числа осталось на лицо всего лишь 168,679 р 53 к., а 339,872 р. 20 коп., употреблены земствомъ на разныя его надобности. Такое финансовое разстройство заслуживаетъ того, чтобы серьезно подумать о поднятіи производительныхъ силъ края, щедро надѣленнаго дарами природы, въ чемъ много могло бы помочь земству статистическое изслѣдованіе губерніи. Но бессарабскіе земцы воспользовались угрожающимъ земству финансовымъ банкротствомъ только для того, чтобы имѣть въ немъ лишній аргументъ противъ статистики. „Мы стоимъ передъ дверями суда, намъ угрожаютъ уголовщиной,—говоритъ гласный Эржіу,—а вы хотите слупить четыре тысячи на статистику“. И земское собраніе отклонило предложеніе о производствѣ статистическихъ изслѣдованій...

Въ особенности замѣчательно стараніе бессарабскихъ лэндъ-лордовъ закрѣпостить себѣ трудъ поселянъ, пользуясь для этого всевозможными способами, въ томъ числѣ и авторитетомъ земства. Опутавъ долгами и закабаливъ поселянъ посредствомъ варварской системы зимнихъ и весеннихъ задатковъ подъ лѣтнія работы, помѣщики стараются упрочить эту систему посредствомъ законодательнаго признанія правомѣрности ея. Съ этою цѣлью крупные землевладѣльцы, состоящіе членами общества сельскаго хозяйства южной Россіи, возбу-

дили надѣлавшее такъ много шуму ходатайство передъ правительствомъ объ уголовной отвѣтственности рабочихъ за неисполненіе обезпеченныхъ задатками договоровъ съ землевладѣльцами о наймѣ для исполненія лѣтнихъ земледѣльческихъ работъ. Общество пригласило бессарабское земство присоединиться къ ходатайству, въ увѣренности, что встрѣтитъ самую горячую поддержку себѣ въ этомъ помѣщичьемъ гнѣздѣ. Дѣйствительно, земство съ радостью откликнулось на крѣпостническій призывъ. Напримѣръ, въ ясскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи докладъ управы по этому предмету вызвалъ оживленныя пренія гласныхъ. Гласный Кассо полагалъ, что общій ропотъ на рабочихъ не согласенъ съ дѣйствительностью, а если и бываютъ случаи неисполненія рабочими договоровъ, то они происходятъ отъ эксплоатаціи, которой рабочіе подвергаются со стороны людей, занимающихся спеціально наймомъ рабочихъ за низкую плату и потомъ перепродающихъ ихъ въ невыгодныя для рабочихъ мѣста и на невыгодныхъ условіяхъ. Другіе гласные были совсѣмъ противоположнаго мнѣнія, обвиняя рабочихъ въ постоянномъ нарушеніи договоровъ и объясняя это отсутствіемъ закона, который бы установилъ строгую отвѣтственность для рабочихъ за неисполненіе договоровъ найма. Вопросъ былъ поставленъ на баллотировку и большинствомъ голосовъ рѣшенъ въ смыслѣ присоединенія къ ходатайству общества сельскаго хозяйства.

Кромѣ ревностнаго служенія интересамъ крупнаго землевладѣнія, понимаемымъ въ смыслѣ экономическаго и политическаго угнетенія крестьянской массы, дѣятельность бессарабскаго земства не имѣетъ никакого смысла. Даже самые ярые защитники дворянскихъ интересовъ, вродѣ г. Леонарда, и тѣ съ полнымъ презрѣніемъ относятся къ бессарабскому земству, которое, по ихъ словамъ, обратилось „въ сухое, бюрократическое учрежденіе, въ новое мѣсто обложенія и взиманія налоговъ, игнорируя всѣ живые интересы края“. Преобладаніе лэндъ-лордовъ привело къ тому, что земствомъ завладѣли ихъ креатуры, у которыхъ нѣтъ ничего святого, никакихъ принциповъ, никакихъ задачъ и стремленій, ничего, кромѣ всепожирающей страсти къ наживѣ. „Люди, вошедшіе въ составъ гласныхъ настоящаго трехлѣтія, говоритъ г. Дульскій въ „Одесскомъ Листкѣ“,— не имѣютъ ничего общаго съ земскими интересами; мало того,— они, если хотите, не усвоили себѣ даже самыхъ элементарныхъ представленій о назначеніи мѣстнаго самоуправленія и о тѣхъ цѣляхъ, какія оно должно бы преслѣ-

довать. Попавъ въ гласные, а потомъ и на другія мѣста, по волѣ нѣсколькихъ узурпаторовъ края, ставъ у кормила правленія, захвативъ въ свои руки общественный сундукъ, — эти господа твердо запомнили лишь одно, что отъ нихъ ничего больше, кромѣ рабскаго повиновенія, не требуется. Въ остальномъ же нечего себя сдерживать"...

Точно такой же отзывъ о теперешнихъ дѣятеляхъ бессарабскаго земства даетъ и г. Леопардъ въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ". „Каждый разъ, говоритъ онъ, когда вы вступаете въ которое-либо изъ собраній края, безотрадная картина страны невольно предстаетъ предъ вами: она давитъ вамъ сердце; вы не можете не испустить вновь крика отчаянія и не заговорить въ сотый разъ объ извѣстныхъ боляхъ края, которымъ не предвидится конца. Но васъ поддерживаютъ вяло, апатично, какъ-то безнадежно, и спѣшатъ перейти скорѣе къ баллотировкѣ, къ партійнымъ интересамъ, къ интересамъ службы, — да, службы, этого Молоха, поѣдающаго все у насъ и составляющаго альфу и омегу бытія для многихъ, не дающаго покоя и возможности заняться дѣломъ".

Трудно сказать, есть-ли еще другой край, гдѣ бы общественное самоуправленіе проявлялось въ такомъ безобразномъ видѣ, какъ въ Бессарабіи. Строго говоря, это не есть даже самоуправленіе, но какое-то самоуправство одной господствующей партіи. И однако даже въ такомъ безобразномъ видѣ, земское самоуправленіе не теряетъ важнаго значенія. Зло и вредъ, которые приноситъ бессарабское земство своею дѣятельностью, искупаются пользою, происходящею отъ того, что при посредствѣ земства выходитъ наружу тотъ ужасный недугъ, который иначе продолжалъ бы скрываться внутри общественнаго организма.

Корень недуга, какъ мы видѣли, лежитъ въ существующихъ экономическихъ отношеніяхъ. Они же сообщили и земскому самоуправленію въ Бессарабіи направленіе, проникнутое стремленіемъ къ поддержанію и дальнѣйшему закрѣпленію ихъ. Это стремленіе находитъ могучую поддержку себѣ въ земской власти, что прямо указываетъ на громадное значеніе земскаго самоуправленія въ народной жизни. Если существующія экономическія отношенія перестанутъ находить себѣ поддержку въ земской власти, то отъ этого, конечно, они не измѣнятся, но, потерявъ весьма важную и сильную поддержку, они будутъ болѣе доступны и общественной критикѣ и мѣропріятіямъ, которыя могутъ быть признаны необходимы-

ми для измѣненія ихъ въ видахъ общаго блага. Отсюда само собою является требованіе поставить земскія самоуправленія въ такое положеніе, чтобы оно не было одностороннимъ выразителемъ интересовъ одного общественнаго класса, которому существующія въ краѣ, экономическія отношенія приносятъ пользу во вредъ другимъ классамъ. А для этого нужно прежде всего открыть равный для всѣхъ *лицъ* мѣстнаго населенія доступъ къ земскому самоуправленію, съ обезпеченіемъ разумнаго участія въ немъ, посредствомъ всеобщаго, обязательнаго образованія, и съ предоставленіемъ права свободной группировки общественныхъ силъ, сообразно однородности въ данный моментъ существующихъ общественныхъ интересовъ, при чемъ должно быть тщательно ограждено для группъ, состоящихъ въ меньшинствѣ, право на участіе въ представительствѣ.

IV.

ЗЕМСКІЕ ПРОМЫСЛЫ И ХИЩЕНІЯ.

А волки говорятъ: помилуй насъ, отецъ!
Не ты-ль намъ къ зимѣ на тулупы
Позволилъ легонькой оброкъ собрать съ овецъ!
А что они кричатъ, такъ овцы глупы:
Всего-то придетъ съ нихъ съ сестры по шкуркѣ снять,
Да и того имъ жаль отдать!

Крыловъ.

Не спи, казакъ!—во тьмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой...

Пушкинъ

Въ короткое время, сбѣжали два проворовавшіеся предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ — гг. Мицкій и Гаршинъ. По этому поводу газеты подняли шумъ, заговорили, что нужно устроить земскій контроль. „Русскій Курьеръ", съ рѣзвостью и игривостью молодого котенка, рекомендовалъ учрежденіе „ревизіонной коммисіи, составленной изъ любителей, добровольно взявшихся за дѣло" (sic). Но „Русскія Вѣдомости", или вѣрнѣе, жильцы верхняго этажа этой двухэтажной газеты, глубокомысленно наморщивъ старческое чело, не одобрили такой добровольной земской охраны. Съ педантической чопорностью, они произнесли классическое *нельзя не сознаться...* „Конечно, желательно, говорила газета, чтобы въ составъ ревизіонной коммисіи входили не одни сторонники управы, но открытіе доступа къ ней всѣмъ желающимъ гласнымъ едва-ли принесетъ замѣтную пользу". Съ своей стороны, „Вѣдомости" предложили чисто чиновничій проектъ, — нужны, молъ, „уѣздныя и губернскія контрольныя присутствія, составляемыя изъ правительственныхъ и земскихъ членовъ и имѣющія назначеніемъ производство ревизіи во всѣхъ мѣстныхъ, правительственныхъ и

*

земскихъ учрежденіяхъ". Что можетъ быть проще этого? Учредить новое „присутствіе", издать новый „штатъ",—и дѣло сдѣлано... Не даромъ жильцы нижняго этажа „Русскихъ Вѣдомостей"—Щедринъ и Гл. Успенскій полемизируютъ съ глубокомысленными обитателями чердака и такъ зло смѣются надъ ними!

Провинціальная печать ни одобрила ни того, ни другого проекта. Надъ измышленіемъ „Курьера" она благодушно посмѣялась,—очень уже веселая эта газета! По адресу же „Вѣдомостей" „Волжскій Вѣстникъ" посылаетъ слѣдующія замѣчанія на счетъ контрольныхъ присутствій. „Разъ идетъ рѣчь о данномъ положеніи земства, подобныя присутствія рѣшительно нежелательны. Подчиненіе имъ земства въ одной изъ самыхъ существенныхъ сторонъ дѣятельности — финансовой — будетъ имѣть въ результатѣ обезличеніе самоуправленія, сведетъ къ нулю право послѣдняго вѣдать мѣстныя хозяйственныя нужды". Съ своей стороны, газета совсѣмъ устраняетъ вопросъ объ организаціи земскаго контрольнаго учрежденія, сводя дѣло на вопросъ объ измѣненіяхъ въ организаціи самого земства. „Вопросъ о контролѣ, — говоритъ она, — разрѣшается проще, если допустить самому же земству воспользоваться средствами для подъема его дѣятельности въ интересахъ всего мѣстнаго населенія, а не личныхъ или партійныхъ". Словомъ, нужно реорганизовать земское представительство на болѣе справедливыхъ основаніяхъ, не по случайному признаку одного владѣнія недвижимымъ имуществомъ,—и тогда самъ собою расчистится путь для болѣе широкаго и дѣятельнаго общественнаго контроля.

Земство мало нуждается въ какой-нибудь новой организаціи контроля надъ хозяйственными операціями исполнительныхъ земскихъ органовъ. И это вовсе не потому, чтобы у насъ не было безпорядковъ и злоупотребленій въ земскомъ хозяйствѣ. Безпорядковъ много во всѣхъ земствахъ; часто бываютъ даже серьезныя злоупотребленія. Но усиленный и притомъ чисто формальный контроль можетъ стѣснить самостоятельность мелкихъ земствъ, самостоятельность, по закону весьма обширную, но фактически очень слабую и легко поддающуюся гнету неземскихъ силъ. Совершенно достаточно и того земскаго контроля, который существуетъ въ настоящее время. Вѣдь этотъ чисто земскій контроль далеко не бездѣйствуетъ. Доказательствомъ служитъ постоянное обнаруженіе земскими ревизіонными коммисіями безпорядковъ и злоупотребленій въ земскихъ управахъ.

Но велики-ли эти злоупотребленія? По большей части, вредъ, нанесенный земству злоупотребленіями исполнительныхъ органовъ, оцѣнивается нѣсколькими сотнями рублей. Самыя крупныя земскія растраты—эта растрата Гаршина въ 27,000 руб., растрата Мицкаго въ 7,000 руб., растрата устьсысольскаго земства въ 19,000 р., и растрата въ 22,000 руб. предсѣдателя оргѣевской земской управы, г. Козака, который съ отчаянія застрѣлился. Можно-ли удивить этимъ насъ, привыкшихъ къ милліоннымъ грабительствамъ?.. А если въ земствѣ нѣтъ милліонныхъ грабительствъ, существующихъ при строго формальномъ и дорого стоющемъ контролѣ, то этимъ мы въ значительной степени обязаны земскимъ ревизіоннымъ коммисіямъ. Но еще большее значеніе въ этомъ случаѣ имѣетъ контроль общественнаго мнѣнія, этотъ совершенно неуловимый и неосязаемый контроль, который всякое лыко ставитъ въ строку земскимъ дѣльцамъ и часто изъ-за какого-нибудь неправильно израсходованнаго рубля поднимаетъ больше шуму, чѣмъ изъ-за милліонной растраты.

Гдѣ не существуетъ этого живого и нравственнаго контроля общественнаго мнѣнія, тамъ мало принесетъ пользы формальный контроль, какъ бы хитро онъ ни былъ организованъ. Воръ всегда бываетъ хитрѣе контроля, и только общественнаго мнѣнія не перехитрить ему. Контроль вступаетъ въ свои права только тогда, когда воръ укралъ и не съумѣлъ спрятать концы. А общественное мнѣніе обладаетъ нравственнымъ чутьемъ и поднимаетъ ужасный трезвонъ въ то самое время, когда воръ только-что запустилъ руку въ общественный сундукъ. Къ сожалѣнію, этого-то общественнаго мнѣнія, его живого участія въ земскихъ дѣлахъ, и недостаетъ намъ. Куда оно скрылось? Спитъ-ли оно? Само-ли повернулось спиною къ земству? Или между нимъ и земствомъ ширма поставлена?.. Можетъ быть такъ и эдакъ, но, во всякомъ случаѣ, всего больше мы нуждаемся въ томъ, чтобы голосъ общественнаго мнѣнія разбудилъ земскую спячку.

Гдѣ слабо развито общественное мнѣніе, тамъ въ земствѣ процвѣтаютъ самые патріархальные порядки, которые незамѣтно переходятъ въ злоупотребленія и безпорядки. Провести раздѣльную черту между патріархальными порядками и безпорядками до такой степени трудно, что иной разъ далеко недурные люди не понимаютъ разницы между ними, и выходитъ какая-то глупая путаница, въ которой ясно только одно—слабое развитіе общественнаго мнѣнія. Вотъ эта-то глупая путаница

въ нашихъ понятіяхъ и есть главное земское зло, противъ котораго часто бываютъ безсильны всякія контрольныя учрежденія.

Лѣтъ семь или восемь тому назадъ, къ одномъ изъ сѣверныхъ земствъ имѣлъ мѣсто весьма глупый случай. Въ клубѣ мирно играли въ карты предсѣдатель земской управы, бойкій и дѣльный, торгующій крестьянинъ, и два члена ревизіонной коммисіи,—одинъ лѣсничій, а другой смотритель уѣзднаго училища. Между ними завязался пріятельскій споръ. Члены ревизіонной коммисіи вздумали, шутя, попугать предсѣдателя тѣмъ, что завтра явятся въ управу для ревизіи денежнаго сундука.

— А мнѣ какое дѣло, когда у меня все въ порядкѣ,—спокойно отвѣчалъ предсѣдатель.

— А земскія деньги гдѣ?

— Извѣстно гдѣ,—у меня въ товарѣ...

Надъ предсѣдателемъ хохотали и члены ревизіонной коммисіи, и всѣ посѣтители клуба, столпившіеся вокругъ карточнаго стола. Всѣ они считали предсѣдателя человѣкомъ безукоризненно честнымъ. Въ то-же время, весь городъ зналъ, что на свободныя земскія деньги предсѣдатель закупилъ товаръ на ярмаркѣ и что такъ-же поступали всѣ прежніе предсѣдатели съ самаго открытія земства. Словомъ, закупка предсѣдателемъ товара на земскія деньги — это былъ патріархальный порядокъ, который не возбуждалъ противъ себя общественнаго мнѣнія. Въ клубѣ просто возникъ юридическій вопросъ: можетъ-ли ревизіонная коммисія за такіе порядки показать кузькину мать предсѣдателю? Между предсѣдателемъ и ревизіонной комиссіей состоялось пари, и было рѣшено, что на другой день коммисія явится въ управу для ревизіи.

На другой день, утромъ, весь городъ зналъ о состоявшемся пари и всѣ хохотали до упаду, ожидая, что-то изъ этого выйдетъ. Члены ревизіонной коммисіи заѣхали къ предсѣдателю, выпили, закусили, и вмѣстѣ съ нимъ отправились въ управу на ревизію. Вскрыли земскій сундукъ, но денегъ не нашли.

— Ну, Григорій Петровичъ, проси пощады, — говорятъ предсѣдателю.—Не то мы актъ составимъ...

— Составляйте, хохочетъ тотъ,—я подпишу...

Составили протоколъ, и дѣйствительно предсѣдатель подписалъ его, съ откровеннымъ заявленіемъ, что деньги цѣлы, но временно употреблены имъ на покупку товара... Однако, кто-же выигралъ пари? За разрѣшеніемъ этого вопроса обратились къ товарищу прокурора. Онъ поднялъ шумъ на весь

городъ и потребовалъ отъ исправника, чтобы тотъ донесъ губернатору. Тогда члены ревизіонной коммисіи испугались и сами стали упрашивать предсѣдателя: „вложи, Христа ради, деньги въ сундукъ, а мы изорвемъ протоколъ, — какъ-будто ничего и не было...“ Но предсѣдатель былъ твердъ въ сознаніи своей правоты до тѣхъ поръ, пока не получилъ повѣстку отъ судебнаго слѣдователя. Тутъ только онъ вложилъ въ сундукъ земскія деньги...

Когда судебнымъ рѣшеніемъ предсѣдатель былъ обвиненъ въ растратѣ, обыватели сочли долгомъ сдѣлать визитъ ему, выражая соболѣзнованіе о томъ, что „такой грѣхъ случился“. Общественное мнѣніе было на сторонѣ предсѣдателя. Да иначе и быть не могло, потому что вѣдь оно давало санкцію тому патріархальному порядку, который позволялъ предсѣдателю торговать на земскія деньги. Не будь онъ торговцемъ, онъ навѣрное употребилъ-бы земскія деньги какъ-нибудь иначе, но все равно употребилъ-бы ихъ по личному усмотрѣнію и имѣя въ виду личный интересъ.

Такое патріархальное отношеніе къ земскому сундуку вошло въ общественные нравы. Часто оно проявляется въ самыхъ дикихъ и безобразныхъ формахъ. Напримѣръ, одинъ членъ перекопской уѣздной земской управы, завѣдуя земскою кассою, раздавалъ земскія деньги въ ростъ служащимъ въ земствѣ лицамъ, которымъ, въ то-же время, отказывалъ въ выдачѣ заслуженнаго жалованья, ссылаясь на неимѣніе денегъ въ кассѣ. Пріѣдетъ, бывало, въ управу за деньгами какой-нибудь земскій врачъ, нѣсколько мѣсяцевъ неполучавшій жалованья. „Нѣтъ денегъ“, заявляетъ членъ управы. Врачъ кричитъ, волнуется, жалкія слова говоритъ, а членъ все молчитъ да слушаетъ. Наконецъ, когда горячка проходитъ у врача, тогда членъ вынимаетъ изъ конторки нѣсколько окладныхъ листовъ и предлагаетъ врачу отправиться въ уѣздъ и взыскать по этимъ листамъ земскій налогъ съ помѣщиковъ. Обрадованный врачъ мчится изъ одной помѣщичьей усадьбы въ другую, разыгрывая роль сборщика податей. Собранныя деньги отвозятся въ управу и сдаются члену. Тотъ беретъ изъ нихъ 100 руб. и вручаетъ врачу. — „Какъ! Только-то?!..“ съ отчаяніемъ восклицаетъ врачъ.—„Больше не могу. Есть другія неотложныя земскія надобности“, заявляетъ членъ. Врачъ опять горячится, а членъ невозмутимо слушаетъ его. Наконецъ, въ видѣ особаго одолженія, членъ обѣщаетъ врачу достать денегъ въ долгъ, но только *за процентъ*. Нечего дѣлать, врачъ соглашается и выдаетъ

члену управы довѣренность на полученіе жалованья, а отъ него получаетъ деньги за вычетомъ *процента*. И замѣтьте, что этотъ-же самый членъ управы никогда не воровалъ носовыхъ платковъ у посѣтителей управы. Вы могли, разговаривая съ нимъ, положить небрежно платокъ, очки, табакерку и т. п. и эти вещи оставались неприкосновенными, несмотря на полное отсутствіе контроля надъ руками члена управы. Почему такъ? Отчего украсть носовой платокъ нельзя, а взять *процентъ* за выдачу земскихъ денегъ можно? Въ томъ-то и дѣло, что общественное мнѣніе караетъ карманнаго вора и любезно пожимаетъ ту руку, которая патріархально распоряжается земскою кассою...

„Своя рука владыка", — вотъ тотъ патріархальный принципъ, который у насъ лежитъ въ основѣ общественной дѣятельности. Когда онъ проявляется незаконно, какъ въ приведенныхъ случаяхъ, тогда не нужно даже обладать глубокомысліемъ чердака „Русскихъ Вѣдомостей", чтобы для противодѣйствія рекомендовать учрежденіе контроля. Но какъ быть, когда произвольное распоряженіе земскими деньгами и расходованіе ихъ на личныя надобности производятся на законномъ основаніи? Вѣдь въ нашихъ земствахъ эти законныя хищенія гораздо многочисленнѣе и крупнѣе незаконныхъ растратъ. Какъ тутъ быть?..

Когда случается неурожай, голодъ, тогда, обыкновенно, все общество спѣшитъ придти на помощь бѣдствующему населенію, устраивается сборъ пожертвованій, всякій отдаетъ свои гроши и рубли нуждающимся. Только одни красноуфимскіе земцы, Пермской губерніи, поступаютъ совсѣмъ наоборотъ. Они наровятъ съ голоднаго послѣднюю рубашку снять да въ свой карманъ положить ее. На земскомъ собраніи въ 1884 г. они ухитрились даже помощь голодающимъ крестьянамъ эксплуатировать въ свою пользу. Вспомнили, что члены земской управы раздавали земскія ссуды голодавшему отъ неурожаевъ населенію. Какъ-же не вознаградить ихъ за такой христіанскій подвигъ, хотя-бы они и получали за него земское жалованье!... Земское собраніе рѣшило, что слѣдуетъ вознаградить ихъ, и назначило предсѣдателю управы 500 руб., а членамъ по 200 руб. каждому. Въ то-же время инспекторъ училищъ просилъ 1,000 р. *на удовлетвореніе самыхъ неотложныхъ нуждъ въ народныхъ школахъ*, и ему отказали, — молъ, населеніе бѣдное, неурожаи, голодъ и т. д. Балашевское уѣздное земское собраніе выдало въ награду предсѣдателю управы Коваленкову

1,000 руб., канцеляріи управы 720 руб., завѣдующему городскимъ училищемъ Тихонравову 600 руб. и т. д. А несчастнымъ труженикамъ, сельскимъ учителямъ, отказали въ наградахъ,—молъ, не стоютъ они того. Яранское уѣздное земское собраніе чуть-ли не всѣмъ ребятишкамъ служащихъ въ управѣ лицъ раздаетъ земскія стипендіи и даже двумъ дѣтямъ секретаря, получающаго 1,200 руб. жалованья; а вмѣстѣ съ тѣмъ оно дѣлаетъ постановленіе о взысканіи съ крестьянъ по 3 коп. за каждый рецептъ, выдаваемый земскими врачами. Вятское уѣздное земское собраніе постановило закрыть 29 народныхъ школъ, а между тѣмъ гласные преспокойно устраивали свои дѣлишки на земскій счетъ,—кто просилъ домъ освободить отъ земскаго сбора, кто мельницу, кто заводъ,—и освобождали... Развѣ это не такое-же хищеніе, какъ и взиманіе *процента* членомъ перекопской земской управы? Да, хищеніе—еще болѣе крупное, открытое, наглое, но зато вполнѣ законное.

Бываетъ также, что земское собраніе устраиваетъ для гласныхъ нѣчто въ родѣ подарка и вмѣстѣ увеселительнаго праздника на земскій счетъ, и это дѣлается нетолько законно, но и прилично, даже настолько прилично, что публично рекомендуется обществу не возмущаться земскою затѣею, но приходить въ умиленіе отъ нея. Да и какъ было не умилиться, присутствуя въ засѣданіи днѣпровскаго уѣзднаго земскаго собранія, Таврической губерніи. Вотъ встаетъ предсѣдатель собранія, предводитель дворянства М. А. Нестроевъ. Заранѣе подготовленные къ этому, гласные тоже встаютъ и, стоя, слушаютъ г. Нестроева. Онъ говоритъ, что,—увы,—оставляетъ должность предводителя и желаетъ земству всего хорошаго. Ему отвѣчаетъ предсѣдатель управы, что и земство желаетъ ему тоже всего хорошаго. Затѣмъ обратясь къ собранію, предсѣдатель управы говоритъ нѣсколько теплыхъ словъ о томъ, что не худо-бы ассигновать 500 руб. на покупку серебрянаго блюда для поднесенія на немъ г. Нестроеву альбома съ фотографическими карточками гласныхъ. Конечно, собраніе ассигновало, а затѣмъ ужъ это было дѣло г. Нестроева устроить или не устроить закусочку для гласныхъ. Мы не знаемъ, какъ въ подобныхъ случаяхъ поступаетъ современная провинція. Въ Москвѣ, четверть вѣка тому назадъ, это дѣлалось такимъ образомъ. „Будочникъ“ (въ то время городовыхъ еще не было) преподноситъ, бывало, домовладѣльцу пятаковый бѣлый хлѣбъ и заявляетъ: „Я сегодня имянинникъ, ваше степенство!“ Обыватель суетъ

ему гривну въ руку, а отъ принятія хлѣба, конечно, отказывается...

Или вдругъ придетъ въ голову земскимъ гласнымъ дикая мысль увѣковѣчить себя въ потомствѣ сооруженіемъ чуть не египетскихъ пирамидъ на земскіе гроши,—и они увѣковѣчиваютъ себя. Такъ, въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Воронежской губерніи земцы строятъ такіе дворцы, которые подъ стать только столицѣ. Въ особенности зданіе съѣзда мировыхъ судей выдается своими громадными размѣрами и изяществомъ отдѣлки, не соотвѣтствующими его назначенію. Теперь въ немъ устраиваются балы и любительскіе спектакли, и кажется, какъ будто для нихъ нарочно оно и было выстроено. Тамъ-же содержащіеся въ земскомъ арестномъ домѣ по приговорамъ мировыхъ судей посылаются, вмѣсто общественныхъ работъ, на частныя работы къ земцамъ, ихъ родственникамъ и пріятелямъ, причемъ даже не спрашиваютъ арестантовъ объ ихъ согласіи. Здѣсь все такъ просто, халатно, по домашнему, что совсѣмъ позабываешь о земствѣ, какъ учрежденіи общественномъ. Земцы, повидимому, не имѣетъ никакого представленія объ общественномъ интересѣ и объ отличіи его отъ ихъ личнаго интереса. Они представляютъ изъ себя какой то семейный кружокъ, гдѣ каждый хозяйничаетъ лично для себя и въ то же время всѣ помогаютъ каждому обдѣлывать свои дѣлишки.

Вмѣстѣ съ простотою и патріархальностью земскихъ нравовъ, доходящею почти до полнаго забвенія разницы между земскою кассою и карманомъ земскаго дѣльца, нельзя не обратить вниманія и на то, что, при слабомъ развитіи у насъ общественнаго мнѣнія, дѣятельность земскихъ ревизіонныхъ коммисій часто оказывается безплодною по той причинѣ, что никто и не думаетъ обращать серьезнаго вниманія на открытыя ими злоупотребленія и безпорядки въ земскомъ хозяйствѣ. Сплошь да рядомъ случается такъ: ревизіонная коммисія докладываетъ земскому собранію, что Иванъ Иванычъ воръ, а собраніе на это отвѣчаетъ: „ничего, пускай онъ послужитъ земству“. Вѣдь просто волосъ становится дыбомъ отъ тѣхъ безпорядковъ, которые были открыты ревизіонною коммисіею въ дѣлопроизводствѣ белебеевской уѣздной земской управы. Однако белебеевское земское собраніе созыва 1884 года не обратило вниманія на эти открытія и снова избрало въ члены управы предсѣдателя Лукина и члена Голдобина. Вятское губернское земское собраніе предаетъ суду весь составъ сарапульской уѣздной земской управы за цѣлый рядъ злоупотребленій. Но вслѣдъ

затѣмъ сарапульское уѣздное земское собраніе выбираетъ на новое трехлѣтіе одного изъ преданныхъ суду членовъ управы — Захарова. Въ 1884 году, на аткарскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи предсѣдатель управы Сафоновъ обвинялся въ самомъ невозможномъ веденіи земскаго хозяйства, и однако собраніе отнеслось къ этому самымъ равнодушнымъ образомъ. Послѣ этого становится понятнымъ, почему иной разъ честные, преданные земскому дѣлу люди отказываются быть членами земскихъ ревизіонныхъ коммисій. Такъ, напр., въ 1885 г., въ засѣданіи ананьевскаго уѣзднаго земскаго собранія, гласный П. Я. Коневскій, слагая съ себя обязанности члена ревизіонной коммисіи, между прочимъ, высказалъ слѣдующее горькое признаніе о безполезности ревизіонныхъ работъ. „Ревизіонная коммисія нужна лишь для соблюденія формы, потому что объ ней написано въ правилахъ земства, и она крайне необходима лишь для тѣхъ, кто близко стоитъ къ земскому пирогу, но ни чуть не для пользъ общихъ земства или отдѣльныхъ платежныхъ силъ. Ибо это дѣло не ихъ разсуждать, кому и сколько платить и куда дѣвать общія деньги. Ихъ дѣло только платить, что прикажутъ, а объ уменьшеніи или ограниченіи платежа не стоитъ труда заботиться, или даже и помышлять. Итакъ дѣло земства идетъ во всей русской имперіи. Прать и перечить противъ теченія не стоитъ, и трудъ мой въ форменной коммисіи, былъ бы безполезнымъ и неумѣстнымъ“. Спустя нѣсколько дней, при разсмотрѣніи вопроса о назначеніи долгосрочной ревизіонной коммисіи оказалось, что никто изъ гласныхъ не согласился быть членомъ коммисіи. Въ виду этого гласный г. Левицкій иронически замѣтилъ, что слѣдовало бы просить для ревизіи правительственнаго чиновника. А отчего труды земскихъ ревизіонныхъ коммисій пропадаютъ безъ пользы и чѐстные, уважающіе себя люди не хотятъ принимать никакого участія въ нихъ? Все это оттого, что у насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія, при отсутствіи котораго личные интересы стоящихъ во главѣ земства заправилъ господствуютъ въ земскихъ дѣлахъ, а всякого рода попытки наложить узду на эти личные интересы и требовать отъ земскихъ заправилъ служенія общественнымъ интересамъ остаются безплодными по той причинѣ, что не находятъ никакой поддержки себѣ въ обществѣ.

Если-же нѣтъ общественнаго мнѣнія, не существуетъ въ обществѣ и сознанія своихъ общественныхъ интересовъ въ сферѣ земской дѣятельности, и нѣтъ живого нравственнаго контроля всего общества надъ земскими учрежденіями,—то какую

пользу можетъ принести проэктируемое газетами подчиненіе земства формальному контролю разныхъ земскихъ и не земскихъ лицъ и учрежденій? Вѣдь и эти контролирующія лица и учрежденія скоро погрузятся въ спячку, не получая возбуждающихъ къ дѣятельности толчковъ со стороны общества. А между тѣмъ неземскія силы легко могутъ воспользоваться этимъ контролемъ во вредъ общественному самоуправленію, мало-по малу могутъ сдавить и совсѣмъ обезличить его,—вотъ что страшно!..

Земское дѣло должно быть живымъ, общественнымъ дѣломъ. Оно нуждается не въ стѣсненіи его формальнымъ контролемъ, но въ возбужденіи общественной дѣятельности путемъ нравственнаго подъема общественныхъ силъ. Доколѣ общество не пробудится отъ спячки, до тѣхъ поръ никакой контроль не въ силахъ искоренить злоупотребленія въ земскомъ хозяйствѣ. Но при этомъ само собою разумѣется, что, для нравственнаго подъема общества, долженъ быть расчищенъ путь устраненіемъ съ него множества существующихъ нынѣ неблагопріятныхъ условій. Чтобы русское общество могло проснуться отъ теперешней позорной спячки и внести живую струю въ сферу земской дѣятельности, для этого, кромѣ множества другихъ условій, существенно необходимо прежде всего, чтобы оно было возбуждено къ дѣятельности какимъ нибудь широкимъ общественнымъ интересомъ, а земская среда была бы вполнѣ доступна для всякаго рода живыхъ интересовъ, волнующихъ общество, и для дѣятельности въ ней представителей всевозможныхъ общественныхъ группъ. Между тѣмъ, въ настоящее время, мы переживаемъ періодъ оскудѣнія общественныхъ интересовъ. А что касается земства, то доступъ въ него для широкихъ общественныхъ интересовъ весьма труденъ и даже бываетъ невозможенъ, если они не совпадаютъ съ интересами той небольшой группы, которая захватила въ свои руки земское самоуправленіе, обративъ его въ орудіе для удовлетворенія своихъ мелочныхъ интересовъ.

Возьмемъ для примѣра какую-нибудь широкую общественную задачу и посмотримъ, на сколько она гармонируетъ съ интересами, преслѣдуемыми въ земствѣ, и много ли имѣетъ шансовъ на то, чтобы проникнуть въ земскую сферу. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, мы воспользуемся рядомъ интересныхъ статей г. П. Голубева, помѣщенныхъ въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ за 1885 г. подъ заглавіемъ „Казанскія Земства. Опытъ историко-статистическаго изслѣдованія дѣятельности казанскихъ земскихъ учрежденій“. Авторъ указываетъ на необ-

ходимость придти на помощь къ быстро падающему крестьянскому хозяйству и спасти крестьянъ отъ окончательной ликвидаціи самостоятельныхъ хозяйствъ и отъ перехода въ батраки. При этомъ онъ высказываетъ, что охрана и организація народнаго труда должны сдѣлаться ближайшею задачею земствъ. „Кому, какъ не земству, говоритъ онъ,—должна принадлежать иниціатива въ правильной организаціи народной промышленности и обмѣна? Правительство, въ данномъ случаѣ, по ходатайству земствъ, можетъ явиться на помощь населенію мѣрами законодательными, упрочивающими и гарантирующими успѣхъ земскихъ начинаній. При полной свободѣ кулацкихъ хозяйствъ, чтобы спасти крестьянина и мелкаго кустаря, земство обязано выйдти изъ бездѣятельности и взять на себя прямое посредничество между производителемъ и предпринимателемъ, а въ тѣсномъ кругѣ своего района—организовать правильный обмѣнъ между производителями и потребителями. Эта задача очень трудна и полное осуществленіе ея земствами можетъ быть только въ далекомъ будущемъ, но она не невозможна: различные виды такого посредничества существуютъ уже давно, напр., продовольственная часть, коммисіонерство нѣкоторыхъ земствъ между крупными промышленниками и кустарями по пріобрѣтенію для послѣднихъ матеріаловъ производства и по обмѣну результатовъ его. Городскія думы могутъ явиться посредниками обмѣна между городомъ и уѣздомъ, а земства — между уѣздными производителями“.

Вотъ задача, которая могла бы представить общественный интересъ громадной важности, еслибы наше общество состояло изъ элементовъ, непосредственно заинтересованныхъ въ охранѣ и организаціи народнаго труда. Но развѣ можно ожидать, что такая широкая задача, если бы она и увлекла общество, можетъ найти себѣ мѣсто среди интересовъ, преслѣдуемыхъ земствомъ, при теперешней его организаціи? Развѣ можно ожидать отъ земства чего нибудь путнаго, кромѣ однихъ разговоровъ, даже въ томъ случаѣ, если-бы оно подняло вопросъ объ охранѣ и организаціи народнаго труда. Нѣтъ,—земство состоитъ изъ лицъ, или совсѣмъ чуждыхъ интересамъ народнаго труда, каковы гласные изъ культурнаго класса, или же неспособныхъ къ сознательному усвоенію ихъ, вслѣдствіе низкаго уровня своего культурнаго развитія, каковы гласные изъ крестьянъ. И вообще никакія широкія общественныя задачи недоступны теперешнему земству, потому что самый составъ

земства слишкомъ узокъ и доступенъ исключительно однимъ узкимъ мелочнымъ интересамъ.

Приглядитесь внимательно къ тѣмъ узкимъ интересамъ, которые преслѣдуются современными земскими дѣятелями и которые сообщаютъ характерную окраску всей земской дѣятельности,—и вы убѣдитесь, что они представляютъ собою не случайное проявленіе эгоистическихъ стремленій, но постоянную правильно развитую систему земскихъ промысловъ, отъ которыхъ кормится мѣстное культурное населеніе. Благодаря тому, что существующая организація земскаго представительства стѣсняетъ широкій притокъ общественныхъ силъ къ участію въ земскомъ самоуправленіи, земскія учрежденія сдѣлались достояніемъ и вмѣстѣ насущнымъ хлѣбомъ для тѣснаго кружка мѣстныхъ представителей культурнаго класса. Оттого земство служитъ выразителемъ не общественныхъ интересовъ, но интересовъ того слоя мѣстнаго общества, изъ которыхъ сформировался кружокъ земскихъ дѣятелей. А отъ этого, въ свою очередь, общество мало обращаетъ вниманія на земство, зная, что доступъ въ него прегражденъ для свѣжихъ общественныхъ силъ. Вотъ почему дѣятельность земства такъ мало доступна для контроля общественнаго мнѣнія.

Реформы прошлаго царствованія произвели глубокій переворотъ въ бытѣ тѣхъ многочисленныхъ представителей культурнаго класса, которые до того жили по деревнямъ, въ помѣщичьихъ усадьбахъ и занимались земледѣльческимъ хозяйствомъ. Послѣ того, какъ измѣнились кореннымъ образомъ условія помѣщичьяго хозяйства, которое раньше велось крѣпостнымъ трудомъ крестьянъ,—помѣщики поневолѣ должны были обратиться къ неземледѣльческимъ промысламъ, чтобы пополнить оказавшійся недочетъ въ своемъ бюджетѣ. Многіе изъ нихъ, покинувъ свои усадьбы, отправились въ отхожіе промыслы,—наполнили собою министерства, суды, полицію и другія правительственныя учрежденія, банки, желѣзнодорожную службу и т. п. Къ земству, которое было введено вскорѣ послѣ отмѣны крѣпостнаго права, на первыхъ порахъ они относились, большею частью, весьма недружелюбно и даже враждебно. Они видѣли въ новыхъ земскихъ учрежденіяхъ одну тяготу для себя, одинъ лишь земскій налогъ, тяжесть котораго они чрезмѣрно преувеличивали въ своихъ нападкахъ на земство. Другіе изъ бывшихъ помѣщиковъ обратили земство въ мѣстный, кустарный промыселъ для себя. Изъ числа ихъ, одни поступили на земское жалованье, занявъ мѣста членовъ въ

земскихъ управахъ, мировыхъ судей, непремѣнныхъ членовъ, разныхъ земскихъ агентовъ, уполномоченныхъ, членовъ отъ земства въ безчисленныхъ комитетахъ и коммисіяхъ и т. д. Кому недоставало мѣстъ съ постоянными окладами, тѣ довольствовались мелочными выгодами, какія могли сорвать съ земства по званію гласныхъ. Напр., захотѣла дочка Ивана Иваныча быть акушеркою,—и вотъ родитель ея баллотируется въ уѣздные гласные, чтобы выхлопотать въ собраніи земскую стипендію дочкѣ. А у Петра Петровича сынки учатся въ гимназіи; чего стоитъ одна дорога изъ деревни до губернскаго города! Тутъ ясное дѣло, что нужно выбрать его губернскимъ гласнымъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, онъ могъ воспользоваться даровымъ земскимъ проѣздомъ для свиданія съ дѣтьми. О, дѣти, помѣщичьи дѣти, какъ много заботъ и хлопотъ съ вами земству! Возьмемъ, напр., новоузенское земство, Самарской губерніи,—вѣдь это чисто воспитательный домъ. Бывшій предсѣдатель новоузенской уѣздной земской управы, г. Альбрантъ, получалъ отъ земства на воспитаніе своихъ дѣтей по 500 руб. въ годъ, хотя предсѣдательскія дѣтки ни въ какихъ учебныхъ заведеніяхъ не обучались. По его примѣру, членъ управы г. Шевалье такъ-же попросилъ у земства дѣтишкамъ на молочишко, и земство удовлетворило его просьбу, назначивъ на воспитаніе двухъ сыновей его по 600 руб. въ годъ, да еще ассигновало эти деньги впередъ за все время обученія дѣтей въ учебномъ заведеніи. Затѣмъ составъ управы измѣнился и предсѣдателемъ выбранъ г. Такшенъ. Казалось, авось этотъ не будетъ клянчить предъ земствомъ о подачкѣ,—вѣдь онъ владѣетъ огромными и доходными имѣніями и получаетъ жалованья 3,090 руб. Но и онъ въ 1884 году возопилъ предъ земскимъ собраніемъ, что „будучи обремененъ семействомъ и не имѣя особенныхъ средствъ, не въ состояніи воспитывать своихъ дѣтей“. Конечно, земство не отказало въ помощи бѣдному человѣку... Въ особенности велики бываютъ земскіе расходы, если дѣтки у земскихъ воротилъ не задались, выросли тупицами и сдѣлались негодяями, изгоняемыми изъ всѣхъ учебныхъ заведеній. Бѣда родителямъ съ такими неудачными дѣтьми и въ особенности непріятно то, что придется отдавать ихъ въ военную службу безъ всякихъ льготъ. Тогда чадолюбивые родители хлопочутъ передъ земскимъ собраніемъ о постройкѣ собственнаго, земскаго училища, разсчитывая, что свое училище не посмѣетъ отказать въ выдачѣ диплома земскимъ дѣткамъ. Такъ было открыто не мало реальныхъ училищъ, учительскихъ се-

минарій и т. п. Въ лохвицкомъ земствѣ Полтавской губерніи, не далѣе какъ въ 1885 году, была весьма некрасивая попытка устроить для земскихъ дѣтей среднее учебное заведеніе на сумму, спеціально назначенную на устройство сельскаго учебнаго заведенія для распространенія между крестьянами сельскохозяйственныхъ и ремесленныхъ знаній. Нѣкто г. Залужный, сынъ казака, умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ 42,235 руб. на устройство въ своемъ родномъ селѣ Жабкахъ, Лохвицкаго уѣзда, сельскохозяйственнаго и ремесленнаго училища. На этотъ-то капиталъ и позарились земскіе воротилы. У одного изъ нихъ подростаетъ дочь, а у другого на-готовѣ сынъ; одинъ говоритъ, что нужно на капиталъ Залужнаго открыть реальное училище, а другой требуетъ женскую прогимназію. И вотъ поднялись хлопоты, чтобы отнять у крестьянъ подарокъ Залужнаго и преподнести его дѣткамъ земскихъ воротилъ... Не знаемъ, чѣмъ кончились хлопоты, знаемъ только, что въ земствѣ Полтавской губерніи все возможно. Тамъ возможны такіе скандалы, какъ бывшій на харольскомъ земскомъ собраніи. Тамъ на земскихъ собраніяхъ гласные объясняются между собою въ такихъ парламентскихъ выраженіяхъ.—„Я тебя за уши вытяну!" — „Молчи, мерзавецъ!"— Тамъ губернское земство тратитъ свыше 100,000 руб., что составляетъ болѣе 21 проц. всего земскаго бюджета, на содержаніе разныхъ учебныхъ заведеній,—и вся эта сумма денегъ тратится почти исключительно на высшее и среднее образованіе, а на народную школу отпускаются жалкія крохи, какъ будто подачка нищему съ барскаго стола. Тамъ на земскій счетъ издается „Земскій Обзоръ", въ которомъ печатаются прекрасныя статьи, ни къ полтавскому земству, ни къ мѣстному населенію не имѣющія ни малѣйшаго отношенія.

Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ ...

Словомъ, — „тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ"...

Входя все болѣе и болѣе въ тонкости земскаго промысла, землевладѣльцы стали придумывать средства избавиться отъ земскаго налога, сохраняя при этомъ за собою всѣ выгоды, получаемыя изъ земскаго сундука и своей близости къ нему. Сначала уклоненіе отъ земскаго налога производилось очень грубымъ способомъ, посредствомъ сокрытія земель отъ обложенія. Такъ образовалась масса земель, доселѣ ускользающихъ отъ земскаго обложенія, такъ какъ онѣ совсѣмъ не значатся

по земскимъ документамъ. Но такимъ способомъ могли избавиться отъ платежа земскаго налога далеко не всѣ землевладѣльцы, а только успѣвшіе во время скрыть свои земли. Прозѣвавшіе благопріятный моментъ для утайки земель старались попасть въ гласные и затѣмъ обращались въ земскія собранія съ просьбою о сложеніи земскаго налога по бездоходности имуществъ. Этимъ путемъ также освободилось множество имуществъ отъ земскаго налога. Напр., въ Новомосковскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, число неудобныхъ земель, освобожденныхъ отъ налога, такъ велико, какъ будто тамошніе земцы живутъ въ сыпучихъ пескахъ Сахары, или льдахъ сѣвернаго полюса. Въ одной владѣльческой экономіи освобождены отъ налога 4,000 дес. неудобной земли, которая, однако, вся приноситъ доходъ владѣльцу. Въ другой экономіи также долгое время считались неудобными около 2,000 десятинъ прекрасной земли, которая вся эксплоатировалась. Недавно на эту землю нашлись выгодные покупатели—крестьяне, и вотъ землевладѣлецъ принялся хлопотать въ земствѣ о превращеніи земли изъ неудобной въ удобную, такъ какъ крестьянскій банкъ не выдаетъ ссудъ подъ неудобныя земли. Хлопоты не вполнѣ увѣнчались успѣхомъ: какъ ни старался землевладѣлецъ, а 68 десятинъ пошли за неудобныя очень дешево, хотя покупатели и считаютъ ихъ вполнѣ годными для обработки.

Со времени появленія земской статистики, описанный выше видъ земскаго промысла сталъ приходить въ упадокъ. Статистики начали отыскивать, для привлеченія къ земскому обложенію, имущества, доселѣ ускользавшія отъ него. Отсюда озлобленная вражда земскихъ промышленниковъ противъ статистики. Чтобы показать истинную, весьма не лестную для репутаціи земскихъ промышленниковъ подкладку ихъ борьбы со статистикою, мы остановимся на подвигахъ Сумскаго уѣзднаго земства, Харьковской губерніи. Здѣсь вопросъ о земской статистикѣ былъ поднятъ предсѣдателемъ управы г. Липтваревымъ, въ видахъ наибольшей уравнительности земскаго обложенія. Въ докладѣ управы земскому собранію было высказано, что, „для составленія возможно равномѣрной и правильной раскладки земскаго сбора на всѣ предметы, подлежащіе обложенію этимъ сборомъ, необходимо имѣть точныя и вѣрныя свѣдѣнія о дѣйствительной стоимости и доходности ихъ. Такихъ свѣдѣній не только сумская, но и всѣ вообще земскія управы всей Россіи не имѣютъ. Многіе предметы,

которые подлежатъ обложенію сборами, совершенно неизвѣстны управѣ, другіе умышленно скрыты владѣльцами, съ цѣлію уклониться отъ платежа земскихъ сборовъ. Оцѣнка почти всѣхъ предметовъ взята произвольно; а потому одни оцѣнены слишкомъ высоко, другіе, напротивъ, слишкомъ низко; словомъ, всѣ тѣ свѣдѣнія, которыми управа руководствовалась до сихъ поръ при составленіи раскладки, не выражаютъ дѣйствительной стоимости и доходности имуществъ и, можно сказать, положительно никуда не годятся". Соглашаясь съ доводами управы, земское собраніе признало необходимымъ произвести статистическія изслѣдованія, которыя, кромѣ уравненія раскладки повинностей, должны были имѣть въ виду всестороннее изученіе экономическихъ силъ края. Въ 1882 году завѣдываніе статистическими работами было поручено подполковнику г. Козлову. Труды его дали слѣдующіе практическіе результаты. Прежде стоимость девяти сахарныхъ заводовъ была оцѣнена въ 900,000 руб., а доходность — по 8,250 руб. для каждаго завода. Теперь-же, на основаніи разсчетовъ, сдѣланныхъ самими заводчиками, доходность наименьшаго изъ заводовъ опредѣлена въ 28,249 руб., а наибольшаго—въ 197,238 руб. Кромѣ того, г. Козловъ указалъ 11,000 десятинъ удобной земли, скрытой землевладѣльцами, и 1,500 дес. земли, до сихъ поръ не облагавшейся никакимъ налогомъ.

Затронувъ интересы сахарозаводчиковъ, г. Козловъ вооружилъ противъ себя могущественную силу. Дѣло въ томъ, что Сумскій уѣздъ служитъ центромъ южно-русскаго сахароваренія. Во главѣ сахарныхъ заводчиковъ здѣсь стоятъ гг. Сухановъ и Харитоненко, изъ которыхъ послѣдній, по разсказамъ, получаетъ около 1½ милліона рублей годоваго дохода отъ своихъ заводовъ. Каждый изъ сахарныхъ заводовъ, по словамъ одного мѣстнаго наблюдателя, „притягиваетъ, для исключительно свекловичной эксплоатаціи, массу прилежащей земли, пріобрѣтаемой или въ собственность, или въ аренду, и связываетъ съ своими судьбами экономическіе интересы многочисленнаго люда. Отсюда — сотни людей, которые готовы животъ положить за сахарозаводчика, отсюда-же его могущественное вліяніе въ своемъ участкѣ, а отчасти и въ уѣздѣ". Сахарозаводчики всполошились, когда узнали, что трудами г. Козлова разоблачаются не только доходность ихъ имуществъ, но и многія темныя стороны сахарнаго производства. Подъ ихъ вліяніемъ образовалась земская партія, выставившая сво-

нмъ боевымъ лозунгомъ борьбу со статистикою. Въ 1883 году г. Линтваревъ былъ забаллотированъ на земскихъ выборахъ, а предсѣдателемъ управы выбранъ г. де-Конноръ, озлобленный врагъ земской статистики, у котораго г. Козловъ обнаружилъ 600 десятинъ земли, скрытой отъ земскаго обложенія. Съ этого времени начались преслѣдованія г. Козлова, земская цензура надъ его трудами, угрозы сжечь ихъ и т. д. Наконецъ, были пущены въ ходъ инсинуаціи и ложные доносы. Г. Козловъ обвинялся въ томъ, что подстрекаетъ рабочихъ къ бунту при посѣщеніи заводовъ. Для его защиты понадобилось оффиціальное заявленіе въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", что „всѣ инсинуаціи эти направлены къ подорванію довѣрія къ завѣдующему земскими статистическими работами и суть ни что иное, какъ происки лицъ, желающихъ подорвать довѣріе общества къ дѣлу земской статистики".

Точно такую-же подкладку имѣлъ и бывшій въ 1884 году скандалъ въ кузнецкомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, которое отказалось допустить въ свой уѣздъ губернскихъ статистиковъ на томъ основаніи, что „статистическія изслѣдованія нарушаютъ спокойствіе народной жизни". Когда, составленное въ такомъ смыслѣ, постановленіе кузнецкаго земства обсуждалось въ саратовскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, то одинъ изъ гласныхъ, съ негодованіемъ опровергнувъ инсинуацію на счетъ нарушенія статистиками общественнаго спокойствія, сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе. „Наша статистика, прежде всего, — хозяйственный инвентарь. Если будетъ принято постановленіе о закрытіи статистики, то нельзя иначе взглянуть на него, какъ на состоявшееся въ силу скрытой боязни, въ виду эгоистическихъ цѣлей одного сословія и въ ущербъ всѣмъ остальнымъ". Но намъ кажется, что тутъ не можетъ быть даже рѣчи объ интересахъ какого-нибудь сословія. Тутъ видно одно тупое, чисто утробное пониманіе своихъ интересовъ оскудѣвшими землевладѣльцами, которымъ нѣтъ дѣла ни до какихъ сословныхъ интересовъ и которые смотрятъ на земство просто, какъ на кустарный промыселъ для себя. Что касается земскихъ указаній на то, что статистики бунтуютъ народъ, нарушаютъ общественное спокойствіе, — то они, будучи направлены, главнымъ образомъ, по адресу администраціи, едва-ли возбуждаютъ въ ней что-нибудь иное, кромѣ смѣха и презрѣнія къ земскимъ кадыкамъ. Достойнымъ отвѣтомъ на подобныя заявленія служатъ предложе-

нія владимірскаго губернатора г. Судіенко и бессарабскаго вице-губернатора г. Танскаго, обращенныя къ мѣстнымъ губернскимъ земскимъ собраніямъ, о производствѣ земскихъ статистическихъ изслѣдованій. Интересно, что то и другое земскія собранія отказались отъ статистики.

А ларчикъ открывался просто, такъ что не зачѣмъ было и придумывать „нарушеніе спокойствія народной жизни"..... Чтобы не платить земскихъ налоговъ, не нужно скрывать имущества, не зачѣмъ хлопотать о признаніи ихъ бездоходными, не для чего даже изгонять статистику, слѣдуетъ просто *не платить.* И вотъ наиболѣе вліятельные и догадливые изъ землевладѣльцевъ перестали платить налоги. Напр., въ Новомосковскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, одинъ гласный накопилъ земской недоимки 1,500 руб., другой 1,700 руб., третій 11,000 и т. д. Въ Бессарабскомъ земствѣ накопилась громадная масса недоимокъ, которыхъ не платятъ, главнымъ образомъ, состоятельные люди, — земскіе воротилы и лица, связанныя съ ними родствомъ или дружбою. Глядя на земскихъ дѣльцовъ, перестали платить налоги и другіе землевладѣльцы, какъ живущіе въ своихъ помѣстьяхъ, такъ и отлучавшіеся въ отхожіе промыслы. Въ Острогожскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, землевладѣльцы накопили за собою земской недоимки 29,189 руб., тогда какъ за крестьянами числится только 2,031 руб. Въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, за землевладѣльцами состоитъ въ недоимкѣ земскаго налога 42,781 руб., что превышаетъ годовой окладъ падающаго на ихъ долю земскаго налога; а крестьяне должны земству только 26,667 руб.,—менѣе годоваго оклада. Въ Петровскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, недоимка за крестьянами составляетъ 4,834 руб., или около $8\frac{1}{2}$% общей суммы недоимки земскаго сбора, а за землевладѣльцами считается 37,342 руб., или 65% всей земской недоимки. Говоря иначе, крестьяне въ Петровскомъ уѣздѣ платятъ въ земскую кассу 53% общаго бюджета, имѣютъ менѣе 42% представителей въ земствѣ и состоятъ въ недоимкѣ лишь 9% оклада; а землевладѣльцы платятъ въ земскую кассу 42%, имѣютъ представителей въ земствѣ 50% и состоятъ въ недоимкѣ до 88%, причитающихся съ нихъ платежей.

Трудно сказать съ положительною опредѣленностью, какъ и почему нѣкоторые землевладѣльцы создали себѣ льготу отъ платежа земскихъ налоговъ. Но во всякомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что они не платятъ отчасти *по вольности дворян-*

ства, отчасти *по праву бѣдности*. Вѣдь землевладѣлецъ не то, что мужикъ, который, если не очиститъ въ срокъ повинностей, то рискуетъ лишиться послѣдняго имущества и даже можетъ поплатиться спиною. Въ самомъ худшемъ случаѣ, это—другъ и пріятель становаго, почему полицейская власть всячески мирволитъ и покровительствуетъ ему. А чуть землевладѣлецъ повиднѣе, то онъ или крупный чиновникъ, находящійся въ положеніи начальства относительно становаго, или-же земскій воротила, предъ которымъ становой не смѣетъ пикнуть объ уплатѣ недоимки. И посмотрите, съ какою развязностью этотъ земецъ ораторствуетъ въ земскомъ собраніи, когда заходитъ рѣчь о недоимкахъ, какъ горячо возстаетъ онъ противъ недоимщиковъ! Никому и въ голову не придетъ, что этотъ промотавшійся земскій кадыкъ уже нѣсколько лѣтъ не платитъ земскаго налога. За то, если онъ видитъ, что не на шутку принимаются мѣры противъ неплательщиковъ, то сейчасъ-же перемѣняетъ тонъ и начинаетъ ссылаться на право бѣдности,—„молъ, все равно съ насъ, оскудѣлыхъ, взять нечего". „Если строго поразмыслить,—ораторствовалъ г. Мордовскій въ екатеринославскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи созыва 1884 года,—то никто изъ насъ, за исключеніемъ развѣ крестьянъ, не будетъ имѣть права, послѣ принятія проэктированныхъ мѣръ, быть избраннымъ въ гласные: мы всѣ недоимщики, кто по одной, кто по другой повинности. Причинъ тому много, но одна изъ главныхъ это, безъ сомнѣнія, та, что насъ не тянетъ къ хозяйству. Если-бы каждый изъ насъ отдалъ себѣ ясный отчетъ о своемъ положеніи, то мы всѣ почти удрали-бы, куда глаза глядятъ, и если многіе не дѣлаютъ этого, то только потому, что семейныя обстоятельства приковываютъ насъ къ мѣсту. Намъ, за вычетомъ расходовъ, налоговъ и процентовъ въ банки, десятина даетъ чистаго дохода *семьдесятъ копѣекъ*. Гдѣ-же тутъ быть чистымъ отъ недоимокъ?" Когда въ 1884 году на обсужденіе земскихъ собраній былъ предложенъ вопросъ объ устраненіи недоимщиковъ отъ участія въ земскихъ выборахъ, то большинство собраній высказалось противъ этой мѣры. Дѣйствительно, это былъ очень неудачный проэктъ, котораго никакъ нельзя одобрить. Онъ интересенъ преимущественно тѣмъ, что навелъ земство на счастливую мысль, какимъ способомъ землевладѣльцы могутъ, на законномъ основаніи, не платить недоимокъ. Въ бессарабскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный г. Пуришкевичъ указалъ на право земскаго собранія слагать не только

ценю, но и недоимку. Поэтому,—говорилъ онъ,—стоитъ только недоимщикамъ образовать большинство въ земскомъ собраніи, и тогда они могутъ сложить недоимки съ самихъ себя, распоряжаясь налогами, рессурсомъ для которыхъ будутъ служить сборы съ тѣхъ, кто платитъ аккуратно. Значитъ, исходъ найденъ, и теперь оскудѣлые землевладѣльцы могутъ спокойно и дружелюбно смотрѣть на земство.

Да, стоитъ только недоимщикамъ составить большинство въ земствѣ, и тогда земскія дѣла пойдутъ, какъ по маслу. Тогда мужикъ будетъ платить налоги, а недоимщики изъ прогорѣлыхъ землевладѣльцевъ станутъ распоряжаться, по своему, земскимъ хозяйствомъ. Вотъ идеалъ, къ которому мы и теперь уже достаточно приблизились. И теперь уже нѣкоторые, болѣе вліятельные въ земской сферѣ землевладѣльцы подъ разными предлогами освобождаются отъ земскаго обложенія, или-же не платятъ налоговъ произвольно. Вмѣсто нихъ усиленно привлекается къ платежу земскихъ налоговъ скудное и жалкое имущество крестьянъ. Вопреки закона, недоимки, числящіяся, какъ мы видѣли, преимущественно за землевладѣльцами, не вносятся въ земскія смѣты, но заносятся въ особый счетъ и весьма мало безпокоятъ недоимщиковъ. Пени за несвоевременный взносъ налога то и дѣло слагаются со счетовъ. Въ то же время земства, не имѣя средствъ для своевременной уплаты обязательныхъ расходовъ, берутъ деньги въ долгъ съ уплатою процентовъ, которые всею тяжестью ложатся на аккуратныхъ плательщиковъ, т. е. все на тѣхъ-же крестьянъ. Не ограничиваясь этимъ, нѣкоторыя земства стараются прямо привлекать къ усиленному обложенію имущества, принадлежащія казнѣ и крестьянамъ, отчего самъ собою уменьшается налогъ на имущества остальныхъ владѣльцевъ. Напримѣръ, при открытіи екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія созыва 1884 года, губернаторъ въ своей рѣчи указалъ на неправильное обложеніе въ нѣкоторыхъ уѣздахъ казенныхъ земель, несогласно со свѣдѣніями управленія государственными имуществами, и на обложеніе казенныхъ земель, не приносящихъ дохода. Кромѣ того, начальникъ губерніи представилъ земскому собранію свѣдѣнія, доставленныя казенною палатою, изъ которыхъ видно, что по нѣкоторымъ уѣздамъ обложено земствомъ болѣе на 80,000 десятинъ крестьянской земли, чѣмъ числится за обществами. Въ Казанской губерніи нѣкоторыя земства до сихъ поръ не облага-

ютъ питейныхъ заведеній; иные опредѣляютъ доходность мелкихъ промышленныхъ заведеній иногда въ 20 разъ болѣе противъ крупныхъ, какъ это дѣлаетъ чистопольское земство, гдѣ доходъ съ бумагопрядильныхъ фабрикъ опредѣляютъ въ 10%, а съ калачныхъ заведеній — въ 215% ихъ цѣнности, а Тетюшское земство облагаетъ земскимъ сборомъ даже сельскія строенія, получая, такимъ образомъ, болѣе ¼ всѣхъ сборовъ только съ имуществъ, не приносящихъ ни гроша дохода. (П. Голубевъ. Казанскія земства). Обращаясь затѣмъ къ натуральнымъ земскимъ повинностямъ, мы не будемъ говорить о тѣхъ изъ нихъ, которыя остаются памятникомъ несправедливостей дореформеннаго времени, какъ, напр., дорожная повинность, предоставляющая землевладѣльцамъ громадную льготу предъ крестьянами, а между тѣмъ до сихъ поръ во многихъ земствахъ не переведенная на деньги. Упомянемъ только о натуральныхъ повинностяхъ новѣйшаго происхожденія, какова, напр., овражковая повинность. Въ екатеринославскомъ губернскомъ земскомъ собраніи созыва 1884 года, гласный г. Миклашевскій указывалъ на явную несправедливость, допускаемую многими уѣздными земствами при обложеніи овражковою повинностью. Съ крестьянъ взимается по 40 овражковъ съ души, а землевладѣльцы облагаются въ размѣрѣ 2 — 3 штукъ съ десятины. Противъ предложенія объ установленіи равномѣрнаго обложенія возстало все собраніе, при чемъ одинъ либеральный земецъ г. Кранцъ высказалъ, что обложеніе повинностью сдѣлано уѣздными земствами совершенно правильно, а если они и допустили въ чемъ-нибудь неправильность, то развѣ въ одномъ выраженіи *съ души*, ибо — наивно объяснилъ земецъ — *души* теперь не облагаются. Такъ и осталась овражковая повинность въ прежнемъ видѣ...

И не одна эта повинность, но и вся земская безтолочь, всѣ эти пустяки и дрязги, эта кружковщина и представительство отъ мертвыхъ душъ, всѣ эти земскіе промыслы и хищенія останутся въ прежнемъ видѣ до тѣхъ поръ, пока не получитъ доступъ въ земство общественный элементъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Тогда вмѣстѣ съ собою, онъ внесетъ въ земскую дѣятельность широкія общественныя задачи, дастъ просторъ выраженію живыхъ интересовъ, всѣхъ, въ данный моментъ существующихъ общественныхъ группъ. Тогда и общество будетъ ближайшимъ образомъ заинтересовано

въ земской дѣятельности, и самъ собою установится тотъ живой, нравственный контроль общественнаго мнѣнія, отсутствіе котораго въ земской сферѣ, въ настоящее время, даетъ знать о себѣ такимъ множествомъ печальныхъ и возмутительныхъ явленій.

V.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ НА ЗЕМСКОЙ СЛУЖБѢ.

Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ.
Державинъ.

Вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ средѣ русскаго общества началось культурное движеніе интеллигентныхъ силъ въ деревню, на помощь народу. Это движеніе, первоначально зародившись въ передовыхъ людяхъ и въ лучшей части молодежи, все болѣе и болѣе расширялось, пока не охватило собою даже самыхъ заурядныхъ людей и не получило, такъ сказать, общественную санкцію. Съ одной стороны интеллигентные работники, побуждаемые горячей любовью къ народу, несли въ деревню свой трудъ и знанія. Тутъ были учителя, врачи, фельдшера, акушерки, интеллигентные землепашцы и ремесленники, изслѣдователи народной жизни и т. д. Только молодые юристы, увлеченные адвокатской да прокурорской карьерой, не отозвались на призывъ въ деревню, гдѣ они могли-бы принести такъ много пользы. Навстрѣчу къ интеллигентнымъ работникамъ, отправившимся въ деревню, шли земскіе представители, стараясь облегчить ихъ высокую культурную задачу. Земство устраивало народныя школы, больницы, фельдшерскіе пункты и родильные пріюты, организовало статистическія бюро и т. п. При такомъ содѣйствіи земства, интеллигентные работники пріобрѣли себѣ прочное положеніе въ деревнѣ, сдѣлались постоянными и законными обитателями ея.

Съ теченіемъ времени движеніе интеллигенціи въ деревню не только не ослабѣвало, но принимало все болѣе и болѣе

широкіе размѣры. Теперь ясно, что не одна горячая любовь къ народу, но и роковая нужда гонитъ въ деревню нашу интеллигентную молодежь. Извѣстно, что, послѣ паденія крѣпостнаго права, интеллигентный классъ въ Россіи чрезвычайно быстро возросъ численностью, благодаря обильному притоку въ него новыхъ силъ изъ общественныхъ классовъ, до той поры считавшихся некультурными. Вслѣдствіе такого чрезмѣрнаго возростанія интеллигенціи, города стали тѣсны для нея, старинныя профессіи интеллигентнаго класса не могутъ болѣе прокармливать массу голодныхъ ртовъ, нужда гонитъ вонъ интеллигентный излишекъ, заставляя его отыскивать новыя мѣста и новыя средства для жизни. Масса техниковъ, химиковъ и т. д. остается безъ занятій, не зная куда пристроиться. Реальныя училища доставляютъ ежегодно до 1,400 человѣкъ, окончившихъ курсъ. Изъ нихъ только 20% находятъ себѣ помѣщеніе въ высшихъ спеціальныхъ школахъ, а 75% должны искать себѣ работы, соотвѣтствующей подготовкѣ, вынесенной изъ школы. Между тѣмъ наиболѣе подходящія для этихъ лицъ занятія на фабрикахъ или заводахъ, требующія техническихъ знаній, почти всѣ заняты иностранцами и не болѣе 5% мѣстъ достаются на долю русскихъ. А какая бездна у насъ голодающихъ юристовъ, этихъ несчастныхъ „кандидатовъ на судебныя должности", въ насмѣшку прозванныхъ „кандидатами на голодную смерть". Еще болѣе жаждущихъ занять мѣста сельскихъ учителей и учительницъ, какъ ни плохо живется послѣднимъ. Въ Вятской губерніи окончившія восьмиклассный курсъ женской гимназіи, не говоря уже о воспитанницахъ эпархіальнаго духовнаго училища и уѣздныхъ прогимназій, не рѣдко ищутъ мѣсто помощницы сельской учительницы, не мечтая уже, безъ особой протекціи, попасть прямо въ наставницы. Нужда такъ велика, что, по словамъ мѣстнаго наблюдателя, немного найдется и такихъ счастливицъ, которымъ удается получить даже скудно вознаграждаемыя мѣста помощницъ учительницы.

Врачамъ становится годъ отъ году все труднѣе и труднѣе найти мѣсто по своей спеціальности. Множество безмѣстныхъ врачей только и знаютъ, что разсылаютъ десятки прошеній о принятіи на службу. Иные обращались съ просьбами даже въ Болгарію. Многіе перебиваются съ хлѣба на квасъ, занимаясь перепиской, уроками, пѣніемъ въ церковныхъ хорахъ и проч. Въ Москвѣ одинъ врачъ, дойдя до послѣдней крайности, рѣшался даже поступить въ хоръ трак-

тирныхъ пѣвцовъ, набиравшійся въ Нижній-Новгородъ на время ярмарки, но не былъ принятъ, на томъ основаніи, что, молъ, „намъ не надо ученыхъ". Другой врачъ пытался получить мѣсто околоточнаго и тоже потерпѣлъ неудачу. Третій поступилъ кондукторомъ на конно-желѣзную дорогу. Въ московскомъ земствѣ врачи стали поступать на мѣста земскихъ фельдшеровъ. Точно такъ-же въ Вятской губерніи громадное предложеніе труда врачами, въ послѣдніе годы, заставило нѣкоторыхъ молодыхъ врачей пойти на фельдшерскія мѣста. Въ Казани, въ 1885 году, еще оставались безъ мѣста нѣкоторые врачи, окончившіе курсъ въ 1883 г., а изъ окончившихъ курсъ въ 1884 году болѣе половины не имѣли мѣстъ. Между тѣмъ мѣста, составляющія для молодыхъ врачей предметъ пламенныхъ желаній и усердныхъ хлопотъ, часто даютъ едва только возможность не умереть съ голоду. Для примѣра „Волжскій Вѣстникъ" приводитъ слѣдующіе факты изъ жизни провинціальныхъ врачей. Лѣтомъ 1884 г. въ Чебоксары поступилъ на должность городоваго врача нѣкто Л—въ съ годовымъ окладомъ въ 240 рублей. Надо замѣтить, что онъ служилъ два года въ Сибири, слѣдовательно, это—довольно опытный врачъ. Другой врачъ Ц—ій, служившій нѣкоторое время ординаторомъ въ симбирской городской больницѣ, поступилъ городовымъ врачемъ въ Цивильскъ съ годовымъ окладомъ, кажется, только 210 рублей. Третій уѣхалъ въ г. Буй, Костромской губерніи, на жалованье въ 200 рублей. Четвертый А. Н. З—ій поѣхалъ сельскимъ врачемъ въ Ишимъ, тоже на какое-то миніатюрное жалованье, прослужилъ тамъ мѣсяца три и умеръ отъ скоротечной чахотки. Оказывается, что даже старшій полицейскій солдатъ получаетъ содержаніе больше врача,—15 рублей жалованья въ мѣсяцъ при готовой квартирѣ. Даже сторожъ при анатомическомъ театрѣ университета и тотъ получаетъ 15 руб. въ мѣсяцъ и готовую квартиру.

Вообще положеніе оканчивающихъ курсъ въ университетахъ, какъ совершенно вѣрно указываетъ „Волжскій Вѣстникъ", становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Прежде приходилось по-долгу ходить безъ мѣстъ студентамъ медицинскаго и юридическаго факультетовъ. Но года два тому назадъ тотъ-же недостатокъ въ мѣстахъ постигъ студентовъ филологическаго и математическаго факультетовъ. По крайней мѣрѣ, филологи и математики Казанскаго университета, въ послѣдніе годы, ищутъ мѣста по году и болѣе. Разумѣет-

ся, подобное явленіе кажется довольно страннымъ, такъ какъ на этихъ двухъ факультетахъ оканчиваютъ курсъ ежегодно не болѣе 15 — 20 студентовъ. Въ 1884 году выпущено изъ Казанскаго университета 14 филологовъ, изъ которыхъ 4 оставлены при университетѣ для занятія профессорскихъ каѳедръ; значитъ, нужны были мѣста всего для 10 филологовъ. Изъ нихъ только 4 могли найти мѣста въ Казанскомъ округѣ, 1 получилъ назначеніе въ Оренбургскій округъ, а остальные 5 сидятъ у моря и ждутъ погоды. Одинъ изъ оставшихся соглашается занять мѣсто уѣзднаго учителя въ захолустномъ городѣ Ядринѣ на 300 руб. жалованья, а другому предлагаютъ мѣсто въ Оренбургской женской гимназіи на 2 или 3 недѣльные урока, что дастъ 180 руб. годоваго содержанія, — и это для человѣка женатаго, имѣющаго троихъ дѣтей! Вотъ до какого положенія дожили у насъ представители высшаго образованія.

Что касается значенія и роли, какую играютъ въ общественной жизни лица, получившія высшее университетское образованіе, то въ провинціи все ихъ значеніе основывается, главнымъ образомъ, на привиллегіи, предоставленной университетскому образованію въ сферѣ государственной и общественной жизни. Между университетомъ и обществомъ до сихъ поръ еще не установилось живой и тѣсной связи. Общество относится съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ судьбамъ университетской корпораціи. Крутая перемѣна въ жизни университетовъ, происшедшая вслѣдствіе введенія въ 1884 году новаго университетскаго устава, не вызвала въ провинціальномъ обществѣ даже минутныхъ разговоровъ, — она прошла незамѣченною, не заинтересовавъ собою никого, кромѣ ничтожной горсти университетскихъ воспитанниковъ. Или возьмемъ, напримѣръ, университетскіе праздники, — они отличаются полнымъ отсутствіемъ всякаго общественнаго участія въ нихъ и ограничиваются маленькими университетскими кружками. Въ болѣе широкихъ размѣрахъ у насъ празднуется ежегодно 12 января, годовщина основанія старѣйшаго Московскаго университета. Въ этотъ день бывшіе московскіе студенты, разсѣянные по разнымъ провинціальнымъ захолустьямъ, обыкновенно собираются въ товарищескіе кружки и, по изстари заведенному порядку, за сытнымъ обѣдомъ много говорятъ, еще того больше пьютъ, посылаютъ въ университетъ поздравительныя телеграммы, поютъ хоромъ „Gaudeamus igitur“ и затѣмъ, въ подпитіи, одни сами расходятся, а

другихъ развозятъ по домамъ. Пьютъ всѣ неупустительно, но въ телеграммѣ не всѣ подписываются, стараясь какъ-нибудь улизнуть отъ подписи изъ опасенія, чтобы изъ этого, Боже сохрани, непріятности не вышли. Напримѣръ, въ 1884 году, въ Твери, нѣкоторые изъ „университетскихъ товарищей“ никакъ не хотѣли подписать телеграмму, въ которой выражалось пожеланіе „свободнаго развитія“ дѣятельности университета. Другіе сгоряча подписали, но потомъ опомнились и стали упрашивать, чтобы замарали ихъ подписи. Третьи, поднявши носы кверху, смѣялись надъ малодушіемъ своихъ товарищей: „Эхъ, вы — трусы! говорили они. Чего трусить-то, когда начальство подписало!...“

Въ провинціи эти товарищескіе обѣды обыкновенно бываютъ очень малолюдны. За исключеніемъ немногихъ крупныхъ провинціальныхъ центровъ, собираются 5—10 товарищей и рѣдко гдѣ больше. Между ними преобладаютъ чиновники судебнаго вѣдомства, съ неизбѣжными при нихъ адвокатами, учителя гимназіи, врачи и, какъ рѣдкое исключеніе, „неслужащій дворянинъ“. Общество не принимаетъ ни малѣйшаго участія въ университетскомъ праздникѣ, даже и не знаетъ о существованіи его. Само собою разумѣется, что празднованіе бываетъ только въ городахъ,— въ селахъ некому праздновать...

До послѣдняго времени, наши университеты почти не оказывали непосредственнаго культурнаго вліянія на жизнь деревни и не давали дѣятелей въ крестьянскую, рабочую среду. Съ душевной болью намъ приходится признать фактъ, что университетъ представляется крестьянину разсадникомъ „господъ“, чѣмъ-то чуждымъ и антипатичнымъ ему. Напр., студентскіе безпорядки крестьянинъ объясняетъ всегда одинаково: „господа бунтуютъ“,—и съ радостью готовъ бываетъ поколотить „господишекъ“, которые, глядишь, черезъ какой-нибудь годъ времени, оперятся, надѣнутъ фуражки съ кокардами и станутъ настоящими „господами“. Такое отношеніе крестьянина къ университету, конечно, очень непріятно и обидно для интеллигенціи. Но что-же дѣлать, когда крестьянинъ видитъ только то, что у него передъ глазами, и не въ состояніи постигнуть, какъ прогрессъ въ средѣ интеллигенціи благотворно отражается на судьбѣ всего народа. А передъ глазами у крестьянина — прокуроръ, судебный слѣдователь, полицейскій врачъ, еще кое-кто изъ чиновниковъ, — вотъ единственные представители университетовъ. Нужно-ли еще

говорить о культурномъ вліяніи на деревню гг. прокуроровъ, слѣдователей и полицейскихъ врачей?...

Университетъ и деревня,—какое странное сопоставленіе! У насъ издавна завелся такой порядокъ, что дѣти деревни, побывавъ въ университетѣ, не возвращаются болѣе къ роднымъ полямъ, но остаются въ городѣ, и отсюда шлютъ гордый и презрительный отзывъ на нужды деревни:

„Молчи безсмысленный народъ,
Поденьщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Противенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
Ты—червь земли, не сынъ небесъ.
Тебѣ-бы пользы все, на вѣсъ
Кумiръ ты цѣнишь бельведерскій.

„Сыны небесъ", постигшіе всѣ прелести высшей культуры, въ прежнее время не имѣли никакой надобности оставаться въ деревнѣ, среди „безсмысленнаго народа", потому-что въ городѣ были къ ихъ услугамъ теплыя мѣста и жирныя жалованья. Прежде все было просто: кончилъ университетъ какой-нибудь сынъ небесъ, и сейчасъ надѣнутъ на него вицмундиръ, въ которомъ онъ до гробовой доски проживетъ и сыто, и безмятежно. А нынѣ пошло не то, — мѣстъ стало меньше, чѣмъ сыновъ небесъ... Собственно говоря, и теперь нашлось-бы очень много мѣстъ, если-бы дать нѣкоторую привиллегію образованію въ сферѣ мѣстъ и жалованій. Вѣдь у насъ образовательный цензъ для поступленія въ государственную службу очень низокъ и отъ этого наибольшая часть мѣстъ и жалованій достаются на долю полуобразованныхъ людей. Если-бы образовательный цензъ былъ повышенъ настолько, чтобы для вступленія въ государственную службу требовалось не менѣе какъ среднее образованіе, тогда интеллигенція не имѣла-бы болѣе основаній жаловаться на недостатокъ мѣстъ для себя. Теперь-же у всей нашей интеллигенціи страшное горе, — нѣтъ мѣстъ. Шутка сказать, — нашимъ дѣтямъ и братьямъ нечего ѣсть, потому-что нѣтъ для нихъ мѣстъ. Въ довершеніе-же несчастія, какіе-то публицисты нахально предлагаютъ намъ, интеллигентнымъ людямъ, не давать дѣтямъ и братьямъ того образованія, какимъ мы владѣемъ, а обучать ихъ только однимъ ремесламъ и т. п. Обидно до глубины души... Но дѣлать нечего: вѣдь недостатокъ мѣстъ — это фактъ, котораго нельзя ни обойти, ни объѣхать.

Нѣтъ мѣстъ—и сыны небесъ, какъ мокрыя вороны, опустили крылья; вѣдь они совсѣмъ безсильны и никуда непри-

годны, какъ скоро нѣтъ мѣстъ для нихъ. Мѣста для нашихъ студентовъ то-же самое, что замужество для кисейныхъ барышень—цѣль жизни и высшее счастье. Споконъ вѣка заведено, что барышни выходятъ замужъ, а студенты поступаютъ на мѣста,—и никому не приходитъ въ голову дерзкая мысль отступить отъ заведеннаго отцами и дѣдами порядка, вступить на новую дорогу и создать себѣ обезпеченное положеніе инымъ путемъ, помимо „мѣстовъ". А вѣдь можно было-бы прекрасно устроиться и безъ мѣстъ, если-бы у насъ было побольше энергіи да поменьше отчужденія отъ „безсмысленнаго народа".

Русскіе евреи издавна привыкли къ торговопромышленнымъ занятіямъ, точно такъ-же, какъ наши студенты привыкли къ мысли, что они назначены судьбою для занятія мѣстъ; однако съумѣли-же многіе евреи бросить свои привычки и обратиться къ земледѣльческому труду, — тяжелому и непривычному для нихъ занятію. И замѣтьте, что этимъ трудомъ занялись не одни „черви земли", но и „сыны небесъ", интеллигентная молодежь, обладающая такимъ-же развитіемъ, какъ и отыскивающіе мѣстъ кандидаты университетовъ. Когда евреи увидѣли, что многовѣковая эксплоатація мѣстнаго населенія въ области торговли и промышленности привела къ ужасамъ еврейскихъ погромовъ,—въ лучшей части еврейской интеллигенціи зародилось стремленіе къ образованію интеллигентныхъ поселковъ для занятія земледѣльческимъ трудомъ. Осуществленію этой мысли много способствовала начавшаяся въ 1881 г. эмиграція евреевъ изъ Россіи въ Америку. Подъ вліяніемъ интеллигентной молодежи, переселенцы начали заводить земледѣльческія колоніи. Такъ образовались въ Сѣверной Америкѣ русско-еврейскія колоніи Кремье, Канзасъ, Орегонъ и др. Въ 1884 году въ газетѣ „Днѣпръ" напечатано письмо Ил. Розенталя изъ колоніи Кремье. Онъ разсказываетъ, что „колонисти сдѣлали громадные успѣхи за время ихъ слишкомъ двухлѣтняго пребыванія въ Кремье. Холодныя избушки, голодные дни, изодраное платье—вотъ все, чѣмъ владѣла большая часть колонистовъ всего годъ тому назадъ, объ эту же пору. Но они остались вѣрными своему принципу: „не обращаться за помощью ни къ какимъ интересующимся колонизаціоннымъ дѣломъ филантропическимъ обществамъ и комитетамъ". И они восторжествовали: домикъ есть теперь у всякаго, топлива хватитъ на всю зиму достаточно: въ платьѣ также нѣтъ недостатка; те-

лятъ же и овецъ въ колоніи больше, чѣмъ можно съѣсть до слѣдующаго урожая. Одного вотъ только нѣтъ—денегъ, но это вѣдь пѣсня старая и... универсальная".

Кто-же создалъ колонію и кто доселѣ остается душою земледѣльческой общины?—Это, молодежь, студенты, сверстники и товарищи тѣхъ кандидатовъ, которые теперь толкутся въ пріемныхъ и досаждаютъ жалобами, что нѣтъ мѣстъ. „Нельзя не удивляться кремьевцамъ,—разсказываетъ г. Розенталь,—этой группѣ честныхъ, энергичныхъ тружениковъ, этой массѣ здоровой и преданной своему разъ начертанному плану молодежи. Они блестяще доказали, что молодежь—великая сила. Кто еще проявитъ такую замѣчательную способность, въ какихъ-нибудь два слишкомъ года, изъ блѣднолицаго студента превратиться въ мускулистаго фермера? Кто еще оказался въ силахъ перенести столько лишеній и недостатковъ во имя святаго и дорогого имъ колонизаціоннаго дѣла? Они вышли побѣдителями изъ, казалось, непосильной борьбы и блестящимъ образомъ доказали, что если колонизація евреевъ дѣйствительно возможна и осуществима, то только при преобладающемъ элементѣ молодыхъ и здоровыхъ силъ. Послѣднее условіе даже менѣе важно, такъ какъ фермерская жизнь обладаетъ волшебнымъ свойствомъ превращать зеленолицаго юношу въ краснощекаго парня".

Интеллигентность нисколько не мѣшаетъ молодежи быть хорошими земледѣльческими работниками, а мускульный трудъ не заглушаетъ высшихъ культурныхъ потребностей и не препятствуетъ осуществленію ихъ. Это прекрасно доказали интеллигентные поселенцы колоніи Кремье, которые сдѣлались отличными работниками, нисколько не утративъ интеллигентности. „Мои наблюденія,—говоритъ г. Розенталь,—привели меня къ тому убѣжденію, что интеллигентный слой колонистовъ гораздо выносливѣе и трудолюбивѣе средняго класса, несмотря на то, что первые, кромѣ пера и книжки, ничего никогда въ рукахъ не держали, а послѣдніе работали уже въ Россіи. Интеллигенты-рабочіе составляютъ $^4/_5$ колонистовъ Кремье, чѣмъ объясняется успѣхъ этой колоніи. Здѣсь нерѣдко можно услышать какую-нибудь прелестную Бетховенскую арію, звонко и мелодично раздающуюся за плугомъ или у колодца. По вечерамъ, мозолистыя руки не одного кремьевца оказываются еще способными съ прежней силой ударять по клавишамъ фортепіано, или по струнамъ скрипки. Какъ видите, тяжелый фи-

зическій трудъ не заглушилъ въ кремьевцахъ возвышенныхъ чувствъ... Мы не одичали и не очерствѣли"...

Евреи съумѣли устроиться въ деревнѣ такъ, что, не теряя своей интеллигентности, вошли въ обиходъ сельской, трудовой жизни. А мы до сихъ поръ не можемъ этого сдѣлать; мы заглядываемъ въ деревню не иначе, какъ сынами небесъ, отыскивая себѣ и здѣсь мѣстъ и готовыхъ хлѣбовъ. Мы требуемъ, чтобы для насъ все было заранѣе приготовлено, чтобы мѣста были „штатныя", чтобы хлѣбы были обезпечены казеннымъ или земскимъ жалованьемъ. Вообще всѣ, доходящія изъ провинціи, жалобы на излишекъ интеллигентныхъ работниковъ показываютъ только, что въ распоряженіи мѣстной интеллигенціи находится несоразмѣрно мало мѣстъ, обезпеченныхъ казеннымъ или земскимъ жалованьемъ. Но это отнюдь не значитъ, что для интеллигентнаго излишка не можетъ найтись ни мѣста, ни дѣла въ деревнѣ. Напротивъ, тамъ дѣла черезчуръ много, а дѣятелей мало. Возьмемъ хоть бы народныя школы:—вѣдь ихъ такъ мало, что если-бы всѣ дѣти учебнаго возраста стали посѣщать школу, тогда къ существовавшимъ въ 1880 году 22,770 сельскимъ училищамъ понадобилось бы прибавить, по однимъ разсчетамъ, 246,220, а по другимъ—45,846 школъ. А много ли у насъ врачей? У насъ на 10,000 человѣкъ населенія приходится врачей 1,6, тогда какъ во Франціи 2,9, въ Австріи 3,41, въ Англіи 6, въ Италіи 6,1, въ Швейцаріи 7, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ 16,24. По вычисленію, сдѣланному одною газетою, намъ недостаетъ приблизительно 34,000 врачей. При такомъ громадномъ недостаткѣ врачей, все-таки многіе изъ нихъ остаются безъ занятій и буквально голодаютъ. Города переполнены врачами, отыскивающими и ненаходящими занятій по своей спеціальности, а въ деревнѣ чувствуется громадный недостатокъ врачей. На запросы деревни голодающіе въ городѣ врачи отвѣчаютъ все одною и тою же пѣснею: откройте для насъ штатныя мѣста и назначьте намъ жалованье.

До сихъ поръ у насъ университетская молодежь нашла себѣ только одно занятіе въ деревнѣ,—земскую медицину, или иначе докторскія мѣста, созданныя по старому, обычному у насъ шаблону. Изъ людей съ университетскимъ образованіемъ только одни земскіе врачи находятся въ такомъ положеніи, что живутъ среди народа и могутъ оказывать нѣкоторое доброе, культурное вліяніе на жизнь деревни. Но много-ли изъ нихъ найдется людей, всецѣло преданныхъ культурной задачѣ

и съ успѣхомъ выполняющихъ ее въ деревнѣ? Многіе-ли изъ земскихъ врачей съумѣли заслужить довѣріе крестьянъ и расположить ихъ въ пользу интеллигенціи? Увы, въ большинствѣ случаевъ, земскіе врачи—не болѣе, какъ медицинскіе чиновники, тяготящіеся деревенскою жизнью, исполняющіе свои обязанности лишь формально и мечтающіе объ одномъ, какъ бы скорѣе уѣхать въ городъ. Народъ не любитъ такихъ врачей и относитъ ихъ къ категоріи „господъ". Вотъ, напр., какъ смотрятъ крестьяне на земскихъ врачей въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи. „Замѣчательно разсказываетъ мѣстный обыватель,—общее враждебное отношеніе сѣраго люда къ нашимъ врачамъ. И земцы, и не земцы одинаково не долюбливаютъ ихъ. Мы думаемъ, что виной тутъ отчасти сами врачи. Мы не имѣемъ почти ни одного врача, самоотверженнаго труженика, преданнаго своему дѣлу, ради любви къ человѣчеству. Наши врачи, большею частію, ремесленники. Собственный покой для нихъ дороже всего. Кромѣ одного врача, котораго, правда, любитъ крестьянинъ за то, что онъ и погуторитъ съ нимъ, и поохаетъ надъ его болѣзнями, смажетъ больное мѣсто, когда этого хочется больному, хотя-бы то и не требовалось родомъ болѣзни,—старичекъ, вѣчно возящійся съ забавными проектами, добрѣйшее существо, но вполнѣ безличное,—остальные врачи держатъ себя съ сѣрымъ людомъ слишкомъ недоступно, слишкомъ оффиціально,—это „господа". Есть среди нихъ и усердные, знающіе, честные, но они „чужіе люди", чиновники, неимѣющіе ничего общаго съ населеніемъ, подъ-часъ даже презирающіе это „грубое", „неотесанное" населеніе".

Въ александровскомъ земствѣ еще служатъ врачами хорошіе люди—„усердные, знающіе, честные", а то бываютъ и такіе земскіе врачи, что крестьяне предпочитаютъ имъ фельдшеровъ. Фельдшеръ хоть что-нибудь сдѣлаетъ для крестьянина, хоть участіемъ, если не знаніемъ, облегчитъ болѣзнь его; врачи-же, интеллигентные люди, зачастую и смотрѣть не хотятъ на крестьянина, а лечатъ преимущественно помѣщиковъ, купцовъ, вообще состоятельныхъ людей, и получая земское жалованье, только о томъ и думаютъ, какъ-бы гдѣ-нибудь сорвать съ больного „трешницу" или „пятишницу". Земскіе врачи какъ будто совсѣмъ не понимаютъ неприличіе и гадость того побирошничества, которое они наивно называютъ „практикою". Въ этомъ отношеніи они вполнѣ унаслѣдовали взгляды своихъ отцевъ, приказныхъ стараго закала, которые, получая

жалованье, не брезговали „доходами“ и считали „безгрѣшнымъ“ дѣломъ брать деньги съ просителей за занятіе ихъ дѣлами предпочтительно предъ другими. Подобно этимъ приказнымъ, и земскіе врачи, получая отъ купцовъ и помѣщиковъ „трешницы и „пятишницы“, обыкновенно лечатъ ихъ предпочтительно предъ крестьянами и часто въ своемъ усердіи заходятъ такъ далеко, что крестьяне совсѣмъ остаются безъ медицинской помощи. Такъ напр., въ селѣ Макаровѣ, Балашевскаго уѣзда, Саратовской губерніи, въ 1883 г. свирѣпствовала горячка: хворали крестьяне и хворали лица привиллегированнаго сословія. Земскій врачъ, по словамъ мѣстнаго обывателя, помѣщикамъ оказывалъ помощь, въ избы-же крестьянъ ходилъ одинъ фельдшеръ. До 1884 г. въ Балашевскомъ уѣздѣ жили по деревнямъ 22 земскихъ фельдшера, но теперь земство удалило ихъ и пригласило вмѣсто нихъ, четверыхъ врачей. Крестьяне села Макарова несочувственно отнеслись къ увольненію фельдшеровъ и наняли обществомъ уволеннаго земствомъ фельдшера, положивъ ему за труды 400 руб. въ годъ. Конечно, на это скажутъ, что фельдшера — невѣжды, которые не могутъ принести пользы больнымъ. Но подумайте, какую-же пользу приноситъ такой врачъ, который знать не хочетъ крестьянъ, помогая однимъ помѣщикамъ?.. Онъ нетолько не приноситъ пользы, но самое существованіе его въ деревнѣ есть зло, потому что онъ только компрометируетъ въ глазахъ крестьянъ всю интеллигенцію, представителемъ которой онъ является въ деревнѣ. „Наше земство,—пишетъ въ Саратовскомъ Дневникѣ корреспондентъ изъ села Макарова,—винитъ фельдшеровъ въ томъ, что будто-бы они обираютъ крестьянъ курами, яйцами, пшеномъ и мукой“. Это обвиненіе въ высшей степени интересно и на немъ стоитъ остановиться. Если мы будемъ такъ строго относиться къ фельдшерамъ, то одинаковымъ аршиномъ должны мѣрить и врачей. Если земскій фельдшеръ не смѣетъ брать куръ отъ крестьянъ, то-и земскій врачъ пусть не беретъ отъ помѣщиковъ денегъ за визиты. Фельдшеру, человѣку бѣдному и мало развитому, еще могутъ быть извинены эти поборы, но какое извиненіе мы найдемъ для земскихъ врачей?

Внѣ сферы мѣстъ и жалованій, университетъ не даетъ деревнѣ ровно ничего, не поставляетъ дѣятелей въ народъ, въ крестьянскую массу. Людей съ высшимъ образованіемъ и обширно развитыми потребностями страшитъ деревенская жизнь съ ея нуждою, грубымъ невѣжествомъ, скукою, всевозможны-

ми лишеніями. И дѣйствительно, положеніе интеллигентныхъ піонеровъ въ деревнѣ очень тяжело и требуетъ массы энергіи, здоровья, труда, а главное—самоотверженной любви къ народу. Не всякій способенъ на такой высокій, святой подвигъ любви, чтобы на своихъ плечахъ вынести весь крестный трудъ интеллигентнаго почина въ деревнѣ и своими, облитыми потомъ и кровью, ногами проторить путь въ деревню интеллигентнымъ братьямъ. Слабыхъ людей страшитъ этотъ подвигъ. Онъ тѣмъ болѣе ужасенъ, что даже на проторенной давно дорогѣ интеллигентные люди въ деревнѣ, напримѣръ, учителя, фельдшера и т. д.,—встрѣчаютъ массу труда, лишеній, страданій, оскорбленій. Но за то, на мрачномъ фонѣ деревенской картины, въ какомъ свѣтломъ, лучезарномъ ореолѣ выступаетъ прекрасный образъ интеллигентнаго труженика, хотя бы, напримѣръ, скромной сельской учительницы!.. Но не университеты дали народу этихъ просвѣтителей, этихъ славныхъ сѣятелей знанія на ниву народную, этихъ людей, которыми нашъ вѣкъ и нашъ народъ могутъ гордиться предъ человѣчествомъ.

Посмотримъ прежде всего, какія безконечныя мытарства долженъ пройти человѣкъ, обладающій извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, прежде чѣмъ получитъ доступъ къ занятіямъ въ народной школѣ. Для этого мы возьмемъ порядки, существующіе въ Саратовской губерніи. Желающій быть учителемъ сначала долженъ снискать расположеніе попечителя школы и заручиться его письменной рекомендаціей. Послѣ этого подается прошеніе въ исполнительную училищную коммисію, которая, разсмотрѣвъ документы, допускаетъ или не допускаетъ до пробныхъ уроковъ. Такъ какъ на одно учительское мѣсто подается десятокъ прошеній, то конкурренты должны доказать на пробныхъ урокахъ свои способности къ преподаванію. Лица, съ успѣхомъ выдержавшія это испытаніе, должны ожидать утвержденія въ должности учителя, по соглашенію училищнаго совѣта и инспектора народныхъ училищъ. При этомъ необходимо представить инспектору свидѣтельство о благонадежности. Наконецъ инспекторъ утверждаетъ, и казалось-бы, дѣлу конецъ. Но и тутъ встрѣчается помѣха. Случается такъ, что исполнительная коммисія назначила кого-нибудь учителемъ въ одну школу, а инспекторъ опредѣлилъ его въ другую: подчинившись опредѣленію исполнительной коммисіи, онъ можетъ лишиться санкціи инспектора; если-же исполнитъ волю послѣдняго, то останется безъ жалованья, такъ какъ исполнительная коммисія не признаетъ его состоящимъ на службѣ.

Неправда-ли, вѣдь легче въ Китаѣ сдѣлаться мандариномъ первой степени, чѣмъ у насъ народнымъ учителемъ!

Изъ-за чего же люди бьются? Какихъ обширныхъ правъ, какихъ щедрыхъ и богатыхъ милостей они добиваются путемъ всѣхъ этихъ мытарствъ? Оказывается, что они такою высокой цѣною пріобрѣтаютъ право голодать на земскій счетъ. Голодовка интеллигентныхъ тружениковъ, состоящихъ на земской службѣ, сдѣлалась самымъ обыкновеннымъ и чуть не повсемѣстнымъ явленіемъ. Напримѣръ, въ Ялтинскомъ уѣздномъ земствѣ, Таврической губерніи, нѣкоторые учителя и фельдшера, по году и болѣе не получаютъ ни копѣйки квартирныхъ. Нижнедѣвицкое земство, Воронежской губерніи, не выдавало учителямъ жалованья цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ подрядъ. По словамъ мѣстнаго обывателя, учителя сначала голодали и осаждали земскую управу просьбами о выдачѣ жалованья; потомъ голодали и осаждали просьбами о выдачѣ, покрайней мѣрѣ, ручательствъ на соотвѣтствующую жалованью сумму, чтобы получить кредитъ у лавочниковъ; далѣе голодали, получивши эти ручательства, такъ какъ торговцы неохотно открывали по нимъ кредитъ и брали въ-тридорога. Наконецъ получили жалованье и остались опять голодать, такъ какъ земство опять цѣлыхъ два мѣсяца не выдаетъ денегъ. Въ Белебеевскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи, многіе изъ получателей денегъ съ земства, въ виду постояннаго отвѣта, что „денегъ нѣтъ“, продаютъ за безцѣнокъ свои права на полученіе денегъ съ земства. Покупателями этихъ правъ обыкновенно бываютъ кулаки, которые знаютъ, какъ нужно вести дѣло съ земцами. Опочецкая уѣздная земская управа, Псковской губерніи, служащимъ при земствѣ врачамъ, фельдшерамъ и, главнымъ образомъ, учителямъ не платятъ жалованья по полугоду и болѣе. По нѣскольку разъ они ѣздятъ въ городъ и возвращаются ни съ чѣмъ, а это обстоятельство не только отнимаетъ у нихъ матеріальныя средства, но и приноситъ ущербъ службѣ. Между тѣмъ, члены управы и мировые судьи получаютъ жалованье въ срокъ и даже впередъ. Удержаніе жалованья у учителей чуть не ежедневно вызываетъ непріятныя сцены въ управѣ. Несчастные доходятъ до униженія, выпрашивая тѣ гроши, которые заработаны тяжелымъ трудомъ, и все-таки, въ концѣ-концовъ, получаютъ отказъ. Голодъ и униженіе доводятъ учителей до рѣшимости на отчаянные поступки. Такъ, напримѣръ, въ Керенскѣ, Пензенской губерніи, учитель просилъ у предводителя дворянства, Н. Х. Л., недополученное жалованье, а

предводитель предложилъ ему 3 руб. Тогда учитель нанесъ предводителю оскорбленіе дѣйствіемъ, говоря, что онъ проситъ не милостыню, а заслуженную плату. При этомъ нужно замѣтить, что вообще въ Керенскомъ уѣздѣ учителя по нѣскольку мѣсяцевъ не получаютъ жалованье.

Заброшенный въ деревенскую глушь, учитель со всѣхъ сторонъ подвергается притѣсненіямъ, обидамъ, всевозможнымъ непріятностямъ. Во всякомъ онъ долженъ заискивать, передъ всѣми ломать шапку. И священникъ и волостной старшина съ писаремъ, и мѣстный помѣщикъ, и деревенскій кулакъ—всѣ считаютъ себя въ нѣкоторомъ родѣ начальствомъ учителя. И бѣда, если онъ не поладитъ съ ними, если возбудитъ гнѣвъ этихъ сильныхъ людей деревни. Вотъ, напримѣръ, въ Кириловскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, одинъ учитель чуть только не поладилъ съ старшиною, какъ тотъ приказалъ не пускать его въ общественную баню; а когда учитель, вопреки запрещенію старшины, пошелъ мыться въ баню,—старшина подалъ на него жалобу въ судъ. Другой учитель не поладилъ съ помѣщикомъ,—за это послѣдній не позволилъ учителю убирать хлѣбъ, посѣянный учителемъ на арендованной землѣ. Мало того, помѣщикъ затѣялъ цѣлый походъ на учителя, стараясь очернить его передъ крестьянами и уговаривая ихъ не посылать дѣтей въ школу, такъ что школа едва не распалась. Третій учитель былъ скромный и трезвый, совсѣмъ не товарищъ пьяницѣ старшинѣ. По этой причинѣ старшина морилъ голодомъ учителя съ семьею, не выдавая ему жалованья изъ волостныхъ суммъ по 7—8 мѣсяцевъ. Одного учителя выжилъ изъ училища мировой судья за то, что тотъ писалъ крестьянамъ жалобы въ съѣздъ на его рѣшенія. На другого учителя мѣстный священникъ подалъ шесть ложныхъ доносовъ училищному и другому начальству. Въ Сердобскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи, попечитель сельской школы, разобидѣвшись на учителя за то, что тотъ отказался заниматься по вечерамъ съ его дѣтьми, донесъ училищному совѣту, что учитель дурно относится къ школѣ и не исполняетъ своихъ обязанностей. Училищный Совѣтъ уволилъ учителя, не удостовѣрившись въ справедливости сообщенія и не спросивъ даже мнѣнія инспектора народныхъ училищъ насчетъ педагогической дѣятельности учителя. Въ Яранскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, одинъ мѣстный кулакъ, состоящій подъ надзоромъ полиціи по подозрѣнію въ дѣланіи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, распускаетъ слухи, что урядникъ поручено слѣдить не за нимъ, а за учителемъ,

который, молъ, „и креста не носитъ, и Богу не молится". Въ Уржумскомъ уѣздѣ, той же губерніи, сельскій кабатчикъ Милютинъ, состоящій уѣзднымъ земскимъ гласнымъ, предложилъ земству безплатное помѣщеніе для школы съ тѣмъ, чтобы былъ уволенъ учитель изъ мѣстныхъ крестьянъ, прослужившій 14 лѣтъ въ школѣ и имѣющій въ томъ же селѣ крестьянское хозяйство. Причина неудовольствія кабатчика кроется въ томъ, что учитель пользуется особымъ довѣріемъ и уваженіемъ крестьянъ, которые избрали его кандидатомъ волостного старшины, учетчикомъ и казначеемъ церковнаго попечительства. Нѣтъ ничего мудренаго, что многіе учителя падаютъ въ такой непосильной борьбѣ, излѣниваются, запиваютъ, или вовсе бросаютъ службу.

Приведенные нами случаи представляютъ далеко еще не худшіе образцы положенія интеллигентныхъ піонеровъ въ деревнѣ, когда они приходятъ въ соприкосновеніе съ грубымъ, кулаческимъ элементомъ. Часто бываютъ такія положенія, о которыхъ нельзя даже вспомнить, не содрогаясь отъ глубокаго негодованія. Судите сами. Былъ въ с. Порозовѣ, Петровскаго уѣзда, Саратовской губерніи, учитель Миловидовъ, молодой человѣкъ, отлично поставившій народную школу. Къ несчастію, онъ не понравился мѣстному кулаку Власову, кандидату волостного старшины. Чтобы выжить Миловидова изъ школы, Власовъ, вмѣстѣ съ священникомъ, придумалъ такую штуку. Отъ имени сельскихъ старостъ, зависѣвшихъ отъ Власова, былъ составленъ доносъ на Миловидова въ томъ, что въ его квартирѣ живетъ „публичная женщина", разумѣя тутъ живущую у учителя старушку, 55 лѣтъ, полковницу Скабовскую. Этотъ грязный доносъ былъ поданъ въ волостное правленіе и прочитанъ на волостномъ сходѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что несчастнаго, опозореннаго учителя уволили отъ службы.

Если деревенскіе кулаки такъ нахально оскорбляютъ честь мужчинъ, то честь женщинъ въ ихъ глазахъ не имѣетъ уже ровно никакой цѣны. Интеллигентной дѣвушкѣ, попавшей въ деревню, то-и-дѣло приходится переносить всевозможныя оскорбленія и безобразно-дикія выходки. Напримѣръ весною, 1883 года, часа въ два ночи, двое молодыхъ людей постучались въ окно больничнаго покоя, въ с. Балыклей, Царицынскаго уѣзда, Саратовской губерніи. На вопросъ завѣдующей покоемъ фельдшерицы А—вой: „Кто тамъ?"—ей отвѣчаютъ:—„Отпирай! Членъ земской управы пріѣхалъ". А—ва, не подозрѣвая обмана, велѣла отперетъ двери. Но, вмѣсто члена управы, ворва-

лись волостной писарь и учитель.—„Соды!“—едва могъ проговорить писарь. Напрасно фельдшерица проситъ удалиться ночныхъ посѣтителей. Тѣ настойчиво требуютъ соды, грозя пожаловаться земской управѣ, и, наконецъ, вырвавъ ключи, начинаютъ сами хозяйничать въ аптекѣ. Несчастной женщинѣ ничего болѣе не оставалось, какъ позвать на помощь сосѣдей; но пока тѣ пришли, безобразники успѣли скрыться, оставивъ на память о своемъ посѣщеніи нѣсколько разбитыхъ оконъ и безпорядокъ въ аптекѣ. Или вотъ другой, еще болѣе возмутительный случай. Въ одной изъ уѣздныхъ земскихъ управъ Вятской губерніи служитъ членомъ разжирѣвшій кулакъ, который считаетъ своими подчиненными всѣхъ служащихъ въ земствѣ и въ особенности учителей и учительницъ. Является онъ разъ къ одной молоденькой учительницѣ, рекомендуется и заявляетъ, что не прочь побаловаться чайкомъ. Пока сторожъ ставилъ самоваръ, непрошенный гость занималъ хозяйку разсказами о своемъ могуществѣ, увѣряя, что ему стоитъ пикнуть слово— и ничтожной учительницѣ не бывать на земской службѣ. Эти разсказы заканчиваются безстыднымъ предложеніемъ и негодяй лѣзетъ съ объятіями къ ошеломленной дѣвушкѣ. Учительница вырывается и убѣгаетъ, а земскій ловеласъ съ суконнымъ рыломъ посылаетъ вслѣдъ ей угрозу лишить ее мѣста. да крупное словцо. Въ Слободскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи. члены земской управы обращаются съ учителями не иначе какъ на „ты“, нерѣдко кричатъ на нихъ и даже въ присутствіи постороннихъ лицъ не стѣсняются осыпать ихъ ругательными словами: „дуракъ“, „болванъ“, „балда“ и т. п. Учителя не смѣютъ пикнуть въ отвѣтъ. Положеніе учительницъ еще тяжелѣе. Учительницѣ, явившейся въ управу по какому нибудь дѣлу, приходится выслушивать отъ управцевъ не очень пріятныя шутки, такъ что дѣвушки перестали даже сами являться въ управу за жалованьемъ, а получаютъ его чрезъ посредство другихъ лицъ. Въ той же Вятской губерніи, письма учителей, адресуемыя чрезъ яранскую земскую управу, безцеремонно прочитываются. Земскіе заправилы ни мало не стѣсняются обсуждать прочитанное въ чужихъ письмахъ. Бѣда. если учитель непочтительно отзовется въ письмѣ о человѣкѣ, близкомъ предсѣдателю управы,—тогда онъ попадетъ на замѣчаніе и при первомъ случаѣ переводится на худшее мѣсто. Письма изъ Казани доходятъ по назначенію иногда чрезъ два мѣсяца; нерѣдко они получаются совсѣмъ распечатанными. Болѣе интересныя письма совсѣмъ не доходятъ по адресу. По

этому поводу „Волжскій Вѣстникъ“ замѣчаетъ, что только крайняя беззащитность учителей миритъ ихъ съ такими, до безобразія возмутительными, порядками.

Всѣ темныя силы, свившія гнѣздо въ деревнѣ и находящія себѣ опору въ народномъ невѣжествѣ, съ озлобленіемъ встрѣчаютъ интеллигентныхъ людей, какъ злѣйшихъ своихъ враговъ, и стараются выжить ихъ изъ крестьянскаго міра. И какимъ опасностямъ подвергаются интеллигентные піонеры въ борьбѣ съ представителями сельскаго невѣжества! Напримѣръ, въ 1883 году, на одномъ хуторѣ, близь Херсона, у крестьянина пропали 100 рублей. Онъ обратился къ знахаркѣ, которая указала ему на учительницу, какъ на воровку, желая унизить ее въ глазахъ хуторянъ за то, что учительница подрывала авторитетъ знахарки. Крестьянинъ потребовалъ, чтобы учительница возвратила деньги. Когда та отказалась, онъ собралъ свою родню, и вотъ цѣлая ватага крестьянъ схватила учительницу и потащила ее на кладбище. Здѣсь ее привязали къ кресту за руки, ноги и горло, и начали клещами вытягивать языкъ, принуждая сказать, гдѣ украденныя деньги. Къ счастью, бѣдная женщина успѣла крикомъ созвать народъ, который отнялъ ее у разъяренной толпы.

Сельскіе учителя и учительницы безнаказанно подвергаются самымъ грубымъ оскорбленіямъ и насиліямъ, потому-что ихъ общественное положеніе доселѣ еще не опредѣлилось. Они представляютъ такое новое явленіе въ сельской жизни, котораго никакъ не могутъ хорошенько понять коренные обитатели деревни. Съ одной стороны, учителя и учительницы представляются какъ-бы отпрысками привиллегированнаго класса, а съ другой — это паріи, которыхъ привиллегированные люди деревни не считаютъ своими, но гонятъ и травятъ на каждомъ шагу. „Въ самомъ дѣлѣ, что такое учительница?“ — спрашиваетъ „Орловскій Листокъ“. „По мнѣнію многихъ, она нѣчто среднее между чернью непросвѣщенною и салопницею 14-го класса, — но салопницы сами считаютъ себя гораздо выше ихъ. Положеніе ея въ обществѣ похоже на зайца, котораго можно травить, когда, гдѣ и какъ угодно. Начальства у нихъ столько-же, сколько и у мужика, и большинство этого начальства претендуетъ на право задавать распеканціи. Занятія учительницъ громадны, — говоримъ о большинствѣ; это — мученицы, и еслибы они не увлекались ребятишками, которыхъ учатъ и любятъ, то ихъ трудъ можно-бы сравнить развѣ съ каторжной работой“.

Съ 9 часовъ утра учительница уже въ школѣ за работою. Около нея собирается иной разъ до сотни ребятишекъ, — за каждымъ нужно присмотрѣть, каждому указать и поправить, каждый лѣзетъ съ вопросомъ, требуетъ объясненій и т. д. Цѣлый день до 3—4 часовъ вечера учительница мается съ ребятами, не складывая рукъ, не давая освѣжиться и отдохнуть утомленной головѣ. Къ концу учебнаго дня усталость доходитъ до головокруженія и одуренія. При этомъ нужно замѣтить, что, за немногими исключеніями, школы устроены дурно и ужасно губятъ здоровье учителей. Въ школѣ или холодно, или угарно, или дуетъ изъ подъ половъ, изъ оконъ и стѣнъ, а гдѣ не дуетъ, тамъ воздухъ такъ испорченъ, что дышать нечѣмъ. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ школьное помѣщеніе сельскій учитель Саратовской губерніи въ частномъ письмѣ, попавшемъ на столбцы мѣстной газеты. „При училищѣ нѣтъ прихожей, гдѣ дѣти могли-бы оставлять свою одежду, поэтому ее складываютъ въ самомъ классѣ. Во время занятій, воздухъ въ немъ наполняется вредными испареніями отъ дыханія и полушубковъ. За отсутствіемъ вентиляціи, всѣмъ приходится дышать этимъ убійственнымъ воздухомъ, отъ котораго у меня часто дѣлается головокруженіе, захватываетъ дыханіе, слабѣетъ голосъ и помимо воли переходитъ въ шопотъ и обрывается. Но такъ и быть, все-бы перенесъ безъ жалобъ, если-бы находилъ въ школѣ все остальное хорошимъ. Но, къ сожалѣнію, ничего хорошаго нѣтъ!“ Проработавъ цѣлый день въ такомъ помѣщеніи, учитель уходитъ въ свою квартиру. Боже мой, что это за квартира! Вотъ, напримѣръ, помѣщеніе учительницы въ большомъ селѣ Цибуловѣ, Александрійскаго уѣзда, Херсонской губерніи. Это одна маленькая комнатка, безъ кухни и безъ особаго помѣщенія для сторожа. Въ немъ учительница живетъ вмѣстѣ со сторожемъ при училищѣ. Мебель состоитъ изъ одного стула и кровати. Некрашеные полы покрыты огромными щелями. Не имѣя кухни, учительница лишена возможности что-нибудь сварить, испечь, или изжарить себѣ. Она питается почти однимъ хлѣбомъ съ чаемъ. Еще хуже квартира у сельскаго учителя Саратовской губерніи, изъ письма котораго мы только-что сдѣлаемъ выдержку. „Жилье мое,—разсказываетъ онъ,—состоитъ изъ одной небольшой комнатки. Рамы въ окнахъ ветхи и безъ запоровъ; поэтому онѣ отъ вѣтра нерѣдко растворяются. Какъ рамы къ косякамъ, такъ и косяки къ стѣнамъ прилегаютъ неплотно. Полъ настланъ скверно, потолокъ еще хуже. Русская печь занимаетъ $\frac{1}{4}$ комнатки. Труба

закрывается одной вьюшкой, а другую староста не можетъ собраться купить, отзываясь тѣмъ, что „въ обществѣ нѣтъ денегъ на бездѣлушки". Вслѣдствіе такого устройства моей пришкольной квартиры, холодный воздухъ имѣетъ въ нее свободный доступъ, а теплый не менѣе свободно уходитъ изъ нея чрезъ всѣ щели, эти естественные вентиляторы; отъ этого въ квартирѣ такъ холодно, что никакая топка не помогаетъ. Изъ подъ-пола несетъ какъ изъ ледника. Не преувеличивая, скажу, что температура въ комнатѣ и на дворѣ всегда почти одинакова, — разница въ какихъ-нибудь 3—4° R. Цѣлую зиму приходится трястись отъ холода, подобно осиновому листу. Самъ на себя не бываю похожъ: лицо постоянно блѣдное, зубы точно молотятъ, говорю съ трудомъ, тѣло дрожитъ, руки и ноги отказываются служить. Мука, смертная мука, но необходимость заставляетъ терпѣть!..."

Всякій самъ можетъ представить себѣ чѣмъ питается какая-нибудь сельская учительница, когда она получаетъ жалованья 10—15 р. въ мѣсяцъ и въ самомъ благопріятномъ случаѣ 25 р. Кислая капуста да тухлая солонина — вотъ обѣдъ учительницы. Послѣ обѣда опять трудъ, — нужно пересмотрѣть и исправить ученическія тетрадки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ учительницы вынуждены сами рубить дрова и носить воду. Другія даютъ частные уроки на селѣ, или исполняютъ разныя работы и услуги, въ надеждѣ получить за это отъ помѣщицы или попадьи ласковое слово да какой-нибудь подарокъ. Вообще условія, среди которыхъ народному учителю приходится выполнять свою незамѣтную миссію, таковы, что, какъ справедливо замѣчаетъ одна провинціальная газета, „нужно быть слишкомъ фанатически преданнымъ святой идеѣ народнаго просвѣщенія, нужно обладать громадной стойкостью характера, чрезвычайно крѣпкой физической организаціей, чтобы не повернуть съ полпути, не бѣжать вонъ изъ деревни и школы, а довести дѣло до конца, или-же сдѣлаться безвременной жертвой могилы, не выпуская изъ рукъ разъ поднятаго знамени. Тратить свои лучшіе годы, тратить свои лучшія силы и знать, что впереди тебя не ждетъ ровно ничего, что въ концѣ пути, куда ты придешь обезсиленный, изможденный, разбитый, тебя встрѣтитъ холодная, голодная, необезпеченная старость,—вотъ въ чемъ весь трагизмъ, вотъ въ чемъ весь ужасъ положенія"...

Вся наша провинціальная печать проникнута глубочайшимъ уваженіемъ къ подвигу народныхъ учителей и учительницъ. Среди всевозможной грязи и мерзости, которой такъ

много накопилось въ провинціальныхъ захолустьяхъ, только новый типъ народнаго учителя сохранился чистымъ и свѣтлымъ въ общественномъ сознаніи. Съ какимъ-то невольнымъ почтеніемъ останавливается общество предъ сельскими учителями, недоумѣвая, откуда берется столько нравственной мощи въ этихъ простыхъ, скромныхъ, ничѣмъ по наружности не выдающихся людяхъ. Вѣдь жизнь на 10—15 руб. въ мѣсяцъ, въ неудобнѣйшей квартирѣ, среди скудной общественной обстановки, въ постоянной зависимости отъ всяческихъ начальствъ, въ боязни за завтрашній день, — такая жизнь, по выраженію одной провинціальной газеты, — „является истиннымъ подвигомъ, и только горячая преданность дѣлу можетъ скрасить тернистый путь этихъ почтенныхъ тружениковъ". Съ любовью останавливаясь на свѣтломъ, прекрасномъ образѣ сельской учительницы, „Орловскій Вѣстникъ" посвящаетъ ей слѣдующія горячія и вмѣстѣ грустныя строки: „Сколько нужно любви къ ближнему, вѣры въ пользу своего труда, самопожертвованія, чтобы пройти тяжелый путь учительницы, и въ концѣ концовъ — какая-же перспектива ихъ въ будущемъ, что ожидаетъ этихъ русскихъ весталокъ, зажигающихъ въ народѣ священный огонь знанія? А ожидаетъ вотъ что: пройдутъ годы — пройдетъ и молодость, пропадутъ силы, падетъ энергія, ослабѣетъ вѣра въ пользу своего труда, и затѣмъ, въ награду за долговременную службу обществу, обремененныя разнаго рода болѣзнями, хроническими или острыми, — эти учительницы, какъ выжатые лимоны, будутъ выброшены на улицу безъ крова и пристанища".

И вотъ, послѣ голодовокъ, непосильныхъ трудовъ и начальничьихъ распеканцій, приходитъ къ учителю смерть, этотъ безвѣстный конецъ скромной, незамѣтной жизни. Общество ничего не узнаетъ о погибшемъ интеллигентномъ труженикѣ въ деревнѣ, - никому нѣтъ дѣла до него. Хорошо еще, что въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ, гдѣ умеръ учитель, у него нашелся знакомый „корреспондентъ" провинціальной газеты, который простымъ умомъ и сердцемъ понялъ и прочувствовалъ весь смыслъ погибшей на его глазахъ жизни „одного изъ многихъ". И вотъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, оставленнымъ смертью, онъ сообщаетъ о ней изъ своего захолустнаго Уржума въ „Казанскій Биржевой Листокъ", не осмѣливаясь утруждать вниманіе читателя даже упоминаніемъ имени покойнаго. „Умеръ сѣятель знанія на ниву народную, учитель. Сколько довелось узнать о немъ, свѣдѣнія оказались небольшія. Былъ-

де учителемъ болѣе 10 лѣтъ, да все маялся, хилѣлъ; въ последнее время пріѣхалъ полечиться — и конецъ. Въ теченіе настоящаго года, умираетъ второй учитель, да умерла одна учительница. Двоихъ изъ нихъ погубилъ одинъ и тотъ-же недугъ—чахотка. Знать не легка-же ихъ жизнь! Десять самыхъ молодыхъ годовъ просидѣлъ человѣкъ на скамейкѣ, учился; потомъ болѣе десяти лѣтъ опять провелъ въ школѣ, другихъ училъ. Въ награду за труженичество былъ сытъ, да одѣтъ; умеръ—развѣ добрую память въ дѣтяхъ оставилъ!...“ Вотъ и весь некрологъ сельскаго учителя!...

Гибнутъ въ деревнѣ интеллигентные труженики и отъ чахотки, и отъ тифа, и отъ множества всевозможныхъ эпидемій, которыя свободно разгуливаютъ среди сельскаго населенія; гибнутъ они отъ нужды, горя, преслѣдованій, отъ „жестокихъ нравовъ“ и т. д. Но на мѣсто погибшихъ братьевъ идутъ въ деревню новыя и новыя толпы интеллигентныхъ тружениковъ съ отвагою въ душѣ и съ безконечною въ сердцѣ любовью къ народу, — идутъ за тѣмъ, чтобы продолжать подвигъ погибшихъ, исполнять завѣщанную ими культурную задачу и. подобно имъ, сложить свои головы для блага народнаго. Да и какъ-же не любить этотъ прекрасный народъ, который могъ создать свѣтлый, чудный типъ сельской учительницы, и который то-и-дѣло проявляетъ такъ много любви, самопожертвованія, способности увлекаться идеей до фанатизма, до пожертвованія самою жизнью! Мы вѣримъ, что, во имя этой любви, придутъ въ деревню къ народу врачи, агрономы. механики, юристы и т. д., какъ пришли уже учителя, и призовутъ они народъ къ обновленной жизни. Въ ожиданіи-же этого, русскому обществу не мѣшаетъ оглянуться на себя и подумать, какъ-бы облегчить тернистый путь интеллигентныхъ тружениковъ въ деревнѣ, скрасить ихъ невеселую жизнь, облегчить ихъ культурный подвигъ, устранить излишнюю трату силъ и подъ старость обезпечить ихъ отъ голодной смерти на улицѣ...

Да, много положено тяжелаго труда, велики жертвы интеллигенціи, посвятившей себя культурной дѣятельности въ деревнѣ, среди народа. Жизнь въ деревнѣ представляетъ такъ мало удобствъ и радостей, что многимъ оказался не по силамъ этотъ подвигъ и они возвратились изъ деревни въ прежнюю среду утомленные, разочарованные и въ собственныхъ силахъ, и въ пользѣ того дѣла, которому недавно такъ беззавѣтно отдавались. Возвратясь въ интеллигентное общество, они рас-

пространили въ немъ мысль, будто, при существующихъ условіяхъ, интеллигентная дѣятельность въ деревнѣ совершенно безплодна и почти невозможна. Нужно, — говорили они, — сначала создать новыя, благопріятныя условія для дѣятельности интеллигентныхъ силъ въ деревнѣ, а раньше тамъ нечего дѣлать. И вотъ отсюда-то ведетъ свое начало крайне вредное и несимпатичное направленіе въ сферѣ общественной мысли, ограничившее свое міросозерцаніе одними интересами интеллигенціи. Если, — говорятъ, — наличныя условія не благопріятствуютъ плодотворной дѣятельности въ деревнѣ, то незачѣмъ и пробивать лбомъ стѣну, а нужно направить всѣ усилія на преслѣдованіе исключительно интересовъ интеллигенціи. Когда эти интересы будутъ достигнуты, тогда интеллигенція получитъ полный просторъ для культурнаго воздѣйствія на народъ, и вотъ тутъ-то милости просимъ въ деревню.

Совершенно вѣрно, что деревня представляетъ множество неблагопріятныхъ условій для культурной дѣятельности въ ней интеллигентныхъ силъ. Но вѣдь не будь такихъ условій, тогда она была-бы раемъ для интеллигенціи, мѣстомъ отдохновенія и покоя для всѣхъ бѣлоручекъ. Тогда интеллигентный лежебокъ лѣниво дремалъ-бы подъ сѣнію густолиственныхъ клеповъ, въ ротъ къ нему сыпались-бы съ неба галушки, а вокругъ него такъ и кипѣла-бы сама собою культурная работа. Все это прекрасно, но только въ подобномъ райскомъ препровожденіи времени нѣтъ никакого подвига и заслуги. Величіе подвига нашихъ интеллигентныхъ піонеровъ въ деревнѣ заключается именно въ томъ, что имъ приходится вести тяжелую борьбу съ неблагопріятными условіями. И эта борьба — совсѣмъ не напрасная, безплодная трата силъ, но великій, плодотворный трудъ. Результаты интеллигентной дѣятельности въ деревнѣ успѣли уже настолько выясниться, что мы и теперь можемъ фактами доказать ошибочность мнѣнія, будто, при существующихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, культурная дѣятельность интеллигенціи въ деревнѣ есть безплодная трата силъ. Напротивъ, эта дѣятельность успѣла принести осязательные плоды: пробужденная и обновленная ею деревенская жизнь предъявляетъ все новые и новые запросы къ интеллигенціи, требуетъ дальнѣйшаго развитія ея дѣятельности, не дожидаясь того времени, когда интеллигенція устранитъ всѣ неблагопріятныя условія и создастъ для себя рай на землѣ.

Возьмемъ скромную работу интеллигентнаго человѣка въ роли сельскаго учителя. Развѣ это безплодный трудъ, когда

мы то и дѣло встрѣчаемся съ новыми, небывалыми прежде проявленіями умственной жизни въ народѣ, вызванными дѣятельностью сельскаго учителя? Вѣдь грамотность, которую даетъ школа, есть только первый и весьма важный шагъ въ процессѣ умственнаго развитія, который быстро и безостановочно идетъ впередъ подъ вліяніемъ толчка, даннаго школою. „Выучившись грамотѣ, — говоритъ одинъ наблюдатель народной жизни изъ Ямполя, Подольской губерніи,—крестьянинъ не довольствуется процессомъ чтенія, но старается извлеченныя изъ книгъ знанія прилагать къ практической жизни. Это—многообѣщающая черта въ простомъ народѣ; нельзя не пожалѣть при этомъ объ отсутствіи книгъ для народа въ селахъ".

Сельская школа вызвала въ народѣ жажду знанія, проявляющуюся въ видѣ потребности въ чтеніи. Народъ обращается къ интеллигенціи съ настойчивымъ запросомъ: вы научили меня грамотѣ, такъ дайте-же теперь мнѣ книги для чтенія. И вотъ рядомъ съ сельскою школою возникаетъ новое учрежденіе—народная библіотека

Изъ глубоко интересныхъ изслѣдованій извѣстнаго земскаго статистика В. И. Орлова мы узнаемъ, что изъ 554 сельскихъ школъ Московской губерніи при 187 школахъ есть маленькія библіотеки. Что это за библіотеки можно судить по тому, что стоимость книгъ въ каждой изъ нихъ простирается на сумму отъ 5 до 50 руб. и только 30 библіотекъ, по цѣнѣ книгъ, стоютъ дороже. Они состоятъ изъ самыхъ дешевыхъ изданій, предназначенныхъ для дѣтскаго чтенія и только отчасти для взрослыхъ. По числу книгъ, 127 библіотекъ принадлежатъ къ разряду скудныхъ, имѣющихъ менѣе 100 книгъ; только 60 библіотекъ имѣютъ свыше 100 книгъ, въ томъ числѣ въ двадцати находится болѣе 200 книгъ.

Вотъ эти-то скудныя библіотеки и послужили статистическому отдѣленію московской губернской земской управы поводомъ обратиться къ сельскимъ учителямъ, между прочимъ, съ вопросомъ о томъ, существуетъ-ли среди сельскаго населенія потребность въ чтеніи книгъ? Всего было получено до 400 отвѣтовъ, изъ которыхъ только въ 30 указывается на полное равнодушіе населенія къ чтенію; во всѣхъ-же остальныхъ, по словамъ г. Орлова, „*почти буквально повторяется одно и тоже: населеніе стремится къ чтенію; обращаются въ школу за книгами; читаютъ даже учебники, если нѣтъ другихъ книгъ*", и т. д. Изъ приводимыхъ г. Орловымъ, наиболѣе характерныхъ отзывовъ сельскихъ учителей видно, что „взрослые крестьяне

и окончившіе курсъ ученики просто осаждаютъ просьбами книгъ для чтенія", а по словамъ другаго учителя, „даже очень обижаются" тѣмъ, что нечего читать имъ. Крестьяне „нерѣдко просятъ указаній какія книги купить. За отсутствіемъ другихъ книгъ. берутъ учебники и прописи". Дѣти берутъ изъ школы книги, „которыя, обыкновенно, читаютъ въ своихъ семьяхъ вслухъ". По словамъ одной учительницы, „семьи дѣтей слушали чтеніе нѣкоторыхъ книгъ съ удовольствіемъ и просили дѣтей приносить еще". Въ д. Юрловѣ, Московскаго уѣзда, гдѣ населеніе занимается кустарнымъ производствомъ мебели, „въ мѣстныхъ мастерскихъ устраиваются по вечерамъ общія чтенія, на которыхъ читаются книги религіознаго содержанія, сказки и повѣсти разнаго рода". Одинъ учитель говоритъ, что, „если-бы обложить желающихъ читать извѣстной платой, въ размѣрѣ, напримѣръ, 20—30 копѣекъ въ годъ, то многіе-бы изъявили желаніе платить, лишь-бы получить книги для чтенія". При другомъ училищѣ „библіотека пріобрѣтена учителемъ по подпискѣ среди мѣстнаго населенія въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича. Всего имѣется до 200 книгъ, которыя читаются съ охотою какъ учениками, такъ и прочимъ грамотнымъ населеніемъ".

Изъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что въ Московской губерніи народныя библіотеки поставлены весьма дурно: народъ требуетъ чтенія, а читать ему нечего; библіотекъ или совсѣмъ нѣтъ, или если есть, то крайне скудныя и мизерныя. Но есть земства, которыя очень заботливо относятся къ устройству народныхъ библіотекъ. Вотъ здѣсь-то мы можемъ получить болѣе точныя, чѣмъ голословныя показанія учителей, свѣдѣнія о томъ, насколько сильно распространена въ народѣ потребность въ чтеніи. Такъ, напримѣръ, въ Херсонскомъ уѣздѣ изъ народныхъ библіотекъ, устроенныхъ при 34 школахъ, въ 1883 году было взято 18,000 книгъ для чтенія. Указывая на этотъ знаменательный фактъ, мѣстная газета совершенно справедливо замѣчаетъ, что „если въ 34 деревняхъ была прочитана такая, сравнительно почтенная, масса книгъ, то легко придти къ тому заключенію, что вообще въ народѣ уже существуетъ довольно солидная потребность въ чтеніи книгъ и что потребность эта, къ несчастію, остается неудовлетворенной, или удовлетворяется разнымъ суррогатомъ въ видѣ книжнаго хлама, которымъ благодѣтели рода человѣческаго, московскіе книжныхъ дѣлъ мастера, наводняютъ всю Россію".

Народныя библіотеки составляютъ новое, непривычное дѣ-

ло въ крестьянскомъ быту. Въ иныхъ мѣстахъ даже извѣстіе объ открытіи библіотеки не успѣло хорошенько распространиться, а тѣмъ болѣе населеніе не успѣло пріобрѣсти привычку брать изъ нихъ книги для чтенія. Казалось-бы, при такихъ условіяхъ, дѣятельность народныхъ библіотекъ, въ первое время по открытіи ихъ, должна быть незамѣтна и ничтожна. Между тѣмъ насъ поражаетъ сильный успѣхъ библіотекъ, обнаруживающійся тотчасъ по открытіи ихъ въ деревняхъ. Напр., земство Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губерніи, въ концѣ 1883 года открыло семь народныхъ библіотекъ, причемъ на каждую изъ нихъ было отпущено по 300 р. О дѣятельности трехъ изъ этихъ библіотекъ мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія за первые три мѣсяца ихъ существованія, съ 18-то декабря 1883 года по 18-е марта 1884 года. Въ библіотекѣ, состоящей при с. Коневскомъ, съ зажиточнымъ населеніемъ, занимающимся единственно хлѣбопашествомъ, было читателей 64 человѣка, которыми взяты 562 книги, въ томъ числѣ 246 книгъ религіозно-нравственнаго содержанія. Въ другой библіотекѣ, при торговомъ селѣ Багарякѣ, имѣющемъ еженедѣльные значительные базары, тоже съ населеніемъ зажиточнымъ и занимающимся хлѣбопашествомъ, состояло читателей 70 человѣкъ, которыми взято 670 книгъ, въ томъ числѣ 233 религіозно-нравственнаго содержанія. Изъ библіотеки при шайтанскомъ чугуноплавильномъ и желѣзодѣлательномъ заводѣ, имѣющемъ населеніе, почти не занимающееся хлѣбопашествомъ, а живущее исключительно заводскими работами, пользовались книгами 135 человѣкъ, которыми взято 1,712 книгъ, въ томъ числѣ 252 религіозно-нравственнаго содержанія. Открытіе народныхъ библіотекъ въ селахъ Екатеринбургскаго уѣзда произвело сильное впечатлѣніе на жителей окрестныхъ селеній, которые стали высказывать желаніе, чтобы и у нихъ были устроены библіотеки. Такъ, весною 1884 года, послѣ экзамена въ коневской народной школѣ, къ производившему экзаменъ члену учительскаго совѣта подошелъ одинъ крестьянинъ изъ сосѣдняго села съ просьбою исходатайствовать въ земствѣ, чтобы и въ ихъ селеніи была открыта библіотека, причемъ онъ пожертвовалъ 15 руб. Присутствовавшій тутъ-же мѣстный священникъ поддержалъ просьбу крестьянина, добавивъ отъ себя, что и прочіе жители села не откажутся отъ участія въ подпискѣ на библіотеку.

Для характеристики отношеній народа къ устройству сельскихъ библіотекъ, мы приведемъ еще подобный-же случай,

бывшій въ 1885 году въ селѣ Истобенскомъ, Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи. Это большое село съ промышленнымъ населеніемъ, простирающимся до 1,400 душъ обоего пола. Въ немъ есть двухклассная земская школа, въ которой учатся болѣе 300 мальчиковъ, и женская школа, имѣющая болѣе 60 учениць. Село выписываетъ нѣсколько журналовъ и газетъ, но библіотеки въ немъ нѣтъ, за исключеніемъ церковной, откуда грамотные крестьяне берутъ книги. По случаю бывшаго 26 апрѣля 1885 года празднованія тысячелѣтія со дня кончины славянскаго первоучителя Меѳодія, мѣстное духовенство и учителя земскихъ школъ предложили крестьянамъ на сельскомъ сходѣ сдѣлать пожертвованіе на расширеніе церковной библіотеки. Сходъ принялъ предложеніе съ величайшимъ сочувствіемъ и тутъ-же порѣшилъ, что, вмѣсто расширенія церковной библіотеки, лучше учредить особую „Меѳодіевскую сельскую читальню“. Въ матеріальномъ отношеніи существованіе читальни обезпечено и теперь ожидается только разрѣшеніе на открытіе ея.

Устройство библіотекъ вызывается пробудившеюся въ народѣ потребностью въ легкомъ способѣ имѣть для чтенія книги лучшаго качества и въ большемъ числѣ, сравнительно съ числомъ и качествомъ книгъ, нынѣ обращающихся въ деревнѣ. У крестьянъ и теперь есть книги, причемъ число ихъ быстро увеличивается съ развитіемъ грамотности. По наблюденіямъ покойнаго Н. А. Корфа, изъ грамотныхъ взрослыхъ крестьянъ Маріупольскаго и Александровскаго уѣздовъ, Екатеринославской губерніи, у значительнаго большинства, а именно у 80%, оказалось хоть по одной книгѣ у каждаго: точно такъ-же въ Бердянскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи, 83% взрослыхъ грамотныхъ имѣютъ у себя книги. При такой распространенности книгъ среди грамотнаго сельскаго населенія, самое число ихъ должно быстро возрастать, если принять въ соображеніе увеличеніе числа грамотныхъ крестьянъ. Напримѣръ, въ 1869 г., въ Московской губерніи было грамотныхъ крестьянъ — 77,600 мужчинъ и 11,000 женщинъ, всего около 89,000 душъ, а въ 1883 г. число грамотныхъ возросло до 211,000, въ томъ числѣ мужчинъ 184,265, женщинъ 26,464. Указывая на охоту къ чтенію, которая замѣчается у крестьянъ, получившихъ школьное образованіе, Н. А. Корфъ приводитъ нѣсколько извѣстныхъ ему характерныхъ случаевъ. Такъ, одна крестьянка, единственная грамотная женщина въ селѣ, 11 лѣтъ тому назадъ учившаяся и

6 лѣтъ какъ вышедшая замужъ, разсказывала ему: „Забьюсь въ сарайчикъ да и читаю, такъ чтобы никто не видалъ, а то вѣдь изъ бабъ у насъ грамотныхъ совсѣмъ нѣтъ, такъ мнѣ и совѣстно читать при другихъ". Точно также къ нему ходили за книгами для чтенія четыре подростка, давно переставшіе учиться. Они читали такъ усердно, по количеству прочитанныхъ книгъ, какъ дай Богъ читать и членамъ достаточной и образованной семьи. „Отечествовѣдѣніе" Семенова, „Бесѣды о природѣ" Зобова, „Исторія Петра Великаго" Петрушевскаго, „Робинзонъ", вся коллекція русскихъ авторовъ, изданная подъ общимъ заглавіемъ „Русская библіотека", и многія другія книги были прочитаны ими за 6 мѣсяцевъ. О количествѣ собственныхъ книгъ, какимъ обладаетъ каждый грамотный крестьянинъ, Н. А. Корфъ сообщаетъ слѣдующія наблюденія. Изъ числа 350 взрослыхъ грамотныхъ крестьянъ, лично допрошенныхъ имъ, только *семь* человѣкъ затруднились перечислить поименно все свое книжное богатство, говоря, что у нихъ „много" книгъ. У остальныхъ-же, въ огромномъ большинствѣ, было по одной, по двѣ книги.

Весьма точныя и обстоятельныя изслѣдованія, произведенныя Корфомъ, показываютъ, что большинство книгъ, обращающихся въ народѣ, принадлежитъ къ духовной литературѣ. У многихъ изъ допрошенныхъ имъ грамотныхъ крестьянъ не оказалось ни одной книги, кромѣ молитвенника, и почти у всѣхъ есть книги духовнаго содержанія, каковы: „Священная исторія", „Святцы", „Псалтирь", „Патерикъ", „Требникъ". „Акафистъ", „Страсти Христовы", „Часословъ", „Житія святыхъ", „Катехизисъ". Въ одномъ селеніи, напримѣръ, на 114 грамотныхъ у 106 оказались книги, но изъ нихъ только 12 имѣли книги не духовнаго содержанія. Въ православномъ населеніи нерѣдко встрѣчается „Евангеліе", у молоканъ попадается „Библія", которая неизвѣстна православному крестьянину. Изъ книгъ недуховнаго содержанія попадаются слѣдующія: „Сказочникъ", „Бова Королевичъ", „Еруслапъ Лазаревичъ", „Оракулъ", „Сонникъ", „Тайны наукъ". Въ числѣ дѣльныхъ книгъ недуховнаго содержанія встрѣчаются учебники, календари, „Народное чтеніе", „Исторія Петра", „Свѣтъ Божій", „Тарасъ Бульба", „Исторія Россіи".

Позднѣйшія изслѣдованія г. Орлова вполнѣ подтверждаютъ наблюденія г. Корфа. Книги духовнаго содержанія болѣе всего распространены между грамотными крестьянами Московской губерніи. Изъ нихъ „Псалтирь" можно найти почти

*

въ каждомъ домѣ, гдѣ только есть грамотный. Обширною распространенностью между крестьянами „Псалтирь“ обязанъ старинной школѣ, въ которой онъ былъ учебной книгой. По той же причинѣ довольно распространенъ между крестьянами „Часословъ“. Попадаются также „Молитвенники“ и „Канонники“. Библія за весьма рѣдкими исключеніями, не встрѣчается. Благодаря вліянію новой школы, въ крестьянскомъ населеніи сильно распространилось Евангеліе на русскомъ языкѣ; его можно встрѣтить почти въ каждомъ домѣ. Послѣ Евангелія самое любимое чтеніе сельскаго населенія составляютъ „Житія святыхъ“,—мелкія, дешевыя брошюры, издаваемыя въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ московскими книгопродавцами. Изъ книгъ недуховнаго содержанія болѣе всего распространены между крестьянами сказки. Затѣмъ въ деревняхъ обращается масса „Оракуловъ“ и „Сонниковъ“. Очень сильно, хотя и меньше сказокъ, распространены повѣсти объ историческихъ лицахъ и событіяхъ прошлаго и настоящаго времени. Изъ нихъ всего чаще встрѣчаются разсказы о „Царѣ-мученикѣ“, о „Генералѣ Скобелевѣ“, разсказы о событіяхъ послѣдней войны, какъ-то: „Взятіе Карса“, „Шипка“ и проч. Вообще, разсматривая книги, обращающіяся въ народѣ, г. Орловъ приходитъ къ тому выводу, что какъ ни недостаточенъ у крестьянъ матеріалъ для чтенія, но все-таки, въ послѣдніе 5—10 лѣтъ, онъ сталъ болѣе разнообразенъ, чѣмъ былъ прежде. Тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что и до сихъ поръ остается въ полной силѣ замѣчаніе Корфа (статья его „Грамотные крестьяне“, въ „Русской Мысли“ 1881 г., № 10) о крайне плохой постановкѣ у насъ дѣла народнаго чтенія. „Вотъ въ какомъ положеніи дѣло,— говоритъ онъ;—благодаря отсутствію читаленъ, книжныхъ складовъ, каталоговъ для народа и всякой заботы о томъ, чтобы облегчить грамотному населенію пріобрѣтеніе книги, или грамотный разучивается, не обладая ни одною книгою, или-же онъ читаетъ лишь такія книги, которыя не упражняютъ его мышленія, или-же такія, которыхъ онъ понять не въ силахъ, и рѣдко-рѣдко попадается прозрѣвшему человѣку такая книга, которая укрѣпила бы его духовное зрѣніе. Для того-ли въ самомъ дѣлѣ, мы научили народъ, чтобы ему нечего было читать?“

Что касается книгъ, находящихся въ школьныхъ библіотекахъ Московской губерніи, то, по словамъ г. Орлова, изъ нихъ больше всего нравятся крестьянамъ книги религіозна-

го и историческаго содержанія, а также повѣсти и разсказы нашихъ лучшихъ писателей. Изъ религіозныхъ книгъ съ наибольшимъ интересомъ читаются житія святыхъ и описаніе монастырей; изъ историческихъ книгъ чаще всего спрашиваются разсказы о Петрѣ Великомъ, о Владимірѣ Святомъ, о Суворовѣ и т. д. Изъ произведеній классическихъ писателей народу нравятся повѣсти и разсказы Григоровича, „Тарасъ Бульба и „Вечера на хуторѣ" Гоголя, „Капитанская дочка" и сказки Пушкина, „Князь Серебряный" А. Толстого, разсказы Л. Н. Толстого, стихотворенія Кольцова и Некрасова. Книги по географіи и естественнымъ наукамъ спрашиваются рѣдко. Многимъ нравится „Земская служба", г. Блинова.

Но хорошія книги составляютъ рѣдкость въ деревнѣ. Больше всего въ народѣ обращаются пустыя, глупыя и даже вредныя книги. Виною такого печальнаго явленія служитъ крайне дурная постановка у насъ издательскаго и книгопродавческаго дѣла. Изданіе и продажа народныхъ книгъ у насъ издавна спеціализировались и до такой степени обособились, что не имѣютъ ничего общаго съ издательско-книгопродавческою дѣятельностью, разсчитанною на потребности болѣе культурныхъ классовъ. Небольшая кучка московскихъ купцовъ, а, главнымъ образомъ, купецъ Сытинъ, захватили въ свои руки всю торговлю народными книгами. Никакая конкурренція съ ними невозможна, вслѣдствіе особенностей въ организаціи ихъ торговли. Они распространяютъ книги въ народѣ при посредствѣ безчисленнаго множества ходебщиковъ, изъ которыхъ каждый беретъ у нихъ товаръ въ кредитъ и потомъ торгуетъ самостоятельно, разнося книги по деревнямъ. Обыкновенно ходебщикъ черезъ годъ, а то и черезъ два года, возвращается изъ своего путешествія по Россіи, приноситъ книгопродавцу деньги за взятый у него товаръ и снова набираетъ у него въ кредитъ книгъ и картинъ на цѣлый годъ. Такимъ образомъ торговля народными книгами требуетъ обширнаго знакомства съ ходебщиками и громаднаго капитала, который долженъ быть розданъ на честное слово какимъ-то Иванамъ, непомнящимъ родства. Отсюда понятно, какъ трудна эта торговля и какъ великъ рискъ въ ней. Соотвѣтственно съ этимъ и барыши книгопродавцевъ громадны. Они увеличиваются еще оттого, что книгопродавцы торгуютъ преимущественно собственными изданіями, которыя они навязываютъ, для распространенія, ходебщикамъ. Чтобы не повредить распространенію собственныхъ изданій, они ни

зачто не берутъ на коммисію чужихъ изданій. Такимъ образомъ прекрасно составленныя и баснословно дешевыя народныя книги не попадаютъ въ деревню и гніютъ въ кладовыхъ только потому, что купцу Сытину неугодно распространять ихъ. Что же касается собственныхъ изданій московскихъ книгопродавцевъ, то они представляютъ собою верхъ нелѣпости и безобразія. Будучи фактически монополистами въ торговлѣ народными книгами, московскіе книжники ни мало не заботятся ни о внутреннихъ, ни о внѣшнихъ достоинствахъ своихъ изданій. Ихъ пренебреженіе къ деревенскимъ читателямъ иногда доходитъ до возмутительнаго нахальства, образцомъ котораго можетъ быть слѣдующій случай. Одинъ книжникъ сдѣлалъ типографіи заказъ напечатать въ 100,000 экземпляровъ чуть-ли не 101-е изданіе „Англійскаго Милорда". Для набора былъ оставленъ печатный экземпляръ прежняго изданія. Печатаніе производилось безъ всякаго надзора, даже безъ корректуръ,—какъ наберутъ наборщики, такъ и ладно. И вдругъ наборщики открыли и заявили хозяину, что въ печатномъ оригиналѣ вырваны двадцать страницъ текста. Какъ тутъ быть? Хозяинъ ѣдетъ къ книжнику, проситъ дать, для набора, другой, полный экземпляръ.— „Охота вамъ была на извощика тратиться,— говоритъ со смѣхомъ книжникъ.— Печатайте какъ есть".— „Да вѣдь тутъ на полсловѣ кончается и съ полслова начинается".— „Наплевать! Просмотрите только, чтобы счетъ страницъ былъ вѣренъ по порядку, да заглавіе было по жирнѣе. А тамъ все одно—прочтутъ"... А взгляните на народныя картины, издаваемыя московскими книжниками,—что это за безобразіе! На одной картинѣ изображена Божія Матерь, у нея на рукахъ младенецъ Спаситель, играющій на скрипкѣ; внизу надпись: „взыграся младенецъ во чревѣ ея". На другой картинѣ изображено приношеніе въ жертву Исаака. Авраамъ издали цѣлится изъ ружья въ Исаака, привязаннаго къ столбу, а ангелъ сверху льетъ воду на курокъ и этимъ останавливаетъ Авраама, готоваго принести сына въ жертву. На третьей картинѣ, Авраамъ, приготовившись принести въ жертву Исаака, занесъ надъ нимъ громадный ножъ, на которомъ видна надпись: „Завьялова въ Ворсмѣ". Въ послѣднее время, хотя сдѣланы попытки изданія и распространенія въ народѣ хорошихъ дешевыхъ книгъ (таковы изданія В. Н. Маракуева и фирмы „Посредникъ"), но они долго еще не въ состояніи будутъ вытѣснить изъ деревни безграмотныя изданія Сытина. Только раціонально поставленная народная школа, сельскія

библіотеки и земскіе книжные склады въ состояніи вызвать въ народѣ потребность въ хорошихъ книгахъ и облегчить способы пріобрѣтенія ихъ, или, иными словами, изгнать изъ деревни сытинскія изданія и открыть доступъ туда для дѣльныхъ и полезныхъ книгъ.

Обращаясь къ распространенію въ народѣ журналистики, г. Орловъ указываетъ на полное отсутствіе у крестьянъ толстыхъ журналовъ и годъ отъ году все болѣе усиливающееся распространеніе газетъ. Въ 1883 г. крестьяне Московской губерніи, выписывали до 350 экземпляровъ газетъ, не считая газетъ, выписываемыхъ волостными правленіями. Изъ этого числа половина газетъ выписывалась зажиточными крестьянами для домашняго чтенія, а другая половина—сельскими трактирщиками для чтенія посѣтителей трактировъ. „Выписываніе газетъ трактирами,—говоритъ г. Орловъ,—и чтеніе ихъ здѣсь сельскою публикою представляетъ собою явленіе новое, почти не встрѣчавшееся 5—10 лѣтъ тому назадъ. Содержатели трактировъ и питейныхъ заведеній подмѣтили, что мужикъ началъ интересоваться чтеніемъ, что у него возникаетъ потребность въ этомъ чтеніи; вмѣстѣ съ тѣмъ они уразумѣли, что удовлетворить эту потребность собственными средствами онъ не можетъ, а потому и порѣшили давать ему эту духовную пищу даромъ и тѣмъ привлекать къ болѣе частому посѣщенію своихъ заведеній и болѣе продолжительному пребыванію въ нихъ. Разсчетъ вполнѣ вѣрный: лишніе посѣтители, привлекаемые газетой, сторицей окупятъ стоимость ея". Сверхъ того, даже крестьяне не изъ числа зажиточныхъ, бывая въ Москвѣ или на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, покупаютъ отдѣльные нумера газетъ и привозятъ ихъ въ свои деревни, гдѣ они съ жадностію прочитываются. Все болѣе и болѣе усиливающееся распространеніе газетъ между крестьянами наводитъ г. Орлова на мысль, что „созданіе такого газетнаго органа, который былъ бы приноровленъ къ потребностямъ сельской жизни и мысли и доступенъ населенію по цѣнѣ, принесло-бы огромную пользу народному просвѣщенію, если конечно, такой органъ не будетъ задаваться коммерческими цѣлями, а будетъ честно служить распространенію среди населенія началъ христіанской любви, расширенію кругозора народной мысли и умноженію различныхъ практическихъ знаній".

Мысль о необходимости устройства народныхъ библіотекъ при сельскихъ школахъ успѣла довольно широко распространиться въ земскихъ сферахъ. Какъ мы уже видѣли, въ нѣко-

торыхъ земствахъ такія библіотеки открыты и привлекаютъ много читателей. Въ другихъ еще нѣтъ народныхъ библіотекъ, но польза и необходимость открытія ихъ въ принципѣ уже признана земствами. Такъ напр., въ очередную сессію 1883 г., владимірское уѣздное земство (Владимірской губ.) согласилось въ принципѣ съ предложеніемъ училищнаго совѣта объ открытіи центральныхъ библіотекъ для чтенія въ уѣздѣ, но не нашло возможнымъ привести его въ настоящее время въ исполненіе по экономическимъ соображеніямъ. Точно также отчетъ тульской губернской земской управы о дѣятельности ея по народному образованію за 1884 годъ свидѣтельствуетъ, что чернскій училищный совѣтъ съ грустью отзывается о томъ печальномъ явленіи, что сплошь и рядомъ ученики, успѣшно окончившіе курсъ въ правильно организованныхъ школахъ, забываютъ въ теченіе 5—6 лѣтъ то, что ими хорошо было усвоено въ школѣ, такъ что большая часть изъ нихъ разучивается писать и совершенно забываетъ ариѳметику, и если не забываютъ чтеніе, то единственно потому, что крестьянскому парню время отъ времени попадается какой-нибудь печатный листокъ или книжка. Подобныя указанія были дѣлаемы и прежде, почему нѣкоторыя изъ уѣздныхъ земствъ принимаютъ мѣры къ изысканію средствъ для снабженія училищъ небольшими библіотеками, съ помощію которыхъ учившіеся въ школахъ могли-бы не утрачивать, по возможности, тѣхъ знаній, которыя ими пріобрѣтаются въ школѣ. Но это похвальное стремленіе земствъ рѣдко осуществляется на дѣлѣ, въ виду всеобщаго оскудѣнія земскихъ средствъ. Вообще-же слѣдуетъ сказать, что мысль о необходимости облегчить для народа пользованіе книгами сдѣлала большіе успѣхи, такъ что, по газетнымъ извѣстіямъ, въ настоящее время на разсмотрѣніи министерствъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія находится проектъ безплатныхъ читаленъ для народа.

Кромѣ устройства народныхъ библіотекъ, нашимъ земствамъ слѣдовало-бы позаботиться также объ облегченіи для сельской интеллигенціи способовъ пріобрѣтать книги для чтенія. Помѣщики, священники, учителя, врачи, фельдшера и проч.—всѣ жалуются, что жизнь въ деревнѣ тѣмъ и невыносима, главнымъ образомъ, что тамъ совсѣмъ нечего читать. Оставаясь безъ книгъ и журналовъ, они чувствуютъ себя совсѣмъ разобщенными отъ интересовъ интеллигентнаго общества. Такимъ образомъ, мало-по-малу, прекращается то живое и благотворное вліяніе, какое оказываютъ на отдѣльныхъ лич-

ностей высшіе интересы интеллигентной среды. Прежняя энергія въ преслѣдованіи культурныхъ цѣлей, не встрѣчая необходимой поддержки и возбужденія, скоро ослабѣваетъ, падаетъ и смѣняется позорной апатіей. Даже очень хорошіе люди, проживши долгое время въ деревенской глуши безъ книгъ и внѣ интеллигентнаго общества, глупѣютъ, опошливаются и начинаютъ всецѣло увлекаться интересами низшаго порядка. Въ виду этого, для поддержанія въ сельской интеллигенціи интересовъ высшаго порядка, къ ней должны придти на помощь земства, облегчая способъ полученія книгъ и журналовъ для чтенія посредствомъ учрежденія уѣздныхъ земскихъ летучихъ библіотекъ. Для этого требуется не только учредить библіотеки, которыя впрочемъ, и теперь существуютъ при нѣкоторыхъ земскихъ управахъ, но,—что всего важнѣе,—нужно организовать правильную, срочную пересылку книгъ изъ этихъ библіотекъ въ деревни. Такая пересылка не можетъ представлять большихъ затрудненій, въ виду существованія во многихъ мѣстахъ земскихъ почтъ. Для примѣра, мы можемъ указать, въ Пермской губерніи, на осинскую земскую публичную библіотеку, изъ которыхъ книги и журналы разсылаются сельскимъ подписчикамъ чрезъ земскую почту. Сельскіе учителя, помощники ихъ и законоучители пользуются книгами безплатно. Всѣ остальные подписчики, берущіе книги на домъ, платятъ 3 руб., или 1 руб. 50 коп. въ годъ. За чтеніе въ кабинетѣ библіотеки не берется ни какой платы. Въ 1883 г. библіотека имѣла около 90 подписчиковъ, изъ нихъ: 65 городскихъ и 25 уѣздныхъ. Годовой сборъ съ нихъ составилъ до 160 руб.; на выписку журналовъ и газетъ земство израсходовало до 300 рублей.

Однимъ словомъ, оставаясь даже въ той весьма ограниченной сферѣ, которой мы выше коснулись, деревня представляетъ для интеллигентнаго человѣка—массу новаго, живаго и плодотворнаго труда. Народу нужны сельскія библіотеки, нужны книги, принаровленныя къ его потребностямъ, нужна газета и т. д., и т. д. Неужели, положа руку на сердце, можно сказать, что, при существующихъ условіяхъ, ничего этого мы не можемъ сдѣлать? Нѣтъ, можетъ быть, теперь не такъ легко это сдѣлать, или нельзя сдѣлать въ очень широкихъ размѣрахъ, или невозможно устроить такъ, какъ бы хотѣлось, но, во всякомъ случаѣ, интеллигентный человѣкъ можетъ съ пользою потрудиться для развитія народа, даже при существующихъ условіяхъ. Если-же есть возможность дѣлать полезное

для народа дѣло, то и нечего сложа руки, ждать той благодатной поры, когда водворится на землѣ какой-то интеллигентный рай. Пусть-же учитель работаетъ въ сельской школѣ, не откладывая дѣла до тѣхъ поръ, когда пригласятъ его занять каѳедру въ будущемъ мужицкомъ университетѣ. Пусть врачъ лечитъ мужиковъ, не отлынивая отъ черной, деревенской работы на томъ основаніи, что, при существующихъ экономическихъ условіяхъ, мужикъ не можетъ вести образъ жизни, соотвѣтствующій требованіямъ гигіены. Пусть юристъ защищаетъ отъ неправды, не откладывая защиты до новаго праваго порядка.

Въ настоящее время, интеллигентный человѣкъ появляется въ деревнѣ случайно, живетъ здѣсь по найму отъ земства и невѣдомо куда исчезаетъ, какъ скоро земству угодно будетъ уволить его отъ службы, или перевести въ другое мѣсто. Оттого и связь между интеллигентнымъ человѣкомъ и деревенскимъ людомъ весьма слабая, чисто случайная, то и дѣло обрывающаяся. Между тѣмъ, сѣрый деревенскій людъ крайне нуждается въ интеллигентномъ элементѣ, который-бы вошелъ въ него, ассимилировался съ нимъ. Недостаточно того, что интеллигентный человѣкъ поселяется въ деревнѣ и отдается какому-нибудь полезному занятію; онъ все-таки, въ большинствѣ случаевъ, остается среди сельскаго люда чужимъ человѣкомъ. Нѣтъ, нужно, чтобы онъ вполнѣ вошелъ въ жизнь деревни, сроднился съ нею, сдѣлался тамъ своимъ человѣкомъ.

Въ деревнѣ такая масса дѣла и такъ великъ недостатокъ въ людяхъ, что куда ни оглянешься, за что ни возьмешься, вездѣ сказывается отсутствіе своего, деревенскаго, интеллигентнаго человѣка. Отъ сохи и косы до волостнаго и земскаго управленія, вездѣ отсутствіе этого дорогого интеллигентнаго элемента служитъ тормазомъ для прогрессивнаго развитія народной жизни. Въ особенности народъ нуждается въ интеллигентныхъ представителяхъ въ сферѣ земской дѣятельности. Вѣдь въ настоящее время интересы деревни и мужика только иногда и отчасти удовлетворяются земствомъ, да если это и случается, то не бываетъ результатомъ разумной и осмысленной дѣятельности крестьянскихъ представителей. Нѣтъ, чуждыя крестьянству общественныя партіи, находясь въ борьбѣ между собою изъ-за земской власти, часто бываютъ вынуждены дѣлать уступки крестьянамъ, чтобы этимъ путемъ привлечь ихъ на свою сторону. Вотъ какимъ путемъ достигнуто все, что было сдѣлано земствомъ въ пользу народа. Соб-

ственно народные интересы до сихъ поръ не выяснены и самостоятельно не представлены въ земствѣ. Одною изъ главныхъ причинъ этого, безъ сомнѣнія, служитъ отсутствіе интеллигентнаго элемента въ крестьянской средѣ, вслѣдствіе чего крестьянскими представителями въ земствѣ являются или люди, чуждые крестьянству, или тѣ несчастные гласные-крестьяне, которые на земскихъ собраніяхъ не съумѣютъ слова сказать и съ трудомъ понимаютъ, что̀ происходитъ вокругъ нихъ. Жалкую картину представляютъ изъ себя эти крестьяне-гласные, когда они сидятъ въ собраніи рядомъ съ интеллигентными представителями другихъ классовъ. Между тѣмъ замѣнить ихъ интеллигентными людьми, способными отстаивать народные интересы, невозможно, пока въ деревнѣ, въ крестьянской рабочей средѣ, не явятся такіе люди и не ассимилируются съ народомъ до такой степени, что народные интересы сдѣлаются ихъ собственными, личными интересами. Безъ этого условія интеллигентный человѣкъ едва-ли можетъ быть истиннымъ народнымъ представителемъ. Между тѣмъ ассимилироваться съ народомъ нельзя до тѣхъ поръ, пока интеллигентные люди будутъ отыскивать себѣ дѣятельность исключительно въ сферѣ мѣстъ и жалованій, отказываясь отъ мускульнаго труда въ деревнѣ, заодно съ народомъ. Много, безконечно много труда впереди предстоитъ нашей интеллигенціи. Будучи „солью земли“, она можетъ въ этомъ трудовомъ процессѣ или кристаллизоваться, какъ соль, въ особый общественный классъ, замкнуться въ сферѣ мѣстъ и жалованій, или, какъ таже соль въ водѣ, раствориться въ народной массѣ, насытивъ ее своимъ солянымъ растворомъ. Вотъ два пути... Какой-то изъ изъ нихъ изберетъ себѣ наша интеллигенція?...

— — ——

ЗЕМСКІЕ ОТЗЫВЫ
О ПРАВОВОМЪ ПОЛОЖЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ.

По волѣ покойнаго Государя Императора, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Лорисъ-Меликовъ, циркуляромъ отъ 22-го декабря 1880 года, передалъ на обсужденіе земскихъ собраній вопросъ о преобразованіи учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, образованныхъ согласно положенію 27 іюня 1874 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ указалъ земству, что, кромѣ прямыхъ отвѣтовъ на предложенные вопросы, земскія собранія могутъ представить и другія соображенія о признаваемыхъ полезными мѣрахъ по устройству мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій. Земства поспѣшили откликнуться на запросъ министра. Управы, собранія, коммисіи и отдѣльные гласные принялись за работу и такимъ образомъ явилось множество земскихъ отзывовъ, мнѣній, записокъ и цѣлыхъ проэктовъ.

Вообще труды земства по вопросу о преобразованіи мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій представляютъ собою чрезвычайно разнообразную смѣсь всевозможныхъ, иной разъ дѣльныхъ, а чаще затѣйливыхъ и курьезныхъ проэктовъ. Большого стоитъ труда разобраться въ этомъ хаосѣ земскихъ предположеній, а между тѣмъ систематическій сводъ земской разноголосицы можетъ принести весьма сомнительную пользу. Но если мы устранимъ земскіе проэкты и остановимъ вниманіе исключительно на работахъ земства по изображенію теперешняго положенія крестьянъ предъ лицомъ закона, то разноголосица, которую мы замѣчаемъ въ земскихъ проэктахъ, здѣсь зразу исчезаетъ, и всѣ земства въ одинъ голосъ рисуютъ предъ нами правовое положеніе крестьянъ въ одинаковыхъ картинахъ и одними и тѣми же красками. Тогда невольно забывается все

разнообразіе земскихъ проэктовъ и совершенно естественно, въ силу жизненныхъ требованій, въ головѣ возникаетъ идея о томъ, что крестьянство нуждается не столько въ новой, или въ исправленіи недостатковъ существующей организаціи мѣстнаго управленія, сколько съ одной стороны, въ уравненіи крестьянства въ области права съ такъ называемыми привилегированными классами, а съ другой—въ огражденіи крестьянскаго самоуправленія отъ постороннихъ давленій, препятствующихъ правильному развитію его и даже совершенно уничтожающихъ его. Намъ нужна не нашивка новаго лоскута на старые лохмотья, нужна не проэктированная земствами всесословная волость, эта старая крѣпостническая затѣя на новой, либеральной подкладкѣ; нѣтъ, жизнь неотразимо ставитъ вопросъ объ упраздненіи цѣлой системы классовыхъ привилегій, негодность которой выпукло отражается въ представленныхъ земскими дѣятелями бытовыхъ картинахъ юридическаго положенія крестьянъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ опытъ жизни предостерегаетъ насъ отъ излишней вѣры въ абсолютное могущество права. Недостаточно одной отмѣны классовыхъ привилегій, чтобы крестьянство фактически пользовалось равною съ другими общественными классами самостоятельностью, приходя въ соприкосновеніе съ ними. Нѣтъ, доколѣ экономическія и культурныя силы неодинаково распредѣлены въ населеніи, до тѣхъ поръ перевѣсъ въ области общественнаго самоуправленія будетъ находиться на сторонѣ болѣе сильныхъ классовъ, а слабые будутъ находиться въ зависимости отъ нихъ фактически, хотя-бы и были вполнѣ уравнены съ ними юридически. Отсюда одною изъ главныхъ задачъ государственной власти является необходимость регулировать мѣстное самоуправленіе такимъ образомъ, чтобы на почвѣ юридической равноправности не могло возникнуть фактическое подчиненіе слабыхъ классовъ сильнымъ, въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ, общественнымъ классамъ. Государство должно оградить самостоятельность слабыхъ классовъ въ сферѣ самоуправленія. Вотъ къ чему приводитъ изученіе недостатковъ современнаго правоваго положенія крестьянства. Къ счастью, правительственныя мѣропріятія, отчасти получившія законодательную санкцію, отчасти находящіяся въ проэктахъ, указываютъ на серьезную заботливость правительства объ устраненіи этихъ недостатковъ. Въ короткое время многое сдѣлано правительствомъ и, что всего важнѣе, дѣятельность правительства, имѣя задачею правовое уравненіе крестьянъ съ

другими классами и огражденіе самостоятельности крестьянства, вращалось преимущественно въ экономической сферѣ, въ этой самой трудной для правительственныхъ реформъ и вмѣстѣ самой важной области общественныхъ отношеній. Отсюда совершенно естественно и легко будетъ перейти къ реформамъ въ области личныхъ и общественныхъ правъ. Какъ много правительство сдѣлало въ послѣдніе три года,—это ярко бросается въ глаза при чтеніи земскихъ отзывовъ о правовомъ положеніи крестьянъ. Многіе изъ этихъ отзывовъ и притомъ самые рѣзкіе и жосткіе, уже сдѣлались анахронизмами, возбуждая одно лишь довѣріе къ направленію, принятому правительственною дѣятельностью. Чѣмъ рѣзче и безпощаднѣе земскіе отзывы, тѣмъ ярче и рельефнѣе выступаетъ предъ нашими глазами значеніе правительственныхъ работъ, отчасти оконченныхъ, отчасти стоящихъ на очереди.

Положеніе крестьянской массы предъ лицомъ закона до такой степени неудовлетворительно, что оно бьетъ въ глаза и наводитъ на необходимость реформы даже въ постановленіяхъ тѣхъ земствъ, которыя ничѣмъ не возмущаются, которыя всѣмъ довольны и желали бы навѣки закрѣпить теперешніе порядки. Жизненная правда беретъ верхъ надъ всякими фальшивыми измышленіями и лживыми фразами, которыми стараются замаскировать дѣйствительность. Возьмемъ, напримѣръ, холмское земство Псковской губ., которое очень довольно современнымъ устройствомъ крестьянскаго управленія и выступаетъ на защиту непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Земство не допускаетъ мысли о возможности избранія на должность непремѣнныхъ членовъ лицъ, не имѣющихъ установленнаго закономъ сословнаго, имущественнаго и образовательнаго ценза. „Разсматривая этотъ вопросъ, уѣздная управа полагаетъ, что измѣненіе по сему предмету правилъ, указанныхъ въ 6—10 ст. Пололоженія учрежденія крест., не желательно. Принадлежность къ привилегированному сословію, помимо нераздѣльнаго съ нимъ болѣе тщательнаго школьнаго образованія, имѣетъ преимущество врожденныхъ, наслѣдственныхъ качествъ и домашняго воспитанія въ образованной средѣ, чтó въ смыслѣ гарантіи имѣетъ несомнѣнно большое значеніе. Если же допустить возможность исключенія и какъ противорѣчіе высказанному мнѣнію, то исключеніе нельзя возвести въ правило, полезное для примѣненія“. Вѣдь это—защита теперешняго порядка управленія крестьянами, а между тѣмъ ни одинъ самый ярый

и злой ненавистникъ существующаго порядка не въ силахъ такъ опозорить его и такъ ясно доказать всю нелѣпость и неправду его, какъ это сдѣлало холмское земство. Точно такое же впечатлѣніе получается и въ томъ случаѣ, когда то же земство распинается за непремѣнныхъ членовъ, стараясь доказать, что они подавлены массою труда на пользу крестьянства и приносятъ самыя тяжелыя, крестныя жертвы для блага народа. „Надобно разсмотрѣть,—говорится въ земскомъ проэктѣ, — чѣмъ занимался непремѣнный членъ по настоящее время, затѣмъ—что предполагаютъ вмѣнить ему еще въ обязанность, и согласовать это съ временемъ, которымъ онъ, непремѣнный членъ, можетъ располагать въ году. Для сего управа не находитъ ничего нагляднѣе очерка неотложныхъ въ году занятій непремѣннаго члена и потребнаго на это времени, составленнаго самимъ непремѣннымъ членомъ:

1) Въ холмскомъ уѣздномъ присутствіи засѣданія, хотя бываютъ ежемѣсячныя, но непрерывныхъ составляется всѣхъ девять, причемъ каждое. съ разъѣздами, требуетъ 4 дня времени—36.

2) Подговительная работа къ засѣданію присутствія, т. е. дача заключеній по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію и число которыхъ поступаетъ ежемѣсячно отъ 200—300, требуетъ ровно 4 дня и въ годъ—36.

3) Производство дознаній по жалобамъ, большею частію сопряженное съ разъѣздами, причемъ производятся и ревизіи волостныхъ правленій, 3 дня въ теченіе мѣсяца, или въ годъ—36.

4) Дѣла, подвѣдомственныя непремѣнному члену непосредственно, съ вызовомъ сторонъ, требуютъ по 7 дней въ мѣсяцъ. или въ годъ—84.

5) Разсмотрѣніе поступающихъ въ канцелярію непремѣннаго члена, съ каждою почтою, дѣлъ и составленіе опредѣленій и распоряженій по нимъ требуютъ времени половины слѣдующаго за почтою дня, и такъ какъ почта получается два раза въ недѣлю, то потребно 4 дня въ мѣсяцъ, или въ годъ—48.

6) Непремѣнныя порученія министерства, губернатора, губернскаго и уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствій для непремѣннаго члена обязательны и. какъ практика показала, требуютъ для исполненія времени около мѣсяца въ году—30.

Указывая наиболѣе сложныя порученія:

а) министерства —составить протоколы по всѣмъ недоимоч-

нымъ селеніямъ уѣзда, что съ разъѣздами потребовало болѣе двухъ мѣсяцевъ времени;

б) уѣзднаго присутствія—составить проектъ уменьшенія волостей въ уѣздѣ, что съ разъѣздами потребовало 2 недѣли времени;

в) наконецъ, закономъ установлено право пользованія для своихъ дѣлъ праздничными неприсутственными днями, коихъ въ году—90,

и однимъ отпускомъ въ 28,—подводя итогъ числу проведенныхъ дней, получимъ 388 дней. Изъ чего слѣдуетъ заключить, что занятія требуютъ на 22 дня въ году болѣе положеннаго рабочаго времени и въ ущербъ правъ должностнаго лица. Кромѣ сего надобно имѣть въ виду, что непремѣнный членъ, большею частью, несетъ обязанности: почетнаго мироваго судьи, что̀ не возбраняется закономъ, присяжнаго засѣдателя, что̀ обязательно по закону, участвуетъ, какъ дворянинъ и гласный, на дворянскихъ и земскихъ, губернскихъ и уѣздныхъ собраніяхъ—и, конечно, всякому извѣстно, сколько времени для этого потребно. Это послѣднее приводится для того, чтобъ обратить вниманіе, что праздничное время и время отпуска не всегда употребляется для частныхъ дѣлъ или отдыха". Вотъ каковы, по словамъ холмскаго земства, труды непремѣнныхъ членовъ; а велико ли за все это вознагражденіе? Какая прибыль служить непремѣннымъ членомъ, кромѣ, можетъ быть, одного почета? „Никто—продолжаетъ управа,—не сочтетъ за почетъ: днемъ скакать по головоломнымъ дорогамъ, а ночью терпѣть всѣ неудобства, сопряженныя съ грязной избой, не исключая, по мѣстнымъ условіямъ, и голода. Слѣдовательно, непремѣнному члену слѣдуетъ возмѣстить дѣйствительные расходы и опредѣлить вознагражденіе за трудъ. Но въ какой цифрѣ опредѣлится эта сумма? Конечно, слѣдуетъ сдѣлать разсчетъ, принявъ за единицу одинъ день разъѣзда:

	р.	к.
На 3-хъ лошадей овса 1 мѣру . . .	— р.	75 к.
„ „ „ сѣна 1 пудъ . . .	— „	30 „
Жалованья письмоводителю	1 „	— „
Содержаніе письмоводителя	— „	50 „
„ канцеляріи	— „	25 „
Жалованья кучера	— „	25 „
Ремонтъ сбруи, экипажа, ковка и проч.	— „	50 „
Содержаніе непремѣннаго члена . .	1 „	50 „
Вознагражденіе	3 „	— „
Итого . .	8 р.	30 к.

Не считая случаевъ падежа лошадей. Итакъ, мы получили сумму, потребную для оплаты дѣйствительнаго дорожнаго расхода и вознагражденія труда непремѣннаго члена въ теченіи года, и эта сумма выразилась въ цифрѣ 3,029 р. 50 к., или ровнымъ числомъ 3,000 руб.".

Безъ сомнѣнія, всякій отъ души смѣется надъ этою защитой непремѣнныхъ членовъ и каждое слово, сказанное земствомъ въ похвалу ихъ, въ головѣ читателя превращается въ желчное и ядовитое порицаніе. Земство говоритъ, что непремѣнные члены чуть ли не безкорыстно, и во всякомъ случаѣ съ полнымъ самоотверженіемъ, несутъ великіе труды въ пользу крестьянъ; а изъ-за этихъ словъ вездѣ выглядываетъ живая мысль, что защищаемыя земствомъ должностныя лица ничего не дѣлаютъ и даромъ получаютъ жалованье, такъ что самое существованіе этихъ должностей совершенно безполезно. Такъ, жизненная правда, помимо воли земства, бьетъ ключемъ въ земскихъ работахъ по вопросу о преобразованіи мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, какъ скоро заходитъ рѣчь о существующихъ нынѣ порядкахъ. Вотъ этими-то земскими работами мы и воспользуемся для того, чтобы въ связномъ очеркѣ представить картину современнаго положенія крестьянъ предъ лицомъ закона. Для избѣжанія же всякихъ упрековъ въ пристрастіи, мы будемъ вездѣ, гдѣ только возможно, дѣлать характеристики подлинными словами земскихъ документовъ, приводя изъ нихъ болѣе или менѣе обширныя выписки.

„Въ настоящее время является существенно необходимымъ опредѣлить точнымъ образомъ юридическое положеніе крестьянъ въ отношеніи какъ къ другимъ сословіямъ, такъ и къ государству вообще, согласивъ его какъ съ общимъ требованіемъ справедливости и съ общимъ духомъ законодательства, такъ и съ дѣйствительными, исторически-сложившимися особенностями ихъ быта, и отмѣнивъ всѣ временныя, переходныя мѣры, несогласныя съ тѣми или другими. Пока такого соглашенія не существуетъ, положеніе всего крестьянства является крайне неопредѣленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени ненормальнымъ". Такъ, въ общихъ чертахъ, характеризовали юридическое положеніе крестьянъ гласные тверскаго губернскаго земскаго собранія въ „запискѣ", внесенной въ собраніе въ декабрѣ 1880 года. Характеристика оказывается весьма мѣткою, если мы обратимъ вниманіе на тѣ ненормальныя отношенія, въ какія законъ недавно ставилъ, а отчасти и те-

перь еще ставитъ крестьянъ, сравнительно съ прочими государственными сословіями. Въ этомъ отношеніи, прежде всего, вниманіе останавливается на существованіи въ средѣ крестьянства многочисленныхъ и разнообразныхъ группъ, которымъ соотвѣтствуютъ различія въ области права. „Законъ,—сказано въ упомянутой выше запискѣ тверскихъ гласныхъ,—въ средѣ самихъ крестьянъ дѣлаетъ различія, ничѣмъ не оправдываемыя. Такъ отъ произвола частнаго лица, помѣщика, зависитъ заставить крестьянъ платить за всю землю высшій оброкъ безъ конца, въ то время, когда другіе, рядомъ живущіе, обязаны платить меньшій оброкъ въ теченіе ограниченнаго времени. Мало того, оставляя въ сторонѣ отношенія къ помѣщику, само государство различно относится къ крестьянамъ, живущимъ въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ, пользующимся одинаковою землей и часто живущимъ въ одномъ селеніи. Бывшіе помѣщичьи крестьяне платятъ одинъ оброкъ, удѣльные—другой, государственные — опять другой. Бывшіе помѣщичьи крестьяне имѣютъ право, на основаніи 165 ст. Положенія о выкупѣ, выкупать свою землю отдѣльными участками безъ согласія общества, внося только за нее слѣдующія деньги. Государственные крестьяне этого права не имѣютъ, пока вся земля, принадлежащая обществу, не будетъ раздѣлена на подворные участки, для чего требуется согласіе двухъ третей домохозяевъ. Всѣ эти различія понятны какъ временныя, обусловленныя различнымъ отношеніемъ крестьянъ къ бывшимъ своимъ владѣльцамъ. Но разъ ими никто не владѣетъ, разъ они признаны полноправными гражданами, задачею государства становится — сглаживая всѣ случайности, равномѣрно распредѣлять между крестьянами, какъ и между всѣми своими подданными, ихъ гражданскія права и обязанности“.

Кажется, давно-ли это было писано? давно-ли мы возмущались ненормальными явленіями, указанными въ тверской запискѣ? давно ли мы смотрѣли на эти явленія, какъ на общественныя язвы, и требовали уврачеванія ихъ. А теперь они уже утратили прежній острый болевой характеръ и тверская записка сохранила значеніе историческаго документа. Правительство цѣлымъ рядомъ мѣропріятій постаралось сгладить, указанныя въ земской запискѣ, различія въ правовомъ положеніи отдѣльныхъ группъ крестьянства. Въ силу Высочайшаго указа 28 декабря 1881 года, уже переведены на выкупъ, въ теченіи 1882 года, и причислены къ разряду крестьянъ-собственниковъ, всѣ тѣ крестьяне, которые раньше не выкупили

своихъ надѣловъ и, въ качествѣ временно обязанныхъ, состояли на оброкѣ; при этомъ признанъ обязательнымъ выкупъ всего надѣла и не дозволено уменьшать его. Затѣмъ Высочайше утвержденнымъ 28 мая 1885 года мнѣніемъ государственнаго совѣта предоставлено министру финансовъ безотлагательно приступить къ приготовительнымъ дѣйствіямъ и составленію предположеній о преобразованіи оброчной подати съ государственныхъ крестьянъ, съ замѣною ея выкупными платежами. Такимъ образомъ сглаживается разница между бывшими помѣщичьими и государственными крестьянами по платежамъ за отошедшую въ ихъ пользованіе землю. Что-же касается 165 ст. Положенія о выкупѣ, то въ отмѣну ея министромъ внутреннихъ дѣлъ внесенъ по разсмотрѣніи государственнаго совѣта слѣдующій проэктъ.

1) Отдѣльные домохозяева, какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ пользованіи, не могутъ отчуждать своихъ земель лицамъ, не принадлежащимъ къ обществу, при раздробленіи участковъ подворнаго пользованія. 2) Ни сельское общество, ни отдѣльные его члены не могутъ отчуждать пріобрѣтенныхъ ими съ содѣйствіемъ правительства въ собственность земель. Случаи, въ которыхъ допускается отступленіе отъ этого правила, будутъ указаны особо. 3) Пріобрѣтаемая сельскимъ обществомъ или отдѣльнымъ крестьянскимъ дворомъ земля не можетъ быть представлена въ залогъ, ни для полученія ссуды изъ кредитнаго учрежденія, ни по обязательствамъ съ казной или частными лицами. 4) Каждый домохозяинъ, пріобрѣвшій отдѣльный участокъ въ личную собственность, выдачей отъ правительства выкупной ссуды, можетъ безпрепятственно выйти изъ общества, но до погашенія этой ссуды онъ обязанъ переуступить предварительно пріобрѣтенный участокъ обществу или кому-либо изъ его членовъ или постороннему лицу, если оно обяжется приписаться къ обществу и общество на такую приписку изъявитъ согласіе. 5) Семейные лѣсные участки, предоставленные въ прежнее время въ наслѣдственное пользованіе отдѣльнымъ домохозяевамъ, оставляются за послѣдними и на будущее время. 6) Дѣйствіе постановленій о воспрещеніи продажи крестьянскихъ надѣльныхъ земель не распространяется на тѣ изъ этихъ земель, которыя при изданіи новыхъ правилъ окажутся уже заложенными постороннимъ крестьянскимъ обществамъ или лицамъ.

Предпринятая правительствомъ реформа податной системы имѣетъ громадное значеніе въ смыслѣ правоваго уравненія

крестьянъ съ другими общественными классами. Она должна сгладить слишкомъ рѣзкую разницу между крестьянствомъ и привиллегированными сословіями. До сихъ поръ самая важная и главная привиллегія этихъ сословій состоитъ въ свободѣ отъ податной тяжести, почему они и носятъ названіе сословій неподатныхъ. Лица, принадлежащія къ привиллегированнымъ, неподатнымъ сословіямъ, составляютъ самое ничтожное меньшинство въ общемъ населеніи государства; большинство же принадлежитъ къ податнымъ сословіямъ и, главнымъ образомъ, къ крестьянству. Какъ въ привиллегированныхъ сословіяхъ мы, большею частью, имѣемъ дѣло съ правами безъ соотвѣтствующихъ обязанностей, такъ, наоборотъ, лица непривиллегированныхъ сословій и, преимущественно, крестьяне всю жизнь изнываютъ подъ тяжестью обязанностей, не пользуясь правами, которыми надѣлены привиллегированныя сословія. Самая важная государственная обязанность, которою опредѣляется все юридическое положеніе крестьянскаго сословія, заключается въ уплатѣ податей и налоговъ, неравномѣрно налагаемыхъ сравнительно съ другими государственными сословіями. По этому поводу гласный Линдъ въ запискѣ, внесенной въ тверское губернское земское собраніе, высказывается слѣдующимъ образомъ: „Основная неправильность въ положеніи крестьянскаго населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и во всемъ нашемъ государственномъ устройствѣ, заключается прежде всего въ томъ, что на каждаго крестьянина государство смотритъ не какъ на самостоятельную живую личность, имѣющую свои необходимыя, опредѣленныя стремленія и потребности, для удовлетворенія которыхъ онъ только и живетъ въ обществѣ, какъ и всякій другой его членъ, но, напротивъ, почти исключительно какъ на рабочую и платежную силу, которая трудомъ своимъ и средствами предназначается удовлетворять общія государственныя потребности. Въ силу, этого, обязанности возлагаемыя на крестьянское населеніе, или, другими словами, лежащія на немъ подати и повинности соразмѣряются не съ возможностью для него нести ихъ безъ ущерба для собственнаго благосостоянія и развитія, но единственно съ величиною государственнаго бюджета, который такъ или иначе долженъ быть выполненъ. Изъ этого положенія вещей вытекаютъ естественно и логически и всѣ узаконенія, относящіяся до крестьянскаго сословія; съ одной стороны, крестьянинъ, будучи обремененъ податями выше мѣры, не можетъ платить ихъ охотно, съ другой стороны, государство, заботясь

прежде всего о полученіи податей, должно обращать главное вниманіе на то, чтобы предупредить возможность уклоненія отъ ихъ уплаты. Вслѣдствіе такого антагонизма интересовъ плательщиковъ и государства, послѣднее, по необходимости, становится вынужденнымъ прибѣгать къ разнымъ стѣснительнымъ мѣрамъ, наблюдать за каждымъ шагомъ крестьянина, взявъ его совершенно въ свою опеку. Возможность передвиженія стѣсняется паспортною системою, которая, по отношенію къ крестьянамъ, имѣетъ, безъ сомнѣнія, исключительно фискальную цѣль. Къ той же фискальной цѣли направлена почти исключительно вся дѣятельность волостнаго и сельскаго крестьянскаго начальства, которое, по первоначальному своему значенію, должно было, конечно, заботиться прежде всего о благосостояніи своихъ односельцевъ, но впослѣдствіи направлено было исключительно на собираніе податей и недоимокъ. Для того же само это начальство поставлено въ непосредственную и спеціальную зависимость отъ полиціи, для которой, въ свою очередь, главною задачею дѣятельности являются опять тѣ же подати и недоимки. Для того же существуетъ круговая порука, для того-же продается скотъ у крестьянъ, чрезъ что уничтожается въ корнѣ всякая возможность развитія земледѣлія. Безполезно перечислять всѣ мѣры, принимаемыя въ отношеніи крестьянскаго населенія, потому что и сказанными вполнѣ уясняется характеръ отношенія къ нему государства. Характеръ этотъ таковъ, что для крестьянина государство, можно сказать, съ излишкомъ замѣнило помѣщика. Помѣщикъ, конечно, видѣлъ въ своемъ крѣпостномъ крестьянинѣ тоже почти исключительно рабочую силу, предназначенную для удовлетворенія его потребностей. Но въ то же время онъ понималъ, что благосостояніе этой рабочей силы въ извѣстной мѣрѣ непосредственно связано съ его собственнымъ; поэтому помѣщику было невыгодно доводить своихъ крестьянъ до упадка и раззоренія. Вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщикъ, какъ мѣстный житель, былъ знакомъ съ мѣстными обстоятельствами и потребностями своихъ крестьянъ. Наконецъ, помѣщикъ былъ всегда совершенно свободенъ умѣрить свои требованія. Ни одного изъ этихъ благопріятныхъ условій не существуетъ—не для государства, конечно, но для его мѣстныхъ агентовъ, приходящихъ въ непосредственное соприкосновеніе съ крестьянами. Ни одинъ исправникъ или становой приставъ не заинтересованы въ томъ, чтобы за ними не было недоимокъ. Переходя съ мѣста на мѣсто, ни одинъ изъ нихъ не нуждается въ зна-

нiи мѣстныхъ условiй; наконецъ, ни одинъ не можетъ своею властью ни простить, ни убавить никакой подати. Даже наиболѣе ненавистная сторона крѣпостнаго права, выражавшаяся въ насилiи надъ личностью, и та не исчезла, ибо сѣченiе за недоимки и по нынѣ вовсе не составляетъ особой рѣдкости. Вотъ этотъ-то исключительно фискальный характеръ отношенiй государства къ крестьянамъ и долженъ быть радикально измѣненъ".

Мы нарочно привели эту длинную выписку изъ записки г. Линда, чтобы показать, какое громадное значенiе въ многоразличныхъ сферахъ народной жизни должна имѣть послѣдовавшая недавно отмѣна подушной подати въ связи съ сдѣланнымъ ранѣе уменьшенiемъ выкупныхъ платежей и съ положеннымъ началомъ введенiю подоходнаго налога. И дѣйствительно, съ отмѣною подушной подати, какъ будто сами собою, начинаютъ распадаться звенья цѣпи, доселѣ сковывавшей свободу крестьянства въ области личныхъ и общественныхъ правъ. Законъ 28 мая 1885 г., объявившiй окончательное прекращенiе подушной подати съ 1 января 1887 года, возлагаетъ на обязанность министра финансовъ безотлагательно приступить къ подготовительнымъ дѣйствiямъ и составленiю предположенiй объ измѣненiяхъ, которыя должны быть сдѣланы въ узаконенiяхъ, основанныхъ на счетѣ населенiя по ревизскимъ душамъ, о порядкѣ отвѣтственности по уплатѣ въ казну окладныхъ сборовъ и о паспортной системѣ. Проэкты по всѣмъ этимъ предметамъ должны быть внесены на разсмотрѣнiе установленнымъ порядкомъ, съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы приведенiе ихъ въ дѣйствiе могло послѣдовать съ 1 января 1887 года. Но самымъ важнымъ и неминуемымъ послѣдствiемъ отмѣны подушной подати должно быть измѣненiе въ существующихъ отношенiяхъ между полицiею и крестьянскимъ самоуправленiемъ. Подчиненiе чинамъ полицiи крестьянскихъ общественныхъ учрежденiй и должностныхъ лицъ держится, главнымъ образомъ, на податной системѣ. Съ отмѣною подушной подати непремѣнно должна измѣниться и система сбора податей и налоговъ, начало чему уже положено учрежденiемъ податныхъ присутствiй и податныхъ инспекторовъ. Освобожденiе полицiи отъ сбора податей есть только вопросъ времени, а какъ скоро это освожденiе совершится, тогда случаи соприкосновенiя чиновъ полицiи съ крестьянскими общественными учрежденiями сократятся до такой степени, что само собою ослабнетъ теперешнее полицейское давленiе въ области самоуправленiя

и вмѣстѣ съ тѣмъ очистится широкій просторъ для реформъ, имѣющихъ въ виду дальнѣйшее развитіе началъ самоуправленія въ русскомъ обществѣ. Въ настоящее же время правильное развитіе самоуправленія у насъ встрѣчаетъ препятствіе въ указанныхъ г. Линдомъ остаткахъ крѣпостныхъ отношеній, глубоко пустившихъ корни въ нашихъ правахъ и учрежденіяхъ. Какое-же можетъ быть самоуправленіе на крѣпостнической почвѣ? Кромѣ самоуправства сильнаго надъ слабымъ, нечего ждать отъ подобнаго самоуправленія...

Не правда-ли, какъ это странно слышать въ земскомъ собраніи рѣчи о томъ, что крѣпостное право не совсѣмъ еще уничтожено, что оно и доселѣ живетъ въ нашихъ учрежденіяхъ, что наши общественныя отношенія и доселѣ проникнуты крѣпостнымъ началомъ? Мы такъ долго и такъ искренно вѣрили, что отмѣна крѣпостнаго права была величайшимъ благомъ для крестьянъ, совершенно измѣнила юридическое положеніе ихъ и обновила всю нашу жизнь; а теперь что-же оказывается въ результатѣ? Въ чемъ выразилось это, столь прославленное, обновленіе русской жизни? Увы, громко и строго произносится въ земскихъ отзывахъ и запискахъ приговоръ надъ цѣлымъ сонмомъ, доселѣ уцѣлѣвшихъ въ видѣ анахронизма, безусловныхъ хвалителей реформы, которые своими сладкозвучными гимнами столько лѣтъ заговаривали зубы обществу, мѣшая ему трезво и прямо заглянуть въ глаза дѣйствительности, понять всю неправду, все нравственное уродство нашей жизни, для которой реформа только положила фундаментъ и намѣтила направленіе въ общихъ чертахъ. Только теперь, наконецъ, стали раздаваться въ земствахъ голоса, указывающіе, что мы напрасно поспѣшили радоваться, смѣшивая отмѣну крѣпостнаго права съ уничтоженіемъ крѣпостнаго начала въ общественной жизни. Нѣтъ, принципъ, на которомъ покоилось это право, не уничтоженъ, но живъ доселѣ; онъ проникаетъ собою даже новыя общественныя учрежденія и охватываетъ собою всю нашу жизнь. Печально было такое открытіе крѣпостничества въ настоящее время и, подавленная тяжестью этого горя, земская мысль невольно задавалась вопросомъ: да когда-же крѣпостничество было сильнѣе, — во время-ли существованія крѣпостнаго права, или теперь, послѣ отмѣны его? Вотъ что говоритъ по этому поводу гласный Черевинъ въ запискѣ, читанной имъ въ смоленскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. „Положеніемъ 27 іюня 1874 года наибольшее вліяніе на крестьянское народное управленіе было

передано въ руки чиновъ полиціи, которые въ большинствѣ своемъ, конечно, не могутъ быть причислены къ лицамъ вполнѣ образованнымъ—интеллигенціи. Блуждая безъ цѣли и не разбирая средствъ, мы дошли до того, что, уничтоживъ личное крѣпостное право для бывшихъ помѣщиковъ, едва-ли не возстановили его въ худшей формѣ для чиновъ полиціи, кулаковъ и міроѣдовъ... Вникая глубже въ смыслъ существующихъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, невольно приходимъ къ убѣжденію, что актъ освобожденія крестьянъ вполнѣ еще не свершился. Съ отмѣною зависимости отъ лицъ, зависимость эта осталась во всей своей силѣ, коллективно, отъ цѣлаго сословія или класса". Даже въ самыхъ земскихъ учрежденіяхъ г. Черевинъ ясно видитъ послѣдовательное примѣненіе стараго принципа крѣпостнаго подчиненія одной части гражданъ, составляющей большинство, привиллегированному меньшинству. „Могутъ возразить, — продолжаетъ г. Черевинъ, — что земское собраніе есть собраніе всесословное и что въ немъ вліяніе и сила принадлежитъ не дворянству, а вообще классу болѣе образованному. Положимъ, что по идеѣ это вѣрно; но въ дѣйствительности не такъ. Въ моментъ введенія земскихъ учрежденій составъ гласныхъ отъ землевладѣльцевъ былъ исключительно дворянскій; затѣмъ, при поступленіи новыхъ лицъ въ среду общества, имѣющаго свои историческія традиціи и, такъ сказать, кровныя привычки и убѣжденія, лица эти, конечно, скоро заимствовали всѣ качества окружающей ихъ среды, тѣмъ болѣе успѣшно, что качества эти заключались въ привычкахъ властвовать, свободно распоряжаться чужимъ имуществомъ и повелѣвать, не безъ выгоды лично для каждаго. Такимъ образомъ, духъ крѣпостнаго права, въ земскихъ собраніяхъ, передается преемственно. И вслѣдствіе того, всѣ, даже самыя благія, начинанія земства на пользу народа, дѣлаются не по праву, принадлежащему на то народу, но какъ-бы въ видахъ снисхожденія къ его убожеству, — по милостивому нашему на то къ нему снисхожденію. Да и народъ смотритъ на земство чуть-ли не какъ на особое начальство, замѣнившее частію, въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ своей власти, бывшаго помѣщика. Наконецъ, если, въ угоду самомнѣнія нѣкоторыхъ, все сказанное о преемственности духа крѣпостнаго права признать даже за весьма грубую натяжку и затѣмъ, принявъ за аксіому, что вездѣ и всегда интеллигенція будетъ стоять во главѣ управленія массами, то и въ этомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія передавать вліяніе и управленіе дѣ-

лами народа въ руки лицъ, выдвинутыхъ не мнѣніемъ большинства управляемаго народа, но излюбленныхъ меньшинствомъ—корпораціею личныхъ землевладѣльцевъ; лица эти, будучи совершенно независимы отъ мнѣнія большинства, конечно, всегда будутъ представителями и усердными проводниками исключительно только интересовъ избравшаго ихъ меньшинства. Итакъ, на развалинахъ корпораціи дворянской возникаетъ новая корпорація — личныхъ землевладѣльцевъ, въ которую дворянство, войдя почти въ полномъ личномъ своемъ составѣ, внесло всѣ традиціи корпораціи угасающей".

Правовое положеніе крестьянства въ ряду другихъ государственныхъ сословій, будучи создано при существованіи крѣпостной зависимости, сохранилось безъ особенно замѣтныхъ измѣненій и послѣ отмѣны крѣпостнаго права. Такъ, въ земскихъ отзывахъ встрѣчаются указанія, что до сихъ поръ существуетъ „тотъ спеціальный видъ полицейскаго надзора за крестьянами, который предоставленъ помѣщику подъ именемъ права вотчинной полиціи и который, въ настоящее время, составляетъ вопіющій анахронизмъ и либо вовсе не имѣетъ никакого значенія, либо, напоминая собою крѣпостное право, которое, казалось-бы, чѣмъ скорѣе забудется, тѣмъ лучше, — приводитъ только къ совершенно безполезному для обѣихъ сторонъ раздраженію".

Въ области гражданскаго права крестьянство обязано подчиняться совершенно чуждымъ его быту правовымъ институтамъ, регулирующимъ гражданскій бытъ привиллегированныхъ сословій. Что-же касается, отличающейся областными особенностями, обычно правовой жизни крестьянства въ сферѣ гражданскихъ отношеній, то нашъ законъ совершенно игнорируетъ ее. По словамъ записки, внесенной въ тверское губернское земское собраніе въ декабрѣ 1880 года, „всякому, сколько-нибудь знакомому съ крестьянскою жизнью, извѣстно, конечно, что половина гражданскихъ законовъ, изложенныхъ въ X т. Св. Зак., вовсе не примѣнима къ условіямъ этой жизни. Между тѣмъ законъ, дѣлающій исключенія для Малороссійскихъ губерній, для жителей окраинъ и инородцевъ, въ виду особенностей ихъ быта, совершенно игнорируетъ существованіе такихъ особенностей въ быту крестьянъ, вслѣдствіе чего для нихъ является обязательнымъ во всѣхъ гражданскихъ отношеніяхъ слѣдовать правиламъ X тома". Послѣдствіемъ этого является то, что гражданскій бытъ въ крестьянской средѣ подчиняется, въ одно и то-же время, двумъ часто противопо-

ложнымъ началамъ права. Одни изъ крестьянъ держатся на почвѣ обычнаго права, а другіе берутъ за основаніе для себя опредѣленія X тома, смотря по тому, что выгоднѣе для тѣхъ и другихъ. Отсюда вѣчныя коллизіи между закономъ и обычнымъ правомъ, путаница въ правовыхъ понятіяхъ народа, шаткость права, необезпеченность гражданскихъ отношеній.

Только для однихъ крестьянъ до сего времени удержано у насъ тѣлесное наказаніе, составляющее позоръ родной страны. Истязаніе человѣческаго тѣла, установленное закономъ, существуетъ на нашихъ глазахъ и мы, чувствуя свое безсиліе передъ фактомъ, принуждены только повторять надъ нимъ приговоръ, произнесенный таврическою губернскою земскою управою: „Трудно защищать наказаніе, убивающее въ человѣкѣ чувство чести и нравственнаго достоинства и не достигающее даже цѣли устрашенія, если только оно не обращается въ истязаніе“. Къ счастію, правительство не раздѣляетъ мнѣнія крѣпостниковъ, которые, подобно московскому земству,—считаютъ необходимостью удержать тѣлесное наказаніе для крестьянъ, въ видѣ исправительнаго средства. Правительствомъ уже сдѣланы многія изъятія изъ закона, допускающаго тѣлесное наказаніе для крестьянъ. Послѣднее изъ такихъ изъятій сдѣлано въ концѣ 1884 г., причемъ сенатскимъ указомъ разъяснено, что освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія распространяется на всѣхъ лицъ, побывавшихъ въ военной службѣ, хотя-бы короткое время. Окончательное освобожденіе крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія замедлилось, вслѣдствіе существованія подушной подати, при которой розга является въ рукахъ полиціи однимъ изъ главныхъ средствъ понужденія къ платежу податей. Теперь мы вправѣ ожидать, что вслѣдъ за прекращеніемъ съ 1 января 1887 г. сбора подушной подати, будетъ отмѣнено и тѣлесное наказаніе, возмущающее въ насъ гуманныя чувства.

Вмѣстѣ съ существованіемъ тѣлеснаго наказанія и личная свобода крестьянина не только не гарантирована отъ произвола, но, будучи по закону поставлена въ зависимость отъ воли сельскаго общества, на самомъ дѣлѣ, весьма часто, подъ прикрытіемъ законныхъ формъ, нарушается произволомъ и злоупотребленіями не только крупныхъ, но даже самыхъ мелкихъ и ничтожныхъ должностныхъ лицъ. По словамъ записки гласнаго Офросимова, внесенной въ рязанское уѣздное земское собраніе, „приговоры объ удаленіи изъ общества вредныхъ и порочныхъ членовъ провѣряются присутствіемъ только съ фор-

мальной стороны, т. е. подписаны-ли они опредѣленнымъ числомъ лицъ, имѣющихъ право голоса на сходахъ; самая-же причина ссылки не только не изслѣдуется, но даже и дѣйствительность изъявленнаго сходомъ желанія не провѣряется. Въ теченіе моей 17-ти-лѣтней практики въ должности члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, мнѣ приходилось открывать, что безграмотныя общества созывались составлять приговоры о поземельномъ пользованіи, а вмѣсто того подписывали приговоры объ удаленіи одного изъ своихъ сочленовъ, которымъ было недовольно мѣстное начальство и большею частію за то, что удаляемый указывалъ или жаловался на незаконныя дѣйствія этого начальства. Жалобы такихъ удаляемыхъ въ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, по большей части, оставались безъ послѣдствій, разъ только приговоръ съ формальной стороны не представлялъ ничего незаконнаго. Часто случалось, что при моихъ дознаніяхъ обнаруживалось, что въ числѣ лицъ, подписавшихъ приговоръ, были волостнымъ писаремъ помѣщены имена когда-то бывшихъ домохозяевъ, но уже давно умершихъ". Переходя изъ области личныхъ правъ къ правамъ имущественнымъ, мы находимъ, что даже самое право собственности для крестьянъ обставлено такими ограниченіями и стѣсненіями, какихъ не знаютъ лица, принадлежащія къ привиллегированнымъ сословіямъ. Такъ, напримѣръ, по уставу о питейномъ сборѣ крестьянскія общины лишены права взимать плату за разрѣшеніе открывать питейную продажу на общинныхъ земляхъ, тогда какъ личные собственники могутъ безвозбранно входить въ договоры относительно денежнаго вознагражденія за предоставленіе права питейной продажи на принадлежащихъ имъ земляхъ.

Оцѣнивая, въ совокупности, всѣ выше указанные факты, доказывающіе ненормальное, правовое положеніе крестьянъ по отношенію къ государству и привиллегированнымъ классамъ, нельзя не согласиться, что существующее различіе между общественными классами въ области права сообщаетъ особенный характеръ всему нашему общественному строю, неблагопріятствующій правильному развитію началъ самоуправленія. Записка гласныхъ тверскаго губернскаго земскаго собранія, созыва 1880 года высказываетъ слѣдующее, весьма вѣрное сужденіе относительно того вліянія на весь строй русской жизни, какое оказываетъ приниженное положеніе крестьянъ предъ лицомъ закона. „Такое неестественное положеніе большинства населенія не можетъ не отражаться на общемъ

строѣ всей русской жизни, становясь причиной неопредѣленности и неустойчивости всѣхъ общественныхъ отношеній, приводя, наконецъ, къ затемнѣнію въ общественномъ сознаніи самаго понятія о равноправности и законности и въ окончательномъ результатѣ содѣйствуя беззаконію и произволу". Въ особенности вѣрно это замѣчаніе относительно сельскаго, крестьянскаго самоуправленія, которое, подъ вліяніемъ приниженнаго предъ другими сословіями, правоваго положенія крестьянъ, сдѣлалось наиболѣе доступно для произвола и беззаконія.

Вся система крестьянскаго управленія основана на полномъ подчиненіи крестьянъ административному вліянію, которое, свободно уживаясь подъ лицемѣрнымъ прикрытіемъ существующаго только для формы и на показъ самоуправленія, убиваетъ въ зародышѣ всякую общественную иниціативу въ крестьянскихъ учрежденіяхъ. По словамъ таврической губернской земской управы, „крестьянскія учрежденія были введены особнякомъ, безъ связи съ остальнымъ административнымъ и полицейскимъ устройствомъ уѣзда. Такая обособленность дѣлала ихъ безсильными въ борьбѣ съ подавляющимъ вліяніемъ прочно установившихся административной и полицейской властей. Вначалѣ эти власти, опасавшіяся, что введеніе въ дѣйствіе положенія 19 февраля повлечетъ за собою волненія крестьянъ и безпорядки, бороться съ которыми считали себя неподготовленными, устранились отъ этого, казавшагося имъ опаснымъ, дѣла и передали его всецѣло въ руки мировыхъ посредниковъ. Послѣдніе воспользовались даннымъ имъ просторомъ для обращенія своей дѣятельности на пользу крестьянъ, помѣщиковъ и государственныхъ интересовъ. Кому неизвѣстна плодотворная дѣятельность мировыхъ посредниковъ перваго призыва! Она обусловливалась не только личными качествами этихъ почтенныхъ дѣятелей, но и—главнымъ образомъ—ихъ полною независимостью отъ всякаго административнаго и полицейскаго вліянія. Но чуть прошли первые годы, какъ та и другая власть съ особою энергіей стали возстановлять свое временно-ослабѣвшее вліяніе на крестьянъ, въ чемъ и успѣли. По мѣрѣ усиленія административнаго вліянія, лучшіе люди стали покидать мѣста мировыхъ посредниковъ, уступая ихъ людямъ не столько преданнымъ дѣлу. Вслѣдствіе этого, мировыя учрежденія стали все болѣе и болѣе терять присущее имъ значеніе и дошли до того, что само правительство признало необходимымъ преобразовать ихъ, замѣнивъ ми-

ровыхъ посредниковъ непремѣнными членами, а мировые съѣзды—уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. Но такъ какъ главная причина неудачи—преобладающее вліяніе мѣстной администраціи и полиціи—не была устранена, то и эти новыя учрежденія оказались столь же безплодными, какъ и прежнія, чему, между прочимъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ настоящій пересмотръ ихъ. Изъ сказаннаго нельзя не придти къ заключенію, что если вліяніе администраціи и полиціи на крестьянъ останется неизмѣннымъ, то какая бы организація крестьянскихъ учрежденій ни была придумана, какое названіе имъ ни было бы дано, они останутся такими же безплодными, лишь напрасно обременяющими земскій бюджетъ, учрежденіями, какими были въ послѣднія 10 лѣтъ мировые съѣзды и настоящія уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія". По мнѣнію таврической губернской земской управы, однимъ изъ главныхъ препятствій развитію общественнаго самоуправленія является вмѣшательство полиціи въ крестьянскія дѣла. Еще рѣшительнѣе высказывается московская уѣздная земская управа въ томъ смыслѣ, что слабые зачатки крестьянскаго самоуправленія, не успѣвши развиться, преждевременно погибли подъ давленіемъ административной власти, получившей у насъ, въ послѣдніе годы, слишкомъ одностороннее развитіе. „Самоуправленіе,—говорится въ докладѣ управы,—лишенное своей главной основы—свободы общества и отвѣтственности должностныхъ лицъ, не могло развиваться. Но окончательный ударъ нанесло ему Положеніе 27 іюня 1874 года, предоставивъ уѣздному исправнику право подвергать должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленія административнымъ взысканіямъ. До введенія новаго учрежденія крестьянское управленіе могло быть охраняемо отъ всякихъ постороннихъ неправильныхъ вмѣшательствъ и вліяній; оно знало одну власть—мироваго посредника; теперь эта власть раздвоилась, будучи передана въ равной мѣрѣ двумъ независящимъ другъ отъ друга органамъ—присутствію и исправнику, причемъ всѣ преимущества на сторонѣ послѣдняго. Присутствіе дѣйствуетъ коллегіально и потому, естественно, медленно; исправникъ дѣйствуетъ единолично и потому быстро. Присутствіе не можетъ оказать подчиненнымъ ему должностнымъ лицамъ защиты, не можетъ охранить ихъ отъ неправильныхъ вмѣшательствъ и вліяній, потому что исправникъ не отвѣтственъ передъ нимъ въ своихъ дѣйствіяхъ, не обязанъ давать ему въ нихъ отчета. Мало того,

съ согласія губернатора, исправникъ можетъ примѣнить даже такую рѣшительную мѣру, какъ удаленіе должностнаго лица отъ должности, и коллегіальное присутствіе обязано подчиняться (Положеніе 27 іюня 1874 г., ст. 25). При такомъ отношеніи исправника къ присутствію, авторитетъ послѣдняго не могъ не упасть въ глазахъ крестьянъ, и исправникъ, по отзыву казанскаго губернскаго земскаго собранія, „въ понятіяхъ крестьянъ представляется единоличнымъ начальникомъ, съ правомъ скораго и непосредственнаго взысканія". Усиленіе власти начальника уѣздной полиціи вмѣстѣ съ тѣмъ усилило вліяніе на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія и исполнительныхъ полицейскихъ агентовъ и изъ представителей крестьянскаго самоуправленія, какими сдѣлало ихъ Положеніе 19 февраля 1861 г., обратило ихъ въ низшихъ полицейскихъ чиновъ". При такой обширной власти и подавляющемъ вліяніи на общественныя учрежденія, полиція у насъ организована неудовлетворительно и, благодаря недостаткамъ своей организаціи, вызываетъ не всегда дружелюбныя отношенія къ себѣ со стороны общества. „Наши полицейскія учрежденія,—говорится въ докладѣ московской уѣздной земской управы,—никогда не пользовались сочувствіемъ и довѣріемъ общества, а со времени учрежденія полицейскихъ урядниковъ съ особою силой стали раздаваться жалобы на полицію. Само правительство никогда не было довольно полицейскою организаціей и съ 1815 года почти не прекращались работы коммисій, обсуждавшихъ вопросъ о способахъ улучшенія полиціи. Главные недостатки существующаго полицейскаго устройства заключаются: 1) въ чрезмѣрно-обширномъ кругѣ разнообразныхъ обязанностей, тогда какъ, по положенію науки, органамъ исполнительной полиціи можетъ быть поручено только то, что составляетъ скорое, точное и вѣрное исполненіе правилъ наружнаго порядка и благочинія въ отдѣльной мѣстности (Андреевскій: „Полицейское право", т. I стр. CLXXXIV),—и 2) въ недостаточной отвѣтственности чиновъ полиціи за ихъ дѣйствія по должности. Еще въ 1860 г. Высочайше учрежденная коммисія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ указывала, что „отвѣтственность земской полиціи рѣдко имѣетъ приложеніе на дѣлѣ: жалобы частныхъ лицъ, обращаемыя къ непосредственному начальству полиціи, не имѣющему возможности близкаго, непосредственнаго контроля надъ нею, большею частію или остаются безъ дѣйствія, или оканчиваются голословнымъ взысканіемъ съ полиціи: подтвержденіемъ, впу-

шеніемъ, выговоромъ. Личный взглядъ начальника опредѣляетъ тотъ или другой образъ отвѣтственности подчиненныхъ; медленность, неизбѣжная въ перепискѣ губернскаго начальства съ полиціей, по жалобамъ на нее, часто уничтожаетъ самую возможность удовлетворенія жалобъ". Слова эти, сказанныя 20 лѣтъ тому назадъ, имѣютъ полное примѣненіе и до сихъ поръ, несмотря на послѣдовавшее въ 1862 г. преобразованіе земской полиціи".

Въ то время, какъ полиція, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, надѣлена достаточною властью и силою для того, чтобы держать въ подчиненіи себѣ многочисленное крестьянское сословіе, вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденія, созданныя для охраны крестьянскихъ интересовъ, отличаются полною бездѣятельностью и безсиліемъ принести какую нибудь пользу крестьянамъ. Эти учрежденія какъ будто нарочно организованы такимъ образомъ, чтобы не могли служить достаточно сильнымъ противовѣсомъ вліянію полиціи на крестьянскія дѣла. Полиція во все вмѣшивается, и хотя бы, въ иныхъ случаяхъ, незаконно, произвольно, неправильно, но тѣмъ не менѣе быстро и рѣшительно даетъ извѣстное направленіе дѣламъ, представляющимъ наиболѣе жгучій интересъ въ крестьянской жизни. Оттого крестьянинъ поневолѣ подчиняется полиціи и усвоиваетъ вѣру во всемогущество ея. Положимъ, что другаго начальства, кромѣ полиціи, крестьянинъ видитъ вокругъ себя очень много но, вслѣдствіе самой многочисленности и недостатка власти въ рукахъ этого начальства, оно кажется крестьянину какъ будто призрачнымъ и для того только поставленнымъ, чтобы смущать неопытныхъ людей вопросомъ: по какимъ дѣламъ къ какому изъ безчисленныхъ начальниковъ слѣдуетъ обращаться? Пестрая толпа начальниковъ совсѣмъ сбиваетъ съ толку крестьянина, такъ что онъ не знаетъ, къ какому изъ нихъ обратиться по своимъ дѣламъ, поневолѣ теряетъ вѣру въ возможность отыскать правду у какого бы то ни было начальства и всѣ упованія возлагаетъ на извѣстную всѣмъ и каждому податливость нашей полиціи на просьбы, особенно, если онѣ подкрѣплены вещественными доказательствами. „Всматриваясь въ отношенія крестьянина ко всѣмъ начальствующимъ лицамъ и учрежденіямъ,—сказано въ „запискѣ" гласныхъ тверскаго губернскаго земскаго собранія,—мы усматриваемъ, что съ одной стороны отношенія эти являются до такой степени неопредѣленными, что почти по всякому дѣлу ему приходится ходить въ два или въ три мѣста, прежде чѣмъ попасть въ настоящее; съ другой—

нѣтъ такого лица или учрежденія, которое тѣмъ или инымъ путемъ не считало бы себя въ правѣ вмѣшиваться въ жизнь крестьянина и не признавало бы себя его начальникомъ". Учрежденіе, спеціально назначенное для завѣдыванія крестьянскими дѣлами, всего менѣе способно оказывать доброе вліяніе на ходъ этихъ дѣлъ, защищать интересы крестьянскаго сословія и противодѣйствовать давленію, оказываемому на крестьянъ со стороны полицейской власти. Уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія организованы такъ неудачно, что, не принося ни малѣйшей пользы крестьянамъ, только безполезно плодятъ собою и безъ того черезчуръ многочисленное начальство. По составу своему, присутствія суть учрежденія не крестьянскія, но дворянскія: они существуютъ какъ бы для того, чтобы служить нагляднымъ доказательствомъ правовой приниженности крестьянства и продолжающейся доселѣ зависимости его отъ другихъ сословій. По замѣчанію гласнаго смоленскаго уѣзднаго земскаго собранія, г. Черевина, „предсѣдателя въ уѣздное присутствіе назначаетъ дворянство, двухъ членовъ (мироваго судью и предсѣдателя управы) назначаетъ уѣздное земское собраніе, которое хотя и состоитъ, почти на половину, изъ выборныхъ отъ крестьянъ, но въ немъ и предсѣдательствуетъ, и проводитъ свои идеи фактически еще до сихъ поръ то-же дворянство,—непремѣннаго члена назначаетъ губернское земское собраніе, членами котораго крестьяне почти никогда уже не бываютъ, и, наконецъ, исправникъ—это есть имитація бывшаго окружнаго начальника палаты государственныхъ имуществъ". Къ этому слѣдуетъ прибавить еще слѣдующее мѣткое замѣчаніе гласнаго череповецкаго уѣзднаго земскаго собранія г. Румянцева: „никогда не было примѣра, чтобы представитель дворянства или городской голова избирался внѣ своего сословія и только учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ не имѣютъ сословнаго представителя въ своемъ составѣ". Такимъ образомъ лица, стоящія во главѣ крестьянскаго управленія, совершенно чужды управляемой ими средѣ. Между тѣмъ по замѣчанію гласнаго рязанскаго уѣзднаго земскаго собранія, Офросимова, „для успѣшнаго и безобиднаго хода управленія народомъ, необходимо, во-первыхъ, чтобъ управляющіе знали подробно нужды населенія, участвовали бы сами въ тѣхъ тяготахъ, которыя возложены на народонаселеніе, пользовались бы его довѣріемъ и были вполнѣ самостоятельны. Однимъ словомъ, чтобы управляющіе были кровію и плотію управляемыхъ, а не стояли бы надъ ними постоемъ, какъ враждебный или, по меньшей мѣрѣ, чуж-

дый ему, лагерь. Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ далеко не удовлетворяютъ такому требованію. Они состоятъ подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства, избираемаго сословіемъ для цѣлаго уѣзда и совершенно съ цѣлями сословными, изъ исправника, преслѣдующаго только фискальныя цѣли, изъ непремѣннаго члена, спеціально занятаго лишь разсмотрѣніемъ дѣлъ, возникающихъ изъ поземельныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, изъ предсѣдателя уѣздной управы, занятаго большимъ количествомъ дѣлъ на пространствѣ уѣзда, и изъ почетнаго мироваго судьи, который, если касается крестьянскаго дѣла, то только съ юридической стороны... Присутствіе, не имѣя ничего общаго съ населеніемъ, находясь вдали отъ него, пребывая въ уѣздномъ городѣ, не можетъ въ подробности знать его нуждъ и средствъ, оно необходимо впадаетъ въ формализмъ и всегда въ него впадать будетъ“.

Разнохарактерность и совершенное отсутствіе связи и единства въ личномъ составѣ присутствій служатъ обстоятельствомъ, убивающимъ въ корнѣ самыя попытки какой бы то ни было живой дѣятельности въ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ. „Опытъ показалъ,—говоритъ таврическая губернская земская управа,—что такая разнохарактерность членовъ есть одна изъ главныхъ причинъ безплодности и безсодержательности этихъ учрежденій. Каждый членъ отвѣтствуетъ особому учрежденію: предсѣдатель—дворянству, непремѣнный членъ—губернатору и губернскому собранію, предсѣдатель управы—своему уѣздному собранію, мировой судья—съѣзду мировыхъ судей. Каждое изъ этихъ учрежденій сознаетъ всю фиктивность этой отвѣтственности, такъ какъ каждый членъ въ отдѣльности всегда имѣетъ возможность сослаться на давленіе большинства присутствія; а это большинство въ совокупности ни передъ кѣмъ не отвѣтственно, пока соблюдены внѣшнія формы. Учрежденія же, имѣющія своихъ представителей въ крестьянскомъ присутствіи, сознавая свое безсиліе влиять на ходъ его, относятся къ нему вполнѣ индифферентно“. На недостатки состава уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій жалуется также юхновская уѣздная земская управа, утверждая, что, благодаря неудачному личному составу присутствій, какъ состоящему изъ лицъ, имѣющихъ спеціальныя и притомъ многочисленныя занятія, они не имѣли возможности руководить и слѣдить за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ, и такимъ образомъ одна изъ самыхъ важныхъ задачъ ихъ осталась совершенно невыполненною. Раз-

вивая ту же самую мысль, предсѣдатель смоленской губернской управы, Мельниковъ, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Все присутствіе составляютъ лица, занимающія, за исключеніемъ непремѣннаго члена, другія должности и часто обремененныя своими прямыми обязанностями. Помимо занимаемыхъ должностей, эти лица состоятъ членами присутствія по воинской повинности, училищнаго совѣта, разныхъ временныхъ коммисій; всѣ, кромѣ исправника, почти всегда занимаютъ должности почетныхъ мировыхъ судей, что также сопряжено со многими обязанностями. При такомъ количествѣ занятій физически невозможно, чтобы члены уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, кромѣ непремѣннаго члена, могли исполнять всѣ обязанности, возложенныя Положеніемъ 27 іюня 1874 года какъ на уѣздныя присутствія въ коллегіальномъ составѣ, такъ и на членовъ его отдѣльно“. Еще рѣзче высказывается предсѣдатель ревизіонной коммиссіи кузнецкаго уѣзднаго земскаго собранія, г. Иконниковъ. По его словамъ, „всѣ члены присутствія, кромѣ непремѣннаго, занимая другія спеціальныя и притомъ окладныя должности, смотрятъ на крестьянское присутствіе, какъ на благотворительный комитетъ, въ которомъ они участвуютъ по мѣрѣ досуга; поэтому присутствіе это существуетъ только въ теоріи и притомъ безполезно“. Если оно и проявляетъ какіе-либо признаки жизни и дѣятельности, то только благодаря энергіи своего дѣлопроизводителя, который является въ немъ „главною рабочею силой“, тогда какъ „предсѣдатель и остальные члены обыкновенно составляютъ только тормозъ дѣла, безполезный грузъ, задерживающій дѣлопроизводство“. При отсутствіи живаго отношенія членовъ присутствія къ дѣлу крестьянскаго управленія, при преобладающемъ вліяніи секретаря на ходъ и рѣшеніе дѣлъ въ присутствіи, бюрократическій формализмъ въ нихъ усилился до послѣдней степени, и всѣ самые вредные недостатки его здѣсь получили возможность развиться до чудовищныхъ размѣровъ. Формализмъ дѣлопроизводства въ присутствіяхъ окончательно убилъ въ крестьянахъ всякую вѣру въ возможность найти здѣсь живую правду и, при помощи закона, возстановить нарушенное право. Явившись на смѣну мировымъ посредникамъ, вслѣдствіе доказанной опытомъ негодности послѣднихъ, присутствія по крестьянскимъ дѣламъ оказались еще менѣе удовлетворительными и болѣе безполезными, чѣмъ мировые посредники. „По Положенію 19 февраля,—говоритъ предсѣдатель петровской уѣздной земской управы, г. Кропотовъ, въ докладѣ земскому собранію,

—мировой посредникъ вѣдалъ всѣ дѣла крестьянъ какъ между собою, такъ и съ бывшими ихъ помѣщиками, разбиралъ жалобы и просьбы на дѣйствія лицъ волостнаго и сельскаго управленія, творилъ, какъ говорится, судъ и расправу на мѣстѣ, на виду у всѣхъ, и если иногда при этомъ и бывали злоупотребленія властью, то въ большинствѣ крестьянинъ все-таки оставался удовлетвореннымъ въ своихъ требованіяхъ; въ случаѣ же отказа въ нихъ, онъ зналъ основанія сего послѣдняго. Со введеніемъ Положенія 27 іюня, для подачи жалобы крестьянину пришлось уже ѣхать въ городъ, знакомиться съ адвокатами, платить имъ за написаніе прошенія зачастую очень дорогую по состоянію своему сумму, и потомъ ждать мѣсяцы, а иногда годы разрѣшенія своей претензіи. Разсмотрѣніе присутствіемъ жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ въ порядкѣ кассаціонномъ, какъ прежде, такъ въ особенности въ настоящее время, постоянно вызываетъ крайнее и вполнѣ заслуженное неудовольствіе крестьянъ. Крестьянинъ никогда не понимаетъ, да и понять не можетъ, какъ это присутствіе незаконно рѣшенное дѣло не въ правѣ отмѣнить. Въ умѣ его формы и обряды судопроизводства, за которые такъ стояло Положеніе 19 февраля и которые цѣликомъ перешли въ Положеніе 27 іюня, не существуютъ; онъ всегда жалуется по существу на несправедливость рѣшенія и, не получая удовлетворенія въ своихъ претензіяхъ, въ концѣ концовъ убѣждается, что правды нѣтъ, что ее не отыщешь".

Въ личномъ составѣ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій наиболѣе выдающееся положеніе занимаютъ предсѣдатель, непремѣнный членъ и уѣздный исправникъ. „Предсѣдательство въ присутствіи,—читаемъ мы въ докладѣ таврической губернской земской управы,—принадлежитъ предводителю дворянства, лицу, избираемому однимъ сословіемъ. Возложеніе этой обязанности на сословнаго представителя можно себѣ объяснить желаніемъ оградить помѣщичьи интересы, представителемъ которыхъ онъ является. Отстаиванье интересовъ помѣщиковъ и вообще землевладѣльцевъ можетъ потребоваться только въ такого рода дѣлахъ, гдѣ одною стороной является землевладѣлецъ, а другою—крестьянинъ. Но въ этомъ случаѣ справедливость требовала бы, чтобъ и другая заинтересованная сторона имѣла своего сословнаго представителя, а то стороны имѣютъ не одинаковые шансы. Непремѣнный членъ не есть представитель крестьянъ, какъ избираемый безъ участія ихъ и исключительно изъ дворянъ. Но главное дѣло, что въ

такой защитѣ сословныхъ интересовъ въ крестьянскомъ дѣлѣ нѣтъ никакой надобности, такъ какъ въ настоящее время, за весьма малыми исключеніями, отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ точно опредѣлены и, въ случаѣ нарушенія правъ одной стороны другою, не представляется затрудненія къ возстановленію ихъ судомъ. Такимъ образомъ нѣтъ никакого основанія вводить въ составъ крестьянскаго присутствія особаго сословнаго представителя". Предсѣдатель присутствія, по своему положенію выборнаго представителя дворянскаго сословія, не можетъ честно и энергично работать въ пользу крестьянъ безъ того, чтобы не возбудить противъ себя неудовольствія какъ избирателей, такъ и вообще уѣзднаго общества. Поэтому самые лучшіе предводители дворянства довольствуются тѣмъ, что ровно ничего не дѣлаютъ въ тѣхъ видахъ, чтобы не раздражать и не возбуждать противъ себя тѣхъ болѣе или менѣе сильныхъ людей изъ среды мѣстнаго общества, дѣятельность которыхъ приноситъ иногда положительный вредъ крестьянскому населенію. Предсѣдатель ревизіонной коммисіи кузнецкаго уѣзднаго земскаго собранія, г. Иконниковъ, въ своемъ докладѣ земскому собранію представилъ слѣдующую живую и яркую характеристику предводителей дворянства въ роли предсѣдателей уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій: „Предводитель дворянства только тогда работаетъ и занимается дѣломъ, когда онъ фанатически преданъ идеѣ общественной пользы и притомъ настолько богатъ, что убытки въ покинутыхъ имъ своихъ дѣлахъ для него не чувствительны. Въ противномъ случаѣ и если онъ человѣкъ мало-мальски развитой, то онъ сознаетъ, что созерцательное положеніе для него выгоднѣе во всѣхъ отношеніяхъ: 1) человѣкъ состоятельный, и притомъ ничего не дѣлающій, пользуется всеобщимъ уваженіемъ среди общества, производящаго глаголъ работать отъ существительнаго рабъ. Во-вторыхъ, ничего не дѣлая, онъ не имѣетъ ни съ кѣмъ столкновеній, никому не мѣшаетъ предаваться полному бездѣйствію, или чинить беззаконія, а въ признательность за эту „свободу" и „самостоятельность" общество почитаетъ предводителя, называетъ его „порядочнымъ во всѣхъ отношеніяхъ" человѣкомъ, съ самыми современными и либеральными взглядами. Въ-третьихъ, при такомъ созерцательномъ положеніи онъ всегда имѣетъ возможность вечеркомъ, за бутылкой, упросить всякаго, „лично для него", разрѣшить извѣстный вопросъ въ извѣстномъ смыслѣ, а исполненіе этой просьбы связываетъ его дружбою съ тѣмъ изъ дворянъ избирателей, за

котораго онъ ходатайствуетъ. Да и ходатайство-то легко разрѣшается, когда оно возбуждено не въ принципіальномъ, а частномъ смыслѣ. Въ четвертыхъ, находясь въ положеніи человѣка, котораго „хата съ краю“, онъ избирается бѣлыми шарами. Въ глазахъ губернской администраціи онъ является человѣкомъ съ вѣсомъ, а потому украшается чинами и знаками отличія, которымъ онъ, конечно, какъ современный человѣкъ, не придаетъ особаго значенія, ибо служитъ-не ради почестей, а ради общественной пользы. Сія послѣдняя, въ этихъ случаяхъ, является въ роли всѣми забытой и покинутой сироты. Непремѣнный членъ и дѣлопроизводитель въ началѣ службы работаютъ лихорадочно, безпокоятъ предсѣдателя созывомъ засѣданій, и онъ вначалѣ великодушно снисходитъ къ ихъ настояніямъ. Но проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, предводитель видитъ, что сколько ни созывай засѣданій, дѣла не передѣлаешь, а частые созывы вызываютъ нареканія: исправникъ недоволенъ, что его часто отрываютъ „отъ дѣла“, почетный судья ворчитъ, напоминая что онъ не поденьщикъ, слава Богу! Предсѣдатель управы не ѣздитъ, а общество недовольно, что предводителя дома не застанешь. Собрались сегодня къ нему завтракать, анъ —хвать —онъ опять въ какомъ-то присутствіи: „что-то ужъ очень часто стали эти присутствія!...“ Естественное желаніе работать,—говоритъ далѣе г. Иконниковъ,—вызываемое въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ, при видѣ царствующей неурядицы, быстро остываетъ при столкновеніи съ примирившеюся, апатичною толпой. Какъ рюмка хорошаго вина, вылитая въ ушатъ помой, не исправляетъ въ ушатѣ содержимаго,—такъ и труды единичнаго лица безслѣдно исчезаютъ въ океанѣ распущенности, лѣни, взяточничества, воровства и бездны пьянства. При этихъ условіяхъ только люди съ желѣзной энергіей, фанатично преданные извѣстной идеѣ, готовые на самопожертвованіе, способны, вступая въ должность предводителя, отступить отъ принципа испанской пословицы: „не тронь—не воняетъ“. Но объ исключеніяхъ намъ нѣтъ причины и распространяться. Возьмемъ примѣръ болѣе нормальный—предводителя, вполнѣ благонадежнаго, допускающаго самыя маленькія отступленія отъ вышеприведенной испанской пословицы и трогающаго крайне осторожно и деликатно. Собираются у него гости—

И послѣ сытнаго обѣда
Идетъ наивная бѣсѣда:
Толкуютъ тамъ о меньшемъ братѣ
И горячатся о добрѣ.

Подъ вліяніемъ этой бесѣды и окунаясь въ воспоминанія о французскихъ и германскихъ пейзанахъ, предсѣдатель рѣшается слегка коснуться крестьянскаго управленія и, созвавъ присутствіе, обращается къ членамъ: „Мнѣ кажется... не мѣшало бы... хоть изрѣдка... отъ времени до времени... провѣрить что-ли... растраты... пьянство... продажный судъ... пожары... кабаки... недоимки... нарушенія условій... народная нищета... потеря довѣрія... Какъ вы думаете, господа?“ Всѣ съ нимъ согласны и каждый спѣшитъ наперерывъ добавить новыя ужасныя слова къ предводительской рѣчи; всѣ увѣрены, что въ уѣздѣ гадко, скверно, изъ рукъ вонъ плохо! Но когда доходитъ до мѣръ, до необходимости дѣйствовать, то жаръ быстро остываетъ. На лицѣ предводителя вы читаете невозможность допустить дерзкую мысль о привлеченіи его къ активной дѣятельности по крестьянскому самоуправленію, ибо, не забудьте, что онъ не исправникъ, чтобы рыскать по уѣзду и возиться съ пейзанами. Почетный судья только и въ судьи-то пошелъ по просьбѣ предводителя, на случай, что можетъ быть полезенъ совѣтами... „Да, наконецъ, онъ служитъ даромъ и еще расходоваться на разъѣзды;—нѣтъ, онъ лучше подастъ въ отставку“. Въ концѣ концовъ г. Иконниковъ приходитъ къ выводу, что „предсѣдатель присутствія, принадлежа въ большинствѣ случаевъ къ разряду бѣлоручекъ, созданныхъ и воспитанныхъ для высшихъ соображеній, является человѣкомъ совершенно безполезнымъ въ томъ мірѣ мелкихъ интересовъ, мелкихъ проступковъ и отступленій, совокупность которыхъ создала отвратительную картину запустѣнія, замѣченную только тогда, когда для законченія ея не хватило лишь нѣсколькихъ штриховъ... Для грубой среды, съ которою имѣетъ дѣло крестьянское присутствіе..., для народнаго дѣла, - говоритъ г. Иконниковъ далѣе,—нужны люди, способные стать лицомъ къ лицу съ черной работой волостнаго, сельскаго писаря, смотрителя хлѣбнаго магазина. старосты, учетника, и въ то же время на столько развитые, чтобъ умѣть понять и изучить характеръ народа, быть его совѣтникомъ, помощникомъ, служителемъ его идеи правды, и въ то же время быть его ученикомъ въ умѣньи практично примѣнять эту идею въ отдѣльныхъ случаяхъ и проводить ее въ жизнь. Такія силы, конечно, легче найти въ земствѣ, чѣмъ въ дворянствѣ, а тѣмъ менѣе въ богатѣйшихъ и значительнѣйшихъ представителяхъ его“.

Если смотрѣть на дѣло съ формальной, казовой стороны, то наиболѣе видное положеніе послѣ предсѣдателя, въ уѣзд-

ныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ, занимаетъ непремѣнный членъ. По закону ему предоставлены извѣстныя права и возложены на него спеціальныя обязанности, такъ что, повидимому, онъ долженъ бы быть самымъ дѣятельнымъ членомъ присутствій и вообще авторитетнымъ дѣятелемъ въ крестьянскомъ управленіи. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ другое. По словамъ предсѣдателя смоленской губернской земской управы, г. Мельникова, „изъ того, что этотъ членъ названъ непремѣннымъ, что ему предоставлены права государственной службы и назначено довольно большое жалованье и по 500 р. на разъѣзды, можно думать, что въ непремѣнномъ членѣ предполагалось лицо, спеціально завѣдывающее крестьянскими дѣлами, посредствующее между крестьянскими сословными учрежденіями и уѣзднымъ присутствіемъ и облегчающее своею преимущественною дѣятельностію, по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію уѣзднаго присутствія, прочихъ членовъ. Но по обязанностямъ и способу дѣйствій, указаннымъ непремѣнному члену Положеніемъ 27 іюня, да и на практикѣ оказывается совсѣмъ иное. Всѣ обязанности, возложенныя исключительно на непремѣннаго члена, по которымъ онъ дѣйствуетъ болѣе самостоятельно, и составляющія для него излишекъ труда предъ прочими членами уѣзднаго присутствія, исчерпываются семью пунктами ст. 19 означеннаго Положенія и вытекаютъ изъ поземельныхъ отношеній крестьянъ къ бывшимъ ихъ помѣщикамъ, или касаются поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ. Послѣднее потребовало только извѣстнаго періода времени и уже давно закончено; первыхъ же въ 1875 году, когда были образованы новыя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, оставалось въ большей части губерній такъ немного и разрѣшеніе этихъ дѣлъ идетъ такимъ постепенно медленнымъ порядкомъ, что не представляетъ для непремѣннаго члена особенно важной обязанности. Всѣ другія обязанности члена уѣзднаго присутствія непремѣнный членъ несетъ наравнѣ съ прочими (за исключеніемъ уѣзднаго исправника), точно такъ-же, какъ и въ способѣ дѣйствій, въ надзорѣ за ходомъ крестьянскаго управленія и въ ревизіи волостныхъ и сельскихъ управленій никакихъ особенныхъ правъ и самостоятельности въ распоряженіяхъ непремѣнный членъ по закону не имѣетъ. Если мы часто видимъ на дѣлѣ, что непремѣнные члены болѣе другихъ членовъ присутствія исполняютъ порученій послѣдняго и вообще болѣе входятъ въ крестьянскія дѣла, то это лишь вслѣдствіе товарищескихъ отношеній ихъ къ про-

чимъ членамъ и сознанія, что, имѣя по закону преимущество предъ ними въ правахъ государственной службы, въ жалованьи и въ разъѣздныхъ деньгахъ, на нихъ, т. е. на непремѣнныхъ членахъ, лежитъ и нравственный долгъ нести болѣе труда, законъ же прямымъ указаніемъ этого на нихъ не возлагаетъ. Но, принимая на себя болѣе занятій и входя болѣе другихъ членовъ присутствія въ дѣла сельскаго и волостнаго управленія, непремѣнный членъ остается одинаково съ ними безправнымъ въ этихъ дѣлахъ и лишь передаточнымъ лицомъ, какъ и прочіе члены присутствія, за исключеніемъ исправника. Такое значеніе ихъ, въ началѣ непонятное для крестьянъ, привыкшихъ къ самостоятельности власти и распорядительности мировыхъ посредниковъ, лишаетъ непремѣнныхъ членовъ необходимаго авторитета и вліянія на крестьянскихъ должностныхъ лицъ и на дѣла крестьянскаго управленія, что, какъ мы уже высказали, настоятельно необходимо признается самими крестьянами и безъ чего крестьянское самоуправленіе, какъ бы оно ни было устроено, хорошо идти не можетъ". Принятая система выбора ведетъ къ тому, что въ должности непремѣнныхъ членовъ весьма рѣдко попадаютъ лица, искренно желающія и способныя приносить пользу дѣлу крестьянскаго управленія. „При существующихъ законныхъ условіяхъ,—говорится въ докладѣ херсонской уѣздной земской управы,—должности непремѣнныхъ членовъ, прежде всего и главнымъ образомъ, замѣщаются крупными землевладѣльцами, имѣющими не менѣе 500 десятинъ земли. Но для такихъ лицъ обязанности непремѣнныхъ членовъ являются, въ большинствѣ случаевъ, помѣхой въ ихъ частныхъ, хозяйственныхъ занятіяхъ, которыми они болѣе всего дорожатъ, и потому, принимая на себя должность непремѣннаго члена, лица эти иногда только увеличиваютъ этимъ непроизводительные расходы земства". Самые выборы непремѣнныхъ членовъ нисколько не обезпечиваютъ избранія достойнѣйшихъ людей, даже изъ весьма ограниченнаго круга лицъ, имѣющихъ по закону право быть избираемыми. „По нашему личному опыту,—говоритъ гласный череповецкаго уѣзднаго земскаго собранія, Румянцевъ,—выборы непремѣнныхъ членовъ губернскими собраніями являются дѣломъ, по малой мѣрѣ, неприличнымъ: выборъ опредѣляется двумя или тремя членами губернскаго собранія отъ даннаго уѣзда, а остальные, не имѣющіе никакого понятія о кандидатахъ, отдаютъ свои голоса въ ихъ распоряженіе; самая обстановка выборовъ при такомъ условіи является занятіемъ недостойнымъ зем-

скихъ учрежденій". При такихъ-то условіяхъ большинство непремѣнныхъ членовъ совершенно равнодушно относится къ своимъ обязанностямъ и ничего не хочетъ дѣлать; другіе же и хотѣли бы приносить посильную пользу, но позорно опускаютъ руки предъ массой предстоящаго труда и тоже предаются бездѣятельности. „Большинство непремѣнныхъ членовъ,—говоритъ гласный Румянцевъ,—въ силу условій, для ихъ выбора существующихъ, какъ со стороны мѣста ихъ избранія, такъ и ценза, ограничивающаго выборъ, а равно и въ виду права губернаторовъ наложить свое veto на избраннаго и назначить по усмотрѣнію, сознаютъ себя совершенно свободными отъ мѣстнаго ближайшаго надзора, занимаются своимъ хозяйствомъ въ деревнѣ, а если и живутъ въ городѣ, то интересуются больше казовой стороной дѣла, а не существомъ своихъ обязанностей". Точно также, по отзыву херсонской уѣздной земской управы, въ настоящее время большинство непремѣнныхъ членовъ „живетъ у себя въ деревняхъ и пріѣзжаетъ въ городъ только на засѣданія уѣзднаго присутствія. Это вызываетъ двоякаго рода неудобства: съ одной стороны крестьянамъ затрудняется доступъ къ непремѣннымъ членамъ, съ другой—канцеляріи уѣздныхъ присутствій остаются безъ надлежащаго надзора, и все дѣлопроизводство сосредоточивается исключительно и почти безконтрольно въ рукахъ вольнонаемныхъ секретарей". Что касается тѣхъ непремѣнныхъ членовъ, которые желали бы посильно работать, но не въ силахъ выполнять лежащія на нихъ обязанности, то объ нихъ мы имѣемъ слѣдующій интересный отзывъ предсѣдателя ревизіонной коммисіи кузнецкаго уѣзднаго земскаго собранія г. Иконникова: „Непремѣнный членъ, имѣя безгранично большой районъ для дѣятельности и массу дѣла, неспособенъ никогда изучить уѣздъ и его населеніе, не имѣетъ времени для какихъ бы то ни было наблюденій за жизнью и общественнымъ самоуправленіемъ и, привыкая къ вѣчно тяготѣющему надъ нимъ сознанію неисполненія долга, впадаетъ въ апатію и занимается собственно только дѣлами, не терпящими отлагательства и затрогивающими интересы вліятельныхъ избирателей".

Повидимому, самое скромное мѣсто среди членовъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ отведено уѣздному исправнику, а между тѣмъ въ его-то именно рукахъ и сосредоточена вся дѣйствительная власть надъ крестьянами. Предоставленное ему право подвергать дисциплинарнымъ взысканіямъ крестьянскихъ выборныхъ должностныхъ лицъ превратило ихъ въ низшихъ полицейскихъ

агентовъ, находящихся въ безконтрольномъ распоряженіи исправника. „Не приводя примѣровъ, которыхъ каждому извѣстно множество,—говоритъ предсѣдатель смоленской губернской земской управы г. Мельниковъ,—мы, не ошибаясь, можемъ высказать, что предоставленная исправникамъ свобода въ принятіи мѣръ къ успѣшному взысканію съ крестьянъ повинностей и право подвергать наказанію крестьянскихъ должностныхъ лицъ сдѣлали исправниковъ прямыми и почти полновластными начальниками крестьянскаго населенія въ уѣздахъ и de facto подчинили исключительно имъ все крестьянское управленіе. Во многихъ уѣздахъ вліяніе исправниковъ на крестьянъ доходитъ до того, что они чрезъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ вліяютъ на выборы и на прочія дѣла въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Такое чрезмѣрное вліяніе исправниковъ не можетъ не переходить отъ нихъ и къ прочимъ чинамъ уѣздной полиціи, такъ что низшій полицейскій чинъ, урядникъ, также караетъ по своему волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ и распоряжается начальникомъ надъ крестьянами. Излишне объяснять, на пользу-ли крестьянамъ такое преобладаніе надъ ними власти исправниковъ и полиціи вообще, и можно-ли ожидать правильнаго развитія крестьянскаго самоуправленія при полицейскомъ произволѣ. Притомъ нельзя не обратить вниманія на одно обстоятельство, которое клонитъ къ еще большей невыгодѣ для крестьянъ преобладаніе надъ ними власти исправниковъ. Большая часть послѣднихъ не принадлежитъ къ уѣздамъ и даже къ губерніямъ, въ которыхъ они служатъ. Назначаются они на половину изъ чиновниковъ и вообще изъ людей, незнакомыхъ съ бытомъ, понятіями и имущественными средствами крестьянъ и завѣдываемаго ими уѣзда въ частности. Слѣдствіемъ этого - совершенно индифферентное отношеніе исправника къ крестьянамъ, распоряженіе и взысканіе, часто непрактичное и не достигающее цѣли, но тяжело отзывающееся на крестьянахъ; со стороны же крестьянъ—подчиненіе власти и страхъ передъ нею вмѣсто уваженія и довѣрія къ ней". Еще рѣзче отзывается непремѣнный членъ чухломскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія о вліяніи чрезмѣрно усилившейся власти исправника какъ на крестьянское управленіе, такъ и вообще на благосостояніе крестьянскаго населенія: „Предоставленіе исправнику единоличной, самостоятельной власти въ крестьянскомъ присутствіи по Положенію 27 іюня 1874 г., съ правомъ наложенія взысканія, какъ и цѣлымъ присутствіемъ, ведетъ ча-

сто, какъ дознано на опытѣ, къ противорѣчивымъ распоряженіямъ какъ присутствія, такъ въ особенности отдѣльныхъ членовъ, законныя требованія которыхъ часто не исполняются, и только по особымъ понужденіямъ присутствія, что ведетъ къ медленности дѣлъ. Волостныя и сельскія власти сбиваются и не знаютъ, чье распоряженіе скорѣе исполнять. Волостные старшины и сельскіе старосты, боясь быть подвергнутыми взысканію единоличной властью исправника за неудовлетворительность сбора казенныхъ податей, заботятся только о взысканіи однихъ податей, отдавая полное преимущество казеннымъ податямъ, а на оброчныя земскія и мірскія повинности обращаютъ менѣе вниманія и приступаютъ ко взысканію таковыхъ послѣ сроковъ, когда по жалобамъ губернскому начальству поступаютъ понужденія и успѣла уже накопиться недоимка, которая остается, и заботятся только о пополненіи текущихъ оброковъ и земскихъ налоговъ. Старосты и старшины сдѣлались только сборщиками податей, а не почетными блюстителями общественнаго порядка, и объ исполненіи другихъ своихъ весьма важныхъ обязанностей по общественному крестьянскому управленію, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе волости, вовсе перестаютъ думать и относятся къ таковымъ нерачительно и равнодушно, такъ что при такомъ порядкѣ крестьянское общественное управленіе потеряло всякое значеніе: никто не заботится объ общественномъ благоустройствѣ: поля остаются не засѣянными, вездѣ завелись шинки; проживаніе безъ паспортовъ, праздношатательство, нищенство сдѣлались явленіями обыкновенными, отчего самыя подати стали съ трудомъ собираться, — никому не хочется за нерачительныхъ платить повинности. Въ послѣднее время стало замѣтно, что болѣе зажиточные и исправные общественники, чтобъ избавиться отъ избранія въ сельскіе старосты и старшины, отказываются отъ земли и переходятъ въ другія сословія, — явленіе несовсѣмъ отрадное; между тѣмъ какъ Положеніе 19-го февраля 1861 года заботилось, чтобъ у крестьянъ не было бездомниковъ и сельское населеніе привыкало къ труду и осѣдлости, — прежде переходы крестьянъ въ мѣщанство были рѣдки. Почетная должность сельскаго старосты и даже волостнаго старшины въ глазахъ крестьянъ унизилась и сравнялась съ сотскими, потому что какъ первыми — старостами и старшинами, такъ и вторыми — сотскими — распоряжается полиція по своему усмотрѣнію и подвергаетъ взысканію и штрафамъ за невзысканіе податей, хотя и въ лицѣ исправника". Подобную

же характеристику приниженнаго положенія выборныхъ крестьянскихъ властей подъ давленіемъ полицейской власти сдѣлалъ гласный череповецкаго уѣзднаго собранія, Румянцевъ. „Мы уже не говоримъ,—сказано въ запискѣ его,—о томъ приниженномъ положеніи, въ которомъ находятся поголовно всѣ сельскіе старосты, но и волостные старшины подлежатъ такому энергическому заплеванію со стороны дѣятельныхъ гг. исправниковъ и становыхъ, желающихъ отличиться, что волосъ становится дыбомъ. Прямымъ, естественнымъ послѣдствіемъ такого приниженнаго положенія выборныхъ лицъ является то, что отъ должностей этихъ мало-мальски порядочные люди сторонятся—откупаются, и, за весьма малыми исключеніями, въ этихъ должностяхъ является самый послѣдній, непутящій народъ. Чины полиціи, лишенные образовательнаго ценза, за эти шесть лѣтъ ихъ усиленной дѣятельности по крестьянскому самоуправленію довершили его распаденіе, унизивъ представителей этого сословія до положенія почти худшаго, чѣмъ крѣпостное".

При столь сильномъ подчиненіи полицейскимъ властямъ и при тѣхъ многочисленныхъ ограниченіяхъ въ области права, которыя ставятъ крестьянство въ приниженное положеніе сравнительно съ другими общественными классами, само собою понятно, что въ крестьянской средѣ, хотя и могутъ существовать на-показъ, заимствованныя извнѣ, формы общественнаго самоуправленія, но истиннаго, дѣйствительнаго самоуправленія быть не можетъ. Волостное и сельское выборное управленіе у насъ служитъ плохою декораціей, за которою скрывается власть полицейскаго чиновника—единственный рычагъ, приводящій въ движеніе всю систему такъ называемаго крестьянскаго самоуправленія. Волость, какъ справедливо замѣчаетъ записка гласныхъ тверскаго губернскаго земскаго собранія, „не есть естественная, органическая единица, созданная самою жизнью, но есть учрежденіе искусственное, сочиненное для цѣлей внѣшнихъ, полицейскихъ и фискальныхъ". Она,—по словамъ доклада таврической губернской земской управы,—„не есть органическое соединеніе нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, вытекающее изъ дѣйствительной потребности ихъ соединяться въ волостномъ сходѣ, а лишь административное, искусственное соединеніе нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, часто не имѣющихъ никакихъ общественныхъ интересовъ; оттого для хозяйственныхъ дѣлъ крестьянъ не представляется надобностей ни въ волости, ни въ ея волостномъ сходѣ. Хотя въ законѣ и говорится, что сходъ завѣдуетъ хозяйственными дѣлами цѣлой

волости и предметами общественнаго призрѣнія, но на дѣлѣ этого никогда не бываетъ, что служитъ лучшимъ доказательствомъ безполезности волости для этой цѣли. Разсматривая за нѣсколько лѣтъ вѣдомости мірскихъ расходовъ Таврической губерніи, оказывается, что ни въ одной русской волости нѣтъ волостныхъ сборовъ ни на предметы, относящіеся до хозяйственныхъ надобностей цѣлой волости, ни на предметы общественнаго призрѣнія. Всѣ подобнаго рода расходы пріурочены къ сельскому обществу. Такъ: школы, фельдшера, оспопрививатели, содержаніе и ремонтъ церквей - все это относится къ сельскимъ, а не волостнымъ расходамъ, и къ заботамъ сельскаго, а не волостнаго схода". Въ настоящее время, по замѣчанію гласнаго варнавинскаго уѣзднаго земскаго собранія, Лебедева, волостныя правленія „превратились или отдались сложившимися обстоятельствами въ учрежденіе чисто полицейское и утратили всякое значеніе и вѣрованіе народа въ ихъ самостоятельность и защиту крестьянскаго права". По словамъ кременчугскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, волостное правленіе—„этотъ главнѣйшій органъ крестьянскаго самоуправленія, исключительно содержимый на средства крестьянскаго сословія, превратился во всесословный исполнительный органъ всѣхъ постороннихъ вѣдомствъ и всѣхъ учрежденій. Съ требованіями исполненія къ нему обращаются уѣздная полиція, земство, судебныя мировыя учрежденія, судебные слѣдователи, межевая коммисія, управленіе государственныхъ имуществъ, казенная палата, воинское присутствіе и проч. Для удовлетворенія этихъ требованій направлена вся энергія и вся дѣятельность старшины и писаря и дѣло крестьянское играетъ второстепенную роль". Входя въ ближайшее разсмотрѣніе теперешняго положенія волостныхъ правленій, коммисія кинешемскаго уѣзднаго земства дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія: „Волостныя правленія въ законномъ составѣ существуютъ только на бумагѣ и сельскіе старосты не только въ сроки, указанные въ 88 ст. Общ. Полож., но и когда бы то ни было, не собираются въ правленіи для разрѣшенія дѣлъ, указанныхъ въ 89 и 90 ст. Общ. Полож., на правахъ членовъ коллегій. Если старосты и бываютъ въ правленіяхъ, то единственно за полученіемъ приказаній отъ волостныхъ старшинъ, въ качествѣ подчиненныхъ имъ лицъ, и для полученія распоряженій судебныхъ и административныхъ мѣстъ и лицъ. Никакихъ особыхъ засѣдателей, въ помощь старшинѣ, нигдѣ не избирается и ни по какимъ вопросамъ стар-

шины съ сельскими старостами, какъ это предположено ст. 89 Общ. Полож., не совѣтуются. Итакъ, фактически, волостныя правленія не суть учрежденія коллегіальныя, а состоятъ повсюду изъ единоличной власти старшины. Единственнымъ руководителемъ по всѣмъ дѣламъ въ правленіи, въ большинствѣ случаевъ, является волостной писарь, назначаемый обществомъ крестьянъ, какъ значится въ ст. 113 Общ. Полож., а въ сущности тѣми же волостными старшинами, или же присутствіями по крестьянскимъ дѣламъ по праву, предоставленному послѣднимъ примѣчаніемъ къ 115 ст. того же Положенія". Что же касается характера отношеній волостныхъ правленій къ живымъ, насущнымъ интересамъ будто бы самоуправляющейся крестьянской волости, то, по замѣчанію гласнаго дмитріевскаго уѣзднаго земскаго собранія, г. Кусакова, со стороны волостныхъ правленій „мы видимъ самоуправство, безконтрольность, растраты мірскихъ суммъ, злоупотребленія волостныхъ писарей, а крестьянамъ, вслѣдствіе всего этого, часто приходится приплачивать, сверхъ законныхъ окладовъ, еще незаконные". Такая полная неудача, постигшая попытку ввести волостное самоуправленіе, не служитъ ли доказательствомъ неспособности крестьянъ завѣдывать своими дѣлами безъ посторонней опеки? Задавшись этимъ вопросомъ, московская уѣздная земская управа высказываетъ слѣдующія любопытныя замѣчанія: „Трудно допустить, чтобы крестьяне, обнаруживающіе чрезвычайную способность къ разрѣшенію самыхъ сложныхъ вопросовъ по распоряженію мірскими землями, по всевозможнымъ разсчетамъ по разверсткѣ и уравненію земельныхъ участковъ и т. п., были лишены способности къ правильному веденію денежнаго общественнаго хозяйства, къ установленію разумныхъ способовъ учета своихъ должностныхъ лицъ, — словомъ, къ самостоятельному управленію своими мірскими дѣлами. Если, несмотря на фактическую свободу и отсутствіе надзора и вмѣшательства со стороны начальства, крестьянское самоуправленіе не получило развитія и не упрочилось, если и теперь, черезъ 20 лѣтъ свободы и самоуправленія, крестьяне не научились такому простому дѣлу, какъ повѣрка дѣйствій ихъ выборныхъ должностныхъ лицъ, то причину этого слѣдуетъ искать въ тѣхъ стѣсненіяхъ, которымъ подвергались крестьянскія общества со стороны учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, несмотря на невмѣшательство послѣднихъ. Контроль надъ должностными лицами, предоставленный закономъ самимъ обществамъ, ускользнулъ изъ ихъ рукъ, потому

что надъ ними установилась другая контрольная инстанція, помимо которой общества не могутъ дѣйствовать. Бездѣятельность этой инстанціи, медленность ея дѣйствій, результатомъ которой стало то явленіе, что „признаки проступковъ должностныхъ лицъ нерѣдко утрачиваютъ свой первоначальный и дѣйствительный характеръ", привела къ тому, что значеніе крестьянскихъ должностныхъ лицъ исказилось: эти лица обратились въ начальство, облеченное властью и въ глазахъ міра безотвѣтственное, и мало по-малу надзоръ общества за ихъ дѣйствіями прекратился. Отсюда почти безграничное вліяніе волостнаго старшины, писаря, иногда даже старосты".

Во главѣ крестьянскаго волостнаго управленія стоитъ волостной старшина, должность котораго лишена всякой самостоятельности, вслѣдствіе давленія полицейской власти, облеченной чрезмѣрно обширными правами. „Положеніе 19 февраля 1861 года,—говоритъ лубенское уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе— учредивши общественное управленіе сельскихъ обществъ и волостей, имѣло въ виду исключительно крестьянскія дѣла. Но постепенно одинъ изъ главныхъ факторовъ этого управленія, волостной старшина, утрачиваетъ характеръ органа общественнаго управленія и обращается въ самый низшій органъ государственнаго управленія. Всѣ правительственныя учрежденія, завѣдывающія управленіемъ уѣзда, функціонируютъ чрезъ волостнаго старшину и только лишь при его участіи. При такомъ положеніи дѣлъ, въ дѣятельности волостнаго старшины завѣдываніе крестьянскими дѣлами отходитъ на послѣдній планъ". Положеніе волостнаго старшины предъ многочисленнымъ начальствомъ, съ одной стороны, и предъ крестьянами - съ другой—до такой степени затруднительно и невыносимо, что даже самое жалованье не привлекаетъ на эту должность честныхъ, хорошихъ людей, сознающихъ человѣческое достоинство. „Если принять въ соображеніе,—говоритъ кременчугское уѣздное присутствіе,—что старшина исключительно избирается изъ самыхъ зажиточныхъ домохозяевъ, который въ собственномъ своемъ хозяйствѣ потеряетъ несравненно больше имъ получаемаго; когда сообразить, насколько принижается его значеніе, которымъ онъ до того пользовался въ общественной средѣ, и насколько оскорбляется его нравственное чувство примѣненіемъ къ нему мѣръ дисциплинарной власти, насколько онъ подверженъ имущественной отвѣтственности за могущія быть взысканія по общественному достоянію, бывши, по причинѣ своей неграмотности,

въ полномъ распоряженіи вольнонаемнаго волостнаго писаря, —не удивительно будетъ, что отъ этой должности бѣгутъ лучшіе люди. Найдутся люди замѣстить эту должность, но не въ виду льстящаго ихъ самолюбію положенія, а въ виду возможности воспользоваться тѣмъ, что представляетъ это положеніе". По словамъ лубенскаго уѣзднаго присутствія, „въ волостные старшины идутъ люди, вкусившіе прелестей власти, съ цѣлью матеріальныхъ выгодъ. Ни одинъ дѣйствительно уважаемый и достойный домохозяинъ не пойдетъ въ волостные старшины, объясняя это тѣмъ, что онъ не желаетъ быть помыкаемъ каждымъ и сидѣть въ арестантскихъ. Исключительное право уѣздныхъ исправниковъ подвергать старшинъ аресту утвердило крестьянъ въ этомъ мнѣніи". Точно также прилуцкое уѣздное присутствіе высказываетъ, что „въ настоящее время волостныя правленія и волостные урядники находятся въ зависимости и подъ распоряженіемъ всѣхъ почти безъ исключенія учрежденій и лицъ, какую-либо власть имѣющихъ. Начиная отъ общихъ и мировыхъ судебныхъ установленій, губернскихъ и полицейскихъ управленій и кончая становыми и даже конно-полицейскими урядниками, всѣ имъ приказываютъ, предписываютъ и требуютъ исполненія ихъ предписаній, а въ лицѣ уѣзднаго исправника и становаго пристава налагаютъ на нихъ штрафы и аресты. Если къ этому присоединить еще и право непремѣннаго члена единолично карать волостныхъ старшинъ, то значительная часть службы старшинъ будетъ занята отсиживаніемъ арестовъ, а сами они будутъ окончательно сбиты съ толку... При такомъ положеніи волостныхъ старшинъ весьма естественно то явленіе, что часто самые лучшіе и почтенные люди уклоняются отъ принятія этихъ должностей, а принимаютъ ихъ люди, разсчитывающіе вымѣстить свое незавидное служебное положеніе на мошенничествѣ и притѣсненіи подчиненныхъ имъ крестьянъ". Не менѣе рѣзкими и характерными чертами обрисовываетъ униженное положеніе волостныхъ старшинъ гласный варнавинскаго уѣзднаго земскаго собранія, Лебедевъ. По его словамъ, „превращеніе должностей волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ въ самыхъ низшихъ служителей фискальнымъ и полицейскимъ цѣлямъ повело къ тому, что всѣ порядочные люди отъ этихъ званій откупаются предъ обществомъ виномъ и идутъ лишь люди, имѣющіе цѣлью наживу и разгулъ. Да иначе и быть не можетъ. Какой истинный представитель народа согласится быть волостнымъ старшиной, когда всякій шагъ

его парализуется униженіемъ его предъ народомъ? Всякое должностное лицо въ уѣздѣ, начиная съ урядника, возлагаетъ на него всевозможныя обязанности, присущія только низшему полицейскому служителю, а при малѣйшемъ уклоненіи отъ исполненія ихъ неминуемо слѣдуютъ замѣчанія, выговоры, штрафы и аресты". По словамъ гласнаго смоленскаго уѣзднаго земскаго собранія, г. Черевина, крестьянское такъ называемое самоуправленіе дошло до такого окончательнаго паденія, что „въ волостные старшины крестьяне выбираютъ того, кого имъ прикажутъ". Вообще волостные старшины до такой степени дурно зарекомендовали себя въ глазахъ народа, что таврическая губернская земская управа ожидаетъ даже особеннаго благополучія для крестьянъ отъ упраздненія этой должности. Тогда, по мнѣнію управы, „устранится незаконное и вредное вліяніе на мірскія дѣла волостныхъ канцелярій, кабатчиковъ, міроѣдовъ, опирающихся теперь на власть старшины для своего далеко не безкорыстнаго вмѣшательства въ дѣла крестьянъ и ихъ сходовъ".

Сельское управленіе находится въ такомъ же точно униженномъ положеніи, въ такомъ же подчиненіи полиціи, какъ и волостное управленіе. Все, что было сказано о волостномъ старшинѣ, съ одинаковою справедливостью можетъ быть повторено относительно сельскихъ старостъ. „Съ первыхъ поръ установленія сельскаго управленія,—говоритъ кременчугское уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе,—въ сельскіе старосты выбирались лучшіе люди по способностямъ и самые авторитетные въ средѣ своего общества; они высоко цѣнили почетъ, оказанный имъ выборомъ. Но когда пылъ поостылъ, когда староста, не вознаграждаемый за свой служебный трудъ, увидалъ, что выполненіе возложенныхъ Положеніемъ на него обязанностей забираетъ у него все время, а вслѣдствіе этого вызываетъ полное разстройство его хозяйства; когда онъ увидѣлъ трудность выполнить требованія со стороны прежде бывшихъ и вновь установленныхъ различныхъ учрежденій, за невыполненіе которыхъ своевременно на него падаетъ отвѣтственность и дисциплинарныя взысканія,—тогда, прослуживъ трехлѣтіе, такой староста предъявлялъ право свое, на основаніи ст. 119 Общ. Полож. о крест., отказаться отъ выборной службы. Общество, сознавая основательность поводовъ, признало справедливымъ такую тяготу разложить на всѣхъ своихъ членовъ, и выборная должность старосты перешла въ очередную". По словамъ лубенскаго уѣзднаго присутствія, „въ сель-

скіе старосты сходы назначаютъ на одинъ годъ по очереди, причемъ очередь никогда не доходитъ до богатыхъ и уважаемыхъ людей,—они всегда откупятся,—и выбираются исключительно бѣдные и преимущественно сомнительной репутаціи. Самая большая награда старостѣ—удалить его съ занимаемой должности". Точно также, по замѣчанію гласнаго кузнецкаго уѣзднаго земскаго собранія, г. Лебедева, сельскіе старосты, подобно тому, какъ и волостные старшины, порабощены и принижены властью исправника. Г. Лебедевъ увѣряетъ, что отъ этихъ должностей бѣгутъ всѣ порядочные и зажиточные мужики, потому что ихъ тяготитъ произволъ полиціи и та безцеремонность въ обращеніи съ должностными лицами крестьянскаго самоуправленія, благодаря которой крестьяне теряютъ всякое уваженіе къ своимъ старостамъ и старшинамъ. А между тѣмъ этимъ сельскимъ старостамъ, обратившимся въ безпрекословныхъ исполнителей приказаній полиціи и утратившимъ всякое уваженіе крестьянъ, предоставлена закономъ обширная власть, по своему личному усмотрѣнію, подвергать крестьянъ взысканіямъ, какъ-то: арестовать до двухъ дней, штрафовать до рубля, назначать на общественныя работы до двухъ дней. „Невольно рождается вопросъ,—говоритъ по этому поводу таврическая губернская земская управа,—отчего въ то время, какъ мѣщане, ремесленники и разночинцы не подвергаются взысканію иначе, какъ по суду, крестьяне, составляющіе большинство населенія, лишены этого, ограждающаго ихъ личность, права? Нѣтъ сомнѣнія, что это—остатокъ крѣпостной зависимости и если въ переходное время могло быть терпимо, то теперь, когда крестьяне сдѣлались полноправными, существованіе подобной безконтрольной власти надъ ними не имѣетъ никакого основанія".

Ограниченія въ области права, поставившія крестьянство въ приниженное положеніе сравнительно съ другими общественными классами, а равно подчиненіе органовъ крестьянскаго общественнаго управленія полицейской власти, совершенно обезличившее и доведшее до нуля наше сельское самоуправленіе,—все это оказываетъ самое тяжелое, подавляющее вліяніе на судьбы земскаго самоуправленія, подрѣзывая ему крылья, препятствуя дальнѣйшему прогрессивному развитію его. Вѣдь крестьянскіе представители составляютъ 40% въ общемъ составѣ земскихъ собраній,—процентъ настолько значительный, что не можетъ не оставить слѣдовъ своего вліянія на земствѣ, какую бы пассивную роль ни играли крестьянскіе гласные на земскихъ собраніяхъ. А какого вліянія можно ожи-

дать отъ нихъ? Мы не говоримъ уже о томъ, что приниженное правовое положеніе крестьянства и подчиненіе сельскаго самоуправленія, какъ правительственнымъ, такъ равно выборнымъ отъ дворянства и земства властямъ и въ особенности полиціи, открываютъ широкій доступъ для постороннихъ воздѣйствій на свободу крестьянскихъ выборовъ, чему не мало помогаютъ и недостатки принятой у насъ системы выборовъ. Забудемъ, что, попадающіе чаще всего въ гласные отъ крестьянъ, волостные старшины, писаря, старосты, кабатчики и всякаго рода кулаки являются на земскихъ собраніяхъ не представителями крестьянской массы, а покорными слугами исправника, непремѣннаго члена, предводителя дворянства, которымъ они частію подчинены, а частію прямо обязаны выборомъ въ гласные. Не говоря обо всемъ этомъ, крестьянскіе представители не могутъ имѣть тѣхъ необходимыхъ для участія въ общественныхъ дѣлахъ независимости и самостоятельности, которыя возникаютъ въ человѣкѣ изъ сознанія полноты и обезпеченности его правъ. Человѣкъ, подавленный ограниченіями въ области права, мало способенъ къ общественному самоуправленію. Если же онъ будетъ призванъ къ такому самоуправленію на ряду съ полноправными гражданами, то послѣдніе неминуемо возьмутъ верхъ надъ нимъ, подчинятъ его себѣ, сдѣлаютъ изъ него безгласное орудіе для достиженія своихъ цѣлей. А какіе принципы можетъ внести крестьянинъ въ земское самоуправленіе? Вѣдь ему негдѣ было взять и воспитать въ себѣ другихъ общественныхъ принциповъ, кромѣ тѣхъ, которые вынесены имъ изъ родной среды и воспитаны горькой практикой сельскаго самоуправленія. Поэтому, если онъ не является представителемъ народнаго протеста, то вноситъ въ земскую дѣятельность принципы безправія и рабскаго подчиненія, которые въ свою очередь вводятъ мертвящее, разлагающее начало въ земское самоуправленіе. Ему, задавленному, безправному человѣку, не дорого общественное самоуправленіе, непонятны тѣ интересы, которые преслѣдуются въ земствѣ представителями полноправныхъ общественныхъ классовъ. Сегодня онъ покорно слѣдуетъ руководству господствующей въ земствѣ партіи, а завтра идетъ противъ нея, подчиняясь вліянію неземскихъ силъ. Вотъ въ какомъ шаткомъ, непрочномъ положеніи находится все наше земское самоуправленіе, вслѣдствіе того, что крестьянство приниженно правовыми ограниченіями сравнительно съ другими классами, а сельское самоуправленіе обезличено подчиненіемъ его полицейскимъ, земскимъ и другимъ властямъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, одною изъ главнѣйшихъ общественныхъ задачъ нашего времени должно быть полное уравненіе крестьянства въ правовомъ отношеніи съ другими общественными классами и освобожденіе сельскаго самоуправленія отъ стѣсненій, налагаемыхъ на него нынѣ подчиненіемъ полицейскимъ, земскимъ и другимъ властямъ, надѣленнымъ чрезвычайно обширными правами. Безъ этого наше земское самоуправленіе будетъ еле-еле влачить жалкое существованіе и нечего разсчитывать обществу на дальнѣйшее развитіе въ немъ началъ общественнаго самоуправленія. Если же, вопреки всякимъ вѣроятностямъ, можетъ послѣдовать дальнѣйшее развитіе земскаго самоуправленія, при существующихъ правовыхъ ограниченіяхъ въ крестьянскомъ классѣ и при зависимости сельскаго, крестьянскаго управленія отъ полицейскихъ властей, въ такомъ случаѣ могутъ произойти весьма печальныя и нежелательныя послѣдствія. Тогда, при зависимомъ и приниженномъ положеніи крестьянъ, земское самоуправленіе обратится въ самоуправленіе однихъ лишь полноправныхъ классовъ и тѣмъ самымъ еще туже затянется петля, которая нынѣ стѣсняетъ свободу крестьянства. Это одинаково не можетъ быть желательно ни для правительства, ни для всѣхъ тѣхъ, кому дороги народные и вмѣстѣ общечеловѣческіе интересы.

При такой постановкѣ вопроса о дальнѣйшемъ развитіи у насъ началъ общественнаго самоуправленія, совершающаяся на нашихъ глазахъ реформа податной системы пріобрѣтаетъ громадное общественное значеніе, обѣщая въ ближайшемъ будущемъ дать новый, прогрессивный толчекъ земскому самоуправленію въ направленіи, соотвѣтствующемъ народнымъ и общечеловѣческимъ интересамъ. Существующія для крестьянъ ограниченія въ области личныхъ и общественныхъ правъ находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ существованія подушной податной системы, какъ это весьма ясно и наглядно указано въ приведенныхъ выше земскихъ отзывахъ. Какъ скоро рухнетъ и окончательно исчезнетъ эта, уже отмѣненная закономъ 28 мая 1885 года, податная система, а вмѣсто нея будетъ вполнѣ введенъ новый подоходный налогъ, вызывающій необходимость и новой системы сбора податей и налоговъ съ плательщиковъ, тогда существующія для крестьянъ ограниченія въ области права сами собою потеряютъ всякій смыслъ и значеніе, сократятся случаи вмѣшательства полиціи въ дѣла крестьянскаго, сельскаго самоуправленія, зависимость крестьянъ отъ полиціи ослабѣетъ, а правительство не будетъ болѣе имѣть

интереса въ поддержаніи полицейскаго вліянія на сельское самоуправленіе. Слѣдовательно, тогда очистится просторъ и для административной реформы, которая столько десятковъ лѣтъ уже озабочиваетъ правительство и все не удается. Словомъ, законъ 28 мая 1885 года открываетъ русскому обществу обширную перспективу, слѣдующихъ впереди, многочисленныхъ реформъ.

ВЪ ЧАДУ НОВЫХЪ ВѢЯНІЙ.

(Страница изъ исторіи земства).

I.

Правильно, или нѣтъ общественное движеніе 1880 и 1881 годовъ получило названіе „новыхъ вѣяній"? Лежали-ли въ основѣ этого движенія какіе-либо, дѣйствительно, новые для русскаго общества принципы, увлекшіе насъ своей новизною и величіемъ? Или-же, отыскивая новые принципы въ „новыхъ вѣяніяхъ", рискуешь попасть въ смѣшное положеніе того шалопая, который „по Гороховой пошелъ и гороху не нашелъ"? Все это вопросы очень интересные и изслѣдованіе ихъ, вѣроятно, составитъ громкую извѣстность какому-нибудь ученому, который лѣтъ черезъ 200 будетъ изучать по документамъ только-что пережитое нами время. А теперь говорить объ этомъ рано. Мы не будемъ предвосхищать ученую славу нашихъ праправнуковъ и безъ дальнѣйшихъ разговоровъ станемъ употреблять общепринятое названіе „новыхъ вѣяній" для обозначенія общественнаго движенія въ 1880 и 1881 годахъ.

Раньше новыхъ вѣяній тоже были свои особыя вѣянія. Они извѣстны подъ именемъ *реакціи*, которая охватила русское общество по окончаніи блестящаго „періода реформъ", прославившихъ первую половину царствованія покойнаго императора Александра II. Общество утомилось реформами, какъ будто даже испугалось, — не слишкомъ-ли далеко зашло въ преобразованіяхъ? Тогда совершился переворотъ въ общественномъ настроеніи. Широкіе общественные интересы были вы-

брошены за окно. Общество закружилось въ вихрѣ узкихъ, эгоистическихъ интересовъ, принося въ жертву имъ общественное благо. Всѣ мы ударились въ самыя азартныя спекуляціи и неудержимое, разнузданное хищничество. Всякому хотѣлось какъ можно больше и скорѣе нажить только для того, чтобы тотчасъ-же все прожить, погубить все въ безпутномъ прожиганіи жизни. Во всемъ обществѣ распространился культъ золотаго тельца, сопровождаемый неистовою вакханаліей. Понятное дѣло, что и наживали, и проживали все на счетъ народнаго труда. Между тѣмъ, матеріальные интересы народа были забыты. Мало того,— заботы о матеріальныхъ интересахъ народа въ то время считались чуть-ли не дѣломъ, грозившимъ опасностью общественному порядку. Однако, какъ ни старались гнать отъ себя мысль о матеріальныхъ нуждахъ народной массы, все-таки эта мысль продолжала тревожить спокойное наслажденіе жизнью, какъ непріятный для насъ, но очевидный и неоспоримый фактъ. По мѣрѣ того, какъ она все болѣе и болѣе распространялась въ обществѣ, люди опять начали задумываться надъ общественными вопросами, опять общественный интересъ сталъ брать верхъ надъ узкими, эгоистическими интересами, опять проснулась потребность въ общественныхъ реформахъ. Къ тому-же явные признаки наступавшаго общаго раззоренія, тяжелыя времена, смѣнившія горячку бѣшеныхъ спекуляцій, внушительно говорили, что пришелъ конецъ прожиганью жизни, что дальше нельзя такъ жить, что нужно спасать уцѣлѣвшія крохи отъ надвигающихся волнъ потопа. А тутъ еще рядъ неурожайныхъ годовъ закончился ужасною голодовкою 1880 года. Въ напуганномъ воображеніи рисовались зловѣщіе призраки, одинъ грознѣе другаго. И вотъ, подъ вліяніемъ совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ, наконецъ, совершился переворотъ въ направленіи общественной жизни.

„Новыя вѣянія“ — это былъ, какъ будто, сильный, стремительный порывъ вихря, охватившій русское общество и незамѣтно сообщившій русской жизни то направленіе, которое опредѣлилось лишь впослѣдствіи, когда успокоилось волненіе новыхъ вѣяній, разсѣялся туманъ и чадъ, въ которомъ мы находились тогда. Это былъ переходный моментъ и только... Въ смыслѣ выработки какихъ-нибудь новыхъ общественныхъ принциповъ, это было самое безплодное время. Правда, всѣ мы были преисполнены тогда благородныхъ чувствъ и стремленій, но, при всей широтѣ и возвышенности ихъ, они были неопредѣленны и расплывчаты, какъ первобытный хаосъ до

созданія міра. Оттого, когда порывъ прошелъ, туманъ разсѣялся, тогда вчерашніе друзья перестали понимать другъ друга и у насъ явилась горькая улыбка разочарованія въ томъ, передъ чѣмъ мы такъ недавно преклонялись. Да иначе и быть не могло. Подумайте,—кто-такіе были мы, дѣятели новыхъ вѣяній? Вѣдь мы—тѣ самые прожигатели жизни, которые, наканунѣ новыхъ вѣяній, знать не хотѣли никакихъ общественныхъ интересовъ, будучи охвачены одною всепожирающею жаждою обогащенія насчетъ народнаго труда. Таковы были дѣятели періода новыхъ вѣяній въ обществѣ, земствѣ, литературѣ, вездѣ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ новыхъ вѣяніяхъ нашли себѣ отраженіе, въ значительной степени, старыя вѣянія, но только въ преобразованномъ видѣ, въ перешитомъ, по новой модѣ, старомъ кафтанѣ.

Богатый матеріалъ для изслѣдованія и оцѣнки „новыхъ вѣяній" заключаетъ въ себѣ прекрасный трудъ В. Ю. Скалона „Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія". М. 1884 года. Почтенный авторъ былъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся земскихъ дѣятелей переходнаго времени. Онъ уже давно составилъ себѣ извѣстность въ качествѣ практическаго земскаго дѣятеля и вмѣстѣ публициста, занимающагося спеціально земскими вопросами. Пользуясь этою извѣстностью, онъ основалъ въ 1880 году журналъ „Земство", предназначавшійся для объединенія дѣятельности отдѣльныхъ земствъ, путемъ взаимнаго ознакомленія и обмѣна мнѣній. Едва-ли не первое и главное мѣсто въ журналѣ, во время его кратковременнаго существованія, было отведено вопросу о преобразованіи существующей у насъ системы управленія. Журналъ придавалъ громадное значеніе земскимъ работамъ по составленію проектовъ преобразованія мѣстныхъ учрежденій, ожидая самыхъ плодотворныхъ результатовъ какъ отъ этихъ работъ, такъ еще болѣе отъ поставившей себѣ однородныя, но только еще болѣе широкія задачи, Кахановской коммисіи, которую въ то время предполагалось усилить земскимъ элементомъ, въ видѣ выборныхъ свѣдущихъ людей. Такимъ образомъ, В. Ю. Скалону принадлежитъ честь весьма дѣятельнаго участія въ земскихъ работахъ по составленію проэктовъ реформы мѣстнаго управленія. Понятно, что при такихъ условіяхъ онъ расположенъ видѣть въ земской дѣятельности хорошія стороны преимущественно предъ дурными. Однако, добросовѣстность спасаетъ автора отъ одностороннихъ увлеченій, побуждая его приводить факты и даже высказывать мнѣнія наперекоръ личнымъ сим-

патіямъ. Оттого онъ нерѣдко впадаетъ въ противорѣчія, которыя замѣтны, между прочимъ, во введеніи, гдѣ авторъ бросаетъ общій взглядъ на дѣятельность земства по составленію проэктовъ реформы мѣстнаго управленія. Онъ увѣряетъ, что „призывъ правительства, встрѣченный съ полнымъ сочувствіемъ, вызвалъ въ земской средѣ давно небывалое оживленіе“, что „подлежавшее обсужденію дѣло было принято земскими людьми близко къ сердцу“, что „большинство отнеслось къ нему вполнѣ серьезно, съ тѣмъ вниманіемъ, какого оно, по важности своей, заслуживало“, что, „словомъ, земство отнеслось къ предложенной ему задачѣ вполнѣ самостоятельно, сообразно съ требованіями жизни“. Но вслѣдъ затѣмъ авторъ сознается, что „многія губернскія земскія собранія, въ очередную сессію 1881 года, когда имъ предстояло сказать окончательное слово по возбужденному вопросу, далеко не проявили того рвенія, съ которымъ трудились коммисіи и управы; нѣкоторыя собрались въ чрезвычайно маломъ составѣ; другія разошлись, не окончивъ очередныхъ дѣлъ; третьи, не придя къ опредѣленнымъ заключеніямъ, оставили вопросъ открытымъ“. Какъ согласовать этотъ фактъ безучастія земскихъ собраній съ увѣреніемъ, будто *дѣло было принято земскими людьми близко къ сердцу, что большинство отнеслось къ нему вполнѣ серьезно, съ тѣмъ вниманіемъ, какого оно заслуживало?* Авторъ старается оправдать земство ссылкою на „гнетущее впечатлѣніе, произведенное катастрофой 1-го марта“. Но онъ и самъ не настаиваетъ на этомъ объясненіи, которое слишкомъ неправдоподобно и даже прямо противорѣчитъ общеизвѣстнымъ фактамъ. Всѣмъ намъ очень хорошо памятны многочисленныя земскія заявленія, въ которыхъ прямо указывалось на необходимость преобразованій, въ видахъ уврачеванія недуга, достигшаго колоссальныхъ размѣровъ въ катастрофѣ 1-го марта.

Указывая на значеніе земскихъ работъ по вопросу о реформѣ мѣстнаго управленія, г. Скалонъ, между прочимъ, высказываетъ справедливое замѣчаніе, что онѣ представляютъ собою „историческій матеріалъ, указывающій, хотя и невсегда въ ясныхъ чертахъ, на тѣ стремленія, которыми въ переходную эпоху начала нынѣшняго десятилѣтія было проникнуто русское общество“. Съ этой, преимущественно, стороны мы и посмотримъ на земскія работы за время „новыхъ вѣяній“, воспользовавшись книгою г. Скалона.

II.

Время новыхъ вѣяній было чудесною, какъ будто волшебною порою, о которой мы теперь вспоминаемъ, какъ о чемъ-то баснословномъ, будто припоминаемъ прочитанную въ дѣтствѣ страницу изъ *Тысячи и одной ночи*. Это была пора неожиданныхъ сюрпризовъ, невѣроятныхъ превращеній, невозможной дѣйствительности, фантастическихъ сновъ на яву. Жизнь, выбившаяся изъ обычной колеи, какъ будто перевернулась вверхъ дномъ; все дѣлалось какимъ-то удивительнымъ образомъ— „разсудку вопреки, на перекоръ стихіямъ". Что ни день, то разбивались общественные кумиры, рушилось величіе, слава; наоборотъ, изъ неизвѣстности нарождались новые кумиры; дотолѣ небывалыя, или только незамѣтныя въ общественной жизни явленія быстро разростались въ цѣлыя горы, принимали такіе грандіозные размѣры, что, казалось, вотъ еще немного и совершится чудо,—синица зажжетъ море...

Поводомъ къ составленію проэктовъ реформы мѣстнаго управленія послужилъ циркуляръ гр. Лорисъ-Меликова, передававшій на обсужденіе губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и мѣстныхъ земствъ возникшіе въ разныхъ губерніяхъ вопросы и предположенія объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій Положенія 27 іюня 1874 года, въ силу котораго были учреждены присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, взамѣнъ упраздненныхъ мировыхъ посредниковъ. Въ циркулярѣ, между прочимъ, было сказано, что, „независимо отъ отзывовъ по изложеннымъ въ перечнѣ и сводѣ вопросамъ, могутъ быть представлены соображенія и о другихъ мѣрахъ по устройству мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, которыя земство или присутствія сочтутъ полезными для дѣла". Тогда въ земскихъ кружкахъ явилась мысль воспользоваться этимъ спеціальнымъ порученіемъ гр. Лорисъ-Меликова, чтобы подвергнуть обсужденію въ земскихъ собраніяхъ всю существующую систему мѣстнаго управленія. „Разсматривать вопросъ объ измѣненіяхъ въ устройствѣ мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ отдѣльно, безъ связи его съ другими вопросами мѣстнаго управленія, было-бы, по нашему мнѣнію, крайне неосторожно, — высказывала редак-

ція *Земства* по поводу министерскаго циркуляра. Подвергнуть пересмотру всю систему мѣстнаго управленія, въ видахъ введенія въ нее и крестьянскаго и земскаго управленій, какъ органическихъ составныхъ частей, — вотъ что необходимо въ настоящее время. Совѣтъ земскихъ людей, конечно, принесетъ большую пользу въ этомъ дѣлѣ". (Земство, № 9, 28-го января 1881 г.). Въ силу такихъ соображеній, земства не ограничились узкой, спеціальной задачей, указанной имъ министерскимъ циркуляромъ, но принялись за составленіе проэктовъ преобразованія всего мѣстнаго управленія. Нѣкоторыя изъ нихъ не довольствовались и этимъ, но увлеклись такими обширными планами, что правительство было вынуждено сдерживать земскую дѣятельность въ предѣлахъ, начертанныхъ для нея закономъ. Такъ, министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Игнатьевъ указалъ тверскому земству, что считаетъ направленіе земскихъ работъ выходящимъ изъ предѣловъ земскаго обсужденія и требуетъ, чтобы земская коммисія, въ дальнѣйшихъ работахъ своихъ, не выходила изъ предѣловъ правъ земства. Вообще-же правительство довольно благосклонно взглянуло на земскія работы по составленію проэктовъ реформы мѣстнаго управленія. Мало того, начатое земствомъ дѣло встрѣтило полную поддержку и поощреніе со стороны правительственной власти, выразившіяся въ учрежденіи „Особой коммисіи для составленія проэктовъ мѣстнаго управленія", или иначе Кахановской коммисіи, въ которую должны были поступить земскія работы для дальнѣйшаго обсужденія. Земцы, съ своей стороны, съ восторгомъ привѣтствовали учрежденіе Кахановской коммисіи, возлагая на нее самыя широкія надежды. Теперь земства, ободренныя первымъ успѣхомъ, распространили еще дальше свои притязанія. Явились многочисленныя земскія ходатайства о допущеніи въ Кахановскую коммисію земскихъ представителей по выбору губернскихъ земскихъ собраній. Оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ, и изъ невиннѣйшаго министерскаго циркуляра, какъ изъ сѣмени, могли вырости событія, богатыя послѣдствіями и вліяніемъ на русскую жизнь. Но, на грѣхъ, въ это самое время былъ поставленъ вопросъ, о которомъ мы, въ увлеченіи, совсѣмъ забыли: что такое земство и кто уполномочилъ къ составленію проэкта административной реформы тѣхъ самыхъ земцевъ, которые, со стороны закона и нѣкоторой части мѣстнаго населенія, участвующей въ земскихъ выборахъ, признаны благонадежными и способными для

обсужденія исключительно однихъ мѣстныхъ хозяйственныхъ вопросовъ?

18-го декабря 1881 года, въ засѣданіи харьковскаго губернскаго земскаго собранія была прочитана записка князя Вадбольскаго, подписанная 22 гласными. Въ ней трактовалось о призывѣ правительствомъ, для обсужденія важнѣйшихъ внутреннихъ вопросовъ, лицъ, свободно избранныхъ обществомъ. По прочтеніи записки раздался протестъ со стороны гласнаго В. П. Бекарюкова. — „Я не подписалъ записки, — говорилъ онъ,—и считаю нужнымъ пояснить это. Записка страдаетъ неопредѣленностью, такъ какъ не указываетъ той формы выборовъ, при которой избранные явились бы дѣйствительными представителями народной мысли. По моему мнѣнію, есть одна форма, удовлетворительная въ этомъ отношеніи: это — всенародные выборы на равномѣрныхъ правахъ“. Этотъ голосъ былъ торжественнымъ напоминаніемъ земцамъ о неумѣстности ихъ притязаній, при существующихъ условіяхъ земскаго избранія, участвовать въ разсмотрѣніи вопросовъ общегосударственной важности, въ качествѣ представителей страны. Они избраны не страною, не народомъ, но нѣкоторыми хозяйственными группами мѣстнаго населенія, и притомъ избраны для представительства не всѣхъ интересовъ страны, но исключительно однихъ хозяйственныхъ интересовъ избравшихъ ихъ группъ.

Голосъ г. Бекарюкова былъ далеко не единственнымъ напоминаніемъ земцамъ о неумѣстности съ ихъ стороны рѣшать такіе общегосударственные вопросы, о которыхъ правительство ихъ не спрашивало, а страна не уполномочивала высказываться. Въ саратовскомъ земскомъ собраніи гласный В. Ѳ. Лятошинскій предлагалъ даже совсѣмъ устраниться отъ разсмотрѣнія вопроса о преобразованіи крестьянскихъ учрежденій. согласно циркуляру графа Лорисъ-Меликова. — „Настоящій вопросъ, — говорилъ онъ, — выходитъ изъ круга дѣятельности земства, сосредоточенной исключительно на хозяйственныхъ распоряженіяхъ въ предѣлахъ губерніи, между тѣмъ, какъ данный вопросъ—государственный. И хотя обращеніе правительства къ земству, у котораго оно впервые спрашиваетъ заключенія по столь важному государственному вопросу, весьма отрадно, но тѣмъ не менѣе слѣдовало бы уклониться отъ отзыва, такъ какъ таковой могъ бы быть сообщенъ при убѣжденіи, что онъ принесетъ пользу, и при условіи, чтобы былъ высказанъ взглядъ, вполнѣ правильный и соотвѣтствующій достоин-

ству земства. Между тѣмъ сообщить такой именно отзывъ уже потому не представляется возможнымъ, что земству неизвѣстны самые предѣлы, въ которыхъ оно можетъ разсматривать данный вопросъ въ связи съ другими учрежденіями". Въ такомъ же смыслѣ высказалась коммисія нижегородскаго губернскаго земскаго собранія. Признавая, что улучшеніе крестьянскаго управленія возможно только при полномъ переустройствѣ всѣхъ уѣздныхъ учрежденій, она отказалась отъ обсужденія какихъ бы то ни было предположеній въ этомъ смыслѣ на томъ основаніи, что „разрѣшеніе послѣдней задачи выходитъ изъ предѣловъ дѣятельности земствъ, указанныхъ имъ Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, и не вызывается циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ".

Мало того, что наши земскія учрежденія юридически не компетентны въ вопросахъ, выходящихъ за границы мѣстныхъ нуждъ, но они даже не представляютъ никакой нравственной гарантіи въ томъ, что въ нихъ можетъ найти себѣ выраженіе мнѣніе страны. Они, по словамъ г. Скалона, „не могутъ быть признаны за дѣйствительные органы самоуправленія". И дѣйствительно, при существующихъ условіяхъ, лучшія общественныя силы стоятъ въ сторонѣ отъ земства, не принимаютъ никакого участія въ немъ. Конечно, это не остается безъ вліянія на дѣятельность земства, „неудовлетворительность которой,—по словамъ калужской земской коммисіи, — прежде всего обусловливается недостаткомъ способныхъ людей, которые уклоняются отъ земской дѣятельности изъ сознанія безсилія ея и безполезности". Оттого въ земской средѣ и получила довольно обширное распространеніе мысль о некомпетентности теперешняго земства въ вопросѣ о преобразованіи управленія и даже явились предположенія о возможности и необходимости „образованія избирательныхъ коллегій для даннаго случая, съ устраненіемъ недостатковъ существующихъ собраній",—мысль, совершенно вѣрная и вполнѣ согласная съ народными интересами.

Мысль о непригодности земства, въ его теперешнемъ, видѣ, для рѣшенія вопросовъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе, нашла себѣ блистательное подтвержденіе въ земскихъ работахъ по вопросу о реформѣ мѣстнаго управленія. Если мы бросимъ общій взглядъ на дѣятельность земства по составленію проэктовъ преобразованія мѣстнаго управленія, не входя въ разсмотрѣніе сущности проэктовъ, то, даже въ этомъ случаѣ, земскія работы представляются въ весьма жал-

комъ видѣ. Прежде всего здѣсь бросается въ глаза безучастное отношеніе земскихъ гласныхъ къ вопросу о реформѣ. „На ряду съ тѣмъ фактомъ, что нѣкоторыя губернскія собранія совсѣмъ не представили своихъ заключеній, слѣдуетъ замѣтить,—говоритъ г. Скалонъ,—что и тѣ мнѣнія, которыя высказаны губернскими собраніями, далеко не могутъ считаться выраженіемъ мнѣній всего земства губерніи, такъ какъ въ нѣкоторыхъ собраніяхъ оставлены даже безъ разсмотрѣнія нѣкоторыя весьма существенныя соображенія уѣздныхъ земствъ. Притомъ число принимавшихъ участіе въ разрѣшеніи вопроса гласныхъ во всѣхъ собраніяхъ было весьма незначительно, рѣдко доходя до половины, такъ что абсолютное большинство наличныхъ гласныхъ составляло лишь небольшую часть полнаго состава собранія". Даже участвовавшіе въ земскихъ собраніяхъ гласные нисколько не интересовались реформой мѣстнаго управленія, и какъ только дѣло доходило до разсмотрѣнія проэктовъ, тотчасъ, безъ оглядки, удирали по домамъ. Такъ случилось въ саратовскомъ губернскомъ земскомъ собраніи.

При обсужденіи въ земствѣ вопросовъ, предложенныхъ циркуляромъ гр. Лорисъ-Меликова, произошла ужасная безтолочь и путаница. Одни земства ограничились отвѣтами на предложенные вопросы, не рѣшаясь выдти изъ законныхъ границъ своей компетенціи. Другія совсѣмъ не касались вопросовъ, а вмѣсто того представили цѣлые проэкты реформы мѣстнаго управленія. Такимъ образомъ, мы не знаемъ мнѣнія земствъ, стоявшихъ на законной почвѣ, и только одни земства, превысившія права, благодаря своей смѣлости, привлекли вниманіе правительства къ своимъ мнѣніямъ, выходящимъ изъ предѣловъ земской компетенціи. При томъ же земскіе проэкты реформы мѣстнаго управленія не могутъ имѣть серьезнаго значенія и потому уже, что они являются выраженіемъ мнѣнія ничтожнаго и притомъ чисто случайнаго большинства гласныхъ въ земскихъ собраніяхъ. „Проэкты, выработанные управами и коммисіями,—говоритъ г. Скалонъ,—встрѣчая сочувствіе и энергическую поддержку одной части гласныхъ, вызывали рѣшительную опозицію со стороны другихъ; тѣ или другія рѣшенія принимались большинствомъ, настолько незначительнымъ, что случайное измѣненіе въ составѣ собранія влекло за собою перерѣшеніе вопроса, въ смыслѣ противоположномъ первоначальному рѣшенію". Напримѣръ, въ казанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи вопросъ о всесослов-

ной волости баллотировался дважды: въ первый разъ всесословная волость принята большинствомъ 15-ти голосовъ противъ 14, но вслѣдъ затѣмъ она была отвергнута большинствомъ 16-ти голосовъ противъ 15. Въ тамбовскомъ губернскомъ земскомъ собраніи изъ 100 гласныхъ участвовали въ разсмотрѣніи проэктовъ только 43 человѣка, да и тѣ раздѣлились на двѣ партіи, причемъ одна изъ нихъ составила большинство изъ 24 голосовъ, а другая меньшинство изъ 19 голосовъ. Та и другая партіи представили министру свои особыя мнѣнія. Московское губернское земское собраніе сначала большинствомъ почти 2/3 голосовъ высказалось за упраздненіе теперешней крестьянской волости и приняло всесословную волость, но потомъ снова большинство собранія приняло предложеніе о сохраненіи крестьянской волости съ теперешнимъ устройствомъ. Подобныхъ случаевъ разсказано не мало въ книгѣ г. Скалона и всѣ они наглядно убѣждаютъ, что земскіе отзывы и проэкты реформы мѣстнаго управленія далеко не имѣютъ той авторитетности, какую придавала имъ печать во время „новыхъ вѣяній", въ этотъ незабвенный періодъ самыхъ благородныхъ и возвышенныхъ, но слишкомъ наивныхъ и необдуманныхъ увлеченій.

Между тѣмъ въ 1881 году никто какъ будто и не замѣчалъ недостатковъ въ земскихъ работахъ, которымъ придавалось серьезное значеніе и на которыя возлагались самыя преувеличенныя надежды. Само правительство придавало земскимъ проэктамъ очень большую важность, наравнѣ съ другимъ выдающимся дѣломъ „новыхъ вѣяній",—сенаторскими ревизіями. Въ правительственныхъ сферахъ явилось предположеніе воспользоваться какъ сенаторскими ревизіями, такъ и земскими проэктами для выработки, на основаніи ихъ, проэкта административной реформы. Въ этихъ видахъ, въ концѣ 1881 г., было испрошено Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, особой коммисіи для составленія проэктовъ о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ административныхъ учрежденій, а также о соотвѣтственномъ измѣненіи въ учрежденіяхъ земскихъ, городскихъ и крестьянскаго управленія. На разсмотрѣніе коммисіи было Высочайше повелѣно передать всѣ, заключающіяся въ отчетахъ сенаторовъ, свѣдѣнія и предположенія по возложенному на коммисію дѣлу, а также постановленія присутствій по крестьянскимъ дѣламъ и земскихъ собраній по преобразованію крестьянскихъ учрежденій. По поводу передачи

всѣхъ этихъ документовъ на обсужденіе коммисіи, въ „правительственномъ сообщеніи“ было высказано, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе: „Всѣ данныя, соображенія и заключенія, полученныя такимъ образомъ правительствомъ, касаясь каждое тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ мѣстностей и вопросовъ, потребуютъ ближайшаго совокупнаго соображенія для опредѣленія устройства мѣстнаго управленія, проникнутаго во всѣхъ своихъ частяхъ единствомъ руководящаго начала, съ возможнымъ уменьшеніемъ числа отдѣльныхъ учрежденій и присутствій, усиленіемъ мѣстной разрѣшающей власти вообще и сокращеніемъ стѣсняющихъ формальностей. Осуществленіе этого условія, вызывая необходимость установленія живой свя зи между администраціей и общественнымъ управленіемъ, а такъ-же точнаго разграниченія ихъ правъ, и обязанностей, съ опредѣленіемъ ихъ прямой отвѣтственности, повлечетъ за собою нѣкоторый пересмотръ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій“. Такова ближайшая связь между земскими проэктами реформы мѣстнаго управленія и задачами Кахановской коммисіи. Если земскіе проэкты отчасти послужили поводомъ къ учрежденію коммисіи, то, въ свою очередь, и учрежденіе коммисіи не могло остаться безъ вліянія на земскія работы. По крайней мѣрѣ редакція „Земства“ указывала на учрежденіе Кахановской коммисіи, какъ на обстоятельство, побуждающее земскихъ дѣятелей къ усиленію дѣятельности по составленію проэктовъ. „Постановка на очередь вопроса объ административной реформѣ“,—говорилось въ редакціонной статьѣ 4 ноября 1881 года, —„вполнѣ соотвѣтствуя желанію большинства земскихъ дѣятелей, должна, по нашему мнѣнію, вызвать оживленіе въ предстоящихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ. Если неопредѣленный намекъ на предоставленіе земскимъ учрежденіямъ права „представить соображенія и о другихъ мѣрахъ по устройству учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ“ далъ поводъ приступить къ выработкѣ основаній реформы всего мѣстнаго управленія, то теперь представляется тѣмъ болѣе побужденій для усиленной разработки этого вопроса, что постановленія земскихъ собраній должны послужить Высочайше учрежденной коммисіи матеріаломъ для выполненія возложенной на нее задачи“.

Кахановская коммисія, закрытая въ 1885 году и передавшая всѣ свои труды въ министерство внутреннихъ дѣлъ, съиграла роль могильщика въ отношеніи земскихъ проэктовъ. Правда, на первыхъ порахъ она вызвала въ земствѣ нѣкото-

рое оживленіе, выразившееся въ ходатайствахъ о предоставленіи земству права выбора свѣдущихъ людей. Но вслѣдъ затѣмъ она же способствовала успокоенію, замиренію земства, полному забвенію земскихъ проэктовъ о реформѣ мѣстнаго управленія. Земцы не имѣли болѣе основаній толковать о реформѣ послѣ того, какъ ихъ проэкты были переданы на разсмотрѣніе коммисіи. Къ тому же „новыя вѣянія“ кончились и у земцевъ прошла всякая охота снова поднимать вопросъ о реформѣ. Впрочемъ, эта судьба постигла не одни только земскіе проэкты. Погребая ихъ въ могилѣ, Кахановская коммисія неминуемо должна была и сама раздѣлить ихъ участь. Она не имѣла твердыхъ и прочныхъ основаній для своихъ работъ. Основаніемъ для нея послужили земскіе проэкты, которые, не говоря о содержаніи ихъ, по самому происхожденію, были лишены всякаго юридическаго и нравственнаго авторитета. Это были просто мнѣнія нѣсколькихъ Ивановъ Ивановичей, которые, утомясь заниматься земскими дѣлами, дозволили себѣ развлеченіе, въ видѣ составленія проэктовъ по дѣламъ, не входящимъ въ кругъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій. Земство, въ его полномъ составѣ, тутъ оставалось ни при чемъ, а была работа только нѣсколькихъ Ивановъ Иванычей, которые, къ тому же, на земскихъ собраніяхъ перессорились между собою, раздѣлились на партіи и составили совершенно противоположные проэкты. Эти партіи и ихъ раздоры перешли, вмѣстѣ съ проэктами, изъ земскихъ собраній въ Кахановскую коммисію, труды которой раздвоились, представляя собою проэкты большинства и несходные съ ними проэкты меньшинства. Мало того,—какъ въ земскихъ собраніяхъ одни и тѣ же положенія при первоначальной баллотировкѣ принимались, а при вторичной отвергались,—такъ же точно и въ Кахановской коммисіи нѣкоторые члены, съ теченіемъ времени, перемѣняли свои мнѣнія и, вслѣдствіе этого, по словамъ правительственнаго сообщенія, „совѣщанію пришлось возвращаться къ новому обсужденію вопросовъ по замѣчаніямъ отдѣльныхъ членовъ, возбуждавшихъ нѣкоторыя существенныя сомнѣнія относительно многихъ, принятыхъ ими первоначально, основаній и предположеній“. Словомъ, причина неудачи, постигшей труды Кахановской коммисіи, заключалась въ коренныхъ недостаткахъ, лежавшихъ въ основѣ земскихъ работъ по составленію проэктовъ реформы мѣстнаго управленія.

III.

Земскіе проэкты реформы мѣстнаго управленія обнимаютъ собою всѣ уѣздныя учрежденія, такъ что по книгѣ г. Скалона мы можемъ воспроизвести полную и подробную картину той организаціи уѣзда, какой домогались наши земцы въ періодъ „новыхъ вѣяній". Къ сожалѣнію, избранная г. Скалономъ система изложенія не совсѣмъ удобна. Онъ начинаетъ съ проэктовъ устройства сельскихъ обществъ и волостей, затѣмъ переходитъ къ организаціи собственно уѣздныхъ учрежденій и, остановившись подробно на устройствѣ полиціи, заканчиваетъ земскими учрежденіями. При такой системѣ изложенія, читатель до послѣднихъ страницъ книги остается въ полномъ невѣдѣніи, что слѣдуетъ разумѣть подъ тѣмъ будущимъ земствомъ, которое подчиняетъ своему исключительному вліянію весь уѣздъ. Въ головѣ образуется туманъ, состоящій изъ безформенныхъ представленій, „всесословности, выборнаго начала" и другихъ подобныхъ же фразъ, которыя въ дѣйствительности, въ жизни имѣютъ многоразличный и въ иныхъ случаяхъ противоположный смыслъ, смотря по тому реальному содержанію, которое въ нихъ вложено. Чтобы устранить замѣченный недостатокъ, мы будемъ держаться совершенно обратнаго порядка при изложеніи земскихъ проэктовъ реформы. Мы начнемъ съ верхушки и головы всего уѣзднаго управленія, съ земства, и отсюда прослѣдимъ шагъ за шагомъ какъ оно сначала подчиняетъ себѣ всѣ существующія уѣздныя учрежденія и послѣ этого, наконецъ, уничтожаетъ крестьянское самоуправленіе. При этомъ нужно замѣтить, что земство, какъ извѣстная форма общественнаго самоуправленія, пріобрѣтаетъ жизненное значеніе, прежде всего, отъ преобладающихъ въ немъ и правящихъ общественныхъ элементовъ, а затѣмъ уже отъ объема своихъ полномочій. Поэтому, при разсмотрѣніи земскихъ проэктовъ, предоставляющихъ земству рѣшительное вліяніе во всѣхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія, первое мѣсто должно принадлежать вопросу: какому общественному элементу принадлежитъ правящая роль въ земствѣ, какъ по дѣйствующимъ нынѣ законамъ, такъ и по земскимъ проэктамъ реформы мѣстнаго управленія.

По Положенію о земскихъ учрежденіяхъ, къ участію въ земствѣ привлечены, главнымъ образомъ, представители зем-

левладѣнія — сельскія общества и уѣздные землевладѣльцы, вмѣстѣ съ которыми, на одинаковыхъ правахъ, допущены владѣльцы и другихъ недвижимыхъ имуществъ, а также промышленныхъ и хозяйственныхъ заведеній въ уѣздѣ, не ниже извѣстной цѣнности. Уѣзднымъ землевладѣльцамъ данъ нѣкоторый перевѣсъ надъ сельскими обществами, такъ какъ первымъ предоставлено посылать въ земскія собранія 6,405 гласныхъ, а послѣднимъ только 5,529. Вообще на 100 гласныхъ приходится землевладѣльцевъ 47,1, крестьянъ 40,3, городскихъ представителей 12,6; если же не считать городскихъ гласныхъ, то землевладѣльцы составляютъ въ собраніяхъ 53,7, а крестьяне 46,3. Неравномѣрность земскаго представительства у частныхъ землевладѣльцевъ и крестьянскихъ обществъ еще ярче выступаетъ, если мы обратимъ вниманіе на отношеніе числа гласныхъ къ количеству земли, состоящей во владѣніи этихъ двухъ землевладѣльческихъ группъ. Въ 8 губерніяхъ центральной земледѣльческой области (Рязанская, Тульская, Калужская, Орловская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Пензенская), земля крестьянскаго надѣла составляетъ 56% общаго количества земли, а находящаяся въ личной собственности только 37%; между тѣмъ у крестьянъ одинъ гласный приходится на 11,107 десятинъ и 3,650 душъ, а у личныхъ собственниковъ — на 6,351 десят. и 51 душу. (Скалонъ, Земскіе вопросы). Въ замѣнъ этого, на сторонѣ крестьянъ находится другое весьма важное преимущество предъ землевладѣльцами. Каждый крестьянинъ, въ силу принадлежности къ сельскому обществу, имѣетъ право быть избраннымъ въ земскіе гласные, съ соблюденіемъ установленнаго въ законѣ порядка. Напротивъ, землевладѣльцы стѣснены имущественнымъ цензомъ, ограничивающимъ ихъ право на участіе въ земскихъ выборахъ. Въ то время, какъ крупнымъ землевладѣльцамъ предоставлено право непосредственнаго выбора гласныхъ, — мелкіе землевладѣльцы участвуютъ въ выборѣ гласныхъ чрезъ уполномоченныхъ, а владѣльцы имѣній, недостигающихъ нормальной величины, совсѣмъ не участвуютъ въ земскихъ выборахъ. Въ 8 губерніяхъ центральной земледѣльческой области европейской Россіи правомъ непосредственнаго голоса на выборахъ пользуются немного болѣе *одной десятой* части общаго числа землевладѣльцевъ, а чрезъ уполномоченныхъ участвуютъ немного болѣе *одной трети*; между тѣмъ, первымъ принадлежатъ 10,226 голосовъ, а вторымъ только 8,500. Затѣмъ, большинство владѣльцевъ (53,3%),

именно—представители самой мелкой земельной собственности, совсѣмъ лишено участія въ земскомъ управленіи. Тоже самое нужно сказать и о владѣльцахъ другихъ недвижимыхъ имуществъ въ уѣздахъ,—они также, въ громадномъ большинствѣ, лишены участія въ земскихъ дѣлахъ. Напримѣръ, въ петербургскомъ уѣздѣ изъ 2,326 владѣльцевъ, уплачивающихъ земскій налогъ, правомъ голоса на выборахъ пользуются только 270, или 11,6%, въ московскомъ уѣздѣ изъ 3,603 владѣльцевъ,—только 377.

Такая система земскаго представительства довольно невыгодна для уѣздныхъ землевладѣльцевъ. Поэтому, въ послѣднее время, все болѣе и болѣе распространяется мысль о необходимости, въ интересахъ землевладѣнія, вообще облегчить доступъ къ земскому управленію представителямъ мелкой поземельной собственности. По отзыву тульской губернской земской управы, „настоящія земскія собранія до такой степени малочисленны и къ участію въ нихъ, изъ среды частныхъ землевладѣльцевъ, допускается закономъ объ имущественномъ цензѣ такой незначительный процентъ, что уѣздныя земскія собранія представляются выразителями мыслей и желаній очень небольшаго меньшинства заинтересованныхъ земскимъ дѣломъ лицъ... Всѣмъ дѣломъ заправляетъ небольшая группа обжившихся на своихъ земскихъ мѣстахъ выборныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ являются предсѣдатель и члены управы, 3 или 4 мировыхъ судей, непремѣнный членъ и нѣсколько ихъ сторонниковъ, или сторонниковъ предсѣдателя собранія“. Такимъ образомъ, интересы землевладѣльческаго класса, въ широкомъ смыслѣ, остаются непредставленными въ земствѣ, а вмѣсто того получаютъ преобладаніе кружковые интересы земскихъ служакъ, случайно выдѣлившихся изъ массы уѣздныхъ землевладѣльцевъ. Лучшіе, способнѣйшіе люди изъ числа уѣздныхъ землевладѣльцевъ не попадаютъ въ земство. Гласные не имѣютъ живой связи съ массою представителей землевладѣнія и оттого, съ одной стороны, считаютъ лишнимъ вникать въ нужды и интересы ея, а съ другой—не могутъ разсчитывать въ своей земской дѣятельности на поддержку этой массы. При такихъ невыгодныхъ условіяхъ, нѣтъ ничего мудренаго, что землевладѣльцы встрѣчаютъ на земскихъ собраніяхъ помѣху для своихъ классовыхъ интересовъ даже съ такой стороны, откуда, повидимому, нельзя и ожидать ея. Даже крестьянскіе гласные—и тѣ становятся поперегъ дороги землевладѣльцамъ.

Крестьянскіе гласные представляютъ иной разъ серьезную

помѣху для землевладѣльцевъ, не смотря даже на то, что играютъ пассивную роль въ земствѣ. Задаваясь вопросомъ о причинѣ этой пассивности, г. Скалонъ высказываетъ слѣдующія соображенія: „Темнота крестьянъ въ этомъ отношеніи большаго значенія не имѣетъ, такъ какъ далеко не всѣ предметы вѣдомства земскихъ учрежденій требуютъ, для уразумѣнія своего, извѣстнаго образованія: для рѣшенія многихъ земскихъ вопросовъ достаточно практической опытности и здраваго смысла, а въ этихъ качествахъ нашему крестьянину едва-ли можетъ быть отказано. У насъ есть земскія собранія, въ которыхъ крестьяне преобладаютъ, а между тѣмъ дѣло въ нихъ идетъ отнюдь не хуже, если не лучше, чѣмъ въ дворянскихъ уѣздахъ. Вспомнимъ, въ видѣ примѣра, бердянское земство, снискавшее себѣ заслуженную извѣстность прекрасной постановкой школьнаго дѣла; вспомнимъ прежнюю дѣятельность вятскаго земства. Не темнота умаляетъ значеніе крестьянъ въ земскихъ собраніяхъ, а подчиненное, зависимое положеніе, въ которое они поставлены. Представителями крестьянства, благодаря существующему порядку выборовъ, въ большинствѣ случаевъ, являются должностныя лица; а такъ какъ эти лица подчинены и полиціи и предсѣдателю собранія, то и въ собраніи держать себя самостоятельно не могутъ". (Скалонъ, „Наше самоуправленіе", „Рус. Вѣд." 1885 г. № 96). Съ такимъ мнѣніемъ г. Скалона мы не можемъ вполнѣ согласиться потому, что оно опровергается тѣми фактами, которые авторъ приводитъ въ подтвержденіе его. Дѣйствительно, дѣятельность такъ-называемыхъ „крестьянскихъ" земствъ не только не уступаетъ дѣятельности „дворянскихъ" земствъ, но во многихъ отношеніяхъ даже превосходитъ послѣднія. Это объясняется тѣмъ, что крестьянскіе гласные вносятъ въ земство свои классовые интересы, которые *въ данный моментъ* вполнѣ совпадаютъ съ общечеловѣческими, высшими культурными интересами. Таково, напримѣръ, начальное народное образованіе, составляющее, въ одно и то же время, высшій общечеловѣческій интересъ и вмѣстѣ классовый интересъ крестьянъ. Въ этомъ отношеніи дѣятельность крестьянскихъ земствъ неизмѣримо выше дѣятельности дворянскихъ земствъ. Но почему-же въ крестьянскихъ земствахъ крестьяне проводятъ свои классовые интересы, а въ дворянскихъ играютъ пассивную роль? Ясное дѣло, что причина этого заключаются въ крестьянской темнотѣ, въ культурной слабости и неразвитости крестьянъ, сравнительно съ высшимъ культурнымъ классомъ,

который наполняетъ ряды уѣздныхъ землевладѣльцевъ. Въ тѣхъ земствахъ, гдѣ культурный землевладѣльческій классъ отсутствуетъ, или-же представленъ очень слабо, тамъ земскіе гласные изъ крестьянъ дѣйствуютъ вполнѣ самостоятельно и проявляютъ большую способность къ земскому самоуправленію. Но гдѣ въ земской дѣятельности принимаетъ участіе культурный, землевладѣльческій классъ, тамъ крестьяне не въ силахъ отстаивать своихъ классовыхъ интересовъ и, уступая дѣятельную роль землевладѣльцамъ, сами занимаютъ пассивное положеніе. Сила знанія, высшая культура даютъ землевладѣльцамъ громадный перевѣсъ надъ крестьянами,—перевѣсъ, тѣмъ болѣе значительный, что весьма часто къ нему присоединяется еще экономическая зависимость отъ землевладѣльцевъ. Вотъ эта-то культурная слабость, вмѣстѣ съ экономическою зависимостью, и не позволяютъ крестьянамъ прочно стать на ноги въ земскихъ собраніяхъ и принимать дѣятельное участіе въ земскихъ дѣлахъ на-ряду съ землевладѣльцами.

Тѣ-же самыя причины роковымъ образомъ побуждаютъ крестьянъ подчиняться административному вліянію, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда это вліяніе идетъ въ разрѣзъ съ классовыми интересами крестьянъ. О силѣ административнаго вліянія на земскихъ гласныхъ изъ крестьянъ самарская земская коммисія даетъ слѣдующій отзывъ: „Нынѣшніе гласные изъ крестьянъ вербуются, по преимуществу, изъ волостныхъ старшинъ, писарей и сельскихъ кулаковъ и потому совершенно чужды дѣйствительнымъ интересамъ крестьянскаго сословія. Въ земскихъ собраніяхъ они являются послушными орудіями администраціи, или преслѣдуютъ свои личныя, корыстныя цѣли. Такой составъ крестьянъ гласныхъ объясняется, въ значительной степени, организаціей съѣздовъ, на которыхъ производится ихъ выборъ. Въ настоящее время, избиратели отъ сельскихъ обществъ назначаются на эти съѣзды волостными сходами, которые всего менѣе могутъ служить выразителями нуждъ крестьянскаго сословія. Въ большинствѣ случаевъ, они слѣпо подчиняются своему непосредственному начальству, сообразно съ желаніемъ котораго и происходитъ назначеніе выборщиковъ въ крестьянскіе избирательные съѣзды“. Г. Скалонъ придаетъ этому административному давленію на крестьянъ первенствующее значеніе, видя въ немъ главную и единственную причину пассивнаго положенія крестьянскихъ гласныхъ въ земствѣ. И дѣйствительно, нельзя не согласиться, что административное давленіе на крестьянскіе выборы не только ли-

шаетъ все крестьянское сословіе истиннаго представительства въ земствѣ, но и отнимаетъ у земскихъ учрежденій значеніе органовъ общественнаго самоуправленія. Но въ то-же время совершенно несправедливо считать административное давленіе главною и единственною причиною пассивнаго положенія крестьянскихъ гласныхъ въ земствѣ. Если-бы это было такъ, то дѣятельность крестьянскихъ гласныхъ была-бы совершенно одинакова, какъ въ „крестьянскихъ", такъ и въ „дворянскихъ" земствахъ, потому-что въ тѣхъ и другихъ администрація оказываетъ одинаковое вліяніе на крестьянъ. Между тѣмъ, при одинаковомъ административномъ давленіи на крестьянъ, въ дворянскихъ земствахъ крестьяне играютъ пассивную роль, а въ крестьянскихъ земствахъ они принимаютъ дѣятельное участіе въ земскомъ управленіи и здѣсь дѣла идутъ не хуже, чѣмъ въ дворянскихъ земствахъ. Отсюда ясно, что, какъ ни пагубно дѣйствуетъ на успѣхи общественнаго самоуправленія административное вліяніе на крестьянскихъ гласныхъ, но, во всякомъ случаѣ, несправедливо видѣть исключительно въ одномъ только этомъ вліяніи причину пассивнаго положенія въ земствѣ крестьянскихъ гласныхъ. Административное давленіе тутъ можетъ имѣть только второстепенное значеніе, ибо самая возможность его обусловливается въ значительной степени тою „темнотою", вліяніе которой отрицаетъ г. Скалонъ, т. е. культурною слабостью и экономическою зависимостью крестьянъ. Вслѣдствіе своей темноты, крестьянскіе гласные не играютъ самостоятельной роли въ земскихъ собраніяхъ, подчиняясь вліянію культурныхъ представителей землевладѣльческаго класса. Но такое вліяніе землевладѣльцевъ на крестьянъ въ настоящее время сталкивается съ вліяніемъ административныхъ властей на ту-же темную крестьянскую массу и такимъ образомъ представители землевладѣнія встрѣчаютъ помѣху для своего стремленія сдѣлаться командующимъ классомъ, забравъ исключительно въ свои руки земскую власть.

Опредѣливъ такимъ образомъ степень значенія въ земствѣ и взаимное положеніе представительства крестьянскаго и землевладѣльческаго, этихъ двухъ важнѣйшихъ, въ настоящее время, земскихъ элементовъ,—мы перейдемъ къ тѣмъ измѣненіямъ въ организаціи земскаго представительства, до какихъ додумались наши земцы въ періодъ „новыхъ вѣяній". Увы, въ этомъ отношеніи земскіе проэкты даютъ намъ очень мало новаго. Одно только новгородское губернское земское собраніе предлагало коренное преобразованіе земскаго представи-

тельства, которое, по его словамъ, должно имѣть въ виду „не узкіе интересы той или другой общественной группы, а интересы, общіе всему населенію мѣстности". Всѣ остальныя земства ограничиваются только мелкими поправками въ теперешней организаціи земскаго представительства. Къ чему-же сводятся эти поправки? Въ интересахъ какого общественнаго класса онѣ дѣлаются? Въ чьи руки онѣ передаютъ земскую власть?

Наиболѣе обширныя и важныя поправки въ теперешней организаціи земскаго представительства предлагаются въ проэктахъ псковскаго и владимірскаго губернскихъ земскихъ собраній, новгородской губернской земской управы и казанской земской коммисіи. Эти проэкты отличаются отъ остальныхъ тѣмъ, что предлагаютъ ввести земскіе выборы по территоріальнымъ округамъ. Изъ нихъ псковскій проэктъ принимаетъ „основаніемъ для участія въ избирательномъ съѣздѣ участка для уѣздныхъ избирателей цензъ недвижимаго имущества, одинаковый какъ для общиннаго, такъ и для частнаго землевладѣнія, при чемъ количество цензовыхъ единицъ, какъ для общинъ, такъ и для частныхъ лицъ, опредѣляетъ количество голосовъ, принадлежащихъ общинѣ, или лицу на томъ избирательномъ съѣздѣ; образованіе лица должно послужить основаніемъ къ уменьшенію обязательнаго имущественнаго ценза избирателя, отнюдь не устраняя сего послѣдняго вовсе". Владимірскій и новгородскій проэкты полагаютъ, что право на участіе въ выборѣ гласныхъ должно опредѣляться не величиною землевладѣнія, но количествомъ уплачиваемаго налога, выборы производятся по территоріальнымъ округамъ, причемъ каждая группа земскихъ платсльщиковъ, имѣющая однородные хозяйственные интересы, составляетъ особое избирательное собраніе и изъ своей среды выбираетъ такое число гласныхъ, которое соотвѣтствуетъ количеству налога, уплачиваемаго тою или другою группою. Что касается казанскаго проэкта, то онъ оставляетъ безъ измѣненій существующую нынѣ организацію земскаго представительства и только пріурочиваетъ избирательные съѣзды къ территоріальнымъ округамъ,—земскимъ волостямъ.

Изъ этихъ четырехъ проэктовъ владимірскій и новгородскій удостоились особой похвалы со стороны г. Скалона. „Необходима,—говоритъ онъ,—такая организація избирательной системы, которая давала-бы всѣмъ существеннымъ интересамъ мѣстности возможность имѣть въ земскомъ собраніи своихъ

представителей, чтобы на составъ собранія не вліяла случайность. Наиболѣе цѣлесообразной, для достиженія этой цѣли, организацiей представительства является группировка избирателей по представляемымъ ими интересамъ, какъ это предполагается новгородской губернской управой и владимірскимъ губернскимъ собраніемъ, такъ какъ только этимъ способомъ могутъ быть надлежащимъ образомъ обезпечены интересы меньшинства, которые, при выборахъ территоріальныхъ, легко могутъ быть подавлены". Но мы съ своей стороны не находимъ въ этихъ проэктахъ правильнаго представительства интересовъ населенія. Тутъ вышло какое-то грубое, топорное представительство рублей, уплачиваемыхъ въ земскій налогъ, но не представительство интересовъ населенія. Живые люди здѣсь совсѣмъ не принимаются въ разсчетъ, а ихъ мѣсто заступаютъ рубли. Интересы большинства людей прямо приносятся въ жертву интересамъ большинства рублей. Земскіе проэкты хотѣли достигнуть того, чтобы большинство населенія не подавляло собою меньшинства, и для достиженія этого ударились въ другую крайность, предоставивъ меньшинству населенія, обладающему большинствомъ рублей, возможность имѣть перевѣсъ надъ большинствомъ населенія. Принятое владимірскимъ и новгородскимъ проэктами, представительство рублей, а не интересовъ населенія вообще, ведетъ къ тому, что становится невозможною живая, естественная группировка избирателей, сообразно наиболѣе жгучимъ, въ данный моментъ существующимъ, интересамъ. Вмѣсто того вводится группировка чисто рублевая; сообразно различнымъ рублевымъ интересамъ, образуются мертвыя, окоченѣлыя группы, внѣ которыхъ нѣтъ земскаго представительства; таковы: землевладѣльцы, фабриканты, купцы. Нечего и говорить о томъ, что такая группировка отнюдь не соотвѣтствуетъ тѣмъ дѣйствительнымъ интересамъ населенія,—живымъ, подвижнымъ, вѣчно мѣняющимся интересамъ, которые служатъ основаніемъ для образованія въ населеніи столь же подвижныхъ и измѣнчивыхъ группъ. Такимъ образомъ система представительства, рекомендуемая владимірскимъ и новгородскимъ проэктами, прямо ведетъ къ подавленію нѣсколькими рублевыми интересами всѣхъ остальныхъ, живыхъ интересовъ населенія. Это—буржуазная система въ самомъ грубомъ, лавочническомъ вкусѣ.

Что касается псковскаго проэкта, то онъ явно старается объ усиленіи землевладѣльческаго элемента въ земствѣ, облегчая доступъ къ земскому представительству лицамъ, неимѣю-

щимъ полнаго земельнаго ценза; въ этихъ видахъ, предоставляется уменьшенный цензъ лицамъ, обладающимъ извѣстнымъ образованіемъ, лишь-бы только они непремѣнно принадлежали къ тому имущественному классу, которому, и безъ того нынѣ принадлежитъ преобладающее вліяніе въ сферѣ земскаго самоуправленія. Сверхъ того псковскій проэктъ даетъ громадное преимущество крупному землевладѣнію, позволяя одному лицу пользоваться неограниченнымъ числомъ голосовъ, сообразно числу принадлежащихъ ему цензовыхъ единицъ.

Вообще-же о всѣхъ четырехъ, разсматриваемыхъ нами земскихъ проэктахъ слѣдуетъ замѣтить, что принятая ими система земскихъ выборовъ по территоріальнымъ округамъ въ высшей степени неудовлетворительна, особенно въ соединеніи съ системою выбора по группамъ. Опытомъ европейскихъ народовъ дознано, что система выборовъ по округамъ мѣшаетъ меньшинству составить группу, достаточную для того, чтобы имѣть своего представителя въ собраніи. Этотъ недостатокъ, какъ мы видѣли, совсѣмъ не устраняется выборами по группамъ, отчего и происходитъ, что одинъ недостатокъ въ земскихъ проэктахъ только дополняется и увеличивается другимъ. Сверхъ того выборы по округамъ и вмѣстѣ по группамъ даютъ возможность одному и тому-же лицу пользоваться правомъ голоса въ разныхъ группахъ и въ нѣсколькихъ округахъ одного уѣзда. Наконецъ, у насъ очень часто случается, что цѣлый большой округъ находится подъ экономическимъ гнетомъ какого-нибудь одного, много двухъ лицъ. Этотъ экономическій гнетъ легко можетъ уничтожить свободу выборовъ, если они будутъ производиться по округамъ, гдѣ почти совсѣмъ нѣтъ лицъ, свободныхъ и независимыхъ отъ вліянія мѣстнаго воротилы.

Наиболѣе распространеннымъ въ земскихъ проэктахъ является указаніе на необходимость пониженія имущественнаго ценза для уѣздныхъ землевладѣльцевъ. За такое пониженіе высказываются земскія коммисіи—самарская, орловская, воронежская, тульская. Пониженіе ценза вызывается исключительно желаніемъ поддержать и усилить значеніе землевладѣльческаго представительства въ земствѣ. Земскія коммисіи констатируютъ фактъ, что привиллегія, предоставленная крупному землевладѣнію на земскихъ выборахъ, привела, вопреки ожиданіямъ, къ ослабленію землевладѣльческаго элемента въ земскихъ собраніяхъ. Такъ, тульская коммисія объясняетъ неудовлетворительность земской дѣятельности тѣмъ, что чрезмѣр-

ная величина имущественнаго ценза допускаетъ къ участію въ земствѣ слишкомъ незначительный процентъ землевладѣльцевъ. По словамъ самарской коммисіи, несоразмѣрная высота имущественнаго ценза ведетъ къ тому, что на съѣзды крупныхъ землевладѣльцевъ весьма часто является избирателей меньше числа гласныхъ, подлежащихъ избранію. Но, не смотря на очевидность выгодъ, которыя должно принести землевладѣльческимъ интересамъ пониженіе имущественнаго ценза, въ земскихъ проэктахъ еще очень сильно проглядываетъ страхъ предъ призракомъ демократизаціи земства, въ случаѣ неумѣреннаго пониженія ценза. Поэтому, хотя имущественный цензъ понижается, но при этомъ владѣльцы земель, недостигающихъ нормальной величины, по-прежнему, лишаются выборныхъ правъ, мелкіе землевладѣльцы, по-прежнему, участвуютъ въ выборахъ чрезъ уполномоченныхъ, а крупные землевладѣльцы, по-прежнему, пользуются привиллегіей непосредственнаго участія въ избирательныхъ съѣздахъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе пониженія имущественнаго ценза, землевладѣльческое представительство въ земствѣ значительно усиливается, но далеко не въ такой мѣрѣ, какъ оно могло-бы усилиться въ томъ случаѣ, если-бы право непосредственнаго выбора гласныхъ было распространено равномѣрно на всѣхъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ.

У насъ довольно распространено совершенно неосновательное мнѣніе, будто пониженіе имущественнаго ценза, а тѣмъ болѣе распространеніе избирательныхъ правъ на всѣхъ лицъ, владѣющихъ какою-либо недвижимою собственностью, должно привести къ преобладанію въ земствѣ демократическаго элемента. На-оборотъ, увеличеніе имущественнаго ценза и даже предоставленіе крупнымъ землевладѣльцамъ права быть земскими гласными безъ выбора считаются средствами для усиленія будто-бы консервативнаго, землевладѣльческаго элемента. Такія мнѣнія основаны на недоразумѣніи и воспитаны представленіями о демократіи, чуждыми русской дѣйствительности. На Западѣ, особенно во Франціи, со времени великой революціи, мелкое землевладѣніе является демократическимъ элементомъ, возникающимъ на развалинахъ крупнаго землевладѣнія, соотвѣтствующаго старому, феодальному строю. У насъ-же мелкое землевладѣніе совсѣмъ не имѣетъ такого значенія, какъ на Западѣ. Правда, и у насъ такъ-же есть демократическое землевладѣніе, но это, — не мелкое землевладѣніе, а общинное. Будучи такъ-же проникнуто демократическою тенденціею, какъ и мелкое землевладѣніе на Западѣ, наше

общинное землевладѣніе отличается отъ него тѣмъ, что не носитъ въ себѣ, даже въ зародышѣ, революціоннаго элемента, а напротивъ, представляетъ самое спокойное и устойчивое учрежденіе, упирающееся своими корнями въ начало человѣческой исторіи. При существованіи такого демократическаго, общиннаго землевладѣнія, мелкое землевладѣніе у насъ (по крайней мѣрѣ, въ раіонѣ распространенія общиннаго землевладѣнія) проникнуто антидемократическою тенденціею. Представителями мелкаго землевладѣнія у насъ являются преимущественно лица крестьянскаго сословія, недовольныя демократическимъ строемъ общинъ и потому стремящіяся къ выдѣленію изъ нихъ и къ полному хозяйственному обособленію. Напр., въ Тульской губерніи изъ 4,679 владѣльцевъ, имѣющихъ каждый менѣе 10 десятинъ земли, 3,810 принадлежатъ къ крестьянскому сословію. Точно также въ Ярославской губерніи изъ 5,714 лицъ, владѣющихъ менѣе $12\frac{1}{2}$, а въ Пошехонскомъ уѣздѣ менѣе $17\frac{1}{2}$ десятинъ земли, 4,496 человѣкъ крестьяне. Все это—люди, только формально принадлежащіе къ крестьянскимъ общинамъ, а на самомъ дѣлѣ порвавшіе живую связь съ ними, въ большей или меньшей степени выдѣлившіеся и обособившіеся отъ нихъ. Представителями мелкаго землевладѣнія являются преимущественно тѣ „умственные мужики", у которыхъ интересы совершенно расходятся съ интересами крестьянскаго міра. Они—величайшіе враги демократизма, господствующаго въ крестьянскихъ общинахъ, и видятъ въ землевладѣніи на правахъ личной собственности ближайшій и удобнѣйшій для себя выходъ изъ демократическаго строя общинъ. Порвавъ связь съ общинами, они стараются примкнуть къ „господамъ", къ старому культурному слою, завязываютъ общеніе съ господами и мало по малу проникаются ихъ интересами, совершенно забывая интересы крестьянской массы. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сильно развившійся торгово-промышленный классъ успѣлъ обособиться отъ другихъ общественныхъ слоевъ, ставъ во главѣ вновь народившихся буржуазныхъ элементовъ, тамъ примыкаютъ къ нему и эти выходцы изъ крестьянскихъ обществъ, сдѣлавшіеся мелкими землевладѣльцами. Но гдѣ буржуазные элементы еще не успѣли обособиться въ видѣ отдѣльнаго общественнаго слоя, тамъ мелкіе землевладѣльцы изъ крестьянъ вполнѣ подчиняются вліянію мѣстныхъ землевладѣльцевъ изъ дворянъ. Въ томъ и другомъ случаѣ не можетъ

быть рѣчи о демократизаціи земства, вслѣдствіе облегченія доступа въ него для мелкихъ землевладѣльцевъ.

Вообще земскіе проэкты далеки отъ этой пресловутой демократизаціи земства и стараются поставить во главѣ земскихъ учрежденій дворянство. Предводителю дворянства предоставляется роль еще болѣе почетная и вліятельная, чѣмъ нынѣ. Хотя проэкты владимірскаго губернскаго земскаго собранія и земскихъ коммисій — казанской, самарской и калужской — высказываются за предоставленіе земскимъ собраніямъ права выбирать себѣ предсѣдателей, но даже изъ этихъ немногихъ проэктовъ одинъ — калужскій оставляетъ за предводителемъ дворянства привиллегію открывать собраніе. За то многіе проэкты, предлагая образовать „земское уѣздное управленіе", въ которомъ бы сосредоточивалась вся административная власть въ уѣздѣ, ставятъ во главѣ этого управленія предводителя дворянства. За предоставленіе предводителю предсѣдательства въ уѣздномъ управленіи высказались проэкты — орловскій, воронежскій, тульскій, московскій, вологодскій. При этомъ орловскій проектъ высказываетъ слѣдующія соображенія, весьма интересныя для характеристики земскихъ мнѣній въ періодъ новыхъ вѣяній. „Не говоря уже объ историческомъ правѣ высшаго сословія на занятіе, въ лицѣ его предводителя, первенствующаго положенія въ мѣстномъ управленіи, гдѣ, на той или другой ступени, каждое сословіе, независимо отъ общаго земскаго представительства, принимаетъ прямое и непосредственное участіе и оказываетъ вліяніе своей корпоративной среды на общій ходъ дѣла, — не говоря объ этомъ, долголѣтній опытъ установленій всесословныхъ не только не показываетъ намъ досслѣ никакихъ неудобствъ такого порядка вещей, но, напротивъ, мы видимъ, что всѣ сословія вполнѣ признаютъ его законность". Точно также воронежскій проэктъ предоставляетъ предводителю не только почетное мѣсто, но и вліятельную роль въ уѣздномъ управленіи. По словамъ его, „предводители, какъ лица независимыя отъ земскихъ собраній, могутъ лучше и самостоятельнѣе вести дѣло управленія. Ни что не можетъ побуждать ихъ, такъ сказать, потворствовать бездѣятельности, а тѣмъ болѣе незаконности и злоупотребленіямъ участковыхъ членовъ, и предводитель дворянства всегда, при независимости своего положенія, можетъ оказать вліяніе на устраненіе выбора лицъ, заявившихъ себя недостойнымъ образомъ, хотя бы преслѣдованіе такихъ лицъ путемъ суда, по неясности уликъ, было бы невозможно". Такимъ образомъ

даже самые земскіе выборы становятся подъ контроль и вліяніе дворянства.

Что касается крестьянскаго представительства въ земствѣ, то никакихъ существенныхъ измѣненій въ немъ не проэктировано. Только два земскіе проэкта—самарскій и воронежскій предлагаютъ уровнять число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ съ числомъ представителей личнаго землевладѣнія. Но, какъ ни похвально лежащее въ основѣ этой мѣры стремленіе усилить крестьянское представительство въ земствѣ, тѣмъ не менѣе проэктированная мѣра не въ силахъ дать какіе-либо существенные результаты. Вѣдь существующее въ настоящее время неравенство числа гласныхъ отъ сельскихъ обществъ и уѣздныхъ землевладѣльцевъ на столько незначительно, что уравненіе въ этомъ отношеніи едва-ли можетъ существеннымъ образомъ улучшить крестьянское представительство. Уравненіе числа гласныхъ отъ сельскихъ обществъ съ числомъ гласныхъ отъ землевладѣльцевъ отнюдь не уничтожаетъ неравномѣрности въ земскомъ представительствѣ у крестьянъ и уѣздныхъ землевладѣльцевъ. При проэктируемомъ уравненіи числа крестьянскихъ и землевладѣльческихъ гласныхъ, все равно крестьянамъ придется выбирать въ земствѣ приблизительно одного гласнаго на 3,000 душъ, а землевладѣльцамъ—одного на 50 душъ. Какое-же тутъ равенство?...

Кромѣ того въ земскихъ проэктахъ мы встрѣчаемся съ предположеніемъ предоставить назначеніе выборщиковъ на избирательные съѣзды не волостнымъ сходамъ, а сельскимъ, и даже совсѣмъ уничтожить избирательные съѣзды, перенеся выборы на волостные сходы, а также лишить права на избраніе въ гласные должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленій: волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ, сборщиковъ податей и волостныхъ писарей. Но всѣ эти мѣры могутъ принести ожидаемую отъ нихъ пользу только въ такомъ случаѣ, если рядомъ коренныхъ преобразованій будетъ прочно ограждена независимость и самостоятельность какъ личности крестьянина, такъ и всего строя крестьянскаго самоуправленія. Безъ этого же все равно крестьянскіе выборы будутъ находиться подъ постороннимъ давленіемъ, какія-бы ни принимались мѣры противъ этого зла.

Въ заключеніе, бросая общій взглядъ на предполагаемыя измѣненія въ системѣ земскаго представительства, мы не можемъ не замѣтить прежде всего, что въ земскихъ проэктахъ нѣтъ и помина о всенародномъ представительствѣ съ предо-

ставленіемъ избирательныхъ правъ всѣмъ постояннымъ мѣстнымъ жителямъ, безъ различія сословныхъ, хозяйственныхъ и другихъ подобныхъ группъ, при чемъ избирателямъ была-бы открыта полная свобода группироваться, какъ они знаютъ, сообразно живымъ, въ данный моментъ существующимъ интересамъ. По прежнему, пріурочивая земское представительство къ двумъ окаменѣлымъ, неподвижнымъ группамъ—сельскимъ общинамъ и уѣзднымъ землевладѣльцамъ, земскіе проэкты ограничиваются кое-какими поправками и измѣненіями въ существующей системѣ. Но при этимъ робкія и ничтожныя попытки реформы не обѣщаютъ крестьянскому представительству рѣшительныхъ измѣненій къ лучшему. Наоборотъ, представительство землевладѣнія должно много выиграть отъ проэктированныхъ земствами измѣненій. Уже одно пониженіе имущественнаго ценза, не говоря о другихъ земскихъ предположеніяхъ, должно неминуемо содѣйствовать, если не количественному, то качественному усиленію землевладѣльческаго элемента въ земствѣ. Такимъ образомъ земскіе проэкты реформы мѣстнаго управленія приняли одностороннее направленіе. давая явный перевѣсъ землевладѣльческому элементу въ земскомъ управленіи. Въ періодъ новыхъ вѣяній, эта односторонность была мало замѣтна, потому что въ то время она еще находилась въ зародышномъ состояніи. Только впослѣдствіи. и особенно въ наши дни, она развилась вполнѣ, сдѣлалась преобладающею и характеристическою особенностью направленія общественной мысли въ данный, историческій моментъ и воплотилась въ рѣзко очерченныхъ формахъ. Мысль о расширеніи вліянія одного изъ общественныхъ элементовъ въ сферѣ мѣстной жизни сдѣлалась господствующимъ стремленіемъ у насъ въ настоящее время. Въ этомъ отношеніи сходятся общественныя партіи, издавна враждующія и ни въ чемъ не согласныя между собою. Споръ между ними ведется не о томъ,—слѣдуетъ-ли, или нѣтъ, дать преобладаніе одному общественному элементу въ сферѣ мѣстной жизни? Нѣтъ. теперь вопросъ сводится къ тому, какому, именно, изъ общественныхъ элементовъ слѣдуетъ дать перевѣсъ? Консерваторы говорятъ, что больше всѣхъ имѣетъ правъ на это помѣстное дворянство, какъ старѣйшій культурный классъ, имѣющій на своей сторонѣ также преимущество землевладѣнія. Напротивъ, либералы хотятъ дать перевѣсъ интеллигенціи, въ обыденномъ смыслѣ этого слова, т. е. высшему культурному классу безъ различія сословій. При этомъ тѣ и другіе видимо ста-

раются найти удобную почву для соглашенія: консерваторы обѣщають открыть интеллигентнымъ людямъ всѣхъ сословій широкій и свободный доступъ въ дворянское сословіе, а либералы умѣряютъ свои требованія, ограничивая имущественнымъ и образовательнымъ цензомъ доступъ къ положенію, господствующему въ сферѣ мѣстной жизни.

IV.

Организаціи земскаго представительства мы придаемъ главное и существенное значеніе въ вопросѣ о предлагаемомъ въ земскихъ проэктахъ преобразованіи мѣстнаго управленія. Извѣстно, что организаціею представительства опредѣляется степень вліянія тѣхъ или другихъ общественныхъ классовъ на управленіе дѣлами страны, а это вліяніе, въ свою очередь, составляетъ то живое, реальное содержаніе, которое наполняетъ собою болѣе или менѣе обширныя границы общественнаго самоуправленія, придавая послѣднему то или другое значеніе въ народной жизни. Организація представительства составляетъ какъ-бы живую душу самоуправленія, придаетъ опредѣленную, рѣзко очерченную физіономію учрежденіямъ, служащимъ его органами, и сообщаетъ то или другое направленіе ихъ дѣятельности. Смотря по организаціи представительства, самоуправленіе, даже при самомъ широкомъ объемѣ полномочій, можетъ быть позорнымъ произволомъ, угнетающимъ народную свободу, и наоборотъ, можетъ принести большую пользу народу, иной разъ, при узкой сферѣ полномочій, связывающей руки тому общественному классу, который стремится къ преобладанію въ ущербъ народнымъ интересамъ.

Въ особенности не слѣдуетъ упускать изъ виду организацію земскаго представительства при рѣшеніи выдвинутаго впередъ земскими проэктами вопроса о положеніи земскихъ учрежденій въ системѣ государственнаго управленія. Что такое представляетъ изъ себя земство, какъ мѣстный органъ государственной власти, и въ какихъ отношеніяхъ находится оно къ прочимъ учрежденіямъ, входящимъ въ систему мѣстнаго управленія. Вотъ вопросъ, который былъ выдвинутъ на первый планъ въ земскихъ работахъ по составленію проэктокъ реформы мѣстнаго управленія. Этотъ вопросъ привелъ всѣхъ въ немалое смущеніе. Оказалось, что земство стоитъ какъ-бы особнякомъ отъ прочихъ

мѣстныхъ учрежденій и что вообще между различными учрежденіями, входящими въ систему областнаго управленія, недостаетъ связи и единства. „Съ одной стороны,—говоритъ новгородская губернская земская управа,—имѣются чисто правительственныя учрежденія, а съ другой—общественныя, основанныя на выборномъ началѣ. Эти послѣднія, въ свою очередь, дѣлятся на самостоятельныя группы, неимѣющія часто между собою ничего общаго. Земскія учрежденія, завѣдующія всѣми мѣстными нуждами, не имѣютъ почти ничего общаго съ учрежденіями по крестьянскимъ дѣламъ, между тѣмъ какъ въ числѣ мѣстныхъ интересовъ самое видное мѣсто занимаютъ интересы большинства крестьянскаго населенія. Точно также земскія учрежденія совершенно отдѣлены отъ учрежденій административно-полицейскихъ, въ которыхъ сосредоточена вся исполнительная власть и безъ прямаго содѣйствія которыхъ земство не можетъ въ достаточной мѣрѣ проявлять свою дѣятельность и выполнять свои задачи. При такой ненормальной постановкѣ дѣла, въ общественномъ сознаніи возникаетъ представленіе о правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, какъ о противоположныхъ элементахъ, и двѣ силы эти, имѣющія, по существу, однѣ и тѣ же задачи и цѣли, часто занимаются пререканіями, въ прямой ущербъ дѣлу". Точно также, по отзыву коммиссіи самарскаго губернскаго земства, „наиболѣе крупнымъ недостаткомъ нашей нынѣшней административно-общественной организаціи служитъ почти повсемѣстный антагонизмъ между органами правительственными и общественными. Несмотря на всю странность и неестественность такого рода отношеній между учрежденіями, которыя по закону должны преслѣдовать одну общую цѣль народнаго благосостоянія, это явленіе объясняется весьма просто историческимъ путемъ, которымъ возникли наши новыя общественныя учрежденія. Въ быстрой преобразовательной дѣятельности прошлаго царствованія новыя общественныя формы создавались совершенно независимо отъ всего остальнаго государственнаго строя — продукта политическихъ и общественныхъ принциповъ, несовмѣстныхъ съ требованіями новой народной жизни. Понятно, что прямымъ послѣдствіемъ отсутствія живой, органической связи между старыми и новыми учрежденіями — этой связи не оказалось и въ ихъ практической дѣятельности".

Мы привели наиболѣе обстоятельные, умѣренные и сдержанные изъ земскихъ отзывовъ объ отсутствіи связи и един-

ства въ существующихъ нынѣ областныхъ учрежденіяхъ вообще и о розни между правительственными и земскими учрежденіями въ частности Но и тутъ рѣзко бьютъ въ глаза такія преувеличенія и извращенія дѣйствительности, которыя могутъ быть объяснены только тенденціозностью, насквозь проникающею ихъ. Замѣчательно, что въ этомъ отношеніи земскія мнѣнія періода новыхъ вѣяній близко сходятся и какъ будто повторяютъ мнѣнія губернаторовъ, сообщенныя въ коммисію по преобразованію губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ. Тѣ и другіе отзывы преувеличивали и извращали дѣйствительность въ угоду одной и той же государственной тенденціи. И тамъ и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ государственниками самой чистой воды и того стариннаго закала, который воспитался на представленіи о единствѣ и гармоніи всеобъемлющей правительственной дѣятельности, въ формѣ чисто механическаго подчиненія всѣхъ отраслей управленія одному высшему правительственному учрежденію, которое является представителемъ и выразителемъ единства государственной власти. Вся разница состоитъ въ томъ. что губернаторы хотѣли присвоить себѣ всю правительственную власть въ областной сферѣ, подчинивъ земство правительственной администраціи, а земство, наоборотъ, стремится само стать во главѣ управленія. Это стремленіе въ обоихъ случаяхъ составляетъ логически необходимый выводъ изъ тѣхъ фальшивыхъ положеній, которыя, вслѣдъ за губернаторскими отзывами. были повторены въ земскихъ проэктахъ реформы мѣстнаго управленія.

Земскіе мнѣнія и отзывы о недостаткахъ существующей системы областнаго управленія послужили основаніемъ для развитаго въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ ученія о *возвращеніи правительства.* Газета г. Каткова, возставая противъ „самоустраненія власти“ и приглашая правительство „вернуться“ назадъ, почти буквально повторяетъ фальшивыя положенія, выставленныя земскими дѣятелями періода новыхъ вѣяній. „У насъ,—говорятъ „Московскія Вѣдомости, — возникло фальшивое воззрѣніе, порожденное быстротой реформъ минувшаго царствованія о какихъ-то самостоятельныхъ въ государствѣ и отъ него независимыхъ властяхъ. Рядомъ якобы съ государствомъ, отъ него независимо, но пользуясь его авторитетомъ и силой, должна существовать судебная власть, должны точно также существовать, не только отдѣльно и независимо отъ правительства, но въ существенной оппозиціи къ

нему, земскія, городскія учрежденія и разныя другія корпораціи. Правительство, такимъ образомъ, очутилось однимъ изъ многихъ правительствъ и потерялось среди нихъ, такъ что иногда не отыщешь, гдѣ настоящее правительство. Увлеченное теченіемъ, правительство само спѣшило, якобы въ интересахъ свободы и цивилизаціи, передавать свою власть разнымъ, имъ же самимъ, себѣ въ подспорье, созданнымъ, учрежденіямъ, отказываясь отъ своихъ обязанностей и порождая призракъ анархіи въ странѣ (Москов. Вѣд. 1884 г. № 218). Система устраненія правительства потребовала, чтобы оно отказалось отъ всякаго дѣла, признавая себя ни къ чему непригоднымъ. Самая администрація въ ея развѣтвленіяхъ по странѣ объявлена не дѣломъ правительства. Противъ государства выдвинута земля, а подъ землею на практикѣ разумѣется не земля, которую пашутъ и не земля въ переносномъ смыслѣ народа, но учрежденія 1864 года, именуемыя земствомъ,—громоздкій аппаратъ, который, въ продолженіе своего двадцатилѣтняго существованія далъ хорошо почувствовать настоящей землѣ, т. е. народу только свою тяжесть и разорительность". („Москов. Вѣд." 1884 г. № 291). Такимъ образомъ, возставая противъ самостоятельности, а, можетъ быть, и противъ самаго существованія земскаго самоуправленія, умаляющаго, будто-бы, значеніе и власть правительственной администраціи, „Московскія Вѣдомости" явно высказываются за объединеніе областныхъ учрежденій на началахъ бюрократической централизаціи.

Исходя изъ однихъ и тѣхъ же основаній, какъ и „Московскія Вѣдомости", земскіе проэкты приходятъ къ совершенно противоположной системѣ объединенія областныхъ учрежденій. Во всѣхъ проэктахъ, по словамъ г Скалона, „общественнымъ органамъ предоставляется господствующее положеніе среди мѣстныхъ уѣздныхъ учрежденій: въ нихъ рукахъ сосредоточиваются важнѣйшія отрасли управленія". Земство является тѣмъ высшимъ въ областной сферѣ *правительственнымъ* учрежденіемъ, у котораго въ завѣдываніи находится все областное управленіе, совершенно изъятое изъ вѣдѣнія бюрократіи. Такъ, по мнѣнію новгородскаго губернскаго земскаго собранія, „для достиженія основной цѣли преобразованія мѣстныхъ учрежденій, вся дѣятельность мѣстнаго управленія должна быть исключительно сосредоточена въ вѣдѣніи и подъ отвѣтственностью земскихъ учрежденій. Этимъ только можетъ быть устранена та постоянная конкурренція и

полная безотвѣтственность, которыя встрѣчаются нынѣ почти въ каждой сферѣ общественной дѣятельности". Костромское губернское земское собраніе въ подчиненіи всего мѣстнаго управленія вѣдѣнію земской, выборной власти видитъ „единственную возможность прекратить существующій антагонизмъ между земствомъ и чиновничествомъ, который, въ настоящее время, служитъ вездѣ тормазомъ для всякаго дѣла и главною причиною существующей неурядицы въ мѣстномъ управленіи". Въ этихъ видахъ, всѣ существующія нынѣ уѣздныя присутствія объединяются въ одномъ присутствіи, состоящемъ изъ выборныхъ членовъ, на обязанности котораго лежитъ разрѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ административнаго и хозяйственнаго свойства. Административные и полицейскіе органы выбираются земствомъ и подчиняются всѣмъ правительственнымъ распоряженіямъ. Что-же касается хозяйственныхъ органовъ, то они „должны быть совершенно самостоятельны во всѣхъ дѣйствіяхъ; правительству же, въ смыслѣ верховнаго надзора, предоставляется пріостанавливать, посредствомъ протеста надлежащей власти, подъ ея личною отвѣтственностью, исполненіе всякаго постановленія хозяйственныхъ органовъ, противнаго существующимъ законамъ, съ тѣмъ, чтобы таковые протесты съ перваго же раза разсматривались высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, въ которомъ принимали-бы участіе, въ качествѣ членовъ, представители отъ земства". Для этого предполагается расширить кругъ земской власти предоставленіемъ уѣздному земскому собранію, кромѣ завѣдыванія хозяйственными дѣлами, полицейско-административнаго управленія уѣздомъ, при чемъ всѣ теперешнія административно-полицейскія учрежденія должны быть упразднены, а ихъ обязанности переданы уѣздной земской управѣ.

Вообще въ земскихъ проэктахъ настойчиво проводится мысль о сосредоточеніи въ земствѣ всѣхъ отраслей мѣстнаго управленія и всей полноты административной власти. Такъ, по проэкту воронежской коммиссіи, всѣ хозяйственныя и административныя дѣла, кромѣ надзора за волостными судами и полиціи безопасности, поручаются земской управѣ, состоящей изъ выборныхъ членовъ. Владимірское губернское земское собраніе сосредоточиваетъ все уѣздное управленіе въ земской управѣ, состоящей изъ выборныхъ членовъ съ участіемъ правительственныхъ агентовъ въ дѣлахъ, относящихся къ спеціальности каждаго изъ нихъ. Симбирская земская коммисія предлагаетъ передать всѣ отрасли уѣзднаго управленія одному

земскому учрежденію съ выборнымъ предсѣдателемъ, на обязанность котораго возлагается также исполненіе правительственныхъ распоряженій и наблюденіе за общимъ ходомъ управленія въ уѣздѣ. Уѣздное земское управленіе состоитъ изъ трехъ отдѣловъ — административнаго и судебнаго Изъ нихъ судебный отдѣлъ есть ни что иное, какъ нынѣшній съѣздъ мировыхъ судей. Хозяйственный отдѣлъ состоитъ исключительно изъ выборныхъ членовъ; а въ административномъ отдѣлѣ составъ членовъ смѣшанный съ преобладающимъ числомъ выборныхъ лицъ. По проэкту орловской земской коммиссіи, учреждается особое уѣздное управленіе для завѣдыванія дѣлами по охраненію общественнаго порядка, народному продовольствію, здравію и образованію, по воинской повинности, по сбору государственныхъ и земскихъ налоговъ, по крестьянскому управленію Уѣздное управленіе состоитъ изъ выборныхъ лицъ, составъ которыхъ дополняется правительственными агентами, допускаемыми къ участію въ дѣлахъ по предметамъ спеціальности каждаго изъ нихъ. Предсѣдательство въ управленіи возлагается на предводителя дворянства, а наблюденіе за дѣлопроизводствомъ и всѣ распорядительныя дѣйствія, не требующія коллегіальнаго обсужденія, —на предсѣдателя земской управы. Тульская земская коммисія возлагаетъ на земскую управу, сверхъ теперешнихъ обязанностей ея, надзоръ за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ Для разсмотрѣнія жалобъ на управу по дѣламъ объ увольненіи волостныхъ старшинъ и объ отмѣнѣ приговоровъ какъ сельскихъ, такъ и волостныхъ сходовъ, а равно для наблюденія за поступленіемъ всякаго рода сборовъ съ крестьянскихъ обществъ учреждается уѣздное присутствіе, подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства, изъ предсѣдателя управы, мироваго судьи, исправника и двухъ гласныхъ по выбору земскаго собранія. Московская земская коммисія, не сосредоточивая въ одномъ учрежденіи всѣхъ отраслей мѣстнаго управленія, тѣмъ не менѣе проэктируетъ образованіе *уѣзднаго совѣта* для объединенія дѣйствій волостныхъ старшинъ, для разрѣшенія возбуждаемыхъ ими вопросовъ и для разсмотрѣнія жалобъ на ихъ дѣйствія. Этотъ совѣтъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства, изъ предсѣдателя и членовъ земской управы, городскаго головы, мироваго судьи, исправника и двухъ волостныхъ старшинъ. Болѣе широкія предположенія высказываетъ вологодская земская коммисія, которая всѣ дѣла по жалобамъ на полицейскихъ приставовъ, и вообще по администра-

тивно-полицейской части въ уѣздѣ передаетъ въ вѣдѣніе съѣзда начальниковъ земскихъ волостей, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя земской управы. Сверхъ того учреждается уѣздное общее присутствіе, на которое по преимуществу, возлагается ревизія уѣзднаго земскаго хозяйства, волостнаго и приходскаго управленія, а также волостныхъ и сельскихъ судовъ. Присутствіе состоитъ, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя земскаго собранія, изъ всего съѣзда мировыхъ судей, съѣзда начальниковъ земскихъ волостей и изъ трехъ земскихъ гласныхъ.

Ставя земства во главѣ мѣстнаго управленія, земскіе проэкты замѣтно стремятся измѣнить теперешнее общегосударственное значеніе мѣстныхъ органовъ правительственной власти и сообщить имъ, вмѣсто того, государственно-областный характеръ. Такъ, казанская земская коммисія признаетъ необходимымъ „участіе земства въ регулированіи извлеченія доходовъ съ казенныхъ имуществъ, въ видахъ лучшаго соблюденія интересовъ казны и мѣстнаго населенія“. Владимірскій проэктъ предлагаетъ особое „контрольное учрежденіе“, состоящее изъ членовъ-ревизоровъ, избранныхъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и правительственнаго уѣзднаго контролера. На это контрольное учрежденіе возлагается „ревизія *общаго, государстенно-земскаго казначейства* и всѣхъ дѣйствій и отчетовъ управы, для доклада уѣздному собранію“.

Съ особеннымъ единодушіемъ и рѣшительностью земскіе проэкты высказываются за болѣе или менѣе значительное подчиненіе полиціи земскому вліянію, съ устраненіемъ, наоборотъ, вліяніе полиціи на земство. Такое требованіе имѣетъ практическое значеніе громадной важности. Мы уже указали выше, что правительственная администрація, въ средѣ которой, въ послѣдніе годы, особенно выдвинулись и получили чрезмѣрное развитіе полицейскія учрежденія,—оказываетъ большее вліяніе на земство, держа въ подчиненіи крестьянскую массу. Административное вліяніе на земство имѣетъ двѣ стороны. Съ одной стороны, оно пагубно дѣйствуетъ на успѣхи общественнаго самоуправленія. Съ другой стороны, оно служитъ преградою культурному классу представителей землевладѣнія въ его стремленіи сдѣлаться командующимъ классомъ, забравъ исключительно въ свои руки земскую власть. При такомъ положеніи дѣлъ, понятно, какое громадное значеніе пріобрѣтаетъ вопросъ объ отношеніи полиціи къ земству.

Нѣкоторые земскіе проэкты прямо высказываются за пере-

дачу полиціи въ полное вѣдѣніе земства. Такъ, по словамъ полтавской земской управы, „полиція должна быть земская и притомъ отъ самой маленькой ея единицы до крупнѣйшей въ уѣздѣ“. Псковское губернское земское собраніе упраздняетъ существующія полицейскія учрежденія и возлагаетъ обязанности ихъ на земскую управу; но въ то-же время оно признаетъ необходимымъ, особо отъ земской полиціи, учредить государственную, на обязанность которой возлагается предупрежденіе и преслѣдованіе преступленій. По мнѣнію новгородской губернской коммисіи, „земству исключительно ввѣряются заботы объ общественной безопасности, здравіи, благоустройствѣ, благочиніи, предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и проступковъ, кромѣ общегосударственныхъ, которые, касаясь интересовъ всего государства, по существу, не входятъ въ кругъ вѣдѣнія мѣстныхъ учрежденій“.

Другіе земскіе проэкты, не посягая на отдѣльное отъ земскихъ учрежденій существованіе полиціи, хотятъ подчинить ее земскому вліянію посредствомъ замѣщенія полицейскихъ должностей по выбору земства. Въ такомъ смыслѣ высказывается самарская губернская коммисія, по мнѣнію которой, „выборные нижніе агенты полицейской власти должны имѣть ближайшее выборное начальство“. Для прекращенія вліянія полиціи на крестьянъ,—говоритъ таврическая губернская земская управа, —„а также для устраненія случаевъ безнаказаннаго злоупотребленія властью чинами полиціи, является единственнымъ средствомъ — учрежденіе выборной полиціи, отвѣтственной не только предъ своимъ начальствомъ, но непосредственно предъ судомъ, по жалобѣ частныхъ лицъ“. Точно также костромское губернское земское собраніе передаетъ полицейскую властъ выборному полицейскому органу, снабжая его выборными же помощниками. По проэкту казанской коммисіи, исправники и становые пристава избираются уѣздными земскими собраніями и утверждаются губернаторомъ. Равнымъ образомъ по проэкту калужской коммиссіи, „уѣздный исправникъ, помощникъ его и становые пристава избираются уѣздными земскими собраніями но 3 года изъ лицъ, имѣющихъ право на государственную службу и внесенныхъ въ предварительно-составленный уѣздною управою списокъ, утвержденный губернаторомъ, въ числѣ двухъ кандидатовъ для каждой должности, изъ которыхъ по одному и утверждается губернскимъ начальствомъ. Въ случаѣ увольненія кого нибудь изъ этихъ высшихъ чиновъ уѣздной полиціи, они временно замѣщаются лицами по усмотрѣнію губернскаго

начальства, о чемъ немедленно должно быть сообщено подлежащему уѣздному собранію, отъ котораго зависитъ безотлагательно произвести новые выборы". Наконецъ, вологодская коммисія, хотя и оставляетъ полицейскую власть въ рукахъ правительственной администраціи, но все таки даетъ мѣсто земскому вліянію на личный составъ полиціи. По вологодскому проэкту, полицейская власть, въ предѣлахъ вновь проэктированной *земской волости*, ввѣряется *волостному полицейскому приставу*, который, „какъ органъ полицейской власти, состоитъ на государственной службѣ и опредѣляется на должность губернаторомъ, по совмѣстному представленію уѣздной земской управы и начальника земской волости."

Третьи земскіе проэкты, не посягая на право центральнаго правительства имѣть свои мѣстные полицейскіе органы, создаютъ, рядомъ съ общею, государственною полиціею, еще мѣстную, земскую полицію. Между этими двумя, самостоятельными и независимыми одна отъ другой, полицейскими организаціями должны быть раздѣлены всѣ теперешнія обязанности полицейскихъ учрежденій. Вслѣдствіе-же такого раздробленія полицейской власти, естественно должно уменьшиться и ослабнуть вліяніе полиціи на земскія дѣла. Въ такомъ смыслѣ высказываются проэкты псковскаго губернскаго земскаго собранія, воронежской и симбирской земскихъ коммисій. Наконецъ, нѣкоторые земскіе проэкты ограничиваются тѣмъ, что съуживаютъ кругъ дѣятельности полиціи посредствомъ простаго сокращенія предметовъ вѣдѣнія ея. Такъ, по словамъ московской коммисіи, „обязанности полиціи должны соотвѣтствовать прямому ея назначенію—государственной охранѣ, почему обременять ее всею массою разнородныхъ дѣлъ, нынѣ на нее возлагаемыхъ, не представляется удобнымъ, такъ какъ это отвлекаетъ ее отъ прямыхъ ея обязанностей. Поэтому, по мнѣнію коммисіи, власть полиціи должна быть направлена исключительно къ охраненію внѣшняго порядка, безопасности и благочинія, предупрежденію и пресѣченію преступленій, разслѣдованію совершенныхъ преступленій и задержанію виновныхъ." Точно такъ же проэктъ уфимской губернской земской управы ограничиваетъ кругъ дѣятельности полиціи слѣдующими обязанностями: охраненіемъ общественной и личной безопасности, розысканіемъ и задержаніемъ преступниковъ, оказаніемъ содѣйствія учрежденіямъ и частнымъ лицамъ, при исполненіи законныхъ требованій первыхъ и по огражденіи личныхъ и имущественныхъ правъ вторыхъ, сопровожденіемъ и окараулива-

ніемъ арестантовъ, и, наконецъ, объявленіемъ распоряженій власти.

Такимъ образомъ земскіе, проэкты столь значительно расширяютъ предѣлы земскаго самоуправленія, что передаютъ въ руки земства почти всю полноту правительственной власти въ областной сферѣ. Здѣсь мы видимъ попытку практическаго осуществленія той задачи, которая была высокопоставлена на знамени дѣятелей періода „новыхъ вѣяній". Эта задача, увлекавшая все русское общество и доселѣ привлекающая общественныя симпатіи къ дѣятелямъ „новыхъ вѣяній", состояла въ расширеніи общественнаго самоуправленія. Общество видѣло, что на знамени стоитъ симпатичная ему задача, и шло вслѣдъ за этимъ знаменемъ, вѣря, что вожаки приведутъ его именно туда, куда указываетъ знамя. Но тутъ случилась самая обыкновенная исторія, то и дѣло повторяющаяся въ дѣятельности общественныхъ партій. Оказалось, что знаменемъ прикрывалось совсѣмъ не то, что было написано на немъ, но нѣчто такое, что едва-ли можетъ быть симпатично русскому обществу.

Мы видѣли, какъ значительно расширяются въ земскихъ проэктахъ предѣлы земской власти, — но расширяется-ли чрезъ это общественное самоуправленіе, въ истинномъ, широкомъ смыслѣ этого слова? Нисколько. Болѣе или менѣе обширныя границы общественнаго самоуправленія опредѣляются не столько большимъ или меньшимъ объемомъ власти, сколько болѣе или менѣе широкимъ участіемъ народа въ самоуправленіи. Поэтому, будетъ-ли власть находиться въ рукахъ бюрократіи, или-же какой-нибудь одной, выдѣлившейся изъ народа общественной группы, — все равно народъ будетъ лишенъ самоуправленія, все равно будетъ подчиняться посторонней ему власти. Вѣдь народу нисколько не легче оттого, что, вмѣсто бюрократіи, имъ будетъ управлять какая-нибудь другая, болѣе многочисленная общественная группа.

Земскіе проэкты реформы мѣстнаго управленія нисколько не расширяютъ народнаго представительства въ земствѣ. Напротивъ, представительство землевладѣнія много выиграетъ отъ проэктированныхъ измѣненій и такимъ образомъ должно еще болѣе усилиться и еще болѣе будетъ преобладать надъ прочими общественными элементами. При такомъ усиленіи землевладѣльческаго элемента въ земскомъ представительствѣ, само собою разумѣется, что расширеніе предѣловъ земской власти неминуемо будетъ вести не къ расширенію правъ народа и развитію въ немъ начала свободы, но къ еще

большему усиленію все того-же общественнаго элемента, поставленнаго во главѣ земской власти, а вслѣдствіе этого и къ еще большему преобладанію его надъ остальными общественными элементами, что прямо идетъ наперекоръ началу общественнаго самоуправленія. Отъ этого, въ концѣ концовъ, общественное самоуправленіе, въ истинномъ, широкомъ смыслѣ этого слова, ничего не выиграетъ, вслѣдствіе расширенія земской власти безъ соотвѣтствующаго расширенія народнаго представительства въ земствѣ. Чтобы доказать это болѣе рѣзко и наглядно, мы обратимся къ примѣру,—остановимся на проэктируемыхъ земствомъ измѣненіяхъ въ полицейской организаціи.

Проэктируемое земствомъ, учрежденіе выборной полиціи—не новость у насъ. Учрежденія Екатерины II передали въ руки выборныхъ властей всю уѣздную полицію и вообще все уѣздное управленіе. Такой порядокъ, будучи отмѣненъ только реформами императора Александра II, живо сохранился въ нашей памяти. Онъ носилъ имя *земства*, переданное отъ него по наслѣдству учрежденіямъ 1 января 1864 года. Уѣздное управленіе вообще и въ частности полиція, носившая въ то время названіе *земской полиціи*, были сосредоточены въ *земскомъ судѣ*, состоявшемъ изъ выборныхъ членовъ. Во главѣ уѣзднаго управленія стояли капитанъ-исправникъ и при немъ засѣдатели, которымъ принадлежала вся полнота полицейской власти. Они назначались по общественному выбору и всегда принадлежали къ той мѣстной общественной партіи, которая въ данный моментъ занимала господствующее положеніе. Зависимость этихъ выборныхъ полицейскихъ властей отъ правительственной администраціи, въ лицѣ губернатора, была очень слаба, въ противоположность полной, фактической зависимости ихъ отъ вожаковъ господствующей партіи. Сами губернаторы старались всячески угодить могущественнымъ вожакамъ партій, которые, пользуясь сильными связями въ высшихъ сферахъ, нерѣдко добивались смѣны не угодившихъ чемъ-нибудь губернаторовъ.

При такомъ выборномъ *земскомъ* устройствѣ полиціи, казалось,—чего-же больше было желать? Народъ долженъ былъ обѣими руками держаться за дарованное ему съ высоты престола право *общественнаго самоуправленія*. Если чего и можно было желать въ интересахъ свободы и порядка, то развѣ только дальнѣйшаго и болѣе широкаго развитія началъ общественнаго самоуправленія, положенныхъ въ основу полицейской организаціи. Но чтобы отдавать предпочтеніе бюро-

кратической полиціи предъ выборною, земскою полиціею и при этомъ стоять на точкѣ зрѣнія все тѣхъ же интересовъ народной свободы,—да развѣ это возможное, мыслимое дѣло! И однако, что-же мы видимъ? Мы видимъ народное проклятіе выборной, земской полиціи и сожалѣніе о прежнемъ, воеводскомъ, бюрократическомъ управленіи, которое, оказывается, больше обезпечивало интересы народной свободы. Чтобы показать, какъ сильно и вмѣстѣ глубоко-осмысленно было народное недовольство земскою полиціею, учрежденною Екатериною II, мы приведемъ одинъ памятникъ народной литературы конца прошлаго столѣтія,—сатирическое прошеніе крестьянъ къ Богу, пародирующее установленныя въ законѣ формы для подачи прошеній въ присутственныя мѣста.

Всепресвѣтлѣйшій и милостивый Творецъ,
Создатель небесныхъ и словесныхъ овецъ!
Просимъ мы слезно, нижайшія твари,
Однодворцы и экономическіе крестьяне.
А о чемъ, тому слѣдуютъ пункты.

1.

Не было въ сердцахъ нашихъ болѣсти,
Когда не раздѣлены были мы на волости:
И всякому крестьянину была свобода,
Когда управлялъ нами воевода.
Тогда съ каждаго жила
По копѣйкѣ съ души выходило.

2.

А какъ извѣстно всему свѣту,
Что отъ исправника и секретаря житья нѣту.
По наукѣ ихъ *), головы и сотскіе воры
Поминутно дѣлаютъ поборы.
Поступаютъ съ нами безчеловѣчно,
Чего не слыхать было вѣчно.
Прежде тиранили, ненавидя Христовой вѣры,
А сіи мучатъ, какъ не дашь денегъ или овса мѣры.
Всѣ наши прибытки и доходы
Потребляютъ земскому суду на расходы.

3.

Суди насъ, Владыко, по человѣчеству:
Какіе же слуги будемъ мы отечеству?
До крайности дошли, что нечѣмъ и одѣться,
Въ большіе праздники и разговѣться.
Работаемъ, трудимся до поту лица.

---

*) Замѣтьте: выборныя крестьянскія власти—воры не сами по себѣ, но *по наукѣ*, по приказанію, вслѣдствіе посторонняго давленія, оказываемаго на нихъ некрестьянскими выборными властями.

А не съѣдимъ въ христовъ день куринаго яйца.
Ѣдимъ мякину обще съ лошадьми.
А какъ придетъ весна,
То жены наши начнутъ ткать красна
Исправнику, секретарю и приказнымъ,
Чтобы не быть бабамъ нашимъ празднымъ.
Съ каждаго домишка
Берутъ по полпуду льнишка
И сверхъ того для своей чести
Собираютъ по полфунту овечьей шерсти,
Даже со двора по мотку и нитокъ,
Каковъ бы ни былъ нашъ пожитокъ.
И какъ они въѣзжаютъ,
То плутъ десятскій съ сотскимъ изъ дому всѣхъ выгоняютъ.
А тѣхъ только оставляютъ, которыя помоложе.
Да ужъ и говорить о томъ непригоже!
Пріѣзды ихъ весьма для насъ обидные
Тебѣ Владыка нашъ, Самому очень видные.
Просимъ мы тебя слезно, простирая руки:
Какъ нынѣ страждутъ Адамовы внуки!
Отъ властителей такихъ велика намъ бѣда.
Избавь насъ, Господи, отъ земскаго суда!

Что это такое? можетъ быть, это былъ единичный голосъ какого нибудь отсталаго приверженца старины, и онъ совсѣмъ не служитъ выраженіемъ народной мысли? Къ сожалѣнію, это не такъ. Всѣмъ намъ очень хорошо извѣстно, какое ненавистное воспоминаніе оставила по себѣ въ народѣ земская полиція, уничтоженная реформами Императора Александра II, какимъ беззаконіемъ, произволомъ, насиліемъ и всевозможными безчинствами прославили себя эти выборные капитанъ-исправники и засѣдатели. При всѣхъ, каждому изъ насъ очевидныхъ и у каждаго наболѣвшихъ, недостаткахъ теперешней полиціи, все-таки нельзя не сознаться, что теперешняя бюрократическая полиція неизмѣримо выше и лучше старой, земской полиціи.

Принципъ общественнаго самоуправленія ни мало не подрывается и не умаляется отъ того, что широкія права предоставленныя выборному общественному управленію, невсегда служатъ къ огражденію народныхъ интересовъ, но могутъ быть и опорою для народнаго угнетенія. Выборное общественное управленіе можетъ въ большей или меньшей степени отклониться отъ принципа общественнаго самоуправленія, а по мѣрѣ этого отклоненія народные интересы приносятся въ жертву своекорыстнымъ интересамъ какой-нибудь одной общественной группы, выдѣлившейся изъ народа и ставшей во главѣ выборнаго, общественнаго управленія. Такъ случилось и у насъ съ тѣмъ стариннымъ выборнымъ управленіемъ, которое введено учрежденіями Екатерины II-й. Подъ формою выбор-

наго общественнаго управленія, въ то время скрывалось господство дворянскаго сословія надъ всѣми остальными общественными элементами, которые, хотя и имѣли своихъ выборныхъ представителей въ системѣ управленія, тѣмъ не менѣе и представлены были, сравнительно съ дворянствомъ, весьма слабо, да и кромѣ того были слабѣе его въ экономическихъ и культурныхъ отношеніяхъ. Вмѣсто общественнаго самоуправленія, въ широкомъ смыслѣ этого слова, въ то время у насъ было выборное дворянское управленіе, прикрытое только для формы участіемъ выборныхъ представителей другихъ сословій,—безгласныхъ, забитыхъ и жалкихъ представителей. Такъ что-же мудренаго въ томъ, что такое выборное общественное управленіе оставило по себѣ самую ненавистную память въ народѣ, и могутъ ли недостатки этого управленія подрывать и умалять принципъ общественнаго самоуправленія?..

Вотъ почему, высоко ставя принципъ общественнаго самоуправленія, мы, въ то-же время, не можемъ не высказать опасенія, по поводу расширенія земскихъ полномочій безъ соотвѣтствующаго расширенія народнаго представительства. Вѣдь вмѣсто расширенія народнаго представительства, земскіе проэкты стараются расширить одно представительство землевладѣнія. Послѣдствіемъ этого легко можетъ быть то, что вся полнота земской власти перейдетъ въ руки одного общественнаго класса, выгоднѣе другихъ представленнаго въ земствѣ, да сверхъ того сильнаго своимъ экономическимъ и культурнымъ превосходствомъ надъ народною массою. Такое опасеніе, въ особенности, можетъ имѣть серьезное значеніе въ томъ случаѣ, если громадное большинство сельскаго населенія, крестьянство, будучи слабо представлено въ земствѣ, не найдетъ и въ сельскомъ самоуправленіи органа для преслѣдованія своихъ интересовъ и для огражденія своей самостоятельности. Поэтому вопросъ о реформѣ сельскаго самоуправленія, воздвигнутый на первый планъ въ земскихъ проэктахъ реформы мѣстнаго управленія, пріобрѣтаетъ громадную общественную важность, а вмѣстѣ съ тѣмъ понятнымъ становится и то, почему въ земскихъ проэктахъ вся реформа мѣстнаго управленія зиждется на новой организаціи сельскаго управленія.

V.

Самою мелкою и простѣйшею единицею сельскаго самоуправленія служитъ сельское общество, которое, въ настоящее время, имѣетъ сословно-крестьянскій характеръ. Вотъ въ этой-то сословности нашего сельскаго общества и заключается слабая сторона, противъ которой земскіе проэкты направляютъ всю силу своихъ ударовъ. Сословность,—вѣдь это отжившее свой вѣкъ учрежденіе, утратившее всякій кредитъ въ глазахъ общества. Сословность!—этимъ словомъ сказано все, нанесенъ окончательный ударъ, произнесенъ смертный приговоръ. И дѣйствительно,—что станешь возражать, когда исторія уже произнесла свой приговоръ надъ сословіями!...

Но исторія новѣйшихъ европейскихъ обществъ, произнеся свой приговоръ надъ сословіями, въ то же время выставила принципъ безсословности. Напротивъ земскіе проэкты возстаютъ противъ сословности не во имя безсословности, но во имя всесословности. Что-же значитъ всесословность? Какое реальное содержаніе заключается въ этомъ словѣ. Отвѣчать па этотъ вопросъ довольно трудно, потому что у нашихъ земцевъ существуетъ самое туманное и запутанное представленіе объ излюбленной ими всесословности. Кажется всего вѣрнѣе будетъ опредѣлить всесословность, какъ сліяніе на почвѣ равноправности въ какомъ-нибудь одномъ учрежденіи лицъ, принадлежащихъ ко всѣмъ сословіямъ, продолжающимъ существовать въ обособленномъ видѣ. Но если такъ, то значитъ всесловность предполагаетъ существованіе сословности и въ то-же время комбинируетъ сословные элементы такимъ образомъ, что сообщаетъ учрежденію безсословный характеръ. Теоретически всесословность есть просто глупая штука, логически несообразная вещь. Но за то она имѣетъ большое практическое значеніе, служа *и нашимъ и вашимъ*, удовлетворяя въ одинаковой степени сторонниковъ сословности и безсословности и позволяя ловкимъ людямъ водить за носъ простаковъ.

Г. Скалонъ сознается, что въ пользу всесословности сельскаго общества высказываются немногіе земскіе проэкты. За то самъ онъ горячій сторонникъ всесословности сельскаго управленія. „Мы признаемъ необходимымъ,—говоритъ онъ,—коренное переустройство сельскаго общественнаго управленія

въ томъ направленіи, чтобы въ немъ могли получить удовлетвореніе всѣ, существующіе въ селеніи, интересы, чтобы оно сдѣлалось первой, основной единицей нашего самоуправленія. Поземельная община должна войти въ него, какъ самостоятельный членъ, наравнѣ съ личными собственниками, живущими въ предѣлахъ его территоріи, оставаясь независимой и самостоятельной въ области своего хозяйственнаго быта. Само собою разумѣется, что поземельная община можетъ и совпасть съ сельскимъ обществомъ, и что послѣднее можетъ состоять изъ однихъ крестьянъ-общинниковъ, если кромѣ нихъ не окажется другихъ обывателей въ околоткѣ, образующемъ общество. Мы твердо убѣждены, что образованіе всесословнаго общества не причинитъ никакого ущерба крестьянамъ, ни мало не посягнетъ на ихъ „самобытность", напротивъ, оно послужитъ имъ въ пользу, хотя бы уже тѣмъ, что увеличитъ матеріальныя средства, служащія для удовлетворенія общественныхъ потребностей" *).

Такимъ образомъ г. Скалонъ, уничтожая сословно-крестьянское сельское общество, вмѣсто его создаетъ всесословное сельское общество. При этомъ онъ не упраздняетъ ни существованія отдѣльныхъ сословій, ни особыя сословныя организаціи. Равнымъ образомъ и земскіе проэкты отнюдь не посягаютъ на существованіе сословныхъ организацій и даже прямо признаютъ необходимость такой организаціи для крестьянства „Въ дѣлѣ переустройства нашего мѣстнаго управленія—говоритъ г. Скалонъ,—весьма существенное значеніе имѣетъ вопросъ о томъ, должно-ли быть сохранено особое, сословное крестьянское управленіе. Въ виду несомнѣннаго существованія особенностей быта крестьянъ, ихъ юридическихъ воззрѣній и формъ землевладѣнія, всѣ земскіе проэкты рѣшаютъ этотъ вопросъ утвердительно". При такомъ условіи, къ чему же сводится всесословность сельскаго общества? Выходитъ, что крестьяне должны поступиться своими сословными правами въ пользу другихъ сословій, которые взамѣнъ этого не дѣлаютъ никакихъ уступокъ изъ своихъ сословныхъ правъ,—

---

*) За то общественные расходы сильно возрастутъ — и притомъ расходы не всегда производительные. Примѣръ: безобразное увеличеніе окладовъ жалованья въ учрежденіяхъ всесословныхъ—земскихъ и городскихъ. Самое усиленіе матеріальныхъ средствъ не произойдетъ-ли на счетъ тѣхъже крестьянъ, будучи достигнуто посредствомъ увеличенія тягости налоговъ, и не будутъ-ли служить налоги для удовлетворенія потребностей «личныхъ собственниковъ» преимущественно предъ потребностями крестьянъ?

по крайней мѣрѣ, въ земскихъ проэктахъ нѣтъ и помина о такихъ уступкахъ Мы понимаемъ отказъ отъ сословныхъ правъ во имя принципа безсословности: здѣсь потеря правъ вознаграждается значительнымъ пріобрѣтеніемъ, неминуемо происходящимъ для большинства, вслѣдствіе отмѣны привилегій меньшинства при всенародномъ уравненіи въ области права. Но когда требуютъ уничтоженія сословно-крестьянскаго сельскаго общества во имя принципа всесословности, тогда мы имѣемъ дѣло съ случаемъ, совершенно противоположнымъ. Здѣсь крестьянство, составляющее большинство населенія, должно отказаться отъ своихъ сословныхъ правъ въ пользу такихъ сословныхъ группъ, которыя, составляя меньшинство населенія, взамѣнъ получаемаго ими пріобрѣтенія, не дѣлаютъ никакихъ уступокъ изъ своихъ сословныхъ правъ. Вѣдь это будетъ ни что иное, какъ ослабленіе одного сословія въ видахъ соразмѣрнаго усиленія другихъ сословій.

Теперь пойдемъ далѣе и спросимъ г. Скалона: въ чью именно пользу должны отказаться крестьяне отъ сословно-крестьянскаго управленія сельскихъ обществъ? На это земскіе проэкты не даютъ никакого отвѣта, а г. Скалонъ даетъ такого рода отвѣтъ, предъ которымъ остается только развести руками. И въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, въ чьихъ рукахъ нынѣ находится сельское общественное управленіе? Во главѣ его стоитъ сельскій сходъ, въ которомъ принимаютъ непосредственное участіе всѣ крестьяне-домохозяева. Этимъ участіемъ всѣхъ крестьянъ домохозяевъ въ сельскомъ сходѣ опредѣляется объемъ нынѣ существующаго сельскаго самоуправленія. Можно расширить этотъ объемъ самоуправленія, допустивъ къ непосредственному участію въ общественномъ управленіи всѣхъ взрослыхъ крестьянъ, или еще шире—всѣхъ взрослыхъ жителей извѣстной мѣстности. Наоборотъ, самоуправленіе съуживается, когда право на участіе въ немъ ограничивается болѣе высокимъ цензомъ, или еще уже—когда право непосредственнаго участія замѣняется представительствомъ. Такого съуженія сельскаго самоуправленія добивается г. Скалонъ, вмѣстѣ съ упраздненіемъ сословно крестьянскаго характера сельскаго общества. По его предположеніямъ, право на участіе въ сельскомъ общественномъ управленіи опредѣляется имущественнымъ цензомъ. „Поземельная община,—говоритъ онъ,—должна войти въ сельское общество, какъ самостоятельный членъ, наравнѣ съ личными собственниками, живущими въ предѣлахъ его территоріи". Слѣдовательно, въ сельскомъ, всесословномъ управленіи

будутъ принимать участіе изъ крестьянской среды—не всѣ крестьяне-домохозяева, принадлежащіе къ извѣстному обществу, не поземельныя крестьянскія общины, „какъ самостоятельные члены“, а изъ среды не крестьянской—не всѣ взрослые жители извѣстной мѣстности, но только личные собственники, живущіе въ предѣлахъ общинной территоріи. Г. Скалонъ не объясняетъ, непосредственно или чрезъ представителей будутъ участвовать въ сельскомъ управленіи личные собственники, но несомнѣнно, что поземельныя общины иначе не могутъ участвовать въ общественномъ управленіи, какъ чрезъ представителей. Такимъ образомъ, всесословное сельское самоуправленіе, согласно проэкту г. Скалона, оказывается равносильнымъ значительному ограниченію принадлежащаго нынѣ крестьянамъ права на участіе въ сельскомъ общественномъ самоуправленіи, съ расширеніемъ такого права для однихъ лишь личныхъ собственниковъ изъ всѣхъ сословій. А такъ какъ крестьяне, принадлежащіе къ составу поземельныхъ общинъ, составляютъ громадное большинство сельскаго населенія, а личные собственники—меньшинство, то ясно, что, въ данномъ случаѣ, ограниченіе сословныхъ крестьянскихъ правъ будетъ равносильно ограниченію правъ большинства населенія, взамѣнъ чего расширяются права меньшинства. Сельское управленіе хотятъ вырвать изъ рукъ большинства и отдать его въ руки меньшинства, мѣняютъ кукушку на ястреба и притомъ расточаютъ медовыя рѣчи о всесословности...

Замѣчательно, что мысль о всесословномъ сельскомъ управленіи встрѣтила самый сильный отпоръ со стороны тѣхъ, кому она всего больше сулитъ выгодъ. Противъ нея высказались земства, проникнутыя сословно-дворянскими тенденціями. Утративъ вѣру въ силы помѣстнаго дворянства, они трепещутъ предъ призракомъ Чумазаго, этого общаго врага и мирныхъ крестьянскихъ общинъ и старыхъ дворянскихъ гнѣздъ. Имъ, не безъ основанія, кажется, что сторонники всесословнаго сельскаго управленія играютъ въ руку Чумазому, что всесословность, отстраняя крестьянъ отъ сельскаго управленія, только расчищаетъ доступъ къ нему все для того-же Чумазаго. Такъ, становясь на точку зрѣнія интересовъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія, Орловская коммисія высказываетъ слѣдующія соображенія по поводу всесословной волости, которыя въ одинаковой степени относятся и къ всесословному сельскому обществу. „Самый надежный элементъ изъ среды мѣстныхъ землевладѣльцевъ едва-ли будетъ въ состояніи оказать благотвор-

ное вліяніе; лица, принадлежащія къ этому кругу, большею частью, отвлечены отъ дѣлъ ближайшаго къ ихъ имѣнію округа или государственной службой, или земской, но въ другой сферѣ, и не будутъ имѣть возможности постоянно участвовать въ волостномъ самоуправленіи и слѣдить за его развитіемъ. Напротивъ, тотъ вліятельный въ сельской сферѣ и вредный классъ, противовѣсъ которому думаютъ найти въ лучшихъ людяхъ данной мѣстности, войдетъ въ составъ волостныхъ земскихъ учрежденій и получитъ въ немъ перевѣсъ уже не окольными путями, какъ теперь, а на почвѣ, открытой для него самимъ закономъ. Если, въ настоящее время, въ волостныхъ сходахъ участвуютъ люди этого типа, то ихъ вліяніе сколько нибудь умѣряется принадлежностью къ сельскимъ общинамъ, а въ земскую волость они войдутъ всѣ, большинство-же ихъ — мѣщане и разночинцы. Такимъ образомъ, низменные и своекорыстные инстинкты получатъ преобладаніе, въ ущербъ интересамъ общиннымъ, а равно и интересамъ относительно крупнаго личнаго землевладѣнія, представители коего будутъ съ перваго же шага отстранены численною силою. Отсюда, вмѣсто ожидаемаго единенія и взаимодѣйствія, скоро возникнутъ недоразумѣнія и даже вражда между двумя группами населенія, доселѣ жившими въ мирѣ и согласіи". Равнымъ образомъ, бессарабская губернская земская управа, извѣстная своими симпатіями къ интересамъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія, говоритъ: „врядъ-ли, въ особенности на первыхъ порахъ, при неразвитости сельскаго населенія и при существующей разрозненности интересовъ отдѣльныхъ сословій, можно допустить, чтобы то не малое число всякаго рода разночинцевъ, писарей, проживающихъ въ селеніяхъ, не воспользовалось своимъ вліяніемъ, какимъ нынѣ пользуется въ средѣ общества, и чтобы эти лица не были выбраны въ представители общины; опасенія эти настолько основательны, что, по всѣмъ и каждому извѣстнымъ примѣрамъ, убѣждаютъ въ необходимости высказаться противъ такой всесословности".

Мы вполнѣ раздѣляемъ опасенія орловскаго и бессарабскаго земствъ относительно того, что Чумазый, пріобрѣтя доступъ въ сельское всесословное управленіе, не упуститъ случая забрать въ его свои руки и воспользоваться имъ, какъ средствомъ для подчиненія себѣ крестьянской массы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы считаемъ необходимымъ исправить односторонность, вкравшуюся въ приведенныя выше земскія мнѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что не только Чумазый, но и помѣстное дворянство, при помо-

ціи всесословнаго управленія, постарается подчинить своему вліянію крестьянское населеніе. Опираясь на экономическое и культурное превосходство надъ крестьянами, помѣстному дворянству, а въ иныхъ мѣстахъ разночинцамъ-кулакамъ, не трудно будетъ забрать исключительно въ свои руки все сельское самоуправленіе и затѣмъ, при помощи его, поддерживать и закрѣплять выгодныя для себя и невыгодныя для крестьянъ экономическія отношенія.

Въ земскихъ мнѣніяхъ мы находимъ не мало указаній на то, что всесословное сельское управленіе неминуемо должно привести къ преобладанію одного общественнаго класса надъ другими. Такъ, напримѣръ, въ казанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, непремѣнный членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, г. Купріяновъ, рѣшительно утверждалъ, что во всесословныхъ волостяхъ „преобладаніе представителей одного сословія будетъ явленіемъ неизбѣжнымъ, послѣдствіемъ чего явится подчиненіе интересовъ одного сословія не общимъ земскимъ интересамъ, а выгодамъ той группы, представительство которой будетъ преобладать или въ численномъ или въ умственномъ отношеніи. Что это не поведетъ къ желанному сближенію сословій, то это несомнѣнно; скорѣе можно опасаться того, что всесословная волость послужитъ очагомъ для подогрѣванія непріязни между сословіями, которая такъ вредно отзывается на общей дѣятельности государственной организаціи". Борьба между общественными классами, которая должна возникнуть въ сферѣ всесословнаго сельскаго самоуправленія, имѣетъ своимъ основаніемъ противоположность экономическихъ интересовъ у разныхъ общественныхъ группъ. По словамъ самарской губернской коммисіи, „діаметральная противоположность принциповъ, на которыхъ основано частное и общинное землевладѣліе, будетъ всегда служить существеннымъ препятствіемъ для равноправнаго между ними экономическаго союза, въ особенности въ предѣлахъ ограниченнаго округа, гдѣ взаимно-противоположные интересы представителей разныхъ видовъ землевладѣнія будутъ сталкиваться наиболѣе чувствительнымъ образомъ. Поэтому коммисія полагаетъ, что всесословная волость, какъ небольшое представительное собраніе, по кругу вѣдѣнія однородное съ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, привело бы не къ объединенію интересовъ населенія, а къ усиленію экономической розни между разнородными классами, къ перенесенію этой розни изъ сферы частныхъ отношеній въ сферу функцій общественныхъ учрежденій и къ

усвоенію послѣдними, вопреки ихъ назначенію рѣзко сословной окраски. А при такомъ направленіи земской дѣятельности въ предполагаемыхъ мѣстныхъ земскихъ округахъ, еще менѣе позволительно разсчитывать, чтобы экономическіе интересы массы населенія нашли себѣ въ органахъ земства всестороннее и справедливое удовлетвореніе". Въ такомъ же смыслѣ высказывается и симбирская земская коммисія. По ея мнѣнію „практическая невозможность уравновѣсить элементы землевладѣльческій и крестьянскій въ волостномъ управленіи поведетъ за собою несправедливое подавленіе интересовъ одного изъ этихъ элементовъ въ пользу другаго и можетъ имѣть въ результатѣ не сближеніе, а взаимный антагонизмъ сословій. Не усматривая, такимъ образомъ, пользы отъ организаціи всесословной волости, коммисія не можетъ не опасаться вредныхъ результатовъ такой коренной реформы".

Встрѣчая подобнаго рода земскія заявленія естественно возникаетъ вопросъ: какъ отозвались на сдѣланныя предостереженія земскіе дѣятели, работавшіе надъ реформою мѣстнаго управленія? Приняли ли они мѣры для того, чтобы всесословное сельское управленіе не могло привести къ господству одного общественнаго класса надъ другимъ, къ преобладанію меньшинства населенія надъ большинствомъ? Или же, наоборотъ, земскіе проэкты не затрудняютъ, но облегчаютъ, какому-нибудь одному общественному классу возможность достигнуть перевѣса надъ остальными классами въ сферѣ сельскаго самоуправленія? Чтобы получить отвѣты на эти вопросы, мы обратимся къ земскимъ проэктамъ всесословной волости, которая должна замѣнить теперешнюю крестьянскую сословную волость.

VI.

Всесловная волость, хотя и встрѣчаетъ противниковъ въ земской средѣ, тѣмъ не менѣе составляетъ самый распространенный и любимый предметъ разсужденій въ земскихъ проэктахъ реформы мѣстнаго управленія. По словамъ г. Скалона, „въ пользу всесословности сельскаго общества высказываются не многіе; за то мысль о сліяніи крестьянъ съ другими сословіями въ болѣе обширныхъ административныхъ единицахъ—приходахъ или волостяхъ—имѣетъ много сторонниковъ". Однако между сторонниками всесословной волости не по всѣмъ пунк-

тамъ установилось единство и согласіе. Указывая на существующія здѣсь разногласія, г. Скалонъ замѣчаетъ, что „во всѣхъ проэктахъ можно подмѣтить два главныя теченія —одновъ пользу централизаціи всего уѣзднаго управленія въ рукахъ уѣздныхъ земскихъ учрежденій и устраненія всякой самостоятельности волостныхъ единицъ, другое —въ пользу децентрализаціи и перенесенія существеннѣйшихъ отраслей управленія въ волость, съ предоставленіемъ послѣдней устройства, аналогичнаго съ уѣзднымъ". Къ первой категоріи относится большинство земскихъ проэктовъ, ко второй—меньшинство, въ пользу котораго склоняется и г. Скалонъ.

Разсматривая проэкты меньшинства, мы видимъ, что всѣ они, вмѣсто упраздненія крестьянской, сословной волости, создаютъ, тоже подъ именемъ *волости*, болѣе мелкую, сравнительно съ уѣздомъ, единицу общественнаго самоуправленія. вѣдѣнію которой подлежатъ одинаковыя съ земствомъ предметы. Организація волостнаго управленія, по всѣмъ проэктамъ, тожественна съ организаціей земскихъ учрежденій. Она состоитъ изъ распорядительнаго органа —волостнаго собранія и исполнительнаго—волостной управы, которая образуется изъ лицъ. избранныхъ волостнымъ собраніемъ. Собраніе состоитъ изъ представителей разныхъ имущественныхъ группъ. При этомъ всѣ недостатки теперешней организаціи земскаго представительства цѣликомъ переносятся въ волости съ весьма грубыми дополненіями въ пользу преобладанія имущественнаго меньшинства надъ большинствомъ населенія. Вообще, разсматриваемые проэкты меньшинства поражаютъ своею рабскою подражательностью и отсутствіемъ живаго творчества. Изъ нихъ проэкты рязанской, казанской и костромской коммисій сходятся въ томъ, что представляютъ владѣльцамъ полнаго имущественнаго ценза право участія въ волостномъ собраніи безъ выбора, давая этимъ громадную и ни на чемъ не основанную привиллегію представителямъ крупной собственности. Мелкіе собственники посылаютъ въ волостное собраніе выборныхъ представителей по одному отъ каждаго коллективнаго ценза, достигающаго опредѣленной нормы. Наконецъ, крестьянскія поземельныя общины выбираютъ на сельскихъ сходахъ представителей, число которыхъ соотвѣтствуетъ числу нормальныхъ цензовыхъ единицъ, заключающихся въ надѣльной землѣ каждой общины. Близко къ этому подходитъ проэктъ владимірскаго губернскаго земскаго собранія, который недостатки теперешней организаціи земскаго представительства только усугубля-

етъ, распространяя право непосредственнаго участія въ волостномъ собраніи на всѣхъ частныхъ владѣльцевъ, лицъ, имѣющихъ торговыя и промысловыя свидѣтельства, священниковъ, церковныхъ старостъ, сельскихъ учителей, врачей, ветеринаровъ, и ограничивая въ то-же время права крестьянъ общинниковъ, присылкою на волостное собраніе выборныхъ представителей по одному на 10 дворовъ. Кромѣ имущественнаго ценза для участія въ волостномъ управленіи, владимірское земство вводитъ еще образовательный цензъ, требуя отъ лицъ, не обладающихъ имуществомъ, образованія, не ниже получаемаго въ училищахъ 3-го разряда, а не требуя никакого образованія отъ лицъ, владѣющихъ имуществомъ,—изумительная привиллегія безграмотности для имущественнаго класса! Одинъ только петербургскій проэктъ г. Бландова и не допускаетъ непосредственнаго, безъ выбора, участія въ волостномъ собраніи, приближаясь въ этомъ отношеніи къ Положенію о земскихъ учрежденіяхъ. За то онъ отступаетъ какъ отъ Положенія, такъ и отъ всѣхъ остальныхъ проэктовъ всесословной волости, устраняя собранія избирателей, образованныя для каждой имущественной группы отдѣльно. По справедливому замѣчанію г. Бландова, „раздѣленіе избирателей на собственниковъ и общинниковъ, допущенное въ земскихъ учрежденіяхъ, въ состояніи внести только рознь въ населеніе". Поэтому учреждается одно общее для всѣхъ избирателей собраніе для выбора гласныхъ волостной думы, въ числѣ отъ 20 до 30 человѣкъ. Право на участіе въ выборѣ волостныхъ гласныхъ основано исключительно на имущественномъ достаткѣ, но опредѣляется не владѣніемъ извѣстнаго рода имуществомъ, какъ теперь, а платежомъ земскаго налога въ извѣстномъ размѣрѣ. Всякій, уплачивающій не менѣе 10 рублей въ годъ земскаго налога, имѣетъ право непосредственнаго участія въ избирательномъ собраніи для выбора волостныхъ гласныхъ. Лица, платящія земскій налогъ въ размѣрѣ ниже указанной нормы, участвуютъ въ выборахъ чрезъ уполномоченныхъ. Наконецъ, сельскія общества присылаютъ въ избирательное собраніе выборныхъ, по одному отъ каждыхъ 10 дворовъ, на основаніи того соображенія, что крестьяне платятъ по земской раскладкѣ приблизительно 10 рублей съ каждыхъ 10 дворовъ. Очевидно, что такое раздѣленіе избирателей на 3 группы есть блѣдная и жалкая копія съ земскихъ учрежденій.

Такимъ образомъ, всѣ проэкты меньшинства сходятся между собою въ томъ, что въ организаціи волостнаго само-

управленія они даютъ классу личныхъ собственниковъ, и преимущественно крупнымъ еще болѣе сильный перевѣсъ надъ крестьянами-общинниками, чѣмъ мы видимъ это теперь въ земскихъ учрежденіяхъ. Всѣ заботы направлены къ тому, чтобы для крестьянъ ограничить и стѣснить доступъ къ волостному самоуправленію, а для всѣхъ не крестьянъ расширить и облегчить этотъ доступъ. Подъ прикрытіемъ всесословности таится борьба общественныхъ классовъ, составляющихъ меньшинство, противъ класса, составляющаго большинство сельскаго населенія. Меньшинство, не отказываясь отъ своихъ сословныхъ правъ, въ видахъ полнаго уравненія съ большинствомъ населенія, требуетъ, чтобы это большинство отказалось отъ своихъ сословныхъ правъ въ пользу меньшинства. Но и этого мало,—меньшинство требуетъ не простаго распространенія на себя права, принадлежащаго большинству, но предоставленія себѣ привиллегіи сравнительно съ большинствомъ. Странное, дикое вожделѣніе нашло себѣ выраженіе въ земскихъ работахъ въ періодъ новыхъ вѣяній!...

Обращаясь къ большинству земскихъ проэктовъ реформы волостнаго управленія, мы видимъ, что они весьма невыгодно для себя отличаются отъ разсмотрѣннаго нами меньшинства проэктовъ тѣмъ, что съуживаютъ самостоятельность волостнаго управленія, подчиняя его, въ большей или меньшей степени, уѣзднымъ земскимъ учрежденіямъ. Сюда относятся одиннадцать проэктовъ, изъ которыхъ въ шести совершенно упраздняется теперешняя крестьянская волость. Что-же создаютъ вновь, вмѣсто сословной волости, упраздняющіе ее проэкты? Обо всѣхъ нихъ можно сказать одно, что они еще больше отклоняются отъ принциповъ общественнаго самоуправленія, чѣмъ разсмотрѣнное уже меньшинство земскихъ проэктовъ. Такъ, проэктъ уфимской земской управы вводитъ *земскій округъ*, который „образуютъ лица, проживающія въ извѣстной мѣстности и избирающія своихъ представителей, по разнымъ категоріямъ ценза, на отдѣльныхъ съѣздахъ. Представители эти, на общемъ собраніи округа, подъ предсѣдательствомъ мироваго судьи, избираютъ уѣздныхъ гласныхъ отъ округа и членовъ въ окружное управленіе. Кругъ дѣятельности округа, ограничиваясь потребностями небольшой мѣстности, не можетъ быть самостоятеленъ, дабы не ввести начало полной розни въ земское управленіе, а потому округа полезно во всѣхъ отношеніяхъ подчинить уѣздному собранію, а окружныя управленія —уѣздной управѣ, и допустить само-

обложеніе округа частной повинностью на спеціальныя его надобности только въ очень тѣсной рамкѣ и съ утвержденія земскаго собранія". Уфимское губернское земское собраніе, разсмотрѣвъ этотъ проэктъ управы, еще больше съузило самоуправленіе земскихъ округовъ. Еще далѣе, въ смыслѣ урѣзки самоуправленія, идетъ проэктъ большинства тамбовской коммисіи. Вмѣсто волостей, онъ вводитъ *земскіе участки*, въ которыхъ представительство организовано на тѣхъ же основаніяхъ, какія приняты положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ. Исполнительная власть въ участкахъ принадлежитъ участковому члену уѣздной земской управы, избираемому уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Подобнымъ-же образомъ проэктъ вологодской губернской коммисіи ставитъ во главѣ всесословной волости—начальника земской волости, избираемаго на 6 лѣтъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ изъ лицъ, обладающихъ имущественнымъ цензомъ для *непосредственнаго* участія въ избраніи гласныхъ и образовательнымъ, установленнымъ для мировыхъ судей. Подъ предсѣдательствомъ начальника земской волости состоитъ волостная управа, члены которой избираются волостнымъ съѣздомъ. Этотъ съѣздъ, имѣющій довольно ограниченный кругъ предметовъ вѣдѣнія, состоитъ изъ волостной управы въ полномъ составѣ, всѣхъ земскихъ гласныхъ уѣзднаго собранія, лицъ и учрежденій, имѣющихъ право голоса въ избирательныхъ съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ по имуществу, находящемуся въ предѣлахъ волости, и крестьянъ, особо для сего избираемыхъ на шесть лѣтъ приходскими сходами, по одному отъ каждыхъ 50 дворовъ. Еще далѣе идетъ проэктъ таврической губернской земской управы. Взамѣнъ сословныхъ волостныхъ сходовъ, учреждаются всесословные сходы, въ кругъ вѣдѣнія которыхъ входитъ указаніе, кому слѣдуетъ, на мѣстныя нужды и выборъ лица, завѣдующаго волостною конторою. Эта контора, замѣняющая теперешнее волостное правленіе, имѣетъ значеніе чисто канцелярское, будучи совершенно лишена какой-нибудь распорядительной власти и находясь въ непосредственномъ вѣдѣніи уѣздной земской управы. Проэктъ самарской коммисіи, вмѣсто теперешней волости, вводитъ *полицейскій участокъ* съ участковымъ собраніемъ, созываемымъ одинъ разъ въ три года, исключительно для выбора полицейскаго пристава, и состоящимъ изъ всѣхъ правоспособныхъ домохозяевъ, къ какому бы классу они ни принадлежали, прожившихъ въ участкѣ не менѣе года, или владѣющихъ въ немъ недвижимой собствен-

ностью. Наконецъ, проэктъ псковской коммиссіи не многимъ чѣмъ лучше предположеній самарскихъ земцевъ, договорившихся до полицейскаго участка. Онъ также вводитъ, взамѣнъ волостей, участки, называя ихъ земскими. Они управляются участковыми членами уѣздной земской управы. Въ каждомъ участкѣ вводятся совѣщательныя собранія, созываемыя „съ цѣлью опредѣленія мѣстныхъ пользъ и нуждъ участка, для внесенія всѣхъ мѣръ, касающихся его благоустройства, установленнымъ порядкомъ, чрезъ посредство управы, на разсмотрѣніе земскаго собранія". Въ такомъ обезображенномъ и искаженномъ до неузнаваемости видѣ является принципъ самоуправленія послѣ того, какъ земскіе упразднители періода новыхъ вѣяній наложили свою руку на крестьянское волостное управленіе, не развивая и расширяя его, но укорачивая и обрѣзая на подобіе Тришкина кафтана.

Остальные земскіе проэкты, не уничтожая крестьянскаго волостнаго управленія, лишаютъ его самостоятельности, подчиняя такъ или иначе преобладающему вліянію общественныхъ классовъ, составляющихъ меньшинство.. Въ ряду такихъ проэктовъ прежде всего останавливаетъ вниманіе на себѣ проэктъ тульской коммисіи, который ухитрился сохранить теперешнее сословное крестьянское управленіе, присоединивъ къ нему еще особое всесословное волостное управленіе. Эта новая пристройка, прилѣпленная къ старому зданію, только портитъ его, лишая цѣльности и единства плана. И въ самомъ дѣлѣ, тульскій проэктъ сохраняетъ крестьянскій волостной сходъ со всѣми правами, предоставляемыми ему положеніемъ о крестьянахъ, кромѣ выбора волостнаго старшины. Рядомъ съ этимъ сословнымъ волостнымъ сходомъ учреждается всесословный волостной сходъ, къ участію въ которомъ допускаются личные землевладѣльцы, арендаторы имѣній, фабриканты, и заводчики, приходскіе причты - всѣ поголовно, а крестьяне не всѣ поголовно, но по одному отъ 10 дворовъ. Всесословному волостному сходу предоставляется выборъ волостнаго старшины и совѣщаніе о мѣстныхъ нуждахъ для представленія заключеній въ уѣздное земское собраніе. Нѣсколько волостей составляютъ *земскій округъ*, а изъ совокупности округовъ уже составляется уѣздъ. Каждымъ округомъ завѣдуетъ окружной членъ земской управы, избираемый губернскимъ земскимъ собраніемъ не иначе, какъ изъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ или ихъ сыновей. На окружнаго члена управы возлагается надзоръ за сельскимъ и волостнымъ управленіемъ и за

полицейскою дѣятельностью волостнаго старшины, причемъ ему предоставляется право подвергать старостъ и волостныхъ старшинъ за маловажные проступки дисциплинарнымъ взысканіямъ, какъ-то: замѣчаніямъ, выговоромъ и денежному штрафу до 5 рублей, а за болѣе важные проступки временно удалять и даже окончательно отрѣшать отъ должностей.

Съ тульскимъ проэктомъ имѣютъ большое сходство проэкты воронежской и пензенской губернскихъ коммисій, которые отличаются отъ перваго только тѣмъ, что упрощаютъ дѣло, сводя всю реформу на подчиненіе волостнаго управленія, при посредствѣ земства, преобладающему вліянію землевладѣльческаго класса. Тотъ и другой проэкты вполнѣ сохраняя теперешнее крестьянское волостное управленіе, предлагаютъ раздѣленіе уѣзда на участки, по усмотрѣнію уѣздныхъ земскихъ собраній. Каждый участокъ поручается завѣдыванію особаго лица, избираемаго земскимъ собраніемъ. Воронежскій проэктъ во главѣ участка ставитъ участковаго члена земской управы, а пензенскій проэктъ—особаго попечителя съ правами члена управы, избираемаго изъ лицъ, обладающихъ имущественнымъ цензомъ въ размѣрѣ, установленномъ для участія въ земскихъ выборахъ. По дѣламъ крестьянскаго управленія оба проэкта возлагаютъ на завѣдующихъ участками всѣ права непремѣнныхъ членовъ, а равно наблюденіе за сельскимъ и волостнымъ управленіемъ и руководство имъ. Пензенскій проэктъ предоставляетъ попечителямъ право временно отстранять отъ должности сельскихъ должностныхъ лицъ и пріостанавливать какъ распоряженія сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ, такъ и приговоры сельскихъ и волостныхъ сходовъ. Равнымъ образомъ и по воронежскому проэкту, участковымъ членамъ управы присвоивается власть подвергать лицъ сельскаго управленія денежнымъ штрафамъ и арестамъ, а волостныхъ—выговорамъ и замѣчаніямъ; сверхъ того, участковый членъ можетъ временно удалять отъ должности сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ. Окончательное удаленіе отъ должности и преданіе суду должностныхъ лицъ сельскаго и волостнаго управленія, а равно наложеніе штрафа или ареста на волостнаго старшину зависятъ отъ постановленія уѣздной земской управы. Да и вообще оба проэкта возлагаютъ на уѣздную земскую управу завѣдываніе крестьянскими дѣлами въ уѣздѣ, принадлежащее нынѣ уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію. Такимъ образомъ, земскіе проэкты не только не устраняютъ, но какъ бы закрѣпляютъ и еще бо-

лѣе развиваютъ главный недостатокъ теперешняго крестьянскаго управленія, которое, совершенно лишено самостоятельности и независимости, вслѣдствіе подчиненія его назначаемымъ по земскому выбору представителямъ чуждыхъ крестьянству общественныхъ классовъ, составляющихъ меньшинство населенія.

Дальше всѣхъ по пути сокращенія и упраздненія самоуправленія идутъ московскій проэктъ г. Самарина и проэктъ симбирской общей коммисіи. Изъ нихъ симбирскій проэктъ, сохраняя теперешнее волостное управленіе, приходитъ къ заключенію „о необходимости поднять среди крестьянскаго населенія авторитетъ волостной власти, т. е. той власти, которая входитъ въ ближайшее, непосредственное отношеніе къ крестьянскому населенію и которая, по условіямъ своей дѣятельности, можетъ водворить правомѣрный порядокъ въ общественномъ крестьянскомъ управленіи". Въ этихъ видахъ изъ нѣсколькихъ нынѣшнихъ волостей образуется *земская волость* съ населеніемъ не свыше 10 тыс. душъ. Эта земская волость подчинена *земскому судьѣ*, совмѣщающему въ своемъ лицѣ и судебную и административную власть. Онъ избирается на уѣздномъ земскомъ собраніи порядкомъ, установленнымъ для выбора мировыхъ судей, т. е. изъ лицъ, обладающихъ образовательнымъ и имущественнымъ цензами и даже не принадлежащихъ къ числу мѣстныхъ обывателей. Земскому судьѣ „присвоиваются всѣ права волостнаго старшины, съ распространеніемъ ихъ на всѣхъ жителей волости безъ изъятія, права бывшаго мироваго посредника, какъ по поземельнымъ отношеніямъ между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами, такъ и по общественному крестьянскому управленію, съ распространеніемъ права налагать административныя взысканія на сотскихъ и десятскихъ". На него возлагается: 1) отвѣтственность за общій порядокъ и спокойствіе въ волости; 2) отправленіе правосудія въ предѣлахъ, предоставленныхъ нынѣшнимъ мировымъ судьямъ; 3) завѣдываніе нѣкоторыми земскохозяйственными дѣлами; 4) наблюденіе за поступленіемъ казенныхъ и земскихъ сборовъ. Такія чудовищно-обширныя полномочія даются земскому судьѣ въ тѣхъ видахъ, чтобы создать въ лицѣ его сильную власть, чтобы дѣйствовать на мирныхъ обывателей страхомъ и грозою, или, выражаясь словами симбирскаго проэкта, чтобы „установить правильный порядокъ въ мѣстномъ управленіи и дать власти тотъ необ-

ходимый для него авторитетъ, котораго не имѣютъ въ настоящее время ни одинъ изъ мѣстныхъ представителей власти".

Московскій проэктъ г. Самарина, будучи весьма сходенъ въ общихъ чертахъ съ симбирскимъ проэктомъ, отличается отъ него, главнымъ образомъ, тѣмъ, что уничтожаетъ крестьянское волостное самоуправленіе и подавляетъ всякое самостоятельное проявленіе мѣстной жизни. Во главѣ земской волости стоитъ волостной мировой судья, совмѣщающій въ себѣ судебную и административную власти. Въ судебномъ отношеніи онъ пользуется всѣми правами участковаго мироваго судьи, а въ административномъ—правами члена уѣздной земской управы, завѣдующаго земскою волостью. Сверхъ того на судью возлагается: а) надзоръ за сельскимъ общественнымъ управленіемъ; б) разсмотрѣніе жалобъ на сельскихъ должностныхъ лицъ; в) всѣ дѣла, лежащія теперь на волостныхъ правленіяхъ по воинской повинности, надзоръ за поступленіемъ податей и понужденіе къ своевременной уплатѣ оныхъ; г) собраніе статистическихъ свѣдѣній по требованію правительственныхъ учрежденій; д) дѣла земскія – по страхованію, по народному продовольствію, по больницамъ, школамъ, путямъ сообщенія и проч. Избирается этотъ всемогущій и вездѣсущій мировой судья на уѣздномъ земскомъ собраніи изъ лицъ, обладающихъ имущественнымъ и образовательнымъ цензами, установленными для теперешнихъ мировыхъ судей. При волостномъ судьѣ состоятъ – его товарищъ по административной части, избираемый земскимъ собраніемъ, и волостной полицейскій приставъ, назначаемый правительствомъ. Для коллегіальнаго обсужденія нѣкоторыхъ административныхъ дѣлъ, при мировомъ судьѣ учреждается, состоящая подъ его предсѣдательствомъ, волостная управа изъ его товарища, почетныхъ мировыхъ судей, волостнаго пристава и трехъ очередныхъ сельскихъ старостъ.

По поводу московскаго проэкта самарская губернская коммисія дѣлаетъ слѣдующее весьма мѣткое замѣчаніе, проникающее въ самую глубину общественнаго вопроса, затронутаго проэктами реформы мѣстнаго управленія. „При сосредоточеніи хозяйственно-административной, судебной и исполнительной власти въ рукахъ группы лицъ, которая, по условіямъ своего избранія, будетъ почти исключительно принадлежать къ одному сословію, это сословіе пріобрѣтетъ вліяніе и силу, совершенно несоотвѣтствующія интересамъ остальнаго населенія". По нашему мнѣнію, это замѣчаніе въ полной мѣрѣ относится не къ одному лишь московскому проэкту, но ко всѣмъ земскимъ

проэктамъ, развѣ за самыми ничтожными исключеніями. Вѣдь всѣ земскіе проэкты допускаютъ приблизительно одни и тѣ же „условія избранія", которыя передаютъ власть въ руки все одной и той же „группѣ лицъ". Что же это за группа? Судя по тѣмъ одинаковымъ признакамъ, которые мы находимъ во всѣхъ земскихъ проэктахъ и которые сводятся на обладаніе имущественнымъ и образовательнымъ цензами для участія въ общественномъ самоуправленіи,—несомнѣнно, что указанная группа состоитъ изъ лицъ, обладающихъ экономическимъ и культурнымъ превосходствомъ надъ народною массою. А затѣмъ, будетъ ли это дворянство, или интеллигенція, въ уличномъ смыслѣ этого слова,—вотъ вопросъ, переданный намъ по наслѣдству отъ новыхъ вѣяній. Его не рѣшили новыя вѣянія ни въ ту ни въ другую сторону и, не успѣвъ дать рѣшающаго отвѣта, захирѣли, зачахли и скончались.

VII.

Новыя вѣянія кончились и наступило наше теперешнее безмятежное прозябаніе. Орелъ, недавно парившій въ облакахъ, погрязъ въ болотѣ. Страстная, нервная жизнь, благородные порывы, жгучія рѣчи, высокое пареніе мысли —ничего какъ не бывало... Жизнь опять вошла въ свою обычную колею и катится тихо и плавно, безъ скачковъ и треволненій. Настало желанное умиротвореніе общества, о которомъ мы недавно мечтали.

И однако затишье, наступившее въ общественной жизни, не даетъ намъ покою. Оно давитъ насъ, какъ будто ночной кошмаръ. Изъ наболѣвшей груди невольно вырывается отчаянный крикъ: нѣтъ, такъ жить нельзя!

Отчего же прежде можно было жить, а теперь нельзя?...

. . . .

Нечего намъ кивать на Якова да слезно плакаться на неблагопріятныя внѣшнія „условія". Какія прежде были условія, такія и теперь остались. Они нисколько не стали хуже, но отчасти сдѣлались даже лучше прежняго. И однако прежде мы находили въ себѣ силы жить среди тѣхъ-же самыхъ условій. Мы, мало того, что жили, но и вносили въ жизнь элементъ борьбы.

Если прежде мы вносили въ жизнь элементъ борьбы, а теперь этотъ элементъ измельчалъ, умалился, потонулъ въ обще-

ственномъ затишьи,—то это значитъ, что измѣнились въ неблагопріятномъ для насъ смыслѣ внутреннія условія жизни, лежащія въ насъ самихъ, въ обществѣ. Нѣтъ борьбы,—значитъ, или совсѣмъ убиты общественныя силы, что мы положительно отрицаемъ, такъ какъ не видимъ значительныхъ измѣненій къ худшему во внѣшнихъ условіяхъ,—или же намъ не изъ-за чего вести общественную борьбу, нѣтъ у насъ широкихъ общественныхъ задачъ.

Сваливая всю вину на неблагопріятныя внѣшнія условія, указываютъ на „новыя вѣянія", которыя будто бы передали намъ широкія общественныя задачи, доселѣ не осуществленныя въ жизни, вслѣдствіе наступившихъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій. Гдѣ-жъ онѣ, эти задачи? Какія такія? Мы уже разсматривали въ другомъ мѣстѣ программу экономическихъ реформъ, которыхъ, во время новыхъ вѣяній, домогалась передовая часть русскаго общества. Оказывается, что всѣ эти домогательства уже перешли въ сферу правительственной дѣятельности, а потому перестали быть общественными задачами, и если могутъ снова сдѣлаться таковыми, то не иначе, какъ подъ условіемъ иной постановки тѣхъ же вопросовъ, которой мы до сихъ поръ нигдѣ не видимъ. Можетъ быть широкія общественныя задачи новыхъ вѣяній нашли себѣ выраженіе въ земскихъ проэктахъ реформы мѣстнаго управленія. Чтобы получить отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы разсмотрѣли земскіе проэкты реформы и—увы—нашли въ нихъ слишкомъ мелкую и узкую постановку общественныхъ задачъ, которыя, при такой постановкѣ, не могутъ служить знаменемъ для передовой части общества.

Нѣтъ, новыя вѣянія не оставили намъ широкихъ общественныхъ задачъ, которыя бы звали насъ на борьбу за ихъ осуществленіе и сообщали бы смыслъ нашей общественной жизни. Что было хорошаго въ новыхъ вѣяніяхъ, то оказалось не больше, какъ чуднымъ, волшебнымъ сномъ. Сновидѣніе кончилось. Общество съ просонокъ протерло глаза и видитъ,—какъ не бывало роскошнаго чертога, видѣннаго во снѣ, а живемъ мы, по прежнему, въ убогой избушкѣ и у ногъ нашихъ валяется разбитое корыто.

Неужели мы только и будемъ дѣлать, что все горевать о разбитомъ корытѣ?.

ИЗЪ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

ПОБѢДИТЕЛИ И ПОБѢЖДЕННЫЕ.

Въ одномъ городѣ былъ мудрый голова, котораго за его мудрость граждане прозвали Соломономъ. Онъ былъ мудрѣе даже соборнаго протоіерея, котораго не разъ ставилъ втупикъ своими вопросами. Самъ-же голова ни надъ какимъ вопросомъ не задумывался, по всякую задачу рѣшалъ быстро и такъ тонко, что, бывало, подъ его отвѣты комаръ носу не подточитъ.

Разъ пріѣхалъ въ городъ сановникъ изъ Петербурга. По обычаю, онъ былъ встрѣченъ головою съ хлѣбомъ-солью. По-обычаю-же, онъ сталъ загадывать головѣ загадки, вродѣ того, напримѣръ: сколько жителей въ городѣ? великъ-ли пожарный обозъ? и т. п. Достаточно испытавъ загадками мудрость головы, сановникъ, наконецъ, спросилъ его:

— Отчего у васъ купцы часто банкротятся?

— Отъ воли Божіей, ваше-ство!—отвѣчалъ голова.

Сановникъ улыбнулся и прекратилъ разговоръ.

Хотя въ городѣ и говорили злые языки, будто сановникъ въ разговорѣ съ предводителемъ обозвалъ голову неподобнымъ словомъ и много смѣялся надъ нимъ, но это были только пустые разговоры. Напротивъ, мудрый голова былъ награжденъ золотою медалью за свою мудрость. Да иначе и быть не могло, потому что нетолько сановнику, но даже всякой послѣдней спицѣ въ сановничьей колесницѣ становится легче на душѣ, когда авторитетные люди говорятъ, что „печальное явленіе“ зависитъ отъ неотвратимой воли Божіей, а не отъ несовершенства человѣческаго. Если причиною служитъ воля Божія, то тутъ и разсуждать не о чемъ, ибо какъ ни разсуждай, все равно противъ воли Божіей ничего не подѣлаешь. Напротивъ, несовершенство человѣческое должно быть предотвращено и

на этотъ конецъ требуетъ „мѣропріятій", которыя всегда сопряжены съ безпокойствомъ, заботами, думами и т. д.

Интересно, что-бы сказалъ мудрый голова, еслибы онъ дожилъ до нашего времени и его спросилъ-бы сапожникъ: отчего происходитъ у насъ печальное положеніе городскаго самоуправленія,—отъ воли Божіей, или отъ несовершенства человѣческаго?..

А что сапожникъ задалъ-бы такой вопросъ мудрому головѣ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Вѣдь въ послѣднее время неурядица въ городскомъ управленіи сдѣлалась чуть-ли не общимъ и самымъ обычнымъ явленіемъ. Поневолѣ задумаешься надъ вопросомъ: почему да отчего?—когда со всѣхъ сторонъ только и слышны жалобы, что городскія дѣла годъ отъ году идутъ все хуже и хуже, что коренные жители городовъ совсѣмъ оттерты и устранены отъ самоуправленія, которое попало въ руки малочисленной кучки богатыхъ воротилъ. Эта кучка воротилъ, будучи сама по себѣ очень малочисленна, дѣлится на нѣсколько партій, которыя враждуютъ между собою, интригуютъ и мутятъ все городское населеніе. Среди недостойныхъ интригъ и мелочной борьбы партій, всюду царитъ невообразимый хаосъ въ городскихъ дѣлахъ, громко раздается общее недовольство и рѣзко бьетъ въ глаза отсутствіе правильнаго общественнаго самоуправленія. Отчего это такъ и какой смыслъ заключается въ городской неурядицѣ?..

Присматриваясь къ дѣятельности нашихъ городскихъ общественныхъ учрежденій, мы замѣчаемъ, что ближайшее участіе въ ней принимаютъ двѣ общественныя группы—люди крупнаго и люди мелкаго достатка. Интеллигенція, о которой такъ много говоритъ печать, не играетъ самостоятельной роли въ городскомъ управленіи и примыкаетъ то къ той, то къ другой общественной группѣ, преимущественно-же къ первой изъ нихъ. Въ силу особыхъ историческихъ условій, эти двѣ, выработанныя народною жизнью, общественныя группы пріурочиваются, большею частію, къ двумъ городскимъ сословіямъ—купечеству и мѣщанству.

Хотя сословныя рамки весьма часто оказываются слишкомъ тѣсными для того, чтобы онѣ могли вмѣстить въ себѣ всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ указаннымъ выше общественнымъ группамъ, тѣмъ не менѣе эти лица только въ одной сословной организаціи и находятъ у насъ возможность на легальной почвѣ сплотиться между собою для преслѣдованія своихъ интересовъ. Въ особенности сохранившаяся организація мѣ-

щанскаго сословія оказала значительныя услуги городскому классу мелкаго достатка, сплачивая между собою людей этого класса для защиты общихъ интересовъ на почвѣ городского самоуправленія. А потребность въ оборонѣ своихъ интересовъ отъ притѣсненій городскихъ воротилъ годъ отъ году все растетъ и растетъ у людей мелкаго достатка. Дѣло въ томъ, что городовое положеніе 1870 года самымъ существеннымъ образомъ нарушило интересы ихъ веденіемъ системы поразрядныхъ выборовъ. Эта система, почти единогласно осуждаемая всею русскою печатью, будучи основана на имущественномъ цензѣ, отдаетъ судьбы городскихъ жителей въ руки немногочисленной группы богатыхъ домовладѣльцевъ и торговцевъ. Искусственно выдѣленная изъ городскаго населенія и получившая въ свои руки все городское управленіе, правящая группа не имѣетъ ничего общаго съ большинствомъ городскихъ жителей, лишеннымъ избирательныхъ правъ, съ бѣднотою, невошедшею въ избирательные разряды. Такимъ образомъ наши городскіе хозяева не знакомы съ нуждами и потребностями бѣднѣйшей и самой многочисленной части городскаго населенія, которая совсѣмъ не имѣетъ представителей въ городскомъ управленіи. Къ этому незнакомству правящаго класса съ нуждами безгласнаго городскаго населенія присоединяется еще столь рѣзкая противоположность интересовъ, что стремленія правящаго класса часто идутъ въ разрѣзъ съ пользами безгласной части городскаго населенія, не встрѣчая себѣ ни малѣйшаго отпора въ учрежденіяхъ, служащихъ органами городскаго самоуправленія.

Рознь интересовъ двухъ общественныхъ группъ на почвѣ городского самоуправленія будетъ совершенно понятна, если мы обратимъ вниманіе, изъ кого преимущественно состоятъ первые два разряда городскихъ избирателей и, слѣдовательно, въ чьи руки отдано наше городское управленіе. Это торгово-промышленный классъ, большею частію, грубый и невѣжественный, который воспитаніемъ и предшествующею жизнью нимало не подготовленъ къ предоставленной ему роли общественнаго руководителя. „Цѣлью его жизни всегда былъ личный интересъ; общественнаго интереса онъ не понималъ. Что могъ дать общественному управленію человѣкъ, цѣлую жизнь запрашивавшій, обиравшій покупателей? Что этотъ человѣкъ могъ воспитать въ себѣ, дѣйствуя въ лавкѣ и на базарѣ? Каково его отношеніе къ людямъ?.. И вотъ на арену, гдѣ нужна безусловная преданность обществу, жизнь для общества, самые благо-

родные порывы римлянина, беззавѣтная вѣра въ человѣчество, уваженіе къ интересамъ другихъ, соціальныя чувства,—вмѣсто этого, является на эту арену барышникъ базара съ кнутомъ въ рукахъ, съ запахомъ конюшни, ростовщикъ, безчувственныя руки котораго носятъ слѣдъ вдовьихъ и сиротскихъ слезъ, торгашъ, аршинъ котораго обмѣривалъ деревенскихъ мужиковъ, человѣкъ безъ совѣсти, безъ стыда, который мѣтитъ, при помощи думы, поставить новый кабакъ на площади, или заключить выгодный подрядъ на поставку кирпича, хотя бы и для общественнаго зданія". Прибравши къ своимъ рукамъ городское самоуправленіе, такой человѣкъ въ общественныхъ дѣлахъ руководствуется исключительно личными и лавочными интересами. „Оттого въ нашихъ думахъ пренія устанавливаются такимъ образомъ: когда дѣло идетъ объ общественномъ интересѣ, напр., о санитарныхъ условіяхъ города, о просвѣщеніи, о жертвахъ на общественныя дѣла, гласные не являются и господствуетъ полное *равнодушіе*; но когда дѣло идетъ о мѣстахъ подъ кабаки, подъ лавки, когда выдвигается личный интересъ или вопросъ о распоряженіи и расходованіи общественныхъ суммъ,—*единодушіе* полное. Такимъ образомъ, сочувствіе проявляется лишь въ извѣстныхъ дѣлахъ, гдѣ входятъ личные интересы и нажива" *).

Въ этой блестящей характеристикѣ, сдѣланной «Восточнымъ Обозрѣніемъ», роль торговопромышленнаго класса въ городскомъ самоуправленіи изображена очень яркими красками и съ замѣчательною жизненною правдою. Дѣйствительно, когда, со введеніемъ въ дѣйствіе городового положенія 1870 г., городское общественное самоуправленіе попало въ руки купцовъ, то они,

*) Прекрасной иллюстраціей къ этой характеристикѣ можетъ служить сообщеніе г. Иванюшенкова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" о положеніи городского самоуправленія въ г. Царицынѣ. Тамъ «все дѣло городского самоуправленія находится въ рукахъ крупныхъ и мелкихъ цѣловальниковъ. Съ цѣлью подкрѣпить свою репутацію, городская дума постановила не имѣть въ городѣ болѣе 52-хъ кабаковъ. Это постановленіе свято наблюдается и въ настоящее время. Но тѣмъ не менѣе, Царицынъ, въ своихъ наиболѣе бойкихъ мѣстахъ, буквально состоитъ изъ однихъ кабаковъ, только подъ другою, болѣе благоприличною кличкой. Въ данное время въ Царицынѣ числится 21 складъ, 52 кабака и 520 портерныхъ, ренсковыхъ погребовъ и бѣлыхъ харчевенъ. Склады и кабаки разныхъ наименованій почти всѣ, безъ исключенія, принадлежатъ 21 гласному думы, въ томъ числѣ городскому головѣ и членамъ правленія городского общественнаго банка. Поэтому всѣ кабаки, несмотря на различіе въ кличкѣ, открыто торгуютъ распивочно и на выносъ, распредѣляя часы торговли согласно съ существующими условіями спроса. Складчики и цѣловальники состоятъ здѣсь во главѣ городского самоуправленія. Кабаки представляютъ здѣсь громадную силу, тѣсно сплоченную общностью интересовъ».

прежде всего, воспользовались властью въ интересахъ наживы. Они, какъ побѣдители въ побѣжденной странѣ, начали свое владычество съ захвата городскихъ земель, которыя дотолѣ находились въ пользованіи мѣщанъ, давая имъ средства къ существованію. Вѣдь у насъ въ большинствѣ мелкихъ городовъ земледѣліе доселѣ остается главнымъ занятіемъ кореннаго городского населенія—мѣщанства. При такомъ положеніе дѣлъ, до введенія новаго городового положенія, мѣщане занимались хлѣбопашествомъ на городскихъ земляхъ, которыми они владѣли на общинномъ началѣ. Затѣмъ, когда городовое положеніе передало городское управленіе въ руки малочисленной группы богатыхъ торговцевъ и домовладѣльцевъ, городскія земли были отняты у мѣщанъ и отданы въ пользованіе городскимъ воротиламъ и разнымъ барышникамъ. Напр., въ г. Сквири, Кіевской губерніи, городская дума, состоящая изъ 72 гласныхъ, отобравъ у мѣщанъ землю, раздѣлила ее поровну между своими гласными, разбивъ на 72 участка, по 12-ти десятинъ въ каждомъ. Каждый гласный получилъ участокъ городской земли въ аренду на 12 лѣтъ, съ платою по 3 рубля за десятину въ годъ, тогда какъ обыкновенная арендная цѣна въ той мѣстности не бываетъ ниже 10—12 руб. въ годъ. Въ г. Ставрополѣ-Кавказскомъ городскія земли, будучи отняты у мѣщанъ, стали сдаваться съ торговъ большими участками, пріобрѣтеніе которыхъ не подъ силу мѣщанамъ-земледѣльцамъ. Съемщиками городскихъ земель явились богачи, которые, уплачивая въ пользу города 2—3 руб. за десятину, сдаютъ землю мелкими участками мѣщанамъ съ платою по 10, 15 и даже 20 руб. за десятину. Вслѣдствіе этого, многіе мѣщане совсѣмъ бросили земледѣліе, другіе сократили запашки, и вообще обезземеленное мѣщанство разорилось. Точно такъ-же въ Кадниковѣ, Вологодской губерніи, земли были изъяты изъ общиннаго владѣнія мѣщанъ и стали сдаваться въ аренду имъ-же. Въ г. Трубчевскѣ, Орловской губерніи, дума стала отдавать въ аренду городскіе огороды богатымъ людямъ по 15 руб. за десятину, а тѣ въ свою очередь сдаютъ ихъ мѣщанамъ по 75 руб. за десятину. Вообще въ Трубчевскѣ купцы быстро прибираютъ къ своимъ рукамъ мѣщанскіе дома и земли. Въ особенности послѣ пожаровъ, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ погорѣльцевъ, купцы скупаютъ у нихъ мѣста въ центральныхъ частяхъ города и такимъ образомъ съ каждымъ годомъ распространяютъ свои владѣнія. Бѣдняки продаютъ земли, разсчитывая взять въ аренду городскіе огороды и вы-

строиться на окраинахъ города. Но и здѣсь нѣтъ мѣста обѣднявшему мѣщанству, потому что городскіе огороды находятся тоже въ купеческихъ рукахъ. Вытѣсненные изъ города купеческими владѣніями, мѣщане селятся въ неудобныхъ мѣстахъ, которыя пока не привлекаютъ жаднаго вниманія купцовъ,—въ оврагахъ и низинахъ, заливаемыхъ водою. Еще немного — и обѣднѣвшее мѣщанство совсѣмъ будетъ изгнано съ городской земли, которая вся перейдетъ въ руки нѣсколькихъ купеческихъ семействъ. Городская общественная собственность въ Трубчевскѣ годъ отъ году все больше расхищается съ того времени, какъ управленіе городомъ перешло въ руки купцовъ. Сосновый строевой лѣсъ проданъ за безцѣнокъ и вновь не растетъ. Луга заносятся пескомъ. Пастбищами, образовавшимися на мѣстѣ вырубленнаго лѣса, пользуется лѣсопромышленникъ, ничего не платя за это въ городскую казну. Кирпичные заводы также безплатно берутъ глину на городской землѣ. Словомъ, въ городскомъ хозяйствѣ господствуетъ принципъ: купцамъ все, а мѣщанамъ—ничего.

Въ особенности печально сдѣлалось положеніе крестьянъ, поселившихся въ чертѣ городскихъ владѣній, послѣ того, какъ городское хозяйство перешло въ руки торговопромышленнаго класса. Отстраняя ихъ отъ пользованія городскою землею, городскіе воротилы систематически разоряютъ ихъ и лишаютъ средствъ къ существованію. Напр. въ г. Орѣховѣ, Таврической губерніи, городская дума совсѣмъ устранила отъ участія въ торгахъ на аренду городской земли всѣхъ орѣховскихъ крестьянъ, несмотря на то, что они, издавна, живя въ г. Орѣховѣ, всецѣло принадлежатъ къ составу городского населенія, исполняютъ всѣ городскія повинности и участвуютъ въ городскихъ выборахъ. Послѣдствіемъ такого возмутительнаго постановленія всесословной думы было то, что городская земля оказалась въ рукахъ купцовъ и другихъ зажиточныхъ людей, которые съ значительнымъ барышомъ для себя раздаютъ ее мелкими клочками тѣмъ-же крестьянамъ. Такимъ образомъ бѣднѣйшій рабочій классъ городскаго населенія платится въ пользу купцовъ, захватившихъ въ аренду городскую землю, только за то, что у нихъ руки длинныя. Точно также крестьяне предмѣстій города Новомосковска, Екатеринославской губерніи, издавна пользовались городскою толокою для пастьбы скота. Но всесословная дума отняла у бѣдняковъ толоку и сдала ее съ торговъ въ аренду всю цѣликомъ, въ количествѣ 1,200 десятинъ. Тогда въ городѣ возго-

рѣлась война между крестьянами съ одной стороны и городскимъ управленіемъ вмѣстѣ съ арендаторами съ другой. Крестьяне жалуются на думское рѣшеніе и, отказываясь подчиниться ему, выгоняютъ скотъ на городскую толоку. Арендаторы забираютъ крестьянскій скотъ, а крестьяне силой отбиваютъ его. Идутъ безконечные протоколы, судбища,—словомъ, мирный городъ превратился въ край, испытывающій бѣдствія междоусобной войны.

Мѣщанство, мирно погрузившись въ земледѣльческія занятія, было захвачено врасплохъ городскою реформою 1870 года, такъ что не могло оказать никакого сопротивленія отобранію у земледѣльцевъ обработываемой ими земли. Только съ теченіемъ времени разореніе и обнищаніе, бывшее прямымъ послѣдствіемъ обезземеленія мѣщанства, мало по-малу побудило мѣщанъ къ изысканію спосо овъ для устраненія гибельныхъ послѣдствій новыхъ порядковъ, введенныхъ въ городскую жизнь реформою 1870 года. Тогда зародилась и распространилась въ мѣщанской средѣ идея солидарности мѣщанскихъ интересовъ и ихъ обособленности отъ интересовъ правящаго городского класса богатыхъ торговцевъ и домовладѣльцевъ. При этомъ, существовавшая раньше, сословная организація мѣщанства дала возможность поставить на легальную почву обособившуюся группу городскихъ жителей. Такимъ образомъ, въ узкихъ, сословныхъ рамкахъ улеглись широкіе, безсословные интересы;—это интересы работниковъ, отстаивающихъ свое право быть самостоятельными хозяевами орудій производства.

Преслѣдуя, главнымъ образомъ, свои личные интересы въ борьбѣ съ богатыми торговцами и домовладѣльцами, мѣщане кое-гдѣ возвысили эти личные интересы до обобщенія съ высшими. общечеловѣческими интересами труда, справедливости, чести и т. д. Наприм., г. Котельничъ, Вятской губерніи, владѣетъ большими сѣнокосами, которые по дорогой цѣнѣ сдаются въ аренду окрестнымъ малоземельнымъ крестьянамъ. Отсюда—вѣчныя распри и тяжбы между городомъ и крестьянами. Но мѣщане, по словамъ мѣстнаго корреспондента, сочувствуютъ не городу, а крестьянамъ. Они говорятъ, что имъ нѣтъ никакой пользы отъ покосовъ, которыми пользуются маклаки-богачи, а собственно городскіе доходы идутъ не на городскія потребности, а исчезаютъ въ рукахъ клики, захватившей въ свои руки городское самоуправленіе. Въ этомъ примѣрѣ очень ясно видно, какъ безсословные интересы труда получили пре-

обладаніе въ сословной сферѣ мѣщанства. Трудъ всегда оказываетъ облагороживающее, морализующее вліяніе; этимъ объясняется, почему «мѣщанство въ сибирскихъ городахъ,—по словамъ Восточнаго Обозрѣнія, является лучшимъ элементомъ». Гдѣ есть возможность мѣщанамъ оказать вліяніе на городское самоуправленіе, тамъ они заявляютъ себя съ самой лучшей стороны. Такъ наприм., по словамъ той-же газеты, въ Нерчинскѣ «мѣщанство открыто возстало противъ зла, тогда какъ купеческій классъ выражалъ большое желаніе прикрыть это зло». Точно такъ-же изъ Царевококшайска, Казанской губерніи, пишутъ «Волжск. Вѣстнику», что тамъ «составъ гласныхъ нынѣшней думы состоитъ изъ *бѣдноты*; достаточныхъ на этотъ разъ въ думу не попало ни одного. И вотъ городъ за 4 послѣдніе года могъ воочію убѣдиться, кто больше объ немъ заботился—богачи или бѣдняки. По милости послѣднихъ, городъ имѣетъ теперь начальное мужское училище, двухкласное женское, съ прошлаго года—уличное освѣщеніе, хотя и скудное, но все-же необходимое; благодаря настойчивости управы, городъ избавился отъ многихъ лишнихъ расходовъ, и наконецъ, также благодаря только настойчивости думы, городъ и ближайшія деревни имѣютъ возможность пользоваться дешевою бардою съ винокуреннаго завода, которая до этого времени заводчиками сдавалась наѣзжавшимъ скотопромышленникамъ». Или возьмемъ снова для примѣра несчастный г. Трубчевскъ, гдѣ купцы завладѣли городскимъ достояніемъ, совсѣмъ обездоливъ мѣщанство. Здѣсь невниманіе городскаго управленія къ интересамъ большинства населенія дошло до того, что засѣдающіе въ думѣ купцы уничтожили должность городскаго врача и отказывали въ помощи городскому училищу, такъ какъ они у городскаго врача не лечатся, а дѣти ихъ въ городскомъ училищѣ не учатся. Но вотъ, наконецъ, у мѣщанской бѣдноты лопнуло терпѣнье глядѣть на безобразное хозяйничанье купцовъ. Въ думѣ былъ поднятъ вопросъ о постройкѣ дома для городскаго училища. Гласные изъ купцовъ, доселѣ заправлявшіе городскими дѣлами, высказались противъ постройки. Тогда мѣщанская бѣднота, доселѣ молчавшая въ засѣданіяхъ думы, поднялась съ громкими и единодушными протестами, требуя постройки дома. Купцы думали затянуть дѣло, передавъ вопросъ въ коммисію. Но въ отвѣтъ раздался оглушительный протестъ и требованіе не откладывать постройку училища. „Начавшіяся затѣмъ пренія,—разсказываетъ Орловскій Вѣстникъ,—имѣли характеръ ожесточеннаго сраженія, въ ко-

торомъ богачи, бывшіе полновластные правители города, занимали неособенно выгодную позицію: упреки сыпались на нихъ градомъ и попадали мѣтко. Одному напомнили о томъ, какъ проданъ былъ городской лѣсъ за безцѣнокъ и на условіяхъ, выгодныхъ не для города; другому—недавнюю постройку казармы, черезъ годъ потребовавшей капитальнаго ремонта; третьему—распредѣленіе суммъ, собранныхъ для погорѣльцевъ; четвертому—плотину, которая пошла на удобреніе. Кончилось тѣмъ, что гласные богачи, 10 лѣтъ полновластно владѣвшіе городомъ, поспѣшили ретироваться, оставивъ бѣдняковъ рѣшать городскія дѣла, какъ они знаютъ". Благодаря энергическому вмѣшательству мѣщанъ, дума рѣшила немедленно построить училище.

Борьба между мѣщанами и купцами, захватившими городское самоуправленіе, часто принимаетъ весьма острый характеръ, особенно когда поводомъ къ ней служитъ вопросъ о городскихъ земляхъ. Таковы, напримѣръ, давно уже обострившіяся отношенія между мѣщанами и органомъ городскаго самоуправленія въ г. Вольскѣ, Саратовской губерніи. Обостренію этихъ отношеній много способствало то обстоятельство, что въ 1883 году дума стала сдавать съ торговъ сѣнокосы, которые до того времени были раздѣлены на подушные участки и сдавались безъ торговъ за ежегодно назначаемую думою плату. Такое постановленіе думы вызвало большое недовольство среди мѣщанъ, которые, при новомъ порядкѣ сдачи сѣнокосныхъ угодій, поставлены въ необходимость переплачивать лишнее за наемъ сѣнокосовъ кулакамъ, арендующимъ городскія земли. Хотя городская дума вскорѣ отмѣнила свое постановленіе и перешла къ старому порядку сдачи сѣнокосовъ, однако, чрезъ это не прекратился раздоръ между мѣщанами и городскимъ управленіемъ. Поводомъ къ раздору служатъ все тѣ же земли, принадлежащія городу Вольску и лежащія нетолько въ Вольскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи, но и въ Николаевскомъ уѣздѣ Самарской губерніи. На этихъ земляхъ издавна поселились мѣщане, образовавшіе изъ себя цѣлыя земледѣльческія селенія, каковы: село Верхняя Чернавка въ Вольскомъ уѣздѣ, село Елань и хутора Вителякскій, Плѣхановскій, Горній, Карасевъ и Тупилкинъ въ Николаевскомъ уѣздѣ. Занявъ городскую землю, эти поселенія мѣщанъ платятъ городской думѣ аренду за пользованіе пашнями и сѣнокосами. Но изъ нихъ общество села Елани, въ теченіи уже многихъ лѣтъ, перестало платить городу аренду. Отсюда происходятъ безпрерывныя

столкновенія между еланцами и городской администраціей. Такъ, въ 1882 году еланцы избили городскаго лѣсничаго, г. Цирбеля и сопровождавшихъ его людей, посланныхъ городскою управою для того, чтобы воспрепятствовать еланцамъ пахать городскую землю. Городская дума, опасаясь, что, по примѣру еланцевъ, перестанутъ платить аренду за землю мѣщане, живущіе въ другихъ деревняхъ Николаевскаго уѣзда, испросила разрѣшеніе содержать на свой счетъ въ деревняхъ Николаевскаго уѣзда особаго полицейскаго пристава, который, получая отъ города 1000 рублей жалованья въ годъ, кромѣ исполненія полицейскихъ обязанностей, долженъ взыскивать съ мѣщанъ, живущихъ въ упомянутыхъ выше деревняхъ, числящіяся на нихъ недоимки за арендуемую у города землю. Такимъ образомъ борьба изъ-за городской земли съ обѣихъ сторонъ находится въ полномъ разгарѣ.

Та же самая борьба изъ-за владѣнія городскими землями идетъ между мѣщанами и купцами въ г. Цивильскѣ, Казанской губерніи. „Мѣщане, коренные жители города,—разсказываетъ корреспондентъ Волжскаго Вѣстника,—владѣли когда-то всей городской землей. Имѣя въ своемъ распоряженіи, въ видѣ собственности, подворные усадебные участки, они дѣлили между собою ежегодно удобныя городскія земли на обычныхъ въ Россіи общественныхъ началахъ. Съ теченіемъ времени изъ мѣщанскаго общества выдѣлялись болѣе богатые его члены, записавшись въ купцы. Разорвавъ всѣ связи съ родной средой, они, пользуясь своимъ матеріальнымъ положеніемъ, успѣли, не безъ интригъ, добиться первенства въ городскомъ самоуправленіи. Подобравъ сильную партію, купцы начали борьбу съ мѣщанами. Борьба купечества съ мѣщанствомъ кончилась, какъ и ожидать слѣдовало полнымъ пораженіемъ послѣдняго. При бывшемъ городскомъ головѣ Пономаревѣ, купечество почувствовало себя уже настолько въ силѣ, что рѣшилось измѣнить установившійся порядокъ владѣнія удобными землями. Предложено было городскому собранію разбить удобныя земли на извѣстной величины участки и сдать въ аренду съ торговъ на долгій срокъ (12 лѣтъ), въ виду невозможности вести раціональное хозяйство при краткосрочной арендѣ. Собраніе, не смотря на противодѣйствіе единичныхъ личностей, постановило раздѣлить во всѣхъ трехъ поляхъ земли на участки и сдавать каждый отдѣльно кому что нужно, луга или пахоть,—при торгахъ же требовать залогъ. Этимъ путемъ большая часть мѣщанъ была оттѣснена отъ земельнаго владѣнія. Арендато-

рами явились богатые люди, преимущественно купцы, въ рукахъ которыхъ и сосредоточились лучшіе участки. Не занимаясь сельскимъ хозяйствомъ сами, они сдали участки, въ свою очередь, бѣднымъ мѣщанамъ и сосѣднимъ, сильно нуждающимся въ землѣ, крестьянамъ, вознаградивъ себя за коммисію, конечно, съ лихвою. Арендная плата, благодаря сильной конкуренціи, такъ высока, что въ бывшіе неурожайные годы большая часть вторыхъ арендаторовъ раззорилась окончательно. Мѣщане, понятно, городскимъ управленіемъ очень недовольны и намѣрены ходатайствовать передъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ о возвратѣ имъ общиннаго владѣнія землей".

Въ гор. Петровскѣ, Саратовской губерніи, борьба между мѣщанами и богачами изъ-за обладанія городскою землею находится въ полномъ разгарѣ. Тамъ ни тотъ, ни другой классъ городскаго населенія не хочетъ выпустить изъ своихъ рукъ землю, которая то и дѣло переходитъ отъ бѣдняковъ къ богачамъ и обратно. Послѣ введенія Городоваго Положенія, богачи, ставъ во главѣ городскаго управленія, прибрали къ своимъ рукамъ и городскія земли. Они добились постановленія думы о сдачѣ городской земли въ аренду большими участками и затѣмъ сами заарендовали у города землю. Такимъ образомъ они явились посредниками между городомъ и мѣщанами-земледѣльцами, которые не въ силахъ арендовать большіе участки. Въ земледѣльческомъ населеніи города поднялся сильный ропотъ противъ такихъ безсовѣстныхъ спекуляцій городскою землею. Наконецъ, интересы мѣщанъ восторжествовали въ думѣ,—была принята новая система сдачи въ аренду городской земли мелкими участками отъ 4 до 6 десятинъ въ каждомъ. Но въ 1884 г. въ думѣ снова былъ поднятъ вопросъ объ измѣненіи системы сдачи городской земли. Представители бѣдноты стояли за сдачу мелкими участками, а богачи домогались сдачи крупными участками, или даже въ однѣ руки. Ни тѣ, ни другіе не шли ни на какія уступки и, чтобы какъ-нибудь обойти рѣшеніе вопроса въ пользу той или другой стороны, постановили предоставить городской управѣ рѣшеніе вопроса о сдачѣ городской земли.

Въ иныхъ городахъ мѣщанамъ удалось окончательно одолѣть купцовъ и вырвать изъ ихъ рукъ городскія земли. Такъ случилось въ Царевококшайскѣ, Казанской губерніи, гдѣ купцы, захвативъ въ свои руки городское управленіе, сдали всю городскую землю богатымъ людямъ въ двѣнадцати-лѣтнюю аренду, срокъ которой кончается въ 1886 году. Для борьбы съ куп-

цами, мѣщане воспользовались своею сословною организаціею. Въ сентябрѣ 1884 года было созвано собраніе мѣщанскаго общества, которое по многолюдству представляло необычайное явленіе. Въ собраніи было высказано, что мѣщанство, лишившись земли, которою завладѣли богачи, годъ отъ году бѣднѣетъ, и нѣтъ другихъ средствъ для поддержанія падающихъ хозяйствъ, какъ только всему мѣщанскому обществу взять у города землю, устранивъ богачей-арендаторовъ. Мѣщанское общество постановило просить думу, чтобы та не сдавала земли въ аренду частнымъ лицамъ, а оставила ихъ за мѣщанскимъ обществомъ съ платежемъ той же суммы, какая нынѣ получается въ видѣ арендной платы. По полученіи же въ аренду городскихъ земель. предположено раздѣлить ихъ между членами мѣщанскаго общества. „Будемъ сами оплачивать аренду и хозяйничать по своему“,—радостно говорили мѣщане въ своемъ общественномъ собраніи. Городская дума, состоящая исключительно изъ мѣщанскаго элемента, склонилась на сторону мѣщанскихъ интересовъ и порѣшила впредь не сдавать землю частнымъ лицамъ, а оставить ее въ хозяйственномъ завѣдываніи городскаго общества.

Принятое въ Царевококшайскѣ, рѣшеніе вопроса о способѣ пользованія городскими землями нашло себѣ сочувственный откликъ у представителей мѣщанскаго общества въ г. Уржумѣ, Вятской губерніи. Тамъ городскія земли также захвачены барышниками, которые, не обработывая сами взятой въ аренду большими участками городской земли, передаютъ ее мѣщанамъ-земледѣльцамъ, при чемъ берутъ по 5 рублей за десятину, тогда какъ сами платятъ городу только 2 руб. 50 коп. Въ виду скораго наступленія срока отдачи въ аренду городской земли, представители мѣщанскихъ интересовъ въ городской думѣ внесли въ нее предложеніе не сдавать землю съ торговъ, но сдѣлать ей приблизительную нормальную оцѣнку и отдать землю въ аренду мѣщанскому обществу, съ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣднее распредѣлило землю равномѣрно между мѣщанами, занимающимися хлѣбопашествомъ. Это предложеніе будучи принято сочувственно большинствомъ думы, встрѣтило, однако, и оппозицію, во главѣ которой выступилъ г. Чирковъ. Указывая на нераціональный способъ веденія земледѣльческаго хозяйства на городской землѣ, онъ предложилъ ввести фермерское хозяйство. Для этого городская земля должна быть раздѣлена на участки до 30 десятинъ въ каждомъ и затѣмъ сдана въ продолжительную аренду, срокомъ до 48 лѣтъ, при чемъ

каждый арендаторъ обязанъ выстроить на своемъ участкѣ хуторъ и содержать не менѣе опредѣленнаго количества скота. Это предложеніе было поддержано представителями крупнаго имущественнаго достатка, которые добились передачи въ особую коммисію вопроса о системѣ сдачи городской земли.

Въ Царевококшайскѣ мѣщанамъ удалось добиться востановленія своихъ исконныхъ правъ на землю, благодаря тому обстоятельству, что они предварительно вытѣснили изъ городскаго управленія всѣхъ своихъ враговъ, такъ что тамъ городская дума состоитъ исключительно изъ однихъ мѣщанъ. Не будь этого — притязанія мѣщанъ никогда не получили бы справедливаго удовлетворенія. Упорная борьба есть единственный способъ защиты и пріобрѣтенія правъ. Поэтому мѣщанамъ по необходимости приходится, для достиженія ихъ общихъ интересовъ, принимать самое дѣятельное участіе въ городской избирательной борьбѣ, чтобы получить преобладающее вліяніе на городское управленіе, вытѣснивъ изъ него представителей враждебныхъ имъ интересовъ богатыхъ торговцевъ и домовладѣльцевъ. А для успѣха въ городской избирательной борьбѣ мѣщанамъ необходимо сплотиться и сговориться между собою, въ чемъ оказываютъ имъ неоцѣненную помощь ихъ сословныя учрежденія. Мѣщанскія собранія и управы нерѣдко принимаютъ весьма дѣятельное участіе въ городской избирательной борьбѣ и становятся во враждебныя отношенія къ городскимъ думамъ и управамъ, въ которыхъ засѣдаютъ представители купцовъ и богатыхъ домовладѣльцевъ. Результаты борьбы получаются благопріятные для большинства городскаго населенія — и это, главнымъ образомъ, благодаря мѣщанской организаціи.

Бывшая 1884 году въ г. Чигиринѣ, Кіевской губерніи, избирательная борьба между купцами и мѣщанами съ осязательною ясностью показываетъ, какія большія услуги можетъ оказать большинству городскаго населенія мѣщанская организація въ борьбѣ за обладаніе городскою властью. По словамъ корреспондента „Зари", купеческая партія въ Чигиринѣ вела избирательную агитацію слѣдующимъ позорнымъ способомъ. „Кандидаты въ головы, въ секретари, въ замѣстители головы, въ члены управы, въ директора банка, и пр держатъ совѣты, подготовляютъ партіи, злословятъ, пишутъ и т. д., и т. д. Кто больше всего выигрываетъ отъ всего этого? Кабатчики, разумѣется, потому что ни одна сходка, ни одна сдѣлка не обходятся безъ выпивки. Въ числѣ кандидатовъ въ головы есть кабатчики, одинъ экс-директоръ банка и многіе другіе, имъ-же числа

нѣтъ. Эти-то господа и занимаются спаиваніемъ подручныхъ людей". Напротивъ, о мѣщанской партіи корреспондентъ прямо говоритъ, что она не прибѣгаетъ къ спаиванію. Эта партія состоитъ преимущественно изъ матросовъ, которыхъ здѣсь насчитываютъ болѣе 2,000 человѣкъ. Матросы составляютъ цвѣтъ здѣшняго населенія. Это все народъ здоровый, красивый, смѣтливый и отважный. Въ моряки идутъ люди въ полномъ разцвѣтѣ силъ—молодежь и люди среднихъ лѣтъ, а старики уже не отваживаются пускаться въ море. Этотъ цвѣтъ мѣстнаго мѣщанства рѣшился принять дѣятельное участіе въ городской избирательной борьбѣ, чтобы вырвать власть изъ рукъ торговцевъ и богатыхъ домовладѣльцевъ. Старые городскіе заправилы, предчувствуя бѣду, назначили выборы въ августѣ 1884 года, въ тѣхъ видахъ, что въ это время матросы бываютъ въ отлучкѣ. Однако хитрость не удалась имъ, потому что матросы исходатайствовали у губернатора перенесеніе выборовъ на декабрь, когда моряки возвращаются съ промысловъ по домамъ. Во главѣ мѣщанской партіи стоитъ мѣщанскій староста Хоменко и кандидатъ въ головы, чиновникъ Долинскій. Въ ноябрѣ 1884 г., они созвали мѣщанское собраніе по дѣлу предстоящихъ городскихъ выборовъ. Тогда члены городской управы и ихъ сторонники подали письменное заявленіе исправнику, что мѣщанскій староста Хоменко, подъ руководствомъ Долинскаго, собираетъ секретныя сходки и „бунтуетъ" народъ. Понятное дѣло, мѣщанскій староста отвѣчалъ, что никакихъ секретныхъ сходокъ не бываетъ, что мѣщанское общество было собрано по повѣсткамъ и сходка происходила явно и законно, что общество добивается своихъ законныхъ правъ и т. д. Передъ самыми выборами коноводы партіи, враждебной мѣщанству, прибѣгли къ новой, безсовѣстной клеветѣ, подавъ исправнику заявленіе, въ которомъ обвинили противниковъ въ намѣреніи произвести безпорядки во время выборовъ,—чуть не еврейскій погромъ. Исправникъ перепугался. Мѣщанскій староста былъ вынужденъ дать письменное ручательство за сохраненіе порядка. Кромѣ того, въ самый день выборовъ матросы лично дали слово исправнику, что порядокъ не будетъ нарушенъ. Однако выборы производились подъ усиленною охраною полиціи въ полномъ мѣстномъ составѣ ея, съ прибавленіемъ десятка урядниковъ, нарочно для этого вызванныхъ изъ уѣзда. Выборы производились въ строгомъ порядкѣ и окончились полнымъ торжествомъ мѣщанской партіи. Тѣмъ не менѣе противная

партія подала заявленіе о допущенныхъ будто бы неправильностяхъ и домогается кассаціи выборовъ, разсчитывая затянуть новые выборы до тѣхъ поръ, пока матросы уйдутъ въ море. Между тѣмъ, по окончаніи выборовъ, старая, забаллотированная дума собралась въ засѣданіе въ которомъ было предложено просить губернатора объ оставленіи безъ послѣдствій заявленія мѣщанъ относительно растраты городскихъ капиталовъ, съ преданіемъ суду за клевету лицъ, подписавшихъ это заявленіе. Это было удивительное собраніе, похожее больше на сходку заговорщиковъ, чѣмъ на мирное собраніе думскихъ гласныхъ, такъ какъ вся посторонняя публика была удалена изъ залы засѣданія, по распоряженію предсѣдателя.

И вотъ кой-откуда начинаютъ приходить извѣстія о побѣдѣ мѣщанъ, одержанной на городскихъ выборахъ. Составъ думскихъ гласныхъ обновляется; люди крупнаго достатка терпятъ пораженіе на выборахъ, а правящее большинство думскихъ гласныхъ составляется изъ людей мелкаго достатка Происходятъ выборы на городскія должности,—мѣщане и тутъ проводятъ своихъ кандидатовъ. Вмѣсто фундаментальнаго купца, возлежащаго на капиталахъ, или пріятнаго во всѣхъ отношеніяхъ чиновника, души общества, городскимъ головою избирается мѣщанинъ. Какой шумъ, какіе интересные разговоры подымаются въ мѣстномъ обществѣ! Вотъ, напр., въ г. Каневѣ, Кіевской губерніи, городскимъ головою выбранъ кандидатъ изъ мѣщанъ г. Козиный. По этому поводу корреспондентъ „Зари" разсказываетъ, что „нѣкоторые изъ привиллегированныхъ не совсѣмъ довольны тѣмъ, что на такой постъ попалъ сѣрый человѣкъ и даже, въ числѣ присутствовавшей при выборахъ публики, нашелся кавалеръ, который ни къ селу, ни къ городу, коснулся было частной и семейной жизни этого человѣка... Но такъ или иначе, а результатъ выборовъ, въ которыхъ принимали участіе изъ 54 гласныхъ 52 (рѣдкое вниманіе къ общественному дѣлу!) указываетъ ясно на то, что городское населеніе извѣрилось въ главенствѣ чиновниковъ. Тяжелые опыты несомнѣнно убѣдили его въ неумѣлости мнимо-интеллигентныхъ людей вести городское хозяйство и блюсти его интересы И вотъ земледѣльческій и ремесленный элементы обновленнаго состава думы остановились на этотъ разъ на человѣкѣ изъ своей среды. Слышатся весьма благопріятные отзывы о вновь избранномъ головѣ: „Слава Богу, что выбрали простого человѣка, который самъ знаетъ практически хозяйство, знаетъ

цѣну земли, которую самъ воздѣлываетъ, и онъ, можно надѣяться, не станетъ обижать бѣдняковъ и радѣть объ интересахъ разныхъ тузовъ и міроѣдовъ". Вотъ скромныя упованія бѣдноты!"

А главное дѣло—мѣщанамъ хочется отстоять городскія земли отъ захвата торговцами и крупными домовладѣльцами. Страхъ обезземеленія побуждаетъ мѣщанъ отваживаться на борьбу съ купцами и внимательно относиться къ городскимъ выборамъ съ тѣмъ, чтобы получить перевѣсъ въ городскомъ управленіи. Тяжелый и дорого стоющій опытъ купеческо-чиновническаго господства во всесословной думѣ научилъ мѣщанъ не довѣрять городскаго управленія людямъ, которые довели до разоренія чуть-ли не всѣ наши города! И все вышло изъ за земли, этого несокрушимаго фундамента, на которомъ стоитъ вся русская жизнь... Напр., что за возмутительное хозяйничанье городскими землями мы видимъ въ Камышинѣ при прежнемъ составѣ городской думы, растащившемъ по своимъ карманамъ общественный банкъ и разорившемъ городъ! Самые большіе и лучшіе участки городской земли сдавались въ аренду крупнымъ съемщикамъ, а на долю мѣщанъ оставались пески. Сдача производилась подъ великимъ секретомъ, такъ что никто, бывало, и не зналъ, въ какое время будутъ сдаваться участки, и только придя въ управу за справкою, нуждающійся въ землѣ мѣщанинъ неожиданно узнавалъ, что сдача земли давно кончена. Городской выгонъ, заключающій въ себѣ до 8,000 десятинъ, сдавался въ однѣ руки и арендаторъ немилосердно собиралъ деньги за пастьбу каждой овцы и свиньи, не говоря о крупномъ скотѣ. Мало того,—несмотря на нѣсколько постановленій думы, запрещающихъ распашку выгона, арендаторъ распахалъ его, едва оставивъ дорогу для прогона скота, и собралъ великолѣпные урожаи съ непаханой цѣлины. Все это благополучно сходило съ рукъ хищнику, ибо городской выгонъ арендовался самимъ директоромъ общественнаго банка, будучи снятъ имъ на имя подставного лица.

Наконецъ, какъ громовой ударъ, разразился надъ городомъ крахъ общественнаго банка. Настало общее разоренье. Жителями овладѣлъ ужасъ. Пошли рѣчи о томъ, что для покрытія банковыхъ долговъ придется продать городскія земли. Вѣдь если продадутъ земли, то мѣщанамъ придется надѣвать суму и идти по міру. И вотъ этотъ-то страхъ потери городскихъ земель заставилъ мѣщанъ съ полнымъ, небывалымъ раньше вниманіемъ отнестись къ городскимъ выборамъ, происходившимъ въ 1885

году. Напрасно партія, раньше заправлявшая городскимъ хозяйствомъ, старалось провести въ гласные своихъ сторонниковъ,—они потеряли всякій кредитъ въ глазахъ городскаго населенія. Нашлись люди, которые не жалѣли ни денегъ, ни водки, лишь-бы склонить въ свою пользу избирателей. Одинъ устроилъ даже публичную попойку для мелкихъ избирателей, которымъ пропоилъ до семи ведеръ водки. Избиратели охотно пили водку, а когда начались выборы, то набросали черняковъ тароватому кандидату въ гласные. Въ концѣ концовъ выборы дали самые благопріятные результаты. Въ составъ гласныхъ вошла масса новыхъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторые обѣщаютъ быть хорошими дѣятелями въ сферѣ городскаго самоуправленія. „Пріятно отмѣтить то обстоятельство,—замѣчаетъ по поводу выборовъ корреспондентъ „Саратовскаго Дневника", что строже и серьезнѣе всего отнеслись къ своему дѣлу избиратели третьяго разряда,—тѣ самые маленькіе и слабенькіе люди, на которыхъ, повидимому, могли со всѣмъ удобствомъ давить камышинскіе орлы. Замѣчательно, что самые многообѣщающіе по своему прошлому, самые, такъ сказать, благонадежные для интересовъ города гласные прошли именно по третьему разряду. Видѣть въ этомъ простую случайность довольно-таки мудрено; скорѣе, напротивъ, можно предположить, что въ массу проникло немного сознаніе неудобствъ халатнаго отношенія къ дѣлу городскаго представительства: горькимъ опытомъ она на своей спинѣ узнала, что тотъ или другой личный составъ думы стоитъ въ самомъ непосредственномъ соотношеніи съ интересами обывателей".

Вообще въ начавшейся на нашихъ глазахъ борьбѣ мѣщанъ съ богатыми домовладѣльцами и торговцами, имѣющими рѣшительный перевѣсъ въ сферѣ городскаго самоуправленія, нельзя не пожелать полнаго торжества тѣмъ интересамъ, представителями которыхъ являются мѣщане. Но для этого встрѣчается весьма сильное препятствіе въ существующей системѣ городскаго представительства. Вѣдь въ настоящее время наши городскія учрежденія открываютъ доступъ къ участію въ городскомъ самоуправленіи только весьма незначительной части городскаго населенія. Притомъ-же, въ качествѣ полноправныхъ гражданъ, у насъ выдѣленъ изъ массы городского населенія, и искусственно обособленъ такой имущественно-состоятельный классъ людей, который, по своему умственному и нравственному развитію, представляетъ въ громадномъ большинствѣ очень мало гарантій для честной и по-

лезной общественной дѣятельности. Для большинства-же городскаго населенія, для многочисленнаго мѣщанства, доступъ къ городскому самоуправленію чрезмѣрно затрудненъ и отчасти совсѣмъ прегражденъ требованіемъ имущественнаго ценза. Къ счастію, проникшіе въ печать слухи о предполагаемомъ правительствомъ преобразованіи системы городскаго представительства внушаютъ надежду, что, наконецъ, восторжествуютъ интересы справедливости, попранные командующимъ въ сферѣ городского самоуправленія классомъ торговцевъ и богатыхъ домовладѣльцевъ. Мѣщанство, этотъ основной и коренной слой городского населенія, имѣетъ полное право на особое вниманіе къ его интересамъ, которые составляютъ истинные интересы громаднаго большинства городскихъ обывателей, въ противоположность ничтожной кучкѣ нынѣ распоряжающагося городскими судьбами какого-то сброда представителей наживы, барышничества, міроѣдства... *).

---

*) Одновременно съ появленіемъ настоящаго очерка въ № 3 «Недѣли» 1885 года, была напечатана въ январской книжкѣ «Наблюдателя» за 1885 годъ превосходная статья г Абрамова «Забытое сословіе». Вотъ выводы, къ которымъ приходитъ этотъ почтенный публицистъ:

«Для улучшенія положенія мѣщанъ необходимо:

а) реформировать радикально Городовое положеніе», въ смыслѣ уничтоженія имущественныхъ разрядовъ избирателей и предоставленія всѣмъ обывателямъ одинаковаго права участія въ городскомъ управленіи.

б) распоряженіе городскими землями, какъ основой благосостоянія массы городскаго населенія, предоставить непосредственному вѣдѣнію общихъ сходокъ горожанъ, какъ то было до введенія «Городоваго Положенія», а не представительныхъ учрежденій.

в) строго и всесторонне опредѣлить отношенія городскаго и мѣщанскаго общественнаго управленій, городской общины и мѣщанскаго общества.

г) точно опредѣлить законодательнымъ порядкомъ права мѣщанскаго общества, какъ юридическаго лица и самоуправляющагося общества, и возстановить ихъ тамъ, гдѣ они нарушены, и

д) изыскать способы надѣленія землею мѣщанъ безземельныхъ городовъ, десятинщиковъ, мѣщанъ-переселенцевъ и т. д.».

II.

РАЗОРЕНЬЕ.

„Громъ не грянетъ,—мужикъ не перекрестится“. Тоже нужно сказать и о мѣщанахъ. Понадобились оглушительные громовые удары, чтобы пробудить мѣщанство, мирно погрузившееся въ земледѣльческій трудъ, въ мелкіе торги и промыслы, въ заботы о томъ, какъ бы изо дня въ день перебиться съ хлѣба на квасъ. Если теперь мѣщане очнулись отъ прежняго равнодушія къ судьбѣ городскаго управленія, всецѣло попавшаго въ руки людей крупнаго достатка—торговцевъ и домовладѣльцевъ, если мѣщане все больше и больше стали принимать участіе въ городскихъ дѣлахъ и отстаивать на почвѣ городскаго самоуправленія интересы людей мелкаго достатка,—то для этого имъ нужно было вынести на своихъ плечахъ, выстрадать грудью да подоплёкою тяжелый опытъ хозяйничанья въ городскихъ дѣлахъ того ничтожнаго меньшинства, надѣленнаго обширными полномочіями, которое связано съ городомъ однимъ лишь интересомъ наживы отъ торговли и домовладѣнія. И вотъ этотъ опытъ далъ въ результатѣ, прежде всего, захватъ общественныхъ земель новыми городскими хозяевами и вмѣстѣ обезземеленіе мѣщанъ. Но это былъ еще только первый шагъ со стороны новыхъ хозяевъ Городская земля не удовлетворила, а только раззадорила еще больше волчій аппетитъ. Жадные помыслы были увлечены мечтою о денежныхъ капиталахъ, которые лежали не въ одномъ сундукѣ городской думы, но были засунуты гдѣ-нибудь въ чулкѣ у старухи-мѣщанки, въ подпольѣ, на огородѣ въ глиняной кубышкѣ, или въ кованой укладкѣ за семью замками. Какое варварское, мертвое, непроизводительное состояніе капиталовъ!

То-ли дѣло, если бы эти капиталы были въ рукахъ представителей крупной промышленности и торговли, – тутъ они ожили-бы и стали быстро рости. Банки нужны намъ, банки... Да, нужны городскіе общественные банки!—добавляли къ этому городскіе хозяева. И завелись по городамъ общественные банки. Изъ мѣщанскихъ чулокъ, подпольевъ, кубышекъ и сундуковъ были вынуты и положены въ банки всѣ запасныя деньженки, эти семейныя сбереженія нѣсколькихъ предшествующихъ поколѣній, назначенныя для передачи на семейныя нужды послѣдующихъ поколѣній. Глядятъ мѣщане на банки и дивятся,—мертвые капиталы ожили и стали рости...

„Въ исторіи городскихъ банковъ,—писали въ 1868 году,—едва ли не самое почетное мѣсто занимаетъ имя директора скопинскаго банка И. Г. Рыкова.. Распространивъ благодѣянія кредита на всѣ классы промышленниковъ, онъ далъ возможность крупнымъ торговцамъ увеличивать свои операціи, а мелкимъ пріобрѣтать средства къ существованію... Еслибы въ каждой губерніи было хотя по одному банку, дѣйствующему съ такимъ же успѣхомъ, какъ скопинскій, то земледѣліе и торговля въ Россіи вышли-бы окончательно изъ нынѣшняго застоя.. Скопинскій банкъ доказалъ, что провинціальные банки не лишены возможности идти рядомъ съ столичными кредитными учрежденіями... Словомъ, скопинскій банкъ доказалъ, что не столько значительность основнаго капитала, сколько полная свобода дѣйствій даютъ ходъ кредитному учрежденію“ (Иллюстрированный календарь на 1869 г изданіе А. Баумана)

И вдругъ оказывается, что все это былъ сонъ. Глядимъ вокругъ себя и не видимъ ни банковъ, ни своихъ кровныхъ денегъ, ни даже знаменитаго гражданина Рыкова. Вмѣсто всей этой благодати, въ городахъ одно разоренье!...

Въ послѣдніе годы, самымъ выдающимся и наиболѣе характернымъ явленіемъ въ области городской жизни были банковые крахи, повлекшіе за собою общее разстройство городскаго хозяйства. Только и слышно было, что о плачевной участи городскихъ банковъ. То тамъ, то здѣсь лопались банки. Гдѣ еще не случился крахъ въ городскомъ банкѣ, тамъ ждали его въ скоромъ времени, или-же граждане спасали свой банкъ цѣною чрезвычайныхъ пожертвованій. Но если и удавалось спасти банкъ, то все равно городъ терпѣлъ разоренье. И какъ много у насъ этихъ разоренныхъ городовъ, уныло выглядывающихъ среди яркихъ слѣдовъ недавняго крушенія!

Какъ будто разрушительный ураганъ пронесся надъ бѣдными городами, или безпощадное непріятельское нашествіе перевернуло вверхъ дномъ всю городскую жизнь. Съ плачемъ и стонами разсказываютъ несчастные городскіе жители печальную повѣсть о своемъ разореніи. Слышатся жалобы на разорителей; повторяются фамиліи Рыкова, Авилова и т д.; о нихъ разсказываютъ ужасы, какъ о какихъ-то современныхъ Атиллахъ и Чингизханахъ.

Въ 1884 году былъ объявленъ несостоятельнымъ городской банкъ въ Камышинѣ, Саратовской губерніи. Когда это несчастіе случилось, городъ представлялъ изъ себя слѣдующую картину. «Крупнѣйшіе должники банка, успѣвшіе заблаговременно перевести свое имущество на другихъ лицъ,—разсказывали «Московскія Вѣдомости»,—бросились въ разсыпную; иные вывезли ночью весь товаръ изъ лавокъ, а нѣкоторые бѣжали въ Астраханскую губернію. Возникнетъ цѣлая серія уголовныхъ дѣлъ о злостномъ банкротствѣ и подлогахъ документовъ. Въ качествѣ обвиняемыхъ, начиная съ городского головы, будутъ фигурировать когда-то бывшіе богатые коммерсанты. Понесутъ убытки и московскіе мануфактуристы, такъ какъ значительная часть купцовъ, когда-то коробочниковъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, желаетъ расплатиться за взятый товаръ по 10 коп. за рубль. Въ городѣ всеобщій плачъ: до 200 семействъ мелкихъ торговцевъ и хлѣбопашцевъ, существовавшихъ только при помощи банка, находятся въ отчаянномъ положеніи, - дома и вся движимость будутъ продаваться съ аукціоннаго торга и обезцѣненіе имуществъ выйдетъ полное». На мѣстѣ этого погрома разсказывались просто невѣроятныя вещи о расхищеніи банка. Нѣсколько мѣстныхъ купцовъ, состоящихъ городскими гласными и членами всевозможныхъ коммиссій, разобрали и основной, и запасный капиталы, представляя къ учету выданные другъ другу дутые векселя. Напримѣръ, былъ случай, что городская дума разрѣшила банку стоющую всего 2,000 рублей лавку принять въ уплату долга 21,000 руб., состоявшаго на одномъ изъ такихъ заемщиковъ. До какой степени мало городскіе заправилы заботились объ интересахъ города и какъ легко они смотрѣли на расхищеніе городского достоянія,—это вполнѣ обнаружилось, когда въ городскомъ банкѣ оказался дефицитъ въ 125,000 руб. и министерство предложило или внести эти деньги, или опредѣлить порядокъ ликвидаціи дѣлъ банка. Тогда думская коммиссія, состоявшая изъ должниковъ банка, предложила покрыть дефицитъ отчисле-

ніемъ части доходовъ съ городскихъ земель, остатками отъ смѣтныхъ назначеній и экономіею въ расходахъ. Эти люди заботились только о своихъ карманахъ, а до городского добра, до интерессовъ городского населенія имъ не было никакого дѣла.

Теперь заглянемъ въ другой изъ разоренныхъ городовъ,— въ Сапожокъ, Рязанской губерніи. Тамъ городской банкъ лопнулъ въ концѣ 1882 г. Вклады, составлявшіе ококо 300,000 руб., были расхищены ловкими заемщиками, объявившими себя несостоятельными. Банку пришлось удовлетворять вкладчиковъ чуть не по 5 коп. за рубль. Послѣ банковаго краха городъ подвергся ужасному разоренію. Въ настоящее время онъ представляетъ слѣдующую безотрадную картину: «Прежде, до открытія городского банка,—разсказываетъ мѣстный обыватель,—хотя не особенно многіе, но пользовались кредитомъ изъ частныхъ рукъ и вели свое дѣло; съ открытіемъ-же банковыхъ операцій, многимъ открылась возможность хотя не дешеваго, но за то легкаго кредита, и повидимому, обороты пошли оживленнѣе. На самомъ-же дѣлѣ это только казалось: легкій, а слѣдовательно и неимѣющій прочныхъ основаній, кредитъ скоро далъ почувствовать всю свою несостоятельность. Настоящее положеніе города представляетъ печальную картину разрушенія. Большая часть деревянныхъ домовъ, если не разрушилась, то, какъ будто прищуривъ одинъ глазъ, наклонивъ головы, глядятъ въ сторону. Каменные дома изображаютъ собою нѣчто и комичное, и крайне печальное. Представьте себѣ одноэтажное, рѣдко двухъэтажное зданіе съ половиною разбитыхъ стеколъ, изъ которыхъ часть заклеена бумагою, а часть заткнута ситцевыми тряпками, и въ довершеніе всего, вмѣсто крыши, стогъ соломы, какъ на деревенскомъ мальчишкѣ отцовская зимняя шапка. Слова «кредитъ» въ поминѣ нѣтъ, и въ торговлѣ абсолютный штиль. Отсутствіе денегъ такъ велико, что за 1,500 рублей можно купить домъ,—не говоря о вышесказанныхъ, но изъ немногихъ оставшихся двухъэтажныхъ и весьма приличныхъ на видъ, съ прекраснымъ фруктовымъ садомъ, размѣромъ до ½ десятины земли.

Вообще городамъ Рязанской губерніи сильно не повезло. Въ Михайловѣ купецъ Коноваловъ растратилъ почти всѣ капиталы городского банка, на сумму свыше 100,000 руб., и потомъ повѣсился. Въ Скопинѣ городская дума, съ знаменитымъ Рыковымъ во главѣ, растащила чуть не до 13 милліоновъ, собранныхъ въ банкѣ. Грабители щедро раздавали чужія деньги разнымъ сильнымъ лицамъ, чтобы заткнуть глот-

ки. Литературные гады—и либеральные, и консервативные—такъ-же получали мерзкія подачки отъ Рыкова. Въ концѣ концовъ, вотъ каково теперешнее положеніе Скопина. „13-милліонный крахъ скопинскаго банка, по словамъ мѣстнаго наблюдателя—оставилъ надолго неизгладимый слѣдъ на благосостояніи города, на его промышленности и общественной жизни. Куда теперь ни посмотришь, куда ни взглянешь, вездѣ видѣнъ слѣдъ грандіознаго крушенія, признаки всеобщаго истощенія; городское хозяйство поразлажено; средства равны нулю; благотворительныя учрежденія немногія уцѣлѣли, и тѣ, что остались, едва влачатъ свое существованіе; торговыя операціи поставлены какъ-бы втупикъ, а масса свободныхъ рукъ замѣтна повсюду. Тихо живутъ теперь скопинцы, ни въ чемъ не забѣгая впередъ, сильно напуганные крушеніемъ много-милліонной „кредитки"; робко смотрятъ они на настоящее и чуть не ощупью переживаютъ день за день, опасаясь, какъ-бы не провалиться въ чемъ-либо еще".

Вслѣдъ за скопинскимъ крушеніемъ все русское общество было поражено громаднымъ крахомъ городского банка въ Орлѣ. Банкъ оказался несостоятельнымъ на 3 милліона рублей. Виновники расхищенія банка—директоръ Авиловъ, водившій городъ за носъ въ теченіи 12 лѣтъ, и его товарищи—преданы суду. Лопнувшій банкъ своими средствами можетъ уплатить вкладчикамъ небольше 36 коп. за рубль; остальное придется платить никому другому, какъ городскому обществу. При этомъ нужно замѣтить, что однимъ изъ самыхъ крупныхъ должниковъ банка считается городъ, который долженъ 800,000 руб. Въ этотъ долгъ впуталъ городъ все тотъ-же магъ и чародѣй Авиловъ, затѣявшій постройку двухъ громадныхъ чугунныхъ мостовъ. Но гдѣ-же городъ возьметъ средства для расплаты съ кредиторами банка? Думскія коммисіи, назначенныя для разработки этого вопроса, остановились на мысли объ увеличеніи налоговъ, предполагая, что можно довести ихъ до 140—160 тысячъ рублей. Но правительственная коммисія, назначенная для опредѣленія кредитоспособности г. Орла, по поводу испрашиваемой имъ ссуды въ 2 мил. руб. на поддержаніе банка, нашла, что даже при крайнемъ напряженіи платежныхъ средствъ населенія, оно можетъ вынести новыхъ налоговъ не болѣе 85—100 тысячъ руб Вообще результаты, добытые комиссіей, яркими красками рисуютъ по-истинѣ ужасное положеніе города. Общая путаница въ дѣлопроизводствѣ, отсутствіе, въ большинствѣ

случаевъ, самыхъ необходимыхъ оправдательныхъ документовъ, безобразное счетоводство, невѣрные балансы и пр. и пр.,—такова неприглядная картина дѣлъ городской управы, раскрытая трудами коммисіи. Прибавьте къ этому поразительное, выходящее изъ всякихъ границъ, равнодушіе думы къ городскимъ пользамъ и нуждамъ. Въ Орлѣ засѣданіе думы не собирается по цѣлымъ мѣсяцамъ Приходится самые важные общественные вопросы ставить на очередь по два раза за неприбытіемъ гласныхъ въ засѣданіе думы и только подъ угрозою принятія окончательныхъ рѣшеній при наличномъ числѣ гласныхъ удается составить засѣданіе. Гласные постоянно высказываютъ недовольство дѣятельностью управы. и особенно городского головы, а голова, въ свою очередь, при каждомъ несостоявшемся засѣданіи думы, дѣлаетъ длинныя и строгія внушенія гласнымъ за то, что они не ходятъ на засѣданія. Въ то же время, постановленія думы, несогласныя съ мнѣніемъ головы, не приводятся въ исполненіе, заявленіямъ гласныхъ управа не даетъ движенія, отказываясь докладывать ихъ думѣ. Городская управа состоитъ изъ почетныхъ старцевъ, которымъ, вмѣстѣ съ городскимъ и управскимъ секретарями, чуть не 500 лѣтъ. Голова, старикъ слишкомъ 80 лѣтъ, въ своихъ дѣйствіяхъ руководится принципомъ: „Я — голова; значитъ, какъ хочу, такъ и ворочу“. По увѣренію „Орловскаго Вѣстника“, голова на своемъ старинномъ купеческомъ жаргонѣ называетъ засѣданія думы „сходками“, которыя онъ рѣшился навсегда уничтожить, потому что, съ его точки зрѣнія, онѣ совсѣмъ безполезны, да къ тому-же на нихъ нѣкоторые гласные позволяютъ себѣ непочтительно относиться къ головѣ, не соглашаясь, напримѣръ, съ его мнѣніями. Въ настоящее время, городъ находится въ самомъ печальномъ положеніи въ отношеніи финансовъ, торговли, образованія, внѣшняго благоустройства и т. п. Промышленность и торговля переживаютъ небывалый застой. Кредита почти совсѣмъ нѣтъ. Изъ дѣйствовавшихъ прежде четырехъ банковъ одинъ лопнулъ, другой совершенно прекратилъ учетъ векселей, третій открываетъ кредитъ съ крайнею разборчивостью и весьма немногимъ, а четвертый—отдѣленіе государственнаго банка, —по своимъ условіямъ почти недоступенъ. Вкладчики, напуганные крахомъ городскаго банка, вынули вкладовъ слишкомъ на 9 милліоновъ рублей. Вездѣ слышатся жалобы на безденежье. Даже богатые землевладѣльцы и тор-

говцы стали обращаться въ ссудныя кассы, добывая оттуда деньги, съ уплатою 5 и болѣе процентовъ съ рубля.

Не останавливаясь на разореніи Козлова, вслѣдствіе громаднаго банковаго краха, мы обратимъ вниманіе на печальное положеніе, въ какомъ находится Тамбовъ, вслѣдствіе пошатнувшихся дѣлъ въ мѣстномъ городскомъ банкѣ. Въ 1883 году случились крупныя банкротства солидныхъ должниковъ банку, который, вслѣдствіе понесенныхъ убытковъ, не могъ ничего удѣлить въ городскую кассу, по примѣру прежнихъ лѣтъ, когда онъ отчислялъ на городскія надобности ежегодно отъ 50 до 85 тысячъ рублей. Поэтому въ городской смѣтѣ на 1884 годъ оказался дифицитъ въ 55,000 рублей. Спрашивается,— какъ покрыть его? Городское хозяйство оказалось въ ужасающемъ безпорядкѣ, дошедшемъ до того, что отчеты управы остаются необревизованными съ 1881 года на сумму около милліона руб. Средства города совершенно истощены безобразнымъ хозяйствомъ, образцомъ котораго служитъ постройка водопровода, отданная безъ торговъ, съ устраненіемъ конкурренціи, за непомѣрно высокую цѣну. Думскіе заправилы изволили устроить водопроводъ на 40,000 ведеръ, тогда какъ городъ ежедневно расходуетъ отъ 5 до 10 тысячъ ведеръ воды. Платежи процентовъ и погашеніе по водопроводнымъ облигаціямъ требуютъ отъ города ежегоднаго расхода около 20,000 руб. При такомъ положеніи городского хозяйства, для покрытія дефицита пришлось обратиться къ сокращенію расходовъ и тутъ-то обнаружилась вся нищета, все разореніе города и вмѣстѣ съ тѣмъ вся неспособность теперешнихъ городскихъ заправилъ. Дума прекратила выдачу денегъ на содержаніе полиціи, отказалась отъ расходовъ на отопленіе и освѣщеніе мѣстнаго тюремнаго замка, прекратила выдачу жалованья городскому оспопрививателю,—а городскому врачу жалованье прекращено еще раньше. Не довольствуясь этимъ, дума прекратила пособіе женской гимназіи, дѣтскому пріюту, реальному училищу и до послѣдней крайности сократила отпускъ средствъ на содержаніе ремесленнаго училища Вслѣдствіе этого, плата за ученье въ реальномъ училищѣ повышена съ 21 руб. до 50 руб. Мало того, нашлись между гласными умные люди, которые внесли въ думу предложеніе обложить платою, въ размѣрѣ 4 руб., всѣхъ учениковъ и учениць начальныхъ городскихъ училищъ. Но это было ужъ такъ нелѣпо, что даже тамбовская дума отказалась отъ обсужденія этого проэкта. Что-же касается городского банка, то обан-

кротившіеся крупные должники его живутъ теперь припѣваючи: одинъ управляетъ имѣніемъ малолѣтнихъ, другой проживаетъ у семейнаго очага, хорошо обезпеченнаго, третій вродѣ этого и т. д. Послѣ этихъ банкротствъ, дума учредила при банкѣ учетный комитетъ, въ составъ котораго вошли 9 членовъ; 6 изъ нихъ—крупные должники банка, а остальные должники средней руки. Послѣдствія такого допущенія лисицы къ охранѣ курятника обнаружились очень скоро. Учетный комитетъ тотчасъ же поспѣшилъ открыть себѣ кредитъ на 480,000 руб., т. е. почти на 1/3 всей суммы вексельнаго портфеля банка, въ которомъ участвуютъ нѣсколько сотенъ кредитующихся лицъ. Относительно благонадежности векселей, принимаемыхъ къ учету въ банкѣ, ревизіонная коммисія сдѣлала изумительныя открытія. Найдены крупные учеты векселей, данныхъ другъ другу супругами и близкими родственниками; обнаружены векселя встрѣчные, выданные другъ другу хотя и посторонними лицами, но въ одно и то-же число и на одну и ту же сумму. Однако, ревизіонная комиссія еще не обратила вниманія на то, что въ городскомъ банкѣ пользуются крупнымъ кредитомъ престарѣлые родители, съ весьма небольшимъ недвижимымъ имѣніемъ, у которыхъ вся торговля и промышленность ведется на имя сыновей. Равнымъ образомъ крупными кредитами пользуются старшіе братья, у которыхъ все состояніе, вся торговля и промышленность состоитъ въ нераздѣльномъ владѣніи съ другими братьями, неучаствующими ни въ векселедательствѣ, ни въ бланконадписательствѣ. Всевозможные безпорядки и злоупотребленія въ городскомъ банкѣ свободно процвѣтаютъ, благодаря тому, что девять-десятыхъ городскихъ гласныхъ—должники банка. Расхватавши по рукамъ капиталы банка, можетъ-ли дума наложить узду на хищническіе инстинкты учетнаго комитета? Нѣтъ, „большинство гласныхъ,—по словамъ мѣстнаго наблюдателя,—состоитъ изъ должниковъ банка, которымъ члены учетнаго комитета ежедневно нужны по переучету векселей; среди гласныхъ нѣтъ ни одного изъ вкладчиковъ банка и весьма мало людей съ независимымъ положеніемъ. Въ такомъ составѣ городскихъ думъ и заключается общая и главная причина крушенія городскихъ банковъ — скопинскаго, орловскаго, козловскаго и другихъ“.

Не лучше положеніе городского банка и въ Воронежѣ. Городскіе заправилы и здѣсь довели дѣло до того, что банкъ потерялъ почти весь основной и запасный капиталы. Государ-

ственный банкъ закрылъ для него кредитъ, простиравшійся до 750.000 р. Тогда по городу мгновенно распространилась паника и вкладчики осадили банкъ, который на другой-же день прекратилъ операціи по выдачѣ вкладовъ. Дума собралась въ экстренное засѣданіе и, для спасенія банка, отправила гласнаго Михайлова въ Петербургъ ходатайствовать въ министерствѣ. Результатомъ ходатайства было то, что министръ финансовъ изъявилъ согласіе на выдачу городу правительственной ссуды въ 800,000 руб. на 5 лѣтъ подъ залогъ городского лѣса. Такимъ образомъ, хотя банкъ и уцѣлѣлъ, но все равно городскимъ жителямъ придется расплачиваться за всѣ банковые убытки. Эта расплата будетъ тѣмъ болѣе тяжела, что, по словамъ мѣстнаго корреспондента, „матеріальное положеніе Воронежа, въ недавнія времена еще такъ процвѣтавшаго, вслѣдствіе своей обширной торговли, пало до невыразимо низкой степени и представляетъ даже самому поверхностному наблюдателю картину крайне мрачную и способную навести на всякаго тоску и уныніе“. При общемъ паденіи торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ, при громадныхъ банкротствахъ мѣстныхъ денежныхъ тузовъ, не одинъ городской общественный банкъ дожилъ до несостоятельности: Общество Взаимнаго Кредита также не вынесло кризиса и ликвидировало свои дѣла. Кромѣ того, въ уѣздахъ Воронежской губерніи три общественныхъ банка должны были такъ же ликвидировать свои дѣла. Настало общее безденежье. Съ закрытіемъ кредита въ городскихъ банкахъ, расплодились ростовщики, предлагающіе въ ссуду капиталы за неимовѣрные проценты. При всемъ томъ спросъ на ссуды у ростовщиковъ въ Воронежѣ превышаетъ предложеніе вдвое и втрое, такъ что если бы у ростовщика были въ рукахъ не десятки, а сотни тысячъ, то ихъ сейчасъ-же расхватали бы по рукамъ. Конечно, ростовщики даютъ деньги, не иначе, какъ подъ вѣрное обезпеченіе, и вотъ къ нимъ отнесены въ залогъ всѣ драгоцѣнности. Теперь рѣдко увидишь золотые часы, дорогіе перстни на рукахъ мужчинъ и драгоцѣнныя серьги въ ушахъ женщинъ. Отъ перстней остались одни вдавленныя полоски на пальцахъ, а отъ серегъ—дырочки въ ушахъ, самыя же драгоцѣнности лежатъ въ ссудныхъ кассахъ у ростовщиковъ...

На нашихъ глазахъ такъ много лопнуло городскихъ банковъ, что трудно даже пересчитать ихъ. Покончилъ свое существованіе Одоевскій общественный банкъ, въ Тульской губерніи. Въ виду громадныхъ убытковъ, понесенныхъ городскимъ

банкомъ, Владикавказская городская дума ходатайствовала предъ правительствомъ о выдачѣ полумилліонной ссуды для поддержанія банка. Правительство отказало въ ссудѣ, и банку ничего болѣе не осталось, какъ ликвидировать дѣла. Убытки банка простираются до милліона рублей. Слѣдствіе о злоупотребленіяхъ въ банкѣ, тянется уже три года. Двое виновныхъ сидятъ въ тюрьмѣ, да кромѣ ихъ, по мнѣнію ревизіонной коммисіи, необходимо привлечь къ личной и имущественной отвѣтственности за злоупотребленія около 30 человѣкъ, въ разное время хозяйничавшихъ въ банкѣ, которые засѣдаютъ въ думѣ въ ожиданіи, пока очистится для нихъ мѣсто въ тюрьмѣ. Объявленъ несостоятельнымъ городской банкъ въ Грозномъ. Терской области, въ виду отсутствія у города средствъ къ пополненію болѣе 100,000 убытковъ, понесенныхъ банкомъ. Банкъ въ Маріуполѣ, во главѣ котораго стоялъ мѣстный купецъ—милліонеръ, считался однимъ изъ самыхъ прочныхъ; въ балансахъ его выводилась громадная цифра прибылей и т. д. Но вотъ пришли крутыя времена и обнаружилось, что въ портфелѣ банка осталось на 300.000 рублей опротестованныхъ векселей. Чтобы не допустить продажи съ молотка городскихъ имуществъ, маріупольская дума постановила ликвидировать дѣла банка, а для покрытія убытковъ рѣшила заложить 12,000 десятинъ городской земли, которую городъ едва-ли будетъ въ состояніи когда-нибудь выкупить.

Другіе банки едва влачатъ жалкое существованіе, находясь наканунѣ своего закрытія. Такъ, въ Ногайскѣ, Бердянскаго уѣзда, дѣла мѣстнаго „бердянско-ногайскаго“ банка находятся въ крайне плачевномъ положеніи, вслѣдствіе того, что должники не платятъ. Рѣшено, во что бы то ни стало, взыскивать долги, не давая отсрочекъ, и отъ этого дома должниковъ банку продаются десятками. Въ Опочкѣ, Псковской губерніи, давно ходили слухи, что въ городскомъ банкѣ дѣла неладны. Наконецъ, въ началѣ 1884 года, стало извѣстно, что товарищъ директора долженъ банку 50,000 руб., самъ директоръ и его семья также должны нѣсколько десятковъ тысячъ, и вообще банковыя суммы находятся въ рукахъ людей, наличное имущество которыхъ далеко не соотвѣтствуетъ ихъ долгу. Вкладчики въ ужасной паникѣ бросились вынимать вклады. Въ Мензелинскѣ, Уфимской губерніи, ревизіонная коммисія нашла, что весь кредитъ банка, какъ по учету, такъ и подъ залоги, распредѣленъ между 450 кредиторами, причемъ половина этого кредита раздѣлена между членами банка, город-

скимъ головою, ихъ родственниками и пріятелями, въ числѣ 15 человѣкъ, которымъ выдано 97,675 руб., или, другими словами, дѣятели банка и городской управы забрали въ свои руки весь основной и запасный капиталы банка, да еще изъ вкладовъ прикарманили 6,736 рублей. Вотъ имена главныхъ должниковъ банка: 1) городской голова Поповъ, который, по словамъ ревизіонной коммисіи, „кромѣ отправленія своей должности, не ведетъ ровно никакихъ, ни промышленныхъ, ни торговыхъ дѣлъ". 2) Директоръ банка Бурмистровъ, „ведя одно общее дѣло съ Дубиниными, видимо сокращаетъ свою торговлю, какъ это выразилось недавно въ закрытіи одной, принадлежащей ему, лавки". 3) Дубинина, теща Бурмистрова живетъ въ домѣ его и никакихъ самостоятельныхъ торговыхъ дѣлъ не ведетъ. 4) Сынъ ея Дубининъ, которому „не принадлежитъ пока никакого имущества". 5) Рѣзчикъ Завьяловъ, который „почти вовсе покончилъ свои дѣла". Ясное дѣло, что отъ подобныхъ лицъ нечего ждать отдачи, все равно, какъ отъ попа сдачи. Равнымъ образомъ въ Котельничѣ, Вятской губерніи, ревизіонная коммисія обнаружила, что изъ городского банка, съ основнымъ капиталомъ въ 70,000 руб., семь человѣкъ получили ссуды на 200,000 руб., и вообще ссудами преимущественно пользуются управители банка. Въ Гавриловскомъ посадѣ, Владимірской губерніи, стѣсненное положеніе дѣлъ мѣстнаго банка и убытки отъ годичныхъ операцій вызвали въ городскомъ населеніи толки самые невыгодные для банка. Начались усиленныя требованія вкладовъ и неаккуратная выдача ихъ. Администрація банка отказалась служить, а изъ членовъ посадской думы никто не соглашался заступить ихъ мѣсто. Притомъ-же банку грозилъ искъ объ убыткахъ, предъявленный къ нему конкурснымъ управленіемъ несостоятельныхъ должниковъ Жипкиныхъ въ суммѣ 112,000 р. Это дѣло, наконецъ, рѣшено судомъ, по приговору котораго банку придется уплатить 44,200 руб. А такъ какъ эта сумма болѣе чѣмъ въ 4 раза превышаетъ основной и запасный капиталы банка, то ему едва-ли будетъ возможно собственными силами выдти изъ затрудненія; при несостоятельности-же банка придется поплатиться всему посадскому обществу. Изъ Коврова, Владимірской губерніи, еще въ 1882 году писали, что весь оборотный капиталъ банка, простирающійся до 600,000 руб., находится въ рукахъ четырехъ лицъ, почему въ городѣ сильно опасаются банковаго краха.

Всевозможныя злоупотребленія, растраты и т. п. состав-

ляютъ самыя обычныя явленія. Обнаружить ихъ весьма трудно: городскія думы и управы прикрываютъ ихъ, потому что въ нихъ заинтересованы гласные думы, состоя должниками банка. Тѣмъ не менѣе злоупотребленія въ городскихъ банкахъ обнаруживаются то и дѣло. Напр., въ Кролевцѣ, Черниговской губерніи, весь составъ банка преданъ суду. Оказалось, что правленіемъ банка практиковалась выдача фиктивныхъ билетовъ большею частію городскимъ заправиламъ. Дѣла велись самымъ халатнымъ образомъ: книги банка находились въ домѣ бухгалтера и его письмоводителя; векселя записывались въ книгу чрезъ 2—3 мѣсяца; между записями въ вексельной книгѣ оставлялся пробѣлъ, въ который, много времени спустя, вписывались векселя; нѣкоторыя бумаги изъ банка похищены. Въ самомъ присутствіи банка производились кутежи и попойки, отъ которыхъ даже умеръ бухгалтеръ банка. Въ г. Рославлѣ, Смоленской губерніи, со времени основанія городского банка, втеченіи 11 лѣтъ, ни разу не было ревизіи въ банкѣ. Въ 1882 г. потолковали о назначеніи ревизіонной коммисіи, но это предложеніе было забаллотировано въ думѣ большинствомъ 28 противъ 15 голосовъ. Только въ 1884 году—нечего дѣлать!—пришлось назначить ревизіонную коммисію, которая и открыла въ банкѣ растрату въ 28,800 руб. Въ виду этого, директоръ банка Зуевъ и его товарищъ Чертковъ преданы суду. Директоръ Ярославскаго городского банка также преданъ суду за растрату 32,000 руб. Изъ николаевскаго общественнаго банка похищено до 100,000 руб. Ревизія городского банка въ Дмитровѣ, Московской губерніи, обнаружила многія неправильныя операціи: проценты, поступавшіе по займамъ, не записывались на приходъ, а проценты по вкладамъ, давно взятымъ изъ банка, выписывались въ расходъ. Убытки банка, владѣющаго основнымъ капиталомъ въ 10,000 руб., опредѣляются въ 75,000 руб. Директоръ каширскаго городского банка, Тульской губерніи, г. Митрофановъ, два его товарища и два бухгалтера состоятъ подъ судомъ по обвиненію въ растратѣ. Члены алексинскаго городского банка, Тульской губерніи, также преданы суду, такъ какъ ревизіей банковскихъ книгъ и документовъ обнаружена масса просроченныхъ и неопротестованныхъ векселей, а также векселя завѣдомо несостоятельныхъ на данную сумму кредиторовъ. Одесская городская дума постановила предъявить къ бывшему правленію общественнаго банка гражданскій искъ и привлечь его къ уголовной отвѣтственности. Дума нашла также необ-

ходимымъ привлечь къ уголовной и гражданской отвѣтственности 18 лицъ, занимавшихъ съ 1871 по 1882 гг. должности по общественному управленію и въ городскомъ банкѣ, а также ревизовавшихъ отчеты банка. Но губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе кассировало это постановленіе на томъ основаніи, что должностныя лица привлечены къ отвѣтственности безъ точнаго опредѣленія виновности каждаго изъ нихъ и безъ всякихъ съ ихъ стороны объясненій.

Исторія нашихъ городскихъ банковъ съ поразительною ясностью доказываетъ, что тотъ классъ, въ рукахъ котораго находится городское управленіе,—преслѣдуетъ исключительно интересы своего кармана и, пользуясь властью, набиваетъ карманъ насчетъ остальныхъ городскихъ обывателей, устраненныхъ отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Захвативъ привиллегію расхищать общественные банки, этотъ классъ не хочетъ нести никакой тяжести отъ банковыхъ убытковъ, но всецѣло сваливаетъ ее на чужія плечи. Напр., въ Твери, какъ и въ другихъ городахъ, городской банкъ служитъ не интересамъ города, но кучкѣ лицъ, расхищающихъ подъ векселя банковые капиталы. Въ началѣ 1884 года это расхищеніе приняло такіе значительные размѣры, портфель банка до того наполнился протестованными векселями, что общая сумма протестовъ превысила основный капиталъ — 184,935 руб. Тогда гласные, чтобы не дѣлать въ думѣ особенной огласки о критическомъ положеніи банка, собрались у гласнаго Н. для предварительнаго совѣщанія о томъ, какъ поправить дѣла, въ виду того, что принятая въ прошломъ году мѣра къ покрытію дефицита,—отнесеніе всей чистой прибыли на протестованные векселя,—оказалась безполезною. На совѣщаніи гласные рѣшили—имѣющійся въ городской управѣ строительный капиталъ въ 80,000 руб. перенести въ общественный банкъ на покрытіе части протестованныхъ векселей. Этимъ рѣшеніемъ у бѣднаго люда въ городѣ отнята возможность, при капитальныхъ ремонтахъ и новыхъ постройкахъ, пользоваться дешевымъ кредитомъ. То-же самое мы видимъ и въ Саратовѣ. Въ тамошней городской думѣ въ 1884 году читался докладъ правленія городского банка по вопросу о примѣненіи новаго банковскаго устава. Въ этомъ докладѣ правленіе, сѣтуя на то, что по новому уставу обязательства банка не могутъ превышать основного и запаснаго капиталовъ болѣе чѣмъ въ 5 разъ, заявило о необходимости увеличить основной капиталъ покрайней мѣрѣ на 100,000 руб., въ счетъ которыхъ просило

*

выдать 50,000 руб. изъ вспомогательнаго строительнаго капитала, назначеннаго для выдачи ссудъ бѣднѣйшимъ жителямъ города на постройку домовъ. Горячо протестуя противъ такого посягательства на расхищеніе строительнаго капитала, „Саратовскій Листокъ“ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „въ данномъ случаѣ банкъ ни больше ни меньше, какъ посягаетъ на благоустройство города, на благополучіе бѣднѣйшей части его населенія, и намѣренъ увеличить свои вексельныя операціи въ пользу капиталистовъ насчетъ людей нуждающихся“.

Думы считаютъ совершенно естественнымъ и нормальнымъ, что банковыя операціи совершаются для обогащенія немногихъ за счетъ и рискъ большинства городскихъ обывателей, непричастныхъ къ банковымъ дѣламъ. Поэтому освободить несчастную городскую бѣдноту отъ отвѣтственности за неудачныя или недобросовѣстныя банковыя операціи городскихъ воротилъ—думы не соглашаются. Такъ, напр., въ Рыбинскѣ городская дума обсуждала вопросъ о замѣнѣ опредѣленнымъ городскимъ имуществомъ ручательства всего городского общества за ввѣренные банку вклады. Казалось—вотъ нашлись благодѣтели, которые хотятъ оставить въ покоѣ мѣщанскія избушки; пусть бѣдняки владѣютъ ими безъ страха и сомнѣнья! Однако дума посмотрѣла на дѣло иначе. Въ виду того, что предлагаемая замѣна невольно можетъ вызвать въ банкѣ уменьшеніе вкладовъ, вслѣдствіе чего обороты его неминуемо сократятся и поэтому банкъ уже не будетъ давать тѣхъ прибылей, какія приноситъ въ настоящее время,—дума постановила: вопросъ о замѣнѣ обезпеченія ввѣренныхъ банку вкладовъ свободнымъ городскимъ имуществомъ оставить открытымъ. Это и понятно,—вѣдь городскимъ воротиламъ чистый убытокъ отъ сокращенія вкладовъ въ банкъ, потому что тогда поневолѣ сократится и кредитъ имъ самимъ. Если-же дѣло доходитъ до сокращенія кредита воротиламъ, тогда они наплевать хотятъ на городской банкъ и первые подаютъ голосъ за закрытіе его. Такъ, напр., въ Ревелѣ, городская дума рѣшила закрыть общественный банкъ, несмотря на то, что никакихъ убытковъ онъ не принесъ и дѣла его были въ полномъ порядкѣ. Все дѣло въ томъ, что новыя банковыя правила ограничили личныя выгоды директора и нѣкоторыхъ вліятельныхъ коммерческихъ домовъ, кредитовавшихся въ городскомъ банкѣ, и вотъ они сообща рѣшили закрыть болѣе ненужный имъ общественный банкъ и вмѣсто его основать на паяхъ свой

собственный банкъ, въ которомъ у нихъ будетъ „своя рука владыка".

Бросая общій взглядъ на характеръ дѣятельности городскихъ банковъ, мы не можемъ ничего сдѣлать лучше, какъ привести изъ „Волжскаго Вѣстника" слѣдующій, замѣчательно вѣрный, отзывъ одного губернатора: „Городскіе банки существуютъ лишь для пользы небольшой горсти крупныхъ торговцевъ, составляющихъ вліятельное большинство въ думахъ. Между гласными думы и директорами банковъ вообще установились такія отношенія, что первые снисходительно смотрятъ на дѣйствія правленія банка, а вторые открываютъ гласнымъ широкій кредитъ. Обѣ стороны довольны и страдаютъ лишь интересы дѣла". Оффиціальное положеніе лица, которому принадлежитъ этотъ отзывъ, показываетъ, что отъ вниманія правительственныхъ сферъ не ускользнула тѣснѣйшая связь между теперешнимъ безотраднымъ положеніемъ городскихъ банковъ и недостатками существующей организаціи городского самоуправленія. Такимъ образомъ, банковые крахи могутъ оказать вліяніе на судьбу нашихъ городскихъ учрежденій, которыя нуждаются въ неотложной реформѣ. Вѣдь отъ теперешняго положенія дѣлъ терпитъ убытки само же правительство, поддерживая кредитомъ лопающіеся городскіе банки. Напр., одинъ лопнувшій орловскій банкъ остался долженъ государственному банку 1.200,000 руб. А скопинскій, козловскій и другіе банки, ихъ же имена ты, Господи, вѣси?..

Указывая на недостатки въ организаціи городскихъ учрежденій, какъ на главную причину крушенія городскихъ банковъ, „Волжскій Вѣстникъ" приходитъ къ выводу, что „единственнымъ средствомъ противъ этой отрицательной стороны городского самоуправленія можетъ служить измѣненіе состава избирателей, въ смыслѣ введенія образовательнаго ценза, въ смыслѣ привлеченія къ общественному представительству интеллигентныхъ элементовъ, незаинтересованныхъ лично въ дѣлахъ кредитныхъ учрежденій". Въ сущности, здѣсь проведена совершенно вѣрная мысль о необходимости измѣненія состава городскихъ избирателей и о привлеченіи къ общественному представительству интеллигентныхъ элементовъ. Но эта безусловно вѣрная и прекрасная мысль, къ сожалѣнію, искажена „благоглупостями", которыми у насъ давно отводятъ глаза обществу публицисты большой столичной прессы. Хотятъ введеніемъ образовательнаго ценза привлечь къ управленію городскимъ хозяйствомъ лицъ, „незаинтересованныхъ

лично въ этомъ хозяйствѣ". Странное желаніе! Вѣдь оно уничтожаетъ самый принципъ общественнаго самоуправленія. Стоитъ только передать все общественное хозяйство въ завѣдываніе лицъ, обладающихъ высокимъ образовательнымъ цензомъ и назначаемыхъ на должности правительствомъ, вотъ тогда и будутъ привлечены интеллигентные элементы, „не заинтересованные лично" въ хозяйственныхъ дѣлахъ. Конечно, не этого же хотятъ мудрые публицисты. Между тѣмъ введеніе образовательнаго ценза, при недостаткѣ у насъ людей съ дипломами, неминуемо поведетъ къ образованію чего-то похожаго на бюрократію. Всю власть тогда захватитъ горсть людей съ дипломами и вся разница отъ бюрократическихъ порядковъ будетъ состоять въ томъ, что назначеніе на общественныя должности будетъ зависѣть не отъ министерства, а отъ университетовъ.

Нѣтъ, завѣдываніе общественнымъ хозяйствомъ должно находиться въ рукахъ лицъ, заинтересованныхъ лично въ процвѣтаніи этого хозяйства. Однако, здѣсь личный интересъ отнюдь не долженъ быть обособленъ отъ интереса общественнаго. Необходимо, чтобы личный и общественный интересы находились въ полнѣйшей гармоніи между собою. Гармонія-же этихъ интересовъ достигается такою организаціею общественнаго самоуправленія, которая открываетъ настежъ двери для представительства, въ данный моментъ существующихъ, общественныхъ интересовъ, не пріурочивая ихъ къ какимъ бы то ни было окаменѣлымъ общественнымъ группамъ и не давая слабымъ и малочисленнымъ классамъ искусственнаго перевѣса надъ сильными и многочисленными классами. Тогда интересы общества не будутъ приноситься въ жертву интересамъ какой-нибудь ничтожной горсти людей. Для охраненія-же и преслѣдованія этихъ общественныхъ интересовъ, естественно, должны быть привлечены такія лица изъ среды общества, которыя не только имѣютъ личный интересъ въ общественномъ интересѣ, но притомъ способны стоять на высотѣ общественныхъ требованій. Способности-же людей развиваются и совершенствуются образованіемъ, такъ что если обществу будетъ предоставленъ выборъ между двумя, одинаково усвоившими общественный интересъ, лицами—образованнымъ и необразованнымъ, то оно всегда отдастъ предпочтеніе первому предъ послѣднимъ. Всякія-же привиллегіи образованію въ сферѣ общественнаго самоуправленія могутъ быть вредны въ такой-же степени, какъ и искусственное, по-

средствомъ имущественнаго ценза, устраненіе интеллигентныхъ элементовъ отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Привиллегія дипломовъ была бы нарушеніемъ правъ общества, которое само хорошо знаетъ, кто можетъ быть полезнѣе для него — лицо съ дипломомъ или безъ диплома. Вотъ въ какомъ смыслѣ было-бы желательно измѣненіе въ организаціи городского самоуправленія и привлеченіе къ нему интеллигентныхъ элементовъ.

III.

ГОРОДСКОЕ НЕВѢЖЕСТВО.

— Грамоты не знаю, а на *сщотахъ* класть умѣю,—заявилъ одинъ гласный въ публичномъ засѣданіи мензелинской городской думы.

Такое заявленіе не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія на думу, — до того обыкновеннымъ и заурряднымъ кажется намъ избраніе въ городскіе представители человѣка, все образованіе котораго ограничивается умѣньемъ „класть на сщотахъ". Вѣдь и остальные гласные, въ громадномъ большинствѣ, недалеко ушли впередъ по части образованности. Все это—полуграмотные люди, которые съ грѣхомъ пополамъ подписываютъ свою фамилію подъ векселемъ, и много—если могутъ написать трактирный счетъ. Больше отъ нихъ ничего и не требуется; покрайней мѣрѣ, избиратели,—такой же темный, безграмотный людъ, -не требуютъ отъ своихъ представителей въ городской думѣ образованія, идущаго далѣе умѣнья класть на щетахъ и подписывать свою фамилію. Мало того, избиратели не любятъ образованныхъ людей. Сплошь да рядомъ случается, что даже забаллотировываютъ всякаго, кто по костюму выдѣляется изъ сѣрой массы и имѣетъ видъ образованнаго человѣка.

Низкій образовательный уровень большинства городскихъ гласныхъ ведетъ къ тому, что лѣтописи нашего городского самоуправленія очень часто обращаются въ какіе-то веселые разсказы о приключеніяхъ пошехонцевъ. Напр. въ Звенигородкѣ, уѣздномъ городѣ Кіевской губерніи, веселые пошехонцы, засѣдающіе въ городской думѣ, вели себя до такой степени по-домашнему, что, наконецъ, дума была вынуждена

сдѣлать слѣдующее курьезное постановленіе: „гласные въ ненормальномъ состояніи не имѣютъ права участвовать въ думскихъ засѣданіяхъ". Въ г. Минусинскѣ, Енисейской губерніи, обнаружена растрата городскихъ суммъ, и вотъ одинъ изъ членовъ городской управы, г. Солдатовъ, замѣшанный въ этомъ хищеніи, пишетъ въ свое оправданіе: „при выборѣ меня въ члены управы, я заявлялъ письменно о неспособности своей слѣдить за дѣлопроизводствомъ по управѣ, по малограмотности своей". И точно, это заявленіе было въ свое время подано, но оставлено безъ послѣдствій.

Или вотъ еще курьезный случай. Въ г. Сальницѣ, Подольской губерніи, засѣдающіе въ думѣ пошехонцы повѣрили слуху, будто вышло правительственное распоряженіе, по которому весь излишекъ городскихъ доходовъ, остающійся за вычетомъ необходимыхъ расходовъ, будетъ отниматься и передаваться тому городу, который своими доходами не въ состояніи покрыть расходовъ. При составленіи смѣты на 1885 годъ, сальниковскіе пошехонцы съ ужасомъ увидѣли, что у нихъ городскіе доходы превышаютъ необходимые расходы на 2,650 руб. Неужели придется передать эти деньги въ другой городъ? Нѣтъ, сальниковцы - народъ хитрый и остроумный; чтобы не доставались городскія деньги чужимъ людямъ, дума порѣшила назначить ихъ въ жалованье членамъ городской управы, которые на словахъ обѣщали довольствоваться небольшою суммою, отдавая остальное на общественныя надобности. Такимъ образомъ содержаніе городской управы составило ни больше ни меньше, какъ *шестьдесятъ два процента* всей городской смѣты. Но гласные не обратили вниманія на эту несообразность и разошлись изъ думы по домамъ, очень довольные хитрою выдумкою, которою они надули правительство. Впрочемъ, если они когда нибудь и поймутъ свою глупость, то могутъ утѣшиться тѣмъ, что они не первые и не послѣдніе такъ поступаютъ. Многія, городскія думы всю свою дѣятельность проявляютъ только въ томъ, что почти всѣ городскіе доходы употребляютъ на содержаніе городскихъ управъ, — большаго отъ нихъ нечего и спрашивать. Особенно отличаются въ этомъ отношеніи города Московской губерніи. Такъ, по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей", въ городѣ Воскресенскѣ, „думскіе дѣльцы считаютъ совершенно въ порядкѣ вещей изъ 5,743 рублей городскаго дохода отчислять въ свою пользу 2,373 руб. за труды по „общественному городскому управленію". Въ чемъ же состоитъ это управленіе? На наружное благо-

устройство города ассигновано тридцать пять (35) рублей; двадцать четыре (24) рубля на пособіе разнымъ вѣдомствамъ; 401 руб. на экстра-ординарные расходы; на учебную часть 0; на больницы 0; благотворительную часть 0; воинскую часть 0; затѣмъ „общественному управленію" остается только выдать положенную сумму на содержаніе полиціи, лицамъ, получающимъ пенсію, и врачу. За производство этихъ операцій „граждане" города Воскресенска уплачиваютъ изъ своихъ скудныхъ средствъ 2,373 рубля!! Клинъ на благоустройство города ассигнуетъ 101 руб., а на „общественное управленіе" 2,438 руб. Въ Можайскѣ на управленіе 3,785 руб., а на благоустройство города девяносто шесть рублей; въ Вереѣ на управленіе 2,389 руб., а на благоустройство города девяносто рублей".

Въ какихъ рукахъ находится это, столь дорого стоющее, городское управленіе, показываетъ слѣдующій курьезный случай, бывшій въ Климовичахъ, Могилевской губерніи. Тамъ городской голова, г. Дробашевскій, въ одномъ изъ засѣданій думы неосторожно погрозилъ гласнымъ, что выйдетъ въ отставку. О своей угрозѣ онъ забылъ по выходѣ изъ засѣданія. Между тѣмъ секретарь, конечно, не безъ участія нѣкоторыхъ гласныхъ, написалъ отъ имени г. Дробашевскаго заявленіе объ отреченіи отъ должности головы и подсунулъ ему подписать эту бумагу. Голова, не читавши, подписалъ свое отреченіе и былъ ужасно удивленъ, когда, въ слѣдующее засѣданіе думы, оно было доложено секретаремъ. Напрасно г. Дробашевскій пытался объяснить гадкій поступокъ секретаря: гласные благодарятъ его за полезную для города дѣятельность и дѣлаютъ постановленіе о выборѣ новаго головы... Кто же лучше изъ участвующихъ въ этомъ недостойномъ фарсѣ,—плутъ-ли секретарь, или голова, подписывающій нечитанныя бумаги? Гласные-ли, воспользовавшіеся секретарскою плутнею, или новый голова, согласившійся быть избранникомъ такихъ людей? Кажется, тутъ *всѣ лучше...*

Конечно, все это и смѣшно, и печально, даже болѣе печально, чѣмъ смѣшно. Но что же дѣлать? Какъ быть, когда городское управленіе находится въ рукахъ людей, которые только и умѣютъ „класть на счотахъ"? Дать привилегію образованію въ сферѣ городского самоуправленія, установить образовательный цензъ для участія въ городскихъ выборахъ—было бы несправедливостью, точно такимъ же нарушеніемъ коренныхъ основъ народнаго самоуправленія, какъ и введеніе имущественнаго ценза. Народное самоуправленіе немыслимо тамъ, гдѣ

образовательный цензъ передаетъ власть въ преимущественное обладаніе культурнаго класса; это будетъ самоуправленіе образованнаго общества, но отнюдь не народное самоуправленіе, основаніемъ котораго служитъ признаніе за каждымъ изъ гражданъ равнаго со всѣми другими права на участіе въ управленіи общественными дѣлами. Образовательный цензъ только въ такомъ случаѣ не противорѣчитъ принципу народнаго самоуправленія, когда ограничиваетъ право на участіе въ общественныхъ выборахъ тѣмъ образованіемъ, которое признано безусловно обязательнымъ для всѣхъ гражданъ. Но гдѣ нѣтъ обязательнаго образованія и гдѣ, притомъ же, образованіе весьма слабо развито въ обществѣ, тамъ невѣжественный составъ общественныхъ представителей является простымъ и естественнымъ отраженіемъ культурнаго состоянія всего общества. Тутъ печально не то, что въ общественные представители избраны люди невѣжественные, но то, что культурное состояніе общества слишкомъ низко. Если же мы искусственными мѣрами поднимемъ культурный уровень общественныхъ представителей безъ соотвѣтствующаго культурнаго подъема всего общества, то отсюда не произойдетъ ровно никакой пользы для общества. Когда общественное представительство принадлежитъ высшему культурному слою, то онъ всегда старается обособиться отъ низшаго культурнаго слоя, свои классовые интересы возводитъ на степень общественныхъ интересовъ и совершенно пренебрегаетъ нуждами низшаго культурнаго слоя. „Просвѣщенная бюрократія“ даетъ слишкомъ достаточно примѣровъ для того, чтобы судить, насколько выгодна и полезна для народа передача общественныхъ дѣлъ въ исключительное завѣдываніе культурнаго класса.

Средствомъ освобожденія общественнаго самоуправленія отъ подавляющаго вліянія на него невѣжественныхъ элементовъ можетъ служить подъемъ культурнаго уровня во всемъ обществѣ. Широкое распространеніе научнаго образованія, идущее рядомъ съ улучшеніемъ экономическаго благосостоянія въ массѣ, самымъ благотворнымъ образомъ отражается на ходѣ самоуправленія, которое только при такомъ условіи освобождается отъ всякихъ постороннихъ вліяній, затемняющихъ и искажающихъ принципъ народнаго самоуправленія. Въ особенности наше городское самоуправленіе нуждается въ обновленіи и освѣженіи посредствомъ широкаго распространенія образованія въ городскомъ населеніи. Самая потребность образованія живо чувствуется преимущественно бѣднѣйшимъ клас-

сомъ городскихъ жителей, но, къ сожалѣнію, остается неудовлетворенною. Городское управленіе слишкомъ мало удовлетворяетъ обширному запросу на образованіе, даетъ образовательныхъ средствъ меньше, чѣмъ нужно, и закрываетъ для множества дѣтей доступъ въ школы, чрезвычайно переполненныя учащимися.

Саратовъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между городами по заботливости о нуждахъ народнаго образованія. По смѣтѣ на 1884 годъ, расходы на учебно-воспитательное дѣло были опредѣлены въ 86,874 руб., что составляетъ около 1/6 части всѣхъ городскихъ доходовъ, исчисленныхъ въ размѣрѣ 572,927 руб., и нѣсколько превышаетъ 1/8 часть расходовъ, предположенныхъ по смѣтѣ въ размѣрѣ 651,112 руб. Изъ того числа на общедоступное народное образованіе, т. е. на устройство и содержаніе элементарныхъ школъ, ремесленнаго училища, пріютовъ, библіотеки и народныхъ чтеній, городъ расходуетъ 75,504 руб., удѣляя только 11,370 руб. на среднее образованіе. На стотысячное населеніе города имѣется 51 училище съ 7,526 учащимися обоего пола. Такимъ образомъ, здѣсь приходится одно училище на 4,236 человѣкъ, одинъ обучающійся мальчикъ на 14 мужчинъ и одна дѣвочка на 16 женщинъ. Такое процентное отношеніе учащихся къ городскому населенію даетъ Саратову право на одно изъ первыхъ мѣстъ между русскими городами. И дѣйствительно, Саратовъ гордится своими училищами и старается поддержать извѣстность въ этомъ отношеніи, пріобрѣтенную цѣною большихъ издержекъ. Между тѣмъ число начальныхъ школъ изъ года въ годъ оказывается слишкомъ недостаточнымъ для удовлетворенія потребности городского населенія. Всѣ городскія школы ужасно переполнены и ежегодно приходится отказывать въ пріемѣ учениковъ, за недостаткомъ помѣщенія въ школахъ, увеличивая такимъ образомъ контингентъ уличныхъ ребятишекъ, ростущихъ на волѣ безъ всякаго образованія и призора. Осенью 1884 года въ одномъ изъ начальныхъ училищъ, за крайнею тѣснотою помѣщенія, пришлось уволить до 50 учениковъ. Какъ-разъ въ то же время, по близости отъ этого училища, открылась церковно-приходская школа, куда и были приняты уволенные ученики. Но и въ новой школѣ получилось *переполненіе* учащихся до такой степени, что въ одномъ отдѣленіи образовалась масса въ 80 человѣкъ, а въ другомъ—40 человѣкъ. Поэтому до 15 мальчиковъ, уволенныхъ прежде изъ городского училища, теперь снова были

уволены изъ церковно-приходской школы. Точно такой же избытокъ учениковъ замѣчается во всѣхъ начальныхъ школахъ. Что же касается школъ, занимающихъ средину между средними и низшими учебными заведеніями, то ихъ только и есть двѣ на весь Саратовъ — трехклассное городское да ремесленное училища. Въ первое, осенью 1884 года, совсѣмъ не было пріема, вслѣдствіе большого поступленія учениковъ въ 1883 году и переполненія училища, а во второе требовалось всего 26 учениковъ, тогда какъ въ начальныхъ училищахъ ежегодно оканчиваютъ курсъ около 200 мальчиковъ.

Чтобы судить о томъ, насколько велика и почтенна заботливость саратовскаго городского управленія о школьномъ образованіи и какъ вообще дурно поставлено у насъ дѣло народнаго образованія въ городахъ, — мы приведемъ свѣдѣнія о расходахъ на школы, исчисленныхъ по смѣтѣ г. Одессы на 1885 годъ. Всѣ расходы на учебно-воспитательное дѣло здѣсь опредѣлены въ 161,000 руб., что составляетъ около $^1/_{15}$ всѣхъ городскихъ расходовъ, исчисленныхъ въ размѣрѣ 2.440,000 руб. Изъ того числа собственно на народное образованіе назначено только 91,000 руб., а остальные 70,000 руб. — на потребности средняго и отчасти высшаго образованія. При 157,000 человѣкъ городского населенія, число учащихся въ городскихъ начальныхъ школахъ составляло въ 1883 году 2,086 мальчиковъ и 1,700 дѣвочекъ, тогда какъ въ Одесскомъ уѣздѣ, при 147,000 жителей, было учащихся въ народныхъ школахъ 4,768 мальчиковъ и 3,336 дѣвочекъ, а всего 8,104 ученика, такъ что одинъ учащійся приходился на 18 жителей. Чтобы судить о томъ, какъ быстро ростетъ въ городскомъ населеніи потребность въ школьномъ образованіи, приведемъ нѣкоторыя данныя относительно увеличенія городскихъ расходовъ на этотъ предметъ. Въ 1861 году расходы городского управленія на народное образованіе составляли 6,643 руб., въ 1864 г.— 11,700 руб., въ 1866 г.—20,600 руб., въ 1868 г.—45,700 руб , въ 1874 г.—110,000 руб. и въ этой цифрѣ оставались до 1881 г., когда увеличились до 130,000 руб., и наконецъ по смѣтѣ на 1885 годъ дошли до 161,000 руб. Такимъ образомъ, возрастаніе городскихъ расходовъ на народное образованіе, весьма быстрое съ 1861 по 1874 г., становится весьма медленнымъ въ послѣднее десятилѣтіе, къ которому собственно относится упадокъ школьнаго дѣла въ

Одессѣ. Кромѣ начальныхъ училищъ въ городѣ находится только два учебныхъ заведенія съ правами городскихъ училищъ. Оба переполнены учащимися и поступить туда очень трудно. Напримѣръ, въ казенное городское училище изъ 300 желающихъ поступить было принято въ 1884 году не болѣе 100, а остальнымъ отказано за недостаткомъ мѣста. Уже по этому можно судить, какъ велика потребность въ образовательныхъ средствахъ и какъ равнодушно относится къ ней городское управленіе.

Статистическія свѣдѣнія объ успѣхахъ народнаго образованія въ Одессѣ за послѣдніе 20 лѣтъ, указываютъ на одно больное мѣсто въ нашемъ общественномъ развитіи вообще и въ частности—въ сферѣ городской жизни. Здѣсь быстрому прогрессивному развитію высшаго и средняго образованія соотвѣтствуетъ упадокъ начальнаго народнаго образованія. На нашихъ глазахъ сбывается древнее слово: кому дано много, — у того преизбудетъ, а кому дано мало,—у того послѣднее отнимется. Высшій культурный классъ все усиливается, развивается, идетъ впередъ быстрыми шагами, а низшій, не культурный классъ. по прежнему, остается во тьмѣ, не двигается впередъ, даже вымолвить тяжело и страшно—погружается въ еще бо̀льшее невѣжество. Въ 1864 году, въ Одессѣ, при 118,412 жителяхъ. было учащихся въ 49 учебныхъ заведеніяхъ 5,737 человѣкъ обоего пола, т. е. одно учебное заведеніе приходилось на 2,417 душъ и одинъ учащійся на 20 душъ. Въ 1884 году городское населеніе возросло до 230,000 душъ, а число учащихся въ 141 учебномъ заведеніи—до 11,905 человѣкъ обоего пола, такъ что одно учебное заведеніе теперь приходится на 1,631 душу и одинъ учащійся на 19 душъ. Ясно, что въ общемъ итогѣ народное образованіе въ Одессѣ сдѣлало нѣкоторый прогрессъ, хотя, нужно правду сказать, – прогрессъ весьма ничтожный. Но если разсмотримъ отдѣльно успѣхи низшаго образованія и отдѣльно-же успѣхи высшаго и средняго образованія, то получимъ результаты, поражающіе неожиданностью. Оказывается. что высшее и среднее образованіе въ Одессѣ за 20 лѣтъ увеличилось болѣе, чѣмъ въ пять разъ или на 500%, а начальное народное образованіе увеличилось только на 42%, т. е., если принять въ разсчетъ увеличеніе народонаселенія, то получимъ уменьшеніе числа учащихся въ народныхъ школахъ на 58%.

Вообще центры высшаго образованія не всегда имѣютъ право называться центрами начальнаго народнаго образованія. Казань тоже недалеко ушла впередъ сравнительно съ Одессою.

По крайней мѣрѣ, казанскія газеты постоянно ставятъ въ примѣръ мѣстному городскому управленію организацію школьнаго дѣла въ Саратовѣ. Въ Казани ощущается громадный недостатокъ въ помѣщеніи для учащихся и родители жалуются на то, что дѣти ихъ не находятъ себѣ мѣста на школьной скамьѣ. „Волжскій Вѣстникъ“ говоритъ, что прошлымъ лѣтомъ въ пріемѣ въ училища отказано за недостаткомъ мѣстъ 93 мальчикамъ и 119 дѣвочкамъ, а всего 212 дѣтямъ. Преподаватели и преподавательницы нѣкоторыхъ училищъ заявляютъ, что онѣ всякій разъ въ концѣ августа, при пріемѣ дѣтей, бываютъ поставлены въ крайне затруднительное положеніе тѣмъ, что въ число учениковъ и ученицъ включаются большею частію тѣ дѣти, которыя записаны въ предъидущіе годы; напр., въ 1884 году приняты тѣ дѣти, которымъ отказано въ пріемѣ въ 1883 году, а въ 1885 году поступятъ въ училища тѣ, которые не приняты въ прошломъ. Вслѣдствіе этого, къ преподавателямъ, еще задолго до срока пріема, родители начинаютъ обращаться съ просьбами, во время-же пріема преподаватели видятъ слезы и мольбы о принятіи дѣтей, иногда слышатъ угрозы и т. д. Въ одномъ училищѣ осенью былъ даже такой случай: три дѣвочки, несмотря на то, что имъ въ пріемѣ отказано, приводятся въ училище и самовольно оставляются родителями въ классныхъ комнатахъ!

Въ Харьковѣ, населеніе котораго простирается до 160,562 человѣкъ, городскіе расходы, по росписи на 1884 годъ, исчислены въ 651,127 руб. Изъ этой суммы тратится „на учебныя *и другія общеполезныя* заведенія“ 45,781 руб., тогда какъ городское управленіе поглощаетъ 74,491 руб. Относительно хода начальнаго народнаго образованія вообще въ Харьковской губерніи извѣстно, что въ 1884 г. считалось всѣхъ учебныхъ заведеній 588 и въ томъ числѣ народныхъ школъ—466, такъ что одна школа приходится на 4,300 душъ; а въ 1732 году, при населеніи въ 135,000 душъ, было 46 школъ, такъ что одна школа приходилась на 3,000 душъ. Если въ Харьковѣ расходъ на народное образованіе составляетъ $^1|_{14}$ всѣхъ городскихъ расходовъ, т. е. меньше того, что тратитъ на народное образованіе Одесса, то Кіевъ расходуетъ на этотъ предметъ еще меньше Харькова. Въ 1880 году, при общей суммѣ городскихъ расходовъ въ 726,772 руб., на народное образованіе употреблены 53,394 руб., что составляетъ всего 7,3%. Оказывается, что мелкіе уѣздные города Кіевской губерніи расходуютъ на народное образованіе больше университетскаго города, въ управ-

леніи которымъ принимаютъ тоже дѣятельное участіе профессора. Напр., Черкассы расходуетъ на народное образованіе 23,4% своего бюджета, Чигиринъ — болѣе 12%, Каневъ — 10,8%.

Приведя данныя относительно положенія народнаго образованія въ университетскихъ городахъ, мы хотимъ указать, какъ на болѣзненное явленіе въ нашемъ общественномъ развитіи, на замкнутость и отчужденность высшаго культурнаго класса отъ народныхъ интересовъ, и притомъ не отъ однихъ только экономическихъ, но даже общечеловѣческихъ, культурныхъ интересовъ народной массы. Оказывается, что въ такихъ культурныхъ центрахъ, какими у насъ служатъ университетскіе города, прогрессивное увеличеніе образовательныхъ средствъ для высшаго культурнаго развитія остается безъ всякаго вліянія на подъемъ культуры въ народной массѣ, не вызывая соотвѣтствующаго увеличенія образовательныхъ средствъ для народа. Понятно—мы далеки отъ того, чтобы считать университетскіе города какими-то врагами начальной народной школы. Нѣтъ, мы только предъявляемъ къ университетскимъ городамъ болѣе высокія и строгія требованія, желая, чтобы имъ принадлежала передовая роль въ отношеніи распространенія не одного высшаго, но и низшаго, начальнаго образованія. Если они не удовлетворяютъ такому требованію, то это еще не значитъ, что начальная школа въ нихъ поставлена хуже всѣхъ другихъ городовъ. У насъ сплошь да рядомъ бываетъ и хуже. Очень часто даже губернскіе города представляютъ поразительные, просто невѣроятные примѣры полнѣйшаго пренебреженія къ дѣлу народнаго образованія. Въ этомъ отношеніи достаточно будетъ указать на г. Вятку, гдѣ городское управленіе не вноситъ ни одного рубля на начальное народное образованіе. Существованіе начальныхъ училищъ въ г. Вяткѣ всецѣло обязано уѣздному земству, которому городъ недавно отказалъ въ просьбѣ дать для училищъ помѣщенія и прислугу. Здѣшнее городское управленіе сдѣлало, за все послѣднее время, единственное пожертвованіе на начальное народное образованіе, отдавъ небольшой домъ для помѣщенія школы, да издержавъ ничтожную сумму на поправку пожертвованнаго дома подъ городское училище. Чтобы судить, насколько, въ данномъ случаѣ, справедливы городскіе представители по отношенію къ интересамъ сельскаго населенія, достаточно указать, что полное содержаніе семи большихъ городскихъ школъ уѣздному земству стоитъ ежегодно 7,633 руб., тогда какъ на содержаніе всѣхъ 40 сельскихъ

школъ земство тратитъ только 16,382 руб., т. е. городъ поглощаетъ почти третью часть всей расходуемой земствомъ суммы на народное образованіе, между тѣмъ какъ городское населеніе въ семь разъ менѣе сельскаго. Точно также и Пермское городское общество не даетъ ни гроша на начальныя народныя школы, которыя содержатся исключительно на средства уѣзднаго земства. Замѣтьте, что вѣдь Пермь—довольно большой и богатый городъ, съ желѣзною дорогою и большою пароходною пристанью. Въ немъ существуютъ четыре банка, четыре клуба, большое зданіе театра, принадлежащее городу. У города есть средства дѣлать такіе крупные подарки антрепренерамъ театра, какъ отказъ отъ полученія съ нихъ арендной платы за театральное зданіе въ количествѣ 1,200 рублей. А на содержаніе начальныхъ народныхъ школъ у города будто-бы нѣтъ средствъ и оттого, въ 1884 году, цѣлыя сотни дѣтей изъ бѣднѣйшаго класса городского населенія не были приняты въ школы. Городъ сваливаетъ на земство всѣ заботы о начальномъ народномъ образованіи, а земство отказывается увеличивать расходъ на содержаніе городскихъ школъ, ссылаясь на то, что у него недостаетъ средствъ для правильной постановки народнаго образованія въ сельскомъ населеніи. Такъ и ростутъ городскія дѣти въ безграмотствѣ и невѣжествѣ!

Положеніе учителей въ городскихъ начальныхъ школахъ крайне неутѣшительно, вслѣдствіе недостатка разумной заботливости со стороны городского управленія. Напр., въ Казани, рядомъ съ учителями, завѣдывающими училищами, существуютъ такъ называемые „вторые“ учителя. По словамъ мѣстнаго „Вѣстника“, трудно даже вообразить себѣ, какая безалаберщина практикуется по отношенію къ этимъ несчастнымъ вторымъ учителямъ. Одни изъ нихъ получаютъ готовую квартиру, другіе квартирныя деньги и притомъ не въ одинаковомъ размѣрѣ, но отъ 50 до 120 р., третьи — и квартиры, и деньги, а четвертые, неуспѣвшіе подладиться къ попечителю училища, не получаютъ ни квартиръ, ни квартирныхъ денегъ. Все зависитъ отъ каприза попечителей, которые безконтрольно и совершенно неправильно распоряжаются городскими суммами. Особенно тяжело отзывается произволъ попечителей на лицахъ, ищущихъ учительскихъ мѣстъ. Иной претендентъ, обнадеженный въ полученіи мѣста, ждетъ годъ или болѣе и ежедневно ходитъ въ школу чуть не за двѣ версты, занимаясь съ учениками или безвозмездно, или за ничтожную плату въ ожиданіи будущихъ

благъ. Наконецъ, давно ожидаемое мѣсто открылось, и тутъ-то нежданно-негаданно является новый претендентъ съ сильной протекціей, который и занимаетъ открывшуюся вакансію. Ко всему этому нужно прибавить, что въ иныхъ школахъ учителямъ приходится переносить крайне невѣжливое обращеніе попечителей. Да и вообще, по словамъ „Волжскаго Вѣстника", много темныхъ, хотя и незримыхъ міру сторонъ тяготѣетъ надъ жизнью начальныхъ школъ въ Казани, къ стыду городского самоуправленія, относящагося къ нимъ не какъ мать, а какъ мачиха.

Недостатокъ начальныхъ школъ и въ особенности—такъ называемыхъ городскихъ училищъ сильно тормозитъ развитіе образованія въ средѣ мѣщанъ, въ этомъ многочисленномъ классѣ коренныхъ городскихъ жителей. Между тѣмъ, никто такъ не нуждается въ образованіи, какъ наши мѣщане, которые въ этомъ отношеніи очень отстали отъ другихъ городскихъ сословій и, вслѣдствіе своей культурной слабости, поневолѣ подчиняются вліянію болѣе сильныхъ въ культурномъ отношеніи классовъ. Къ счастью, въ нихъ уже успѣла проснуться потребность въ образованіи, и мы имѣли случай выше привести примѣры ихъ заботливости о болѣе широкой и лучшей постановкѣ школьнаго дѣла, когда имъ удавалось захватить въ свои руки городское управленіе. Но этого мало, —заботливость мѣщанъ о распространеніи школьнаго образованія въ городахъ выражается даже денежными пожертвованіями изъ скудной сословной кассы. Возьмемъ, напр., Елецъ, этотъ богатый, торговопромышленный городъ съ 50-ти-тысячнымъ населеніемъ. Городское управленіе, во главѣ котораго стоитъ богатое купечество, содержитъ всего лишь четыре начальныхъ городскихъ школы. При такомъ равнодушіи городскихъ заправилъ къ дѣлу народнаго образованія, мѣщанское общество въ которомъ почти 7/8 составляетъ неимущій пролетаріатъ вноситъ въ городскую кассу, на расширеніе училищнаго дѣла ежегодную субсидію, составляющую самую крупную расходную статью въ сословномъ мѣщанскомъ бюджетѣ, да кромѣ того содержитъ школу при своемъ мѣщанскомъ пріютѣ. Пожертвованіе мѣщанъ на содержаніе городскихъ школъ не встрѣтило подражанія въ другихъ сословіяхъ. Да оно и понятно, ни одному изъ городскихъ сословій такъ не нужны начальные школы, какъ мѣщанамъ. Отъ образованія будетъ зависѣть возрожденіе обдѣленныхъ нынѣ судьбою, низшихъ городскихъ классовъ. Въ особенности-же культурный прогрессъ въ мѣ-

щанствѣ, вызванный при помощи школьнаго образованія, долженъ благотворно отразиться на успѣхѣ того, недавно начавшагося между мѣщанами, движенія, которое имѣетъ въ виду защиту интересовъ большинства городскихъ жителей отъ нарушенія со стороны меньшинства, завладѣвшаго городскимъ управленіемъ при помощи поразрядной системы выборовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, съ распространеніемъ образованія въ средѣ мѣщанства, приметъ и болѣе широкіе размѣры, и большую опредѣленность цѣлей это новое движеніе, и теперь уже представляющее весьма интересное и, вѣроятно, очень богатое будущими послѣдствіями явленіе въ нашей общественной жизни.

Какъ скоро мѣщанство, составляющее громадное большинство городского населенія, имѣющее историческія традиціи, сильное сословной организаціей,—стало предъявлять свои права въ кругѣ дѣятельности городского самоуправленія, то вопросъ о школьномъ образованіи городского населенія пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе. Вѣдь не будемъ-же мы принимать искусственныя мѣры къ устраненію большинства городского населенія отъ завѣдыванія городскими дѣлами, хотя-бы даже на томъ основаніи, что это большинство невѣжественно. Правда, мѣщанство нимало не невѣжественнѣе купечества, которое заявляетъ въ городскихъ думахъ, что оно „грамоты не знаетъ, а на *сиотахъ* класть умѣетъ“. Но это все-таки не служитъ основаніемъ къ тому, чтобы равнодушно смотрѣть, какъ невѣжество ворочаетъ общественными дѣлами. Съ невѣжествомъ нужно бороться, его нужно раздавить, уничтожить. А можно ли достигнуть этого посредствомъ привиллегіи образованнымъ людямъ въ сферѣ общественнаго самоуправленія? Вѣдь всякая привиллегія ведетъ только къ обособленію отъ народа пользующихся ею лицъ и къ стремленію ихъ закрѣпить за собою на вѣки привиллегированное положеніе. Привиллегія образованію скорѣе можетъ служить оплотомъ для невѣжества, въ особенности, если мы, надѣливъ привиллегіею образованное меньшинство, оставимъ для большинства свободу коснѣть въ невѣжествѣ— эту гнусную свободу рабства. Нѣтъ, всѣ усилія должны быть направлены къ тому, чтобы невѣжество было оттерто въ сторону, посредствомъ подъема культурнаго уровня во всемъ обществѣ. А этого можно достигнуть не иначе, какъ при помощи введенія обязательнаго и дароваго начальнаго образованія въ школахъ, содержимыхъ на счетъ общихъ государственныхъ средствъ. Только могучимъ усиліемъ цѣлаго государства можно раздавить невѣжество.

---

*

IV.

ВЕСЕННІЯ КАРТИНЫ.

Весна хороша только въ деревнѣ. Въ городѣ она—сезонъ болѣзней, грязи, зловонія и строжайшихъ циркуляровъ. Съ верху до низу, по всѣмъ инстанціямъ, такъ и сыплются циркуляръ за циркуляромъ объ очисткѣ улицъ и дворовъ отъ нечистотъ и грязи, о наблюденіи за доброкачественностью и свѣжестью съѣстныхъ припасовъ, находящихся въ продажѣ на базарахъ и въ торговыхъ лавкахъ, о медико-полицейскомъ осмотрѣ фабрикъ, заводовъ, ночлежныхъ домовъ, подвальныхъ помѣщеній, меблированныхъ комнатъ и т. д. И чѣмъ ниже спускаются циркуляры по лѣстницѣ инстанцій, тѣмъ строже и безпощаднѣе становятся они какъ къ нарушителямъ санитарныхъ правилъ, такъ еще болѣе къ исполнителямъ самихъ-же циркуляровъ, къ мелкимъ полицейскимъ чиновникамъ. Даже представить себѣ трудно, какими только карами не грозятъ циркуляры бѣдному околоточному или помощнику городского пристава, въ случаѣ, если какой-нибудь мѣщанинъ Пантелей Сыщиковъ не очиститъ своего двора. И околоточный высунувъ языкъ, бѣгаетъ со двора во дворъ, кричитъ, ругается „честью проситъ“ Пантелея Сыщикова, грозитъ ему, составляетъ акты, и такъ далѣе, безъ конца... А дворы все не очищены улицы въ грязи и навозѣ, на базарахъ тухлятина, на фабрикахъ зараза.

Не даромъ сложилась пословица, что „указы огненные, люди каменные“,—ихъ никакими указами не проймешь. Какъ ни строги и ни безпощадны циркуляры, какъ ни усердствуютъ околоточные въ понужденіяхъ и составленіи протоколовъ, наши города попрежнему полны нечистотъ и зловонія, попреж-

пему они походятъ на какія-то зараженныя клоаки, слишкомъ мало гармонирующія съ значеніемъ городовъ, какъ культурныхъ центровъ. Когда начались съ осени 1884 года санитарные осмотры городовъ, въ виду ожидаемаго появленія холеры, то—Боже мой!—въ какомъ ужасномъ видѣ были найдены наши центры „просвѣщенія", оказавшіеся на этотъ разъ центрами грязи и оптовыми складами всѣхъ эпидемій. Мы „каменные люди", обратили города въ Авгіевы конюшни, для очистки которыхъ нужны геркулессы, а не околоточные. А гдѣ теперь взять геркулесовъ?..

Попробуемъ выдти на городскія улицы. Это—общественныя помойныя ямы, городскія свалки нечистотъ. Въ Тулѣ городскія канавы съ гніющими въ нихъ нечистотами заражаютъ воздухъ и распространяютъ зловоніе до такой степени, что многіе обыватели принуждены по цѣлымъ мѣсяцамъ сидѣть съ закрытыми окнами. Въ Ногайскѣ, Таврической губерніи, на окраинѣ города свалена масса нечистотъ, которыя, разлагаясь, распространяютъ убійственное зловоніе чуть-ли не по всему городу. Въ канавахъ по улицамъ валяются разлагающіеся трупы собакъ, кошекъ, гусей, куръ и т. д. Въ Балтѣ, Подольской губ.,—непроходимая уличная грязь, горы всякаго сора во дворахъ, удушливо-заразительный воздухъ отъ разлагающихся нечистотъ. Въ новомъ Осколѣ, Курской губ., на одной изъ городскихъ улицъ есть громадная яма, въ которую сваливается навозъ и нечистоты изъ конюшенъ, скотныхъ дворовъ и помойныхъ ямъ. Когда навозъ перепрѣетъ,—его вынимаютъ изъ ямы и увозятъ для удобренія огородовъ, а взамѣнъ сваливаютъ въ яму новыя кучи нечистотъ. Около ямы на далекое пространство воздухъ зараженъ до такой степени, что нельзя открыть даже форточекъ въ окнахъ. Въ Лубнахъ, Полтавской губ., нечистоты валяются на площадяхъ и улицахъ. Канавы, проведенныя вдоль и поперекъ улицъ, никогда не очищаются, нигдѣ не имѣютъ даже стока и всегда наполнены жидкой, зловонной грязью. Въ Александровскѣ, Екатеринославской губер., улицы обращены въ рѣки жидкой грязи. На единственной мощеной улицѣ, выброшенный изъ лавокъ, соръ образовалъ цѣлый курганъ гніющихъ веществъ. Воздухъ въ городѣ зараженъ міазмами отъ разложенія нечистотъ, выбрасываемыхъ со дворовъ на улицы, покрытыя непроходимою жидкою грязью. Въ довершеніе всего, въ самомъ центрѣ города устроенъ мыловаренный заводъ, вблизи котораго невозможно пройти, не зажавъ носа. Въ Бѣлгородѣ,

Курской губ., изъ многихъ дворовъ, принадлежащихъ весьма зажиточнымъ обывателямъ, продѣланы отверстія, спеціально назначенныя для спуска на улицы разныхъ жидкихъ нечистотъ, которыми почва насыщена, какъ губка.

Чрезвычайно интересное описаніе гор. Мензелинска, Уфимской губерніи, находимъ мы въ протоколѣ мѣстнаго врачебнаго совѣта. „Мензелинскъ, по словамъ протокола, — представляетъ изъ себя подобіе самаго грязнаго скотнаго двора и почти непроходимаго болота. Сточныя канавы никогда не прочищаются и навозная жидкость, стекая съ дворовъ, образуетъ на улицахъ огромныя лужи. Если нѣкоторые домохозяева зимою и очищаютъ свои дворы, то снѣгъ и нечистоты сваливаютъ на улицахъ и особенно на пустопорожнихъ, незастроенныхъ мѣстахъ. Такъ, напр., пустое мѣсто рядомъ съ домомъ головы Попкова, служитъ какъ-бы отведеннымъ мѣстомъ для свалки нечистотъ, такъ какъ сплошь было ими завалено. Не въ лучшемъ видѣ содержатся и городскія площади“. А вотъ нѣсколько пунктовъ изъ протокола комитета народнаго здравія. „Навозомъ завалено даже то мѣсто, гдѣ беретъ начало городской водопроводъ. На задахъ дома городской управы найдена масса навозу, который, по заявленію члена городской управы, свозится ими съ Ярмарочной площади. Деревянный резервуаръ водопровода, чуть-ли не единственный въ городѣ (есть другой, да не всегда къ нему изъ-за грязи подъѣхать можно), находящійся на Ярмарочной площади,—онъ не покрытъ, изъ него свободно пьетъ бродячій скотъ, (по городу постоянно шляются цѣлые табуны коровъ, лошадей и свиней), черпаютъ воду чистой и нечистой посудой; кругомъ водопровода глубокая, жидкая грязь, вода изъ которой несомнѣнно можетъ просачиваться обратно въ резервуаръ. Ямы, куда сваливался павшій отъ чумы скотъ, находятся на выгонахъ и ничѣмъ не загорожены. Теплыхъ ретирадъ въ женской прогимназіи не имѣется, а отведено мѣсто на дворѣ и находится въ самомъ безобразномъ видѣ. На городской площади и по сейчасъ не убранъ навозъ, оставшійся отъ ярмарки“ и т. д. и т. д.

Въ большихъ городахъ дѣлается то-же самое, что и въ мелкихъ,—даже еще хуже. Въ Харьковѣ грязь и вонь на улицахъ, даже самыхъ бойкихъ, составляютъ заурядное явленіе. Вода изъ городскаго водопровода, имѣющая отвратительный вкусъ цинка, производитъ разстройство пищеварительныхъ органовъ. На улицахъ такая страшная пыль, что, по сло-

вамъ профессора гигіены г. Якобія, осенью въ одни сутки здѣсь садится больше пыли, чѣмъ въ Парижѣ въ цѣлый годъ. По этому поводу профессоръ Ценковскій очень остроумно замѣчаетъ, что въ наукѣ недостаточно выясненъ вопросъ,—какимъ образомъ возможно существованіе человѣка при такомъ обиліи твердыхъ частицъ въ воздухѣ. Въ Воронежѣ на одной изъ городскихъ улицъ у рѣки, съ разрѣшенія городской управы, сваливаются цѣлыми возами всевозможныя нечистоты, отчего образовалась огромная клоака. Вы видите, какъ изъ нея поднимается паръ, заражающій всю окрестность. Во время дождей, нечистоты стекаютъ въ рѣку, заражая воду. Въ Самарѣ повсюду грязь, нечистоты, испорченная вода. Въ срединѣ самаго города, на Троицкой площади, рѣжутъ въ мясныхъ лавкахъ телятъ и барановъ; вонь отъ гніющихъ внутренностей и отъ самыхъ лавокъ нестерпимая. Тутъ-же неподалеку, около самой Троицкой церкви, помѣщается „обжорный рядъ", а между нимъ и церковью торговцы прямо на открытомъ воздухѣ устроили отхожее мѣсто. Даже въ самую церковь, во время богослуженія, черезъ отворенныя окна несется зловоніе и заглушаетъ запахъ ладона. Въ Николаевѣ вода во многихъ колодцахъ найдена нездоровою. Въ особенности врачи настаивали на закрытіи одного колодца возлѣ кладбища, утверждая, что тамъ не вода, а настой человѣческаго мяса. Но большинство думы рѣшило оставить этотъ разсадникъ болѣзней, въ виду того, что, какъ выразился одинъ изъ членовъ коммисіи, „баба у колодца сказала, что ужъ пять лѣтъ она съ семействомъ пьетъ эту воду и не умираетъ". Заявляя о безобразномъ въ санитарномъ отношеніи состояніи гор. Пензы, мѣстныя губернскія Вѣдомости говорятъ. „Не разъ уже мы обращали вниманіе нашего городскаго самоуправленія на ту грязь и нечистоты, которыя разсѣяны по городу повсюду и составляютъ удобную почву для развитія всевозможныхъ міазмовъ, а вмѣстѣ съ ними всевозможныхъ болѣзней, но городъ предпочитаетъ не обращать вниманія на свою нечистоту и покоиться мирнымъ сномъ". Точно также со стороны Симферопольскаго управленія,—по словамъ мѣстнаго обывателя,—„не видно ни малѣйшей заботы объ устраненіи тѣхъ условій, которыя такъ благопріятствуютъ развитію эпидемій. Пригрѣло южное солнце—и потекли по улицамъ и переулкамъ потоки вонючей грязи, которая накопилась по всѣмъ дворамъ въ теченіе зимы и не вытекала на улицу, только благодаря морозамъ. Старая часть города нахо-

дится въ ужасныхъ гигіеническихъ условіяхъ. Рѣдкій дворъ имѣетъ помойную яму или сорникъ. Все выбрасывается и выливается прямо на улицу; у нѣкоторыхъ даже не существуетъ двора. Здѣсь улица, въ буквальномъ смыслѣ, помойная яма, развивающая вонь и міазмы".

Одною изъ самыхъ главныхъ причинъ порчи воды, употребляемой для питья, служитъ отравленіе рѣкъ всевозможными нечистотами съ фабрикъ и заводовъ. Для примѣра укажемъ на губернскій городъ Симферополь, лежащій въ центрѣ Крыма, на берегу р. Салгира. Здѣсь одинъ изъ гласныхъ московской городской думы, купецъ Абрикосовъ, построилъ фабрику для выдѣлки конфектъ, варенья и т. п. изъ крымскихъ фруктъ. Всѣ негодные отбросы съ фабрики, по словамъ „Русскихъ Вѣдомостей", выбрасываются въ рѣку, гдѣ, перегнивая, заражаютъ воду и на далекое разстояніе издаютъ зловоніе. Между тѣмъ, нѣсколько ниже по теченію, водовозы берутъ изъ рѣки воду и развозятъ ее по городу. Хуже всего то, что у насъ въ высшей степени трудно добиться прекращенія спуска въ рѣку нечистотъ съ фабрики или завода. Здѣсь весьма чувствительно сказывается общій недостатокъ нашего судоустройства и судопроизводства, выражающійся въ томъ, что достигнуть постановки судебнаго приговора много легче, чѣмъ привести его въ исполненіе. Борьба городовъ съ фабрикантами, отравляющими воду, употребляемую жителями для питья, служитъ поразительнымъ примѣромъ безсилія судебнаго приговора предъ всемогуществомъ фабриканта. По крайней мѣрѣ такъ было прежде, когда весьма нерѣдко всевозможныя безобразія фабрикантовъ покрывались въ видахъ „воспособленія развитію производительныхъ силъ страны". Укажемъ, для примѣра на доходившее до сената дѣло города Серпухова, Московской губерніи, о прекращеніи спуска нечистотъ съ фабрики г. Коншина въ рѣку Нару. Вода этой рѣки, по словамъ корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей", „пропитана ядовитыми красками и фабричными отбросами и изверженіями, которыя, какъ изъ рога изобилія, льются въ нее чрезъ нарочно устроенныя подземныя трубы. Употребленіе этой воды, при повальномъ невѣжествѣ мѣщанъ и простого люда, порождаетъ безчисленныя желудочныя разстройства, особливо дизентерію, которая свела не одну тысячу дѣтскихъ жизней въ могилу". Особенно прославилась упорствомъ въ отравленіи воды фабричными нечистотами владѣтельница тверской мануфактуры, купчиха В. А. Морозова, извѣстная дѣлаемыми ею много лѣтъ

обѣщаніями крупныхъ пожертвованій на пользу страждущаго человѣчества изъ капитала, завѣщаннаго покойнымъ мужемъ ея на дѣла благотворительности. Изъ фабрики ея, находящейся въ г. Твери, всѣ нечистоты спускаются въ рѣку Тьмаку посредствомъ подземной трубы. Отъ этого, по словамъ корреспондента, „вода въ Тьмакѣ—съ газо-дегтярнымъ вкусомъ, негодится для какого-нибудь употребленія, убиваетъ рыбу и не замерзаетъ въ суровыя даже зимы“. Между тѣмъ, нужда заставляетъ жителей пить эту зараженную воду. По словамъ корреспондента другой газеты, „горожане страдаютъ постоянно дизентеріей и разстройствомъ желудка, и врачи это приписываютъ исключительно вредной водѣ“.

Городскія скотобойни представляютъ нѣчто невообразимое и невѣроятное. Достаточно сказать, что въ Ельцѣ, Орловской губ., члены санитарной коммисіи не могли проникнуть во внутренность городскихъ скотобоенъ. При входѣ туда, сперва началась рвота у доктора, потомъ у ветеринара и чиновника полиціи, такъ что къ осмотру могъ приступить одинъ, болѣе всѣхъ выносливый, членъ городской управы. „Перо отказывается передать, по словамъ мѣстнаго „Вѣстника“, даже блѣдную тѣнь тѣхъ безобразныхъ клоакъ, въ которыхъ заготовляется самый необходимый продуктъ для всего города. Цѣлое болото разлагающейся, жидкой, створоженной крови, перемѣшанной съ экскрементами, ручьями стекаетъ по наклону въ русло, неподалеку отъ котораго вода утилизируется городскимъ водопроводомъ; громадныя баррикады и массы кашицеобразнаго помета съ плавающими въ немъ кишками и прочей мерзостью сдавливаютъ дыханіе, и среди этой классической нечистоплотности откармливаются на убой свиньи. На ларяхъ и станкахъ валяется груда мертвыхъ телятъ, позеленѣвшихъ отъ разложенія. Гдѣ валяются мертвые останки, гдѣ процессъ гніенія и разложенія достигъ высшей степени развитія, тамъ-же покоятся и туши убитаго скота, которыя періодически взваливаются на грязныя, окровавленныя, вонючія дроги и телѣги и непокрытыми препровождаются въ мясныя лавки, въ свою очередь играющія роль маленькихъ боенъ, въ виду того, что мясная мелочь —телята, барашки, птица,—убивается здѣсь-же въ лавкѣ; кровь и негодныя кишки безцеремонно выбрасываются на мясную площадь въ центрѣ самаго города и испускаютъ страшное зловоніе“. При такомъ состояніи оффиціальныхъ скотобоенъ, представьте-же себѣ, каково должно быть санитарное состояніе Харькова, когда въ немъ, осенью 1884

года были открыты на окраинахъ *тридцать шесть тайныхъ боенъ*, на которыхъ ежедневно убивалось отъ 30 до 100 штукъ разнаго скота. При нихъ устроены свинушники, гдѣ свиньи откармливались кровью и внутренностями убитыхъ животныхъ; громадныя массы органическихъ веществъ свободно гнили среди дворовъ, заражая воздухъ и почву продуктами своего разложенія. Здѣсь не имѣли понятія ни о какомъ врачебно-полицейскомъ надзорѣ и даже не слыхивали объ очисткѣ и дезинфекціи. Сюда свободно могъ поступать весь скотъ, бракованный на оффиціальныхъ бойняхъ по причинѣ болѣзненности и негодности къ употребленію. Отсюда легко могло идти на базары мясо, зараженное всевозможными опасными паразитами, которые награждаютъ насъ болѣзнями.

А базары?.. Ничего не можетъ быть грязнѣе, отвратительнѣе торговыхъ лавокъ и никто съ такимъ правомъ не можетъ быть названъ нашими отравителями, какъ торговцы съѣстными припасами. Въ Казани во всѣхъ мясныхъ лавкахъ полы пропитаны грязью, кровью и саломъ. Стѣны также замараны саломъ и кровью отъ приставленныхъ къ нимъ тушъ. Столы и такъ называемые „стулья“ вездѣ ветхіе, изрубленные, пропитанные кровью и грязью. Мясо покрывается грязными, дырявыми полотнами, а иногда и рогожами. На этихъ покрышкахъ нерѣдко можно встрѣтить сложенныя принадлежности туалета торговцевъ, сапоги, полушубки и т. п. Въ одной лавкѣ, на рогожѣ, покрывавшей мясо, было найдено цѣлое семейство щенятъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ склады солонины, которая идетъ въ пищу исключительно простаго люда. У одного торговца была найдена въ лавкѣ кадка солонины, въ которой лежали грязные кульки, старая метла, нѣсколько коровьихъ хвостовъ и проч. Въ Тулѣ торговцы разною живностью, употребляемою, по преимуществу, бѣднѣйшимъ классомъ народа, какъ будто взяли подрядъ на поставку холеры, тифа и другихъ болѣзней,—благо нужда заставляетъ рабочихъ не брезговать протухшими яйцами, гнилыми до полнѣйшаго разрушенія остатками рыбы, мяса и всякою другою гадостью. Въ Кіевѣ городская санитарная коммисія набрѣла на замѣчательный по своимъ качествамъ квасъ. На днѣ резервуаровъ, въ которыхъ онъ помѣщался, были открыты цѣлыя залежи грязи, а въ ней перемѣшаны обрывки кожи, подошвы, подборы, и огурцы. Въ одномъ изъ резервуаровъ оказалась дохлая крыса. Въ Симферополѣ вновь назначенный городской врачъ ревностно принялся за осмотръ продуктовъ на базарѣ и въ торговыхъ лавкахъ, послѣдствіемъ чего

было уничтоженіе немалаго количества тухлой рыбы. Однако его усердіе не встрѣтило ни въ комъ ни сочувствія, ни поддержки, и привело только къ тому, что ему пришлось перессориться и съ полиціей и съ городскимъ управленіемъ и со всѣми торговцами мясомъ, которые на отрѣзъ отказались продавать ему свои товары.

Нечего и говорить о томъ, что дворы при обывательскихъ домахъ находятся въ самомъ ужасномъ видѣ. Напримѣръ, въ Николаевѣ, даже на самыхъ лучшихъ улицахъ и въ самыхъ красивыхъ снаружи домахъ, дворы содержатся крайне неопрятно и изобилуютъ всякаго рода нечистотами, которыя гніютъ, разлагаются и заражаютъ воздухъ вредными міазмами. Въ Бердичевѣ, Кіевской губерніи, отсутствіе помойныхъ ямъ и сточныхъ каналовъ составляетъ заурядное явленіе. Ретирадъ или вовсе нѣтъ, и тогда ихъ замѣняютъ переулки между домами, или-же они устроены безъ ящиковъ, такъ что содержимое ихъ должно проложить себѣ дорогу на улицу. Въ Тулѣ, даже на самыхъ бойкихъ улицахъ, дворы представляютъ собой скопище навоза и всякаго сора. Нерѣдко простой навѣсъ на дворѣ замѣняетъ отхожія мѣста, которыя не чистятся по цѣлымъ полугодіямъ. Въ Астрахани жители имѣютъ милое обыкновеніе зарывать въ ямы на своихъ-же дворахъ нечистоты изъ ретирадныхъ мѣстъ и помойныхъ ямъ.

Прибавьте ко всему этому полнѣйшее равнодушіе нашихъ городскихъ общественныхъ управленій къ санитарнымъ нуждамъ городскаго населенія, совершенное отсутствіе всякой заботливости съ ихъ стороны объ охраненіи народнаго здравія. Бездѣйствіе органовъ городскаго самоуправленія въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что правительство предоставило имъ самыя широкія права въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія. Городскимъ общественнымъ управленіямъ предоставлено нетолько право участія въ охраненіи народнаго здравія, но и право самостоятельной иниціативы, въ видѣ обязательныхъ для городскихъ жителей постановленій. Въ этомъ отношеніи городскія управленія поставлены гораздо лучше, чѣмъ земскія учрежденія. Съ самаго веденія городоваго положенія, городъ пользуется правомъ изданія обязательныхъ постановленій по охраненію общественнаго здравія; между тѣмъ, земству только послѣ длиннаго ряда ходатайствъ удалось добиться права участія въ заботахъ о санитарныхъ нуждахъ. „Несмотря на это, — совершенно справедливо замѣчаетъ газета „Днѣпръ“, —земство несравненно лучше съумѣло воспользо-

ваться своими недавними еще правами, чѣмъ наши городскія самоуправленія. Если дѣятельности земства въ области охраны общественнаго здравія можно подвести хоть какіе-нибудь итоги, нерѣдко дающіе весьма солидную положительную величину, то для дѣятельности муниципалитетовъ въ этой области часто никакихъ итоговъ не полагается, а если они и существуютъ кое-гдѣ, то, въ большинствѣ случаевъ, даютъ величину отрицательную“. И дѣйствительно, исторія нашихъ новыхъ городскихъ управленій представляетъ въ этомъ отношеніи немало изумительныхъ и глубоко возмущающихъ душу безобразій. Чего стоитъ хотя бы, напр., такой перлъ безобразія, какъ распоряженіе симферопольской думы о закрытіи для общественнаго пользованія единственнаго въ городѣ общественнаго сада, который отданъ въ арендное содержаніе какому-то подрядчику. Хуже этого можетъ-ли поступить самый злѣйшій врагъ города?!.. И однако наши городскія думы способны на подвиги хуже этого. Еще возмутительнѣе, еще безобразнѣе санитарное мѣропріятіе, которымъ прославила себя самарская дума. Дѣло въ томъ, что Самара вся завалена навозомъ, и вотъ въ городской думѣ былъ поднятъ вопросъ объ очисткѣ города. Послышались жалобы, что вывозить нечистоты за двѣ версты отъ города слишкомъ дорого и обременительно для домовладѣльцевъ. Тогда городской голова г. Алабинъ предложилъ сваливать нечистоты со всего города на Новособорной площади, которая находится въ самомъ центрѣ города и на которой строится новый городской соборъ. Остроумное предложеніе было принято думою и вотъ теперь въ самомъ центрѣ города устроена свалка нечистотъ.

Несмотря на всѣ требованія и настоянія правительства объ оздоровленіи городовъ, санитарное состояніе ихъ нисколько не улучшается, а напротивъ мы замѣчаемъ скорѣе регрессъ въ этомъ отношеніи. Четверть вѣка назадъ города были, если не чище, то, во всякомъ случаѣ, гораздо здоровѣе, чѣмъ теперь. Населеніе тогда было малочисленнѣе, да къ тому-же меньше скучено. Дома были небольшіе, одноэтажные. Двухъэтажные дома были большою рѣдкостью и принадлежали или казнѣ, или богатымъ барамъ, которые сами въ нихъ жили. Объ ужасахъ подвальныхъ этажей, въ старое время, не имѣли понятія. Около домовъ были дворы такіе обширные, что какъ бы ни грязнили ихъ, а все нельзя было испакостить, какъ теперешніе крошечные дворики. За дворами разстилались обширные сады и огороды, такъ что города буквально тонули въ зелени. А

вокругъ городовъ, на цѣлыя сотни верстъ, тянулись или дѣвственныя степи, или дремучіе лѣса, нетронутые топоромъ лѣсопромышленника. При такомъ просторѣ и громадной массѣ зелени какъ въ самыхъ городахъ, такъ и вокругъ нихъ, неопрятное содержаніе обывательскихъ дворовъ и городскихъ улицъ и площадей не могло оказывать такого вреднаго вліянія на общественное здравіе, какъ это мы видимъ теперь. Въ то время, въ городахъ было то-же, что мы и теперь замѣчаемъ въ деревняхъ, гдѣ отвратительно грязные дворы не заражаютъ чуднаго деревенскаго воздуха, хотя, конечно, было-бы желательно, чтобы они содержались чище.

Реформа 1861 года, перевернувшая вверхъ дномъ всю русскую жизнь, оказала также громадное вліяніе на городской бытъ. Въ то время, какъ одни города захудали и запустѣли, въ другихъ населеніе стало увеличиваться съ поразительною, почти волшебною, быстротою. Съ одной стороны, сюда нахлынули изъ деревень стаи разжирѣвшихъ, разжившихся кулаковъ и оскудѣвшіе помѣщики, которымъ больше нечего было дѣлать въ деревняхъ. Съ другой стороны здѣсь-же осѣла и образовала многочисленный городской пролетаріатъ сначала масса дворовыхъ людей, потомъ безземельные крестьяне, а за ними потянулись бездомовные, безлошадные и другіе изгои современной деревни. Города стали быстро застроиваться, чтобы удовлетворить потребность въ жильѣ для новыхъ пришельцевъ. Гдѣ прежде были сады, огороды и обширные дворы, тамъ теперь выстроены новые дома. Вмѣсто старыхъ, небольшихъ, одноэтажныхъ домовъ, теперь настроены новые въ 5—6 этажей, съ подвальнымъ жильемъ,—эти дома-исполины, убійцы общественнаго здоровья. Тѣснота въ городахъ сдѣлалась ужасная,—и все это на старой почвѣ, которая втеченіи цѣлыхъ столѣтій, пропитывалась нечистотами и теперь продолжаетъ удобряться ими по старой привычкѣ. Кладбища, которыя прежде были далеко за городомъ, теперь уже очутились въ городской чертѣ и совершенно переполнены трупами отъ чрезмѣрно увеличившагося населенія. Городскія свалки нечистотъ, по той-же причинѣ, принимаютъ въ себя ежегодно въ нѣсколько разъ большую, чѣмъ прежде, массу разлагающихся органическихъ веществъ, а между тѣмъ содержатся въ первобытномъ видѣ и находятся въ прежнемъ, близкомъ разстояніи отъ города. Въ то-же время, притокъ свѣжаго воздуха извнѣ сдѣлался затруднительнѣе, потому что вокругъ горо-

довъ лѣса вырублены, а степи истощились и растительность въ нихъ оскудѣла.

Вмѣстѣ съ чрезмѣрнымъ увеличеніемъ городскаго населенія, измѣнился также характеръ владѣнія и пользованія недвижимыми имуществами въ городахъ. Прежде почти каждый городской житель имѣлъ собственный домъ. Бездомовныхъ обывателей было очень мало, такъ что домовладѣльцы нисколько не разсчитывали на постоянный доходъ отъ сдачи въ наемъ квартиръ. Дома приспособлялись къ удобствамъ семейной жизни владѣльцевъ, которые были лично заинтересованы въ наилучшихъ санитарныхъ условіяхъ городской жизни. Но съ наплывомъ въ города новыхъ пришельцевъ, громадное большинство городского населенія составилось изъ бездомовныхъ людей. Теперь домовладѣльцы составили ничтожный процентъ между городскими обывателями. Притомъ-же городскія недвижимыя имущества перезаложены въ кредитныхъ обществахъ, которыя фактически являются собственниками почти всѣхъ городскихъ домовъ, покрайней мѣрѣ, всѣхъ самыхъ обширныхъ и дорогихъ. Домовладѣльцы перестали устраивать дома для потребностей своей семьи, но или для спекуляцій по продажѣ и залогу, или-же для торговли квартирами, такъ что старый типъ городскаго домовладѣльца теперь исчезъ и выродился въ спекулянта и квартирнаго барышника. Эти лица не имѣютъ ни малѣйшаго личнаго интереса въ улучшеніи санитарныхъ условій. Напротивъ, жадничая о барышахъ и наживѣ, они являются первыми и самыми главными нарушителями санитарныхъ правилъ, тѣми врагами общественнаго здоровья, съ которыми приходится бороться жалкимъ околоточнымъ съ такимъ слабымъ оружіемъ въ рукахъ, какъ *строжайшіе* циркуляры.

Да развѣ мыслимы оздоровленіе городовъ и успѣшная борьба съ нарушителями санитарныхъ правилъ, когда въ руки послѣднихъ отдано все городское самоуправленіе и всѣ заботы объ общественномъ здоровьѣ, а лица, непосредственно заинтересованныя въ улучшеніи санитарныхъ условій городской жизни, квартиранты, лишены всякаго участія въ городскомъ управленіи, и тѣмъ самымъ отданы въ жертву алчности обособившагося класса домовладѣльцевъ. Вѣдь эти домовладѣльцы и торговцы, эти главные враги всякихъ санитарныхъ правилъ, обсуждающіе въ думахъ вопросы о народномъ здравіи,—вѣдь они напоминаютъ басню о лисицѣ, которой было поручено стеречь курятникъ. Разница тутъ въ томъ, что въ

баснѣ это выходитъ смѣшно, а въ жизни ужасно. Доколѣ не будетъ измѣнена кореннымъ образомъ существующая система городскаго представительства, до тѣхъ поръ нечего и ждать, чтобы органы городскаго самоуправленія приняли дѣятельное участіе въ заботахъ объ охраненіи общественнаго здоровья. При теперешнемъ порядкѣ вещей, когда мы имѣемъ самоуправленіе городскихъ домовладѣльцевъ и торговцевъ, но нѣтъ самоуправленія горожанъ,—послѣднимъ ничего болѣе не остается, какъ возложить всѣ свои упованія на правительство, отъ него ожидать своего уравненія въ правахъ съ господствующимъ нынѣ городскимъ классомъ, а до тѣхъ поръ, до введенія въ городахъ общественнаго самоуправленія, въ истинномъ, широкомъ смыслѣ этого слова,—разсчитывать на дѣятельную охрану правительствомъ интересовъ безправнаго нынѣ городскаго большинства въ вопросахъ общественнаго здоровья.

V.

НА БАЗАРѢ.

Когда вы пьете чай съ булкою, или за обѣдомъ ѣдите супъ, котлету и т. п., то мысль ваша невольно обращается на базарныя цѣны. Какая ужасная дороговизна! ну, какъ тутъ жить бѣдному человѣку!—горячитесь вы, распинаясь за меньшаго брата. Конечно, васъ, какъ человѣка мыслящаго, не удовлетворяетъ самый фактъ дороговизны, и вы начинаете отыскивать причины и корни столь непріятнаго для васъ обстоятельства. Причинъ оказывается очень много, и вотъ ваша мысль, плутая въ лабиринтѣ ихъ, непремѣнно останавливается, между прочимъ, на дѣятельности органовъ городскаго самоуправленія. И чѣмъ глубже вы задумываетесь надъ вопросомъ о хлѣбѣ насущномъ, по поводу вашего собственнаго обѣда, тѣмъ яснѣе открывается предъ вами связь между вашимъ обѣдомъ и дѣятельностью городской думы, между базаромъ и существующею у насъ системою городскаго представительства.

Дѣйствительно, система городскаго представительства оказываетъ большое вліяніе на базарныя цѣны. Мы видимъ, что торговцы, захвативъ въ свои руки городское самоуправленіе, создали цѣлую систему покровительственныхъ для себя налоговъ и черезъ это значительно подняли базарныя цѣны продуктовъ первой необходимости. Обыкновенно, эти налоги прикрываются какими-нибудь общеполезными цѣлями, — напримѣръ, имѣютъ въ виду городское благоустройство. Такъ, Екатеринославская городская дума взимаетъ съ каждаго пуда привозимыхъ въ городъ товаровъ по $^1/_4$ копѣйки на устройство и содержаніе мостовыхъ. Подъ этимъ благовиднымъ прикрытіемъ городскіе торговцы устранили невыгодную для себя кон-

курренцію со стороны сельскихъ жителей, которые привозятъ въ городъ на продажу предметы первой необходимости. Вѣдь мужику бываетъ иной разъ нечѣмъ заплатить ввозную пошлину и онъ поневолѣ продастъ товаръ за городскою заставою какому-нибудь перекупщику. Такимъ образомъ привозъ въ городъ сельскихъ продуктовъ непосредственно самими производителями уменьшается, городскіе торговцы, при покупкѣ этихъ продуктовъ, платятъ производителямъ дешевле, а сами продаютъ городскимъ жителямъ дороже. И славословятъ торговцы городскую думу, которая установленіемъ ввозной пошлины убиваетъ конкурренцію въ интересахъ городскихъ торговцевъ и въ ущербъ большинству обывателей.

Иной разъ думы не прибѣгаютъ даже къ благовиднымъ прикрытіямъ для сбора съ привозимыхъ въ городъ товаровъ. Это бываетъ преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда всесильные торговцы до такой степени зарвались въ расхищеніи городскаго достоянія, что имъ больше незачѣмъ церемониться и прикрываться фиговымъ листкомъ. Такъ, напримѣръ, поступаютъ городскія думы послѣ банковыхъ краховъ: обобравши, посредствомъ банковъ, болѣе достаточныхъ обывателей, они начинаютъ, при помощи ввозныхъ пошлинъ, выворачивать карманы бѣдняковъ, какъ будто хотятъ этимъ путемъ докончить городское разореніе. Почти повсемѣстно, на всемъ пространствѣ русской земли, совершался въ новѣйшее время одинъ и тотъ-же процессъ городскаго разоренія, типическія черты котораго въ миніатюрѣ представляетъ исторія гор. Грознаго въ Терской области. Этотъ городъ былъ преобразованъ изъ крѣпости въ 1870 году и съ того времени быстро пошелъ въ гору. Москва открыла кредитъ мѣстнымъ торговцамъ. Торговля ситцами и сукномъ пошла бойко; ярмарки оживились и привлекали многолюдныя толпы; гуртовая торговля скотомъ велась на десятки тысячъ. Какъ изъ земли, выростали каменные и деревянные дома, вмѣсто скромныхъ камышевыхъ хижинъ. Городской банкъ притягивалъ капиталы и щедрою рукою раздавалъ ихъ городскимъ воротиламъ. Были открыты два клуба—городской и военный. Но вотъ, среди шума, ликованія и попоекъ, незамѣтно подкрались банкротства. Торговцы стали расплачиваться по 20—30 коп. за рубль. Тогда Москва закрыла кредитъ. Мыльный пузырь городскаго благополучія вдругъ лопнулъ. Городской банкъ пересталъ выдавать ссуды, потому что весь капиталъ его былъ растащенъ городскими воротилами и въ кассѣ оста-

лись одни, ничего нестоющіе, векселя да исполнительные листы. Магазины закрылись, а вмѣсто нихъ остались однѣ убогія лавченки. Между тѣмъ городское управленіе осталось попрежнему въ рукахъ торговцевъ, разорившихъ городъ. И вотъ они-то, въ своихъ интересахъ, установили новые сборы въ пользу города, какъ-то: за право торговли съ каждой повозки привозимыхъ на базаръ продуктовъ, за городскіе вѣсы и мѣры, за право занятія даже такими промыслами, какъ плотничныя работы, поденщина и т. п. Точно такія-же безобразія творятся и въ Орлѣ. Послѣ банковаго краха, торговцы, заправляющіе городскими дѣлами, установили налогъ на всѣ сельскіе продукты, привозимые на городскіе базары. Этимъ путемъ хотятъ покрыть дефицитъ, образовавшійся вслѣдствіе банковаго краха, а на самомъ дѣлѣ устанавливаютъ новый налогъ съ бѣднѣйшей части городскихъ жителей въ пользу торговцевъ. Не довольствуясь этимъ, городскія воротилы намѣрены ходатайствовать предъ правительствомъ объ установленіи еще особаго попуднаго налога или сбора съ товаровъ, какъ привозимыхъ въ Орелъ, такъ и вывозимыхъ изъ него по желѣзнымъ дорогамъ. Этотъ убійственный для города сборъ, вмѣстѣ съ другими подобными-же налогами, предполагается ввести для покрытія городскаго долга лопнувшему банку, составляющаго, по однимъ счетамъ, 528,062 руб., а по другимъ—721,000 руб.

Базарный налогъ, нанося громадный ущербъ городскимъ интересамъ, при ничтожной выгодѣ для городской казны, вызываетъ сильное неудовольствіе въ населеніи противъ органовъ городскаго самоуправленія. Иногда это неудовольствіе доходитъ даже до той печальной развязки, какъ бывшее недавно въ Витебскѣ столкновеніе съ арендаторами базара, чуть было не вызвавшее еврейскаго погрома. Да и какъ могутъ не возмущаться до глубины души, особенно обыватели мелкихъ городовъ, когда базарный городской налогъ не представляетъ изъ себя въ ихъ глазахъ ничего инаго, кромѣ открытаго, наглаго и ничѣмъ неоправдываемаго, нарушенія самыхъ насущныхъ, обыденныхъ интересовъ цѣлаго города въ пользу, если не одного какого-нибудь еврея-арендатора, то во всякомъ случаѣ, въ пользу нѣсколькихъ городскихъ торгашей. Что, напр., видитъ обыватель Орши, Могилевской губерніи, ежедневно отправляясь на базаръ за продуктами, какія впечатлѣнія выноситъ онъ изъ этихъ путешествій на базаръ и какіе взгляды на городское управленіе онъ воспитываетъ въ себѣ? Онъ ви-

дитъ, что какъ только дума ввела базарный налогъ и сдала въ арендное содержаніе торговыя площади, тотчасъ базары начали пустѣть, а за то рынки въ сосѣднихъ городахъ и мѣстечкахъ переполнились народомъ. Онъ спрашиваетъ: во имя чего городское населеніе терпитъ такіе убытки и лишенія?—и узнаетъ, что это дѣлается ради полученія 75 р. годоваго дохода въ пользу городской казны. По своему благодушію, онъ полагаетъ, что городская дума тотчасъ замѣтитъ свою ошибку и отмѣнитъ базарный налогъ, но на самомъ дѣлѣ дума очень довольна результатами налога и рѣшилась оставить его и на будущіе годы. Что-же послѣ этого остается дѣлать городскому обывателю?.. Будучи лишенъ права на участіе въ городскомъ самоуправленіи, онъ не имѣетъ никакихъ легальныхъ средствъ повліять на дѣятельность органовъ городскаго самоуправленія. Между тѣмъ у него въ жилахъ течетъ не рыбья кровь и не можетъ-же онъ вѣчно сдерживать въ себѣ порывы негодованія. Вѣдь нужно имѣть нечеловѣческое хладнокровіе и выносливость вола, чтобы, напр., жителю г. Литина, Подольской губерніи, сохранить равнодушіе при видѣ порядковъ, уже три года практикуемыхъ здѣшнимъ городскимъ управленіемъ. Здѣсь, за привозъ въ городъ сельскихъ продуктовъ, взыскивается отъ 2 до 5 коп. Этотъ сборъ отданъ въ аренду евреямъ, которые при въѣздѣ въ городъ, устроили заставы. Около заставъ стоятъ цѣлыя толпы евреевъ съ чадами и домочадцами, которые тотчасъ бросаются на мужика, какъ только онъ приближается съ возомъ къ заставѣ. У мужика сплошь да рядомъ не случается съ собою денегъ; тогда поднимается еврейскій гвалтъ, ругань, ссора, и подчасъ все это кончается дракою. Какъ тутъ сдержать себя обывателю, который чувствуетъ солидарность своихъ интересовъ съ интересами мужика, и въ тоже время солидарность интересовъ еврея-арендатора съ интересами городскихъ заправилъ...

Впрочемъ не въ однихъ мелкихъ городахъ, но и въ крупныхъ центрахъ базарные налоги возбуждаютъ сильное негодованіе городскихъ обывателей. Въ особенности обострился базарный вопросъ въ Кіевѣ, благодаря безобразнымъ порядкамъ, заведеннымъ городскою думою. Едва крестьянинъ, пріѣхавшій изъ деревни, становится на базарной площади и снимаетъ съ воза на землю клѣтку съ привезенными курами, утками, или горшокъ съ масломъ, мѣшокъ съ зерновыми продуктами, — тотчасъ къ нему пристаютъ съ требованіемъ взять „знакъ“ на право торговли и уплатить за него 3 руб. 20 коп. Чтобы не платить пошлину за „знакъ“, крестьяне стараются

*

продавать свои продукты скупщикамъ, а это, въ свою очередь, ведетъ къ тому, что всѣ сельскіе продукты страшно дорожаютъ въ городѣ. Точно такъ-же стѣснена несоразмѣрными налогами базарная торговля со столиковъ и изъ ларей. По таксѣ, установленной городскою думою, за торговлю со столиковъ прежде взималось по 3 руб., а за лари на разныхъ базарахъ отъ 4 до 10 руб. въ годъ. Но въ 1885 году городская управа произвольно увеличила цѣны на базарныя мѣста и стала сдавать съ торговъ какъ лари, такъ и столики. Это вызвало страшное возбужденіе въ средѣ мелкихъ базарныхъ торговцевъ и торговокъ. Цѣлыми сотнями являлись они въ городскую управу, гдѣ подымался шумъ, гамъ, слезы, брань, такъ что приходилось выпроваживать ихъ при помощи городовыхъ. На базарахъ также происходили постоянныя замѣшательства и не менѣе безобразныя сцены, потому что торговцы не хотѣли платить за мѣста и полиція должна была разгонять ихъ и не дозволять вести торговлю. Изъ-за чего-же сыръ-боръ загорѣлся? По таксѣ сдавались на базарахъ 2,030 мѣстъ, доставлявшихъ 8,627 руб. дохода. Вся эта мелочная базарная торговля даетъ лишь средства для пропитанія 2,000 семействъ бѣднѣйшаго городского населенія. Она ведется большею частію на 3—5-ти рублевый, а иной разъ буквально копѣечный капиталъ, такъ что торговцы получаютъ не „прибыль", а просто заработную плату. При томъ-же, какъ замѣчаетъ „Кіевлянинъ", мелочная базарная торговля со столиковъ, принося огромную пользу всему городу, въ особенности служитъ бѣднѣйшему классу потребителей и людямъ съ ограниченнымъ достаткомъ. Продукты высокаго качества для состоятельнаго класса имѣются въ спеціальныхъ магазинахъ; но для потребителей съ умѣренными средствами и для бѣдняковъ цѣны въ магазинахъ недоступны. Очевидно, что если-бы даже базарнымъ торговцамъ и торговкамъ удалось переложить городскіе сборы на потребителей, поднявъ цѣну продуктовъ, то такое вздорожаніе предметовъ базарной торговли было-бы крайне нежелательно. Въ силу этихъ соображеній, „Кіевлянинъ" совѣтуетъ городской думѣ отказаться отъ увеличенія сбора за базарныя мѣста, чтобы не обременять новымъ сборомъ 2,000 семействъ бѣднаго городского населенія.

Не ограничиваясь этимъ, Кіевской думѣ слѣдовало-бы позаботиться также объ отстраненіи другого зла, въ значительной степени вліяющаго на возвышеніе базарныхъ цѣнъ. Мы говоримъ о торговой полиціи, объ этихъ думскихъ гласныхъ,

которые, завѣдуя базарами, мало того что прикрываютъ всѣ плутни и мошенничестка болѣе крупныхъ торговцевъ, но сами стоятъ во главѣ перекупщиковъ. Будучи сами изъ тѣхъ-же торговцевъ, они представляютъ собою въ высшей степени удивительную полицію, какъ будто нарочно созданную для охраны базарныхъ мошенничествъ и вообще интересовъ торговаго люда, старающагося содрать какъ можно дороже съ потребителей. При такомъ составѣ торговой полиціи, потребителямъ негдѣ искать защиты отъ плутней и произвола торговцевъ. Пробовали въ 1884 году кіевскіе жители жаловаться городской управѣ на перекупщиковъ, которые не даютъ никакой возможности пріобрѣтать на базарахъ продукты первой необходимости изъ первыхъ рукъ. Что-же изъ этого вышло? Подъ предсѣдательствомъ городского головы состоялось засѣданіе гласныхъ, завѣдующихъ базарами, и было рѣшено запретить торговцамъ и другимъ перекупщикамъ покупку продуктовъ, привозимыхъ на базаръ сельскими жителями до 10-ти часовъ утра. Но базарные торговцы и не подумали исполнять это распоряженіе, ссылаясь на то, что торговые депутаты—сами главные перекупщики и первые нарушители своего распоряженія. И дѣйствительно, вотъ, напримѣръ, обычная картина дѣятельности членовъ торговой депутаціи. Въ 7 часовъ утра торговый депутатъ Грудининъ закупилъ на базарѣ нѣсколько возовъ овса. Глядя на него, другіе торговцы скупили все, что было привезено на базаръ, такъ что обыватели, явившіеся въ 8 часовъ утра, нашли совершенно пустой базаръ. Да и вообще никогда еще въ Кіевѣ не было слышно такъ много, какъ въ послѣднее время, жалобъ на недобросовѣстность торговцевъ, на продажу недоброкачественныхъ товаровъ, на обвѣсъ и обмѣръ. Но со стороны городского управленія не видно никакихъ мѣръ для борьбы съ этимъ зломъ и для охраны интересовъ большинства городского населенія.

То же самое мы видимъ и въ Одессѣ. Здѣсь жизнь становится съ каждымъ днемъ дороже и особенно ростутъ цѣны на хлѣбъ и мясо. При этомъ само городское управленіе отчасти способствовало возростанію дороговизны, возвышая цѣны на мѣста, отдаваемыя подъ мелочную торговлю. Въ послѣднія 10 лѣтъ этотъ источникъ городского дохода увеличился въ нѣсколько разъ, такъ что, по смѣтѣ на нынѣшній годъ, дошелъ до 160,000 руб. Само собою разумѣется, что огромныя цѣны на торговыя мѣста не мало способствуютъ

увеличенію дороговизны, въ особенности при ограниченномъ числѣ рынковъ и базарныхъ площадей. Притомъ-же дѣятельность городского управленія по надзору за производствомъ торговли на продовольственныхъ рынкахъ ясно клонится къ поддержанію дороговизны, въ ущербъ интересамъ большинства городского населенія. Напримѣръ, въ видахъ устраненія съ продовольственнаго рынка перекупщиковъ, городская дума, около 20 лѣтъ тому назадъ, постановила: расширить главную привозную площадь, и оградивъ ее барьеромъ, изгнать торговлю съ постоянныхъ мѣстъ и допускать однихъ привозителей съ правомъ оставаться не долѣе 2-хъ часовъ дня. Но это постановленіе такъ и не было приведено въ исполненіе. „Одесскій Вѣстникъ" разсказываетъ, что членъ городской управы, г. Красильниковъ, съ наибольшей энергіей боровшійся съ злоупотребленіями на городскихъ базарахъ и старавшійся о точномъ исполненіи думскихъ постановленій насчетъ базарной торговли, нажилъ себѣ массу враговъ и по ихъ проискамъ долженъ былъ выйдти изъ состава городской управы. Нынѣшній членъ управы, г. Чижевичъ, уже во второй разъ завѣдуетъ торгово-хозяйственнымъ отдѣленіемъ управы. Въ первый разъ онъ зарекомендовалъ себя ревностнымъ противникомъ торговыхъ злоупотребленій — и долженъ былъ уступить свое мѣсто другому. Но когда онъ во второй разъ занялъ ту-же должность, то сдѣлался неузнаваемъ. Теперь на торговой площади цѣлые ряды постоянныхъ мѣстъ отведены торгашамъ, неимѣющимъ ничего общаго съ сельскими производителями. Мужикъ съ своими сельскими продуктами не знаетъ гдѣ и помѣститься на базарѣ. Перекупщики сдѣлались какъ-бы законными хозяевами продовольственнаго рынка. Они отлично знакомы торговымъ смотрителямъ, открыто и на виду у всѣхъ ведутъ свою торговлю, и кажется, какъ-будто для нихъ-то именно и учреждены городскіе базары. Сельскіе жители съ своими продуктами все больше и больше вытѣсняются съ рынковъ, а дороговизна въ городѣ все ростетъ, при полномъ безучастіи городского управленія къ нуждамъ большинства населенія. Въ 1884 году были изданы городскою думою новыя обязательныя правила для торговли въ общественныхъ мѣстахъ. По отзыву мѣстныхъ газетъ, въ этихъ правилахъ замѣчается тяготѣніе въ пользу торговцевъ, арендующихъ городскія мѣста, въ ущербъ сельскимъ жителямъ, привозящимъ на базаръ свои продукты. Притомъже и торговая полиція всячески притѣсняетъ послѣднихъ,

ссылаясь на новыя правила. Между тѣмъ, въ интересахъ городского населенія слѣдовало-бы давать льготы крестьянамъ, привозящимъ на продажу свои сельскіе продукты, и вообще поощрять привозную торговлю, потому что она регулируетъ цѣны, которыя произвольно поднимаются городскими торговцами.

Отовсюду слышатся все однѣ и тѣ-же жалобы на полное безучастіе городскаго общественнаго управленія къ торговымъ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ, вызывающимъ сильную дороговизну всѣхъ предметовъ первой необходимости. Въ Саратовѣ вся базарная торговля находится въ рукахъ перекупщиковъ. Обвѣсъ, обмѣръ, примѣсь постороннихъ суррогатовъ, торговля испорченными продуктами и т. д практикуются безнаказанно и имѣютъ весьма широкое примѣненіе. Постановленія городской думы, регулирующія базарную торговлю, ни кѣмъ не исполняются, хотя городское управленіе и имѣетъ средства принудить къ исполненію ихъ. Вѣдь въ ея распоряженіи находятся члены торговой депутаціи, базарные смотрители и другіе агенты, содержаніе которыхъ стоитъ городу большихъ денегъ. Въ Астрахани обмѣръ и обвѣсъ на рынкахъ составляетъ злобу дня, о которой знаетъ и говоритъ весь городъ, но не знаетъ и молчитъ городское общественное управленіе. Въ Оренбургѣ городскіе вѣсы на базарахъ оказались фальшивыми. Въ Ельцѣ, Орловской губерніи, городскія мѣры на базарѣ найдены на $^1/_8$ и даже $^1/_4$ меньше настоящихъ. Кажется, дальше этого идти некуда.

Между тѣмъ вопросъ объ удешевленіи предметовъ первой необходимости, въ настоящее время, пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе. Всѣ дѣла въ застоѣ, заработковъ для рабочаго люда нѣтъ и, въ довершеніе бѣдствія,—дороговизна жизни. При такомъ бѣдственномъ положеніи народу остается питаться однимъ хлѣбомъ, благо наше зерно не идетъ за границу и стоитъ очень дешево въ оптовой торговлѣ. Но мелочные хлѣбные торговцы пользуются народнымъ бѣдствіемъ и держатъ на очень высокихъ цѣнахъ печеный хлѣбъ. Несоразмѣрность между дешевизною зерноваго хлѣба и дороговизною печенаго хлѣба до такой степени поразительна, что алчность пекарей и булочниковъ возмущаетъ положительно всѣхъ, кромѣ городскихъ гласныхъ. Вездѣ только и слышно, что требуютъ установить таксу на печеный хлѣбъ, или принять какія-нибудь другія, дѣйствительныя мѣры къ пониженію хлѣбныхъ цѣнъ. Случайно это совпадаетъ съ появившимся и на Западѣ стремленіемъ

обуздать произволъ булочниковъ. Напр. въ Бромбергѣ булочники обязаны назначать въ началѣ каждаго мѣсяца цѣны на хлѣбъ, которыхъ должны держаться втеченіе всего мѣсяца. Прейскурантъ съ обозначеніемъ этихъ мѣсячныхъ цѣнъ долженъ быть вывѣшенъ въ каждой булочной на видномъ мѣстѣ. Кромѣ того, въ булочной должны находиться въ распоряженіи публики вѣсы, на которыхъ покупатели могутъ повѣрять вѣсъ купленнаго хлѣба Намѣреніе парижскаго муниципалитета установить таксу на печеный хлѣбъ, если булочники добровольно не понизятъ цѣны вызвало въ 1884 г. бурные протесты со стороны булочниковъ и буржуазныхъ экономистовъ въ родѣ Леона Сэ и де-Молинари. А у насъ все было наоборотъ: городское населеніе требовало установленія таксы на печеный хлѣбъ, а городскія думы представляли собою какъ-будто митинги парижскихъ булочниковъ Медовыя рѣчи о свободѣ обмѣна, о благахъ конкурренціи лились рѣкою изъ устъ гласныхъ и неизмѣнно заканчивались угрозою. что городъ испытаетъ всѣ ужасы голода. если будетъ введена такса. Ораторы забывали только одно. что блага свободной конкурренціи существуютъ пока въ однихъ учебникахъ, да и тамъ они обставлены такими условіями, наличнаго существованія которыхъ мы дождемся развѣ только въ царствѣ небесномъ На самомъже дѣлѣ, вмѣсто обѣтованныхъ благъ свободной конкурренціи. у насъ существуютъ либо стачки торговцевъ, либо уничтоженіе крупнымъ капиталомъ вокругъ себя даже тѣни конкурренціи. Въ томъ и другомъ случаѣ остается на лицо фактъ поразительной дороговизны печенаго хлѣба при дешевизнѣ зерна, дровъ, рабочихъ рукъ и т. д. Если существующая въ данный моментъ конкурренція не устраняетъ этого факта, то нужно обратиться къ другимъ средствамъ для устраненія дороговизны. Говорятъ, что установленіе таксы никогда не оправдывало надеждъ, возлагавшихся на эту мѣру. И это совершенная правда,—такса не есть даже какое-нибудь мѣропріятіе противъ дороговизны, но только приступъ къ общественнымъ мѣропріятіямъ въ борьбѣ съ алчностью торговцевъ. Установленіемъ таксы городская общественная организація торжественно заявляетъ, что она выступаетъ представителемъ правъ каждаго городского жителя въ отдѣльности торговаться и условливаться съ продавцами относительно цѣны продуктовъ. Такое представительство является положительно необходимымъ въ виду того, что каждый городской житель въ отдѣльности, за неимѣніемъ множества спеціальныхъ свѣдѣ-

ній, не можетъ точно опредѣлить настоящую цѣну продукта. тогда какъ общественная организація можетъ сдѣлать это посредствомъ точныхъ изслѣдованій Притомъ-же каждый въ отдѣльности безсиленъ предъ стачкою торговцевъ; онъ поневолѣ долженъ платить, сколько бы ни запросили торговцы. а иначе останется голоднымъ. Между тѣмъ общественная организація обладаетъ столь значительными средствами, что, въ случаѣ несогласія торговцевъ подчиниться таксѣ, можетъ принять дѣйствительныя мѣры къ снабженію города дешевыми продуктами.

Обезпеченіе населенія дешевымъ продовольствіемъ составляетъ первое условіе самаго существованія города и слѣдовательно должно быть главною заботою городского общественнаго управленія. Но наше городское управленіе нетолько чуждо этой заботы, но составлено изъ такихъ элементовъ, которые оказываютъ одно лишь противодѣйствіе всякому стремленію удешевить городское продовольствіе. Вся городская власть находится въ рукахъ торгашей и базарныхъ барышниковъ,—такъ имъ-ли накладывать узду на свою алчность и уменьшать свои барыши? Имъ-ли заботиться о дешевизнѣ городского продовольствія?

ВЪ ДЕРЕВНѢ И ГОРОДѢ.

ВЪ ДЕРЕВНѢ И ГОРОДѢ.

I.

Отсутствіе равноправности между крестьянскою массою и остальными общественными классами, составляющими меньшинство населенія, оказываетъ громадное вліяніе на теченіе народной жизни, сообщая ей двойственный характеръ. Разница въ правѣ, это пагубное двуправіе, проникающее во всѣ взаимныя отношенія между общественными классами, ведетъ къ тому, что въ одномъ и томъ же государствѣ существуютъ рядомъ какъ будто два особыхъ общественныхъ строя, по своему характеру совершенно противоположные другъ другу и притомъ замкнувшіеся въ особыя территоріальныя границы. Общественные классы, пользующіеся привиллегіями въ области права, осѣли, по преимуществу, въ городахъ, а крестьянство, подавленное многочисленными ограниченіями правъ, населяетъ деревни. Въ городѣ дѣйствуетъ одно право, а въ деревнѣ совсѣмъ другое. Отсюда цѣлый рядъ ненормальностей во взаимныхъ отношеніяхъ между городомъ и деревнею. Городъ стремится все болѣе и болѣе обособиться отъ деревни, что въ особенности обнаруживается въ постоянныхъ пререканіяхъ между земствами и городскими управленіями. Въ то же время городъ старается эксплоатировать деревню, принимая въ свою среду изъ деревень и обратно посылая отъ себя въ деревенскую среду многочисленныхъ хищниковъ, которые оказываютъ разоряющее экономически и развращающее нравственно вліяніе на крестьянъ. Но съ другой стороны, городская жизнь, при всѣхъ ея недостаткахъ, обладаетъ такими неоцѣненными

благами, о которыхъ деревня едва смѣетъ мечтать. Въ городѣ дышется свободнѣе, живется легче, голова крѣпче сидитъ на плечахъ, имущество цѣлѣе. Вотъ эти-то неоцѣненные въ общественной жизни блага и тянутъ деревенскаго жителя въ городъ; а съ другой стороны они же облегчаютъ и успѣшность дурныхъ вліяній городской среды на деревенскую жизнь, замаскировывая ихъ собою въ глазахъ деревенскихъ жителей.

Обособленіе въ городахъ полноправныхъ общественныхъ классовъ, а не полноправныхъ—въ деревняхъ привело къ тому, что юридическія особенности различныхъ общественныхъ классовъ, фактически почти совсѣмъ утратили свой первоначальный, исключительно сословный, характеръ и превратились въ свойственныя городской и деревенской жизни особенности въ пользованіи правами. Основаніе такихъ особенностей коренится въ отсутствіи равноправности между крестьянствомъ и остальными общественными классами, въ тѣхъ правовыхъ ограниченіяхъ, которыя наше законодательство налагаетъ на крестьянъ. Но законодательство придавало этимъ ограниченіямъ сословный характеръ, тогда какъ жизнь, упразднивъ сословность, пріурочила всѣ правовыя различія къ городу и деревнѣ. Посмотрите на крестьянина, который живетъ въ городѣ: здѣсь онъ чувствуетъ себя совершенно равноправнымъ съ любымъ дворяниномъ или купцомъ, и только воспоминаніе о деревнѣ разрушаетъ эту иллюзію равноправности. И наоборотъ, возьмите дворянина въ деревнѣ: здѣсь онъ на каждомъ шагу видитъ, что его права также мало обезпечены деревенскимъ правовымъ порядкомъ, какъ и права крестьянъ, и если онъ не подвергается безцеремоннымъ заушеніямъ и проч., подобно крестьянину, то это потому лишь, что всѣмъ деревенскимъ заушителямъ извѣстно, что за него заступятся въ городѣ, какъ за своего человѣка. Такъ фактически возникло у насъ глубокое различіе между городскою и деревенскою жизнью, въ смыслѣ большей или меньшей обезпеченности важнѣйшихъ человѣческихъ правъ, —различіе чисто фактическое, хотя и вытекающее въ своемъ основаніи изъ различія въ правовомъ положеніи крестьянъ сравнительно съ другими общественными классами. Вотъ это-то фактическое различіе мы и постараемся выяснить, воспользовавшись для того, преимущественно, дѣлами изъ судебной практики и вообще случаями уголовнаго характера.

Отдавая городу преимущество предъ деревнею, въ смыслѣ большей обезпеченности личныхъ и имущественныхъ правъ,

мы далеки отъ того, чтобы выставлять городскую жизнь совершенствомъ, не оставляющимъ желать ничего лучшаго. Нѣтъ, судьба не балуетъ и городскихъ жителей, она и имъ не даетъ полнаго спокойствія и безмятежнаго довольства. Въ особенности теперь едва-ли можно найти человѣка, который былъ бы всѣмъ доволенъ и не жаловался на трудное время, часто дѣлающее жизнь невыносимою тягостью. Но при всемъ этомъ городской житель долженъ считать себя счастливцемъ и благодарить Бога за то, что живетъ въ городѣ, а не въ деревнѣ. Городская жизнь худо-ли, хорошо-ли, а все-таки обезпечиваетъ спокойное пользованіе самыми дорогими для человѣка благами. Напримѣръ, живя въ городѣ, вы ходите по улицамъ и площадямъ, сидите въ театрѣ, трактирѣ, или другомъ общественномъ мѣстѣ, пируете въ кругу друзей и т. д., и при этомъ вы вполнѣ увѣрены, что ваша жизнь ограждена отъ нечаяннаго нападенія и насилія, что васъ никто не застрѣлитъ изъ револьвера, не зарубитъ саблею и не прибьетъ до полусмерти. Вы очень хорошо знаете, что баши-бузуки, нападающіе съ кистенями и нагайками на редакторовъ газетъ, представляютъ собою какихъ-то выродковъ въ городскомъ обществѣ и что ихъ отвратительныя насилія составляютъ весьма рѣдкія и исключительныя явленія въ городской жизни. Вы спокойно сидите въ своей квартирѣ, чувствуете себя вполнѣ безопаснымъ отъ нахальнаго вторженія какого нибудь негодяя и не запасаетесь, на всякій случай, для обороны револьверомъ, съ основательностью разсуждая, что вы живете не въ глуши, не въ деревнѣ, а въ городѣ. Словомъ, живя въ городѣ, вы чувствуете себя безопаснымъ отъ покушенія на вашу жизнь, по крайней мѣрѣ, въ общественномъ мѣстѣ и на глазахъ у людей. Положимъ, что и въ городѣ есть убійцы и грабители, но они нападаютъ на своихъ жертвъ украдкою, въ глухихъ безлюдныхъ мѣстахъ. Отъ этихъ негодяевъ васъ охраняютъ городовые, околоточные, дворники и т. д. и вы глубоко увѣрены, что, по вашему зову, васъ будутъ защищать отъ насилія и полиція, и каждый изъ обывателей.

Въ деревнѣ жизнь человѣка не защищена отъ насилія такъ прочно, какъ въ городѣ. Существованіе мужика подвержено такимъ случайностямъ, что благоразуміе требуетъ никогда не забывать о смертномъ часѣ, и всего остерегаться, потому-что въ деревнѣ нѣтъ такого безвреднаго и исключительно для общей пользы назначеннаго предмета, который-бы не угрожалъ мужику смертью, или, по меньшей мѣрѣ, сокрушеніемъ

реберъ и зубовъ. Тяжесть положенія увеличивается еще отъ того, что для мужика до сихъ поръ остается неразрѣшеннымъ вопросъ, гдѣ онъ долженъ чувствовать себя болѣе безопаснымъ—въ общественномъ-ли мѣстѣ, среди толпы своихъ друзей, родственниковъ и знакомыхъ, или спрятавшись въ уединенной и безлюдной глуши? Повидимому, въ глуши, въ пустынѣ безопаснѣе, чѣмъ въ деревнѣ, въ гражданскомъ обществѣ. Для иллюстраціи того тяжелаго положенія, въ которомъ, жизнь мужика, въ противоположность городскому жителю, подвержена всевозможнымъ случайностямъ, совершенно непредвидимымъ и выходящимъ изъ предѣловъ вѣроятности, — мы приведемъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ случаевъ, гдѣ дѣйствующими лицами являются урядники.

Въ 1882 году, въ окружномъ судѣ въ г. Царицынѣ, разбиралось дѣло урядника Извольскаго, обвинявшагося въ убійствѣ отставнаго рядоваго Бондарева и въ незаконномъ лишеніи свободы одного крестьянина. Извольскій — молодой человѣкъ, 26 лѣтъ, сынъ священника, воспитывался въ Камышинскомъ духовномъ училищѣ, отбывалъ воинскую повинность рядовымъ писаремъ на Кавказѣ въ крѣпостной артиллеріи, затѣмъ служилъ столоначальникомъ въ царицынскомъ уѣздномъ полицейскомъ управленіи. Тихо и мирно шла жизнь его, пока онъ не попалъ въ урядники и поселился въ деревнѣ. Городская среда, такъ-же какъ и военная служба, налагали на него узду, не давали воли его буйнымъ наклонностямъ. Но какъ только онъ очутился въ деревнѣ, то здѣсь онъ ни въ чемъ не встрѣтилъ себѣ противодѣйствія, которое-бы могло сдержать опасныя для общества проявленія его буйнаго характера. Прослуживъ всего 4 мѣсяца урядникомъ, онъ успѣлъ, однако, не мало накуралесить. Разъ онъ набуянилъ на улицѣ въ посадѣ Дубовкѣ. По распоряженію пристава, полицейскіе служители хотѣли отвести его подъ арестъ. Но Извольскій сталъ въ оборонительное положеніе, угрожая шашкой и револьверомъ. Приставъ долженъ былъ уступить буяну, приказавъ полицейскимъ оставить его въ покоѣ. Подобныя продѣлки безнаказанно сходили съ рукъ ему, пока онъ не устроилъ кровопролитнаго побоища съ крестьянами въ кабакѣ. Часовъ около девяти вечера, 25 января, придя въ кабакъ селенія Ерзовки, Извольскій засталъ тамъ до 50 человѣкъ мѣстныхъ крестьянъ. По случаю воскреснаго дня, всѣ были пьяны, за исключеніемъ двухъ — трехъ человѣкъ. Урядникъ обратилъ строгое начальничье вниманіе на то, что парень игралъ на гармоникѣ. Тот-

часъ послѣдовало грозное запрещеніе играть. Музыкантъ не унимался, — и урядникъ вышибъ у него изъ рукъ гармонику, отчего она разбилась. — „Ничего, я её склею", — замѣтилъ парень, поднимая съ полу разбитую гармонику, и безъ всякаго протеста ушелъ изъ кабака. Тутъ къ уряднику подошелъ рядовой Бондаревъ и началъ уговаривать, чтобы тотъ перестал самодурствовать. Извольскій обидѣлся и сталъ вынимать изъ ноженъ свою шашку, но потомъ вдругъ схватилъ Бондарева за руку и потащилъ на улицу. Бондаревъ упирался, не шелъ изъ кабака, и вотъ на грѣхъ, во время этой возни, съ головы урядника свалилась шапка. — „Ты чего смотришь, — закричалъ онъ цѣловальнику, — или не видишь, что меня бьютъ? Гони всѣхъ вонъ!" — „Вонъ изъ кабака!" — скомандовалъ цѣловальникъ, и крестьяне толпою бросились къ дверямъ. Урядникъ очутился въ самой срединѣ толпы, которая увлекала его своимъ теченіемъ. Онъ выхватилъ изъ кобуры револьверъ и пустилъ два выстрѣла въ толпу. Первая пуля попала въ Бондарева, который на утро умеръ, оставивъ жену и двоихъ дѣтей, а вторая пуля нанесла легкую рану крестьянину Колобердину. Присяжные вынесли отвѣтъ на вопросъ о виновности Извольскаго въ убійствѣ: „да, виновенъ, по неумышленно", а по обвиненію въ лишеніи крестьянина свободы: „виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія". Совершенно сходный съ этимъ случай былъ въ Виленской губерніи. Въ 1880 году, 9 ноября была крестьянская свадьба въ подвиленскомъ Кальварійскомъ костелѣ. Послѣ вѣнчанія, молодые, вмѣстѣ съ свадебными гостями, по мѣстному обычаю, отправились пировать въ корчму. Одинъ изъ гостей, молодой парень игралъ на скрипкѣ, а другіе плясали, пѣли и вообще мирно веселились, какъ всегда бываетъ на свадьбахъ. Вдругъ среди пирующей компаніи появился урядникъ и, выхвативъ скрипку изъ рукъ музыканта, разбилъ ее въ дребезги. Возмущенные насиліемъ, крестьяне горячо протестовали; начался оживленный споръ между ними и урядникомъ. Возбужденіе съ обѣихъ сторонъ росло все болѣе и болѣе. Наконецъ, урядникъ выхватилъ изъ кобуры револьверъ и пристрѣлилъ игравшаго на скрипкѣ музыканта. Точно такъ-же въ кабакѣ произошла ссора, изъ-за которой возникло, разбиравшееся 19 сентября 1881 года во Владимірскомъ окружномъ судѣ, дѣло урядника Петроковской волости, Владимірскаго уѣзда, Русакова, по обвиненію его въ нанесеніи крестьянину Густову раны, послѣдствіемъ которой была смерть. По даннымъ судебнаго слѣдствія оказалось, что Ру-

саковъ, услыхавъ въ кабакѣ затрогивающіе его честь слова и намеки со стороны Густова, бросился на послѣдняго съ ножемъ. Густовъ пустился бѣжать изъ кабака, а Русаковъ погнался за нимъ. Вслѣдъ за Густовымъ урядникъ ворвался въ его домъ и здѣсь ударилъ его ножемъ въ животъ такъ сильно, что Густовъ тутъ-же упалъ безъ чувствъ и чрезъ два дня умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Принимая во вниманіе, что Русаковъ былъ въ пьяномъ видѣ во время совершенія преступленія и что гнѣвъ его былъ вызванъ Густовымъ, судъ приговорилъ Русакова на 3 года на поселеніе въ Иркутскую губернію. Вообще въ деревняхъ нерѣдки случаи, когда совсѣмъ зря, изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ, пускаются въ ходъ револьверъ и шашка. Такъ, напримѣръ, въ 1881 году, въ селѣ Павшинѣ, подъ Москвою, урядникъ нанесъ сотскому рану въ ногу пулею изъ револьвера. Сотскій выздоровѣлъ, а урядника уволили отъ службы. Случалось даже, что урядники забирались въ городъ и здѣсь принимались за свои деревенскія потѣхи съ револьверомъ, подобно тому, какъ изрѣдка волки заходятъ въ городъ охотиться на собакъ. Напримѣръ, въ 1881 году, въ городѣ Поневѣжѣ, Ковенской губерніи, урядникъ Бришневичъ вздумалъ ночью стрѣлять изъ револьвера на улицѣ. Услышавъ выстрѣлы, выбѣжали на улицу изъ ближайшаго дома нѣсколько солдатъ Уральскаго полка. Въ темнотѣ завязалась драка, во время которой урядникъ Бришневичъ нанесъ шашкою нѣсколько ранъ унтеръ-офицеру Стрепякѣ и ефрейтору Мордалеву.

Чѣмъ объяснить ту легкость и безцеремонность, съ какою въ приведенныхъ случаяхъ пускаются въ ходъ револьверъ и шашка, при чемъ люди лишаются жизни, или получаютъ раны и увѣчья совсѣмъ зря, изъ-за такихъ поводовъ, которые не стоютъ выѣденнаго яйца. Сваливать всю вину на кабакъ и пьянство было-бы несправедливо. Вѣдь въ городѣ и кабаковъ и пьянства несравненно больше, чѣмъ въ деревнѣ. Околоточнымъ и городовымъ приходится бывать въ кабакахъ еще чаще, чѣмъ урядникамъ. Да и пьютъ они не меньше, если не больше урядниковъ. Вооружены они такъ-же, какъ и урядники. Ихъ образовательный цензъ нисколько не выше, а даже еще ниже, чѣмъ у урядника Извольскаго. Такъ отчего-же никогда не слыхано, чтобы городовой или околоточный застрѣлилъ или зарубилъ кого-нибудь въ кабакѣ, на улицѣ, или гдѣбы-то ни было? Отчего въ городѣ не случается происшествій, аналогичныхъ съ приведенными выше случаями изъ деревен-

ской жизни? Причина этой разницы заключается въ томъ, что мы издавна привыкли смотрѣть на городскаго жителя, какъ на такого-же полноправнаго человѣка, какъ и сами мы. Такое представленіе о городскомъ жителѣ вошло у насъ въ привычку и никогда не покидаетъ насъ. Поэтому, какъ-бы человѣкъ ни былъ пьянъ, но привычка безсознательно удерживаетъ его въ городѣ отъ такихъ насилій надъ чужою личностью, какія дозволяютъ себѣ урядники по деревнямъ. Совершенно иное представленіе о деревенскомъ жителѣ, о крестьянинѣ воспитано въ русскомъ обществѣ вѣками рабства, крѣпостнымъ подчиненіемъ крестьянъ. Вѣдь крестьянинъ и до сихъ поръ не полноправный человѣкъ, юридически неравный съ лицами другихъ классовъ. А если такъ, то откуда-же можетъ зародиться въ насъ уваженіе къ личности неполноправнаго, неравнаго съ нами человѣка? Гдѣ нѣтъ равенства, тамъ нѣтъ и уваженія къ личности другаго человѣка, тамъ исчезаютъ всякія церемоніи, всякія стѣсненія въ отношеніи неравнаго съ нами лица. Припомните разсказъ о матери И. С. Тургенева, объ этой большой барынѣ стараго времени. Она ни мало не стѣснялась принимать становаго пристава, сидя нагишомъ въ ваннѣ. При этомъ она совершенно забывала о различіи половъ, и чувство женской стыдливости молчало, какъ будто замирало въ ней. — „Чего-же мнѣ стѣсняться со становымъ, чего совѣститься?—говорила она.—Вѣдь онъ мнѣ не ровня". Мы и теперь нисколько не церемонимся въ деревнѣ съ крестьянами по той-же причинѣ, по которой въ старое время большая барыня, обладательница крѣпостныхъ душъ, не стѣснялась нагишомъ принимать становаго пристава. Сплошь да рядомъ приходится слышать такіе отзывы: — „Ахъ, какая въ деревнѣ полная свобода! — ходи, хоть въ одной рубашкѣ, никто не видитъ тебя". Это увѣреніе, что „тамъ никто не видитъ", значитъ, что видятъ одни крестьяне, но они намъ не ровня, и оттого намъ все равно, какъ будто никто не видалъ насъ. По той-же причинѣ, мы нисколько не стѣсняемся вести нескромные разговоры въ присутствіи крестьянъ, хотя-бы тутъ были женщины. Все это показываетъ, что въ насъ нѣтъ уваженія къ крестьянину, какъ равноправной съ нами личности. А если нѣтъ уваженія къ человѣку, то, значитъ, нѣтъ никакого нравственнаго мотива, который-бы сдерживалъ въ насъ буйные порывы, останавливалъ насъ отъ насилія надъ чужою личностью. И дѣйствительно, мы изъ всякаго пустяка, изъ мелочей, нестоющихъ вниманія, не стѣсняемся ругать крестья-

нина, употребляя самую скверную, отвратительную брань, а отъ брани то и дѣло переходимъ къ кулачной расправѣ, пуская въ ходъ зуботычины. Въ деревнѣ всё это благополучно сходитъ съ рукъ, укрѣпляя насъ въ мысли о нашей безнаказанности, о полной необезпеченности личности крестьянина. При такомъ положеніи дѣлъ, дайте намъ широкую полицейскую власть, да пристегните намъ къ поясу револьверъ и шашку, — не будемъ ли и мы поступать такъ-же, какъ какой-нибудь урядникъ Извольскій?...

Между тѣмъ неуваженіе къ личности другого, хотя бы неравноправнаго съ нами человѣка не проходитъ и намъ даромъ. Оно превращается въ неуваженіе вообще къ человѣческой личности, если въ ея распоряженіи нѣтъ силы, ограждающей ее отъ правонарушеній. Въ обществѣ теряется уваженіе къ праву и сила становится единственнымъ закономъ, управляющимъ взаимными отношеніями людей. Тогда разница въ правахъ исчезаетъ и полноправные смѣшиваются съ неполноправными до безразличія и нераспознаваемости. Такъ неуваженіе къ неравноправной съ нами личности крестьянина приводитъ къ тому, что въ деревнѣ забывается уваженіе и къ нашей полноправной личности, если только на нашей сторонѣ нѣтъ силы. Урядникъ начинаетъ грозить револьверомъ уже не одному крестьянину, но и лицамъ привиллегированныхъ классовъ. И они начинаютъ испытывать на себѣ прелести деревенскихъ правовыхъ порядковъ, возникшихъ на почвѣ неравноправности, которая теперь обращается во вредъ тѣмъ, въ чью пользу была первоначально установлена. Положеніе полноправнаго культурнаго человѣка въ неполноправной деревенской средѣ весьма живо рисуется въ слѣдующей бытовой картинѣ, взятой нами изъ уголовной лѣтописи. Въ мѣстечкѣ Волхонскѣ, Ананьевскаго уѣзда, Херсонской губерніи, псаломщикъ изъ-за чего-то невзлюбилъ учителя народной школы и началъ дѣлать ему разныя непріятности. А такъ какъ псаломщикъ былъ въ большой дружбѣ съ урядникомъ, то успѣлъ и его вооружить противъ учителя. Натянутыя отношенія между псаломщикомъ и урядникомъ съ одной стороны и учителемъ съ другой, привели, наконецъ, къ открытому столкновенію между ними по слѣдующему поводу. Въ 1882 году, въ одинъ изъ базарныхъ дней, урядникъ съ псаломщикомъ, оба изрядно выпивши, прогуливались по базару. На встрѣчу имъ попался человѣкъ, личность котораго почему-то показалась уряднику подозрительною. Урядникъ потребовалъ отъ незнакомца пас-

портъ. Тотъ отвѣчалъ, что онъ находится въ услуженіи у одного помѣщика и живетъ въ его усадьбѣ въ 7 верстахъ отъ мѣстечка; паспорта же не захватилъ съ собою, потому что отлучился изъ дома на базаръ на самое короткое время. Урядникъ не удовольствовался этими объясненіями и посадилъ злополучнаго незнакомца въ кутузку. Чрезъ нѣсколько минутъ приходитъ помѣщикъ, хозяинъ арестованнаго, и требуетъ освободить его изъ кутузки. Между помѣщикомъ и урядникомъ завязался крупный споръ, въ который вмѣшался и учитель, принявшій сторону помѣщика. Наконецъ, помѣщикъ плюнулъ и ушелъ прочь отъ грѣха. Остались на базарѣ переругиваться только учитель да псаломщикъ съ урядникомъ и около нихъ толпа народа. Вдругъ урядникъ хватается за револьверъ и стрѣляетъ прямо въ упоръ въ учителя. Однако пуля пролетѣла мимо и попала въ бокъ стоявшему въ толпѣ еврейскому мальчику Литваку. Еврейчикъ сгоряча побѣжалъ, но вскорѣ упалъ на площади и лишился чувствъ, обливаясь кровью. Весь базаръ всполошился, всѣ зашумѣли, поднялась общая тревога; кой-кто говорилъ, что нужно арестовать урядника, но народъ нерѣшался приступиться къ нему, боясь отвѣтственности. Наконецъ, требованія ареста сдѣлались многочисленнѣе и настойчивѣе. Выискались смѣльчаки, которые забрали урядника и отвели его въ кутузку, гдѣ все еще сидѣлъ арестованный имъ человѣкъ, изъ-за котораго произошла стрѣльба и кровопролитіе. Что касается псаломщика, то съ нимъ народъ не сталъ такъ же церемониться, какъ и съ урядникомъ. Прежде, чѣмъ засадить въ кутузку, его избили такъ жестоко, что ему пришлось долгое время ходить съ обвязанною головою. Раненаго еврейчика отвезли въ больницу, а урядникъ былъ уволенъ отъ службы и отданъ подъ судъ.

Замѣчательно это опасеніе толпы арестовать урядника, только что совершившаго преступленіе. Вѣдь здѣсь въ основѣ лежитъ самое искреннее сознаніе безправія, которое на самомъ дѣлѣ, совсѣмъ не простирается такъ далеко, какъ кажется крестьянину. Это есть безправіе фактическое, но не юридическое. Ему соотвѣтствуетъ совершенно ложное представленіе урядниковъ о своихъ правахъ. Вѣдь урядники такъ же искренно убѣждены въ своемъ правѣ не церемониться съ крестьянами, какъ послѣдніе убѣждены въ своемъ безправіи. Для примѣра мы приведемъ два весьма характерныхъ случая, бывшіе въ 1882 году предметомъ судебнаго разбирательства въ Орлѣ и Кіевѣ. Въ особенности интересно своею грубою простотою,

разбиравшееся орловскимъ окружнымъ судомъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, дѣло объ урядникѣ, отставномъ рядовомъ Волобуевѣ. На судѣ выяснилось, что 24 декабря 1879 года, онъ заѣхалъ пьяный въ кабакъ въ селѣ Проскуровкѣ. Вслѣдъ за нимъ пріѣхали въ кабакъ крестьяне Яковъ, Иванъ и Алексѣй Ѳомины, Абрамъ и Павелъ Скитевы и Иванъ Фокинъ. Пьяному урядику взбрела въ голову мысль, что это пріѣхала шайка воровъ. Въ этой мысли онъ совсѣмъ убѣдился, когда замѣтилъ, что его лошади нѣтъ у кабака. Тогда Волобуевъ, безъ дальнихъ разговоровъ, одинъ бросается на цѣлую толпу крестьянъ и начинаетъ ихъ бить. Насколько же должно быть сильно въ урядникѣ сознаніе своего права, а въ крестьянахъ сознаніе безправія, когда шестеро крестьянъ безпрекословно дозволяютъ одному пьяному человѣку и притомъ въ публичномъ мѣстѣ, на глазахъ постороннихъ свидѣтелей, избить и изувѣчить себя немилосерднымъ образомъ. Удары, которые Волобуевъ, нанесъ Ивану Фокину, были такъ сильны, что, по мнѣнію крестьянъ, послужили причиною его смерти. Другой крестьянинъ Яковъ Ѳоминъ отъ побоевъ не могъ встать на ноги. Остальные также были жестоко избиты урядникомъ около кабака. Послѣ побоища у кабака истязанія продолжались въ избѣ, куда Фокина, не могшаго болѣе ходить, привезли на лошади, а остальныхъ привели связанныхъ. Въ избѣ крестьяне были подвергнуты такимъ жестокимъ истязаніямъ, что посторонніе свидѣтели упрашивали Волобуева прекратить ихъ; но тотъ отвѣчалъ или угрозою составить актъ, или словами: „я убью, я буду и отвѣчать“. На другой день Волобуевъ доложилъ становому приставу, что задержанные имъ крестьяне украли у него лошадь. Дознаніе о кражѣ лошади было передано мировому судьѣ, который, не находя основаній къ обвиненію крестьянъ въ кражѣ, призналъ ихъ невиновными. Присяжные засѣдатели на вопросъ о виновности Волобуева въ превышеніи власти, выразившемся въ нанесеніи жестокихъ побоевъ, отвѣтили: „да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія“. Судъ приговорилъ Волобуева къ заключенію въ арестантскихъ ротахъ на два года. Подобное же дѣло по обвиненію урядника Кіевскаго уѣзда Шлишевича въ нанесеніи увѣчья при исполненіи обязанностей службы, разбиралось 29 сентября 1882 года въ кіевскомъ окружномъ судѣ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей. На судѣ выяснилось, что 6 августа 1881 года, когда, по существующему искони обычаю, обыватели Кіева и окрестностей массами собираются въ Китаевскую пустынь для гулянья,

сопровождающагося плясками и музыкою, въ самомъ разгарѣ увеселеній появился среди толпы урядникъ Шлишевичъ, верхомъ на казачьей лошади, и сталъ бить гуляющихъ нагайкою куда ни попало. Но къ несчастію для урядника, тутъ сказалась близость города и присутствіе городскихъ элементовъ въ толпѣ. Выискались смѣльчаки, которые схватили лошадь урядника за узду и даже, если вѣрить Шлишевичу, раздались крики: „убейте урядника". Видя себя окруженнымъ, разсказываетъ далѣе Шлишевичъ, — онъ обнажилъ свою шашку, сталъ размахивать ею и въ концѣ концовъ нанесъ ударъ потерпѣвшему. Иначе объясняетъ дѣло потерпѣвшій. По его словамъ, пьяный урядникъ, подъѣзжая къ толпѣ, еще издали размахивалъ обнаженною шашкою; толпа схватила за узду лошадь урядника послѣ того, какъ онъ нанесъ ударъ шашкою. Въ послѣднемъ словѣ, обвиняемый съ воодушевленіемъ заявилъ, что онъ „страдаетъ за усердную службу". Судъ приговорилъ Шлишевича къ тюремному заключенію на четыре мѣсяца.

Приводя рядъ случаевъ изъ судебной практики, мы имѣемъ въ виду ихъ несомнѣнность и безусловность, засвидѣтельствованную судомъ. Но и помимо ихъ, изъ ежедневной жизни всѣмъ и каждому извѣстно множество однородныхъ съ ними фактовъ, доказывающихъ, что существованіе сельскаго жителя отличается чрезвычайною непрочностью и необезпеченностью, завися почти исключительно отъ *божьей милости* или *божьяго попущенія*, какъ выражается народъ. Если человѣкъ живетъ цѣлъ и невредимъ, то это показываетъ, что Богъ милостивъ, — значитъ, не было божьяго попущенія и оттого человѣкъ не подвернулся подъ роковой ударъ деревенской судьбы, проламывающей черепа, сокрушающей ребра и челюсти и даже иной разъ, лишающей жизни. Наоборотъ, если на человѣка обрушиваются эти удары судьбы, то въ его несчастіяхъ трудно отыскать какой нибудь смыслъ, кромѣ божьяго попущенія. Сколько ни думаешь надъ приведенными выше, многочисленными случаями насилія надъ личностью крестьянина, какъ ни ломаешь голову, стараясь отыскать въ нихъ смыслъ, понять причину — за что и почему одинъ въ другого пускаетъ пулю, а этотъ другой зачто и почему платится увѣчьемъ или смертью, — изъ всѣхъ этихъ размышленій ровно ничего не выходитъ, ни до какого смысла невозможно добраться. Передъ глазами остается одинъ голый, безсмысленный фактъ, что въ деревенской средѣ есть одни, творящіе насиліе, а другіе — склоняющіе голову предъ насиліемъ. Но какъ, чѣмъ и почему вызывается насиліе? — этого

нельзя ни понять, ни объяснить. Невольно припоминается приговоръ присяжныхъ засѣдателей надъ урядникомъ Извольскимъ, убившимъ пулею отставнаго рядоваго Болдарева: „да, виноватъ, но неумышленно". Дѣйствительно, сельскіе жители нежданно и негаданно подвергаются насиліямъ, получаютъ увѣчья, тяжкія раны, даже лишаются жизни, и во всемъ этомъ, говоря по совѣсти, никто не виноватъ, всѣ эти насилія надъ сельскими жителями дѣлаются безъ умысла, представляютъ собою полную безсмыслицу. Какъ дѣйствія, лишенныя всякаго смысла, насилія надъ личностью въ деревенской средѣ обращаютъ на себя наше вниманіе только потому, что они кажутся необычайными и возмутительными для насъ, городскихъ жителей. Деревенскаго жителя они не возмущаютъ такъ глубоко, какъ горожанъ, потому что въ деревнѣ къ нимъ привыкли, какъ къ чему-то обыкновенному, тогда какъ въ городѣ они не случаются, или вѣрнѣе уже перестали случаться и возможны только за городскою чертою. Напримѣръ, развѣ возможенъ въ городѣ случай, изъ котораго возникло интересное дѣло, разбиравшееся 15 мая 1882 г. въ одесскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Обвинялся урядникъ одесскаго уѣзда, отставной поручикъ Александръ Морозовъ, въ незаконномъ лишеніи свободы и въ истязаніи крестьянскаго мальчика Робокони. Изъ выяснившихся на судѣ обстоятельствъ видно, что урядникъ Морозовъ, проѣзжая чрезъ деревню Александровку, Одесскаго уѣзда, встрѣтилъ въ степи нѣсколько игравшихъ мальчиковъ. При приближеніи урядника, мальчики стали кричать, отчего лошадь, бывшая подъ урядникомъ, поднялась на дыбы и едва не понесла его. Это страшно обозлило урядника и онъ вздумалъ наказать дерзкихъ мальчугановъ. Погнавшись за мальчиками, Морозовъ успѣлъ поймать одного Робокони, который, будучи слабъ здоровьемъ, не могъ уйти отъ преслѣдованія. Морозовъ нѣсколько разъ ударилъ мальчика нагайкою и потомъ приказалъ идти вслѣдъ за собою въ волость. Мальчикъ заупрямился и принялся рыдать. Тогда урядникъ схватилъ его за шиворотъ и потащилъ въ волость. По прибытіи туда, несчастный мальчикъ былъ страшно измученъ и едва дышалъ. Морозовъ не удовольствовался этимъ и нанесъ Робокони до 15 ударовъ плетью. Отъ побоевъ мальчикъ лишился чувствъ, но Морозовъ, несмотря на это, все-таки засадилъ его въ кутузку, гдѣ онъ просидѣлъ болѣе часа. Нанесенныя ему истязанія были такъ сильны, что онъ слегъ въ постель и пролежалъ больной около восьми дней. На судѣ Морозовъ

въ свое оправданіе объяснялъ, что когда мальчикъ не захотѣлъ слѣдовать въ волость, то онъ лишь „подталкивалъ“ его ногою, въ кутузку не сажалъ, а Робокони самъ тамъ очутился. Начальство за это дѣло еще до суда уволило Морозова отъ службы, а на судѣ присяжные оправдали его. Нельзя не отдать полную справедливость такому милостивому приговору присяжныхъ, потому что въ поступкахъ урядника Морозова точно также нѣтъ никакого человѣческаго смысла, какъ нельзя было бы отыскать его въ дѣйствіяхъ урядниковой лошади, если бы та растоптала ногами бѣднаго Робокони.

Подобные безсмысленные случаи то и дѣло повторяются въ деревенской жизни, такъ что составляютъ тамъ заурядное явленіе. Въ деревнѣ только и приходится слышать, что, напримѣръ, въ селѣ Покорновѣ, Смоленскаго уѣзда, въ 1882 году. урядникъ, въ пьяномъ видѣ, гонялся съ револьверомъ за однимъ обывателемъ, а другому, хотѣвшему остановить его, откусилъ палецъ. Точно также, въ 1881 году, въ Веневскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, урядникъ Левицкій встрѣтился въ одной глухой деревушкѣ съ бывшимъ становымъ приставомъ г. Липкинымъ и, напившись вмѣстѣ съ нимъ, до такой степени избилъ его въ полѣ на проселочной дорогѣ, что у бѣднаго становаго оказался проломленнымъ черепъ. Въ Волковысскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, въ 1881 году, выпущенный изъ гродненской урядницкой школы, урядникъ Яцевичъ, проявилъ себя слѣдующимъ подвигомъ. Остановившись въ деревнѣ Лихнельцахъ, онъ пустилъ свою лошадь пастись въ огородъ крестьянина Германа, гдѣ она и принялась истреблять все, что попадало на зубы. Хозяинъ огорода, замѣтивъ потраву, началъ выгонять вонъ чужую лошадь. Въ эту минуту подошелъ урядникъ Яцевичъ и, возмущенный дерзостью крестьянина, принялся бить его по лицу до тѣхъ поръ, пока своротилъ челюсть на сторону. Избитаго крестьянина пришлось отвезти въ городскую больницу. Въ Сквирскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, былъ уволенъ отъ службы и отданъ подъ судъ урядникъ Сервецкій, обвинявшійся въ цѣломъ родѣ тяжкихъ преступленій, какъ-то: въ лихоимствѣ, вымогательствѣ, попустительствѣ преступленій, произвольномъ лишеніи свободы и, наконецъ, въ нанесеніи разнымъ лицамъ болѣе или менѣе тяжкихъ увѣчій. Одинъ сотскій былъ избитъ Сервецкимъ до совершенной потери слуха за то лишь, что не напоилъ во-время его лошадь. Чтобы покончить съ многочисленными фактами, указывающими, до какой степени человѣческая личность въ деревнѣ

не обезпечена отъ случайностей, мы остановимся на прошеніи крестьянъ деревни Обуховки, Апраксинской волости Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, поданномъ въ апрѣлѣ 1881 года прокурору симбирскаго окружнаго суда. Въ этомъ прошеніи изложена исторія нападенія урядника съ толпою кулаковъ на крестьянъ деревни Обуховки, во время пожара около этой деревни, при чемъ урядникъ изругалъ крестьянъ всей деревни кабацкою бранью, многихъ угощалъ пинками, жестоко дрался нагайкой, замахивался обнаженною шашкою, направлялъ дуло револьвера на крестьянъ, угрожая всѣхъ ихъ перестрѣлять. Сверхъ того урядникъ привелъ одного крестьянина, подъ предлогомъ дознанія, въ волостное правленіе, посадилъ въ „холодную" и производилъ допросъ то кулаками, то нагайкою.

II.

Мы привели въ назиданіе читателямъ такой длинный рядъ фактовъ, что надѣемся послѣ этого не можетъ остаться никакого сомнѣнія въ томъ, что въ деревнѣ человѣческая личность находится въ полной зависимости отъ случайностей, которымъ болѣе нѣтъ мѣста въ городѣ. Дѣйствительно, ничего подобнаго никогда не бываетъ въ городѣ, такъ что приведенные нами случаи составляютъ несомнѣнныя особенности деревенской жизни. При этомъ мы нарочно приводили только тѣ случаи, въ которыхъ роль слѣпой и безпощадно жестокой судьбы играютъ полицейскіе урядники. Это сдѣлано для того, чтобы еще рѣзче оттѣнить разницу между городомъ и деревнею. Мы не раздѣляемъ того поверхностнаго взгляда, по которому причина проведенныхъ нами прискорбныхъ случаевъ заключается, будто-бы, исключительно въ недостаткахъ института урядниковъ, которые, такимъ образомъ, въ глазахъ общества служатъ декораціею, закрывающею отъ насъ ту грозную, невидимую и отчасти невѣдомую силу, которая одна властна надъ животомъ и смертью сельскаго обывателя. Нѣтъ, урядники сами по себѣ тутъ не причемъ, или, по крайней мѣрѣ, не въ нихъ главная сила. Они, по мѣткому выраженію присяжныхъ засѣдателей, дѣйствуютъ „неумышленно" Ихъ рукою, сокрушающею зубы и ребра мужика, водитъ злой геній деревни, который не имѣетъ власти надъ городомъ. Мы еще разъ повторяемъ: сравните полицейскихъ урядниковъ съ городовыми и околоточными. Развѣ они не одно и то же, не одинаковые между собою поли-

цейскіе служители? Безъ сомнѣнія, между городовыми и околоточными найдется много людей, которые грубѣе и невѣжественнѣе урядниковъ, меньше ихъ знаютъ и уважаютъ законы, больше преданы пьянству, одинаково склонны къ насилію и произволу и, можетъ быть, отличаются еще большею пылкостью и необузданностью характера. Но въ городѣ тѣ же самые люди умѣютъ сдерживать себя и ни одинъ изъ нихъ не осмѣлится вынуть шашку изъ ноженъ и тѣмъ болѣе револьверъ изъ кабуры. По селамъ же урядники не только не ниже, но часто выше городовыхъ по своему умственному развитію, а между тѣмъ у нихъ то и дѣло обнаженная шашка гуляетъ по мужицкимъ головамъ, и пущенная изъ револьвера пуля пристрѣливаетъ случайно подвернувшихся людей. Такимъ образомъ, сравнивая урядниковъ въ селахъ съ городовыми и околоточными въ городахъ, мы видимъ, что тѣ и другія—совершенно одинаковые люди, имѣютъ одинаковый кругъ правъ и обязанностей, подчинены одному и тому же вѣдомству, но, будучи поставлены въ такихъ несходныхъ между собою средахъ, какъ городъ и деревня, совершенно различно относятся къ окружающему ихъ населенію. Возьмите идеально заботливаго о спокойствіи и безопасности обывателей городоваго или околоточнаго и назначьте его урядникомъ въ село; мы увѣрены, что его черезъ недѣлю нельзя будетъ узнать; здѣсь и онъ, безъ всякихъ стѣсненій и размышленій, станетъ вынимать шашку изъ ноженъ и револьверъ изъ кабуры. Наоборотъ, переведите въ городъ на полицейскую службу самаго дикаго и необузданнаго изъ урядниковъ,—тамъ онъ сразу сдѣлается скромнымъ охранителемъ общественнаго порядка и забудетъ, какъ вынимается изъ ноженъ шашка. Вотъ какая громадная разница между городскою и деревенскою средою и къ какимъ печальнымъ результатамъ приводитъ правовая приниженность крестьянства, вносящая въ деревенскую жизнь деморализующее начало!

Чтобы еще болѣе убѣдить читателей въ томъ, какое громадное вліяніе оказываетъ различіе городской и сельской среды на характеръ дѣятельности полицейскихъ чиновъ и какъ сравнительно мало обусловливаются злою волею правонарушителей противозаконные поступки, служащіе характеристическимъ отличіемъ направленія въ дѣятельности сельской и городской полиціи,—для этого мы приведемъ новый рядъ фактовъ изъ практики сельской полиціи. Мы имѣемъ въ виду такого рода факты, относительно которыхъ даже самый предубѣжденный человѣкъ долженъ сознаться, что они не имѣютъ и не могутъ имѣть мѣста

въ городѣ, и слѣдовательно, скорѣе являются произведеніемъ общественной среды, чѣмъ проявленіемъ злой воли правонарушителей. Сюда мы, прежде всего, относимъ тѣ случаи, когда сельская полиція подвергаетъ жестокимъ пыткамъ и истязаніямъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ преступленіяхъ, съ цѣлію вынудить сознаніе. Въ городѣ подобные случаи неизвѣстны и невозможны, а въ деревнѣ, наоборотъ, они весьма часты и обыкновенны. Нап имѣръ, въ 1882 году, въ харьковскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, разбиралось дѣло по обвиненію бывшаго полицейскаго урядника Попова, сотскаго Кускова и восьми крестьянъ въ истязаніи, а Попова и Кускова, сверхъ того, въ принужденіи къ выдачѣ обязательства. Изъ дѣла видно, что въ октябрѣ 1881 года, въ селѣ Большихъ Проходахъ, Харьковскаго уѣзда, у крестьянъ Щировыхъ совершена довольно крупная кража, — похищены вещи и 500 рублей денегъ. По подозрѣнію въ совершеніи этой кражи былъ задержанъ и доставленъ въ домъ потерпѣвшихъ крестьянинъ Филиппенко. Здѣсь онъ сознался въ кражѣ и указалъ соучастниковъ, крестьянина Овчинникова и еще другаго, который не былъ отыскапъ. Урядникъ со старшиною начали совѣщаться, что имъ дѣлать, и рѣшили подвергнуть задержанныхъ пыткѣ. Согласно такому рѣшенію, Филиппенко былъ отведенъ въ домъ Щировыхъ и здѣсь его принялись пытать. Его скрутили веревкою, одинъ конецъ которой ввязали ему въ волоса и прикрутили палочкою, а другой конецъ привязали къ гвоздю, вбитому въ свалокъ хаты и, такимъ образомъ, повѣсили. Когда онъ оборвался, его снова повѣсили. Такимъ образомъ онъ провисѣлъ около двухъ часовъ. Во время этого истязанія его били палками по нижнимъ частямъ ступней обнаженныхъ ногъ и колотили кулаками по бокамъ. Другіе, заподозрѣнные въ кражѣ, крестьяне — Овчинниковъ и Довбня подверглись такому-же истязанію, какъ и Филипенко, причемъ крестьянинъ Печёнкинъ выщипывалъ у Довбни бороду, накручивая волосы на пальцы. Всѣ, подвергнутые пыткѣ, были до того избиты, что не могли стоять на ногахъ. Въ заключеніе урядникъ Поповъ и сотскій Кусковъ потребовали отъ нихъ выдачи обязательства на 300 рублей. По медицинскому освидѣтельствованію найдено, что у Довбни переломлены три ребра и выбиты два зуба; кромѣ того у всѣхъ пострадавшихъ образовались лысины отъ вырыванія волосъ. Подобная-же пытка была совершена въ 1881 году въ Шеноровской волости, Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи. Здѣсь,

въ деревнѣ Николаевкѣ случилось воровство. Прибылъ урядникъ для разслѣдованія дѣла и принялся отыскивать между крестьянами вора. Подозрѣніе пало на крестьянина Гуда, который и былъ подвергнутъ пыткѣ „цуркованья“. Она состоитъ въ томъ, что человѣку связываютъ веревкою руки назадъ у локтей и затѣмъ скалкою (у крестьянъ она называется „цуркою“) крутятъ веревку, отчего руки сильно вытягиваются назадъ, чѣмъ дольше, тѣмъ больше. Послѣ Гуда такой-же пыткѣ были подвергнуты оговоренные имъ крестьяне Салгамъ и Кайданъ. Такая-же мѣра практиковалась и въ Шавдеровской волости. Здѣсь пытка производилась только въ присутствіи кого-нибудь изъ должностныхъ лицъ: волостнаго старшины, урядника, старосты, или сотскаго. Въ 1882 году, во время пожара въ селѣ Юловѣ, Городищенскаго уѣзда, урядникъ заподозрилъ въ поджогѣ одного отставнаго солдата. И вотъ тутъ-же на мѣстѣ, на глазахъ сбѣжавшагося на пожаръ народа, онъ, безъ дальнихъ справокъ, принялся бить по скуламъ заподозрѣннаго, выпуждая у него сознаніе. Сельское начальство, увлеченное примѣромъ представителя полицейской власти, усердно помогало ему. Народъ, видя, что кто-то поймапъ и кого-то бьютъ, сталъ требовать короткой расправы съ „поджигателемъ“. Солдата схватили, чтобы связать и бросить въ огонь. Тутъ самъ урядникъ струсилъ отвѣтственности, которой подвергался, и принужденъ былъ съ обнаженною шашкою освобождать солдата отъ ярости толпы.

Если урядники, изъ усердія къ службѣ, подвергаютъ людей пыткамъ и истязаніямъ, то можно-ли послѣ этого удивляться, что они, побужденные тѣмъ-же служебнымъ рвеніемъ, разносятъ по бревну и разрушаютъ до основанія жилые дома сельскихъ обывателей. Подобный случай былъ предметомъ уголовнаго разбирательства въ рязанскомъ окружномъ судѣ въ 1882 году. Обвинялся урядникъ Смердовъ, изъ привиллегированнаго сословія, въ томъ, что самовольно приказалъ разломать только-что отстроенную крестьянскую избу на томъ основаніи, что она, будто-бы, поставлена не на мѣстѣ, не по плану. Смердовъ собралъ толпу крестьянъ, которые, по его приказанію, и разметали избу до основанія, причинивъ не малый убытокъ владѣльцу. Судъ, происходившій безъ участія присяжныхъ засѣдателей, призналъ Смердова виновнымъ и приговорилъ къ самому легкому наказанію, сдѣлавъ ему выговоръ. Но всѣ приведенные выше факты блѣднѣютъ предъ тѣмъ чисто легендарнымъ подвигомъ урядника, который опи-

санъ въ донесеніи одного изъ становыхъ приставовъ Могилевскаго уѣзда, Подольской губерніи, отъ 20 іюля 1882 года, буквально слѣдующими словами. „Проѣзжая чрезъ участокъ и остановившись въ тершковскомъ волостномъ правленіи, я наткнулся на слѣдующее безобразіе полицейскаго урядника 11 участка Могилевскаго уѣзда, Даніила Ясницкаго. Ясницкій, заложивъ въ бричку двухъ десятскихъ, крестьянъ деревни Пилипъ-Черемискихъ, Леонтія Гробчака и села Черемисъ-Волоскихъ, Филиппа Кугиту, отправился на нихъ въ городъ Баръ за семь верстъ. Фактъ этотъ удостовѣренъ крестьяниномъ деревни Регентовки Павломъ Лацетинымъ и подтвержденъ самими Гробчакомъ и Кугитой, которые заявили, что они не смѣли отказаться отъ этой поѣздки, такъ какъ урядникъ угрожалъ пустить въ ходъ нагайку. Въ виду этого, урядникъ Ясницкій не можетъ быть терпимъ на должности".

Читая разсказы о пыткахъ, разрушеніи домовъ, прогулкѣ урядника на десятскихъ, запряженныхъ въ бричку, городской житель невольно останавливается въ недоумѣніи и прежде всего чувствуетъ недовѣріе къ сообщеннымъ фактамъ. Это недовѣріе проходитъ только мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ накопляется все больше и больше совершенно однородныхъ фактовъ, несомнѣнная достовѣрность которыхъ подтверждается ссылками на судебные протоколы и донесенія оффиціальныхъ лицъ. Тогда городскому жителю остается только стыдиться, обнаруженнаго раньше, недовѣрія, которое есть ни что иное, какъ проявленіе нашего невѣжества относительно сельскаго быта, нисколько не похожаго на знакомый намъ строй городской жизни. Деревенская жизнь почти такъ-же мало знакома намъ и такъ-же рѣзко отличается отъ городской жизни, какъ будто тамъ, въ деревнѣ, живетъ особое отъ насъ племя, вродѣ китайцевъ или папуасовъ. Вѣдь въ жизни китайцевъ или папуасовъ, какъ и подъ бокомъ у насъ въ деревнѣ, — встрѣчается много такого, что̀ не имѣетъ мѣста въ нашей жизни, что̀ кажется намъ непонятнымъ, возмутительнымъ и совершенно невозможнымъ при условіяхъ нашей европейской жизни. Однако все это ни мало не мѣшаетъ намъ съ полнымъ довѣріемъ относиться къ разсказамъ путешественниковъ, до того удивительнымъ, что на первый взглядъ они кажутся какъ-будто не совсѣмъ вѣроятными. Побѣдивъ въ себѣ первое впечатлѣніе, вызывающее чувство недовѣрія, мы затѣмъ уже сохраняемъ одно лишь глубокое убѣжденіе, что наша европейская жизнь глубоко и рѣзко отличается отъ

жизни китайцевъ и папуасовъ, и что такое различіе должно имѣть свои причины, которыя болѣе или менѣе ясны для насъ, смотря по величинѣ нашихъ познаній. Къ такимъ-же выводамъ неминуемо приходитъ и русскій читатель изъ городскихъ жителей, когда, наконецъ, убѣждается, что пытки, разрушеніе домовъ, поѣздка урядника на десятскихъ,—вовсе не плодъ досужаго воображенія какого-нибудь сочинителя, но факты, живьемъ выхваченные изъ сельскаго быта. Ему понятно, что ничего подобнаго въ городѣ не бываетъ и быть не можетъ, а отсюда само собою вытекаетъ заключеніе, что между городскою и деревенскою жизнью у насъ лежитъ глубокая пропасть, такъ что въ сосѣдней съ городомъ деревнѣ могутъ происходить зауряд такіе случаи, которые невозможны и немыслимы въ городѣ, и кажутся городскому жителю чѣмъ-то столь-же чуждымъ ему, какъ и особенности жизни китайцевъ или папуасовъ.

Да, хорошо жить въ городѣ. Есть величайшее наслажденіе въ сознаніи, что, пока вы живете въ городѣ, васъ никто, по крайней мѣрѣ, не высѣчетъ. Конечно, нельзя безусловно утверждать, что въ городѣ люди не подвергаются тѣлесному наказанію розгами. Но съ другой стороны, подумаешь, какъ много времени прошло съ 1871 года, когда въ Одессѣ, во время уличныхъ безпорядковъ, солдаты публично, на площадяхъ и улицахъ, раскладывали и сѣкли перваго встрѣчнаго, кто попадался подъ руку! Послѣ того въ городахъ уже не бывало случаевъ публичнаго наказанія розгами. Намъ хотѣлось-бы вѣрить, что они и не повторятся болѣе, что насъ никогда больше не разложатъ на площади и не высѣкутъ. Правда, не далѣе, какъ въ 1881 году, въ той-же Одессѣ и Варшавѣ, нѣкоторые изъ задержанныхъ за уличные безпорядки, по старымъ примѣрамъ, были высѣчены; но при этомъ было не мало такихъ обстоятельствъ, которыя въ значительной степени смягчаютъ острый характеръ печальнаго факта. Во первыхъ, — сѣкли не всѣхъ безъ разбора, но предварительно раздѣливъ задержанныхъ за безпорядки на группы, по степени виновности, и сѣкли только одну группу; значитъ, вы не теряете надежду, что можете и не попасть въ ту группу, которой суждено быть высѣченною. Во вторыхъ,—сѣкли однихъ несовершеннолѣтнихъ юношей и притомъ только мужчинъ; значитъ, женщины и достигшіе совершеннолѣтія мужчины могутъ вздохнуть свободно,—ихъ не сѣкутъ. Наконецъ, въ третьихъ,— сѣкли не публично, на площадяхъ, но секретно, въ полицей-

скихъ домахъ; значитъ, теперь уже стыдятся такого дѣла, какъ сѣченіе розгами, скрываютъ эту милую картину отъ глазъ людскихъ. И намъ такъ хочется вѣрить, что спасительный стыдъ скоро сдѣлаетъ невозможнымъ въ городахъ сѣченіе людей, даже въ такихъ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ уличные безпорядки. Помимо-же чрезвычайныхъ случаевъ теперь въ городахъ никого не сѣкутъ, и притомъ не только постоянные городскіе жители чувствуютъ пріятное ощущеніе отъ увѣренности, что ихъ спины не будетъ полосовать розгами какой-нибудь пожарный служитель, но и всякій крестьянинъ отлично знаетъ, что пока онъ въ городѣ, его не высѣкутъ, что городъ въ этомъ отношеніи представляетъ собою какъ-бы крѣпость, въ которой человѣкъ чувствуетъ себя безопаснымъ отъ розги и что только внѣ стѣнъ этой крѣпости находится что-то въ родѣ другаго міра, или иностраннаго государства, гдѣ мужиковъ сѣкутъ публично и подъ прикрытіемъ, въ одиночку и по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, сѣкутъ слегка, отечески, и засѣкаютъ до смерти.

Удивительные нравы существуютъ въ той диковинной странѣ, которая лежитъ за городскою чертою. Невѣроятныя, возмущающія все нравственное существо городскаго жителя, тёмныя и позорныя дѣла творятся тамъ, въ этомъ темномъ, сельскомъ мірѣ. Вотъ, напримѣръ, какъ проявляется въ деревнѣ власть отца надъ дѣтьми. 31 марта 1881 года, крестьянинъ Парменъ Дворецкій заявилъ судебному слѣдователю, что 29 марта отецъ его, Филиппъ Дворецкій, въ Ольховскомъ волостномъ правленіи, Череповецкаго уѣзда, при содѣйствіи волостнаго старшины и нѣсколькихъ крестьянъ, наказалъ его розгами такъ сильно, что онъ заболѣлъ и былъ помѣщенъ въ больницу. Отецъ не могъ простить ему, что онъ, женившись, сѣлъ на свое хозяйство, не желая оставаться на отцовскомъ надѣлѣ. Послѣ женитьбы отецъ сталъ преслѣдовать его и жаловаться въ волость на непочтительность сына. 29 марта сынъ былъ вызванъ въ волостное правленіе. Не зная, зачѣмъ требуетъ старшина, онъ тотчасъ-же явился и былъ такъ жестоко высѣченъ, что съ мѣста экзекуціи его отправили въ больницу. Врачъ, производившій судебно-медицинское освидѣтельствованіе его, отнесъ сѣченіе къ истязанію. По заявленію очевидцевъ, Дворецкаго сѣкли „люто“, причемъ было отсчитано больше 150 ударовъ. Всѣ участники этого самосуда были привлечены къ уголовной отвѣтственности по обвиненію въ истязаніи. Изъ нихъ призналъ себя виновнымъ одинъ

отецъ высѣченнаго, а остальные отрицали свое участіе въ сѣченіи. На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей были предложены вопросы о виновности подсудимыхъ въ причиненіи потерпѣвшему тяжкаго, подвергающаго жизнь опасности, истязанія сѣченіемъ розгами. Присяжные, давъ утвердительный отвѣтъ на всѣ вопросы суда, признали, однако, что истязаніе не подвергало опасности жизнь потерпѣвшаго. На основаніи этого вердикта присяжныхъ, череповецкій окружный судъ приговорилъ къ аресту при полиціи Филиппа Дворецкаго на $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, а остальныхъ на три недѣли. Или вотъ другой такой-же случай, бывшій въ 1881 году, въ деревнѣ Носовѣ Міусскаго округа, въ 30 верстахъ отъ Таганрога. Одинъ крестьянинъ, имѣя взрослаго сына, 24 лѣтъ, работающаго въ Таганрогѣ, потребовалъ его къ себѣ, въ деревню. Сынъ не захотѣлъ исполнить волю отца и продолжалъ жить на прежнемъ мѣстѣ. Тогда разсерженный отецъ обратился въ полицію съ требованіемъ о высылкѣ сына въ деревню, и требованіе его было исполнено. Чтобы сыну неповадно было и на будущее время не слушаться родительской воли, отецъ представилъ сына на судъ міра съ просьбою примѣрно наказать. Старики присудили высѣчь непокорнаго сына и тутъ-же всыпали ему 200 ударовъ, отъ чего онъ заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Подобныхъ примѣровъ можно было-бы привести множество, потому-что въ деревняхъ широко распространено публичное сѣченіе „на-міру“, по требованію родителей.

Если волостное и сельское начальства не стѣсняются подвергать крестьянъ жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, по требованію родителей изъ среды своихъ односельцевъ, то тѣмъ охотнѣе они исполняютъ требованія полицейскихъ властей о наказаніи крестьянъ розгами. Всѣмъ хорошо извѣстно, что тѣлесное наказаніе у насъ употребляется, какъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ полицейскихъ средствъ при взысканіи податей и недоимокъ. Для уясненія роли полицейскихъ членовъ въ этомъ дѣлѣ, мы укажемъ на нѣкоторыя интересныя обстоятельства, выяснившіяся въ 1882 году при разсмотрѣніи въ казанской судебной палатѣ дѣла объ 11-ти крестьянахъ Кайгородской волости, Слободскаго уѣзда, Вятской губерніи, обвинявшихся въ сопротивленіи власти и въ избіеніи станового пристава Митяшина. Судебное слѣдствіе выяснило много злоупотребленій пристава Митяшина, нѣсколько лѣтъ подвергавшаго кайгородскихъ крестьянъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Рядомъ свидѣтельскихъ показаній установлено, что обыкновен-

но, во время собиранія податей, по уѣзду разъѣзжалъ волостной судъ и, по приказанію Митяшина, приговаривалъ къ розгамъ неисправныхъ плательщиковъ. При этомъ, если волостные судьи назначали мало ударовъ, то приставъ удвоивалъ ихъ, а судьямъ говорилъ: „бейте, а то сами будете оштрафованы“. По требованію прокурора, на судѣ была прочитана справка о числѣ лицъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію за невзносъ податей только въ двухъ сельскихъ обществахъ. Оказалось, что въ 1878 году были высѣчены 618 человѣкъ.

„ 1879	„	„	„	92	„
„ 1880	„	„	„	35	„
„ 1881	„	„	„	45	„

Сверхъ того многихъ за неуплату повинностей лишали свободы. Прокуроръ, указавъ на длинный рядъ беззаконій, которыя творились становымъ приставомъ въ деревенской глуши, высказалъ весьма справедливую мысль, что произволъ, прикрывающійся формой закона, есть самый жестокій и отвратительный изъ всѣхъ видовъ произвола.

Какіе грандіозные размѣры иногда принимаетъ сѣченіе за неплатежъ податей, видно изъ того, что съ 16 мая по 23 іюня, 1885 года, по рѣшенію глажевскаго волостнаго суда, въ Новоладожскомъ уѣздѣ, были приговорены къ тѣлесному наказанію по 20 ударовъ за неплатежъ податей крестьяне слѣдующихъ обществъ: Падцоньевскаго изъ 45 надѣльныхъ домохозяевъ —25 (55⁵/₉%), Оломенскаго изъ 45—23 (51%), Лаховскаго изъ 35—26 (74%), Гатицкаго изъ 41—32 (78%), Мешинскаго изъ 51—35 (68½%), Глажевскаго изъ 105—38 (36%), Черенцовскаго изъ 83—19 (21½%), Таребочевскаго изъ 44—7 (10½%), Новолокскаго изъ 35—11 (31½%), Наростынкаго изъ 33—8 (24%). Понятное дѣло, что приговоры волостнаго суда служатъ только прикрытіемъ для единоличныхъ распоряженій лица, собирающаго подати. Обыкновенно при этомъ проявляется самый дикій и необузданный произволъ. Напримѣръ въ 1884 году въ Васильковѣ отдѣленіемъ окружнаго суда разсматривалось дѣло о сельскомъ старостѣ Патюрѣ, который обвинялся въ томъ, что, взыскивая недоимки, ставилъ крестьянъ на снѣгъ, а потомъ согрѣвалъ розгами; число розогъ назначалось пропорціонально величинѣ недоимки, т. е. кто былъ долженъ, положимъ, 5 рублей, тому давалось 10 ударовъ, а за кѣмъ числилось 10 рублей, тотъ получалъ 20 розогъ и т. д. Въ томъ же, 1884 году, были преданы суду волостной старшина, писарь и трое волостныхъ судей Беззубовской волости

Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, за превышеніе власти, выразившееся въ слѣдующемъ. Въ ноябрѣ 1882 года, сельскій староста села Гридина принесъ волостному суду жалобу на нѣсколькихъ крестьянъ, какъ неисправныхъ плательщиковъ податей. Будучи вызваны въ волостное правленіе, эти крестьяне были приговорены волостнымъ судомъ къ наказанію розгами. Но при этомъ двое изъ приговоренныхъ заявили, что они, какъ имѣющіе болѣе 60 лѣтъ отъ роду, избавлены отъ подобнаго наказанія. Волостной писарь, которому судъ поручилъ сдѣлать объ этомъ справку въ книгахъ, доложилъ судьямъ, что приговоренные моложе 60 лѣтъ. Тогда старики были высѣчены, хотя, какъ обнаружено дознаніемъ, въ книгахъ имъ показано болѣе 60 лѣтъ. Кромѣ этого, волостной старшина обвинялся еще въ томъ, что при сѣченіи одного крестьянина, заявившаго, что съ нимъ отъ испуга часто дѣлаются первные припадки, приказалъ сѣчь „какъ можно сильнѣе", отъ чего съ наказываемымъ тутъ же сдѣлался припадокъ и онъ болѣе получаса пролежалъ безъ чувствъ. Конечно, по этимъ исключительнымъ случаямъ нельзя составить понятія объ обыкновенномъ способѣ наказанія розгами въ деревняхъ. Чтобы познакомить читателей съ заурядными порядкомъ сѣченія мужиковъ, мы воспользуемся письмами изъ Ямпольскаго уѣзда, Подольской губерніи, помѣщенными въ двухъ провинціальныхъ газетахъ, но, повидимому, принадлежащими одному и тому же лицу, весьма обстоятельно изслѣдовавшему вопросъ о розгѣ. „При каждой волости служитъ отдѣльное лицо, носящее названіе „ката". Спеціальное занятіе „ката" — сѣченіе розгами по приговору суда. На его обязанности также лежитъ забота, чтобы при волостномъ правленіи былъ достаточный запасъ „березовой каши. Катъ выходитъ всегда изъ числа сельскихъ негодяевъ; онъ также неимущій пьяница. Каждый считаетъ нужнымъ угостить его въ корчмѣ чаркой, чтобъ слабо билъ въ случаѣ какой либо отвѣтственности предъ судомъ. Когда кату приходится наказывать лицо, раньше порядочно подпоившее его, то онъ наноситъ ему удары легко, хотя и широко размахивая руками. Катъ дѣйствительно „мажетъ" крѣпко того, кто передъ сѣченіемъ не задобрилъ его, — избиваетъ даже до крови. („Одесскій Листокъ"). Число ударовъ, большею частію, — 20. Очень любимое число 20 ударовъ — высшая мѣра наказанія, хотя часто бываетъ, что даютъ и нѣсколько лишнихъ ударовъ. Бываетъ это тогда, когда старшины питаютъ злобу къ обвиняемому; тогда они ошибаются умышленно. Старшина обязанъ присутствовать

при сѣкуціи, вести счетъ ударовъ и наблюдать за силой ихъ. При сѣченіи старшина приговариваетъ: „гирше! лучше! добре его жарь! печи!“ Экзекуторъ при этихъ словахъ удвоиваетъ энергію, а принимающій удары по голому тѣлу вскрикиваетъ: „ай-яй-яй!“ Попадаются стойкіе, которые выносятъ удары безъ крику.“ Къ этому послѣднему сообщенію, заимствованному нами изъ Кіевской газеты „*Заря*“, приложена цифровая таблица о дѣятельности трехъ волостныхъ судовъ Ямпольскаго уѣзда по уголовнымъ дѣламъ за 1884 годъ. Изъ нея видно, что въ тималовскомъ судѣ изъ 127 обвиняемыхъ наказаны розгою 60 (47,3%), въ катаргородскомъ изъ 208—89 (42,3%), въ томашпольскомъ изъ 79—29 (36,8%). По всѣмъ же тремъ волостямъ наказуемость розгою равняется 42,1%, или иначе сѣкутъ почти каждаго *втораго* виноватаго мужика. Если къ этому прибавить наказаніе розгами за неплатежъ податей, то нисколько не покажется преувеличеннымъ слѣдующій разсчетъ о размѣрахъ сѣченія розгами, сдѣланный въ письмѣ изъ того же Ямпольскаго уѣзда, помѣщенномъ въ „Одесскомъ Листкѣ“. „Засѣданія волостныхъ судовъ бываютъ обыкновенно въ двѣ недѣли разъ. Въ каждое засѣданіе суда присуждаются къ наказанію розгами нѣсколько человѣкъ, которымъ въ общей суммѣ приходится отсчитывать до 80 ударовъ и болѣе. Въ годъ, слѣдовательно, ударовъ наносится приблизительно 2080. Въ нашемъ уѣздѣ 12 волостей; слѣдовательно, во всемъ уѣздѣ въ годъ раздается 24,960 ударовъ. Принявъ 4000 душъ за среднее населеніе каждой волости, получимъ 48,000 душъ. На сто душъ приходится, такимъ образомъ, 52 удара!“

Когда полицейскія власти требуютъ для крестьянъ тѣлеснаго наказанія въ видахъ понужденія къ исправному платежу податей, то они еще могутъ сказать въ свое оправданіе, что дѣйствуютъ такъ, имѣя въ виду государственную пользу, хотя-бы неправильно понятую ими. Но чѣмъ можетъ оправдать себя волостное и сельское начальство, когда оно сѣчетъ крестьянъ по требованію землевладѣльцевъ и кулаковъ, которые этимъ путемъ сплошь да рядомъ сводятъ свои личные счеты съ крестьянами? Факты говорятъ, что сѣченіе въ деревняхъ сдѣлалось самымъ простымъ, заурядны́мъ дѣломъ, такъ что всякій, чрезъ посредство волостныхъ и сельскихъ начальниковъ, можетъ высѣчь крестьянина такъ же легко, какъ легко можно, напримѣръ, купить лошадь, нанять работника и т. п. Такъ, 14 іюня 1882 года въ с. Руднѣ, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, волостной судъ разсматривалъ дѣло 26 крестьянъ де-

ревни Авсюшиной, обвинявшихся въ кражѣ дровъ изъ рощи лѣсопромышленника Брагина. Дѣло возникло изъ того, что Брагинъ купилъ у наслѣдниковъ помѣщика Мажарова на срубъ лѣсную дачу, вблизи деревни Авсюшиной, и заготовилъ изъ нея большое количество дровъ. Между тѣмъ авсюшинцы, когда-то пользовавшіеся этимъ лѣсомъ, все продолжали считать его своимъ, твердя одно, что помѣщикъ крайне ихъ обидѣлъ, отобравши лѣсокъ. Въ концѣ зимы, очутившись совсѣмъ безъ топлива, многіе изъ авсюшинскихъ крестьянъ стали потаскивать заготовленные Брагинымъ дрова, кто вязанками, кто на салазкахъ. Свидѣтелями, уличавшими крестьянъ въ кражѣ, явились на волостной судъ два сторожа Брагина. Разбирательство тянулось очень долго. Волостные судьи отправились для совѣщанія въ заднее отдѣленіе волостнаго правленія и совѣщались цѣлыхъ 1½ часа. Въ этомъ совѣщаніи принималъ участіе и самъ истецъ Брагинъ. Изъ сосѣдняго трактира то и дѣло носили въ совѣщательную комнату корзины съ пивомъ и другими напитками. Наконецъ, былъ объявленъ слѣдующій приговоръ: взыскать съ крестьянъ въ пользу Брагина 10 рублей и сверхъ того каждаго изъ обвиняемыхъ подвергнуть наказанію розгами по 10 ударовъ. Въ 1881 году въ Уфимской губерніи, въ районѣ Ногаевской волости, въ башкирской деревнѣ Новый Юрмашъ, сельскій староста, по просьбѣ подрядчика еврея Реунца, наказалъ розгами на сельскомъ сходѣ башкировъ братьевъ Хулиновыхъ и другихъ за недоставку Реунцу кулья и проч. по условіямъ. Между тѣмъ эти условія Реунца съ башкирами о поставкѣ кулья и проч., по дознанію, возбужденному ревизовавшимъ губернію сенаторомъ Ковалевскимъ, были найдены подложными, о чемъ производилось слѣдствіе въ то самое время, когда несчастныхъ башкиръ сѣкли за неисполненіе ихъ. Въ томъ же 1881 году, въ тетіевскомъ волостномъ правленіи, Таращанскаго уѣзда, Кіевской губерніи, наказаны розгами восемь крестьянъ, „стариковъ“. Все это люди, занимавшіе въ своей средѣ видное общественное положеніе, что доказывается ихъ службою въ должностяхъ церковныхъ и сельскихъ старостъ, волостныхъ судей и т. п. По своимъ личнымъ качествамъ они пользовались симпатіею и уваженіемъ всего общества. Подъ розги же они попали изъ-за того, что крестьяне препятствовали помѣщику Рогозинскому заорать толоку, т. е. произвести посѣвъ на тѣхъ поляхъ, которыя находятся подъ паромъ, вмѣстѣ съ общественной землею, и обсѣмененіе которыхъ лишило бы ихъ возможности пользоваться пастьбою

даже на собственныхъ земляхъ. Въ 1884 году, у арендатора села Мармуліевки, Сквирскаго уѣзда, Кіевской губерніи, были украдены изъ кладовой съѣстные припасы и боченокъ водки. Потерпѣвшій заявилъ о покражѣ мѣстному сельскому старостѣ. Осмотрѣвъ мѣсто происшествія, староста пришелъ къ заключенію, что кража сдѣлана ни кѣмъ инымъ, какъ домашней прислугою арендатора. Немедленно были собраны всѣ подозрѣваемые, въ числѣ 9 человѣкъ, и староста приступилъ къ допросу. Какъ онъ ни убѣждалъ сознаться, заподозрѣнные твердо стояли на своемъ, что знать не знаютъ и вѣдать не вѣдаютъ. Истощивъ все свое краснорѣчіе, староста велѣлъ принести розогъ и поочереди пересѣчь всѣхъ подозрѣваемыхъ. Но тѣ и подъ розгами не сознались и виновникъ кражи такъ и остался не открытымъ. Въ 1885 году, глажевскій волостной судъ, въ Новоладожскомъ уѣздѣ, Петербургской губерніи, по жалобѣ дровопромышленника купца Малышева, на крестьянина деревни Шелгино, Александра Степанова, за неотработку послѣднимъ взятыхъ у Малышева денегъ подъ лѣсныя заготовки, постановилъ наказать Степанова 20 ударами розогъ и взыскать съ него деньги.

Если всякій землевладѣлецъ, кулакъ и т. д., желая свести личные счеты съ непріятнымъ ему по чему-либо крестьяниномъ, такъ легко можетъ подвергнуть его тѣлесному наказанію при посредствѣ сельскаго и волостнаго начальства, то послѣ этого что-же удивительнаго, если болѣе смѣлые и сильные люди тяготятся необходимостью прибѣгать къ посредству волостныхъ и сельскихъ властей и расправляются съ крестьянами своимъ судомъ, избивая ихъ розгами и нагайками. Кто мало-мальски чувствуетъ свою силу въ деревнѣ, тотъ уже считаетъ себя въ правѣ творить судъ и расправу надъ крестьянами собственноручно. Такъ, въ 1882 году, близъ Рязани, въ пригородномъ селѣ Кузминскомъ, былъ большой пожаръ и при этомъ произошелъ слѣдующій случай. На другой день послѣ пожара, прискакалъ въ село верхомъ на лошади мѣстный мировой судья, князь Крапоткинъ и сталъ сгонять нагайкою крестьянъ, приказывая тушить пожаръ въ тѣхъ 130 крестьянскихъ дворахъ, которые сгорѣли въ селѣ до тла еще наканунѣ. Разъѣзжая по пожарищу съ плетью въ рукѣ, судья отхлысталъ ни за что, ни про что сельскаго старосту, избилъ нагайкою же старика Бѣляева и изсѣкъ еще нѣсколькихъ крестьянъ, случайно попавшихся ему подъ руку. Сынъ крестьянина Бѣляева, видя избитымъ своего старика-отца, въ по-

рывѣ негодованія на судью, послалъ его „къ чорту", при всемъ народѣ, умоляя толпу вступиться заотца, и послѣ порицалъ Крапоткина за его самоуправство. Узнавъ объ этомъ, мировой судья Крапоткинъ страшно разсвирѣпѣлъ и тотчасъ послалъ мѣстнаго урядника Тверитинова составить протоколъ объ оскорбленіи мироваго судьи при исполненіи служебныхъ обязанностей, сыномъ крестьянина Бѣляева. Еще возмутительнѣе другой случай, который въ особенности интересенъ въ томъ отношеніи, что здѣсь тѣлесное наказаніе крестьянъ по волѣ частнаго лица практиковалось систематически, причемъ дерзкій самодуръ съ изумительною наглостью осмѣливался передразнивать законныя формы судопроизводства. Въ 1882 году въ одномъ богатомъ имѣніи Уманскаго уѣзда, Кіевской губерніи, управляющій учредилъ самосудъ для всего окружнаго крестьянскаго населенія. Всякій мелкій воришка, или работникъ, неисполнившій урочной работы, подвергались поркѣ, которая производилась съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ. Самъ управляющій игралъ роль предсѣдателя и вмѣстѣ прокурора въ этомъ самосудѣ, а старшіе служители экономіи изображали присяжныхъ засѣдателей. На судъ приводится обвиняемый и начинается разборъ дѣла. Наконецъ, управляющій спрашиваетъ присяжныхъ: „какъ наказать?" — „Дать пятьдесятъ нагаекъ",—отвѣчаютъ присяжные и тутъ же происходитъ экзекуція. Разъ чумаки изъ чужаго села, пріѣхавшіе за пшеницей и нечаянно пустившіе воловъ въ хлѣбъ на корню, были высѣчены. Въ 1881 году, объѣзжая работы, управляющій увидѣлъ, что наемный мальчикъ бьетъ лѣниваго вола. За это управляющій страшно избилъ мальчика нагайкою. По свидѣтельству врача, раны оказались хотя неопасными, но очень жестокими. Вообще нужно замѣтить, что у насъ есть много охотниковъ высѣчь мужика розгами, или избить нагайкою. Въ селѣ они не встрѣчаютъ почти никакихъ преградъ своимъ дикимъ инстинктамъ и даютъ имъ полную волю. Но какъ только любители нагаекъ и розогъ переходятъ изъ деревни въ городъ, то здѣсь они тотчасъ какъ будто перерождаются, дѣлаются совсѣмъ другими людьми, не смѣютъ болѣе давать воли рукамъ и почти забываютъ, что есть на свѣтѣ розги и нагайки.

Женщины нигдѣ не подвергаются такимъ грубымъ и наглымъ насиліямъ, и женская честь нигдѣ не предается такимъ возмутительнымъ поруганіямъ, какъ въ деревнѣ. Въ этомъ отношеніи простота деревенскихъ нравовъ поразительна и съ

нею могутъ выдержать сравненіе развѣ только обычаи дикарей. Впрочемъ въ отношеніяхъ дикарей къ женщинѣ главную роль играетъ почти дѣтская наивность, а у насъ въ деревнѣ,— безнравственность, дошедшая до скотства. Для примѣра приведемъ нѣсколько случаевъ, показывающихъ, какъ слабо ограждены въ деревнѣ права женщины. Въ 1882 году, въ селѣ Вѣнцѣ, Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, праздновалась свадьба у крестьянина Глазунова. На свадебный пиръ явился, безъ приглашенія, пьяный урядникъ. Посидѣвъ нѣсколько времени въ избѣ, онъ вышелъ на улицу, но тотчасъ возвратился назадъ, заявивъ, что у него угнали лошадь, и арестовалъ отца невѣсты, брата и человѣкъ шесть гостей. Въ числѣ арестованныхъ была также молодая крестьянка Пелагея Костричина. Мужъ ея поспѣшилъ въ квартиру урядника, чтобы разъяснить причину ареста жены. Войдя въ домъ, онъ увидѣлъ, что урядникъ сидитъ на возвышенномъ мѣстѣ, нарочно приготовленномъ для того, чтобы сообщить бо̀льшую торжественность обстановкѣ. Передъ нимъ стоитъ Кастричина, которой урядникъ приказываетъ снимать одежду. Та не соглашается раздѣваться на глазахъ пьянаго мужчины, а урядникъ, внѣ себя отъ гнѣва, махаетъ обнаженною шашкою и кричитъ; „слушать меня!“ Шашка задѣла бѣдную женщину и разсѣкла ей кисть руки. Еще отвратительнѣе былъ случай въ Коневскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, лѣтомъ 1884 г. Крестьянка, дѣвица Е. Ш., пожаловалась сельскому старостѣ села Дыбинецъ, Терентію Горовенко, что паробокъ, крестьянинъ Цюрина, оклеветалъ ее въ развратномъ поведеніи. Староста пригласилъ въ сельскую управу жалобщицу, обвиняемаго, трехъ его товарищей — паробковъ и человѣкъ сорокъ домохозяевъ. Когда всѣ собрались, староста началъ разборъ жалобы тѣмъ, что спросилъ жалобщицу, – честнаго-ли она поведенія. Та даетъ утвердительный отвѣтъ, а Цюрина съ товарищами оспариваютъ её. Завязывается споръ, въ которомъ дѣвушка защищается, какъ можетъ, а сорокъ домохозяевъ слушаютъ. Наконецъ, староста, для разрѣшенія спора, приказываетъ снять съ дѣвушки головной уборъ и раздѣть её. Когда она осталась въ одной рубахѣ, её заперли въ „холодную“ при управѣ, а староста сталъ посылать къ ней поочередно обвиняемаго и его товарищей, чтобы они фактически разрѣшили споръ о цѣломудренномъ поведеніи жалобщицы. Пока тѣ производили порученное имъ слѣдствіе, староста стоялъ у дверей и лично наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ своего порученія. Нако-

пецъ, убѣдившись, что обвиненіе паробка Цюрины неосновательно, а, напротивъ, виновата жалобщица, староста приказалъ Цюринѣ покрыть ей голову платкомъ, который обыкновенно носятъ замужнія женщины, и вмѣстѣ съ тѣмъ присудилъ съ нея въ пользу Цюрины 10 рублей. Въ томъ-же Коневскомъ уѣздѣ, въ 1884 году, былъ найденъ въ одной деревнѣ мертворожденный ребенокъ. Чтобы открыть виноватую, волостной старшина Лавриненко приказалъ вызвать на 14 декабря въ волостное правленіе опытныхъ повитухъ и согнать туда-же всѣхъ крестьянскихъ дѣвушекъ, которымъ и произвести осмотръ чрезъ повитухъ. Десятскіе точно исполнили приказаніе и каждый изъ нихъ, предводительствуя гурьбою дѣвокъ, распѣвавшихъ веселыя пѣсни, велъ ихъ въ правленіе на смотръ. Со всѣхъ концовъ села раздавались отголоски пѣсенъ и по улицамъ тянулись отряды дѣвушекъ, разодѣтыхъ въ праздничные наряды. Въ волостномъ правленіи всѣхъ ихъ свидѣтельствовали повитухи и потомъ распускали домой, а заподозрѣнныхъ оставляли.

Безцеремонные осмотры крестьянскихъ женщинъ у насъ случаются довольно часто, но далеко не вездѣ женщины относятся къ нимъ такъ равнодушно и даже весело, какъ въ Коневскомъ уѣздѣ. Напротивъ, осмотры глубоко возмущаютъ чувство женской стыдливости. Въ такомъ смыслѣ мы имѣемъ одно сообщеніе, сдѣланное въ 1882 году, изъ Брацлавскаго уѣзда, Подольской губерніи, гдѣ, по мѣстечкамъ, существуетъ варварскій обычай дѣлать медицинскій осмотръ служанкамъ, преимущественно, живущимъ у евреевъ. Для этого, разъ или два въ мѣсяцъ, по субботамъ, ихъ сгоняютъ на этапный дворъ и тамъ производится возмутительный осмотръ. Осмотру подвергаются исключительно однѣ женщины. Мужчины избавлены отъ осмотра, потому что они равнодушно относятся къ нему и никто не думаетъ откупаться. Женщины-же, при сильно развитомъ въ нихъ чувствѣ стыдливости, глубоко возмущаются этими гадкими осмотрами и готовы платить деньги, чтобы только мужчина не смотрѣлъ ихъ, чтобы „не мерзили ихъ тѣла". Кто откупится деньгами, тѣхъ не смотрятъ, не мерзятъ. Притомъ-же подвергаютъ врачебному освидѣтельствованію одну лишь женскую прислугу изъ крестьянокъ, которыя считаютъ позорный осмотръ равносильнымъ потерѣ цѣломудрія и, обыкновенно, послѣ этого пускаются во вся тяжкая. Къ женщинамъ изъ привиллегированныхъ классовъ не смѣетъ прикоснуться нахальная рука ни полицейскаго солдата, ни полицей-

скаго врача. Даже женская прислуга изъ евреевъ и та избавлена отъ омерзительнаго осмотра, потому что евреи будутъ жаловаться, будутъ отыскивать свои права, за нихъ есть кому вступиться,—а кто вступится за поруганную честь, за „омерзеніе" тѣла крестьянки?!

III.

Тяжело и дурно жить въ деревнѣ, а между тѣмъ сколько самой трогательной заботливости о благѣ сельскаго жителя мы видимъ здѣсь то и дѣло; какое нѣжное ухаживанье за мужикомъ встрѣчаемъ мы почти на каждомъ шагу, какъ только выберемся вонъ изъ города. Ну, право, жена Горичева въ комедіи Грибоѣдова такъ не заботилась о здоровьѣ и удовольствіяхъ своего мужа, какъ у насъ заботятся о мужикѣ. Городской житель не пользуется даже сотою долею тѣхъ отеческихъ попеченій, какими со всѣхъ сторонъ окружена жизнь мужика. Между тѣмъ горожанинъ очень доволенъ и счастливъ, что его оставляютъ въ покоѣ. И дѣйствительно, жизнь въ городѣ, при отсутствіи опеки на каждомъ шагу, идетъ много проще и правильнѣе, чѣмъ въ деревнѣ. Въ селѣ-же отеческая заботливость о благѣ мужика обставила жизнь такимъ безчисленнымъ множествомъ правилъ и ограниченій, что мужикъ потерялъ ясное представленіе о томъ, что̀ запрещено и что̀ позволено ему, и только объ одномъ молитъ начальство, въ лицѣ какого-нибудь урядника,—что хочешь бери, лишь дай вздохнуть свободно, по человѣчески. Урядники-же, пользуясь невѣжествомъ и правовою приниженностью мужика, берутъ съ него, сколько возможно, и куралесятъ по деревнямъ такъ, что городской житель приходитъ въ тупикъ и перестаетъ понимать, что такое творится въ деревнѣ. Для примѣра, приведемъ слѣдующее сообщеніе изъ Минской губерніи, сдѣланное въ 1882 году. Мѣстный наблюдатель указываетъ на „слабость нашей администраціи благодѣтельствовать крестьянамъ разными административными распоряженіями. Этими распоряженіями силятся произвести улучшенія въ крестьянскомъ быту. Но ожидаемаго дѣйствія, обыкновенно, они не производятъ, а производятъ нѣчто совсѣмъ другое—доставляютъ мелкимъ властямъ доходъ за позволеніе обывателямъ уклоняться отъ исполненія благодѣтельныхъ распоряженій начальства. Въ послѣднее время, по случаю эпидемій, пожаровъ и пр., особенно много

распоряженій сыпалось на головы крестьянъ и назначенъ новый блюститель за исполненіемъ всѣхъ этихъ распоряженій — урядникъ. Разъѣзжаетъ этотъ урядникъ по ввѣренному ему участку и собираетъ съ крестьянъ за уклоненія отъ многочисленныхъ распоряженій начальства. Въ виду частыхъ пожаровъ въ деревняхъ, вышло распоряженіе о запрещеніи крестьянамъ молотить при огнѣ. Если принять въ соображеніе короткость зимняго дня, то мужику, при исполненіи этого распоряженія, пришлось-бы, вѣроятно, совсѣмъ не молотить. Вѣдь день-то не больше восьми, девяти часовъ, а мужику нужно за зиму и дровъ въ лѣсу нарубить и навозить, чтобы они за лѣто высохли, и сѣно перевезти съ болотъ, которыя лѣтомъ для конныхъ недоступны, — все работы, которыя могутъ исполняться только днемъ. Поэтому мужикъ молотитъ только досвѣтками, т. е. часовъ съ 4-хъ утра, до разсвѣта. Какъ тутъ быть. Но благодѣтельный урядникъ является на выручку. Онъ собираетъ съ деревни по гарнцу, по два ржи съ хаты и благодушно разрѣшаетъ молотить, когда угодно. Точно также, напримѣръ, запрещено сушить ленъ въ овинахъ; всѣхъ запрещеній не перечтешь. Но все это урядникъ, за извѣстное вознагражденіе, позволяетъ дѣлать. За то позднею осенью можно видѣть маленькіе обозы, направляющіеся отъ деревень къ жилищу урядника: это везутъ дань за право уклоняться отъ исполненія распоряженій высшаго начальства". Точно также, въ 1882 году, въ Саратовской губерніи, урядникъ села Синенькихъ, получивъ предписаніе начальства наблюдать за обмазкою крестьянами соломенныхъ крышъ глинянымъ растворомъ, понялъ его въ томъ смыслѣ, что это слѣдуетъ сдѣлать немедленно, не смотря ни на какія препятствія. И вотъ въ самое горячее рабочее время онъ сталъ заставлять крестьянъ обмазывать крыши глиною. Напрасно крестьяне возражали ему, указывая, что на ихъ крышахъ остались одни голыя стропила, а солома еще зимою употреблена на кормъ скоту, если-же гдѣ и остались клочки соломы, то они давно сгнили. Напрасно увѣряли урядника, что осенью придется вновь покрывать всѣ крыши и тогда онѣ будутъ обмазаны глиною. Не слушая никакихъ резоновъ, урядникъ составилъ множество актовъ о неисполненіи законныхъ требованій власти, направивъ ихъ къ мировому судьѣ для преслѣдованія ослушниковъ.

И не одно высшее провинціальное начальство стѣсняетъ свободу сельской жизни излишнею опекою надъ мужикомъ, но даже всякій урядникъ норовитъ сдѣлаться законодателемъ въ

своемъ участкѣ и произвольными распоряженіями старается выразить свою заботу о благѣ мужика. Напримѣръ, въ селѣ Яблоновкѣ, Васильковскаго уѣзда, Кіевской губерніи, въ 1882 году былъ урядникъ, который терпѣть не могъ пѣсенъ, и гдѣ, бывало, заслышитъ пѣніе, особенно послѣ сумерекъ, сейчасъ-же составляетъ актъ по обвиненію въ нарушеніи общественной тишины. А „музыки“ урядникъ совсѣмъ вывелъ изъ сельскаго обихода, такъ что даже „веселья“ стали обходиться безъ музыки. Иногда отеческая заботливость урядниковъ о крестьянахъ доходитъ до того, что сельская полицейская власть суетъ насъ даже въ бабьи горшки. Такъ въ 1881 году, въ селѣ Новой Водолагѣ, Харьковской губерніи, урядникъ, зайдя въ одну хату, увидѣлъ, что баба что-то жаритъ въ печи.—„Ты что тамъ жаришь?“—спрашиваетъ урядникъ.—„Жабъ,“—отвѣчаетъ баба.—„Зачѣмъ тебѣ жабы?“—„А для того, чтобы отучить такихъ, какъ ты, вмѣшиваться не въ свое дѣло“. Урядникъ заподозрилъ, что баба дѣлаетъ что-то недоброе, и поспѣшилъ донести становому, а тотъ, со словъ урядника, сообщилъ судебному слѣдователю, что такая-то баба жарила жабъ, съ цѣлью отравленія кого то. Судебный слѣдователь, въ свою очередь, послалъ становому приставу бумагу въ которой просилъ изслѣдовать, ядовиты-ли тѣ жабы, которыхъ жарила баба. Вотъ чѣмъ занимаются власти, изображающія изъ себя высшее начальство въ деревняхъ! Конечно, никто не похвалитъ ихъ за такія занятія,—но справедливо-ли будетъ всю вину сваливать на какихъ-нибудь урядниковъ и въ нихъ однихъ видѣть причину тѣхъ многочисленныхъ стѣсненій и излишнихъ заботъ о мужикѣ, которыми обставлена у насъ деревенская жизнь? Отчего-же въ городахъ полиція не дѣлаетъ того, чѣмъ занимаются урядники по деревнямъ? Отчего опека попечительнаго начальства въ гораздо болѣе слабой степени стѣсняетъ жизнь обывателя въ городѣ, чѣмъ въ деревнѣ? Отчего и зачѣмъ это такъ?..

Отеческія заботы начальства о благѣ мужика такъ безконечно многочисленны и доходятъ до такихъ пустыхъ мелочей, что мужикъ совсѣмъ потерялъ голову и никакъ не можетъ сообразить, откуда на него сыплется такая благодать. Повинуясь всему, что ни прикажутъ, онъ дошелъ до того, что лишился способности различать законныя требованія власти отъ произвола какихъ-нибудь прохвостовъ, которые, прикрываясь авторитетомъ власти, могутъ продѣлывать въ деревнѣ самыя непозволительныя шутки. Въ этомъ отношеніи разница между

городскимъ и сельскимъ жителями выходитъ громадная. Горожанинъ очень хорошо знаетъ, какая власть и на что̀ именно уполномочена закономъ, какія распоряженія, исходя отъ компетентной власти, обязательны для исполненія, и какія требованія начальства, наоборотъ, необязательны, представляя собою произволъ и злоупотребленіе властью. Оттого городской житель не такъ легко поддается обману и запугиванію со стороны лицъ, облеченныхъ властью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и злоупотребленія властью въ городѣ бываютъ гораздо рѣже и имѣютъ менѣе острый характеръ, чѣмъ въ деревнѣ. Конечно, мы не хотимъ этимъ сказать, что въ городѣ не бываютъ злоупотребленія властью; нѣтъ, и здѣсь они случаются сплошь да рядомъ, но только не отличаются такою поразительною наглостью, какую мы видимъ, напримѣръ, въ дѣятельности одного урядника изъ Осташковскаго уѣзда, Тверской губерніи, который былъ уволенъ въ 1881 году отъ службы за разныя продѣлки. Онъ хотя и имѣлъ званіе личнаго почетнаго гражданина, потому что происходилъ изъ духовнаго званія, но, по неспособности къ наукамъ и страсти къ пьянству, былъ сначала чуть-ли не въ числѣ дворни у одного изъ имѣющихъ вѣсъ уѣздныхъ представителей, затѣмъ служилъ волостнымъ писаремъ и наконецъ, по протекціи своего патрона, получилъ мѣсто урядника. Вкравшись въ довѣріе къ непремѣнному члену и становому приставу и опираясь на ихъ авторитетъ въ глазахъ мѣстнаго населенія, онъ обиралъ свой участокъ, какъ хотѣлъ, и распоряжался въ немъ по своему произволу. Сначала распорядительный урядникъ пустилъ въ ходъ собираніе продуктовъ съ крестьянъ, прикосновенныхъ къ какому-нибудь дѣлу. Онъ ничѣмъ не брезговалъ, собирая жито, овесъ, картофель, а съ бабъ даже сушеныя ягоды. Но этого показалось ему мало и онъ пошелъ дальше въ способахъ наживы. Мужикъ заявляетъ, что его обокрали,—и урядникъ, прежде всего, требуетъ у него денегъ на поѣздку, безъ чего отказывается приступить къ розыскамъ. Строитъ крестьянинъ избу,—урядникъ ѣдетъ мимо и какъ будто не замѣчаетъ, что постройка производится незаконно, но когда все окончено и остается только поставить печь, тутъ онъ является и безъ 3 рублей не позволяетъ дальше ничего дѣлать. Узнаетъ урядникъ, что въ одной изъ деревень его участка впала въ „промашку" дѣвушка и скрыла ребенка,—тутъ опять нажива для него. Урядникъ стращаетъ виноватую актомъ, выпытываетъ, кто отецъ незаконнорожденнаго ребенка и, если видитъ, что нечего взять съ дѣвушки, то требуетъ хотя

бы удовлетворенія половаго аппетита, и потомъ уже приступаетъ къ отцу ребенка съ вымогательствомъ денегъ. Случается пожаръ въ деревнѣ, снова доходная статья для урядника. Погорѣльцамъ нужно строиться, а безъ плана нельзя возводить построекъ въ погорѣвшемъ селеніи, и вотъ урядникъ собираетъ деньги, кто сколько можетъ дать, и разрѣшаетъ имъ строиться. Послѣ него пріѣзжаютъ лица, отъ которыхъ зависитъ распланировка селенія и, найдя безпорядокъ въ постройкахъ, приказываютъ переносить ихъ на новыя мѣста. Долго подобныя продѣлки благополучно сходили съ рукъ урядику, пока онъ не попался по слѣдующему случаю. Сгорѣли постройки одного частнаго владѣльца, застрахованныя въ земствѣ. Узнавъ объ этомъ, урядникъ явился съ понятыми и, нагнавъ страхъ на семью владѣльца, объявилъ, что пока не получитъ 20 рублей, до тѣхъ поръ не выдастъ бумагъ, необходимыхъ для полученія страховой суммы. Хозяина въ это время не случилось дома, а семья его, напуганная угрозами урядника и боясь лишиться вознагражденія за пожарные убытки, дала взятку въ 15 рублей. Объ этой продѣлкѣ узналъ исправникъ и уволилъ урядника отъ должности.

Вотъ и еще свѣдѣнія о другомъ урядникѣ, который ни въ чемъ не уступаетъ только что описанному урядику изъ Осташковскаго уѣзда. Въ воронежскомъ окружномъ судѣ, 28 марта 1881 года, разбиралось дѣло о 18-ти-лѣтнемъ юношѣ Б., бывшемъ урядникѣ, Новохоростанской волости, Коротоякскаго уѣзда, обвинявшемся въ преступленіяхъ по должности. Этотъ процессъ обнаружилъ слѣдующіе факты изъ служебной дѣятельности сельскаго блюстителя порядка. Разъ урядникъ Б. обратился къ кабаччику Ижогину съ требованіемъ забить дверь, ведущую, вопреки закона, изъ кабака въ жилую комнату, грозя, въ противномъ случаѣ, составить актъ. Находя такое требованіе стѣснительнымъ для себя, Ижогинъ сталъ упрашивать урядника, чтобы онъ оставилъ дверь свободною. За двѣ пятирублевыя депозитки просьба кабаччика была исполнена, и Ижогинъ на этотъ разъ былъ оставленъ въ покоѣ. Но чѣмъ дальше шло дѣло, тѣмъ урядникъ становился все притязательнѣе и требовательнѣе, такъ что кабаччикъ, наконецъ, былъ вынужденъ принести жалобу на него. Вслѣдствіе этого, урядникъ былъ переведенъ въ Олень-Колодезь и вскорѣ совсѣмъ уволенъ отъ службы, по случаю назначенія слѣдствія о его неправильныхъ дѣйствіяхъ. Тутъ начали всплывать наружу и другія продѣлки урядника. Напримѣръ, за 25 рублей и за безденежный отпускъ

разнаго товара уряднику, кабаччикъ и содержатель бѣлой харчевни, Бурыкинъ, получилъ отъ него позволеніе отмѣривать водку посудою неузаконенной емкости. За тотъ же счетъ Бурыкинъ изъ бѣлой харчевни и кабака торговалъ безъ документовъ винами, балыками, икрою, сардинами, фруктовыми водами и т. п. Точно также съ одного крестьянина, за отступленіе отъ строительнаго устава при постройкѣ дома, урядникъ требовалъ 5 рублей, но, за неимѣніемъ у него такой суммы, взялъ съ него только 2 рубля. Сверхъ того урядникъ, собиралъ съ крестьянъ и натурою, напримѣръ, плетнями для домообзаведенія, сѣномъ и овсомъ для лошади, арбузами и даровымъ столомъ для себя и т. п. Изъ совокупности свидѣтельскихъ показаній выяснилось также, что безплатное пользованіе крестьянскимъ овсомъ и сѣномъ, практиковалось всѣми бывшими въ этой мѣстности урядниками и вошло въ обычный порядокъ вещей. Свидѣтель сотскій показалъ, что онъ однажды былъ даже побитъ однимъ изъ урядниковъ за отказъ въ провіантѣ для лошади. Послѣ недолгаго совѣщанія, присяжные засѣдатели признали бывшаго урядника Б. виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія. Судъ приговорилъ Б. къ заключенію въ рабочемъ домѣ на 1 годъ и 4 мѣсяца.

Въ печати и на судѣ уже достаточно выяснилось, что урядники, вообще, болѣе или менѣе походятъ на представленные нами образцы. Впрочемъ сходство здѣсь проявляется только въ общихъ чертахъ, въ частности же урядники не рѣдко представляютъ весьма значительныя уклоненія отъ приведенныхъ образцовъ. Напримѣръ, иные урядники отличаются воинственнымъ духомъ, почему они не ограничиваются взяточничествомъ по поводу исполненія служебныхъ обязанностей, но самовольно берутъ, что̀ имъ вздумается, основывая свое право на одной лишь силѣ. Такъ, лѣтомъ 1882 года, крестьяне деревни Андреевой, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, начали замѣчать, что кто-то выкашиваетъ овесъ въ ихъ поляхъ и воруетъ сжатые снопы изъ копенъ. Начали стеречь вора по ночамъ и, къ изумленію, увидѣли, что воровать овесъ пришелъ мѣстный урядникъ въ сопровожденіи мальчика лѣтъ 10—12-ти. Когда они возвращались изъ поля съ накошеннымъ овсомъ, мужики остановили ихъ. Но урядникъ, не потерявъ присутствія духа, обругалъ мужиковъ и пригрозилъ имъ тюрьмою и каторгою за то, что осмѣлились остановить представителя полицейской власти. Мужики тоже не струсили предъ угрозами. Тогда урядникъ послалъ бывшаго съ нимъ мальчика на квартиру прине-

сти принадлежности полицейской формы. Живо были принесены револьверъ, шашка и нагайка, и испуганные крестьяне обратились въ бѣгство, предоставивъ побѣду силѣ оружія. Объ этомъ происшествіи, по порученію богородскаго исправника, было произведено становымъ приставомъ дознаніе, вполнѣ обнаружившее описанный подвигъ урядника.

Другіе урядники отличаются болѣе мирнымъ направленіемъ и, не прибѣгая къ грубымъ угрозамъ и насиліямъ, обираютъ простаковъ при помощи остроты и изворотливости своего ума, которыя проявляются въ мошенническихъ продѣлкахъ. Образецъ подобнаго рода личностей весьма рельефно обрисовывается въ уголовномъ процессѣ, бывшемъ въ 1882 году въ Тамбовскомъ окружномъ судѣ. Дѣло возникло изъ того, что 8 сентября 1881 года, кирсановскій уѣздный исправникъ, вслѣдствіе предложенія прокурора окружнаго суда, препроводилъ судебному слѣдователю дознаніе объ урядникѣ 3-го участка, Кирсановскаго уѣзда, дворянинѣ Петрѣ Сѣдиновѣ, обвиняемомъ въ мошенничествѣ. Произведеннымъ дознаніемъ и слѣдствіемъ обнаруженъ цѣлый рядъ подвиговъ урядника. Такъ, въ іюнѣ 1881 года, во время уборки ржи, сынъ землевладѣльца Льва Александрова обратился къ Сѣдинову, по должности урядника, съ просьбою о понужденіи крестьянъ явиться для исполненія полевыхъ работъ въ имѣніи его отца при селѣ Красивкѣ. Сѣдиновъ охотно согласился быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ, но просилъ дать ему лошадь для разъѣздовъ по деревнямъ, потому что собственная лошадь урядника захворала. Лошадь была дана, но не была возвращена, по минованіи въ ней надобности, и продана Сѣдиновымъ крестьянину Широватову за 28 рублей. Въ томъ же году, Сѣдиновъ, заѣхавъ къ землевладѣльцу Александру Дьякову, довѣріемъ котораго онъ до тѣхъ поръ пользовался, разсказалъ, что исправникъ далъ ему, Сѣдинову, порученіе преслѣдовать лицъ, занимающихся распространеніемъ между крестьянами разныхъ тревожныхъ слуховъ, возбуждающихъ въ нихъ смуту и неосновательныя надежды. Для исполненія этого порученія Сѣдиновъ просилъ ссудить его статскимъ платьемъ. Дьяковъ тотчасъ далъ ему лисій полушубокъ, но обратно его не получилъ: полушубокъ, подобно лошади, былъ проданъ Сѣдиновымъ. Затѣмъ 23 февраля 1882 года, у запаснаго старшаго писаря Ляпунцова, остановившагося въ Тамбовѣ въ гостинницѣ Дубровина, произведена кража часовъ, въ совершеніи которой заподозрѣнъ Сѣдиновъ, бывшій въ этотъ самый день въ нумерѣ у потерпѣвшаго. Свидѣтель-

скими показаніями удостовѣрено, что едва Сѣдиновъ вышелъ изъ гостинницы, какъ вслѣдъ за нимъ отправленъ нумерной, которому, при содѣйствіи городоваго, и удалось его задержать. Задержанный Сѣдиновъ, на обратномъ пути въ гостинницу, гдѣ его уже ожидалъ полицейскій приставъ, успѣлъ, незамѣтно для провожавшихъ, переложить часы изъ жилетнаго кармана въ брюки, привязавъ ихъ на снурокъ къ поясу, почему при обыскѣ у него ничего не было найдено. Препровожденный въ участокъ, опять таки незамѣтно для стражи, онъ выбросилъ часы на мостовую. Будучи привлеченъ къ отвѣтственности, Сѣдиновъ виновнымъ себя не призналъ. По справкамъ о судимости, наведеннымъ судебнымъ слѣдователемъ, оказалось, что Сѣдиновъ, еще въ 1872 году, будучи 16-лѣтнимъ мальчикомъ, по приговору тамбовскаго окружнаго суда, былъ подвергнутъ за кражу домашнему исправительному наказанію. Затѣмъ, въ 1874 году, тѣмъ же судомъ онъ былъ подвергнутъ за растрату четырехмѣсячному тюремному заключенію, безъ лишенія правъ. Наконецъ, въ 1878 году, состоя въ военной службѣ въ 78 резервномъ баталіонѣ, за ослушаніе начальства, по приговору военно-окружнаго суда, выдержанъ $1\frac{1}{2}$ года въ дисциплинарномъ баталіонѣ. Вновь преданный суду за преступленія, совершенныя въ должности урядника, Сѣдиновъ былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ тамбовскимъ окружнымъ судомъ, по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, къ ссылкѣ на житье въ Архангельскую губернію.

Было бы большою ошибкою, на основаніи приведенныхъ случаевъ, выводить заключеніе о томъ, что вся бѣда заключается въ неудовлетворительности личнаго состава полицейскихъ урядниковъ, въ ихъ личныхъ качествахъ, несоотвѣтствующихъ ихъ служебному назначенію. Напротивъ, многочисленные судебные процессы вполнѣ выясняютъ намъ, что, опредѣлившійся въ далеко несимпатичныхъ чертахъ, характеръ дѣятельности урядниковъ обусловливается не столько ихъ личными качествами, сколько свойствами той деревенской среды, въ которой имъ приходится дѣйствовать. Вся дѣятельность урядниковъ есть ничто иное, какъ приспособленіе къ средѣ. И дѣйствительно, личныя качества жертвъ урядничьихъ злоупотребленій, если не въ большей, то въ одинаковой степени съ личными качествами самихъ урядниковъ способствуютъ злоупотребленіямъ властью. Если урядники, съ одной стороны, склонны злоупотреблять своею властью, то, съ другой стороны, де-

ревенскіе жители еще болѣе того склонны дѣлаться жертвами злоупотребленій. При такомъ положеніи, для урядниковъ даже не требуется выдающихся воровскихъ талантовъ, чтобы обирать деревенскихъ жителей, которые сами чуть ни на каждомъ шагу, почти напрашиваются на то, чтобы ихъ обобрали. Вотъ нѣсколько случаевъ для характеристики той деревенской среды, въ которой урядники находятъ своихъ жертвъ. 30 апрѣля 1882 года, въ симферопольскомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло объ урядникѣ Калашниковѣ, обвинявшемся въ лихоимствѣ и превышеніи власти. На судѣ выяснилось, что въ одной деревнѣ проживалъ татаринъ 20 лѣтъ. Однажды къ нему является урядникъ и требуетъ отъ него паспорта. Татаринъ, какъ крымскій старожилъ, не имѣлъ паспорта. Урядникъ побилъ его плеткою, связалъ руки и потащилъ къ себѣ на квартиру. Посидѣвъ тамъ въ заперти, татаринъ согласился продать послѣднюю пару воловъ и заплатилъ уряднику 20 рублей, за что и получилъ свободу. Присяжные признали подсудимаго виновнымъ и судъ приговорилъ его къ четырехмѣсячному тюремному заключенію. Или вотъ другой, подобный же случай. 22 іюня 1880 года, полицейскій урядникъ Смирновъ, прибывъ въ деревню Курени, вмѣстѣ съ предшественникомъ своимъ, бывшимъ полицейскимъ урядникомъ Колосовымъ, остановился въ домѣ десятскаго Петрова. Здѣсь онъ узналъ о кражѣ у крестьянина Осипова сѣделки и разсохи, послѣ чего тотчасъ приступилъ къ допросу лицъ, отъ которыхъ можно было получить какія-нибудь указанія относительно этой кражи. Потомъ, призвавъ къ себѣ заподозрѣннаго въ воровствѣ крестьянина Семенова, сталъ вмѣстѣ съ Колосовымъ, грозить ему отвѣтственностью, увѣряя, что за это отдадутъ его въ солдаты. Мужикъ струсилъ и повалился въ ноги уряднику, прося о пощадѣ. Но всѣ просьбы его были напрасны,—урядникъ оставался неумолимъ. Возвращаясь домой, Семеновъ, въ сѣняхъ избы сотскаго, былъ остановленъ Колосовымъ, который посовѣтовалъ ему покончить дѣло миромъ и требовалъ съ него за это 50 рублей для Смирнова, говоря, что тотъ меньше не возьметъ. Но у Семенова не оказалось такой суммы и онъ ушелъ домой въ полной увѣренности, что грозный урядникъ отдастъ его въ солдаты. Однако на слѣдующій день Семенова вновь вызвали въ старостину избу и здѣсь Колосовъ снова сталъ уговаривать, чтобы онъ заплатилъ Смирнову 50 рублей за прекращеніе дѣла о кражѣ сѣделки и разсохи. Семеновъ не давалъ больше 10 рублей. Сначала Колосовъ не уступалъ,

но потомъ сталъ постепенно понижать требуемую сумму, и наконецъ они согласились на 10 руб. Когда соглашеніе состоялось, Семеновъ, по совѣту Колосова, вошелъ въ избу, повалился въ ноги уряднику и просилъ пожалѣть его.—„Ну, вынимай деньги“,—сказалъ урядникъ. Тутъ же деньги были вынуты и отданы Колосову, а тотъ положилъ ихъ на столъ предъ Смирновымъ. За эту продѣлку были преданы суду—Смирновъ по обвиненію въ вымогательствѣ, а Колосовъ въ пособничествѣ къ совершенію этого преступленія. Присяжные признали ихъ виновными, почему подсудимые приговорены симбирскимъ окружнымъ судомъ къ уплатѣ въ пользу земства суммы, равной стоимости принятаго подарка, и сверхъ того Смирновъ къ отрѣшенію отъ должности по суду. Не менѣе характернымъ, представляется слѣдующій случай, бывшій предметомъ разбирательства въ симферопольскомъ окружномъ судѣ. Въ октябрѣ 1879 года, мѣщанка Геня Сахина, заявила товарищу прокурора, что полицейскій урядникъ Малярчукъ взялъ съ нея взятку и вымогалъ деньги. Дѣло происходило такъ. Разъ, передъ вечеромъ, урядникъ, въ сопровожденіи сельскихъ властей, пришелъ въ шинокъ Сахиной, снялъ со стѣны патентъ, выданный еще ея отцу, и объявилъ, что этотъ патентъ не дѣйствителенъ и она заплатитъ за это штрафъ въ 300 рублей Положивъ патентъ въ карманъ, урядникъ вошелъ въ ея коморку, а пришедшія съ нимъ власти остались въ шинкѣ. Сахина, въ присутствіи своей работницы Гринштейнъ, стала упрашивать урядника простить ее и предложила ему за это двѣ серебряныя, вызолоченныя рюмки. Урядникъ взялъ рюмки и потребовалъ еще 100 рублей. Начался торгъ, урядникъ сдѣлалъ уступку и Сахина отдала ему 50 рублей. Тогда урядникъ опять повѣсилъ патентъ на старое мѣсто и ушелъ изъ шинка. Преданный суду, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, урядникъ Малярчукъ признанъ виновнымъ и приговоренъ за лихоимство, по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, къ заключенію въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи на 1 годъ и 3 мѣсяца и сверхъ того присужденъ ко взысканію съ него въ пользу таврическаго земства 62 рублей. Такимъ образомъ, во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ мы видимъ, что полицейскимъ урядникамъ приходится дѣйствовать въ такой загнанной, забитой и невѣжественной средѣ, гдѣ люди не только не могутъ дать отпоръ злоупотребленіямъ и произволу, не только не въ состояніи отстоять неприкосновенность своихъ

правъ, но даже совсѣмъ не сознаютъ этихъ правъ и считаютъ за непреложное слово закона самую пошлую и нелѣпую выдумку не менѣе ихъ невѣжественнаго урядника. Жалокъ этотъ темный, приниженный, неполноправный народъ, эти простые деревенскіе люди, трепещущіе предъ урядникомъ въ сознаніи своего отчасти дѣйствительнаго, а отчасти мнимаго безправія, и принимающіе всякую грубую выдумку урядника за обязательное велѣніе закона. Но вотъ что странно: тѣ же самые темные люди, тѣ же мужики, придя въ городъ, вѣдь не просвѣщаются здѣсь и не становятся совсѣмъ другими людьми, а между тѣмъ здѣсь бываютъ сравнительно рѣдки случаи обмана и застращиванія ихъ въ такой грубой формѣ, какъ мы видимъ это въ дѣятельности полицейскихъ урядниковъ. Отчего же въ деревнѣ люди поддаются обманамъ и застращиваньямъ легче, чѣмъ въ городѣ? Не показываетъ ли это, что въ городѣ наши права ограждены гораздо прочнѣе, чѣмъ въ деревнѣ, гдѣ сознаніе необезпеченности права вызываетъ въ людяхъ вѣру въ безграничное могущество урядника и въ непреложную силу его требованій, даже самыхъ нелѣпыхъ?..

Въ деревнѣ урядникъ чувствуетъ необычайную развязность и даже дерзость не предъ одними крестьянами, но старается дѣйствовать устрашающимъ образомъ и на людей, которые, по общественному положенію, стоятъ несравненно выше его, знаютъ свои права и ограждены отъ произвола не только общими законами, но и своимъ служебнымъ положеніемъ, которое обезпечиваетъ для нихъ дѣятельную защиту со стороны ихъ начальства. Мы съ изумленіемъ видимъ, что урядникъ относится къ мировому судьѣ, или священнику развѣ немного лучше, чѣмъ къ крестьянину, стараясь и ихъ застращать своею властью. Нѣтъ дѣла до того, удается или нѣтъ уряднику устрашить мироваго судью или священника; достаточно уже того, что онъ чувствуетъ въ себѣ настолько смѣлости, чтобы грозить имъ своею властью. Напримѣръ, въ 1881 году, въ селѣ Рыбномъ, Вольскаго уѣзда, Саратовской губерніи, полицейскій урядникъ избилъ до полусмерти церковнаго старосту, крестьянина Максима Пискунова. Черезъ два дня тотъ же урядникъ, въ присутствіи постороннихъ лицъ, около церкви сталъ оскорблять и кричать на священника, когда тотъ шелъ совершать погребеніе. Священникъ замѣтилъ уряднику, что онъ не начальникъ, а что начальникъ надъ священникомъ архіерей. Въ отвѣтъ на это урядникъ съ азартомъ закричалъ: „вы ничего не понимаете! Я власть, я больше

архіерея и знать ничего не хочу". Подобный же случай былъ въ 1882 году съ мировымъ судьею въ мѣстечкѣ Бѣлоцерковкѣ, Харольскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Судья, по заочному рѣшенію, присудилъ взыскать съ мѣстнаго урядника Собѣневскаго 11 рублей въ пользу хозяина постоялаго двора, которому урядникъ не заплатилъ за квартиру. Урядникъ подалъ отзывъ на заочное рѣшеніе, прося новаго разбора и вмѣстѣ предъявляя къ содержателю постоялаго двора встрѣчный искъ за удержаніе вещей, хотя въ самой жалобѣ сознавался, что хозяинъ только намѣревался удержать вещи урядника за неплатежъ квартирныхъ денегъ, но урядникъ, при помощи сотскихъ, насильно взялъ свои вещи. Мировой судья назначилъ новый разборъ дѣла. Но лишь только началось разбирательство, какъ урядникъ предъявилъ судьѣ отводъ, утверждая, что онъ, урядникъ, производитъ, по жалобѣ постороннихъ лицъ, дознаніе о притѣсненіяхъ, оказываемыхъ мировымъ судьею тяжущимся при выдачѣ копій съ своихъ рѣшеній. Нахалъ громогласно говорилъ мировому судьѣ, что онъ, какъ мѣстная полицейская власть, счелъ долгомъ лично удостовѣриться въ справедливости принесенныхъ ему жалобъ на судью и теперь вполнѣ убѣдился, что они вѣрны, такъ какъ ему, самому уряднику, письмоводитель судьи отказалъ въ выдачѣ копіи съ рѣшенія по дѣлу казака Верещака, для передачи заинтересованному лицу. Въ заключеніе урядникъ объявилъ, что о незаконныхъ дѣйствіяхъ мироваго судьи онъ составилъ протоколъ, который представилъ прокурору для возбужденія преслѣдованія противъ судьи. Можетъ-ли дерзость нахала идти дальше этого?

Если урядники предъ лицомъ священника и мироваго судьи не стѣсняются разыгрывать изъ себя роль грознаго начальства, то само собою понятно, какъ свысока, по начальнически, относятся они къ крестьянскимъ общественнымъ учрежденіямъ и къ выборнымъ должностнымъ лицамъ сельскаго управленія. Они отлично поняли, что крестьянское сельское самоуправленіе, при зависимости его отъ полиціи и при неравноправности крестьянъ съ другими общественными классами, не имѣетъ никакихъ прочныхъ устоевъ для себя и представляетъ не болѣе, какъ декорацію для закрытія царящаго въ деревенской средѣ произвола. Это жалкое «самоуправленіе» не въ силахъ защитить мѣстное населеніе отъ злоупотребленій властью со стороны урядниковъ и сдерживать послѣднихъ въ предѣлахъ законности. Напротивъ, оно само нуждается въ защитѣ, по-

тому что урядники и съ нимъ продѣлываютъ такія же непозволительныя шутки, какъ и съ послѣднимъ изъ крестьянъ. Напримѣръ, изъ Винницкаго уѣзда, Подольской губерніи, пишутъ «Одесскому Вѣстнику», что тамъ «въ послѣднее время, начинаютъ повторяться чаще и чаще случаи, съ одной стороны, курьезныхъ, а съ другой, прискорбныхъ столкновеній между сельскими властями, какъ-то: сотскими и старостами. Дѣло въ томъ, что тѣ и другіе выбираются сельскими сходами, но въ то время, какъ старосты оказываются подчиненными старшинамъ и мировымъ посредникамъ, сотскіе видятъ свое начальство въ урядникахъ и становыхъ. Старосты выступаютъ въ роляхъ общественныхъ дѣятелей, сотскіе же признаютъ себя исключительно полицейскими чинами. Еще недалеко то время, когда и общественность и полиція въ селахъ жили мирно, идя рука объ руку въ исполненіи разныхъ деревенскихъ обязанностей, но теперь, подъ вліяніемъ урядниковъ, здѣсь произошелъ расколъ, принимающій все болѣе и болѣе острую форму. Урядники, находя, что полицейская служба гораздо важнѣе и значительнѣе общественной, во всѣхъ столкновеніяхъ сотскихъ со старшинами не только энергически поддерживаютъ первыхъ, но и всегда выставляютъ на видъ превосходство подчиненныхъ имъ сельскихъ чиновъ предъ тѣми, которые подчинены волости. Въ нѣкоторыхъ селахъ это превознесенье однихъ служащихъ предъ другими приняло такіе размѣры, что урядники прямо рекомендуютъ сотскимъ, буде, по ихъ усмотрѣнію, окажется надобность, колотить старостъ и твердо вѣровать въ свою безнаказанность. Понятно, что предложенія эти почти всегда сопровождаются надлежащими иллюстраціями, въ которыхъ доля старостъ бываетъ не изъ завидныхъ". Съ волостными старшинами также идетъ война у урядниковъ, которые или доводятъ значеніе старшины до полнаго ничтожества, или же вступаютъ въ пререканія съ нимъ, если встрѣчаютъ отпоръ себѣ съ его стороны. Образцемъ такихъ пререканій можетъ служить случай, бывшій въ 1882 году въ селѣ Орѣховѣ-Зуевѣ, Владимірской губерніи, и послужившій поводомъ къ оживленной перепискѣ между уѣздной полиціей и крестьянскимъ присутствіемъ. Село Орѣхово находится въ районѣ Кудыкинской волости, въ которой введенъ налогъ съ крестьянъ въ пользу урядника, проживающаго въ Орѣховѣ, по 8 копѣекъ съ души. Этотъ сборъ замаскированъ подъ именемъ квартирныхъ денегъ, такъ какъ жалованье получается урядникомъ само собою изъ полицейскаго управленія. Когда

въ управленіе Кудыкинскою волостью вступилъ новый старшина Новиковъ, то онъ нашелъ сборъ въ пользу урядника излишне обременительнымъ для крестьянъ и безъ всякой церемоніи вычеркнулъ его, а квартиру уряднику отвелъ въ Орѣховѣ натурою, нанявъ ее по 4 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Недовольный вмѣшательствомъ старшины, урядникъ Каринскій созвалъ въ Орѣховѣ сходъ, а старшина составилъ объ этомъ актъ и препроводилъ куда слѣдуетъ. Вотъ изъ-за этого-то и возникла переписка между полиціей и крестьянскимъ присутствіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ посыпались доносы на старшину. Чтобы вполнѣ понять печальный смыслъ этого случая, нужно имѣть въ виду, что урядникъ не только не имѣетъ права созывать сходъ, но, по инструкціи министра внутреннихъ дѣлъ, ему строжайше запрещено всякое вмѣшательство во внутреннія дѣла крестьянскаго управленія. Однако урядникъ ничего этого знать не хочетъ. Въ деревнѣ онъ чувствуетъ свои руки ничѣмъ несвязанными и знать не хочетъ никакихъ инструкцій. Законы и инструкціи высшей власти безсильны тамъ, гдѣ правовая приниженность общественной среды пріучила мѣстныхъ агентовъ власти къ ничѣмъ несдерживаемому усмотрѣнію".

И въ самомъ дѣлѣ,—вѣдь урядникъ или становой приставъ представляютъ собою такія ничтожныя величины, сравнительно съ поставленною надъ ними дѣйствительно крупною властью, что, повидимому, они не должны бы смѣть пикнуть предъ нею, а не только ослушаться ее. Между тѣмъ въ деревенской глуши они держатъ себя такъ свободно и независимо отъ высшей власти, что, при видѣ ихъ дѣяній, невольно приходишь въ невыразимое изумленіе и отказываешься понять, что за безтолочь такая происходитъ предъ глазами. Приведемъ одинъ, наиболѣе разительный примѣръ того, какъ относится сельская полиція къ обязательнымъ для нея распоряженіямъ министра внутреннихъ дѣлъ. Циркуляръ бывшаго министра г. Макова, отъ 29 марта 1880 года, съ особенною силою преслѣдуетъ злоупотребленія полицейскихъ чиновниковъ въ отношеніи выборныхъ лицъ сельской полиціи. „Изъ имѣющихся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній видно,—сказано въ циркулярѣ,—что натуральныя повинности, значительно обременяя населеніе, подаютъ поводъ къ частымъ и весьма крупнымъ злоупотребленіямъ. По закону (ст. 1497 ч. I, т. II Св. Зак., изд. 1876 г., Общее учрежденіе уѣздной и городской полиціи), крестьяне обязаны, напримѣръ, наряжать еженедѣльно по одному десят-

скому къ становымъ приставамъ для разсылокъ и вообще для исполненія распоряженій по службѣ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности по нѣкоторымъ губерніямъ подобные десятскіе, или, по мѣстному выраженію, стойчики, наряжаются населеніемъ не только къ становымъ приставамъ, но также къ нѣкоторымъ исправникамъ, помощникамъ ихъ, помощникамъ и письмоводителямъ приставовъ, полицейскимъ управленіямъ, судебнымъ слѣдователямъ и мировымъ судьямъ. У нѣкоторыхъ становыхъ приставовъ такихъ стойчиковъ насчитывается до 40 и 50 человѣкъ. Въ большинствѣ случаевъ, эти стойчики употребляются тѣми лицами, при которыхъ они состоятъ, вмѣсто домашней прислуги и работниковъ. Наконецъ, иногда, вмѣсто поставки нѣкоторой части требуемыхъ отъ нихъ стойчиковъ, крестьянъ обязываютъ уплачивать денежный налогъ, достигающій въ нѣкоторыхъ губерніяхъ до 40,000 и 60,000 рублей". По требованію министра внутреннихъ дѣлъ, всѣ эти злоупотребленія должны быть прекращены и, повидимому, слѣдовало ожидать, что они немедленно прекратятся и воля министра будетъ свято исполнена подчиненными ему низшими чинами уѣздной полиціи. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно допустить предположеніе, чтобы становой приставъ осмѣлился не послушаться министра внутреннихъ дѣлъ и продолжалъ прежнія продѣлки съ десятскими и сотскими, столь рѣзко и сильно заклейменныя позоромъ въ циркулярѣ министра. Но у насъ все возможно,—возможно не только ослушаніе министерскаго циркуляра со стороны какой-нибудь отдѣльной личности изъ множества становыхъ приставовъ,—вѣдь въ семьѣ не безъ урода,—но возможно открытое заявленіе всего состава уѣздной полиціи въ губерніи, что она не желаетъ подчиняться распоряженію министра и, по прежнему, продолжаетъ пользоваться сотскими и десятскими, вмѣсто домашней прислуги, или же производитъ денежный сборъ съ волостей за освобожденіе крестьянъ отъ этой тяжелой, натуральной повинности. Въ 1882 году, т. е. черезъ два года послѣ циркуляра 29 марта 1880 года. въ „Смоленскомъ Вѣстникѣ" было напечатано слѣдующее сообщеніе: „Сотскіе и десятскіе, находясь на дежурствѣ у становыхъ приставовъ, исполняютъ роль разсыльныхъ, а также (не у всѣхъ приставовъ, но у многихъ) чистятъ сапоги барину, нянчаютъ дѣтей, рубятъ дрова, пашутъ, косятъ, словомъ—исполняютъ при квартирѣ пристава обязанности лакея, кухарки, работника и т. п. Такого рода служебное поприще сельскихъ должностныхъ лицъ слишкомъ мрачно и

обидно, особенно, если при этомъ принять во вниманіе, что сельскія власти, обращаясь на нѣкоторое время въ крѣпостныхъ людей пристава, живутъ на своихъ хлѣбахъ, т. е. питаются однимъ хлѣбушкомъ, принесеннымъ съ собою изъ роднаго угла. Многія земства принимали съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы натуральная повинность у приставовъ была замѣнена денежною; но только слишкомъ немногія земства достигли въ этомъ отношеніи цѣли. Сычевское уѣздное земское собраніе, вотъ уже два года, хлопочетъ по этому предмету и въ результатѣ пока получился одинъ нуль. Въ 1880 году собраніе положительно осудило эту повинность и ассигновало отъ 120 до 150 рублей на наемъ разсыльныхъ, вмѣсто дежурныхъ сельскихъ властей; но разумное и гуманное желаніе земцевъ осталось только на бумагѣ. Бывшій предсѣдатель земской управы г. Шиманскій доложилъ послѣднему земскому собранію, что онъ, согласно постановленію земскаго собранія, входилъ въ переговоры съ приставами о замѣнѣ натуральной повинности денежною, но встрѣтилъ отказъ въ томъ смыслѣ, что становымъ приставамъ положительно невыгодно согласиться на предложеніе земства, потому что, въ настоящее время, каждый становой приставъ, имѣя въ своемъ станѣ нѣсколько волостей, поступаетъ такимъ образомъ. Однѣ волости у него несутъ повинность натурою, т. е. ихъ полицейскіе десятники дежурятъ по нѣсколько дней при квартирѣ пристава; другія же волости избавлены отъ натуральной повинности и за такую милость платятъ въ карманъ пристава по 5—6 копѣекъ съ души, что въ общей сложности составляетъ изрядный кушъ. Послѣ такихъ объясненій со стороны предсѣдателя управы, непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ С. В. Самаринъ убѣдительно просилъ собраніе придти на помощь въ этомъ случаѣ крестьянамъ, и собраніе постановило ходатайствовать, предъ кѣмъ слѣдуетъ, о замѣнѣ натуральной повинности денежною". Все это сообщеніе не требуетъ никакихъ комментаріевъ и намъ остается только дополнить его указаніемъ, что когда былъ изданъ циркуляръ отъ 29 марта 1880 года, въ то время одни становые пристава злоупотребляли своимъ правомъ имѣть дежурныхъ сотскихъ и десятскихъ. Впослѣдствіи же не только становые пристава, но и урядники, на которыхъ не распространяется предоставленное становымъ приставамъ право въ отношеніи сотскихъ и десятскихъ, вполнѣ усвоили всѣ тѣ злоупотребленія, противъ которыхъ направленъ циркуляръ министра. Такъ, въ 1881 году

сообщали изъ Ставропольской губерніи, что общею чертою дѣятельности урядниковъ является война съ селомъ. Война эта начинается съ того, что урядникъ объявляетъ себя единственнымъ начальникомъ сельскихъ десятскихъ и сотскихъ и заявляетъ волостному или сельскому управленію, чтобы оно не смѣло употреблять десятскихъ и сотскихъ ни для исполненія распоряженій правленія, ни для приглашенія недоимщиковъ, ни для созыванія схода, и чтобы вообще оно не имѣло никакого отношенія къ десятскимъ и сотскимъ; для надобности же сельской службы урядникъ рекомендуетъ нанять или выбрать новыхъ десятскихъ. Такое притязаніе объясняется тѣмъ, что урядникъ часть десятскихъ обращаетъ въ своихъ работниковъ, а часть освобождаетъ отъ исполненія всякихъ обязанностей, конечно, за приличное вознагражденіе. Такой образъ дѣйствій урядниковъ ставитъ сельскія общества въ крайне затруднительное положеніе. Напримѣръ, въ селѣ Дивномъ должностныхъ лицъ 63, считая въ томъ числѣ 5 сотскихъ и 10 десятскихъ. Послѣ того, какъ урядникъ отобралъ себѣ десятскихъ и сотскихъ, сельскому обществу приходится выбрать для нуждъ собственно сельской службы еще 10—15 человѣкъ; между тѣмъ всѣхъ домохозяевъ, которыхъ можно выбирать на общественныя должности, считается около 150.

Избіеніе сельскихъ старостъ урядниками, обращеніе сельскихъ, выборныхъ, должностныхъ лицъ въ домашнюю прислугу становыхъ приставовъ и урядниковъ, низведеніе выборныхъ службы на степень тяжелой повинности, отъ которой волости стараются откупаться деньгами,—вотъ къ чему сведено у насъ сельское самоуправленіе, при тѣхъ неблагопріятныхъ для общественной самодѣятельности условіяхъ деревенскаго быта, которыя мы старались выяснить въ длинномъ рядѣ бытовыхъ картинъ, взятыхъ, преимущественно, изъ судебной практики. Чтобы лучше выяснить сущность этихъ неблагопріятныхъ условій, мы вездѣ проводили сравненіе между условіями городской и деревенской жизни и постоянно приходили къ тому заключенію, что между городомъ и деревнею существуетъ рѣзкая и глубокая разница въ смыслѣ полной необезпеченности обывательскихъ правъ въ деревнѣ, тогда какъ въ городѣ съ достаточною прочностью утверждены, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія изъ обывательскихъ правъ, такъ что здѣсь они не нарушаются въ такой грубой формѣ, какъ это мы видимъ въ деревнѣ. Безъ сомнѣнія, совокупность многихъ причинъ вызываетъ существованіе такой рѣзкой разницы въ сте-

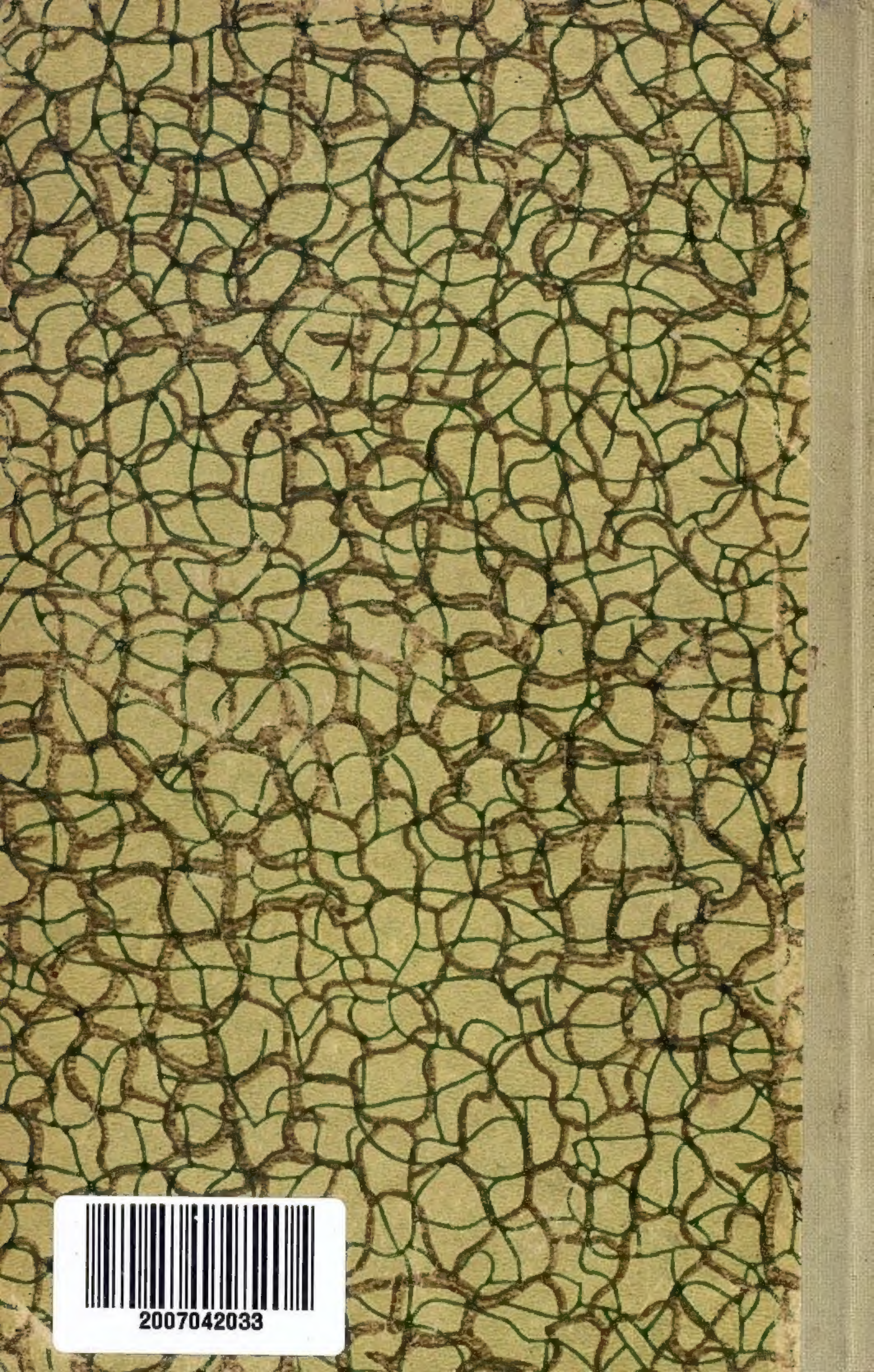
пени обезпеченности обывательскихъ правъ въ городѣ и деревнѣ. Изъ числа этихъ причинъ, въ особенности, слѣдуетъ упомянуть объ экономическомъ и культурномъ превосходствѣ города предъ деревнею, вслѣдствіе чего городскіе жители имѣютъ въ своемъ распоряженіи больше средствъ, сравнительно съ деревенскими жителями, для отстаиванія неприкосновенности своихъ правъ. Но, кромѣ этого, есть и еще обстоятельство, сообщающее громадное преимущество городупредъ деревнею. Это—оставшаяся, какъ наслѣдіе отъ крѣпостнаго права, неравноправность крестьянъ, населяющихъ деревни, съ привиллегированными классами, осѣвшими преимущественно въ городахъ. Показать, къ чему ведетъ эта неравноправность, составляющая и сама по себѣ величайшую юридическую неправду, а въ результатѣ дающая безправіе однихъ и произволъ другихъ, т. е. такой порядокъ, который составляетъ фактическое отрицаніе права,—вотъ что было нашею задачею въ настоящемъ очеркѣ.

Но если мы говоримъ, что причины неблагопріятныхъ для общественной самодѣятельности условій деревенскаго быта заключаются въ экономическомъ и культурномъ превосходствѣ города предъ деревнею, вызывающемъ меньшую обезпеченность обывательскихъ правъ въ деревнѣ сравнительно съ городомъ, то правовое уравненіе крестьянъ съ другими общественными классами можетъ-ли оказать вліяніе на измѣненіе къ лучшему этихъ условій? Этотъ вопросъ невольно приходитъ въ голову, потому что многіе чрезмѣрно умаляютъ значеніе правовыхъ условій и даже совершенно игнорируютъ ихъ, сосредоточивъ все свое вниманіе на однихъ лишь экономическихъ и культурныхъ условіяхъ. Но этотъ взглядъ страдаетъ такою же односторонностью, какъ и противоположное ему преувеличиваніе значенія правовыхъ условій до полнаго забвенія экономическихъ и культурныхъ условій. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ и правовыя, и культурныя, и экономическія условія находятся въ тѣснѣйшей связи и взаимной зависимости между собою. Съ одной стороны экономическія и культурныя условія служатъ основою всякаго правоваго порядка, приспособляя его къ своимъ нуждамъ, такъ что онъ служитъ оплотомъ, поддерживающимъ неприкосновенность существованія ихъ. Поэтому измѣненія въ правовыхъ условіяхъ будутъ лишены всякаго значенія, если, вмѣстѣ съ тѣмъ, не произойдетъ соотвѣтвѣтствующихъ измѣненій въ экономическихъ и культурныхъ условіяхъ. Но, съ другой стороны, если правовыя условія слу-

жать оплотомъ для существованія экономическихъ и культурныхъ условій, то ясно, что никакого существеннаго измѣненія въ послѣднихъ не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся правовыя условія, и притомъ измѣнятся въ направленіи, благопріятствующемъ измѣненію экономическихъ и культурныхъ условій. Къ сожалѣнію, эту-то послѣднюю цѣль измѣненія правовыхъ условій мы сплошь да рядомъ упускаемъ изъ вида.

2007042033